
НЕ КОПИРОВАТЬ

СВѢТИЛА НАУКИ.

УЧЕНЫЕ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ И ВРЕМЕНЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

СВѢТИЛА НАУКИ

ОТЪ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Жизнеописанія знаменитыхъ ученыхъ и краткая оцѣнка ихъ трудовъ.

сочиненіе **ЛУИ ФИГЬЕ.**

Съ двѣнадцатью портретами и гравюрами,

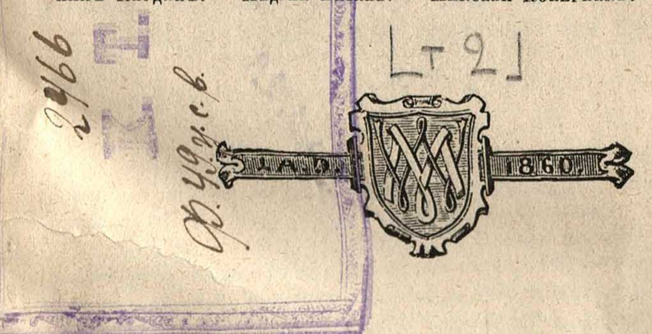
снятыми съ древнихъ памятниковъ гг. ВЕРАСЪ, ДЕ БАРЪ и др.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

подъ редакціею **Д. АВЕРКІЕВА.**

ВЕЛИКІЕ УЧЕНЫЕ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ И ВРЕМЕНЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ:

Геберъ. — Авицена. — Аверроесъ. — Альбертъ Великій. — Рожеръ Баконъ. — Раймундъ Люллій. — Іоганнъ Гутенбергъ. — Фустъ и Шефферъ. — Христофоръ Колумбъ. — Америго Веспуцій. — Парацельсъ. — Рамусъ. — Бернаръ Палисси. — Іеронимъ Карданъ. — Андрей Везаль. — Николай Коперникъ. — Тихо Браге.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, домъ Рудакова.*

1871.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, Д. № 59).

СОСТОЯНІЕ НАУКЪ У АРАБОВЪ

СО ВЗЯТІЯ АЛЕКСАНДРІИ ДО XIII СТОЛѢТІЯ.

Въ началѣ седьмаго вѣка нашего лѣтосчисленія, въ Аравіи началось религіозное движеніе, которое скоро сказалось въ половинѣ Азіи и Африки и части южной Европы.

Начинателемъ и главою этого движенія былъ, какъ извѣстно, Магометъ, сперва простой управляющій въ богатомъ домѣ, потомъ признанный своими послѣдователями за пророка [1]).

Магометъ умеръ въ Мединѣ въ 632. Его преемники-калифы одерживали побѣду за побѣдой. Съ кораномъ въ одной рукѣ, и мечомъ въ другой,—они послѣдовательно покорили Персію, Сирію, Египетъ, наконецъ Испанію. Въ 713 году, вся Испанія была уже въ ихъ власти. Какъ извѣстно, они проникали даже въ Галлію.

---

[1]) Въ началѣ этого тома мы помѣщаемъ портретъ Магомета, сдѣланный согласно съ описаніями современниковъ. Вотъ сводъ этихъ описаній, сдѣланный г. Бартелеми Сентъ-Илеромъ въ его книгѣ о Магометѣ:

„Онъ былъ росту выше средняго; крѣпко сложенъ, плечистъ, съ сильною грудью; руки и ноги были необыкновенно развиты, какъ и весь остовъ; шея длинная, бѣлая и очень красивая; большая голова; хорошо развитый лобъ; носъ слегка согнутый со вздернутымъ концомъ; широкій ротъ, чрезвычайно бѣлые зубы; вена, между тонкими бровями, постоянно раздувалось, когда онъ волновался; черные блестящіе глаза, съ длинными рѣсницами; густые, черные какъ смоль волосы ниспадали кудрями на плеча; густая борода и усы. Какъ часто бываетъ съ сильными людьми, онъ держался сутуловато; походка у него была быстрая и легкая, но казалась тяжелой и неуклюжей. Лицо его было привѣтливо, хотя онъ рѣдко глядѣлъ въ глаза собесѣднику. Вся фигура его была спокойная и самоувѣренная; цвѣтъ лица ни черенъ ни блѣденъ; кожа гладкая, хотя загорѣлая. Словомъ, въ его наружности, хотя онъ не былъ красавцемъ въ полномъ смыслѣ слова, было много привлекательнаго.“

Было бы ошибочно считать арабовъ, современниковъ Магомета, совершенно варварскимъ народомъ. Точно также ошибочно думать, что они жестоко обращались съ покоренными народами. Арабы, въ этомъ послѣднемъ отношенiи, не походили на римлянъ. Арабы покоряли народы ради распространенiя алькорана, а не ради грабежа. Порой они сжигали богословскiя книги; но у нихъ не было систематическаго желанiя разрушать все. Извѣстно, что римляне въ Италiи, Сицилiи, Карѳагенѣ и другихъ мѣстахъ сожгли множество ученыхъ, литературныхъ и историческихъ сочиненiй, и что крестоносцы уничтожили на Востокѣ много богатыхъ книгохранилищъ. Но не таковы были арабы. Въ I томѣ нашего сочиненiя мы показали, что обвиненiе арабовъ въ сожженiи Александрiйской библiотеки не выдерживаетъ критики. Напротивъ, слѣдуетъ полагать, что позднѣйшiе арабскiя библiотеки составились изъ разрозненной Александрiйской.

Въ то время, когда арабы стали распространяться въ Азiи, Африкѣ и по островамъ Средиземнаго моря, языческая цивилизацiя была въ полномъ упадкѣ. Творческiй духъ, созидающiй и двигающiй впередъ науку и искусства, угасъ не только въ Грецiи и Италiи, но и въ Александрiи.

Сдѣлавшись могучимъ народомъ, арабы тщательно собирали памятники наукъ и искусствъ, драгоцѣнные остатки которыхъ существовали еще въ Египтѣ и Грецiи. Арабы стали устраивать библiотеки, музеи, естественно-историческiе кабинеты. Они основывали училища, академiи, обсерваторiи. Они не обращали вниманiя на греческую литературу, столь чуждую имъ по духу; но они переводили ученыя сочиненiя греческихъ философовъ. Они занялись изученiемъ астрономiи, естественной исторiи, математики и въ особенности медицины, заключавшейся въ сочиненiяхъ Иппократа и Галена. Лучшiя научныя сочиненiя были переведены, комментированы и дополнены первостепенными учеными.

Калифы покровительствовали торговлѣ, выгоды которой хорошо понимали. У нихъ былъ торговый и военный флотъ. Вскорѣ арабы, сухимъ путемъ и моремъ, вступили въ сношенiя со всѣми образованными народами. Они проникли въ Индiю, Китай, Японiю, и вывезли оттуда драгоцѣнныя свѣдѣнiя, незнакомыя грекамъ.

Въ Персію и Сирію греческія науки и искусства проникли раньше владычества арабовъ. Въ Эдессѣ несторіанцами было основано въ V вѣкѣ огромное училище. Сочиненія Аристотеля, Өеофраста, Галена, Діоскорида и другихъ были извѣстны въ Персіи и Сиріи, когда туда вторглись арабы. Сочиненія эти были переведены и быстро распространились отъ Индіи до Испаніи, отъ береговъ Тигра до береговъ Гвадалквивира.

Это великое цивилизаціонное движеніе стало обнаруживаться въ восьмомъ вѣкѣ. Почти одновременно Карлъ Великій учредилъ школы во Франціи, и Аль-Мансоръ основалъ университетъ въ Багдадѣ.

Багдадъ, древне-халдейскій городъ, на восточномъ берегу Тигра, въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ мѣстоположеній,—въ нѣсколько лѣтъ сталъ цвѣтущей столицей. Онъ обязанъ калифамъ своимъ великолѣпіемъ, любовью къ наукамъ и изяществомъ въ нравахъ. Современные восточные поэты называли Багдадъ *столицей міра*.

Благодаря калифамъ Аль-Мансору, Гарунъ-аль-Рашиду Аль-Мамуну и многимъ другимъ, любившимъ литтературу и науку и даже съ успѣхомъ занимавшимся ими, багдадская арабская школа быстро расцвѣтала. Въ девятомъ вѣкѣ по Р. Х., она достигла своего высшаго развитія.

Аль-Мамунъ построилъ въ Багдадѣ астрономическую обсерваторію. По его повелѣнію, для опредѣленія истинныхъ размѣровъ земли, была измѣрена длина дуги меридіана въ долинахъ Сенаарскихъ. Конечно, багдадскіе астрономы, при тогдашнемъ состояніи науки, получили только приблизительную величину измѣряемой дуги.

Аль-Мамунъ, сынъ Гарунъ-аль-Рашида, былъ человѣкъ учености замѣчательной. Про него разсказываютъ, что, побѣдивъ Михаила III, императора Константинопольскаго, онъ предложилъ ему миръ на условіи, чтобы императоръ позволилъ собрать, для перевода на арабскій языкъ, всѣ, непереведенныя еще, философскія сочиненія, какія найдутся въ Греціи.

Въ началѣ одинадцатаго вѣка, багдадская школа мало-по-малу стала упадать и наконецъ совершенно пала. Причиной тому были безпрерывныя войны, кончившіяся раздѣленіемъ обширной арабской имперіи на маленькія султанства. Но свѣточъ науки не угасъ

среди ужасовъ войны. Онъ былъ только перемѣщенъ изъ Азіи, сперва въ Африку и затѣмъ въ Испанію.

Тогда образовалась каирская школа. Утверждаютъ, что въ каирской библіотекѣ было до шести тысячъ рукописей по астрономіи и математикѣ.

Каирская школа основана Эбнъ-Юнисомъ, умершимъ въ 1007 г. Знаменитѣйшимъ изъ его преемниковъ былъ Гассемъ-бенъ-Гакемъ, астрономъ, написавшій болѣе восьмидесяти сочиненій, сдѣлавшій множество астрономическихъ наблюденій и составившій коментарій на птоломеевъ *Альмагестъ*.

О работахъ арабскихъ ученыхъ египетской и западно-африканской школы нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

Испанія, завоеванная арабами, быстро сдѣлалась центромъ блестящей цивилизаціи. Въ Гренадѣ, Кордовѣ, Толедо воздвиглись великолѣпные дворцы, блестящіе золотомъ и мраморомъ; но еще больше чѣмъ богатствомъ, зданія замѣчательны изяществомъ и вкусомъ.

Во всѣхъ большихъ городахъ, занятыхъ или управляемыхъ арабами, были школы, переполненныя учениками. Училище въ Кордовѣ стало славно не только во всей Европѣ, но и въ большей части Азіи. Туда съѣзжались со всѣхъ сторонъ слушать знаменитыхъ профессоровъ, ученыхъ, художниковъ, врачей. Туда стремились изъ Египта, Персіи, даже изъ славнаго своей ученостью Багдада. Арабская цивилизація распространилась бы по всей Европѣ, еслибы арабы не были изгнаны изъ Испаніи: доказательствомъ этому служитъ, что знаменитые католики, порою даже принцы, отправлялись въ Кордову, чтобы посовѣтоваться съ учеными, или лечиться у арабскихъ врачей.

Въ Кордовѣ было тогда до трехсотъ тысячъ жителей. Школы обогащали городъ. Дворцы, мечети, памятники,—все показывало, что Кордова метрополія наукъ и искусствъ. Большая мечеть, построенная въ 770 г., въ правленіе Абдерама, была огромнымъ зданіемъ, поддерживаемымъ цѣлымъ лѣсомъ мраморныхъ, гранитныхъ и порфирныхъ колоннъ. Въ ней было девятнадцать нефъ, упирающихся въ равное число бронзовыхъ дверей. Внутренность мечети была освѣщена тысячью семьюстами лампъ.

На Востокѣ цивилизація достигла своего апогея, когда начались крестовые походы; она погибла въ тѣхъ странахъ, гдѣ была война. Но въ Сиріи, Персіи, Испаніи и даже Египтѣ, долгое время спустя, еще занимались науками и искусствами. Читая сочиненія Казири [1]), Гербело [2]), Льва Африканца [3]) и многихъ другихъ, нельзя не удивляться, что въ странахъ, гдѣ книгопечатаніе не существовало, было такое множество ученыхъ и литературныхъ книгъ. Пробѣгая каталогъ, сохраняющійся нынѣ въ эскуріальской библіотекѣ, поражаешься громаднымъ количествомъ арабскихъ писателей, родившихся въ одной Испаніи, и количествомъ сочиненій, написанныхъ ими.

Сдѣлавъ краткій историческій очеркъ развитія различныхъ арабскихъ школъ въ Азіи, Африкѣ и Испаніи, мы теперь съ бо́льшей подробностью разсмотримъ развитіе различныхъ отраслей точныхъ наукъ у арабовъ.

Кювье [4]), Бленвиль [5]) и Геферъ [6]) говорятъ, что научныя открытія арабовъ въ далекой степени не соотвѣтствуютъ ихъ любви къ ученію. Но это мнѣніе требуетъ оговорки. Арабамъ надобно было сперва собрать матеріалы, затѣмъ разсмотрѣть, изучить и перевести произведенія древней учености. Къ доставшимся имъ отъ грековъ книгамъ, они прибавили другія, не менѣе ученыя, даже въ нѣкоторыхъ частяхъ болѣе ученыя, какъ мы скоро увидимъ, книги, привезенныя арабскими торговцами и путешественниками изъ Индіи. Замѣтимъ еще, что время, протекшее между ихъ вторженіемъ въ Испанію и изгнаніемъ изъ этой страны, было слишкомъ коротко сравнительно съ потребнымъ для правильнаго развитія цивилизаціи, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

И все-таки нужно сознаться, что мы обязаны арабамъ множествомъ открытій по химіи, естественной исторіи, медицинѣ,

---

[1]) Bibliotheca hispana escurialensis.
[2]) Bibliotheca orientalis.
[3]) De Arabis medicis et philosophis.
[4]) Histoire des sciences naturelles.
[5]) Histoire des sciences d'organisation.
[6]) Histoire de la chimie.

астрономіи и даже въ ремеслахъ, и что безъ нихъ, весьма вѣроятно, Европа долгое время оставалась бы погруженной въ варварство.

Арабы получили отъ грековъ геометрію, отъ египтянъ химію, отъ Птоломея астрономическія свѣдѣнія, отъ Аристотеля, Θеоѳраста, Діоскорида—ихъ философскія и естественно-историческія знанія. Они составляли энциклопедіи по образцу Аристотеля. По повелѣнію калифовъ, были учреждены коллегіи переводчиковъ въ Египтѣ, Азіи и Испаніи.

Разсмотримъ теперь, раздѣльно по предметамъ, состояніе научныхъ знаній у арабовъ.

Математика и астрономія. Остроумная система нумераціи, основа нашей новѣйшей ариѳметики, то есть десятичная система, какъ всякому извѣстно, была долгое время въ общемъ употребленіи у арабовъ, прежде чѣмъ перешла къ намъ. Но мало вѣроятія, что она изобрѣтена самими арабами. Въ ихъ собственныхъ сочиненіяхъ есть доказательства противнаго. Многія изъ ихъ сочиненій заглавлены: *Счисленіе Индійцевъ*, *Искусство счисленія у Индійцевъ и т. д.* Альсефади, въ своемъ комментаріи на знаменитую поэму Тограи, говоритъ, что индійскій народъ славится тремя вещами: собраніемъ басенъ, способомъ счисленія и шахматной игрой [1]). Тоже подтверждается другими свидѣтельствами. Правда, начертанія индійскихъ цифръ нѣсколько разнятся отъ нашихъ, но ихъ десять числомъ, и между ними есть одна, соотвѣтствующая нашему нулю.

Алгебра, въ собственномъ смыслѣ, была извѣстна въ Индіи въ незапамятныя времена. Оттуда-то и вывезли ее арабы.

Въ индійской алгебрѣ, по г. Либри, *неизвѣстныя* обозначаются начальными буквами названій различныхъ цвѣтовъ; ирраціональныя количества выражаются особымъ знакомъ и алгебраическая безконечность единицей, дѣленной на нуль, $^1/_0$, какъ и у насъ.

Въ царствованіе Аль-Мамуна, арабскій ученый Магомедъ-бенъ-Муза составилъ *общепонятную алгебру*, въ которой рѣшилъ нѣсколько вопросовъ при помощи индійскихъ методъ.

---

[1]) *Montucla.* Histoire des mathématiques, tome I.

Первымъ арабскимъ алгебристамъ, кажется, былъ не извѣстенъ Діофантъ, ибо въ ихъ время не были еще переведены сочиненія этого александрійца. Изъ переводовъ Діофанта арабы впервые познакомились съ неопредѣленнымъ анализомъ. Бенъ-Муза рѣшалъ неопредѣленныя уравненія первыхъ двухъ степеней и нѣсколько задачъ, гдѣ приложенъ способъ исключенія.

Индійскія сочиненія Брахмегупты и Бхаскары содержатъ изысканія высшаго порядка, чѣмъ вся алгебраическая наука грековъ. Способъ выводить изъ одного рѣшенія всѣ другія рѣшенія неопредѣленнаго уравненія второй степени, былъ извѣстенъ въ Индіи болѣе десяти вѣковъ, когда Эйлеръ открылъ его въ Европѣ въ прошломъ столѣтіи.

Г. Либри говоритъ, по поводу двухъ памятниковъ индійской алгебры, сочиненій Брахмегупты и Бхаскары Акаріи (изъ коихъ первое переведено г. Кольбрукомъ въ 1817, а другое Тейлеромъ въ 1816):

Надо сознаться, не смотря на всю нашу западную гордость, что еслибы эти сочиненія были извѣстны шестьдесятъ, или восемьдесятъ лѣтъ раньше, даже по смерти Ньютона и при жизни Эйлера, то они могли бы подвинуть у насъ успѣхъ алгебраическаго анализа [1].

Извѣстно также, что въ Индіи алгебраическіе методы были весьма замѣчательнымъ образомъ приложены къ геометріи. Арабы, въ свою очередь, занимались этой важной частью математики. Они вѣроятно получили отъ индійцевъ глубокія математическія изслѣдованія, но ихъ свѣдѣнія не могли сразу подняться на ту степень, которая требовалась для пониманія этихъ изслѣдованій, и вѣроятно, что паденіе арабской цивилизаціи началось раньше чѣмъ сказанныя изслѣдованія были переведены на арабскій языкъ [2]).

Монтукла упрекаетъ арабовъ за то, что въ изученіе математическихъ наукъ они внесли „рабскій духъ", но онъ же сознается, что у арабовъ была мысль прилагать алгебру къ геометріи. Они умѣли рѣшать уравненія степеней высшихъ второй, потому что одинъ изъ ихъ ученыхъ, Омаръ-бенъ-Ибрагимъ, обнародовалъ

---

[1]) Histoire des sciences mathématiques en Italie in 8°. Paris, 1838, tome I, p. 126.
[2]) Libri. Loco cit. tome I, p. 133.

сочиненіе подъ заглавіемъ: *Кубическія уравненія*, или рѣшенія задачъ геометріи трехъ измѣреній.

Индійскія книги, съ которыми мы нѣсколько познакомились по позднѣйшимъ англійскимъ переводамъ, наполнены любопытными замѣчаніями по части физики, естественной исторіи и другихъ важныхъ отдѣловъ наукъ. Арабы узнали отъ индійцевъ и китайцевъ большую часть тѣхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній, которыя впослѣдствіи распространили по Европѣ. Ученѣйшіе миссіонеры, жившіе въ Китаѣ въ продолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, утверждаютъ, что въ этой странѣ искусства и науки достигли огромнаго развитія еще въ глубокую древность [1]).

Изъ Китая получены первыя свѣдѣнія о ксилографическомъ печатаніи, о гравюрѣ, о фабрикаціи фарфора, бумаги, шелковыхъ тканей и т. п. Китайцамъ же мы обязаны за буравленые колодцы, механическія сѣялки, висячіе мосты, компасъ, за идею освѣщенія газомъ, и пр., и пр. Странные предразсудки, существующіе въ Европѣ противъ китайцевъ, мѣшаютъ намъ съ пользою извлекать факты и наблюденія, записанные въ ихъ обширныхъ энциклопедіяхъ.

Рожеръ Бэконъ, въ тринадцатомъ столѣтіи, почерпнулъ идею чудесныхъ изобрѣтеній, о которыхъ онъ говоритъ столь утвердительно, именно въ арабскихъ переводахъ нѣкоторыхъ китайскихъ и индійскихъ сочиненій. „Эти вещи, нѣсколько разъ повторяетъ онъ, не химеры, а дѣйствительно существуютъ. Я зналъ изобрѣтателей“.

Китайцы знали компасъ за двадцать семь вѣковъ до христіанской эры, въ царствованіе Чингъ-Вана. Клапротъ обнародовалъ на счетъ изобрѣтенія компаса сочиненіе, гдѣ находятся драгоцѣнныя выписки изъ *Китайскихъ Лѣтописей*, называемыхъ *Тонгъ-Кіанъ-Кангъ*. Точно также, китайцы знали гораздо раньше европейцевъ о склоненіяхъ магнитной стрѣлки.

Г. Либри въ *Исторіи математическихъ наукъ въ Италіи* [2]) ссылается на китайскія сочиненія, въ которыхъ можно найти

---

[1]) Lettres édifiantes, mémoires sur les Chinois, etc.

[2]) 18-ое примѣчаніе перваго тома.

свѣдѣнія о древнихъ открытіяхъ. Описаніе висячихъ мостовъ на желѣзныхъ цѣпяхъ находится въ описаніи путешествія въ Тибетъ, предпринятомъ въ 518 г. (нашей эры) тремя благочестивыми китайцами. Въ томъ же сочиненіи сказано, что общественная помощь противъ пожаровъ была устроена въ Китаѣ въ одинадцатомъ вѣкѣ. Арабы, въ девятомъ вѣкѣ, нашли въ Китаѣ почты и паспорты. Одинъ персидскій историкъ четырнадцатаго вѣка съ подробностью описываетъ, какъ въ Китаѣ печатаютъ книги. Отъ нихъ, вѣроятно, ксилографія или печатаніе съ вырѣзанныхъ досокъ перешла въ Европу.

Г. Либри разсматриваетъ *Суанъ-фатонгъ-цонгъ*, единственное математеческое сочиненіе, нашедшее путь въ Европу. Въ этомъ трактатѣ есть ариѳметика, геометрія и часть алгебры. Онъ изъ него дѣлаетъ подробныя выписки. Эдуардъ Біо [1]) также приводитъ весьма любопытныя подробности, заимствованныя изъ того же сочиненія, объ *ариѳметическомъ треугольникѣ* китайцевъ, о томъ, какъ китайцы обозначаютъ степени и т. д. Это элементарное сочиненіе, въ которомъ говорится о способахъ исключенія, объ уравненіяхъ второй степени, объ индійскихъ методахъ Брахмегупты и т. д.

Первые арабскіе ученые начали съ изученія астрономіи грековъ. Затѣмъ, къ этимъ свѣдѣніямъ они постепенно прибавили заимствованныя отъ персовъ, отъ индійцевъ и китайцевъ, и наконецъ результаты ихъ собственныхъ наблюденій и изученій. Уже въ восьмомъ вѣкѣ, говоритъ Деламбръ, они ввели свою астрономію въ Испанію, и съ тѣхъ поръ явилось много арабскихъ ученыхъ, замѣчательныхъ своей ученостью.

Галлей и Балльи съ похвалою упоминаютъ объ Албатегніи (Магомедъ-бенъ-Гіаберъ), арабскомъ принцѣ, который въ девятомъ вѣкѣ старался придать болѣе точности работамъ Иппарха и Птоломея. Онъ открылъ движеніе солнечнаго апогея, — открытіе, которое будетъ оцѣнено по достоинству, когда фактъ перемѣщенія солнца въ пространствѣ будетъ утвержденъ на болѣе широкихъ и вѣрныхъ данныхъ, чѣмъ теперь.

Албатегній старался также точно опредѣлить положеніе

---

[1]) Journal des Savants, май 1835.

звѣздъ. Лаландъ [1]) причисляетъ его къ двадцати знаменитѣйшимъ астрономамъ, когда-либо существовавшимъ.

Упомянемъ еще о слѣдующемъ фактѣ, который находимъ у Гейда [2]).

Въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ, разсказываетъ онъ, длина солнечнаго года не повѣрялась въ Персіи, какъ царь Меликъ-Шахъ собралъ въ своемъ дворцѣ всѣхъ астрономовъ, получавшихъ содержаніе отъ государства, и предписалъ имъ спеціально заняться исправленіемъ календаря. По истеченіи времени, необходимаго для полученія съ достаточнымъ приближеніемъ требуемаго результата, астрономъ Омаръ-Хейемъ объявилъ, что на основаніи наблюденій и вычисленій, длина солнечнаго года равна 365 днямъ, 5 часамъ 48′ 48″. Эта же величина, съ разницею на три, четыре секунды, принимается и теперешнимъ календаремъ.

Физика. — Арабы не пренебрегали физикой. Альгазенъ, въ одиннадцатомъ вѣкѣ, написалъ *Трактатъ объ оптикѣ* въ семи книгахъ, въ которыхъ формулированы законы отраженія и преломленія. Мы видимъ звѣзды, говоритъ Альгазенъ, когда онѣ ниже горизонта, нѣсколькими секундами раньше восхода, и нѣсколько мгновеній по ихъ закатѣ, когда онѣ уже зашли за горизонтъ—вслѣдствіе явленій атмосферическаго преломленія. Вслѣдствіе же преломленія, свѣтъ, разлагаясь въ облакахъ, образуетъ различные блестящіе оттѣнки, замѣчаемые особенно утромъ и вечеромъ.

Арабы много писали по физикѣ и особенно по астрономіи, но большая часть ихъ спеціальныхъ трактатовъ не дошла до насъ. Рукопись книги Альгазена открыта только недавно.

Старинная наука знала множество вещей, открытіе которыхъ приписывается новѣйшей. Одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ, Деламбръ, котораго нельзя упрекнуть въ пристрастіи къ древней цивилизаціи, говоритъ [3]), что по нѣкоторымъ мѣстамъ арабскихъ книгъ можно не безъ основанія предположить, что арабы умѣли измѣрять время при помощи колебаній маятника.

---

[1]) Abrégé de l'astronomie, p. 22.
[2]) De Relat. veter. Pers., p. 209.
[3]) Astronomie du moyen âge, p. 9.

Г. Геферъ [1]) упоминаетъ объ одномъ арабѣ десятаго вѣка, Салманѣ, писавшемъ по метеорологіи и отъ котораго осталась рукопись о *сфероидальномъ или сферическомъ градѣ* [2]). Пробѣгая длинный списокъ арабскихъ сочиненій у Готтингера [3]) и Гербело [4]), находимъ заглавія огромнаго числа трактатовъ по астрономіи и астрономическихъ таблицъ, „Но, говоритъ Деламбръ, мы имѣемъ весьма неполные памятники астрономическихъ работъ арабовъ, ибо большая часть *ихъ сочиненій намъ совершенно неизвѣстна*". По Вейдлеру [5]) въ одной оксфордской библіотекѣ хранится четыреста арабскихъ рукописей, наполненныхъ астрономическими наблюденіями.

Къ числу наукъ, получившихъ большее развитіе у арабовъ, слѣдуетъ причислить географію. По Шпренгелю [6]), калифы, во время завоеваній, повелѣвали своимъ полководцамъ строить обсерваторіи и составлять точное описаніе вновь покоренной страны.

Арабы изстари заботились о распространеніи своей торговли и сношеній со всѣми образованными народами. По Малтобруну [7]), въ восьмомъ вѣкѣ, они направились въ Китай, куда одинъ изъ ихъ калифовъ послалъ посольство въ 704—715 г. Въ десятомъ вѣкѣ, арабъ Массонди сдѣлалъ описаніе главнѣйшихъ странъ свѣта, въ сочиненіи, странно озаглавленномъ—„*Золотые луга и рудники драгоцѣнныхъ камней*" [8]). Около половины двѣнадцатаго вѣка, шерифъ Аль-Эдризи, жившій въ Сициліи, написалъ „*Географическое отдохновеніе*". Это сочиненіе содержитъ объясненіе серебрянаго глобуса, вѣсившаго 800 марокъ, сдѣланнаго по повелѣнію короля сицилійскаго Рожера, ради изображенія земли [9]). Въ тринадцатомъ вѣкѣ, Касвини, о которомъ намъ скоро придется говорить, какъ о естествоиспытателѣ, очевидно, не могъ бы

---

[1]) Histoire de la Chimie, 1-er vol, pag. 298 et 326.
[2]) Manuscrt grec, Bibliothèque impérial, n° 2,249.
[3]) Bibliothèque orientale.
[4]) Bibliothèqe orientale.
[5]) Histoire astronomique.
[6]) Histoire des découvertes.
[7]) Géographie universelle.
[8]) Notices et extraits manuscrits de la bibliothèque impériale.
[9]) Hudson Géogr, des mines. Casiri, Bib. arabico—hispana Escurial.,

написать своего большаго сочиненія «*Описаніе вселенной и исторіи ея обитателей*», не написавъ въ тоже время цѣлаго трактата по географіи.

Въ томъ же вѣкѣ, Абдалла-Тифъ написалъ *Отчетъ о Египтѣ*, сочиненіе переведенное Саси, и въ которомъ находится множество любопытныхъ и точныхъ замѣтокъ о египетскихъ произведеніяхъ.

Въ четырнадцатомъ вѣкѣ, сирійскій князь, Абульфеда, человѣкъ весьма ученый, писалъ по различнымъ частямъ человѣческихъ знаній. Изъ его сочиненій въ Европѣ обнародаваны только два: «*Исторія рода человѣческаго*», отъ сотворенія міра до четырнадцатаго вѣка нашей эры, и географія, носящая заглавіе «*Книга объ истинномъ мѣстоположеніи странъ*». Авторъ начинаетъ свою книгу изложеніемъ географической системы Востока. Затѣмъ онъ дѣлаетъ топографическое и статистическое описаніе земель и городовъ. Онъ обозначаетъ широту и долготу главныхъ мѣстъ и т. д.

Въ томъ же вѣкѣ, знаменитый путешественникъ, Ибнъ-Батута отправился на свою родину въ Танжеръ и послѣдовательно объѣхалъ Египетъ, Сирію, Аравію, Татарію, Персію, Индію и Китай. Возвратясь въ Африку, онъ перебрался черезъ Атласъ и достигъ Томбукту, города, который не разъ отыскивали новѣйшіе путешественники и который былъ найденъ въ нашемъ столѣтіи Каллье.

Арабы написали много отчетовъ о путешествіяхъ, множество географическихъ описаній и т. д., но большая часть этихъ сочиненій пропала, а оставшіяся мало извѣстны въ Европѣ.

Химія. Химіей арабы занимались съ большей послѣдовательностію и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ другими науками. Можно сказать даже, что они основатели химіи. Геберъ былъ первымъ химикомъ, достойнымъ этого имени, по своимъ работамъ, открытіямъ и сочиненіямъ. Мы скажемъ объ этомъ подробнѣе въ біографіи этого ученаго.

Естественно-историческія науки. По ботаникѣ, арабы много заимствовали у Ѳеофраста и Діоскорида. Но они прибавили двѣ тысячи видовъ къ описаннымъ у Діоскорида.

Мы обязаны арабамъ за употребленіе ревеня, тамариндоваго порошка, кассіи, манны, александрійскаго листа, миробалана и камфоры. Они предпочитали сахаръ бывшему во всеобщемъ употребленіи у древнихъ меду; они составляли на сахарѣ различные сиропы, прохладительные напитки, лѣкарственныя капли и т. п.

Аптекарское дѣло было въ большомъ почетѣ у арабовъ. Правительство имѣло за нимъ тщательный надзоръ.

Арабы же первые ввели въ употребленіе ароматическія вещества.

Ботаника, какъ видно изъ сказаннаго, изучалась у нихъ ради приложенія къ медицинѣ и земледѣлію.

Арабы впервые узнали большинство персидскихъ, индійскихъ и китайскихъ растеній, неизвѣстныхъ греческимъ и латинскимъ естествоиспытателямъ.

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ арабскихъ ботаниковъ считается Альфараби, у котораго учился Авицена.

Альфараби писалъ по различнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній и отъ него осталась рукопись по части ботаники. Въ этомъ сочиненіи, авторъ говоритъ, что *растенія дышатъ корою и листьями*. Въ эскуріальской библіотекѣ есть рукопись, заключающая родъ энциклопедіи, написанной Альфараби.

Авицена, Аверроесъ, Серапіонъ, Мезуэ, Эль-Баруни, Абулказисъ и др. занимались не безъ успѣха ботаникой. Но замѣчательнѣе ихъ всѣхъ былъ Бенъ-Бейтаръ, неизданныя рукописи котораго хранятся въ эскуріальской и парижской библіотекахъ. Этотъ Бенъ-Бейтаръ, африканецъ родомъ, считался въ тринадцатомъ вѣкѣ самымъ извѣстнымъ и знаменитымъ ботаникомъ. Онъ много путешествовалъ по Азіи и Африкѣ. Въ Каирѣ султанъ Саладинъ весьма ласково принялъ его. Гербело [1]) говоритъ, что его прозвали *Ашабъ*, то есть *травовѣдъ*, ботаникъ по преимуществу.

Бенъ-Бейтаръ написалъ «*Общую исторію растеній, размѣщенныхъ по алфавиту.*» Въ этомъ сочиненіи онъ подробно описываетъ виды, о которыхъ ни слова не говорили Плиній и Діо-

---

[1]) Bibliothèque orientale.

скоридъ, и слѣдуетъ при этомъ совершенно новому методу. Въ другомъ сочиненіи, онъ говоритъ о врачебныхъ свойствахъ растеній и животныхъ [1]).

Серапіонъ, родомъ изъ Дамаска, былъ врачомъ. Его причисляютъ къ естествоиспытателямъ на томъ основаніи, что большая часть его сочиненій посвящена описанію растеній. О врачебномъ искусствѣ онъ написалъ замѣчательное сочиненіе, въ которомъ вкратцѣ собрано все писанное арабами и греками по этому предмету.

Между арабами было много знаменитыхъ врачей; мы разскажемъ біографію двухъ изъ нихъ, Авицены и Аверроеса. Теперь же упомянемъ о Касвини, одномъ изъ свѣтилъ арабской науки.

Касвини, истинное имя котораго *Захарія-бенъ-Могамедъ-бенъ-Махмудъ*, знаменитый компиляторъ, родился въ Касвинѣ, или Касбинѣ, въ Персіи. Онъ жилъ въ тринадцатомъ вѣкѣ. О жизни его ничего не извѣстно. Отъ него осталось сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Описаніе вселенной и ея обитателей*».

Касвини писалъ по астрономіи, географіи и естественной исторіи. Онъ хотѣлъ обнять все мірозданіе. Чтобы только поверхностно ознакомиться съ различными вѣтвями человѣческихъ знаній въ томъ видѣ, какъ они дошли до его временъ, ему пришлось прочесть тысячи сочиненій, дѣлать изъ нихъ выписки и выдержки. Онъ занялся этимъ въ подражаніе Плинію и прозванъ *Восточнымъ Плиніемъ*.

Въ своемъ трактатѣ о «*Чудесахъ созданій*», онъ говоритъ сперва объ астрономіи и воспроизводитъ *Chronologica et astronomica elementa* персіянина Альфрагана. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ, онъ описываетъ три царства природы. Въ этомъ сочиненіи есть замѣтки и факты о животныхъ, растеніяхъ и минералахъ, подтверждающіе то великое уваженіе, которымъ Касвини пользовался въ ученомъ мірѣ. Въ одной главѣ онъ говоритъ о различныхъ атмосферныхъ явленіяхъ, о метеорахъ, аэролитахъ, дождѣ лягушекъ и жабъ и т. п.

Касвини принимаетъ высказанное уже раньше мнѣніе, что *землетрясенія, источники и рудники* образуются воздухообразными веществами, которыя находятся въ безпрерывномъ дви-

---

[1]) Pauchet. *Histoire des sciences naturelles au moyen âge, ou Albert le Grand et son époque, page 174.*

женіи внутри земли, какъ въ огромной лабораторіи. Для поддержанія этого мнѣнія, онъ входитъ въ замѣчательныя географическія соображенія. Онъ говоритъ о перемѣщеніи морей, какъ будто бы зная нѣкоторыя изъ явленій, измѣнившихъ въ давнія времена очертаніе материковъ.

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ арабскихъ естествоиспытателей былъ Эль-Демири, жившій въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Настоящее его имя было Кемаледин-Абульбака-Мохамедъ-бенъ-Исса. Въ своей исторіи животныхъ, которая была переведена на многіе азіатскіе языки, онъ описываетъ болѣе девяти сотъ видовъ животныхъ. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній не безъинтересны.

Багдадскій врачъ четырнадцатаго вѣка, Абдалла-Тифъ замѣчателенъ прекраснымъ описаніемъ египетскихъ животныхъ и растеній. По случайно найденному скелету, онъ исправилъ нѣсколько ошибокъ Галена въ человѣческой остеологіи [1]).

Вообще же, арабскіе врачи по анатоміи ограничивались переписываніемъ греческихъ и латинскихъ сочиненій. Они не могли, не нарушая уставовъ ислама, разсѣкать человѣческіе трупы, а потому занимались только анатоміей и физіологіей животныхъ. Мезуэ приписываютъ трактатъ по сравнительной анатоміи [2]); а Эль-Кинди, написавшему, говорятъ, болѣе ста сочиненій,—трактатъ по физіологіи человѣка.

Другой арабскій ученый, Бенъ-Корахъ, родомъ изъ Месопотаміи, написалъ сочиненіе по анатоміи птицъ. Онъ писалъ также по астрономіи [3]). Эль-Мадшрити, изъ Мадрида, составилъ книгу о произрожденіи животныхъ [4]).

Такова сжатая картина ученыхъ работъ арабовъ и развитія человѣческихъ знаній въ Европѣ отъ взятія Александріи до тринадцатаго вѣка нашего лѣтосчисленія. Мы не могли входить, при этомъ, въ обременительныя подробности. Желающіе ближе ознакомиться съ учеными трудами арабовъ, особенно по астрономіи и физическимъ наукамъ, могутъ обратиться къ сочиненіямъ Мон-

---

[1]) Abdalla-Tif. *Relation de l'Égypte*, въ переводѣ Саси.

[2]) Mesué. *Opera omnia*. Венеція, 1562.

[3]) Herbelot. *Bib. orient.*

[4]) D'Orbigny. *Dictionnaire de l'histoire naturelle.*

тукла[1]) и Балльи[2]). Одинъ изъ профессоровъ университета, г. Седильо, въ своей *Исторіи Арабовъ*[3]) представилъ методическое извлеченіе изъ сочиненій двухъ вышеназванныхъ ученыхъ.

Начиная съ восьмаго вѣка, арабское владычество распространилось по Азіи, Африкѣ, Европѣ, на огромномъ пространствѣ земли. Оно обнимало Персію, Палестину, Сирію, Египетъ и часть южной Испаніи. Но изъ исторіи извѣстно, что быстро образующіяся государства не долговѣчны. Въ 1492, по совершенномъ изгнаніи изъ Испаніи Фердинандомъ и Изабеллой, арабы сохранили за собою въ Азіи только ту страну, изъ которой вышли ихъ первые предводители, то есть Мавританію, по которой они назывались *Маврами*. Уже Египетъ подпалъ подъ иго мамелюковъ. Въ 1258, турецкія орды заняли Татарію и Персію. Онѣ взяли Багдадъ, между тѣмъ какъ другія орды завоевали Дамаскъ, Алепо и Иконіумъ, который уже въ 1074 году сдѣлался столицей Солимана I-го.

Арабы, занимая огромное пространство, все болѣе и болѣе раздѣлялись. Ихъ гражданскія войны и особенно религіозные расколы, такъ сказать, заранѣе пріуготовили побѣду вторгнувшимся иноземцамъ.

Къ этимъ различнымъ причинамъ, остановившимъ арабскую цивилизацію, присоединились крестовые походы.

Арабы удалились въ Мавританію, разоренные и нравственно обезсиленные, стали жить только воспоминаніями. Какъ отдѣльному человѣку, такъ и народу нельзя начать жить сначала.

Мы надѣемся, что изъ сдѣланнаго нами очерка, читатели убѣдятся, что въ продолженіе части среднихъ вѣковъ, только на одномъ Востокѣ сіялъ свѣточъ наукъ и искусствъ.

Чтобы дать болѣе точное понятіе объ арабской наукѣ, мы разскажемъ біографіи знаменитѣйшихъ изъ ея представителей. Не имѣя возможности останавливаться на жизни всѣхъ славныхъ мужей, мы ограничимся только славнѣйшими: Геберомъ, Авиценою и Аверроесомъ.

---

[1]) *Histoire des sciences mathématiques.* 4 vol, in 4°, t. I. Paris, an VII. 2-e édit.

[2]) *Histoire de l'astronomie moderne depuis la fondation de l'école d'Alexandrie.* In. 4°, tome I, 1785.

[3]) In—18. Paris, 1854.

ГЕБЕРЪ.

Геберъ, или *Еберъ-Абу-Муссахъ-Джафаръ Аль-Софи* [1]), родился въ Харранѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ месопотамскихъ городовъ, теперь въ развалинахъ; греки называли этотъ городъ *Карресъ*. Множество историческихъ воспоминаній соединяется съ этимъ городомъ: оттуда Авраамъ отправился въ Палестину; въ его стѣнахъ скрылся римскій военачальникъ Крассъ, претерпѣвъ пораженіе у Ишны, сосѣдней съ Карресомъ деревни [2]).

Ученый арабскій историкъ, Абульфеда *(Исмаилъ-Абульфеда-бенъ-Нассеръ-аль-Малекъ-аль-Салегъ)*, князь гамагскій, въ Сиріи, жившій въ XIII вѣкѣ по Р. X., въ своей *Всеобщей Исторіи* говоритъ, что Геберъ родился въ Месопотаміи въ городѣ Харранѣ, въ восьмомъ вѣкѣ христіанской эры.

Левъ Африканецъ говоритъ, что Геберъ былъ родомъ грекъ, и что онъ перешелъ изъ христіанства въ магометанство. Но имя Геберъ, или Еберъ, скорѣе указываетъ на персидское, еврейское или арабское происхожденіе.

Въ то время, какъ родился Геберъ, Месопотамія, которую туземцы называли *Арамъ-Нагараимъ*, или *Рѣчною Сиріей*, ради ея положенія между Тигромъ и Ефратомъ,—уже около вѣка была во владѣніи арабовъ и въ ней сохранились остатки древней цивилизаціи, весьма развитой въ нѣкоторыхъ странахъ Малой Азіи. Въ городѣ Харранѣ, или Карресѣ, съ незапамятныхъ вре-

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать этого Гебера съ астрономомъ математикомъ *Геберъ-Магометъ-бенъ-Афла*, жившимъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ, въ Севильи.

[2]) Barbié du Bocage. *Géographie ancienne.*

менъ, существовали школы, гдѣ преподавались основы всѣхъ человѣческихъ знаній.

Вѣроятно, въ Харранѣ Геберъ получилъ первоначальное образованіе.

Онъ началъ учиться, именно въ то время, когда во всѣхъ странахъ, подлежавшихъ арабскому владычеству, возгорѣлась и распространялась любовь къ наукамъ.

Такъ какъ многочисленныя сочиненія, приписываемыя Геберу, свидѣтельствуютъ объ обширныхъ и разнообразныхъ знаніяхъ, то по нашему весьма естественно предположить, что, начавъ учиться въ Харранѣ, гдѣ жило его семейство, Геберъ для окончательнаго образованія отправился въ знаменитую едесскую школу, находившуюся всего въ пятнадцати верстахъ отъ его роднаго городка.

Едесская школа въ то время должна была быть весьма значительна, какъ по личному составу профессоровъ, такъ и по огромному притоку учащихся, сходившихся сюда изъ Азіи, Африки и Европы, а равно по числу халдейскихъ, сирійскихъ, греческихъ и т. п. книгъ, находившихся въ ея библіотекѣ, и наконецъ по всѣмъ способамъ изученія и обученія, соотвѣтствовавшимъ тогдашнему состоянію человѣческихъ знаній.

Каталогъ сочиненій Гебера, въ томъ видѣ какъ онъ находится въ *Гесснеровой Библіотекѣ*, указываетъ на обширность и разнообразіе познаній этого арабскаго ученаго [1]). Карданъ причисляетъ Гебера къ двѣнадцати величайшимъ міровымъ геніямъ. Бургавъ [2]) отзывается о немъ съ великимъ уваженіемъ. Бургавъ говоритъ, что въ сочиненіяхъ Гебера онъ нашелъ описаніе многихъ опытовъ, считавшихся за новѣйшіе. Парацельсъ, не расточавшій напрасно похвалъ, называетъ его *магистромъ магистровъ химіи*. Другіе говорятъ, что Геберъ былъ астрономъ, что онъ исправилъ многія ошибки Птоломеева *Альмагеста* и даже что онъ изобрѣлъ *алгебру*. Невозможно, чтобы человѣкъ пріобрѣлъ такую славу, не обладая громадной ученостью.

---

[1]) *Encyclopédie des sciences médicales.*

[2]) *Institut de chimie.*

Вѣроятно, что Геберъ провелъ большую часть жизни въ Едессѣ и что тамъ онъ написалъ обширную энциклопедію, представляемую его различными сочиненіями.

Весьма вѣроятно также, что Геберъ не только писалъ, но и устно преподавалъ науки.

Громадное число сочиненій, приписываемыхъ Геберу, заставляетъ предполагать, что онъ жилъ долго и былъ трудолюбивъ. Говорятъ, что онъ написалъ до пятисотъ книгъ о химіи [1]).

Обширность, глубина и рѣдкая проницательность Гебера равно какъ и разнообразіе его знаній, доказываются дошедшими до насъ сочиненіями. *Отрывокъ о сферическихъ треугольникахъ* (*Fragmentum de triangulis sphaericis*) указываетъ на высшаго порядка знанія математическія. *Книги о различныхъ вещахъ, относящихся до астрономіи* (*Libri de rebus ad astronomiam partinentibus*) доказываютъ, что эта наука не была безъизвѣстна ему.

Нельзя также сомнѣваться, что Геберъ совершилъ нѣсколько путешествій. Вѣроятно, онъ посѣтилъ страны, по преданію тѣхъ временъ, считавшіяся колыбелью химіи. Исторія указываетъ намъ, что въ древности греческіе философы ѣздили въ дальнія страны, считавшіяся болѣе просвѣщенными, ради пріобрѣтенія знаній и перенесенія ихъ на родину.

Ни одинъ писатель не говоритъ, когда умеръ Геберъ. Можно только сказать, что онъ умеръ до 923. Въ самомъ дѣлѣ, по Абульфедѣ, Разесъ умеръ въ 923, а Разесъ и Авицена называютъ Гебера своимъ учителемъ. Отсюда можно заключить, что Геберъ умеръ до 923.

Сочиненія Гебера представляютъ сводъ всѣхъ тогдашнихъ знаній.

Въ ватиканской, лейденской и парижской библіотекахъ находится въ настоящее время довольно большое количество арабскихъ или латинскихъ сочиненій, извлеченныхъ изъ твореній, приписываемыхъ этому плодовитому и трудолюбивому писателю.

---

[1]) Lenglet-Dufresnoy, *Histoire de la philosophie hermétique*. In 18, Paris, 1742, t. I, p. 79.

Вотъ по Гёферу, списокъ сочиненій Гебера, хранящихся въ императорской парижской библіотекѣ: *Summa collectionis complementi secretorum naturae*, *Summa perfectionis compedium*, *Testamentum*, *Fragmentum de triangulis sphaericis*, *Libri de rebus ad astronomiam partinentibus*.

Всѣ эти сочиненія, за исключеніемъ *Отрывка* о сферическихъ треугольникахъ, были напечатаны.

Изъ его *Итога совершенствъ творенія творца (Summa perfectionis magisterii)* видно, что Геберъ зналъ о соединеніи газовъ *(spiriti)* съ металами.

„О сынъ науки! говоритъ онъ:—если хочешь придатъ тѣламъ различныя измѣненія, то только помощію газовъ достигнешь этого *(per spiritus ipsos fieri necesse est)*. Когда эти газы прикрѣпляются къ тѣламъ, то принимаютъ ихъ форму и природу; они становятся не тѣмъ, чѣмъ были. Если же прибѣгнуть къ раздѣленію, то вотъ что происходитъ. Эти газы или одни улетучиваются, а тѣла, съ которыми они были соединены, остаются, или же газы и тѣла улетучиваются одновременно."

Рожеръ Баконъ называетъ Гебера *магистромъ магистровъ*.

Ученый историкъ химіи, г. Гёферъ, говоритъ:

„Внимательно читая сочиненія Гебера, нельзя не согласиться, что онъ былъ не только компиляторомъ, но и сознательнымъ — и главное скромнымъ — наблюдателемъ. Скромностью, столь пріятной въ другихъ, Геберъ обладалъ въ высшей степени [1])".

Геберъ не вѣрилъ въ превращеніе металовъ:

„Не возможно, говоритъ онъ *(Summa collectionis complementi secretorum naturae* превращать металлы одни въ другіе, также какъ превратить быка въ козу. Ибо если природа употребляетъ тысячи лѣтъ на образованіе металловъ, то какъ мы можемъ подражать ей въ этомъ, мы, рѣдко болѣе ста лѣтъ живущіе?

„Правда, высокая температура, которую мы заставляемъ дѣйствовать на тѣла, можетъ совершить въ короткій промежутокъ то, на что природѣ потребно много лѣтъ; но въ этомъ наше только незначительное преимущество.

„Искусство не можетъ подражать природѣ во всемъ; но оно можетъ и должно подражать на столько, на сколько дозволяютъ его предѣлы".

Онъ принимаетъ весьма старое мнѣніе, по которому металы тѣла сложныя, содержащія сѣру и ртуть, къ которымъ онъ при-

---

[1]) Histoire de la Chimie, tome I-er, page 311.

соединяетъ мышьякъ. Эти два или три тѣла, соединяясь въ различныхъ отношеніяхъ, образуютъ разные металы.

Онъ послѣдовательно описываетъ сѣру, мышьякъ, ртуть, золото, серебро, свинецъ, олово, мѣдь, желѣзо. Затѣмъ онъ переходитъ къ ряду операцій, какъ-то: *возгонкѣ*, прокаливанію, перегонкѣ, раствоpенію, соединенію и т. д. Г. Гёферъ въ своей *Исторіи Химіи* сдѣлалъ краткій разборъ всѣхъ этихъ операцій, описанныхъ Геберомъ.

Въ сочиненіи, озаглавленномъ *Liber investigationis*, Геберъ описываетъ, на основаніи сдѣланныхъ имъ опытовъ, приготовленіе прижигательнаго камня (ѣдкаго кали), нашатыря, извѣстнаго со временъ Плутарха и Діоскорида; мочевую соль и т. п.

Въ сочиненіи объ *Алхиміи*, онъ говоритъ о царской водкѣ, объ адскомъ камнѣ, о ѣдкой сулемѣ, о красномъ осадкѣ, о сѣрной печени и т. д.

Трудно и едва ли возможно отличить открытія, сдѣланныя несомнѣнно Геберомъ, отъ открытій, принадлежащихъ другимъ. Геберу ли мы обязаны открытіемъ азотной кислоты и царской водки, этихъ растворитей металловъ? Раньше его сочиненія *De Alchimia* никто не говорилъ объ этомъ открытіи, которое г. Гёферъ считаетъ столь же важнымъ, какъ и открытіе кислорода.

Мы думаемъ, что не Геберъ открылъ азотную кислоту и царскую водку, точно также какъ не Рожеръ Баконъ открылъ порохъ. Есть множество открытій, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ вѣковъ.

Гебера слѣдуетъ считать отцомъ химіи, въ историческомъ порядкѣ, потому что онъ первый оставилъ сочиненіе о химіи, понятное для насъ.

АВИЦЕНА.

Авицена (*Али-Гуссейнъ-бенъ-Али-бенъ-Сина*) былъ родомъ персіанинъ. Онъ родился въ 980, въ окрестностяхъ Хираза, небольшаго персидскаго городка, котораго правителемъ былъ его отецъ; для обученія онъ былъ отосланъ въ Бухару. Десяти лѣтъ онъ уже зналъ алкоранъ, ариѳметику и алгебру. Ему велѣли изучать *Введеніе Порфирія въ категоріи Аристотеля*, *Основы* Эвклида, *Альмагестъ* Птоломея. Шестнадцати лѣтъ, обуреваемый жаждой знанія, онъ началъ прилежно заниматься изученіемъ естественной исторіи, медицины, логики. Онъ выучилъ наизусть *Метафизику* Аристотеля. Онъ изучалъ сочиненія Стагирита не по греческому тексту, а по коментарію Альфараби.

Умъ юнаго Али-Гуссейна былъ постоянно занятъ различными учеными вопросами, и онъ мало спалъ по ночамъ. Вечеромъ онъ отправлялся въ главную мечеть молить Бога даровать ему хорошія мысли. Восемнадцати лѣтъ онъ уже славился въ своей странѣ, какъ ученый.

Эмиръ Нухъ-Ибенъ-Мансуръ, будучи сильно болѣнъ, позвалъ Авицену, который его скоро вылечилъ. У эмира была большая библіотека; онъ отдалъ ее въ распоряженіе молодаго ученаго. Позже эта библіотека сгорѣла.

Другая важная въ Персіи личность, Абулъ-Гасанъ-эль-Багдади, также принялъ его подъ свое покровительство.

По приглашенію этого послѣдняго лица, Авицена началъ писать свой *Сборникъ*, родъ энциклопедіи, гдѣ говорится почти о всѣхъ наукахъ, кромѣ математики.

Авицена въ философіи принималъ мнѣнія своего учителя Альфараби. Въ геометріи онъ слѣдовалъ Эвклиду; въ астрономіи Птоломею, въ естественныхъ наукахъ Аристотелю.

По смерти своего отца и своего покровителя Мансура, Авицена оставилъ Бухару и отправился въ Корканджъ, столицу Харизма, для занятій медициной. Онъ былъ благосклонно принятъ шахомъ Али-Ибнъ-Махмудомъ, давшимъ ему ежегодное содержаніе.

Это содержаніе было, безъ сомнѣнія, ничтожно; Авицена вскорѣ оставилъ Корканджъ, снѣдаемый страстью къ перемѣнѣ мѣстъ. Но нигдѣ онъ не останавливался надолго и велъ бродяжническую жизнь.

Однажды, во время своихъ странствій, онъ забрелъ въ пустыню безъ проводника, безъ съѣстныхъ припасовъ, во время жаровъ. Насилу добрался онъ до ближняго городка, заболѣлъ тамъ и едва поправился, какъ пошелъ дальше.

Странствующій врачъ, онъ по дорогѣ лечилъ, что увеличивало его извѣстность во всей Персіи.

Во время одной изъ своихъ краткихъ остановокъ, Авицена сошелся съ образованнымъ покровителемъ наукъ и словесности Могамедомъ-эль-Ширази. Щедрый и богатый, Могамедъ-эль-Ширази подарилъ ему домъ.

Авицена тогда сталъ читать публичныя лекціи о логикѣ и *Альмагестъ* Птоломея. Онъ написалъ для своего покровителя *Origo et resurrectio*, *Всеобщія астрономическія наблюденія*, *Компендіумъ Альмагеста* и другія сочиненія; всѣ они не на персидскомъ, а на арабскомъ языкѣ.

Но Авицена не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ: разставшись съ своимъ покровителемъ и учениками, онъ отправился въ Рей, въ Иракѣ.

Тамъ онъ вылечилъ владѣтельнаго князя и, разумѣется, попалъ въ милость.

Онъ поселился въ княжескомъ дворцѣ и сдѣланъ придворнымъ врачемъ. Но въ Иракѣ начались волненія, и Авицена принужденъ былъ искать гдѣ-нибудь убѣжища. Онъ отправился въ Казвинъ, а оттуда въ Гамаданъ.

Его слава, какъ врача, распространилась по всей Персіи. Такъ, больной хронической болѣзнью эмиръ Хамсъ-эль-Долахъ призвалъ его къ себѣ. Эмиръ выздоровѣлъ, благодаря стараніямъ Авицены, одарилъ его и даже почтилъ званіемъ визиря.

Опять Авицена сдѣлался придворнымъ врачемъ. Авицена сопровождалъ эмира на войну, но экспедиція оказалась неудачной. Солдаты, недовольные неуспѣхомъ, не смѣли обнаружить неудовольствія противъ эмира и обрушили всю свою ярость на визиря. По возвращеніи въ Гамдамъ, войска возмутились противъ Авицены. Его домъ былъ разграбленъ, самого его схватили и хотѣли умертвить.

Эмиръ доказывалъ солдатамъ, что было бы неблагоразумно убивать такого ученаго и даровитаго человѣка, который можетъ принести еще много пользы. Онъ прибавилъ, что пока живъ, не дозволитъ такого насилія.

Ему удалось утишить волненіе войска; но онъ не могъ воспротивиться ссылкѣ Авицены, которому пришлось двѣ недѣли скрываться въ домѣ одного шейха.

Но эмиръ вскорѣ заболѣлъ, и тотчасъ же поспѣшилъ послать за знаменитымъ врачемъ. Авицена возвратился и снова вылечилъ эмира.

Эмиръ снова возвратилъ своему врачу прежнія почести и достоинства.

Но, по смерти эмира, его сынъ и наслѣдникъ лишилъ врача своего отца званія визиря и приказалъ ему удалиться отъ двора.

Авицена удалился въ сосѣдній городъ и поселился у аптекаря. Свой досугъ онъ употребилъ на писаніе своего сочиненія.

Но онъ, наконецъ, утомился уединеніемъ. Страсть къ перемѣнѣ мѣстъ снова овладѣла имъ. Онъ тайно предложилъ свои услуги правителю испаганскому. Его переписка была перехвачена, и онъ самъ четыре мѣсяца протомился въ тюрьмѣ.

Выйдя на свободу, вслѣдствіе новыхъ предложеній изъ Испагани, Авицена снова попалъ на замѣчаніе у своего правительства, схваченъ и посаженъ въ тюрьму.

Въ заключеніи, лучшее дѣло, какимъ онъ могъ заняться,

ГЕБЕРЪ ПРЕПОДАЕТЪ ХИМІЮ ВЪ ЭДЕССКОЙ ШКОЛѢ.

было продолженіе своего сочиненія. Онъ такъ и сдѣлалъ, и *Canon medicinae* значительно подвинулся впередъ..

Нашему заключеннику удалось наконецъ бѣжать изъ тюрьмы, и онъ, здравъ и невредимъ, достигнулъ Испагани.

Въ этомъ городѣ его приняли, какъ великаго человѣка. Правитель устроилъ ему торжественную встрѣчу. Онъ одарилъ его и окружилъ почетомъ.

Авиценѣ, при дворѣ испаганскомъ, ничего не оставалось болѣе желать. Съ этихъ поръ прекращаются его странствованія. Послѣднія четырнадцать лѣтъ своей жизни онъ провелъ при дворѣ персидскаго шаха. Тамъ написалъ онъ лучшія свои сочиненія по медицинѣ, логикѣ, метафизикѣ, астрономіи и геометріи.

Авицена былъ крѣпко сложенъ, но всяческія излишества значительно ослабили его здоровье. Онъ сильно предавался удовольствіямъ. Въ Гамданѣ, когда онъ жилъ у эмира Хамсъ-эль-Дулага, и въ то время, когда онъ работалъ надъ своей огромной энциклопедіей, онъ каждый вечеръ собиралъ вокругъ себя лучшихъ учениковъ. Онъ читалъ имъ написанное въ этотъ день, объяснялъ и толковалъ. По окончаніи ученой бесѣды, являлись музыканты и пѣвцы. День, начатый научно, оканчивался плясками и пиромъ.

Ту же жизнь онъ велъ и при испаганскомъ дворѣ. Поэтому-то и толковали, что *великія познанія въ философіи не принесли ему мудрости, что его искусство во врачевствѣ не дало ему здоровья.*

Давно уже онъ былъ сильно болѣнъ. Здоровье его было уже сильно потрясено, когда, въ 1036 году, онъ долженъ былъ отправиться въ походъ съ испаганскимъ правителемъ. Съ перваго же дня, онъ окончательно потерялъ силы.

— Все кончено! сказалъ онъ. Онъ приказалъ омыть себя, распредѣлилъ свои деньги между бѣдными, прочелъ молитвы изъ Корана, простилъ своимъ врагамъ, отпустилъ на волю мамелюковъ, и умеръ, будучи пятидесяти–шести лѣтъ десяти мѣсяцевъ отъ роду.

Авицена написалъ очень много. Его сочиненія часто переводились на латинскій языкъ. Полныя его сочиненія составляютъ

истинную энциклопедію. Большой поклонникъ Аристотеля, Авицена писалъ множество толкованій на его сочиненія. Онъ переводилъ и разъяснялъ его; иногда сокращалъ, иногда упрощалъ. Онъ ввелъ Аристотеля въ славу у арабовъ.

Изъ всѣхъ его сочиненій, самое знаменитое—*Canon medicinae* (Правила медицины). Оно было переведено на всѣ образованные языки. Въ средніе вѣка, въ переводѣ Жерара Кремонскаго, оно сдѣлалось руководствомъ для всѣхъ профессоровъ и студентовъ. Шесть вѣковъ слава этого сочиненія не была поколеблена: Авицену называли тогда *царемъ врачей*.

Canon medicinae состоитъ изъ пяти книгъ. Первая трактуетъ *объ общихъ началахъ медицины;* вторая о *простыхъ лекарствахъ;* третья о *болѣзняхъ различныхъ частей тѣла;* четвертая *объ общихъ болѣзняхъ;* пятая о *сложныхъ лекарствахъ*.

Авицена много писалъ по химіи, естественной исторіи и другимъ отраслямъ человѣческихъ знаній.

Ему приписываютъ два алхимическія сочиненія: *Tractatus alchemiae* и *De Conglutinatione lapidum*. Первое впрочемъ принадлежитъ очевидно ко времени Раймунда Люллія, и не представляетъ никакого интереса. Второе дѣйствительно написано Авиценою и во многомъ весьма замѣчательно.

Особенно любопытна въ немъ, по мнѣнію Гёфера, глава *О происхожденіи горъ*.

„Горы, говоритъ Авицена, могутъ производиться двумя причинами: или поднятіемъ земной коры, какъ то случается во время сильныхъ землетрясеній, или же движеніемъ водъ, которыя, прокладывая себѣ новые пути, прорываютъ долины и въ тоже время воздвигаютъ горы; ибо есть почвы мягкія и почвы твердыя; однѣ сносятся водами и вѣтрами, другія остаются нетронутыми. Таково происхожденіе большей части возвышенностей“.

„Вотъ,—говоритъ г. Гёферъ, передавая этотъ отрывокъ изъ Авицены—теорія поднятій, *плутонизма* и *нептунизма*, изложенная болѣе восьмисотъ лѣтъ назадъ“.

Но это еще не все. Нашъ старинный геологъ былъ слишкомъ опытный наблюдатель и превосходный логикъ, чтобы оставить безъ доказательства то, что онъ утверждаетъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Авицена, лучшимъ доказательствомъ, что тутъ вода была главной причиной, служитъ то, что на множествѣ скалъ есть отпечатки водныхъ животныхъ и другіе. Что же касается до желтаго и землистаго вещества, покрывающаго горныя поверхности, то, кажется, оно другаго происхожденія противъ остова самихъ горъ: оно состоитъ изъ органическихъ остатковъ и тины, отложившейся изъ воды *(quam adducunt aquæ cum herbis et lutis)*. Быть можетъ, оно произошло отъ тины моря, покрывавшей нѣкогда землю".

Авицена дѣлитъ минералы на четыре класса: 1) неплавкіе минералы, 2) плавкіе минералы, ковкіе и тягучіе (металлы), 3) сѣрнистые минералы, 4) соли.

Металлы, по его мнѣнію, состоятъ изъ влажнаго и землистаго веществъ. Главное свойство ртути заключается въ превращеніи въ твердое тѣло, подъ дѣйствіемъ сѣрныхъ паровъ. Дѣйствительно, извѣстно, что ртуть, соединяясь съ сѣрой, измѣняетъ свой наружный видъ и свои физическія свойства.

Въ томъ же трактатѣ, Авицена говоритъ объ осаждающихъ водахъ (содержащихъ въ изобиліи двууглекислую известь) и объ аэролитахъ.

„Близъ Лургеи, разсказываетъ онъ, упалъ кусокъ желѣза, вѣсомъ въ сто марокъ, часть котораго была послана царю торатскому, желавшему выдѣлать изъ него мечи. Но желѣзо оказалось слишкомъ ломкимъ и негоднымъ для такого употребленія."

Авицена принадлежитъ къ числу ученыхъ, подвинувшихъ, въ средніе вѣка, изученіе ботаники на Востокѣ. Особенно онъ занимался изученіемъ растеній Бактріаны и Согдіаны. При преподаваніи, по Пельтнею [1]), онъ прибѣгалъ къ раскрашеннымъ изображеніямъ растеній.

Авицена учился подъ руководствомъ Альфараби, ученаго философа, обладавшаго отличными свѣдѣніями по физіологіи растеній. Судя по одному отрывку, приводимому г. Гѳферомъ, этотъ Альфараби пользовался у арабовъ громадной извѣстностью и получилъ прозваніе *втораго воспитателя разума*. Онъ зналъ явленіе дыханія у растеній при помощи листьевъ и коры. [2])

---

[1]) *Esquisses historiques sur les progrès de la botanique en Angleterre*. Paris, 1809, tome 1-er.

[2]) „*Dico quod per radices uniuscujusque arboris et ejus cortices, ascendit duplex vapor. Qui cum fuerunt multiplicati in ventre arboris volentis exhalare, fa-*

Вышеприведенный нами отрывокъ доказываетъ, что арабы знали ископаемыя растенія. Новѣйшіе натуралисты не безъ интереса найдутъ въ средневѣковой арабской наукѣ слѣды первыхъ наблюденій по физіологіи растеній и геологіи.

---

ciunt figuram—et exhalant transeundo in ima folii." „Знайте, что по корню и корѣ всякаго дерева, подымаются двойные пары, которые, будучи выработаны и увеличены внутри дерева, дѣлаютъ усиліе, чтобы выйти наружу, и выдаются черезъ оконечности листьевъ".

АВЕРРОЕСЪ.

Кади, или судья арабскій, *Абулвалидъ-Могамедъ-Инъ-Ахметъ-Ибнъ-Могамедъ-Ибнъ-Рошдъ* (Аверроесъ) родился въ Кордовѣ, въ 1126 году по Р. Х.

Немногимъ именамъ случилось претерпѣть такія измѣненія, какъ *Ибнъ-Рошда*, какъ дѣйствительно звали философа, столь славнаго въ средневѣковой Европѣ, подъ именами Аверроеса, Авергоеса, Адверойса и т. д. Всѣ эти искаженія—слѣдствіе испанскаго произношенія.

Его семейство, принадлежавшее къ судебному сословію, было однимъ изъ значительнѣйшихъ въ Андалузіи. Дѣдъ Аверроеса, Абулвалидъ-Могамедъ, бывшій главнымъ судьею, или великимъ судодавцемъ (кади), причисляется у мусульманъ къ числу знаменитыхъ юристовъ амалекитскаго толка.

Построенная на берегахъ Гвадалквивира, у подошвы Сьеры-Морены, Кордова, подъ владычествомъ калифовъ, сдѣлалась однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ испанской Аравіи. Ея главная мечеть, нынѣ католическій соборъ, была извѣстна во всей Европѣ своими тысячью мраморными и яшмовыми колоннами.

Кордовскій университетъ долгое время былъ ученѣйшимъ въ Европѣ. Его трудами греческія науки и искусства распространились по Западной Европѣ.

Отрывокъ изъ книги Аверроеса, приводимый г. Ренаномъ [1]), показываетъ, что Кордова была первымъ въ Испаніи городомъ по части литературы и наукъ, какъ Севилья по части искусствъ.

---

[1]) *Averroès et Averroïsme*, par Ernest Renan. Paris 1861. In-8, 2-ое изданіе.

„Если въ Севильи умретъ ученый, пишетъ Ибнъ-Рошдъ, и хотятъ продать его книги, то ихъ везутъ въ Кордову, гдѣ всегда найдется имъ хорошій сбытъ. Если же, напротивъ, въ Кордовѣ умретъ музыкантъ, то его инструменты везутъ на продажу въ Севилью".

Принадлежа къ одному изъ лучшихъ кордовскихъ семействъ, Аверроесъ долженъ былъ получить превосходное образованіе. Пришедши въ достодолжный возрастъ, *Ибнъ-Рошдъ*, по примѣру отца и дѣда, сперва изучилъ богословіе по Ашаритамъ, и потомъ каноническое право по амалекитскому толку.

Медицинѣ онъ учился у *Абу-Джафаръ-Ибнъ-Гаруна* изъ Трухильо; но полагаютъ, и онъ самъ сознается въ этомъ въ своемъ медицинскомъ сочиненіи, называемомъ *Colliget*, что лучше зналъ теорію, чѣмъ практику. Его учителемъ философіи былъ Ибнъ-Баджа. Онъ былъ въ сношеніяхъ съ философомъ Ибнъ-Араби.

Такимъ образомъ, при вступленіи въ жизнь, онъ былъ близокъ съ знаменитѣйшими мужами своего времени.

Пока Аверроесъ учился, въ Африкѣ и Испаніи произошли великія политическія перемѣны. Династія Альморавидовъ была свергнута Альмогадами, и при новыхъ образованныхъ и щедрыхъ государяхъ науки и искусства разцвѣли. Дѣдъ Аверроеса принималъ участіе въ этой перемѣнѣ [1]). Онъ былъ избранъ великимъ муллой и великимъ судьей царства кордовскаго.

По смерти своего отца, Аверроесъ, еще юноша, вступилъ въ отправленіе его обязанностей. Онъ былъ назначенъ *кади*, то есть верховнымъ судьей и первосвященникомъ.

Его извѣстность, какъ юриста, ученаго и философа, быстро разрасталась; султанъ марокскій, Абнъ-эль-Момненъ предложилъ ему весьма важную должность, съ оставленіемъ должностей, занимаемыхъ имъ въ Испаніи [2]).

Это предложеніе понравилось нашему кади. Онъ назначилъ временныхъ исполнителей своихъ обязанностей на время своего отсутствія и отправился въ Мароко.

Порученіе, которое онъ получилъ, состояло вѣроятно въ организаціи народнаго просвѣщенія въ Мароко и Мавританіи.

---

[1]) *Dictionnaire historique* de Bayle.

[2]) *Ibidem*.

„Въ 1152 году, говоритъ г. Ренанъ, мы видимъ Ибнъ-Рошда въ Мароко; можетъ быть, онъ помогалъ Абд-эль-Момнену по устройству школъ, которыя тотъ въ это время основывалъ".

Марокскій султанъ, Абд-эль-Момненъ распространилъ исполненіе обязанностей кади, занимаемыхъ Аверроесомъ, на всю Мавританію.

Аверроесъ родился, по Геферу, въ 1120 году, по Ренану въ 1126; стало быть, въ разсматриваемое время ему было отъ двадцати семи до тридцати трехъ лѣтъ.

По смерти Абд-эль-Момнена, государя весьма образованнаго, вступилъ на престолъ сынъ его Ятрубъ-Юссуфъ, человѣкъ столь же просвѣщенный.

При дворѣ Юссуфа былъ замѣчательный ученый Ибнъ-Тофаилъ (извѣстный у схоластиковъ подъ именемъ Абубацера).

Онъ употреблялъ все свое вліяніе на государя, чтобы привлекать ко двору знаменитѣйшихъ ученыхъ. Онъ познакомилъ Аверроеса съ султаномъ марокскимъ.

Во времена Аверроеса существовали арабскіе, персидскіе и латинскіе переводы твореній Аристотелевыхъ. Эти переводы весьма размножились со времени несторіанъ, основателей эдесской школы. Но арабскіе переводы были слишкомъ несовершенны, чтобы по нимъ можно было читать и съ пользою изучать сочиненія греческаго философа, основу всей тогдашней философіи и науки. Поэтому султанъ Ятрубъ-Юссуфъ поручилъ Аверроесу написать краткій и ясный комментарій на сочиненія Аристотеля.

Въ царствованіе Юссуфа, Аверроесъ постоянно занималъ важныя мѣста и былъ всегда въ великой милости. Онъ исполнялъ въ 1169 году, въ Севильи, обязанности кади, что не мѣшало ему продолжать научныхъ трудовъ, которымъ онъ посвящалъ весь свой досугъ.

„Аверроесъ, говоритъ Байль, былъ чрезмѣрно жиренъ, хотя ѣлъ только разъ въ сутки.

„Всѣ ночи онъ проводилъ за изученіемъ философіи и когда чувствовалъ усталость, то развлекался чтеніемъ какого-нибудь поэтическаго или историческаго сочиненія [1]."

---

[1]) Dictionaire historique (article *Averroès*).

Изъ его сочиненій видно, что онъ велъ необычайно дѣятельную жизнь. Онъ извиняется въ ошибкахъ, въ которыя могъ впасть, въ своемъ *Комментаріи* на Аристотеля, ссылаясь на многочисленныя занятія и отлучки изъ Кордовы, гдѣ была его библіотека [1]). Онъ часто жалуется, что общественныя занятія отнимаютъ у него время и свободу духа, столь необходимыя для его работъ. Онъ, по собственнымъ словамъ, долженъ былъ ограничиться только важнѣйшими теоріями, потому что подобно человѣку спасающемуся отъ пожара, уноситъ съ собою только необходимѣйшія вещи [2]).

Его обязанности заставляли его дѣлать частыя поѣздки въ различныя части альмогадской имперіи. Его *Комментаріи* помѣчены то мѣстами по сю сторону пролива, то по ту, Кордовой, Севильей, Мароко [3]).

Въ 1178 г., въ Мароко онъ написалъ часть трактата *De substantiâ orbis*. Въ 1179 г., въ Севильи онъ окончилъ одно изъ богословскихъ своихъ сочиненій.

По смерти ученаго Ибнъ-Тофаила, Аверроесъ былъ призванъ въ Мароко, чтобы замѣнить его въ качествѣ перваго врача султана. Вскорѣ Юссуфъ назначилъ его на многія почетныя должности.

По смерти Юссуфа, въ 1184, ему наслѣдовалъ Абу-Юссуфъ-Якубъ, прозванный Якубъ-аль-Мансуръ-Билагъ.

Аверроесъ былъ въ большой милости у новаго султана. Аль-Мансуръ любилъ бесѣдовать съ нимъ о наукахъ. Онъ сажалъ его на подушку, предназначенную для самыхъ ближнихъ любимцевъ.

То была великая честь, но не совсѣмъ безопасная. Въ дружескихъ бесѣдахъ съ повелителемъ правовѣрныхъ, Аверроесъ забывался до того, что обращался къ нему со словами «*послушай, братъ мой*». Быть можетъ, самому султану нравилась эта забывчивость; быть можетъ, ему дружеская бесѣда нравилась больше, чѣмъ напыщенная придворная вѣжливость.

---

[1]) Комментарій на четвертую часть сочиненія о частяхъ тѣла животныхъ.

[2]) *Сокращенный Альмагестъ* въ концѣ 1-ой книги.

[3]) *Averroès et l'Averroïsme*, par Renan.

АВЕРРОЕСЪ ПРИНОСИТЪ ВСЕНАРОДНОЕ ПОКАЯНІЕ У ДВЕРЕЙ ФЕЦСКОЙ МЕЧЕТИ.

3

Историки различнымъ образомъ разсказываютъ обстоятельства, сопровождавшія паденіе Аверроеса. Разница, впрочемъ, не существенная. Немилость къ Аверроесу была мотивирована его религіозными мнѣніями.

Байль говоритъ, что нѣсколько кордовскихъ ученыхъ предложили ученикамъ обратиться къ Аверроесу и просить его изложить имъ свою философію. Аверроесъ согласился охотно исполнить это желаніе, исходившее повидимому изъ жажды къ знаніямъ. Поэтому было назначено мѣсто, день и часъ философской бесѣды. Въ назначенное время, онъ вошелъ въ залу, гдѣ собралось уже много слушателей. Не подозрѣвая ловушки, онъ говорилъ безъ приготовленія, не думая, что его слова могутъ быть перетолкованы. Послѣ бесѣды, его враги написали протоколъ, подписанный ста свидѣтелями, и послали его къ султану.

Аль-Мансуръ, прочтя протоколъ, вскричалъ: „Ясно, этотъ человѣкъ не нашей вѣры [1]).“

Ансари разсказываетъ другой фактъ, обусловившій немилость къ Аверроесу [2]).

По предсказанію, распространившемуся на Востокѣ, родъ человѣческій долженъ былъ погибнуть въ извѣстный день вслѣдствіе всеобщаго потопа. Народъ томился въ ужасѣ. Правитель созвалъ въ Кордовѣ совѣтъ ученыхъ и значительныхъ лицъ, ради рѣшенія этого вопроса.

Аверроесъ позволилъ себѣ разсматривать предсказаніе съ физической и астрологической точки зрѣнія; тогда нѣкій богословъ, по имени Абд-эль-Кебиръ, спросилъ его, вѣритъ ли онъ сказанію Корана о томъ, что племя Адъ было истреблено наводненіемъ, подобнымъ тому, въ возможности котораго онъ сомнѣвается. Аверроесъ отвѣчалъ, безъ должнаго почтенія къ сказанію Корана, и его отвѣтъ произвелъ сильное волненіе.

По другимъ историкамъ, Аверроеса преслѣдовали за то, что онъ былъ еврей и стремился къ тому, чтобы въ Мароко іудейская религія

---

[1]) Bayle, статья *Averroès;* Hottingue, *Bibliothèque théologique*, Hoefer, *Biographie générale* de Didot.

[2]) Арабская рукопись императорской библіотеки (см. Ренана)

восторжествовала надъ Кораномъ. Левъ Африканецъ, разсказывая, что во время преслѣдованій Аверроесъ нашелъ убѣжище у своего ученика, еврея Маймонда, заставляетъ насъ придти къ заключенію, что Аверроесъ былъ еврейскаго происхожденія.

Ученый Дози [1]) полагаетъ, что въ этомъ враги Аверроеса были не далеки отъ истины во 1) потому, что въ Испаніи почти всѣ философы-медики были христіанскаго или еврейскаго происхожденія; во 2) потому, что ни одинъ изъ біографовъ Аверроеса не называетъ арабскаго племени, къ которому онъ принадлежалъ, что всегда исполнялось для чистокровныхъ арабовъ.

Быть можетъ, единственной причиной всѣхъ преслѣдованій противъ Аверроеса, въ то время старика, были почести, которыми осыпалъ его султанъ Аль-Мансуръ. Возбуждая зависть и ненависть, онѣ способствовали его паденію и тому варварскому обращенію, которое онъ испыталъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Въ ту минуту, когда Аверроесъ, казалось, достигнулъ вершины почестей и довѣрія, онъ мгновенно лишенъ всего и сосланъ въ Лицену, городокъ недалеко отъ Кордовы. Какая идея, или какой поступокъ воздвигли такое гоненіе? Какъ объяснить такое быстрое измѣненіе въ его положеніи?

Вотъ что объ этомъ разсказываетъ арабскій историкъ Абд-эль-Вагидъ-Ибнъ [2]).

«У Ибн-Рошда въ Кордовѣ были непримиримые враги, которые думали быть равными ему по происхожденію и благородству, и которыхъ ненависть и ревность были возбуждены въ высшей степени и великими достоинствами, и высокимъ положеніемъ философа. Они составили планъ погубить его во мнѣніи султана. Для этого нужно было найти если не важный, то правдоподобный предлогъ къ обвиненію, и они отыскали такой предлогъ. Въ то время, какъ Ибнъ-Рошдъ работалъ надъ своимъ *краткимъ изложеніемъ*, имъ удалось достать клочекъ бумаги, на которомъ его собственной рукой было написано: „*ясно, что Венера — богиня.*“ Эти слова были взяты изъ греческаго писателя, на котораго онъ ссылался; ихъ приписали самому философу, какъ выраженіе его собственнаго мнѣнія; такъ объ этомъ было доложено и султану. Аль-Мансуръ въ это время находился въ Кордовѣ; онъ созвалъ головъ и предводителей всѣхъ сословій народа и приказалъ Ибнъ-Рошду (Аверроесу) предстать предъ это собраніе, котораго самъ былъ предсѣдателемъ. Когда вошелъ об-

---

[1]) *Journal asiatique*, 1859, іюль.

[2]) Въ переводѣ аббата Баржеса.

виняемый, Аль-Мансуръ съ негодованіемъ бросилъ ему кусокъ бумаги, на которомъ были написаны преступныя слова, и спросилъ его:—*Ты-ли написалъ это?* Ибнъ-Рошдъ отвѣчалъ: *Нѣтъ.* Тогда повелитель правовѣрныхъ прибавилъ: *Да будетъ проклятъ богомъ написавшій эти строки.* Затѣмъ онъ приказалъ проклясть его всѣмъ присутствовавшимъ, и потомъ съ безчестіемъ выгнать Ибнъ-Рошда изъ собранія и сослать его, а также всѣхъ, кто осмѣлится еще заниматься этими науками. Болѣе, указомъ, обязательнымъ для всей имперіи, повелѣно было всѣмъ подданнымъ прекратить изученіе этихъ наукъ и сжечь всѣ философскія сочиненія, за исключеніемъ тѣхъ, въ коихъ говорится о медицинѣ, математикѣ и той части астрономіи, которая научаетъ опредѣлять часы дня и ночи и направленіе *Киблаха* [1]). Этотъ указъ былъ введенъ въ исполненіе во всѣхъ провинціяхъ. Но позже, по возвращеніи въ Мароко, султанъ отмѣнилъ все сдѣланное въ это время; онъ даже обнаружилъ такую любовь къ наукамъ философскимъ, что снова призвалъ Ибнъ-Рошда ко двору и осыпалъ его милостями. Но вскорѣ послѣ этого, Ибнъ-Рошдъ заболѣлъ и умеръ."

Текстъ этого любопытнаго указа сохраненъ арабскимъ писателемъ Ансари. Въ немъ султанъ объявляетъ, что Богъ искони вѣковъ уготовалъ огнь и адъ для нечестивцевъ, осмѣливающихся утверждать, что только разумъ можетъ привести насъ къ истинѣ.

Не слѣдуетъ по этому указу судить объ Аль-Мансурѣ. Онъ много занимался и постоянно тайно занимался науками греческой древности. Въ этомъ у него было много подражателей между мусульманами высшихъ классовъ. Но онъ боялся народнаго невѣжества и суевѣрія.

„Ненависть народа противъ философовъ, говоритъ г. Ренанъ [2]), достигала крайности, если по несчастію про человѣка говорили: „Такой-то учитъ философіи, или занимается астрономіей, тогда народъ тотчасъ же прозывалъ его *циндикомъ* (невѣрующимъ, нечестивымъ), и это прозвище оставалось за нимъ всю жизнь. Если положеніе такого человѣка нѣсколько колебалось, то его убивали на улицѣ, или сжигали въ собственномъ домѣ, раньше, чѣмъ султанъ узнавалъ объ этомъ."

Быть можетъ, Аль-Мансуръ приговорилъ Аверроеса къ ссылкѣ, чтобы защитить его отъ ярости богослововъ и жестокости народа. Кто знаетъ, можетъ быть, султанъ и философъ заранѣе условились на этотъ счетъ, и Ибнъ-Рошдъ самъ согласился на необходимость этой мѣры, получивъ обѣщаніе султана призвать

---

[1]) Такъ называется у магометанъ та точка компаса, которая находится по направленію къ Меккѣ. *Прим. пер.*

[2]) *Averroès et l'Averroïsme*, стр. 35.

его снова, какъ только ярость народная утихнетъ и обстоятельства станутъ благопріятнѣе. Чтобы принять это предположеніе, стоитъ только вспомнить долгую дружбу между султаномъ и Аверроесомъ.

Какъ бы тамъ ни было, дѣло было быстро рѣшено. У Аверроеса отняли все имущество, всѣ почести и званія, изгнали изъ Мароко и сослали, какъ уже сказано, въ мѣстечко Лицену, или Елизану.

Аверроесъ былъ не единственной жертвой побѣды придворной партіи надъ партіей философской. Многія значительныя лица, ученые, врачи, факиры и кади, были подобно ему, сосланы.

Въ маленькомъ мѣстечкѣ Люценѣ, у Кордовскихъ воротъ, Аверроесъ ежедневно подвергался оскорбленіямъ со стороны населенія. Арабскій историкъ Ансари говоритъ, что сильнѣйшее испытаніе, претерпѣнное имъ во время изгнанія, заключалось въ томъ, что народъ выгналъ его изъ главной кордовской мечети, куда онъ вошелъ съ сыномъ. Религіозный фанатизмъ мусульманъ безпощаденъ.

Эти преслѣдованія стали наконецъ для него не переносны. Онъ убѣжалъ съ мѣста ссылки въ Фецъ, но скоро былъ тамъ узнанъ и посаженъ въ темницу.

Онъ недолго томился въ заключеніи. Аль-Мансуръ тронулся его несчастіями, и обѣщалъ ему свою милость съ условіемъ, чтобы онъ согласился принести всенародное покаяніе у входа въ мечеть.

Аверроесъ сознался, что, будучи первымъ судьей страны, онъ не долженъ былъ посягать на ея основной законъ, и согласился принести покаяніе.

Его торжественно привели къ дверямъ главной фецской мечети. Тамъ, принеся покаяніе, онъ съ обнаженной головой, пока продолжалось служеніе, долженъ былъ подвергаться самымъ страшнымъ униженіямъ.

Принеся публичное покаяніе, Аверроесъ жилъ нѣкоторое время въ Фецѣ. Онъ даже давалъ уроки гражданскаго права, но они были дурно приняты.

Тогда онъ рѣшился возвратиться въ Кордову, гдѣ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ уединеніи и бѣдности.

По счастію, должность великаго судьи Мавританіи послѣ него занимали люди, заставлявшіе сожалѣть о прежнемъ судьѣ. Такимъ образомъ, народъ марокскій, который фанатикамъ-богословамъ столь легко было поднять на Аверроеса, скоро позабылъ свою ненависть къ нему. Стали громко требовать его возвращенія къ прежнимъ должностямъ.

Султанъ, подъ вліяніемъ котораго, можетъ быть, и совершился переворотъ въ этихъ мнѣніяхъ, поспѣшилъ возратить философа. Онъ возратилъ несчастному философу всѣ прежнія почести.

Послѣ этого, не извѣстно черезъ сколько времени, Ибнъ-Рошдъ, уже въ преклонномъ возрастѣ, умеръ въ Мороко 10 декабря, 1198, по свидѣтельству арабскаго историка Ансари и многихъ другихъ; по Льву же Африканцу—семью или восемью годами позже.

Ансари утверждаетъ, что онъ былъ погребенъ въ Мароко, на кладбищѣ, находившемся за тангазутскими воротами, но что черезъ три мѣсяца тѣло его было вырыто изъ земли, перевезено въ Кордову и положено въ родовой усыпальницѣ. Дѣйствительно, писатель Ибнъ-Араби разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ въ Мароко тѣло Аверроеса укладывали на вьючное животное для перенесенія въ Кордову.

Сыновья Аверроеса были учеными богословами и правовѣдами. Они сдѣлались городскими или окружными кади. Одинъ изъ нихъ, Абу-Могамедъ-Абдала, прославился какъ врачъ, и написалъ *Терапевтическую методу*.

Заключимъ нашъ очеркъ нѣсколькими словами о трудахъ кордовскаго философа.

Аверроесъ болѣе замѣчателенъ, какъ философъ, чѣмъ какъ врачъ и естествоиспытатель. Главное его право на признательность потомства заключается въ возстановленіи сочиненій Аристотеля и въ учрежденіи нѣкотораго культа этому философу, перешедшаго къ его послѣдователямъ.

Изучивъ Аристотеля не въ греческомъ подлинникѣ, котораго онъ не понималъ, но въ переводахъ сирійскихъ или арабскихъ, сдѣланныхъ съ латинскихъ, онъ почувствовалъ къ стагирскому философу удивленіе, доходившее до фанатизма. Въ средніе вѣка Аверроеса называли *душою Аристотеля*, или проще *толковникомъ Аристотеля*.

Ошибки, которыя дѣлалъ Аверроесъ на счетъ греческой литературы и философіи, происходили оттого, что онъ не понималъ Аристотеля въ подлинникѣ и могъ комментировать его сочиненія только по наполненнымъ ошибками переводамъ.

Способность Аверроеса къ умственнымъ трудамъ была огромна. Это доказывается числомъ и объемомъ его сочиненій. Арабскій историкъ Ибнъ-эль-Аббаръ говоритъ, что Аверроесъ, для редакціи своихъ книгъ, употребилъ десять тысячъ листовъ бумаги и что, съ ранней юности, онъ только двѣ ночи не занимался науками: въ день своей свадьбы и смерти своего отца.

Онъ былъ знатокомъ арабскихъ правъ и словесности. Въ юности, онъ самъ занимался поэзіей.

По Льву Африканцу, онъ написалъ нѣсколько любовныхъ сочиненій, которыя сжегъ въ старости. Парафразъ *Аристотелевой поэтики* указываетъ на его громадное знаніе арабской словесности, и на неменьшее невѣжество въ литературѣ греческой. Таково мнѣніе Ренана.

По примѣру древнегреческихъ философовъ, Аверроесъ публично преподавалъ науки. У него было много учениковъ между евреями и христіанами. Но между мусульманами число учениковъ его было не такъ велико, вѣроятно потому, что онъ считался не совсѣмъ правовѣрнымъ. Поэтому на Востокѣ онъ не пользовался никогда большой славой и о немъ умалчивается въ *жизнеописаніяхъ великихъ людей* исламизма. Но на Западѣ онъ былъ въ великой славѣ въ средніе вѣка.

Аверроесъ написалъ медицинское сочиненіе, называемое *Colliget* (*Liber de medicinâ, qui dictur Colliget*), то есть *сборникъ*. Въ этомъ сочиненіи, раздѣленномъ на семь книгъ, говорится объ

анатоміи, болѣзняхъ, лекарствахъ и т. д. Онъ занимался астрономіей и изложилъ вкратцѣ *Альмагестъ* Птоломея.

Аверроесу приписывается огромное число сочиненій; но эти сочиненія, разсѣянныя въ библіотекахъ, весьма трудно отыскать всѣ. Его положеніе, значеніе, должности и преслѣдованія сильно способствовали распространенію его славы, пріобрѣтенной *толкованіемъ Аристотеля* и преподаваніемъ въ Мароко.

СОСТОЯНІЕ НАУКЪ

ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПѢ.

Большинство историковъ принимаетъ, что періодъ среднихъ вѣковъ начинается съ конца четвертаго вѣка нашей эры и оканчивается въ концѣ пятнадцатаго. Стало быть, онъ обнимаетъ пространство около десяти вѣковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ четвертаго вѣка по Р. Х., Западная римская имперія начинаетъ рушиться со всѣхъ сторонъ. Словно потокъ несутся на цвѣтущія страны по берегамъ Рейна—саксы, герулы, сикамбры, вандалы, бургунды и т. д.

Вскорѣ страна, находящаяся между Альпами и Пиренеями, между океаномъ и Рейномъ, опустошена варварами. Майнцъ взятъ; Вормсъ падаетъ послѣ долгой осады; жители Реймса, Амьена, Арраса, Шпейера, Страсбурга уведены въ Германію. Аквитанія и Галлія опустошены. Римъ осажденъ и даже не пробуетъ сопротивляться. Онъ платитъ выкупъ.

Повсюду, долгое время, царствовалъ совершенный хаосъ. Наконецъ, народы осѣлись въ различныхъ частяхъ разрушенной ими имперіи. Вслѣдствіе постепенной ассимиляціи нравовъ, идей и языка между побѣдителями и побѣжденными, подъ вліяніемъ христіанства, образовалось много новыхъ обществъ. Но это учрежденіе общественнаго порядка совершилось послѣ великихъ трудовъ. Болѣе тысячи лѣтъ прошло, пока государства установились въ границахъ, и появились отдѣльные народы съ тѣмъ духомъ, нравами, учрежденіями, языкомъ, которые составляютъ особенности каждаго изъ нихъ.

Работа разрушенія и разложенія длилась на Западѣ шестой и седьмой вѣкъ во всѣхъ странахъ, принадлежавшихъ римлянамъ.

Развалины взгромождаются на развалины. — Названіе *римлянинъ*, говоритъ епископъ Луитпрандъ, сдѣлалось между варварами самымъ постыднымъ, какимъ только человѣкъ можетъ обозвать другаго! Это имя служило только для выраженія послѣдней степени отвращенія и презрѣнія.

Казалось, все соперничало, чтобы погрузить Европу въ самый непроглядный мракъ. Восточный императоръ, Юстиніанъ I, въ шестомъ вѣкѣ, думалъ нанести послѣдній ударъ язычеству, закрывъ школы, гдѣ науки и словесность преподавались учителями язычниками, или только заподозрѣнными въ язычествѣ. Вскорѣ были запрещены всѣ свѣтскія науки. Варвары - побѣдители, полагавшіе, что римляне сдѣлались слабыми и трусливыми именно вслѣдствіе занятій науками и искусствами, питали чувство ужаса къ ученымъ, математикамъ и философамъ.

Самъ великій первосвященникъ, св. Георгій, который въ эти времена невѣжества, по словамъ одного ученаго, правилъ церковью при помощи своихъ добродѣтелей и просвѣщалъ ее своими трудами, — самъ онъ смотрѣлъ на языческія науки какъ на совершенно противныя религіи и находилъ, что не слѣдуетъ благочестивому мірянину занилаться гуманизмомъ. Въ одномъ изъ писемъ, папа сильно выговариваетъ епископу за то, что онъ обучилъ грамматикѣ нѣсколько молодыхъ людей.

Невѣжество было весьма велико уже въ шестомъ вѣкѣ; въ седьмомъ оно усилилось еще; въ слѣдующемъ достигло вершины. Въ это время, умѣвшій пѣть священникъ почитался ученымъ мужемъ. Всѣ теоріи были заброшены. Въ промышленныхъ и механическихъ искусствахъ, равно какъ и въ изящныхъ, вся суть ограничивалась грубой практикой.

Казалось, человѣческій геній навсегда угаснетъ въ большей части Европы, какъ во второй половинѣ восьмаго вѣка появился одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые, кажется, предназначены производить въ мірѣ неожиданныя измѣненія. То былъ Карлъ Великій. Сынъ Пепина Короткаго, онъ, въ 768 году, былъ коронованъ папою Стефаномъ III вмѣстѣ съ братомъ своимъ Карломаномъ. Но въ 791 году Карломанъ умеръ, и Карлъ очутился

одинъ во главѣ обширныхъ владѣній, раздѣленныхъ Пепиномъ между двумя сыновьями.

Мы станемъ разсматривать Карла Великаго не какъ воина или государственнаго человѣка, но какъ умъ высшаго порядка, чувствовавшаго всю важность литературныхъ и научныхъ изслѣдованій; какъ мужа, имѣвшаго цѣлью возстановленіе наукъ и собственнымъ примѣромъ подвигавшаго къ этому дворянство и духовенство.

Въ то время, громъ оружія раздавался только на окраинахъ имперіи. Внутри стало дышать свободнѣе подъ покровительствомъ законовъ. Начали понимать, что для установленія долговѣчныхъ учрежденій, нуженъ свѣтъ науки. Явилась потребность образованія. Но гдѣ источникъ этого духовнаго свѣта? Никто не умѣлъ писать. Ни самъ Карлъ, гордившійся славой возстановителя наукъ и словесности, ни большинство придворныхъ вельможъ, желавшихъ подражать ему, — никто не умѣлъ подписать своего имени. Почти одни духовные умѣли читать и писать. Только въ монастыряхъ сохраняли и переписывали рукописи.

Карлу было болѣе сорока лѣтъ, когда онъ научился писать. Онъ постоянно носилъ съ собою записную книжку и на ночь клалъ ея въ изголовье, какъ-то временные воины клали въ изголовье мечи. Все свободное отъ сна и дѣлъ время, онъ упражнялся въ письмѣ. Онъ хотѣлъ также узнать литературу и науки, но ему недоставало пособій. Ему нужны были грамматики, научныя книги и въ особенности нуждался онъ въ человѣкѣ, который могъ бы понимать и толковать ихъ.

Безъ сомнѣнія, не возможно было найти такого человѣка въ обширныхъ владѣніяхъ Карла Великаго, почему и стали искать за границей.

То былъ Алкуинъ, діаконъ Іоркской церкви, котораго Карлъ встрѣтилъ, путешествуя по Италіи.

Флаккъ-Альбинъ Алкуинъ пользовался огромной извѣстностью на родинѣ. Онъ обучалъ латыни, греческому и еврейскому языкамъ, риторикѣ, діалектикѣ, математикѣ, астрономіи и богословію.

Въ 794 г., Карлъ приблизилъ къ себѣ Алкуина въ качествѣ наставника. Старый ученикъ ученаго учителя вскорѣ могъ го-

ворить по-латыни, какъ на родномъ языкѣ, и изрядно разбиралъ по-гречески. Онъ изучилъ словесность и астрономію. Все, что онъ узнавалъ отъ своего наставника, Карлъ передавалъ своимъ дѣтямъ. При помощи этого превосходнаго метода, онъ укрѣплялъ свои знанія. *Docendo docetur.*

Когда Карлъ, при помощи Алкуина, предпринялъ возстановленіе наукъ и устройство школъ, то пришлось все начинать съ азовъ. Школы, существовавшія при соборахъ и монастыряхъ, были закрыты. Даже въ средѣ самого духовенства, гдѣ предполагалась необходимость нѣкотораго образованія, невѣжество пустило такіе глубокіе корни, что почти не разумѣли ни святаго писанія, ни богословія. Карлъ жаловался на грубое невѣжество епископовъ и аббатовъ; онъ могъ судить объ этомъ по правописанію и чистописанію получаемыхъ имъ писемъ.

Онъ, поэтому, ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобъ возбудить въ нихъ ревность къ наукѣ. Онъ ободрялъ ихъ своимъ примѣромъ. Онъ живо рисовалъ имъ все зло невѣжества. Онъ выставлялъ имъ на видъ, что ихъ обязанность научиться самимъ и научать другихъ. Чтобы доставить имъ средства къ этому, онъ выписывалъ изъ другихъ странъ, преимущественно изъ Англіи и Ирландіи, людей, извѣстныхъ своей ученостью. Вскорѣ, во главѣ главныхъ школъ явились образованные профессоры, которымъ Карлъ далъ хорошее вознагражденіе и съ которыми онъ обращался съ великимъ почтеніемъ.

Возстановивъ старинныя школы, онъ основалъ новыя не только въ Парижѣ, но во многихъ городахъ Италіи и Германіи. Изъ всѣхъ этихъ школъ, главнѣйшей и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важнѣйшей была школа, основанная въ самомъ дворцѣ Карла. Тамъ, подъ его надзоромъ, обучали языкамъ, общей грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ и тому, что тогда понималось подъ именами философіи и богословія.

Но чтобы составить себѣ правильное понятіе о томъ, чѣмъ были въ то время эти различныя отрасли человѣческихъ знаній, необходимо знать точно источникъ, изъ коего ихъ черпали.

Ученѣйшія сочиненія греческой древности стали извѣстны въ Европѣ только спустя долгое время послѣ Карла Великаго, черезъ

посредство арабовъ. Въ восьмомъ вѣкѣ ихъ еще не знали, или если и знали ихъ по отрывкамъ, переведеннымъ по латыни писателями перваго вѣка нашей эры, то весьма сомнительно, чтобы ихъ понимали. Главными руководителями, которымъ, кажется, слѣдовали въ карловыхъ школахъ были: Капелла, родомъ африканецъ, пятаго вѣка грамматикъ-философъ, писавшій по латыни по грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ, геометріи, музыкѣ и астрономіи; и Касіодоръ, римскій сенаторъ, написавшій сочиненіе объ искусствахъ въ шестомъ вѣкѣ по Р. Х., то есть въ эпоху, когда нравы, языки и искусства въ Европѣ были въ сильнѣйшей степени варварства.

Изъ всѣхъ изучавшихся тогда писателей, блаженный Августинъ болѣе другихъ былъ способенъ просвѣтить вѣкъ Карла Великаго. Августинъ пріобрѣлъ множество знаній, при помощи своей громадной начитанности; онъ былъ, кромѣ того, человѣкъ геніальный.

Карлъ Великій начерталъ *планъ обученія* для своихъ школъ. Этотъ планъ былъ составленъ по блаженному Августину и Касіодору. Два курса, *trivium* и *quadrivium*, обнимали, въ совокупности, все классическое образованіе. Въ *trivium* преподавали грамматику, риторику и діалектику; въ *quadrivium* — музыку, ариѳметику, геометрію и астрономію.

Карлъ зналъ все, что преподавалось въ *trivium* и *quadrivium*. Но міряне не слишкомъ-то увлекались этими знаніями и не толпились ради ихъ въ соборахъ и монастыряхъ. Что касается духовныхъ, то, окончивъ *trivium*, они поступали на весьма короткое время въ *quadrivium* и тотчасъ же бросали его, считая науки дѣломъ безполезнымъ, или находя ихъ свыше силъ своихъ.

Въ вѣкъ, лучше приготовленный для воспринятія знанія, Карлу, конечно, удалось бы воскресить науки, возбудить геній искусствъ. Онъ не достигъ этого, но это не значитъ, что всѣ его заботы, издержки, усилія пропали даромъ. Изъ различныхъ, довольно многочисленныхъ работъ, сдѣланныхъ въ его царствованіе, видны довольно значительныя слѣдствія того импульса, который данъ имъ умамъ современниковъ. Алкуинъ много способствовалъ этому, и своимъ преподаваніемъ и добрыми совѣтами государю.

Алкуинъ умеръ въ 804 г. Отъ него осталось нѣсколько объемистыхъ сочиненій. Пробѣгая ихъ, можно составить довольно точное понятіе о томъ, что обнимало собою тогдашнее литературное и научное образованіе.

Во времена Карла, во Франціи были извѣстны десять книгъ Витрувія, архитектора Августа, представляющія сводъ множества греческихъ авторовъ, архитекторовъ, ваятелей, живописцевъ, музыкантовъ, механиковъ и т. д., сочиненія которыхъ болѣе не существуютъ. Различные, описанные Витрувіемъ, памятники были сдѣланы изъ слоновой кости однимъ изъ вельможъ двора Карлова. Уже много значило читать Витрувія и понимать его настолько, чтобы по его сочиненіямъ построить модели храмовъ, базиликъ, дворцовъ и т. п. Въ наше время, немногіе архитекторы достигаютъ высоты Витрувія; немногіе владѣютъ такими обширными и разнообразными артистическими обширными свѣдѣніями, какъ римскій архитекторъ.

Надобно прочесть Егингарда, сочиненія Алкуина, *Капитуляріи* Карла и множество оставшихся отъ того времени писемъ, чтобы составить себѣ понятіе о состояніи человѣческихъ знаній въ царствованіе Карла Великаго. Изъ *Капитулярій* видно, что Карлъ приказалъ прибавить медицину, подъ именемъ *физики*, къ предметамъ, преподававшимся тогда въ епископскихъ школахъ. Не надо забывать также, что Карлъ покровительствовалъ изученію греческаго языка. Въ это время Боэцій написалъ свои сочиненія.

Боэцій родился въ Римѣ въ 470 г. въ богатой и старинной фамиліи. Тамъ онъ получилъ первичное образованіе. Затѣмъ онъ отправился въ Аѳины, чтобы изучить философію и науки у считавшихся въ то время самыми искусными преподавателей. Возвратясь въ Римъ, онъ, по порученію сената, говорилъ привѣтственную рѣчь королю Теодорику. Позже онъ сдѣлался министромъ этого короля.

Боэцій изучилъ и перевелъ сочиненія Аристотеля, Евклида, Архимеда и Птоломея. Отъ него остались *трактатъ объ ариѳметикѣ*, а также философскія и богословскія сочиненія.

Итакъ, въ царствованіе Карла были люди, занимавшіеся изученіемъ наукъ математическихъ, физическихъ и астрономическихъ. Далѣе, геометрію и астрономію обыкновенно изучали по сочиненіямъ Беды, составленнымъ по Евклиду, Плинію, Аристотелю и Птоломею; изъ нихъ можно было, по крайней мѣрѣ, узнать, откуда черпать дальнѣйшія свѣдѣнія изъ тѣхъ же наукъ.

Карлъ призывалъ изъ-за границы архитекторовъ, скульпторовъ, музыкантовъ и т. д. Часто восхищались великолѣпіемъ дворцовъ и базилики, построенныхъ имъ въ Ахенѣ и украшенныхъ вывезенными изъ Италіи произведеніями искусствъ. Въ Франціи и Германіи строились церкви, мосты, дворцы, замки. Флоренція, до половины разрушенная многочисленными вторженіями, почти вся была перестроена Карломъ. Торговля, промышленость и ремесла развились въ его царствованіе. Тосканскіе и марсельскіе купцы привозили во Францію цареградскія шелковыя ткани. Римъ, Равена, Миланъ, Ліонъ, Арль, Туръ славились своими шерстяными издѣліями. Желѣзо умѣли дамаскировать; дѣлали стекло, мелочныя желѣзныя и мѣдныя подѣлки, золотыя вещи и т. д.

У Карла была большая и богатая библіотека, которую сталъ собирать его отецъ, Пепинъ Короткій. Онъ сдѣлалъ библіотекаремъ Лидрада, котораго послѣ назначилъ архіепископомъ ліонскимъ.

По одному письму Лидрада къ Карлу можно составить понятіе о наказахъ, которые императоръ давалъ прелатамъ, на счетъ покровительства и распространенія образованія въ ихъ епархіяхъ. Лидрадъ пишетъ, что онъ основалъ пѣвческія и читальныя школы. Изъ этихъ школъ вышли уже довольно искусные пѣвцы (дѣло идетъ о грегоріанскомъ пѣніи), которые могутъ обучать другихъ, и читальщики, понимающіе *духовный смыслъ* евангелистовъ и разумѣющіе пророковъ, книги Соломоновы, псалмы и Іова. Онъ сдѣлалъ также все отъ него зависѣвшее, относительно *переписки книгъ*. Онъ доставилъ священническія ризы, возобновилъ церкви, покрылъ большую церковь Іоанна Богослова въ Ліонѣ и возобновилъ часть городскихъ стѣнъ. Онъ починилъ крышу церкви св. Стефана, перестроилъ заново церковь св. Назарія и св. Маріи, не считая монастырей, епископскихъ домовъ и т. д.

То же дѣлалось и въ другихъ епархіяхъ; Карлъ требовалъ, чтобы ему давали подробный отчетъ во всемъ. Въ особенности онъ желалъ, чтобы въ монастыряхъ четко переписывали древнія рукописи. Такимъ образомъ, могло до нѣкоторой степени увеличиться число экземпляровъ полезныхъ сочиненій.

Большая часть монаховъ, занимавшихся по монастырямъ этимъ дѣломъ, ограничивались механической перепиской. Но между этими переписчиками-ремесленниками должны были встрѣчаться такіе, кто старался понять смыслъ переписываемыхъ рѣчей, и подвигнутый прирожденной человѣку любознательностью начиналъ изучать самъ рукописи. Такимъ образомъ, тамъ и сямъ въ монастырскомъ уединеніи образовывались люди, бывшіе въ тѣ невѣжественныя времена избранными умами.

Дошедшія до насъ философскія и научныя сочиненія греческой и римской древности обязаны своимъ сохраненіемъ этой совокупной работѣ средневѣковыхъ монастырей. Ихъ переписывали монахи и послушники. Въ старинныхъ монастырскихъ общинахъ, было предписано грамотнымъ переписывать рукописи, а неграмотнымъ переплетать. На такую работу смотрѣли какъ на угодную Богу.

Рукописи сначала хранились въ церквахъ. Затѣмъ, когда были образованы и установлены духовныя общины, эти архивы человѣческаго знанія перешли въ богатые монастыри. Такъ основались первыя библіотеки.

Въ два, предшествовавшіе Карлову царствованію, вѣка, то есть въ седьмомъ и восьмомъ, много рукописей было потеряно. Онѣ были или сожжены варварами, или же искажены и искалѣчены невѣжествомъ и ошибками переписчиковъ. Ученый наставникъ Карла, Алкуинъ, часть жизни употребилъ на отысканіе и исправленіе рукописей. Онъ употреблялъ на это дѣло много монаховъ и лучшихъ изъ учениковъ своихъ. Карлъ, въ одномъ изъ *Капитуляріевъ*, съ величайшею заботливостью настаиваетъ на возстановленіи рукописей: онъ ободряетъ занимающихся уже этимъ дѣломъ. На Востокѣ, воины-крестоносцы вели себя, какъ варвары: они уничтожили огромное число библіотекъ. Немного позже, множество рукописей, писанныхъ на пергаментѣ, было уничто-

жено невѣждами-монахами, которые соскабливали текстъ и писали на пергаментѣ псалмы, требники и благочестивыя размышленія.

Но среди грубаго невѣжества седьмаго и восьмаго вѣка, мы обязаны духовнымъ общинамъ за сохраненіе древнихъ книгъ. Въ монастыряхъ ихъ переписывали, воспроизводили, спасали отъ возможности уничтоженія. Кельи были превращены въ библіотечныя мастерскія. Между монахами, у каждаго было свое дѣло, и въ этомъ дѣлѣ его направляли, наставляли, указывали ему, болѣе талантливые братья. Этимъ занимались и въ женскихъ монастыряхъ. Большую часть дня, монахини либо переписывали, либо переплетали книги. Искусства илюминаціи и переплетное сдѣлались настоящими ремеслами, въ которыхъ, по естественному закону раздѣленія труда, образовались различныя спеціальности.

Отъ искусства переписки, естественно перешли къ искусству переводному и даже къ сочиненію новыхъ книгъ. Въ тринадцатомъ вѣкѣ, въ монастыряхъ была сильная интелектуальная дѣятельность. Монашескіе ордена имѣли привилегію распространять въ различныхъ классахъ общества просвѣщеніе, или то, что называлось этимъ именемъ. Существовало много мужскихъ и женскихъ школъ, содержимыхъ орденами нищенствующихъ братій, кордильерами, или доминиканцами, а также монахинями.

Въ монастыряхъ же, въ тринадцатомъ вѣкѣ, появились первыя естественно-историческія собранія, изучалась и практиковалась медицина, занятіе словесностью и науками соединялись съ занятіями живописью, стеклянымъ и горшечнымъ дѣломъ, и т. д.

Словомъ, въ средніе вѣка, духовныя общины сильно способствовали развитію новѣйшей цивилизаціи. Было бы неправильно думать, значило-бы ложно понимать природу человѣческихъ обществъ, заключая отъ нынѣшняго безплоднаго и ненужнаго состоянія этихъ установленій въ западной Европѣ, о ихъ всегдашней безполезности.

Но возвратимся къ Карлу Великому. Непреоборимыя обстоятельства препятствовали развитію основанныхъ имъ учрежденій. Населеніе имперіи было еще простой смѣсью различныхъ народовъ съ различными нравами, обычаями, мыслями и языками. Чтобы цивилизаціонный опытъ Карла удался, требовалось суще-

ванiе языка общаго, если не всей массѣ народовъ, но по крайности всему дворянству и духовенству. Недостаточно было появленія ученыхъ, которые лучше или хуже могли изъясняться по-латыни. Латынь соотвѣтствовала уже исчезнувшему порядку цивилизаціи; по тысячѣ причинъ, она никоимъ образомъ не могла сдѣлаться языкомъ новой цивилизаціи. Результатомъ латыни явилась раздѣльность между учеными и массой народа, раздѣльность, задержавшая надолго развитіе истинно-національнаго языка, сдѣлавшая на нѣсколько вѣковъ невозможнымъ появленіе настоящей народной словесности.

Но мы, тѣмъ не менѣе, должны признать, что впослѣдствіи лучше понятое изученіе греческаго и латинскаго языковъ, а позже арабскаго привело къ обладанію древней наукой; и что новые языки, развиваясь нѣкоторымъ образомъ подъ вліяніемъ древнихъ, пріобрѣли такія качества, какихъ безъ этого не имѣли бы. Языкъ имѣетъ важное значеніе даже въ чисто-научныхъ изслѣдованіяхъ. Порча языка всегда служитъ знакомъ, что народъ приближается къ варварству. Напротивъ, когда языкъ дѣлается точнѣе, чище, гармоничнѣе — это знакъ, что народъ подвигается впередъ по пути цивилизаціи.

Все пришло въ упадокъ со смертью Карла Великаго. Людовикъ Кроткій и Карлъ Лысый тщетно старались поддержать школы. Имперія была до глубины взволнована возстаніями народовъ, надѣявшихся добиться прежней своей независимости; отсюда проистекли войны. Внутри, чрезмѣрная слабость власти ободряла притязанія духовенства, желавшаго сдѣлаться главою правительства, и дворянства, желавшаго присвоить новыя права. Народъ впалъ въ рабство. Духовенство забросило школы, отчасти изъ желанія усилить свой авторитетъ, отчасти вынуждаемое необходимостью защищать свои права противъ свѣтскихъ властей.

Посреди этого нравственнаго и житейскаго безпорядка, мало было желавшихъ заняться изученіемъ книгъ. Послѣ Карла Великаго образованіе пало до того, что епископамъ было предписано не ставить въ священники никого, не убѣдившись предварительно, что поставляемый въ состояніи читать евангеліе и объяснить по крайности буквальный смыслъ прочитаннаго. Соборы

увѣщевали государей заботиться о школахъ. Нѣкоторыя изъ школъ возобновлялись, другія открывались вновь; изъ другихъ странъ, гдѣ науки еще не окончательно пали, выписывались ученые и учители. Но рѣдко эти заботы увѣнчивались успѣхомъ.

То, что сдѣлано Карломъ Великимъ для возстановленія наукъ во Франціи, исполнено въ Англіи съ тѣмъ же жаромъ и при помощи почти такихъ же средствъ Альфредомъ Великимъ. Къ сожалѣнію, частыя вторженія датчанъ разрушили въ большей части дѣло Альфреда.

Во Франціи, соблазнительные нравы духовенства явились препятствіемъ развитію наукъ и словесности. Думали, что наука причиной порочности духовенства, и міряне, испорченность нравовъ которыхъ была не меньше, не переставали твердить, что наука только искажаетъ нравы.

Но съ десятаго вѣка, во Франціи начинаютъ появляться замѣчательные люди. Между ними, Жерберъ, сдѣлавшійся папой подъ именемъ Сильверста II, былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ.

Жерберъ родился въ Орильякѣ, въ Овернѣ. Онъ былъ бѣднаго и незнатнаго рода. Въ средніе вѣка бѣдность не всегда была препятствіемъ къ достиженію высокихъ степеней. Съ образованіемъ, талантомъ, благоразуміемъ, вступивъ въ монашество, можно было достигнуть всего. Жерберъ, хотя и былъ одаренъ необыкновеннымъ умомъ, могъ жить и умереть въ бѣдности и неизвѣстности, еслибъ въ ранней молодости не вступилъ въ одинъ изъ бенедиктинскихъ монастырей въ Орильякѣ. Тамъ онъ занялся изученіемъ физики и особенно математики.

Ученѣйшей школой въ Европѣ была тогда арабская школа въ Кордовѣ. Жерберъ отправился туда для усовершенствованія въ наукахъ, безъ сомнѣнія, съ разрѣшенія и при помощи монастырскихъ властей.

Въ Кордовѣ онъ выучился по-арабски и узналъ извѣстныя на Востокѣ науки. Онъ пріѣхалъ во Францію съ такимъ запасомъ свѣдѣній, что его стали подозрѣвать въ волшебствѣ.

Это, впрочемъ, не воспрепятствовало Гуго Капету поручить ему воспитаніе своего сына Роберта.

Сдѣлавшись королемъ, Робертъ хотѣлъ возвысить своего на-

ставника въ санъ епископа реймсскаго. Но папа воспротивился этому, и Жерберъ, постоянно преслѣдуемый обвиненіями въ занятіяхъ магіей, принужденъ былъ оставить отечество.

Онъ отправился въ Германію, гдѣ императоръ назначилъ его воспитателемъ юнаго Отона. Сдѣлавшись императоромъ, Отонъ III отблагодарилъ своего учителя, назначивъ его архіепископомъ равеннскимъ.

Жерберъ оставилъ равеннскую архіепископію только для папскаго престола, на который взошелъ подъ именемъ Сильверста II.

То былъ первый случай, когда во главѣ христіанскаго міра сталъ ученѣйшій человѣкъ своего вѣка. Только подобнымъ возвышеніемъ этого замѣчательнаго человѣка могли быть поколеблены всюду распространенные предразсудки противъ наукъ.

Сильверстъ II былъ однимъ изъ первыхъ, старавшихся о распространеніи арабскихъ сочиненій во Франціи, Италіи, Германіи. Данный имъ толчокъ умамъ предуготовилъ издалека то умственное движеніе, которое съ такимъ блескомъ обнаружилось въ тринадцатомъ вѣкѣ.

Жерберу приписываются многія механическія, геометрическія и астрономическія работы. Ученый историкъ того времени, Дитмаръ, епископъ мерзебургскій, говоритъ, что Жерберъ былъ ученый астрономъ. Въ самомъ дѣлѣ, находясь съ императоромъ Отономъ III, въ Магдебургѣ (въ Саксоніи), Жерберъ построилъ часы, ходъ которыхъ онъ повѣрялъ, наблюдая посредствомъ трубы полярную звѣзду.

Г. Пуше, приводящій этотъ фактъ изъ Дитмара, прибавляетъ, что многіе писатели той эпохи съ удивленіемъ говорятъ о гидравлическомъ органѣ, который Жерберъ приводилъ въ движеніе при помощи водяныхъ паровъ [1]).

Полагаютъ, что Жерберъ первый распространилъ на Западѣ употребленіе арабскихъ цифръ. Ему приписывали нѣсколько изобрѣтеній, безъ сомнѣнія, заимствованныхъ имъ у арабовъ. Онъ черпалъ изъ того же источника, куда Рожеръ Баконъ, два вѣка

---

[1]) *Albert le Grand et son époque*, p. 343.

спустя, пошелъ, въ свою очередь, отыскивать открытія, считавшіяся химерическими, пока новѣйшая наука не подтвердила ихъ.

Жерберъ, по Монтукла, научился у арабовъ ариѳметикѣ, геометріи, музыкѣ, астрономіи и онъ же ввелъ во Францію нынѣ общеупотребительную ариѳметику. Каптанусъ, также учившійся у арабовъ, вывезъ книги Евклида, которыя и перевелъ.

Сильверстъ II умеръ въ Римѣ въ 1003. Достаточно было обвиненія въ магіи, чтобы еще при жизни, дѣла и слова Сильверста II стали въ народѣ предметомъ самыхъ нелѣпыхъ басенъ, и чтобы по его смерти суевѣрные и легковѣрные писатели того времени окружили его жизнь всяческими тайнами и отяготили его память разными нареканіями.

Такимъ образомъ, начиная съ Беды, этого добродѣтельнаго проповѣдника, учителя Алкуина, до смерти Жербера, въ Европѣ явилось нѣсколько человѣкъ огромнаго ума, и въ монастырскихъ библіотекахъ было скоплено достаточное число книгъ.

Въ девятомъ и десятомъ вѣкѣ, какъ уже замѣчено нами, науки были въ великомъ почетѣ у арабовъ, обширная имперія которыхъ простиралась въ то время отъ азійскаго востока до Испаніи. Но въ десятомъ вѣкѣ христіане начали отнимать ихъ владѣнія и завоеванія, и такимъ образомъ, мало-по-малу, установились отношенія между образованными арабами и западными христіанами, еще весьма невѣжественными и полуварварскими.

Медицина гораздо далѣе подвинулась у арабовъ, чѣмъ у французовъ, итальянцевъ и нѣмцевъ. Поэтому, слава арабскихъ врачей весьма быстро распространилась по всей Европѣ. И вотъ, богатые люди, вельможи и даже государи, одержимые какой-либо сильной болѣзнью, стали отправляться въ Испанію, чтобы лечиться у севильскихъ или кордовскихъ врачей. Тамъ, они находили памятники ученой и оригинальной архитектуры, усовершенствованныя искусства, учрежденія народнаго просвѣщенія, посѣщаемыя многочисленными учениками, наконецъ все, что свидѣтельствуетъ о серьезномъ развитіи всѣхъ человѣческихъ знаній.

Соприкосновеніе съ этой цивилизаціей, изученіе литературныхъ и ученыхъ произведеній испанской Аравіи произвели самое

счастливое вляніе на западную цивилизацію. Дѣйствительно, въ это время явились въ Европѣ первые университеты.

Первыми были основаны университеты Салернскій и Монпельескій. Парижскій университетъ, то есть Сорбона, основанъ позже.

Въ глубинѣ обширнаго залива, составляющаго продолженіе Неаполитанскаго, въ восхительнѣйшемъ климатѣ, котораго прелесть и здоровость воспѣвалъ еще Горацій, посреди защищающихъ его горъ лежитъ городъ Салерно. Древняя римская колонія, которой овладѣли ломбардцы, она поочередно была во власти арабовъ и грековъ и наконецъ, въ 1075 году, была покорена нормандцемъ Робертомъ Гуискаромъ. Въ этомъ-то прелестномъ мѣстѣ, точно предназначенномъ самой природой для мѣста собранія философовъ, врачей, а слѣдовательно и больныхъ, была основана знаменитая Салернская школа, слава которой длилась пять вѣковъ.

Благодаря трудолюбивымъ изслѣдованіямъ доктора Ренци въ архивахъ королевства Неаполитанскаго и открытію, сдѣланному бреславскимъ врачемъ, Геншелемъ, рукописи, содержащей тридцать пять трактатовъ салернскаго происхожденія, возможно составить, если не полное, то почти справедливое понятіе объ этой древней школѣ.

Г. Ренци утверждаетъ, что Салернская школа существовала съ девятаго вѣка; онъ, на основаніи памятниковъ неаполитанскихъ архивовъ, называетъ врачей, принадлежавшихъ къ ней въ 846 году. Но большаго развитія Салернская школа достигла въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ.

Г. докторъ Дарембергъ, въ предисловіи къ своему французскому переводу *Schola Salernitana*, о которой мы будемъ говорить ниже, предложилъ слѣдующіе вопросы: Когда основалась Салернская школа? Какія обстоятельства способствовали ея первому развитію? Какъ появились въ ней первые преподаватели? Чтобы отвѣтитъ на эти вопросы, г. Дарембергъ приступилъ къ изслѣдованіямъ, которыя хотя не дали прямаго и рѣшительнаго отвѣта, тѣмъ не менѣе привели его къ заключенію, что ученіе салернской школы было заимствовано изъ литературныхъ и уче-

ныхъ сочиненій грековъ и что первые ея профессора образовались въ монастыряхъ.

Кассіодоръ, писавшій въ началѣ шестаго вѣка, говоритъ, обращаясь къ своимъ монахамъ [1]): „Если вы не знакомы съ греческой литературой, читайте Діоскорида, Иппократа, Галена въ латинскихъ переводахъ, а также Целія Авреліана и другія книги которыя найдете въ библіотекѣ.“

Итакъ, салернская школа родилась въ монастырскомъ уединеніи, благодаря усидчивымъ занятіямъ нѣсколькихъ монаховъ.

Медицинскія теоріи салернитянъ вначалѣ состояли изъ простыхъ выписокъ изъ различныхъ древнихъ авторовъ, которые постепенно отъ монаховъ перешли къ мірянамъ.

Салернская школа, безъ сомнѣнія, существовала уже нѣкоторое время въ видѣ вольнаго общества, какъ получила уставы, превратившіе ея въ правильную корпорацію; другими словами, пока она не сдѣлалась университетомъ. Такимъ образомъ позже, въ тринадцатомъ вѣкѣ, образовалась большая часть европейскихъ университетовъ.

Докторъ Даремберъ, ѣздившій въ Бреславъ разсматривать тридцать пять древнихъ трактатовъ, открытыхъ въ 1839 году Геншелемъ, утверждаетъ, что всѣ эти рукописи салернскаго происхожденія. Они были, вѣроятно, написаны еще въ цвѣтущее время Салернской школы. Но въ какое именно время? Ни докторъ Даремберъ, ни г. Ренци [2]) не говорятъ объ этомъ ничего положительнаго.

„Второй изъ этихъ трактатовъ, говоритъ г. Даремберъ, носитъ заглавіе: *De aegritudinum curatione;* онъ состоитъ изъ семидесяти трехъ главъ и представляетъ родъ энциклопедіи, настоящій *Медицинскій Итогъ*, какъ таковые Орибаза, Эція и Павла Егинскаго; кромѣ того, онъ содержитъ цѣлый рядъ выписокъ, заимствованныхъ съ обозначеніемъ имени, изъ главнѣйшихъ учителей Салернской школы [3]).“

Мейеръ полагаетъ, что Салернская школа была основана вначалѣ врачами, соединившимися въ общество на манеръ франъ-масоновъ.

---

[1]) *De Inst. divin. litt.*, cap. XXXIII.

[2]) *Storia documentata della scuola medica di Salerno.* Napoli, 1857.

[3]) Введеніе.

Паччиноти [1]) говоритъ, что она была основана корпораціей бенедиктинцевъ, къ которымъ мало-по-малу присоединились міряне.

Изъ всѣхъ соображеній, сдѣланныхъ на этотъ счетъ наиболѣе изучившими средніе вѣка писателями, послѣднее кажется нами самымъ вѣроятнымъ. Можно назвать множество монастырей, гдѣ монахи обучались и практически занимались медициной.

Во всякомъ монастырѣ былъ покрайности одинъ избранный изъ братіи врачъ. Выписка изъ Кассіодора, приведенная нами, доказываетъ, что медицина, подобно другимъ наукамъ, изучалась съ восьмаго вѣка у бенедиктинскихъ монаховъ, и что если въ то время имѣлись латинскіе переводы Иппократа, Діоскорида, Галена, — то монахамъ же обязаны за это.

Все приводитъ къ заключенію, что Салернская школа, бывшая вначалѣ простымъ союзомъ врачей, перешла въ организованную корпорацію около девятаго вѣка, когда студенты и больные, привлеченные—одни ученостью профессоровъ, другіе славою врачей и благодатнымъ климатомъ, начали стекаться въ Салерно.

Медицинскій итогъ Петроцеллуса и *Книга о страстяхъ* Гаріопунктуса, сочиненія не старѣе первой половины одиннадцатаго вѣка, суть древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Салернской школы. Но полагаютъ, что салернскіе ученые много писали и раньше этой эпохи. Но до сихъ поръ не найдено ни одно изъ этихъ древнихъ сочиненій.

Изъ всѣхъ сочиненій, оставшихся отъ Салернской школы, самое замѣчательное—сборникъ, написанный по латыни и носящій заглавіе *Schola salernitana*. Онъ составляетъ родъ медицинскаго трактата.

Мало сочиненій, которыя перепечатывались бы такъ часто. Насчитываютъ до 240 изданій. Кромѣ того существуетъ множество переводовъ на языки: французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій, испанскій, польскій, провансальскій, чешскій, еврейскій и даже персидскій.

---

[1]) *Storia della medicina*. Livorno, 1855.

Новое изданіе *Салернской школы*, состоящее изъ текста, повѣреннаго по изданію г. Ренци, и французскаго перевода въ стихахъ г. Мо-Сень-Маркъ появилось въ 1861 г. [1]). Это изданіе особенно интересно по введенію г. Ш. Даремберга, въ которомъ исторія Салернской школы изложена съ исторической точки зрѣнія.

Латинскіе вирши, составляющіе это сочиненіе, имѣютъ претензію изобразить всю современную врачебную науку. Въ шести, весьма, впрочемъ, короткихъ частяхъ изложены всѣ отрасли тогдашней медицины: анатомія, физіологія, гигіена, фармакологія, терапевтика, паталогія. Въ нихъ даже есть мѣсто практическимъ совѣтамъ молодымъ врачамъ, какъ имъ вести себя относительно больныхъ.

Хотя этотъ медицинскій сводъ и не имѣетъ привилегіи всемірнаго авторитета, какъ *Иппократовы афоризмы*, но онъ пользуется еще почетомъ у нѣкоторыхъ современныхъ медиковъ, которые, при случаѣ, приводятъ изъ него латинскія полустишія. Но надо сознаться, что основы медицины совершенно измѣнились со временъ старинныхъ учителей неаполитанской школы. Относительно паталогіи весьма трудно найти какую-либо аналогію между ихъ методой и нашей. Паталогія салернской школы есть безсвязная куча эмпирическихъ средствъ и старушечьихъ рецептовъ. Въ ней великая важность приписывается вліянію звѣздъ и лунныхъ дней. Не менѣе странна и ея фармакологія. Надо прочесть ее, чтобы увидѣть какія странныя лѣкарства были въ ходу съ двѣнадцатаго до пятнадцатаго вѣка. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, какіе попадутся подъ руку.

Настой земляныхъ червей въ маслѣ считается отличнѣйшимъ средствомъ противъ ушныхъ болей. Чтобъ хорошо заснуть, надо поѣсть орѣховъ за ужиномъ. Чтобъ предупредить всѣ несчастія, могущія случиться отъ укушенія тарантулы, стоитъ только уложить больнаго на висячей постели въ публичномъ мѣстѣ. Всякій прохожій долженъ толкнуть постель и при сотомъ толчкѣ—ни раньше, ни позже—пройдетъ всякая боль.

---

[1]) *L'École de Salerne*, traduction en vers français par Meaux Saint-Marc, précédée on par Ch. Daremberg. 1 vol. in. 18. Paris, 1861.

Вотъ средство потолстѣть:

„Откормите курицу старыми жирными, откормленными мукою, лягушками, разрѣзанными на куски; пообѣдайте этой курицей, но глядите съѣшьте только часть курицы, соотвѣтствующую той части вашего тѣла, которую вы желаете, чтобъ она была толще; иначе все ваше тѣло достигнетъ ужасающихъ размѣровъ.“

У салернскихъ врачей было два вѣса и двѣ мѣры, ибо они различали медицину для богатыхъ и медицину для бѣдныхъ. Если для дворянина требовалось прочистительное, то они прописывали ревень; если-же для крестьянина, то достаточно было *миробалановаго* настоя. При поломахъ, для богатаго требовались *армянскіе катышки*, состоявшіе изъ бобовой муки и попутника, растертыхъ на уксусѣ; для бѣдныхъ достаточно было настоя на водѣ, или на винѣ свинаго, бараньяго или бычачьяго кала, или-же мази, состоящей изъ рыбьей шелухи и порея. Чтобъ вылечить зобъ у лица королевской крови, или вельможи, совѣтуется втирать *бальзамъ;* для людей низшаго класса достаточно жира или дешевой мази. Весьма сложный декоктъ излечивалъ фистулы у богатыхъ; бѣдному для той-же цѣли слѣдовало пить цѣлый годъ крапивный сокъ.

Салернскіе врачи прописывали вино архіепископамъ; такъ какъ деликатный желудокъ ихъ высокопреосвященствъ не могъ выносить рвотныхъ, то рекомендовался способъ архіепископа Альфарія, то есть рвота послѣ кушанья, какъ болѣе пріятный способъ.

Мессиръ Бернаръ *Провенсалецъ*, писавшій около 1160, придумалъ весьма курьезную терапевтику. Онъ желалъ упростить фармакологію и избавить больныхъ отъ власти аптекарей. Вотъ нѣкоторыя изъ средствъ, придуманныхъ имъ для уничтоженія аптекарей.

Чтобы сдѣлать груши слабительными, слѣдуетъ между древесиной и корой грушеваго дерева ввести слабительный уксусъ, или другое чистительное. Если подобнымъ же образомъ дѣйствовать скаммоніей на виноградную лозу, то получишь слабительный виноградъ. Тѣмъ же способомъ, смотря по тому какая краска вводится въ лозу, можно получить красныя, синія или желтыя кисти.

Мессиръ Бернаръ, не будучи знатокомъ растительной физіологіи, предупредилъ въ этомъ случаѣ результаты новѣйшаго опыта. Въ наше время, дѣйствительно, докторъ Шампульонъ полагаетъ, что можно придать терапевтическія качества нѣкоторымъ врачебнымъ растеніямъ, поливая ихъ растворомъ селитры, или углекислаго кали [1]). Въ этомъ разѣ, мессиръ Бернаръ только слѣдовалъ примѣру своего учителя Салерна, который совѣтовалъ лечить болѣзни мясомъ животныхъ, откормленныхъ врачебными веществами. Нѣтъ ли тутъ первой мысли о приготовленіи іодистаго молока и леченія дѣтей лекарствами, принимаемыми кормилицами [2])?

Вотъ какой способъ употреблялся врачами салернской школы для отмщенія *неблагодарнымъ* больнымъ: „Давайте ему за столомъ квасцовъ вмѣсто соли; отъ этого у него по всему тѣлу пойдутъ прыщи.“

Изъ этого видно, что плохо было не благодарить тогдашнихъ докторовъ: средство отмстить было у нихъ подъ руками. Сганарель, во *Врачѣ по неволѣ*, кажется, намекаетъ на этотъ секретъ, когда говоритъ: „я нашлю на васъ лихорадку!“

Не безъинтересны совѣты салернской школы юнымъ своимъ ученикамъ на счетъ обращенія съ больными. Это образецъ старинныхъ докторскихъ нравовъ, который стоитъ привести. Изъ нихъ видно, что доктора во время визита полагали необходимостью пообѣдать въ домѣ больнаго — трогательный, давно уже оставленный, обычай.

„Врачъ, идущій навѣстить больнаго, говоритъ *Салернская Школа*, да отдастъ себя подъ покровительство Бога и кровъ ангела, сопровождавшаго Товію. Дорогою онъ долженъ освѣдомиться отъ посланнаго о состояніи больнаго, чтобъ ознакомиться заранѣе съ болѣзнію, которую ему придется лѣчить; такимъ образомъ, если осмотрѣвъ больнаго и пощупавъ ему пульсъ, онъ тотчасъ не узнаетъ болѣзни, то, благодаря предварительнымъ разспросамъ, онъ можетъ внушить довѣріе больному, доказавъ ему своими вопросами, что онъ угадалъ нѣкоторыя изъ его страданій.

„Входя, врачъ раскланивается скромно и важно, не показываетъ жадности, садится, чтобъ перевести духъ; хвалитъ, если есть возможность, красоту мѣстоположенія, порядокъ домашняго обихода, щедрость семейства. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣтаетъ благосклонность присутствующихъ и даетъ больному время оправиться

---

[1]) См. Фигье *Année scientifique*, 5-й годъ, стр. 219—221

[2]) См. *idem*, 4-й годъ, стр. 384—388.

отъ перваго волненія. Необходимы всевозможныя предосторожности, чтобы пощупать пульсъ и разсмотрѣть мочу.

Больному обѣщайте выздоровленіе; тѣмъ, кто опасается за его жизнь, утверждайте, что онъ очень болѣнъ. Если онъ выздоровитъ, то ваша слава возрастетъ; если нѣтъ, то станутъ говорить, что вы предвидѣли его смертъ. Не заглядывайтесь на жену, дочь или служанку, какъ бы красивы онѣ ни были. Значило-бы обезчестить себя и подвергнуть опасности выздоровленіе больнаго, привлекая на его домъ гнѣвъ Божій. Если васъ пригласятъ обѣдать, *какъ то въ обычаѣ*, то не высказывайте ни нескромности, ни требовательности. Если васъ къ тому не принудятъ, не садитесъ на первое мѣсто, хотя оно и предназначается *священнику и врачу*.

„У крестьянина, ѣшьте все, ничего не говоря о грубости яствъ; если, напротивъ, обѣдъ хорошъ, то не предавайтесь очень объяденію; справляйтесь время отъ времени о состояніи больнаго, который будетъ въ восторгѣ, что вы не забыли о немъ даже среди удовольствій пира. Выйдя изъ-за стола, подойдите къ его постели, увѣрьте его, что васъ отлично угостили, и въ особенности не забудьте показать какъ можно больше заботъ въ выборѣ для него кушаньевъ."

Schola salernitana, называвшаяся также *Regimen sanitatis* или *Flos medicinae*, появилась около серидины двѣнадцатаго вѣка.

Эта поэма, кажется, писалась по частямъ, которыя потомъ соединялись, въ различныя времена, то есть между одиннадцатымъ и четырнадцатымъ вѣками. „Она обладаетъ," говоритъ г. Дарембергъ, „всѣми свойствами народнаго духа: точностью, нѣкоторою наивностью, удачными оборотами и чѣмъ-то необыкновенно живымъ. Это сочиненіе всѣхъ и ничье лично." Оно состоитъ изъ десяти частей: *гигіены* (общія замѣчанія), *фармакологіи* (свойства нѣкоторыхъ лекарственныхъ травъ), *анатоміи* (описаніе костей, венъ и органовъ), *физіологіи* (очерка человѣческой природы), *этіологіи* (астрологическихъ знаковъ), *семеіотики* (признаки болѣзней), *терапевтики* (полезность медицинскаго леченія), *патологіи* (вещей, которыхъ слѣдуетъ избѣгать), *нозологіи* (описаніе болѣзней, о падучей), *медицинской практики*.

Гигіена (семьдесятъ семь маленькихъ страницъ) самая значительная часть.

Въ ней находятся правила, совѣты, составляющіе какъ бы наивныя реченія стариннаго народнаго здраваго смысла. Мы приведемъ слѣдующій отрывокъ съ переводомъ, чтобы дать понятіе о салернской гигіенѣ.

Lumina mare manus surgens lavet unda,
Hac, illac, modicum pergat, modicum sua membra

Extendat, crines pectat, dentes fricet; ista
Confortant cerebrum, confortant caetera membra.
Lote, cale; sta, prande, velli; frigesce, minute.
Fons, speculum, gramen, haec dant oculis relevamen.
Mane petas montes; medio nemus; vesper fontes.
Sero frequentemus littora; mane nemus.
Hi præsertim oculos rescreant, risumque colorant.
Coeruleus, viridisque et janthius; addito fusco
Si fore vis sanus ablue saepe manus,
Lotio post mensam tibi confert munera bina:
Mundificat palmas et lumina acuta,
Est oculis sanum saepe lavare manum.

То есть: „вставая по утру, промывай холодной водой глаза; тщательно чисти зубы и причесывай волосы. Упражняя гибкость твоихъ членовъ ходьбою, ты даруешь душѣ и тѣлу силу и веселье; внѣ бани, согрѣвайся; послѣ кровопусканья, освѣжайся. По ѣдѣ, ходи, или-же смирно сиди. Вода и полевыя травы полезны для зрѣнія; поэтому, на зарѣ гуляй въ горахъ; въ полдень—въ лѣсу; вечеромъ—у ручья. Они глаза укрѣпляютъ, зрѣніе улучшаютъ; лазурный, зеленый и темно-голубой цвѣта—хороши для глазъ. Выходя изъ-за стола слѣдуй обычаю, который тебѣ принесетъ двойную пользу: вымой руки и глаза: у кого руки грязны, у того глаза больны.

Фоссій и за нимъ Моргани показали, что *Schola salernitana* во многихъ мѣстахъ только копія съ поэмы Мацера. Мацеръ—неизвѣстный писатель девятаго или десятаго вѣка.

Достойно замѣчанія, что въ Салернѣ женщины могли заниматься медициной. Упоминаютъ объ одной изъ нихъ, долго пользовавшейся извѣстностью.

То была Трота, или Тротула, женщина благороднаго происхожденія. *Compedium salernitanum* называетъ ее *магистромъ (magister Trota)*. Она не только лечила, но и писала по врачебному искусству.

„Все написанное ею, говоритъ г. Дарембергъ, дышитъ самымъ безупречнымъ галенизмомъ, какъ главы, сохраненныя намъ въ Codex salernitanus, такъ и ея сочиненіе о *женскихъ болѣзняхъ*, обнародыванныя съ ея именемъ, или съ именемъ Эроса, врача императрицы Юліи. Она занималась не только акушерствомъ и женскими болѣзнями, но также и другими отраслями врачебнаго искусства.“

Въ *Compedium salernitanum* находятся главы изъ сочиненія Тротулы о глазныхъ и ушныхъ болѣзняхъ; о боляхъ челюстей и зубовъ; о рвотахъ, о боляхъ въ кишкахъ; о средствахъ сжать и расширить животъ; наконецъ, о мочевомъ камнѣ.

Тротула жила, лечила и учила въ Салерно около половины XI вѣка. Въ 1059 г., по Ренци, слава ея достигла апогея. Кромѣ того, изъ множества салернскихъ сочиненій явствуетъ, что въ Салернѣ было много женщинъ-врачей; что больные часто обращались къ нимъ и что онѣ были въ уваженіи у магистровъ, часто ссылавшихся на нихъ, какъ на авторитеты.

Почти въ тоже время, въ салернскую школу прибылъ человѣкъ, долженствовавшій оказать большое вліяніе на развитіе наукъ въ среднихъ вѣкахъ.

То былъ Константинъ Африканецъ, котораго жизнъ разсказана Павломъ Діакономъ.

Константинъ родился въ Кареагенѣ. Любя науки и видя, что ученые его страны были не слишкомъ-то образованы, онъ оставилъ Африку и отправился въ Азію. Въ Вавилонѣ, онъ изучилъ грамматику, діалектику, медицину, геометрію, ариѳметику, астрономію и музыку. Исчерпавъ все, что могъ найти полезнаго или интереснаго въ наукахъ халдейской, арабской, персидской, онъ проникнулъ въ Индію. Тамъ онъ обратился къ послѣдователямъ тѣхъ ученыхъ философовъ, которые, пятнадцать вѣковъ назадъ, наставили Пиѳагора. Затѣмъ, онъ пустился въ обратный путь на родину. По дорогѣ, онъ остановился въ Египтѣ, чтобы пополнить свои свѣдѣнія.

Онъ воротился въ Кареагенъ послѣ тридцатидевятилѣтняго отсутствія. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ поспѣшилъ предложить соотечественникамъ свои знанія и подѣлиться съ ними тайнами науки, собранными имъ во время долгаго ученаго странничества. Поэтому, если вѣрить Мальеню [1]), его сочли колдуномъ. По Льву Остійскому, его великія знанія возбудили завистъ. Наконецъ, очень вѣроятно, что соотечественники не любили его за то, что онъ сталъ христіаниномъ.

Какъ бы то ни было, противъ Константина образовалась сильная партія. Узнавъ, что его жизни угрожаетъ опасностъ, онъ бѣжалъ. „Онъ укрылся, говоритъ Левъ Остійскій, въ корабль, го-

---

[1]) *Introduction aux Oeuvres d'Ambroise Paré*, p. XX.

товый отплыть въ Сицилію. Боясь быть узнанымъ, онъ переодѣлся нищимъ. Такимъ-то образомъ онъ попалъ въ Салерно."

Онъ прожилъ тамъ нѣсколько дней, какъ братъ короля вавилонскаго, случайно жившій въ это время при дворѣ герцога Роберта Гуискара, встрѣтилъ и узналъ его. Этотъ князь рекомендовалъ его герцогу, какъ человѣка первостепеннаго и достойнаго его покровительства.

Гуискаръ сдѣлалъ Константина своимъ старшимъ секретаремъ. Но, будучи старъ и утомленъ жизнью, Константинъ предпочелъ почестямъ спокойствіе и уединеніе. Онъ оставилъ дворъ герцога Роберта, вступилъ въ орденъ бенедиктинцевъ и удалился въ знаменитый монкассинскій монастырь, между Римомъ и Неаполемъ.

Онъ провелъ остатокъ жизни въ уединеніи, занимаясь переводомъ на латинскій разныхъ арабскихъ сочиненій, а также сочиненіемъ и компиляціей разныхъ медицинскихъ книгъ. Слава Константина была столь велика, что его называли *новымъ Иппократомъ* и *учителемъ Востока и Запада* [1]).

Константинъ, во время своихъ путешествій по Малой Азіи, Персіи и Индіи, безъ сомнѣнія, пріобрѣлъ книги, дотолѣ въ Европѣ неизвѣстныя. Онъ не только перевелъ нѣкоторыя изъ нихъ, но старался сдѣлать общеизвѣстнымъ все, болѣе способное поразить умы западныхъ ученыхъ, изъ заключавшагося въ этихъ книгахъ. Этимъ объясняется, какимъ образомъ два вѣка спустя, то есть въ тринадцатомъ столѣтіи, Рожеръ Баконъ могъ знать о различныхъ научныхъ открытіяхъ, издревле осуществленныхъ на Востокѣ и дѣйствительности которыхъ стали вѣрить по мѣрѣ того, какъ новая наука начала возобновлять ихъ.

Докторъ Даремберть говоритъ, что въ эпоху, когда Константинъ удалился въ Монкассинскій монастырь, „медицина въ Салерно приняла такое огромное развитіе, что основаніе, на которомъ она утверждалась, не могло болѣе поддерживать ее."

Константинъ своими переводами познакомилъ съ арабами, и не только съ ними, но и съ сирійцами и персами. Занимаясь въ про-

---

[1]) *Chronic. Mont-Cassin*, lib. III, cap. XXXV и *De viris illustribus*, на которые ссылается Тирабоски, т. I. кн. IV.

долженіе сорока лѣтъ учеными изысканіями и изученіями на Востокѣ, онъ не могъ не узнать, по различнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, множества новыхъ идей и фактовъ, совершенно неизвѣстныхъ европейскимъ ученымъ.

Если уровень знаній сталъ быстро возвышаться въ салернскомъ университетѣ вскорѣ послѣ пріѣзда Константина,—то чему слѣдуетъ приписать причину этого явленія, какъ не болѣе точной методѣ, какъ не болѣе справедливымъ и обширнымъ свѣдѣніямъ, чѣмъ тѣ, которыя дотолѣ составляли фондъ преподаванія въ этой школѣ? Мы не видимъ, чтобы эта метода и эти свѣдѣнія были принесены въ Салернъ кѣмъ либо другимъ, кромѣ Константина, Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнимъ, что теорія медицины заключаетъ въ себѣ массу общихъ свѣдѣній, взятыхъ изъ всѣхъ наукъ, то нельзя не согласиться, что развитіе медицины могло способствовать развитію другихъ наукъ.

Константинъ былъ врачъ; его медицинскія сочиненія сохранились.

„Онъ не былъ писателемъ оригинальнымъ, говоритъ Элои [1]; его можно причислить только къ числу компиляторовъ, но онъ между ними занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ слѣдовалъ главнѣйшимъ образомъ Иппократу, Галену, Гали-Аббасу. Онъ ввелъ въ Италію арабскую медицину и возбудилъ въ ней изученіе греческой медицины. Всѣ полагаютъ, что, благодаря его предстательству, герцогъ Робертъ осыпалъ благодѣяніями салернскую школу. Онъ посвятилъ свои сочиненія Дидье, аббату монкассинскому, который сдѣлался папой подъ именемъ Виктора III.“

Въ исторіи салернской школы упоминается о многихъ врачахъ, прославившихся послѣ Константина, таковы Архиматавтъ, Варѳоломей, Коѳонъ и др. Около половины двѣнадцатаго вѣка, какъ уже замѣчено нами, появилась медико-дидактическая поэма „*Schola salernitana.*“

Гаріопонтусъ, салернскій врачъ, человѣкъ великой эрудиціи, жилъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ [2]. Онъ писалъ по медицинѣ, фарма-

---

[1]) *Encyclopédie des sciences médicales* du docteur Bayle, *Biographie médicale*, t. I, p. 107.

[2]) Sprengel, *Histoire de la medecine*, t II и Eloy, *Biographie médicale*, t. I, p. 106.

кологіи и хирургіи. Его хирургическій трактатъ потерянъ. Его сочиненія, впрочемъ, простая компиляція.

По Мальеню, по смерти Константина, салернская школа, обогащенная его переводами, сдѣлалась центромъ, куда стекались со всѣхъ сторонъ желавшіе стать на уровнѣ новой науки.

Школа эта пришла быстро въ упадокъ потому, что, занявшись изученіемъ медицины, она совершенно пренебрегла хирургіей.

Человѣкъ, докончившій въ Италіи дѣло Константина, былъ Жераръ Кремонскій.

Жераръ Кремонскій родился около 1114 года: онъ далъ новый толчекъ средневѣковой наукѣ.

Съ юности онъ чувствовалъ стремленіе къ наукѣ и съ жадностью читалъ всѣ латинскія книги, какія только могъ достать. Когда онъ извлекъ изъ этихъ книгъ все, что можно было узнать, онъ пожелалъ познакомиться съ *Альмагестомъ* Птоломея. Напрасно отыскивалъ онъ это сочиненіе въ Италіи, и рѣшился отправиться за поисками въ Испанію. Въ Толедо онъ нашелъ наконецъ экземпляръ. Но то былъ арабскій переводъ, а Жераръ не зналъ арабскаго языка.

Желаніе познакомиться съ Птоломеемъ перешло у него въ страсть. Онъ сталъ учиться по арабски и скоро выучился. Такимъ образомъ онъ могъ прочесть *Альмагестъ*. Прочтя это сочиненіе, онъ могъ прочесть множество арабскихъ книгъ по другимъ наукамъ, и пожелалъ хотя отчасти познакомить съ ними своихъ современниковъ. Остатокъ жизни, поэтому, онъ занимался переводомъ съ латинскаго на арабскій.

Между его многочисленными переводами, кромѣ сочиненій Иппократа и Галена, одного сочиненія Серапіона, имѣются *Книги Разеса къ Альманзору*, *Канонъ Авицены*, *Хирургія Абулказиса* и друг.

Жераръ умеръ въ 1187 году, въ Кремонѣ и похороненъ въ монастырѣ Святой Лучіи, которому завѣщалъ всѣ свои книги. Онъ былъ глубоко благочестивый человѣкъ, проведшій всю жизнь въ уединеніи; онъ пріобрѣлъ огромную эрудицію единственно для того, чтобы сохранитъ ее на пользу человѣчествъ.

Болонская школа обязана Жерару быстрымъ возвышеніемъ. Благодаря его переводамъ, она могла пользоваться сочиненіями, гдѣ различныя части человѣческихъ знаній и особенно медико-хирургія были изложены подробнѣе и тщательнѣе, чѣмъ въ другихъ книгахъ, бывшихъ дотолѣ въ обращеніи между латинскими учеными.

Констанцскій трактатъ, оградившій независимость большихъ итальянскихъ городовъ, на неопредѣленное время даровалъ свободу и миръ; онъ, вмѣстѣ съ другими случайными и неслучайными причинами, способствовалъ тому, что, въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы, избранные умы почувствовали стремленіе къ серьезнымъ занятіямъ. Болонская школа, пріобрѣтя новыя знанія изъ переведенныхъ Жераромъ книгъ, скоро сдѣлалась ученѣе и знаменитѣе школы салернской. Она скоро затмила извѣстность салернской школы, превзойдя ея медицинской практикой и лучшей методой преподаванія. Около середины двѣнадцатаго вѣка, Салерно занималъ уже второе мѣсто: первое принадлежало Болоньи.

Въ это время былъ основанъ университетъ въ Монпеллье, сдѣлавшемся для Франціи тѣмъ же, чѣмъ Салерно и Болонья были для Италіи, центромъ научныхъ свѣдѣній, въ особенности медицинскихъ.

Тогда науки по истинѣ возродились на Западѣ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ въ Европѣ въ первый разъ узнали о компасѣ.

Въ Германіи императоръ Фридрихъ II (Барбаросса) сталъ во главѣ интеллектуальнаго движенія. Этотъ государь пріобрѣлъ свѣдѣнія, заставлявшія его желать пріобрѣтенія новыхъ. Онъ считалъ за честь и славу способствовать успѣхамъ наукъ и литературы. Онъ былъ поэтъ, философъ, естествоиспытатель и говорилъ почти на всѣхъ европейскихъ и восточныхъ языкахъ. Онъ проводилъ жизнь на войнѣ и въ ученіи, какъ нѣсколько вѣковъ спустя его знаменитый теска Фридрихъ II прусскій. Онъ думалъ верховодить всѣмъ болѣе силою своего генія, чѣмъ силою оружія.

Человѣкъ, столь превосходившій другихъ, былъ, конечно, мало расположенъ подчиняться приговорамъ римскаго двора. Его постоянныя препиранія съ папой Григоріемъ IV кончились тѣмъ, что онъ былъ отлученъ отъ церкви.

Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшительно шелъ къ исполненію своихъ намѣреній. Онъ возстановлялъ старыя школы и основывалъ новыя. Онъ отыскивалъ и повелѣвалъ переводить всѣ книги, которыя могли быть полезны для преподаванія. По его приказу, Аристотель былъ переведенъ по-латыни и читался въ школахъ. Онъ добылъ изъ Африки различныхъ животныхъ, дотолѣ въ Европѣ неизвѣстныхъ, между прочимъ жирафа, какъ о томъ говоритъ Альбертъ Великій, въ своемъ трактатѣ „De animalibus". Онъ дозволилъ разсѣченіе человѣческихъ труповъ въ медицинскихъ школахъ. Правда, трупоразсѣченіе дозволялось только разъ въ пять лѣтъ [1]). Но въ эпоху, когда изученіе анатоміи было прервано вслѣдствіе предразсудковъ, и такое разрѣшеніе было очень важно.

Любитель естественной исторіи, Фридрихъ II являлъ собою примѣръ прилежнаго занятія наукой. Онъ написалъ по естественной исторіи весьма замѣчательныя для своего времени сочиненія. Шпренгель [2]) говоритъ, что этотъ государь имѣлъ великое вліяніе на судьбы науки. Его долгія путешествія и чтеніе Аристотеля, безъ сомнѣнія, способствовали къ возбужденію въ немъ любви къ изученію природы. Въ его *трактатѣ о соколиной охотѣ*, сочиненіи важномъ для того времени, онъ показалъ истинную наблюдательность, что было рѣдкостью въ средніе вѣка.

Въ этомъ и слѣдующемъ вѣкѣ университеты были основаны: въ Италіи, въ Неаполѣ, Перузіи, Піаченцѣ, въ Павіи, Римѣ, гдѣ папа Иннокентій IV основалъ школу правовѣдѣнія и предоставилъ студентамъ всѣ привилегіи, присвоенныя тогда *studium generale*. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, папы основали университеты въ Пизѣ, Феррарѣ, Болоньѣ. Во Франціи, Людовикъ IX повелѣлъ въ 1229 году Раймунду, графу Тулузскому, основать университетъ, который и устроился окончательно въ 1233.

Нѣсколько лѣтъ спустя, священникъ, почтеный дружбою Людовика IX и его духовникъ, составилъ проектъ основанія Сор-

---

[1]) Pouchet, *Albert le Grand et son époque*.

[2]) *Histore de la médecine*.

боны. Въ 1250 г., въ отсутствіе короля, королева Бланка уступила священнику Роберту Сорбонскому, канонику Камбрэйскому, домъ съ прилежащими конюшнями въ улицѣ Coupe-Gorge, подлѣ дворца des Thermes [1]). Тамъ-то была устроена Сорбона.

Медицинское училище въ Монпелье существовало еще въ 1180. Въ 1289, папа Николай V повелѣлъ преподавать тамъ, кромѣ того, каноническое и римское право и вольныя искусства [1]).

Въ четырнадцатомъ вѣкѣ, по словамъ Бленвиля, государи и епископы соперничали въ распространеніи наукъ и просвѣщенія. Въ 1305, королева наварская Іоанна, супруга Филиппа Красиваго, основала и одарила, въ Парижѣ, Наваррскую коллегію. Въ 1306 папа Климентъ V основалъ орлеанскій университетъ и предоставилъ ему тѣ же права, какія принадлежали университету тулузскому. Во всей Франціи, число коллегій увеличивалось.

Говоря о средневѣковой наукѣ, нельзя пройти молчаніемъ публичныхъ диспутовъ, которые часто возгарались между діалектиками различныхъ ученій. Что турниры были для рыцарей, то диспуты для ученыхъ. Тысячи студентовъ присутствовали при этихъ спорахъ. Были діалектики, главнымъ занятіемъ которыхъ было переходить изъ города въ городъ, изъ школы въ школу, чтобъ сражаться за Платона, Аристотеля или блаженнаго Августина.

Замѣтимъ, что между этими великими бойцами слова, между этити героями схоластики, много было такихъ, что говорили о Платонѣ или Аристотелѣ, не зная ихъ, подобно тому, какъ рыцари разъѣзжали по горамъ и доламъ, сражаясь за невиданныхъ ими красавицъ.

Такимъ же образомъ пріобрѣлъ себѣ славу Абеляръ, который потомъ открылъ школу, куда студенты стекались со всѣхъ сторонъ, изъ Италіи, Германіи и Англіи.

Петръ Абеляръ родился въ Бретани въ 1079 г. Онъ пришелъ въ Парижъ усовершенствоваться въ наукахъ подъ руководствомъ

---

[1]) Du Boulai, *Act. donat.*, t. IV, и Dubreuil., p. 616.

[2]) Savigny, t. III.

Вильгельма Шампонскаго. Двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ основалъ школу въ Меленѣ (Melun). Онъ быстро прославился и пріобрѣлъ себѣ огромное богатство, возбудившее завистъ. Исторія Элоизы и Абеляра довольно извѣстна. Извѣстно, что послѣ своего печальнаго приключенія, Абеляръ удалился въ монастырь Св. Денисія. Принужденный вскорѣ оставить его, постоянно преслѣдуемый, онъ блуждалъ изъ монастыря въ монастырь. Его книга о *Троицѣ* была сожжена, по повелѣнію Суассонскаго собора. Его сильнѣйшій врагъ былъ Бернаръ (св.), который постоянно возбуждалъ противъ него папу и духовенство.

Тогда не было законовъ, ограничивавшихъ свободу преподаванія и писанія. Такъ какъ искусство публично диспутировать было вѣрнѣйшимъ средствомъ пріобрѣсти извѣстность, а извѣстность могла принести за собою богатство, то всѣ, у кого, кромѣ таланта, было и честолюбіе, упражнялись въ этомъ искусствѣ. Поэтому-то были всюду открыты курсы діалектики. Бернаръ (св) жалуется, въ одномъ письмѣ къ папѣ Иннокентію II, что *дурныя книги всюду распространены и читаются; что ихъ можно найти даже на перекресткахъ; что мракъ замѣнитъ просвѣщеніе въ городахъ и замкахъ*, и т. п.

Изъ этого отрывка видно, что даже во Франціи задолго до изобрѣтенія книгопечатанія, книги, по крайности нѣкоторыя, сильно распространялись. Въ вѣка, когда искусство переписчика сдѣлалось прибыльнымъ занятіемъ, число искусныхъ переписчиковъ, монаховъ или мірянъ, должно было увеличиться.

Въ XI и XII столѣтіяхъ, диспуты діалектиковъ, не смотря на пустоту предметовъ, все-таки способствовали увеличенію интеллектуальной дѣятельности, — что было, конечно, успѣхомъ въ сравненіи съ загрубѣлостью умовъ въ девятомъ вѣкѣ.

Прибавимъ, что сѣверные *труверы* и южные *трубадуры* должны были также способствовать, если не развитію философскихъ идей, то, до нѣкоторой степени, образованію національнаго языка, этого необходимаго орудія новѣйшей цивилизаціи.

Ученыя сочиненія, греческія и арабскія, въ латинскомъ переводѣ, распространеніе ихъ въ школахъ,—вотъ что, въ особен-

ности, произвело въ XIII вѣкѣ великій интеллектуальный переворотъ, породившій первостепенныхъ дѣятелей, каковы Альбертъ Великій, Рожеръ, Баконъ и др.

Но пора окончить наше введеніе и приступить къ разсказу объ отдѣльныхъ славныхъ личностяхъ.

АЛЬБЕРТЪ ВЕЛИКІЙ.

Альбертъ Великій славился болѣе другихъ въ средніе вѣка. Изъ огромнаго количества ученыхъ или философскихъ книгъ, появившихся въ XIII и XIV столѣтіяхъ, въ немногихъ только не говорится объ *Albertus Magnus*, *Albertus Teutonicus*, *frater Albertus de Colonia*, *Albertus Ratisbonensis* и т. д., имена, подъ которыми онъ былъ извѣстенъ даже въ народѣ. Даже въ наше время въ селахъ можно встрѣтить крестьянъ, слыхавшихъ имя *Великаго Альберта*, считаемаго ими за колдуна, или звѣздочета,

Альбертъ Болльштадскій родился въ 1193 году, въ Лавингенѣ въ Швабіи; онъ былъ изъ роду графовъ Болльштадскихъ, одного изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ германскихъ родовъ. Богатство и почетъ помогали ему всюду, даже внѣ родной страны, когда онъ отправился отыскивать не легкомысленныхъ развлеченій юношества, но полнаго и высокаго образованія.

Говорятъ, что умъ Альберта развивался медленно и трудно. Это, можетъ быть, и справедливо; но можно предположить, что трудности, встрѣчаемыя имъ при начальномъ образованіи, менѣе зависѣли отъ его природныхъ способностей, чѣмъ отъ радикальныхъ недостатковъ тогдашней системы преподаванія.

Какъ бы то ни было, но въ юношескій возрастъ всѣ способности его развились съ такимъ блескомъ и быстротой, что удивляли учителей.

Получивъ начальное образованіе, Альбертъ снова посѣтилъ главнѣйшія германскія школы, затѣмъ итальянскія и французскія.

Въ Павіи онъ началъ серьезно заниматься философіей, меди

циной и математикой. Тамъ онъ сблизился съ главнымъ начальникомъ ордена *доминиканцевъ*, Іорданомъ.

Это, повидимому, столь простое и неважное обстоятельство, имѣло важное вліяніе на его судьбу. Доминиканцы въ это время предполагали расширить и поднять въ своей средѣ уровень образованія, и главѣ ордена, поэтому, было поручено вербовать съ этой цѣлью избранныхъ молодыхъ людей. Таково, безъ сомнѣнія, происхожденіе связи отца Іордана съ Альбертомъ Болльштадскимъ. Іорданъ пріобрѣлъ его довѣренность и уваженіе и употребилъ все вліяніе, какое могъ имѣть на него, чтобы убѣдить Альберта вступить въ конгрегацію доминиканцевъ.

Главный начальникъ ордена долженъ былъ вскорѣ замѣтить, что въ Альбертѣ соединялись всѣ условія, необходимыя для могущественнаго вліянія на умы: знатное происхожденіе, богатство, характеръ, умъ, воображеніе. Онъ дѣйствовалъ столь искусно, что Альбертъ, укрѣпленный его примѣромъ и его рѣчами, рѣшился посвятить себя монастырской жизни и вступить въ орденъ доминиканцевъ.

Многіе писатели, между прочимъ Байль, полагаютъ, что Альбертъ вступилъ въ доминиканскій орденъ въ Италіи, въ 1222 или 1223.

Проведя годъ въ монастырѣ этого ордена, онъ отправился снова учиться въ Павію.

Окончивъ курсъ, онъ былъ посланъ въ Кельнъ.

Онъ началъ свою дѣятельность въ Кельнѣ публичными курсами по естественной исторіи и священнымъ наукамъ. Его лекціи имѣли чрезвычайный успѣхъ.

Для доминиканцевъ было необходимо, чтобы чтенія Альберта, повторенныя въ различныхъ городахъ, надѣлали, какъ можно больше, шума. Поэтому, его послали читать лекціи послѣдовательно въ Фрибургъ, Регенсбургъ, Гильдесгеймъ. Ему предшествовала извѣстность, возраставшая съ каждымъ днемъ.

Эти странствованія были для Альберта Болльштадскаго рядомъ тріумфовъ. Исполнивъ ихъ, то-есть въ 1240, онъ былъ снова вызванъ начальниками и вернулся въ Кельнъ, чтобы тамъ поселиться.

Его жизнь протекла въ странствованіяхъ. Вездѣ, гдѣ онъ появлялся, его знанія, его мягкій и привѣтливый нравъ, его необыкновенная ласковость, благородныя качества, отличающія людей высшаго разряда,—привлекали всѣхъ къ нему. Но эти странствованія, предпринятыя по приказанію начальниковъ и отнимавшія у него много времени, не были поѣздками празднаго человѣка, не знающаго куда дѣвать время, и который ищетъ, какъ бы убить скуку. Альбертъ Болльштадскій ходилъ пѣшкомъ, не по лучшимъ дорогамъ, а проселками и тропинками. Онъ посѣщалъ также монастырскія библіотеки, гдѣ собиралъ различные матеріалы. Когда, перелистывая старые пергаменты, онъ открывалъ какія-нибудь неизвѣстныя рукописи, то поручалъ переписывать ихъ монахамъ, сопровождавшимъ его друзьямъ или ученикамъ, которые помогали ему въ изысканіяхъ. Эти путешествія были довольно не рѣдки, въ различные періоды его жизни.

Трудно, чтобы человѣкъ одаренный и живымъ воображеніемъ, и мыслящимъ умомъ, путешествуя пѣшкомъ во всѣ времена года, по разнообразнымъ мѣстностямъ, не чувствовалъ удовольствія въ созерцаніи живой природы и величественныхъ небесъ. Ничто столько не способствуетъ расширенію области мысли, ничто такъ не укрѣпляетъ связи научныхъ изысканій съ любовью къ Богу, какъ созерцаніе природы. Альбертъ читалъ у блаженнаго Августина и отцовъ церкви, что *человѣческія знанія суть только ступени, возвышающія нашу душу къ Богу*. Съ другой стороны, св. Василій въ своихъ *бесѣдахъ о твореніи* и епископъ Немезій въ своемъ *трактатѣ о сотвореніи человѣка* были примѣромъ для Альберта, расположеннаго и по себѣ искать въ наукѣ опоры богословію. Онъ не могъ не слѣдовать имъ. Въ этомъ соединеніи положительной науки и богословія, онъ могъ найти новый и неисчерпаемый источникъ для сравненій, цѣлую массу новыхъ доказательствъ, ибо тѣ, которыя можно было извлечь изъ богословія въ тѣсномъ смыслѣ, были уже всѣ исчерпаны.

Такова была великая и плодотворная мысль, оживившая въ XIII вѣкѣ научныя изслѣдованія и придавшая новый блескъ преподаванію. Альбертъ первый вступилъ на этотъ путь и былъ первостепеннымъ на немъ дѣятелемъ.

Успѣхъ его чтеній въ Кельнѣ былъ столь великъ, что наѣхало множество молодыхъ людей со всѣхъ сторонъ, чтобъ слушать его. Между этими молодыми людьми, не мало было прилежныхъ учениковъ Альберта, слѣдовавшихъ за нимъ всюду, чтобы вполнѣ ознакомиться съ преподаваемымъ имъ курсомъ; многіе изъ нихъ впослѣдствіи прославились сами.

Въ 1245 году, капитулъ ордена доминиканцевъ рѣшилъ послать Альберта въ Парижъ для полученія диплома *магистра*, то есть *учителя по преимуществу*. Только парижскій университетъ давалъ этотъ титулъ, и его можно было получить только послѣ трехгодичнаго преподаванія въ школахъ этого знаменитаго университета.

Этотъ родъ испытанія, вполнѣ согласовавшійся съ предположенной цѣлью, давалъ истинное мѣрило спеціальныхъ способностей кандидата къ *искусству преподаванія*, искусству болѣе трудному, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и которое, чтобъ могло принести дѣйствительные результаты, требуетъ отъ профессора не одной простой эрудиціи.

Пользуясь этимъ случаемъ, не безъинтересно сдѣлать быстрый обзоръ преподаванія во Франціи отъ Карла Великаго до эпохи, когда Альбертъ Великій взошелъ на каѳедру парижскаго университета.

Этотъ университетъ, во времена Альберта, считался самымъ блестящимъ. Туда юноши стекались со всѣхъ сторонъ. Люди, уже прославившіеся, являлись туда за санкціей славы, пріобрѣтенной ими въ другихъ странахъ. Такимъ образомъ, университетъ принялъ пышный титулъ *старшей дочери королей* и *города философовъ*.

Однако, этотъ несравнимый блескъ, которымъ довольно долго сіялъ парижскій университетъ, продержался только до четырнадцатаго столѣтія. Изобрѣтеніе книгопечатанія, которое онъ сперва поощрялъ всѣми способами, а затѣмъ хотѣлъ уничтожить, быстро привело его въ упадокъ. Въ различныя времена, пробовали различными реформами оживить умиравшій университетъ; но успѣха не было: то былъ больной, потрясенный организмъ, котораго нельзя было воскресить никакими лекарствами.

Но возвратимся къ основанію этого университета. Нельзя думать, чтобы школы, установленныя Карломъ Великимъ, въ восьмомъ вѣкѣ или въ началѣ девятаго, были истинной исходной точкой парижскаго университета. Карловингскія школы, въ сущности, не были связаны между собою общими правилами; не были онѣ также устроены статутами въ независимую корпорацію, управляющуюся сама по себѣ, спеціальной юрисдикціей. Прибавимъ къ этому, что въ нихъ не давали никакой степени. Лѣтописи парижскаго университета не восходятъ выше 1107 г., эпохи Абеляра.

Основаніе парижскаго университета приписываютъ Филиппу Августу по случаю его указа, которымъ, въ 1200 г., онъ даровалъ студентамъ привилегіи, которыя считались *безразсудными*. Но самый этотъ указъ предполагаетъ существованіе организированнаго преподаванія. Итакъ, поэтому, парижскій университетъ древнѣе 1200 года.

При Лудовикѣ IX, Стефанъ Буало, префектъ парижскій, получилъ повелѣніе соединить искусства и ремесла въ корпораціи и общины. Въ Парижѣ и остальной Франціи, училища, существовавшія при Филиппѣ Августѣ и Лудовикѣ (св.), были соединены новыми статутами и преобразовались въ корпораціи, то-есть сдѣлались университетами.

Главнѣйшіе университеты, образовывавшіе въ то время въ Европу, какъ напр. оксфордскій, кэмбриджскій, падуанскій, римскій и т. д., основались послѣ парижскаго.

Огромная слава этого университета, распространившаяся почти по всѣмъ странамъ Европы, привлекала въ столицу Франціи студентовъ. Сперва университетъ составлялъ одно учебное заведеніе, гдѣ преподавались всѣ науки. Но скоро раздѣлился на различные факультеты.

Нѣсколько доминиканцевъ были приняты въ университетскую корпорацію по повелѣнію Лудовика IX; товарищи не могли встрѣтить ихъ симпатіей. Доминиканцы уединились и образовали отдѣльную групу, то-есть родъ богословскаго факультета. Этому примѣру послѣдовали медики и вскорѣ затѣмъ профессора правъ.

Вотъ какъ образовались факультеты богословскій, медицинскій и юридическій. Каждый изъ нихъ былъ подчиненъ особымъ ста-

тутамъ, и факультеты образовали три новыя корпораціи, подъ общей властью декана. Глава всего университета принялъ названіе *ректора*. Онъ представлялъ высшую юрисдикцію надъ всѣми школами и пользовался значительными привилегіями.

При этой новой организаціи, образовательное заведеніе сдѣлалось государствомъ въ государствѣ. Въ первоначальномъ университетѣ были только учители и ученики; въ новомъ университетѣ явились студенты и профессора наукъ, богословія, литературы, медицины и т. д.

Число студентовъ въ XII и XIII вѣкахъ было очень значительно, потому что, по свидѣтельству лучшихъ средневѣковыхъ ученыхъ, они составляли почти треть парижскаго населенія. Когда студенты были чѣмъ-нибудь недовольны, то грозили оставить городъ, какъ нѣкогда римскіе плебеи въ своихъ спорахъ съ патриціями грозили, что уйдутъ на Авентинскую гору. Несомнѣнно, что большая часть парижскихъ торговцевъ и ремесленниковъ разорились бы, если бы студенты скопомъ ушли изъ столицы.

Но до такой крайности дѣла не могли дойти, потому что студенты пользовались въ Парижѣ такими чрезмѣрными привилегіями, какихъ имъ не получить бы нигдѣ.

По указу Филиппа Августа, они были неприкосновенны, кромѣ случаевъ поимки съ поличнымъ. Эта неприкосновенность была признана церковью, которая наказывала отлученіемъ всякаго, кто оказывался виновнымъ противъ клерка. И студенты часто злоупотребляли этой неприкосновенностью, дарованною имъ закономъ.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ, философскій расколъ волновалъ умы. Публичныя школы были аренами, на которыхъ противники, вооруженные силлогизмами, одѣтые, какъ броней, эрудиціей, приходили сразиться и помѣряться силами, какъ на турниръ.

Схоластикой называется соединеніе философіи и богословія. Во времена Карла Великаго только весьма робко помышляли о такомъ союзѣ. Абеляръ былъ самымъ смѣлымъ двигателемъ этого дѣла и встрѣтилъ въ Бернардѣ (св.) достойнаго себѣ соперника. Огромная эрудиція этихъ двухъ людей, поддержанная краснорѣ-

чіемъ, рѣзкимъ и въ тоже время страстнымъ, раздвинула въ средніе вѣка сферу знаній и дала умамъ новый толчекъ.

Сначала безпорядочное, общее движеніе, проистекшее изъ этой борьбы, пріуготовило исподволь возрожденіе человѣческихъ знаній.

Это волненіе умовъ, произведенное жаркими поклонниками Аристотеля, обезпокоило Филиппа Августа. Король думалъ, что ему слѣдуетъ вооружиться противъ этой философіи, и епископы получили приказъ отлучать отъ церкви ея поклонниковъ. Къ этому Филиппъ Августъ прибавилъ еще гражданское наказаніе.

Когда высшая власть вмѣшивается въ вопросы научные, то она производитъ обычно дѣйствіе совершенно противоположное тому, какого ожидаетъ. Запретить Аристотеля, значило внушить желаніе узнать его; это, такъ сказать, послужило для студентовъ приглашеніемъ сгрупироваться около профессоровъ, принявшихъ философію этого вѣчно славнаго перипатетика.

Филиппъ Августъ умеръ въ 1223 году, не успѣвъ возстановить мира въ университетѣ. Людовикъ IX, взошедшій на тронъ въ 1226, засталъ въ школахъ тѣ же диспуты. Онъ понялъ, что нельзя иначе положить этому конецъ, что нельзя иначе способствовать развитію цивилизаціи, какъ направивъ умы на серьезное занятіе науками и искусствами. Двадцатидвухлѣтнія усилія короля принесли великолѣпные плоды относительно усмиренія и развитія университета.

Въ это время прибылъ въ Парижъ Альбертъ въ сопровожденіи своего друга и ученика Ѳомы Аквинскаго. Онъ не могъ явиться при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Окруженный ореоломъ огромной извѣстности, одаренный профессорскимъ талантомъ, поддерживаемымъ громадною ученостью, Альбертъ имѣлъ необыкновенный успѣхъ въ парижскомъ университетѣ. Извѣстность Альберта собирала вокругъ него тысячи. Скоро число слушателей возрасло до того, что не было монастыря, гдѣ они всѣ могли бы умѣститься. Знаменитый учитель принужденъ былъ преподавать на площади, на открытомъ воздухѣ.

Нѣчто подобное было вѣкомъ раньше, когда за принужденнымъ оставить Парижъ Абеляромъ пошла толпа его учениковъ до равнинъ Шампаньи

По счастію, Альберту не пришлось идти такъ далеко. Онъ избралъ мѣстомъ своихъ чтеній площадь, ближайшую къ своему монастырю; съ тѣхъ поръ ее стали называть площадью магистра Альберта (place de maître Albert) или, сокращенно: *place Maubert*.

Часть этой исторической площади уцѣлѣла при общемъ разрушеніи стараго Парижа и на ней, на вывѣскѣ одной изъ лавокъ, можно видѣть магистра Альберта, окруженнаго учениками, въ средневѣковыхъ костюмахъ.

Въ основу курса Альберта Болльштадскаго легли остатки древнихъ наукъ, сохраненныхъ для міра геніемъ Аристотеля, то есть совокупность наблюденныхъ фактовъ, изученныхъ и распредѣленныхъ по ученымъ методамъ изслѣдованія и размышленія, свойственнымъ греческой цивилизаціи. То былъ, въ средніе вѣка, свѣточъ, освѣщавшій умы и ведшій ихъ по пути преуспѣянія.

Университетскіе старцы сначала отвергнули ученіе, показывавшее истинное достоинство туманной схоластической метафизики. Но краснорѣчіе Альберта, его знанія, казавшіяся чудовищными, его мысли, часто справедливыя и грандіозныя — покорили и приковали къ себѣ горячую молодежь. Знаменитый доминиканецъ возбуждалъ такой энтузіазмъ, что клерки не желали другаго учителя, кромѣ его. Отъ этого блѣднаго, худощаваго, щедушнаго монаха они слышали послѣднее слово науки. На него смотрѣли какъ на единственное существо въ мірѣ. Для него, казалось, не было тайнъ ни на небѣ, ни на землѣ. Наука Альберта, въ сравненіи съ наукой его соперниковъ, была солнце въ сравненіи съ блѣдной, мерцающей лампадой.

Слава знаменитаго доминиканца собрала вокругъ его каѳедры нѣсколько замѣчательныхъ умовъ того времени. Между ними отличались двое, пріобрѣтшіе великую извѣстность.

Одинъ, съ широкимъ, важнымъ и задумчивымъ лицомъ, одѣтый въ грубую шерстяную рясу и въ сандаліяхъ на ногахъ, былъ кордильерскій монахъ. Этотъ монахъ былъ Рожеръ, Баконъ.

Доминиканскій монахъ, еще болѣе важный и внимательный, любилъ становиться подлѣ Рожера Бакона. Въ немъ было что-то рѣзкое и суровое. Никогда онъ не улыбался. Онъ оставался не-

подвиженъ между подвижною и часто буйною молодежью и говорилъ весьма рѣдко. То былъ Ѳома Аквинскій.

Между прилежными слушателями Альберта было много другихъ талантливыхъ людей; таковы: Ѳома Кантипсейскій, Альбертъ Саксонскій, Викентій де-Бовэ, ученый энциклопедистъ XIII вѣка; химикъ-медикъ Арнольдъ де-Вильневъ, астрономъ Іоаннъ Сакробоскій, Михаилъ Скотъ, астрономъ и математикъ и пр.

Въ 1248 г., Альбертъ, вызванный капитуломъ своего ордена, оставилъ Парижъ и вернулся въ Кельнъ, въ сопровожденіи Ѳомы Аквинскаго. Онъ былъ тамъ назначенъ начальникомъ доминиканской школы.

Съ тѣхъ поръ, множество студентовъ стало отправляться въ Кельнъ, какъ до того въ Парижъ, пока магистръ Альбертъ преподавалъ въ немъ, на площади, науки и философію.

Въ 1254 г. капитуломъ, собраннымъ въ Вормсѣ, Альбертъ былъ сдѣланъ *провинціаломъ* своего ордена, то-есть ему поручено было управленіе *провинціей* доминиканскаго ордена. Эта провинція состояла изъ Австріи, Швабіи, Баваріи, Эльзаса, Саксоніи, Палатината, Брабанта, Голландіи и приморскихъ странъ до Любека.

Альбертъ началъ исполнять обязанности своей должности, обходя пѣшкомъ провинцію, подлежавшую его юрисдикціи. Его обычаи и вкусы были необычайной простоты, его обращеніе привлекательно и нѣжно. Онъ какъ-будто не зналъ, что по талантамъ онъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ. Скромность, простота, безсребріе составляли основу его характера; это доказывается тѣмъ, что ни милость папъ, ни пріемы королей и принцевъ, ни почести, ни выгоды, которыя предлагались ему со всѣхъ сторонъ, никогда не могли заставить его оставить Кельнъ и дорогую ему келью на берегу Рейна.

Онъ снова поселился въ Кельнѣ и принялся за свои обычныя занятія, какъ папа Александръ IV, желавшій приблизить его къ себѣ, назначилъ его *магистромъ папскаго дворца* и призвалъ его въ Римъ. Альбертъ не могъ не принять на себя этой новой обязанности.

Во время пребыванія своего въ Римѣ, онъ прочелъ рядъ лекцій по богословію. Но скоро, утомленный важностью возложен-

ной на него обязанности, онъ оставилъ столицу католическаго міра, и съ радостью воротился въ Кельнъ въ свое тихое уединеніе.

Въ 1255, онъ снова отправился въ Римъ, въ сопровожденіи друга своего Ѳомы Аквинскаго. Онъ поѣхалъ защищать передъ папой привилегіи ордена доминиканцевъ.

Ревнуя къ успѣхамъ преподаванія учителей этого ордена и къ распространенію ихъ школъ, парижскій университетъ съ яростью нападалъ на нихъ. Поддерживаемый Ѳомой Аквинскимъ, Альбертъ выигралъ въ Римѣ дѣло своего ордена.

Въ 1259 г. онъ отказался отъ званія *провинціала*. Но въ слѣдующемъ году, папа, не желая лишить церковь столь славнаго имени, назначилъ его буллой епископомъ Регенсбургскимъ.

Епископство, въ XIII столѣтіи, было важнѣйшимъ общественнымъ положеніемъ. Къ епископству Регенсбургскому принадлежалъ пышный дворецъ, цѣлый дворъ; власть епископа была огромна. Едва Альбертъ сѣлъ на епископскій регенсбургскій престолъ, какъ своей простотой и благотворительностью привязалъ къ себѣ всѣ сердца.

Но блестящія почести епископскаго достоинства не имѣли никакой прелести для трудолюбиваго и ученаго доминиканца. Въ этомъ великолѣпномъ дворцѣ, куда стекались со всѣхъ сторонъ для отданія ему должной почести, Альбертъ скучалъ по своей уединенной кельѣ въ Кельнѣ.

Его сожалѣніе о прежнемъ достигло такой степени, что, пробывъ три года епископомъ, онъ выхлопоталъ у папы Урбана IV позволеніе сложить съ себя званіе князя церкви.

Получивъ позволеніе, онъ поспѣшно вернулся въ свой любимый Кельнъ, гдѣ пріобрѣлъ всю славу и вкусилъ столько наслажденій въ созерцаніи и изученіи.

Альбертъ снова нашелъ счастіе, промѣнявъ свои титулы и могущество на трудолюбивую жизнь простаго доминиканскаго монаха.

Развѣ такой человѣкъ не заслуживаетъ названія *великаго* болѣе, чѣмъ Александры и Цезари, проходящіе міръ во главѣ своихъ полковъ, повсюду принося съ собою разрушеніе, отчаяніе и смерть?

Возвратясь въ свой прежній монастырь, Альбертъ снова сталъ преподавать богословіе, но не надолго. Христіане были тогда жестоко притѣсняемы въ Азіи, и архіепископъ Тирскій, въ сопровожденіи великаго магистра Храмовниковъ, явился въ Европу глашатаемъ ихъ страданій. Европа была глубоко взволнована. Альбертъ получилъ повелѣніе папы Климента IV идти проповѣдовать по всей Германіи и Богеміи новый крестовый походъ.

Краснорѣчивый монахъ тотчасъ пустился въ путь, въ скромномъ одѣяніи доминиканца.

Исполнивъ это порученіе, онъ поспѣшилъ вернуться въ Кельнъ, съ надеждой снова заняться науками. Но надежда обманула его.

Въ 1274, папа Григорій X приказалъ Альберту отправиться на Ліонскій соборъ. Онъ приказалъ ему силой своего краснорѣчія защитить и оправдать мнѣніе римскаго двора относительно правъ Рудольфа, короля римскаго.

Альбертъ отправился, надѣясь встрѣтить на соборѣ своего друга Ѳому Аквинскаго. Но знаменитый *докторъ церкви*, дорогой на соборъ, умеръ въ аббатствѣ, въ окрестностяхъ Террачино.

Въ это самое время надъ Европой стояла длиннохвостая комета. Тотчасъ же было найдено соотношеніе между появленіемъ кометы и смертью Ѳомы Аквинскаго.

Въ *Золотой Легендѣ* находится разсказъ о обстоятельствахъ смерти Ѳомы Аквинскаго и о скорбномъ впечатлѣніи, произведенномъ ею, на друга его, Альберта Болльштадскаго.

За три дня до смерти Ѳомы Аквинскаго, звѣзда, съ огромнымъ хвостомъ, появилась — разсказываетъ *Золотая Легенда* — надъ доминиканскимъ монастыремъ въ Кельнѣ. Въ то время, когда Альбертъ, окруженный монахами, ужиналъ, комета мгновенно поблѣднѣла и затмилась. Это быстрое ея исчезновеніе поразило Альберта. Онъ предчувствовалъ грядущую потерю и вскричалъ со слезами: „Мой братъ Ѳома Аквинскій, мой сынъ о Христѣ, отозванъ на лоно вѣчности!“

Таковъ смыслъ, приданный *Золотой Легендой* этому совпаденію двухъ событій, безъ сомнѣнія, не имѣвшихъ никакой между собою связи.

Исполнивъ въ Ліонѣ порученіе, возложенное на него папой, Альбертъ вернулся въ Кельнъ и снова открылъ свой курсъ. Онъ продолжалъ преподавать до тѣхъ поръ, когда не былъ пораженъ, на одномъ изъ уроковъ, апоплексическимъ ударомъ.

Учитель тогда навсегда простился съ учениками своими.

Онъ ежедневно выходилъ изъ кельи уже только для того, чтобы посмотрѣть на приготовляемую для него могилу. Онъ жилъ еще три года послѣ удара, но чисто физической жизнію.

Похороны Альберта были великолѣпны. Вельможи и народъ съ грустью и скорбью провожали его тѣло. Надъ школами и христіанствомъ точно упала траурная занавѣсъ.

Разсказавъ дѣятельную и трудовую жизнь Альберта Великаго, изучимъ теперь его работы. Изъ внимательнаго разсмотрѣнія фактовъ, мы рѣшимъ изъ какихъ ученыхъ, или эрудиціонныхъ, книгъ могъ онъ почерпнуть огромное количество матеріаловъ, обработанныхъ имъ; другими словами, какъ произошелъ на свѣтъ двадцать одинъ томъ in-folio, приписываемый ему, хотя конечно не всѣ они имъ написаны. Кто знаетъ, сколько времени требуется на собраніе матеріаловъ для ученаго или историческаго сочиненія и затѣмъ для написанія тома in-8 въ 600—700 страницъ, тотъ не можетъ принять, чтобы одинъ человѣкъ могъ написать двадцать одинъ томъ in-folio, еслибъ даже онъ всю жизнь свою только писалъ и диктовалъ. Сочиненія Вольтера составятъ едва шесть такихъ in-folio, каковы заключающія сочиненія Вольтера. А между тѣмъ Вольтеръ былъ человѣкъ богатый, независимый, свободный отъ всякой обязательной работы, полный хозяинъ своего времени, которое онъ употреблялъ на чтеніе, письмо и диктовку, начиная съ двадцати лѣтъ до восьмидесяти трехъ; и притомъ писалъ онъ съ необыкновенной легкостью и плодовитостью.

Альбертъ-же, утомленный своими изустными уроками — ибо тяжелое дѣло часто говорить въ присутствіи тысячъ слушателей— кромѣ того путешествовалъ, исполнялъ различныя обязанности и порученія. Если его умъ былъ могучь, его физическія силы, чрезмѣрно возбужденныя пылкимъ воображеніемъ, по необходимости были ограничены. Итакъ, онъ не могъ исполнить своего

великаго дѣла безъ содѣйствія нѣсколькихъ помощниковъ, или образованныхъ сотрудниковъ.

Дѣйствительно, въ это время во всѣхъ монастыряхъ монахи работали. Они писали съобща сочиненія, требовавшія много времени и разнообразныхъ способностей, рѣдко встрѣчающихся въ одномъ человѣкѣ.

Чтобъ охарактеризовать трудъ Альберта Болльштадскаго, мы скажемъ, что цѣлью его было связать богословіе съ естественными науками, въ виду укрѣпленія религіи.

Эта мысль проявлялась и раньше, но Альбертъ понималъ ее глубже другихъ и на развитіе ея потратилъ много таланта. Альбертъ Болльштадскій хотѣлъ обосновать богословіе на положительныхъ наукахъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Бога созерцали въ твореніи, какъ генія или художника видятъ изъ его созданій. Онъ хотѣлъ показать величіе и всемогущество великаго архитектона міровъ въ неистощимыхъ чудесахъ творенія и положить въ основу богословія не чисто-метафизическія идеи, но свѣдѣнія, пріобрѣтенныя глубокимъ изученіемъ природы, то есть наблюдательныя науки.

Книги Альберта Болльштадскаго не могутъ дать намъ понятія о томъ громадномъ впечатлѣніи, какое ихъ авторъ производилъ на умы своихъ современниковъ. Его книги нѣмы и безжизненны, а слово его было живо. На дѣло, исполненное Альбертомъ, требовался человѣкъ выше своего вѣка. Безъ сомнѣнія, наука, столь краснорѣчиво излагавшаяся имъ, уже существовала въ книгахъ; но она еще долгое бы время оставалась въ книгахъ, незнаемая въ школахъ, неизвѣстная студентамъ университетовъ, если бы его геній не отыскалъ ее въ нихъ, если-бъ его могучее слово не обнаружило и не оживило ее.

Хотя книги въ средніе вѣка [1]) были дороги, но у Альберта было богатое собраніе. Кромѣ того, въ его распоряженіи были библіотеки монастырскія и папская. Онъ могъ всегда заставить сотни монаховъ заняться перепиской для него рукописей. Многіе

[1]) Рожеръ Баконъ жалуется, что разорился на покупку нѣсколькихъ книгъ, которыя могъ добыть лишь съ великимъ трудомъ.

изъ этихъ монаховъ выучились по арабски и переводили выписываемыя съ Востока книги. Въ самомъ дѣлѣ, никогда на Западѣ не было въ такомъ упадкѣ изученіе греческаго языка, ниже въ одиннадцатомъ вѣкѣ, когда, по словамъ Лейбница, умъ человѣческій былъ погруженъ въ глубочайшее невѣжество.

Если въ XIII вѣкѣ книги были дороги на Западѣ, то ихъ много было на Востокѣ, гдѣ существовало довольно библіотекъ и гдѣ торговля рукописями играла роль даже въ общей торговлѣ страны.

Итакъ, въ кельнскомъ монастырѣ, всѣ монахи, бывшіе подъ началомъ Альберта Болльштадскаго, были заняты почти цѣлый день, кто собираніемъ фактовъ и документовъ, содержавшихся въ книгахъ, купленныхъ на Востокѣ или сохраненныхъ на Западѣ; кто разборомъ этихъ фактовъ; кто редакціей, составленіемъ частей сочиненія, по собственному выбору, или по указанію Альберта.

Мы уже замѣчали, что въ монастыряхъ, умѣли разумно прилагать экономическій принципъ раздѣленія работъ, и что появилось нѣсколько спеціальностей въ искусствѣ переписчиковъ. Тѣмъ большее приложеніе долженъ былъ получить этотъ принципъ при исполненіи, въ монастыряхъ, большихъ энциклопедическихъ работъ. Альбертъ былъ главнымъ зодчимъ энциклопедіи, носящей его имя. Ему принадлежитъ планъ; онъ общими чертами обозначилъ главные отдѣлы; другіе должны были наблюдать за исполненіемъ и направлять работы.

Если бы у насъ были подъ руками всѣ рукописные трактаты, существовавшіе въ монастыряхъ въ XIII вѣкѣ, и изъ которыхъ его сотрудники заимствовали или извлекали, то мы нашли бы въ нихъ относительно естественной исторіи, физики, ботаники и т. д. почти все, что заключается въ сочиненіяхъ Альберта Болльштадскаго.

Сотрудники Альберта особенно много заимствовали изъ сочиненій и обширной энциклопедіи Авицены. Авицена, какъ мы уже говорили, переводилъ на арабскій языкъ Аристотеля и Галена, съ многочисленными комментаріями. Его сочиненія, привезенныя изъ Испаніи и переведенныя на латинскій языкъ, распростра-

нились въ школахъ и въ особенности въ салернскомъ и монпельескомъ медицинскихъ училищахъ, первыхъ изъ основанныхъ въ Европѣ. Сочиненія Авицены пользовались великимъ авторитетомъ, въ средніе вѣка, по естественной исторіи, физикѣ, химіи и медицинѣ.

Но съ арабскаго на латинскій были переведены не одни сочиненія Авицены. Сотрудники Альберта могли справляться съ сочиненіеми Разеса, современника Авицены, и Аверроеса Кордовскаго. Наконецъ, они могли пользоваться книгами множества другихъ арабскихъ ученыхъ, писавшихъ по различнымъ частямъ наукъ.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, матеріалы, послужившіе для составленія энциклопедіи Альберта, приступимъ къ обзору самаго сочиненія.

Излагая свой планъ, Альбертъ Великій объявляетъ, что онъ шагъ за шагомъ будетъ слѣдовать Аристотелю, что онъ составитъ такое же число трактатовъ, какъ и этотъ великій человѣкъ. Онъ желаетъ расположить свои книги въ томъ же порядкѣ, какъ Аристотель, и прибавляетъ, что, не упоминая о греческомъ текстѣ, онъ объяснитъ и истолкуетъ его.

Альбертъ не читалъ Аристотеля по гречески, но въ латинскомъ переводѣ ученаго комментарія, сдѣланнаго Авиценой. Для составленія научной части своихъ сочиненій, онъ заимствуетъ изъ многихъ писателей греческихъ, латинскихъ и арабскихъ; но Аристотель и Авицена были его главнѣйшими авторитетами.

Альбертъ начинаетъ съ физики. Какъ Аристотель, онъ посвятилъ этой наукѣ восемь книгъ. Онъ говоритъ о земныхъ силахъ и небесномъ механизмѣ. Онъ излагаетъ законы плодорожденія живыхъ существъ и явленія, происходящія при разложеніи ихъ тѣлъ.

Гумбольдтъ отзывается съ похвалой о манерѣ, съ которой Альбертъ писалъ о физикѣ земнаго шара. Онъ находитъ, что его трактахъ *De natura locorum* составляетъ зародышъ превосходнаго физическаго описанія земли. Его глава объ *аэролитахъ*, или падучихъ камняхъ, весьма любопытна, принимая во вниманіе время, когда она написана. Въ объясненіи, данномъ имъ проис-

хожденію теплыхъ водъ, Альбертъ почти возвысился до уровня новѣйшей науки. Въ другой главѣ, онъ говоритъ о свойствахъ магнита и намагниченной стрѣлки: онъ полагаетъ, что во времена Аристотеля существовалъ приборъ, по которому суда направлялись въ морѣ.

Послѣ книгъ *De Coelo et Mundo* и *De Generatione et Corruptione,* Альбертъ помѣстилъ книги о *Метеорахъ*. Затѣмъ слѣдуютъ книги о *Минералахъ*. Сочиненіе послѣдняго трактата вполнѣ приписываютъ Альберту. Авторъ называетъ и описываетъ, въ азбучномъ порядкѣ, всѣ извѣстные ему минералы. Онъ отказывается, по его словамъ, слѣдовать за алхимиками въ ихъ соединеніяхъ и превращеніяхъ и ограничивается общимъ разсказомъ о камняхъ, металахъ и среднихъ тѣлахъ. Такой путь,—прибавляетъ онъ, намекая на важность алхиміи въ ту эпоху,—безъ сомнѣнія, мало философскій, но онъ болѣе пригоденъ для обыкновенныхъ умовъ.

Трактатъ о животныхъ—самое замѣчательное, возвышенное и поучительное изъ сочиненій Альберта. Легко замѣтить, что авторъ много заимствовалъ изъ одноименнаго сочиненія Аристотеля. Но онъ черпалъ не изъ одного этого источника, онъ пользовался и другими матеріалами. Онъ измѣнилъ нѣсколько при этомъ планъ Аристотеля.

Мы уже говорили, что для Альберта не существовало греческаго текста Аристотеля; онъ работалъ при помощи латинскаго перевода Михаила Скотта, сдѣланнаго съ арабскаго извода Авицены. Онъ самъ говорилъ, что взялъ у Аристотеля только девятнадцать книгъ, и что остальное—его сочиненіе. Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ одинъ изъ ученыхъ его біографовъ,—легко видѣть, что первая часть трактата *De animalibus* есть простое воспроизведеніе трактата Аристотеля, дополненное комментаріями и прибавленіями, заимствованными изъ арабо-латинскихъ изводовъ.

Трактатъ о животныхъ наполняетъ собою весь шестой томъ сочиненій Альберта. Это полная картина зоологическихъ знаній въ тринадцатомъ вѣкѣ. Авторъ говоритъ сначала объ *анатоміи*, которую заимствуетъ изъ четырехъ первыхъ книгъ Аристотеля Какъ Аристотель, онъ сравниваетъ анатомію животныхъ съ ана-

томіей человѣка, которая служитъ для него исходнымъ пунктомъ. Затѣмъ онъ говоритъ объ общемъ сходствѣ и различіяхъ, существующихъ между различнаго рода животными. Онъ приводитъ всѣ историческіе факты и всѣ наблюденія, относящіяся къ этому предмету. Сходства и различія онъ находитъ въ формѣ, цвѣтѣ, величинѣ и всѣхъ внѣшнихъ качествахъ цѣлаго животнаго; а равно въ числѣ и расположеніи членовъ, въ ростѣ, движеніи, формѣ членовъ и т. п. Вездѣ, ради удобопонятности, онъ прибѣгаетъ къ примѣрамъ. Онъ различаетъ животныхъ по ихъ образу жизни, движеніямъ, нравамъ, мѣстамъ жительства и т. п. Онъ говоритъ о членахъ, которые общи и существенны для животныхъ, и о такихъ, которыхъ можетъ не быть и дѣйствительно не бываетъ у многихъ родовъ. Чувство осязанія, по его мнѣнію, единственно необходимое и должно быть у всѣхъ животныхъ.

Анатомія, въ трактатѣ о животныхъ Альберта Великаго, сдѣлала шагъ впередъ противъ Аристотеля. Дѣйствительно, анатомическій планъ Альберта замѣчателенъ. Онъ, вопервыхъ, описываетъ, и описываетъ въ совершенствѣ, становой хребетъ; затѣмъ грудную полость. Онъ оканчиваетъ остеологію описаніемъ переднихъ и заднихъ конечностей; къ послѣднимъ, какъ составную часть, онъ присоединяетъ тазъ.

Сказавъ о мускулахъ вообще, затѣмъ о мускулахъ головы, которые по его выраженію, „суть какъ-бы конечности головы", онъ излагаетъ анатомическое расположеніе нервной системы. Онъ подробно описываетъ нервы, выходящіе изъ головнаго мозга, указываетъ ихъ начало и распредѣленіе; затѣмъ переходитъ къ *кровеносной системѣ*, которую описываетъ иначе и лучше, чѣмъ то дѣлалъ Аристотель.

Сочиненіе оканчивается этюдомъ о произрожденіи животныхъ и весьма замѣчательнымъ взглядомъ на порядокъ, которому слѣдовалъ Аристотель въ своей физіологіи.

Слѣдующія шесть книгъ принадлежатъ собственно Альберту. Аристотель написалъ сочиненіе о *физіономіи*, къ которому Ѳеофрастъ прибавилъ книгу о *характерахъ*. Но Альбертъ, кажется, первый возымѣлъ мысль опредѣлять душевныя способности простымъ изслѣдованіемъ внѣшнихъ выпуклостей черепа.

Въ двадцатой книгѣ, Альбертъ соединилъ всѣ элементы, относящіеся къ изученію организма и его интимныхъ свойствъ. Онъ старается опредѣлить ступень, предназначенную человѣческому роду въ совокупности творенія. Отъ человѣка онъ переходитъ къ различнымъ родамъ животныхъ. Затѣмъ онъ начертываетъ нисходящую зоологическую лѣствицу, и указываетъ ея последовательныя ступени въ животныхъ органахъ, которыя упрощаются и исчезаютъ, по мѣрѣ все большаго удаленія отъ исходной точки, то есть человѣка.

Въ двадцать второй книгѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, описана естественная исторія всѣхъ тогда извѣстныхъ родовъ животныхъ. Авторъ описываетъ животныхъ сѣверныхъ странъ, которыхъ Аристотель и Плиній не могли видѣть лично; ибо въ древности, сношенія странъ южныхъ и сосѣднихъ съ сѣвернымъ полюсомъ были необычайно рѣдки и затруднительны. Альбертъ описываетъ, напримѣръ, то-временную охоту на китовъ, не много отличающуюся отъ нынѣшней.

Въ исторіи четвероногихъ онъ особенно распространяется о домашнихъ животныхъ: собакѣ, лошади, быкѣ и т. д. Онъ изучаетъ инстинкты и нравы каждаго животнаго, его привычки, болѣзни, которымъ они подвергаются, и средства для излеченія.

Въ двадцать третьей книгѣ заключается исторія птицъ. Онъ сперва описываетъ ихъ кратко и вообще; затѣмъ входитъ въ подробное описаніе различныхъ извѣстныхъ ему родовъ. Онъ пространно описываетъ различныхъ птицъ, употребляемыхъ въ соколиной охотѣ; онъ распространяется объ ихъ воспитаніи, обученіи, содержаніи и болѣзняхъ.

Двадцать четвертая книга посвящена исторіи всѣхъ живыхъ существъ, обитающихъ въ водѣ; двадцать пятая—исторіи змѣй и различныхъ пресмыкающихся, къ которымъ онъ причисляетъ черепаху; двадцать шестая — маленькимъ животнымъ, не имѣющимъ по его мнѣнію крови (De parvis animalibus sanguinem non habentibus), то-есть насѣкомымъ, пауковымъ, кольчатымъ и т. п.

Въ своихъ сочиненіяхъ Альбертъ, конечно, долженъ былъ впасть въ ошибки, которыхъ невозможно было избѣжать въ томъ

вѣкѣ. Не смотря на свой геній, онъ не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ предразсудковъ своего и предшествовавшихъ вѣковъ.

Его трактатъ о ботаникѣ, *De Vegetabilibus et Plantis*, былъ строго осужденъ новѣйшими учеными, какъ будто это сочиненіе въ сто-шестьдесятъ страницъ in-folio было написано въ наше время. Эти строгіе критики не разсуждаютъ, что раньше Альберта Великаго исторія науки не представляетъ ни одного ботаника, съ которымъ его можно было бы сравнить, за исключеніемъ Ѳеофраста, о коемъ онъ не упоминаетъ. А потому нечего осуждать его за тѣ усилія, которыя онъ сдѣлалъ, ради увеличенія, при помощи изученія растеній, сферы знаній своего вѣка. Въ эпоху, когда пособія для научнаго изученія были необычайно ограниченны, и когда наблюдательное искусство не существовало еще въ естественной исторіи, Альбертъ сталъ заниматься анатоміей и физіологіей растеній и постановилъ весьма тонкіе и трудные вопросы. Уже много значитъ постановка этихъ вопросовъ и попытка разрѣшить ихъ, при помощи собиранія и изученія всего, что только можно было узнать въ то время.

Изложивъ анатомію и физіологію растеній, онъ переходитъ къ различнымъ растительнымъ видамъ, которые и описываетъ послѣдовательно. Альбертъ Великій можетъ быть причисленъ къ первымъ натуралистамъ, заботившимся о точномъ описаніи растеній.

Онъ написалъ также, какъ сказано выше, сочиненіе о *Минералахъ* (De mineralibus et rebus metalicis), въ которомъ описываетъ, порой съ замѣчательной точностью, камни, соли и металы, извѣстные въ его время. Въ этомъ отношеніи у него не могло быть недостатка въ матеріалахъ, ибо страсть, съ какою тогда предавались изученію алхиміи, сдѣлала доступнымъ знанія арабовъ о минеральныхъ веществахъ и химическихъ соединеніяхъ.

Мы надѣемся, что дали точное понятіе объ этомъ великомъ ученомъ тринадцатаго вѣка, котораго можно назвать *средневѣковымъ Аристотелемъ*. Мы дали возможность понять его геній, изложивъ великую и глубокую мысль, совмѣщавшую одновременно и принципы и цѣль его ученаго сочиненія; его эрудицію и его природные таланты, удивительное вліяніе, которое онъ

оказывалъ еще при жизни на всѣ школы, ученыхъ и даже народныя массы, вліяніе продолжавшееся нѣсколько вѣковъ послѣ его смерти. Наконецъ, мы очертили его сокровенныя чувства, его характеръ и привычки, его истинную и непритворную скромность, которая почти не дозволяла ему замѣчать, что его повсюду уважаютъ, и простоту его вкуса, заставлявшую его предпочитать уединенную келью на берегу Рейна великолѣпнымъ дворцамъ, и отказываться, изъ чувства благороднаго и постояннаго безкорыстія, отъ высокихъ должностей, богатствъ и почестей.

РОЖЕРЪ БАКОНЪ.

Этотъ, неизвѣстный и страшно преслѣдуемый при жизни, монахъ былъ однимъ изъ величайшихъ ученыхъ своего вѣка. Рожеръ Баконъ большую часть жизни провелъ въ заключенiи, или въ кельи, гдѣ за нимъ неусыпно слѣдили, гдѣ онъ не могъ ни писать, ни вычислять, ни чертить геометрическихъ фигуръ безъ того, чтобы не возбудить подозрѣнiй, которыя влекли за собою увеличенiе наказанiя; то въ тюрьмахъ, гдѣ съ нимъ обращались самымъ недостойнымъ и презрительнымъ образомъ, какъ съ послѣднимъ злодѣемъ. Въ чемъ же заключалось его преступленiе? Въ горячей любви къ наукѣ и независимости мысли.

Всю жизнь онъ не зналъ иной страсти. Таланты его развились рано. Схоластическая философiя и ложная эрудицiя, въ то время преподававшаяся въ университетахъ, возбуждали въ немъ глубокое презрѣнiе. Онъ надѣялся, что отыщетъ истинныя и полезнѣйшiя знанiя гдѣ нибудь помимо латинскихъ книгъ. Съ этою цѣлью онъ сталъ учиться языкамъ. Онъ выучился по гречески, еврейски, арабски, халдейски.

Изучивъ глубоко науки Грецiи и Востока и затѣмъ сравнивъ изученное имъ съ тогдашнимъ обученiемъ въ Западной Европѣ, онъ нашелъ, что ученые очень плохо знаютъ по гречески и что переводы Аристотеля преисполнены ошибокъ.

Затѣмъ, отъ почувствовалъ—и это истинно генiальная черта—что для того, чтобы выдѣлить крупицу истинъ, которыя находятся въ массѣ ложныхъ мнѣнiй и утвердившихся предразсудковъ, чтобы вполнѣ утвердить истины гадательныя, или пред

чувствуемыя, слѣдуетъ главнымъ образомъ прибѣгнуть къ наблюденіямъ и опытамъ.

Большую часть своего наслѣдства истратилъ онъ на покупку рѣдкихъ книгъ. Другая пошла на неизбѣжные и безпрерывные расходы по устройству приборовъ и снарядовъ и на опыты, которые необходимо видоизмѣнять и повторять, чтобы достигнуть вѣрныхъ результатовъ.

Все это доставило ему весьма опасную въ то время репутацію астролога и волшебника. Наконецъ, онъ предположилъ радикально реформировать средневѣковое общество и при этомъ погибъ безвозвратно.

Имя Рожера Бакона, въ народныхъ англійскихъ преданіяхъ, сохранилось, какъ имя колдуна. Внѣ Англіи о немъ совершенно забыли. Прошло три вѣка, и въ это время ни одинъ ученый, ни одинъ историкъ ни разу даже не упомянулъ ни о немъ, ни о его сочиненіяхъ. Точно его и не существовало. Только въ деревняхъ близъ Оксфорда и въ Соммерсетскомъ графствѣ, гдѣ онъ жилъ, имя его всегда возбуждало въ народѣ мысли о колдовствѣ и магіи. Весь свѣтъ позабылъ объ этомъ ученомъ монахѣ, писавшемъ геніальныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и особенно противъ магіи.

Рожеръ Баконъ родился въ 1214 году, въ Соммерсетскомъ графствѣ. Семейство его было древняго рода. У него было нѣсколько братьевъ. Еще въ ранней юности его послали въ оксфордскій университетъ. Онъ началъ учиться у Эдмунда Рича, который впослѣдствіи былъ епископомъ кентерберійскимъ. Онъ вступилъ въ мертонскую колегію, гдѣ были профессора замѣчательные и знаніемъ, и независимостью характера. Матье Пари [1]) считаетъ Роберта Бакона и Ричарда Фитсакра за величайшихъ ученыхъ своего времени. Этотъ Робертъ Баконъ былъ родственникомъ Рожера, кажется, его дядей.

Рожеръ Баконъ съ юности чувствовалъ страсть къ наукамъ. Съ самаго начала своего ученаго поприща, онъ интере-

---

[1]) Historia major.

совался всѣмъ и хотѣлъ знать все. Такъ какъ онъ безпрерывно читалъ, размышлялъ, наблюдалъ, то скоро овладѣлъ всѣми источниками знанія, какіе только можно было пріобрѣсти въ тотъ вѣкъ.

Первые годы жизни Рожера Бакона неизвѣстны. Одинъ изъ современныхъ писателей, съ рѣдкимъ рвеніемъ занявшійся біографическими и библіографическими изысканіями относительно Бакона, г. Эмиль Шарль, нынѣ профессоръ исторіи въ парижскомъ лицеѣ Людовика Великаго, говоритъ даже, что съ точностью неизвѣстно—ни когда онъ родился, ни когда умеръ, ни когда принялъ монашество. Всѣ біографы, которые заимствовали эти указанія у Леланда [1]), изъ замѣтокъ или сочиненій Балэ [2]), Питса [3]), Ваддинга [4]), лѣтописца ордена, къ которому принадлежалъ Рожеръ Баконъ, только повторяли другъ друга. Слѣдовало за справками о жизни и числовыхъ данныхъ обратиться къ сочиненіямъ самого Бакона; такъ и поступилъ г. Эмиль Шарль въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи о знаменитомъ англійскомъ физикѣ [5]).

Рожеръ Баконъ, будучи девятнадцати лѣтъ, участвовалъ въ событіи, занесенномъ въ исторію. Дѣйствіе происходитъ въ Оксфордѣ, въ 1233.

Въ англійскомъ народѣ въ то время господствовало сильное неудовольствіе противъ короля Генриха III. Въ день святаго Іоанна, у короля было свиданіе въ Оксфордѣ съ недовольными баронами. Послѣ божественной службы, онъ долженъ былъ выслушать отъ проповѣдника длинное поученіе, заключавшее въ себѣ жестокія и безбоязненныя порицанія. По окончаніи проповѣди, монахъ всенародно объявилъ, что продолжительный миръ не

---

[1]) I. Lelandi antiquarii *Collectanea*, t. II, p. 288.—*De scriptoribus britannicis*, t. I, p. 214.

[2]) *Script. illust. mus. Britann.*, 1 изд. 1518; 2-ое 1557.

[3]) *Relationum historicarum de rebus anglicis*. Парижъ, 1619, № 365.

[4]) *Annales ordinis minorum*. Ліонъ, 1628, томъ II, стр. 293.

[5]) *Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines, d'après des textes inédits*. 1 vol in-8°, par Emile Charles, professeur au lycée de Bordeaux. Paris, 1861.

возможенъ въ Англіи, если король не удалитъ отъ двора Петра Дероша, котораго всѣ презирали.

Король бурно выразилъ свое неудовольствіе. Когда онъ успокоился, молодой клеркъ обратился къ нему съ слѣдующей смѣлой шуткой:

— Государь, знаете ли какихъ опасностей больше всего слѣдуетъ избѣгать, когда плаваешь въ далекихъ моряхъ?

— Про это знаютъ тѣ, кто путешествуетъ, отвѣчалъ король.

— Ну такъ я вамъ скажу, продолжалъ клеркъ:—надо избѣгать *камней* (Петръ=камень) и *скалъ* (Desroches).

Этотъ юный клеркъ, этотъ смѣльчакъ былъ Рожеръ Баконъ.

Между профессорами, у которыхъ учился Рожеръ, слѣдуетъ во первыхъ назвать Адама де-Мориско и Роберта *Большеголоваго*, смѣлыхъ мыслителей оксфордской школы, о которыхъ Рожеръ Баконъ отзывается въ своихъ сочиненіяхъ съ восторгомъ.

Этотъ Робертъ *Большеголовый* былъ, безъ сомнѣнія, Робертъ Баконъ, философъ-богословъ, врагъ монаховъ, противникъ папства, грамматикъ и весьма ученый математикъ. Робертъ *Большеголовый* мало уважалъ сочиненія Аристотеля. Онъ отыскивалъ, на свой счетъ, на Востокѣ, сочиненія, еще неизвѣстныя въ Европѣ и въ которыхъ науки и философія представлялись въ новомъ свѣтѣ.

Адамъ де-Мориско былъ лучшимъ другомъ Рожера Бакона. Благочестивый и просвѣщенный человѣкъ, Мориско въ концѣ жизни оставилъ почести и богатства, удалился въ монастырь, чтобы всецѣло предаться въ уединеніи изученію математики и языковъ.

Другимъ учителемъ Бакона, какъ уже сказано, былъ Эдмундъ Ричь, впослѣдствіи архіепископъ кентерберійскій.

Эдмундъ Ричь желалъ управлять своимъ епископствомъ по строгимъ уставамъ Оксфордскаго университета и этимъ возбудилъ противъ себя страшную ненависть монаховъ, папскаго легата Отона и даже короля. Принужденный уступить и отправиться въ Римъ для объясненія своего поведенія, Ричь не понравился папѣ рѣзкостью своего языка. Осужденный папскимъ дворомъ и

изгнанный изъ своего отечества, онъ удалился во Францію, гдѣ умеръ отъ горя въ 1242.

По этимъ знаменитымъ личностямъ, которыя были учителями Рожера Бакона, можно составить себѣ понятіе о суровости доктринъ, духѣ независимости и смѣлости рѣчи, характеризующихъ оксфордскую школу. Эта школа могла бы впослѣдствіи затмить университетъ парижскій солидностью изученія и строгостію нравовъ, еслибы преподаваніе въ ней было болѣе блестящее. Притомъ, школа эта находилась на островѣ, а потому не могла привлекать столькихъ студентовъ, а слѣдственно, и столькихъ знаменитостей, какъ школа парижская, находившаяся въ центрѣ материка. Прибавимъ, что привычка къ независимости и нравственной твердости, которую студенты пріобрѣтали въ Оксфордѣ, мѣшала этой школѣ пріобрѣсти благосклонность папъ, прелатовъ и докторовъ, вліяніе и авторитетъ которыхъ были въ тѣ дни огромны.

Въ средніе вѣка установился обычай, по которому ученые и замѣчательнѣйшіе изъ студентовъ различныхъ странъ Европы, отправлялись въ парижскій университетъ за полученіемъ докторскаго или магистерскаго диплома. Профессора Рожера Бакона, Эдмундъ Ричь, Робертъ Большая-голова и другіе переплывали проливъ, ради окончанія курса въ Парижѣ. Рожеръ Баконъ послѣдовалъ ихъ примѣру; онъ отправился въ Парижъ, *more suæ gentis* (по примѣру другихъ соотечественниковъ), какъ говорятъ историки.

Приблизительно всѣ согласны относительно факта, но не времени, путешествія Рожера Бакона во Францію. По однимъ, онъ въ Парижѣ поступилъ въ монахи; по другимъ—это случилось въ 1253 по его возвращеніи въ Англію изъ Парижа. Рожеръ Баконъ, въ своихъ сочиненіяхъ, говоритъ, что онъ находился въ Парижѣ въ 1248 и 1250.

Не важно, училъ ли онъ въ парижскомъ университетѣ, какъ утверждаетъ Вудъ, или же былъ тамъ простымъ студентомъ, какъ можно полагать на основаніи сочиненія дю-Булэ [1]).

---

[1]) *Histoire de l' Université*

Для полученія степени *магистра* въ парижскомъ университетѣ, требовалось преподавать въ немъ извѣстное время. Положительно извѣстно, что Робертъ Баконъ преподавалъ нѣкоторое время съ большимъ успѣхомъ въ Парижѣ, или Оксфордѣ. Онъ самъ говоритъ объ этомъ, въ письмѣ 1267 года, къ папѣ Клименту IV [1]).

Студенты любили его. Но смѣлость его идей, его критика, безъ сомнѣнія, неумѣренная, а также, можетъ быть, рѣзкость выраженій возбудили противъ него сильную ненависть.

Изъ его словъ можно заключить, что его курсъ былъ закрытъ и ему запрещено было преподавать въ парижскомъ университетѣ.

Когда нечему уже было учиться въ Парижѣ, Рожеръ Баконъ въ 1250 г. возратился въ Оксфордъ.

Онъ разсчитывалъ встрѣтить тамъ друзей, своихъ бывшихъ учителей, и совокупно съ ними приступить къ выполненію своего великаго проекта, то есть къ реформѣ научной системы, царствовавшей тогда въ школахъ. Но въ этихъ разсчетахъ, онъ забылъ о смерти. Его учителя и друзья, по его печальному выраженію, всѣ „пошли по дорогѣ, предназначенной смертной плоти.“ Эдмундъ Ричь, Ричардъ Фитсакръ, Робертъ Баконъ, Адамъ де-Мариско— всѣ они скончались. Робертъ Большая-голова послѣдовалъ за ними въ 1253. Такимъ образомъ, нашъ молодой ученый очутился одинокимъ и безсильнымъ для выполненія задуманнаго дѣла.

Только три силы могли помочь Рожеру Бакону въ исполненіи его великой научной реформы: король, папа, или религіозное братство.

Слова, сказанныя имъ въ оксфордской церкви, показываютъ, что онъ не умѣлъ располагать въ свою пользу королевскую милость. Папа былъ слишкомъ занятъ поддержаніемъ своей свѣтской власти, чтобы интересоваться вопросами науки и философіи. Итакъ, оставалось прибѣгнуть къ помощи религіознаго ордена.

Слѣдовало только сдѣлать удачный выборъ ордена.

---

[1]) *Opus tertium*. Рукопись брит. муз.

Рожеръ Баконъ поступалъ весьма раціонально, рѣшившись въ 1250 или 1253 г. вступить въ монашество, чтобы найти необходимую помощь для осуществленія своихъ проектовъ. Но онъ ошибся во второй части своей программы, то есть вступивъ въ орденъ францисканцевъ.

Всѣ несчастія, обуревавшія его въ продолженіе жизни, произошли отъ того, что онъ поступилъ въ орденъ св. (католическаго) Франциска. Его судьба была бы совершенно иная, еслибы онъ, подобно Альберту Великому, вступилъ въ орденъ доминиканцевъ. Орденъ доминиканскій, къ которому принадлежалъ этотъ великій человѣкъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти вліяніе на воспитаніе. Для этого ордену нужны были ученые профессора и краснорѣчивые проповѣдники. Поэтому доминиканцы отыскивали и привлекали къ себѣ людей, которые, имѣя склонность къ монастырской жизни, соединяли съ этой естественной склонностью любовь къ наукѣ, разнообразныя знанія и способность легко выражать свои мысли. Ихъ школы, соперничавшія съ университетомъ парижскимъ, представляли наукѣ и эрудиціи всѣ средства и полную свободу.

Учась въ университетѣ парижскомъ, Баконъ присматривался и прислушивался. Онъ слушалъ краснорѣчиваго Альберта Великаго, когда вокругъ каѳедры этого знаменитаго ученаго собиралась молодежь со всѣхъ концовъ Европы. Умы были взволнованы различными системами; но Рожеръ не сдѣлался сторонникомъ ни одной изъ нихъ. Повсюду царствовала схоластика, къ которой онъ чувствовалъ глубочайшее презрѣніе; въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ греческой и арабской наукой схоластика являлась только грубымъ варварствомъ. Грамматика и математика, по его мнѣнію, въ тысячу разъ полезнѣй всякой школьной метафизики; наблюденіе и опытъ должны быть поставлены выше Аристотеля. Въ самомъ Альбертѣ Великомъ Баконъ видѣлъ только тщеславнаго человѣка, вліяніе котораго будетъ пагубнымъ для его современниковъ.

Изъ тогдашнихъ ученыхъ онъ хвалитъ людей неизвѣстныхъ. Таковы, напримѣръ, Вильямъ Ширвудскій, казначей линкольнской церкви; нѣкоторый математикъ, по имени Кампано Наварскій;

РОЖЕРЪ БАКОНЪ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ МОНАСТЫРѢ ВЪ ПАРИЖѢ, ПОСЫЛАЕТЪ БРАТА ЖАНА КЪ ПАПѢ СЪ РУКОПИСЬЮ «OPUS MAGNUS».

4

Іоаннъ Лондонскій — лица, о которыхъ исторія не сохранила воспоминанія.

Но между ними Баконъ считаетъ одного, совершенно неизвѣстнаго, самымъ знаменитымъ. Онъ называетъ его *магистромъ Петромъ*.

„Это, говоритъ онъ, единственный человѣкъ, способный споспѣшествовать успѣхамъ науки. Онъ скрывается въ уединеніи; у него нѣтъ ни учениковъ, ни почитателей. Но этотъ человѣкъ болѣе всѣхъ людей нашего вѣка чувствуетъ, какъ важно изучать науку при помощи опыта и наблюденія. Его механическія изобрѣтенія, его физическія, химическія и металургическія открытія сдѣлали его обладателемъ многихъ чудесныхъ тайнъ. Когда онъ обнародуетъ ихъ, его осыплютъ почестями и богатствомъ. Нѣтъ науки или искусствъ, которыя были бы ему не извѣстны."

Рожеръ Баконъ свидѣтельствуетъ, что онъ научился всему отъ этого необыкновеннаго человѣка: языкамъ, философіи, математикѣ, астрономіи, опытнымъ наукамъ и т. п.

Этотъ *магистръ Петръ* былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ замѣчательный, и долженъ былъ носить и другое имя. Полагаютъ, что то былъ Petrus Peregrinus изъ Марикура, отъ котораго остался трактатъ *о магнитѣ* (De Magnete), хранящійся между рукописями императорской парижской библіотеки, и о которомъ Гумбольдтъ упоминаетъ какъ объ одномъ изъ первыхъ на Западѣ физиковъ, знавшихъ употребленіе компаса.

Рожеръ Баконъ первый въ средніе вѣка понялъ и доказалъ, что математика необходима при изученіи физики. Говоря о пользѣ отысканія математическихъ отношеній въ физическихъ явленіяхъ, онъ раздѣлялъ мнѣніе старой пиѳагорейской школы. Ньютонъ, а послѣ него Лапласъ и многіе другіе, доказали, что общіе законы физической природы можно выразить и опредѣлить съ извѣстной точностью только числовыми отношеніями и математическими формулами.

Рожеръ Баконъ обладалъ огромной ученостью. Онъ зналъ, и не поверхностно, а въ подробности греческія и латинскія книги; это доказывается приводимыми имъ ссылками на этихъ двухъ языкахъ. Онъ изучилъ сочиненія Аристотеля, Евклида и Птоломея. Онъ не пренебрегалъ математикой, но по этой отрасли наукъ отъ него остались только общіе взгляды, по которымъ нельзя

судить, зналъ ли онъ все, что было извѣстно грекамъ на счетъ математики. Неизвѣстно, зналъ ли онъ въ подробности труды Архимеда, Аполлонія Пергейскаго и нѣкоторыхъ другихъ; но извѣстно, что онъ писалъ сочиненія по ариѳметикѣ и геометріи, нынѣ потерянныя.

Баконъ весьма уважалъ араба Авицену, котораго въ различныхъ мѣстахъ называетъ *dux et princeps philosophiae post Aristotelem* (главой и царемъ философіи послѣ Аристотеля). Онъ изучилъ всю науку арабовъ. Словомъ, онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло бы сдѣлать его пригоднымъ для выполненія той задачи, которую онъ предположилъ себѣ и которая состояла въ реформаціи современной науки. Онъ пользовался всѣмъ: книгами, приборами, опытами, путешествіями. Въ десять лѣтъ онъ истратилъ на покупку книгъ двѣ тысячи французскихъ ливровъ —сумма весьма значительная для того времени [1]).

Онъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ и въ полной силѣ своего таланта, когда объявилъ, что опытъ и наблюденіе природы есть единый истинный авторитетъ, на который можетъ ссылаться наука.

Но эта реформа не могла не возбудить жаркихъ споровъ и сильнаго сопротивленія. Препятствія, встрѣчаемыя Бакономъ, раздражали его все больше и больше. Вскорѣ онъ очутился въ ссорѣ со всѣми, вслѣдствіе нескрываемаго презрѣнія къ парижскому университету, самымъ знаменитымъ и авторитетнымъ ученымъ, своему ордену; онъ при всякомъ удобномъ случаѣ высказывалъ это свое презрѣніе, а равно презрѣніе ко всякой доктринѣ, требовавшей къ себѣ непремѣннаго уваженія.

Изъ всѣхъ монашескихъ орденовъ той эпохи, ни одинъ не противился такъ изученію наукъ и развитію ума человѣческаго, какъ орденъ св. (католическаго) Франциска. Уставъ этого ордена прежде всего требовалъ униженія, бѣдности, молитвы, поста и рукодѣлья. Если онъ и терпѣлъ умственные труды, то съ многочисленными ограниченіями. Теперь понятно, какими глазами этотъ

---

[1]) А не 2000 фунтовъ стерлинговъ (50,000 франк.), какъ говоритъ авторъ статьи *Рожеръ Баконъ* въ *Biographie universelle* Мишо (Michaud).

подозрительный и строгій орденъ смотрѣлъ на умственныя стремленія и обычныя занятія Рожера Бакона.

Нашъ прилежный монахъ, въ своемъ монастырѣ, жилъ окруженный учениками и помощниками (adjutores). Онъ ихъ училъ строить ариѳметическія таблицы для облегченія вычисленій, дѣлалъ опыты и химическія и физическія наблюденія. Эта пропаганда сильнѣе всего вооружила противъ него начальниковъ ордена. Рѣшили примѣрно наказать его.

Генераломъ францисканцевъ былъ тогда Іоаннъ Фиданца (святой Бонавентура католической церкви). Этотъ ученый, благочестивый и покорливый сердцемъ, съ мистической душой,—не могъ понять рабочаго ума и реформаторскихъ стремленій Рожера Бакона. Нѣкоторые писатели приводятъ письмо Бонавентуры, въ которомъ онъ напоминаетъ Бакону о данномъ имъ при вступленіи въ орденъ обѣтѣ смиренія и нищеты духовной. Прибавляютъ, что Баконъ отвѣчалъ письмомъ, ни мало не успокоившимъ генерала ордена.

Какъ бы то ни было, но при Бонавентурѣ противъ Бакона состоялся приговоръ, повелѣвавшій ему оставить Оксфордъ и подвергавшій его заключенію въ одномъ изъ парижскихъ францисканскихъ монастырей.

Бѣдный монахъ принужденъ былъ оставить Оксфордъ. Онъ со слезами простился со своими учениками и особенно съ братомъ Ѳомою Бунгеемъ, который, подъ его руководствомъ, оказалъ большіе успѣхи въ точныхъ наукахъ и въ особенности въ математикѣ. Съ неменьшимъ горемъ, онъ разстался съ своими физическими и астрономическими снарядами и приборами. Онъ собралъ всѣ ученыя пособія въ одной сосѣдней съ монастыремъ башнѣ, служившей ему физическимъ кабинетомъ и обсерваторіей.

Въ парижскомъ монастырѣ, куда былъ отправленъ несчастный братъ Рожеръ, за нимъ наблюдали самымъ строгимъ образомъ. Ему было запрещено писать, или по меньшей мѣрѣ было запрещено куда бы то ни было посылать свои рукописи. Генералъ ордена писалъ слѣдующее начальнику парижскихъ францисканцевъ на счетъ заключенника:

„Онъ долженъ жить въ полномъ уединеніи отъ міра, въ разлукѣ съ друзьями, заключенный въ монастырѣ. У него есть братъ, такой же ученый какъ онъ; у него есть ученики, обращающіеся къ нему за совѣтомъ: чтобы онъ сталъ ничѣмъ для нихъ. Онъ долженъ быть заключенъ въ тюрьмѣ, на хлѣбѣ и водѣ, и слѣдуетъ конфисковать всякую рукопись, какую онъ вздумаетъ куда либо послать".

Но былъ въ католической церкви прелатъ, болѣе просвѣщенный чѣмъ монахи, угнетавшіе несчастнаго Бакона. Его звали Гвидо Фулькоди. Проведя жизнь въ качествѣ судьи и воина, Гвидо Фулькоди сдѣлался секретаремъ короля французскаго Людовика IX. По смерти жены, онъ вступилъ въ монашество, и быстро достигъ высшихъ церковныхъ должностей.

Гвидо Фулькоди услыхалъ объ оксфордскомъ монахѣ, обладателѣ многихъ тайнъ естественныхъ наукъ и поистинѣ удивительныхъ открытій, и о томъ, что начальники ордена наказали его за излишнюю ревностъ къ свѣтскимъ наукамъ. Не будучи въ состояніи вступить въ прямыя отношенія съ англійскимъ монахомъ, Фулькоди искалъ посредника и нашелъ.

То былъ нѣкій Раймундъ Лаонскій (Laoduno), вполнѣ преданный Бакону монахъ. Такимъ образомъ могли установиться сношенія между Гвидо Фулькоди и Бакономъ, людьми достойными понять и полюбить другъ друга. Дѣйствительно, истинная дружба вскорѣ связала ихъ. Когда Баконъ былъ заключенъ въ Парижѣ, въ монастырѣ францисканцевъ, Фулькоди писалъ ему нѣсколько одобрительныхъ писемъ, но ни одно изъ нихъ не дошло по назначенію.

Такимъ образомъ, находясь въ полной власти своихъ начальниковъ, Баконъ, казалось, погибъ на вѣки. Только папа могъ избавить его отъ такого притѣсненія. Но папы, обычно преданные главамъ монашескихъ орденовъ и своимъ временнымъ интересамъ, не имѣли времени подумать о бѣдномъ монахѣ, заключенномъ за вольныя мысли.

Таково было положеніе бѣднаго францисканца, когда неожиданное обстоятельство озарило его надеждою. Его другъ, кардиналъ надѣлъ папскую тіару. Гвидо Фулькоди сдѣлался папой Климентомъ IV.

Рожеръ Баконъ поспѣшилъ написать ему, тайно впрочемъ, при посредствѣ высокопоставленнаго друга кавалера де-Бонньксоръ, который взялся не только доставитъ письмо новому папѣ, но и передать лично ему подробности, описывать. которыя было бы слишкомъ длинно или опасно.

Въ 1266, во второй годъ папства Климента IV, Рожеръ Баконъ получилъ отъ его святѣйшества слѣдующее письмо, копія съ котораго снята лѣтописцемъ францисканскаго ордена, Ваддингомъ, въ Ватиканскихъ архивахъ:

„*Нашему любезному сыну, Рожеру Бакону, монаху ордена младшихъ братьевъ.*

„Мы съ благодарностью получили письмо ваше и обратили должное вниманіе на слова, которыя нашъ вселюбезный сынъ, кавалеръ Бонньксоръ, прибавилъ въ объясненіе письма, съ вѣрностію и благоразуміемъ. Для того, чтобы мы могли знать, чего вы хотите, *мы желаемъ и приказываемъ, во имя нашей апостольской власти, не взирая на противоположный приказъ какого бы то ни было прелата, во всемъ вашемъ орденѣ, вы какъ можно скорѣе прислали бы намъ чисто переписанное сочиненіе ваше, которое мы просили сообщить нашему наилюбезнѣйшему сыну Раймунду Лаодуно, когда мы были легатомъ. Мы желаемъ также, чтобы вы, въ вашихъ письмахъ, изложили средства противъ болѣзни по вашимъ словамъ столь опасной, и чтобы вы съ возможной тайной, безъ отлагательства, принялись за это.*

„Дано въ Витебро, въ десятый день іюльскихъ календъ; папства-же нашего лѣто во второе.»

Такимъ образомъ Климентъ IV писалъ „своему любезному сыну" но онъ не смѣлъ потребовать отъ настоятеля монастыря его освобожденія. Онъ совѣтуетъ также Бакону поступать тайно, точно боясь скомпрометировать себя. Вотъ очевидное доказательство власти монашескихъ орденовъ въ то время. Изъ страха, что его не послушаютъ, папа не смѣетъ отмѣнить несправедливаго и жестокаго приговора противъ геніальнаго человѣка, котораго любилъ и уважалъ.

Слова папы оживили Бакона въ ту минуту, когда онъ считалъ себя совершенно погибшимъ. Но какъ достать книгъ, пергаменту, переписчиковъ для составленія сочиненія, которое папа требовалъ отъ него? У него рѣшительно не было денегъ.

Повелѣніе папы было черезъ нѣкоторое время повторено, и болѣе настоятельнымъ образомъ.

Очевидно, святой отецъ ошибался. Когда Раймундъ Лаонскій говорилъ ему о предполагавшемся сочиненіи, онъ понялъ, что ру-

копись была уже готова и что для посылки къ нему стоило только перебѣлить ее. Въ дѣйствительности же книга существовала только въ головѣ Рожера Бакона.

„До поступленія въ монашество, говоритъ онъ, я не написалъ ничего важнаго, а съ тѣхъ поръ я не могъ переслать даже малѣйшей работы брату или друзьямъ [1]).“

Климентъ IV ничего не написалъ и не сказалъ настоятелю монастыря, гдѣ томился оксфордскій монахъ. Однако, настоятель слишкомъ прилежно надзиралъ за заключеннымъ, чтобы не знать, что онъ получилъ письмо отъ папы. Съ другой стороны, Баконъ, связанный совѣтомъ папы, ничего не открывалъ монахамъ своего монастыря. Онъ ограничился тѣмъ, что въ общихъ выраженіяхъ объявилъ имъ, что святой отецъ возложилъ на него особое порученіе.

Но не смотря на такое объявленіе, которое должно бы внушить большое почтеніе, настоятель, основываясь на правилахъ ордена, удвоилъ строгость относительно заключеннаго и употреблялъ самыя гнусныя средства, чтобы помѣшать ему работать. Онъ обращался съ нимъ съ необыкновенной жестокостью [2]). Но Рожеръ Баконъ, сильный покровительствомъ папы, противился, отказывался повиноваться и продолжалъ писать, не смотря на запрещенія.

Тогда его посадили на хлѣбъ и на воду [3]) и усилили надзоръ, чтобы никто не могъ пройти къ нему. Настоятель боялся, чтобы его писаніе не дошло до папы, или до кого нибудь другаго [4]). Баконъ противился ихъ приказаніямъ, и велъ борьбу, опираясь на повелѣніе папы, который вмѣнялъ ему въ обязанность заняться этимъ дѣломъ.

Притѣсненія, испытываемыя имъ, были таковы, что онъ не смѣлъ ихъ описать:

---

[1]) *Opus tertium*, cap. II.

[2]) „Ineffabili violentia.“

[3]) „Me macerantes jejunis.“

[4]) „Praelati enim fratres, me jejunis macerantes, tuti custodiebant, veriti ne scripta mea aliis quam summo pontifici et sibi ipsis parvenirent.“ *(Opus tertium)*.

„Я, быть можетъ, опишу вамъ подробнѣе о томъ, какъ дурно поступали со мною; но напишу объ этомъ своей рукою, имѣя въ виду важность такой тайны.“

Для вычисленій и опытовъ ему нужны были помощники; ему не дозволили этого. Онъ не могъ найти переписчиковъ, которымъ могъ бы довѣриться. Тѣ, которыхъ ему предлагали въ монастырѣ, тотчасъ же отдали бы его сочиненія настоятелю. Парижскіе же переписчики, изъ не принадлежавшихъ къ монастырю, были извѣстны своимъ вѣроломствомъ: они обнародовали бы его книгу, прежде чѣмъ папа успѣлъ бы прочесть первыя строки.

Къ такимъ затрудненіямъ присоединилось еще одно. Баконъ нуждался въ деньгахъ, а ему не позволяли ни имѣть что-либо, ни занимать. Папа не думалъ о такихъ пустякахъ; иначе, онъ прислалъ бы, конечно, необходимую сумму.

По добротѣ сердечной, Рожеръ Баконъ извинялъ эту забывчивость святаго отца, который, писалъ онъ, „возсѣдая на вершинѣ міра и будучи занятъ тысячами дѣлъ, не подумалъ прислать ему денегъ“, но онъ горько жаловался на кавалера Боннькора, который отвозилъ его письма въ Римъ и ни слова не сказалъ Клименту IV объ этомъ важномъ вопросѣ.

Баконъ въ отчаяніи обращался къ прелатамъ, къ высокимъ лицамъ. Онъ просилъ у нихъ немного взаймы, обѣщая возвратить тотчасъ, какъ только получитъ отъ папы занятую сумму. Прелаты, „которыхъ, по его словамъ, извѣстны только лица, а не сердца“, отвѣчали отказомъ.

„Всѣ, говоритъ онъ, отвѣчали на мои просьбы отказомъ. Сколько разъ на меня смотрѣли какъ на безчестнаго человѣка! Сколько срама и огорченій пришлось мнѣ вытерпѣть!“

Не получивъ ничего отъ богатыхъ прелатовъ, Баконъ обратился къ своимъ друзьямъ, почти такимъ-же бѣднякамъ, какъ онъ самъ.

И они продали немногое, что у нихъ было, заняли, употребили всѣ средства. Они знали, что папа Климентъ IV все возвратитъ имъ.

Такимъ образомъ Рожеру Бакону удалось собрать около 60 англійскихъ ливровъ. Стыдясь, что онъ заставляетъ друзей терпѣть лишенія, онъ двадцать разъ хотѣлъ бросить свои занятія.

Но сознаніе долга поддерживало его, геній побуждалъ писать, и вотъ слабый монахъ, заключенный въ тѣсной кельѣ, терпящій всяческія лишенія, преслѣдованія, бѣдность, садится за работу и пишетъ *Opus majus ad Clementum quartum*, сочиненіе въ 477 страницъ in folio, въ которомъ твердой рукой обличаетъ заблужденія и невѣжество своего времени [1]).

Въ то время, какъ несчастный францисканецъ такимъ образомъ боролся противъ несчастій и испытывалъ тысячи мученій, его соперники, ученые доминиканцы, которыхъ онъ хотѣлъ затмить своими трудами, Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій, жили совсѣмъ иначе. Въ то время, какъ заключенный въ монастырѣ воротъ Св. Михаила, въ Парижѣ, напрасно просилъ у прелатовъ денегъ на покупку пергамента и плату переписчикамъ, Ѳома Аквинскій, въ полномъ блескѣ своей европейской славы, пользовался дружбой папъ, а Альбертъ Великій дѣлалъ римскому королю Вильгельму тотъ великолѣпный пріемъ, который мы описали. Не ясно ли, что Рожеръ Баконъ подобно имъ достигъ бы вершины почестей, еслибъ вмѣсто того, чтобъ вступить въ орденъ францисканцевъ, принадлежалъ къ дѣятельному, честолюбивому и могущественному ордену доминиканцевъ!

Когда *Opus majus* былъ оконченъ, то-есть въ 1267, Баконъ поручилъ Іоанну, своему любимому ученику, отнести его въ Римъ.

Въ письмѣ къ папѣ, Баконъ называетъ брата Іоанна ученымъ и своимъ *alter ego*.

Баконъ далъ брату Іоанну словесныя порученія и нѣсколько физическихъ приборовъ для передачи папѣ; наконецъ, онъ отдалъ ему *Opus majus*, прося скрывать книгу ото всѣхъ.

Между приборами, принесенными братомъ Іоанномъ въ Римъ, находилась хрустальная чечевица, которую Баконъ посылалъ папѣ для повѣрки оптическихъ явленій, описанныхъ въ *Opus majus*.

Въ томъ же 1267 году, Баконъ переслалъ папѣ *Opus minus*, отъ котораго сохранились только отрывки. Это новое сочиненіе должно было служить дополненіемъ къ первому.

---

[1]) Напечатано въ первый разъ въ Лондонѣ, въ 1773.

Наконецъ, онъ приступилъ къ послѣднему сочиненію *Opus tertium.* Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи, Баконъ извиняется, что посылаетъ папѣ только наброски вмѣсто требуемыхъ полныхъ трактатовъ, и, по словамъ г. Эмиля Шарля, подробно изглагаетъ причины, по которымъ невозможно было написать оконченнаго сочиненія. Для этого, говоритъ Баконъ, требовалось сотрудничество многихъ весьма образованныхъ лицъ и огромныя средства. Только при помощи денегъ, говоритъ онъ, можно добыть книги, отыскивать ихъ всюду, дѣлать приборы, производить опыты и найти помощниковъ для наблюденія, вычисленія и описанія естественныхъ явленій.

Климентъ IV благосклонно принялъ *Opus majus* и *Opus minus.* По его повелѣніямъ на имя парижскаго главы ордена, въ 1287 году Бакону наконецъ была возвращена свобода.

То была заря давно-жданнаго дня счастія. Баконъ спѣшитъ окончить свой *Opus tertium.* Онъ посвящаетъ его папѣ и потомъ съ торжествомъ возвращается въ свой оксфордскій монастырь.

Но торжество это было непродолжительно. Черезъ годъ Климентъ IV умерь и послѣ трехлѣтняго междуцарствія ему наслѣдовалъ Григорій X.

Казалось бы, жестокія преслѣдованія, испытанныя Бакономъ, должны сдѣлать его благоразумнѣе. Къ несчастію, этого не случилось.

Едва онъ вернулся въ оксфордскій монастырь, какъ написалъ и обнародовалъ *Compedium philosophiae (Философскій трактатъ)*, новое сочиненіе, въ которомъ онъ, безъ сомнѣнія, раздраженный долгими преслѣдованіями, на ряду съ чисто-научными критическими замѣчаніями дѣлаетъ ѣдкія нападки противъ ордена доминиканцевъ, противъ невѣжества и распущенныхъ нравовъ духовенства, наконецъ противъ разврата папскаго двора.

Его враги только ждали случая отомстить ему, и онъ самъ безрасудно далъ имъ поводъ къ этому.

Недалеко отъ оксфордскаго монастыря возвышалась одинокая башня, куда, какъ мы уже говорили, Рожеру Бакону дозволялось уединяться, чтобъ наблюдать небо, дѣлать опыты и въ тишинѣ предаваться астрономическимъ и физическимъ работамъ.

Тамъ были собраны приборы и снаряды, которые придумалъ и устроилъ своими руками трудолюбивый монахъ. Все это имѣло таинственный видъ, поражавшій воображеніе народа. Общая молва была, что Баконъ занимается астрологіей, магіей, колдовствомъ и въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Эта народная молва совпала съ крутыми мѣрами, кои начали принимать тогда въ английскихъ монастыряхъ, чтобы возстановитъ во что бы то ни стало дисциплину. Въ особенности орденъ францисканцевъ рѣшился жестоко дѣйствовать противъ умовъ, зараженныхъ ересью и новыми идеями.

Жертва была предъизбрана. Понятно, что, желая устрашить другихъ примѣромъ, избрали жертвой Рожера Бакона, котораго подозрѣвали въ магіи и считали за одержимаго страстью къ свѣтскимъ наукамъ.

Въ Парижѣ собрался великій капитулъ францисканцевъ. Предсѣдателемъ этого капитула былъ генералъ ордена Іеронимъ д'Асколи, человѣкъ нрава крутаго и жестокаго.

Сперва призвали предъ капитулъ брата Петра-Іоанна Оливійскаго, обвиняемаго въ сочувствіи къ ереси Іоанна Пармскаго и аббата Іоахима, то есть въ вѣрѣ въ *Плотское Евангеліе.* Іоаннъ Оливійскій называлъ папскій Римъ „развратницей, плотскимъ скотомъ, синагогой дьявола". Его приговорили. Затѣмъ предсталъ братъ Рожеръ Баконъ „англичанинъ, магистръ богословія". Онъ также былъ приговоренъ.

Постановлено было подвергнуть Бакона четырнадцатилѣтнему заключенію.

Баконъ хотѣлъ аппелировать къ папѣ Николаю III; но всѣ усилія его друзей были тщетны. Іеронимъ д'Асколи написалъ папѣ впередъ, и только его рѣчь были выслушана.

Приговоръ, по которому Баконъ долженъ былъ подвергнуться четырнадцатилѣтнему заключенію, состоялся во всей строгости. Онъ былъ подвергнутъ наказанію въ Франціи—по Эмилю Шарлю, въ Римѣ—по словамъ другихъ біографовъ.

Іеронимъ д'Асколи, предсѣдательствовавшій въ общемъ капитулѣ францисканцевъ, гдѣ Баконъ былъ осужденъ, въ 1288 году

сдѣлался папой подъ именемъ Николая IV. Итакъ, для Бакона исчезла всякая надежда.

На цѣлыя четырнадцать лѣтъ бѣдный монахъ исчезъ со сцены, и объ немъ ничего не извѣстно.

Были сдѣланы всевозможныя усилія, чтобы уничтожить его сочиненія. Онъ покупалъ дорогой цѣной рѣдкія книги. Что сталось съ ними? Безъ сомнѣнія, онѣ были уничтожены. Научные факты, приводимые Бакономъ, заставляютъ предполагать, что въ его распоряженіи были древнія книги, которыя съ тѣхъ поръ исчезли.

Баконъ дѣлается снова извѣстнымъ исторіи только въ 1292 г. Ему было тогда семьдесятъ восемь лѣтъ. Онъ состарился и отъ лѣтъ, и отъ перенесенныхъ нравственныхъ и физическихъ страданій, всякаго рода лишеній, насильственнаго поста и преслѣдованій.

Въ 1289 г. Раймундъ Гофреди, человѣкъ кроткаго нрава и ума просвѣщеннаго, любитель справедливости и истинный добротворецъ, былъ избранъ генераломъ францисканцевъ, несмотря на противодѣйствія папы Николая IV (Іеронима д'Асколи). Его первой заботой было на сколько возможно исправить несправедливости своего предшественника. Едва избранный, онъ поспѣшилъ освободить заключенныхъ, тѣхъ, кого приговорилъ къ наказанію д'Асколи во время великаго капитула, имѣвшаго мѣсто четырнадцать лѣтъ назадъ въ Парижѣ. Онъ обнялъ ихъ, просилъ простить преслѣдователей, и чтобы избавить ихъ отъ вражды осуждавшихъ ихъ прелатовъ, далъ имъ порученія въ отдаленныхъ странахъ.

Въ 1292 г. Гофреди, въ новомъ общемъ капитулѣ ордена, кассировалъ приговоръ противъ Бакона.

Гофреди былъ отличный человѣкъ, а потому былъ оклеветанъ и лишенъ званія генерала францисканцевъ. Онъ отказался отъ предлагаемаго ему епископства; онъ предпочиталъ быть бѣднымъ, но свободнымъ.

Не извѣстно, въ которомъ году умеръ Рожеръ Баконъ. Полагаютъ, что онъ похороненъ въ Оксфордѣ въ францисканской церкви.

Вотъ и все, что историкамъ удалось собрать объ одномъ изъ лучшихъ людей, оказавшемъ услуги человѣчеству.

Разсказываютъ, что умирая Рожеръ Баконъ произнесъ слѣдующія слова: „Раскаяваюсь, что столько трудился въ интересахъ науки и людей.“

Ненависть, преслѣдовавшая Рожера Бакона всю жизнь, послѣ его смерти обрушилась на его память и наслѣдство, то есть труды. У францисканцевъ было запрещено, подъ страхомъ жестокаго наказанія, слѣдовать ученію Бакона. Въ этомъ орденѣ надзоръ былъ столь строгій, что озаботились предать забвенію его имя. Всѣ его сочиненія, такъ или иначе попавшія въ руки францисканскихъ монаховъ, были безжалостно сожжены. Приказано было монахамъ, дружнымъ съ Бакономъ, представлять своимъ настоятелямъ его сочиненія, которыя могли остаться у нихъ; съ ихъ стороны было бы величайшимъ неблагоразуміемъ стараться о сохраненіи этихъ сочиненій. По одному, довольно достовѣрному свидѣтельству, францисканцы, чувствуя ужасъ къ сочиненіямъ Бакона, привязали ихъ къ доскамъ, и они такимъ образомъ сгнили.

Но труднѣе было уничтожить книги, посвященныя Бакономъ папѣ Клименту IV, книги, которыя этотъ мудрый первосвященникъ поставилъ въ Ватиканѣ, въ свою частную библіотеку, сдѣлавъ на нихъ отмѣтку своей рукою.

Итакъ, не слѣдуетъ удивляться, что авторъ *Opus majus* оставилъ послѣ себя почти неизвѣстное имя и что послѣдующія поколѣнія имѣли о немъ весьма неточное понятіе. Этотъ знаменитый человѣкъ, писавшій, какъ мастеръ, по всѣмъ отраслямъ точныхъ наукъ, былъ почти неизвѣстенъ въ продолженіе трехъ вѣковъ. Математики, физики, химики, философы и библіографы, словомъ, никто въ теченіе трехъ вѣковъ не произносилъ имени того, кто былъ искуснѣйшимъ математикомъ, физикомъ, химикомъ, философомъ и библіографомъ среднихъ вѣковъ.

Напрасно было бы въ настоящее время отыскивать въ Англіи слѣды великаго человѣка, жизнь котораго мы только что разсказали. До насъ не дошелъ ни одинъ его подлинный портретъ; ничто, напоминающее его личность, не уцѣлѣло отъ этого потопа временъ. Г. Эмиль Шарль, будучи въ Оксфордѣ, отыскивалъ хоть

что нибудь, напоминающее личность Бакона, и могъ, въ своей книгѣ, засвидѣтельствовать только тщету такихъ поисковъ.

„Напрасно было бы отыскивать нынѣ въ Оксфордѣ, говоритъ г. Эмилъ Шарль, какого либо слѣда пребыванія тамъ Бакона; ничто не напоминаетъ объ этомъ великомъ человѣкѣ въ этомъ странномъ городѣ, наполненномъ монастырями, придающими ему въ девятнадцатомъ вѣкѣ видъ схоластическаго университета. Монастырь, гдѣ онъ былъ погребенъ, находился въ приходѣ Св. Эббы; отъ него не осталось даже развалинъ; кто желаетъ составить о немъ понятіе—долженъ обратиться къ сочиненію его преподобія сэра І. Песгола (Peshall), или еще лучше къ *Monasticon anglicanum* Вилльяма Дугдаля (Dugdale). Единственное воспоминаніе, оставшееся о францисканцахъ, это названіе квартала, гдѣ возвышался ихъ монастырь; его до сихъ поръ называютъ „The friars“ (Монахи). Со времени реформаціи, при Генрихѣ VIII, монастырь былъ упраздненъ; въ 1539 г. самая церковь была разрушена до послѣдняго камня, и, безъ сомнѣнія, ревностные фанатики развѣяли по вѣтру прахъ монаха, котораго послѣ стали почитать предшественникомъ реформы. Что касается книгъ, то ихъ въ то время осталось немного; въ монастырѣ было двѣ библіотеки, одна для духовныхъ, другая для мірянъ; но въ 1433 году самыя драгоцѣнныя книги были проданы недостойными преемниками великихъ ученыхъ двѣнадцатаго вѣка, доктору Ѳомѣ Гаскуаню, который позже подарилъ ихъ библіотекамъ Линкольна, Дургама, Баліоля и О'Нейля, существовавшимъ тогда въ Оксфордѣ. Большая часть, безъ сомнѣнія, перешла въ великолѣпное собраніе, называемое Бодлейскою библіотекой, и нѣкоторыя уцѣлѣвшія сочиненія Рожера Бакона сохранены тамъ отъ всякихъ случайностей. Въ 1779 г., за городомъ, въ предмѣстьи, лежащемъ по другую сторону рѣки, и довольно далеко отъ мѣстонахожденія монастыря, находилось довольно высокое зданіе мрачной наружности, на которое указывали иностранцамъ, какъ на рабочую комнату Бакона, „Friar Bacon's study.“ Олай Боррихъ съ чувствомъ почтенія посѣтилъ ее. Туда, по преданію, удалялся философъ отъ своихъ товарищей; тамъ онъ изучалъ небо и, къ своему несчастію, отыскивалъ тайну порядка вещей на землѣ. Эта башня во время гражданскихъ войнъ служила наблюдательнымъ пунктомъ, и рисунокъ ея можно найти въ сочиненіи Скельтона. Въ Оксфордѣ память объ удивительномъ докторѣ сохранялась еще въ народѣ, но съ его именемъ, не соединялось уже никакого представленія. Нужно ли прибавлять въ заключеніе, что Англія оказалась несправедливой къ одному изъ знаменитѣйшихъ своихъ сыновъ? Въ этой странѣ, гдѣ славные люди такъ легко находятъ преданныхъ историковъ, ни одинъ ученый не занялся Бакономъ и его рукописи въ Британскомъ музеѣ, въ Бодлейской библіотекѣ и оксфордскихъ колегіяхъ, требовались только французами [1]).

Теперь разсмотримъ сочиненія Рожера Бакона.

Первостепенный геній, Рожеръ Баконъ рано почувствовалъ, что въ научномъ изученіи въ томъ видѣ, какъ оно существовало тогда въ Европѣ, было много ложнаго и варварскаго. Онъ еще

[1]) *Roger Bacon, sa vie et ses ouvrages*, p. 43—45.

лучше понялъ это, изучивъ литературные и научные памятники греческой древности. Съ тѣхъ поръ, мысль о необходимости коренной реформы стала его постоянной мыслью.

Но, чтобы произвести коренное преобразованіе, не достаточно уничтожать и разрушать; слѣдуетъ строитъ вновь, создавать, и въ этомъ самая трудная часть дѣла; строить можно не иначе, какъ начертавъ предварительно планъ, собравъ достаточные матеріалы и предугадавъ главнѣйшія затрудненія, которыя могутъ представиться при выполненіи. Баконъ зналъ это. Онъ составилъ весьма обширный планъ, и, чтобы собрать довольно матерьяла, предпринялъ обширныя изысканія. Онъ дѣлалъ справки въ греческихъ, арабскихъ, сирійскихъ и халдейскихъ книгахъ, и пріобрѣталъ съ большими издержками весьма рѣдкія изъ нихъ. Онъ занимался всякаго рода опытами, наблюденіями, изслѣдованіями. Долгое время, лишенный свободы, вдали отъ лабораторіи и собранныхъ имъ въ Оксфордской башнѣ приборовъ; лишенный всякаго разумнаго сотрудничества, даже сотрудничества своего друга, ученаго математика Ѳомы Бунгея; раздраженный безпрерывными сплетнями, встрѣчая тысячи препятствій, — онъ могъ выполнить только часть своего плана.

Все это слѣдуетъ принять въ соображеніе, при сужденіи о его талантѣ и трудахъ. Не слѣдуетъ, по примѣру многихъ современныхъ писателей, становиться на точку зрѣнія нынѣшней науки и упрекать Бакона за ошибки въ подробностяхъ. Никто на его мѣстѣ не могъ бы избѣжать ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ жилъ въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда во всѣхъ наукахъ слѣдовало все начать съ начала. Во вторыхъ, когда онъ писалъ для папы свой *Opus majus*, ему безпрерывно мѣшалъ невыносимый надзоръ, тяготѣвшій надъ нимъ. Наконецъ, лишенный книгъ и приборовъ, онъ не могъ многаго провѣрить. Въ самыхъ незначительныхъ частяхъ человѣческихъ знаній есть множество подробностей, которыя, по истеченіи нѣкотораго времени, забываются людьми съ самой счастливой памятью. Лучшій изъ современныхъ ученыхъ, поставленный въ положеніе подобное тому, въ какомъ находился Баконъ, и обязанный поспѣшно написать большой томъ, — развѣ онъ не сдѣлаетъ еще большаго числа ошибокъ?

Рожеру Бакону выпало двойное несчастіе: быть неизвѣстнымъ въ то время, когда онъ жилъ, и быть судимымъ въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіяхъ учеными, которые не читали его. Балльи, ученый историкъ астрономіи, видитъ въ немъ только алхимика. Деламбръ едва удостоиваетъ его нѣсколькихъ строкъ. Монтукла, ученый историкъ математическихъ наукъ, еще строже относится къ нему. Гумбольдтъ, авторъ *Космоса*, хотя и удивляется Бакону, но находитъ, что ему недоставало знанія математики.

Чтобы убѣдиться, что Баконъ зналъ математику, достаточно пробѣжать въ его сочиненіяхъ тѣ части, гдѣ онъ ссылается на свои теоретическіе и практическіе трактаты по ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи, музыкѣ и т. д. Онъ комментировалъ и дополнилъ Евклида. Весьма вѣроятно, что онъ читалъ другихъ математиковъ александрійской школы, къ которымъ принадлежали Архимедъ и Аполлоній Пергейскій. Человѣкъ, начавшій съ толкованія и дополненія Евклида, не можетъ быть причисленъ къ числу ученыхъ, не имѣющихъ познаній въ математикѣ. Но такъ какъ его спеціальные математическіе трактаты потеряны, то невозможно судить, до какой степени онъ дошелъ въ этой части наукъ.

Главнѣйшія сочиненія Бакона суть: *Opus majus*, *Opus minus* и *Opus tertium*, которыя были послѣдовательно посланы Клименту IV. Онъ не помѣстилъ всего въ *Opus majus*, потому что боялся, что сочиненіе выйдетъ слишкомъ объемистымъ и папѣ придется ждать слишкомъ долго. Онъ могъ также бояться, что книга будетъ уничтожена или потеряется. Поэтому, онъ сдѣлалъ краткое ея изложеніе, къ которому прибавилъ все невошедшее въ *Opus majus*. Это-то сокращенное изложеніе и составляетъ *Opus minus*; Баконъ говоритъ, что это сочиненіе отдѣлано тщательнѣе другихъ [1]. Къ сожалѣнію, оно существуетъ только въ отрывкахъ.

---

[1]) *Opus tertium*, cap. I et II.

Что касается до *Opus tertium*, то г. Эмиль Шарль отыскалъ только остатки его, разсѣянные въ различныхъ библіотекахъ [1]).

Opus majus есть главнѣйшее, и самое несомнѣнное изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Бакона.

Въ первой части, авторъ говоритъ объ общихъ причинахъ человѣческаго невѣжества. Онъ спеціально приписываетъ это невѣжество *авторитету*, господствовавшему тогда въ школахъ, и чтобы разрушить его, онъ соединяетъ всѣ доказательства, которыя могли доставить эрудиція, наука, разумъ и опытъ предшествовавшихъ временъ. Онъ всѣми силами стремился направить умъ человѣческій къ свободному изслѣдованію; разумъ научаетъ его свергнуть гнетъ *авторитета*. Онъ жестоко критикуетъ заблужденія и ошибки, отъ него проистекающія Но онъ не забываетъ, что его книга написана для папы, а потому выдѣляетъ церковь изъ вопроса объ авторитетѣ, и становитъ его такимъ образомъ, что повидимому его нападки имѣютъ предметомъ только свѣтскія вещи. Доказательства свои онъ заимствуетъ изъ философіи, науки, этики и т. д.

Мы не можемъ представить краткаго изложенія всѣхъ предметовъ, которые онъ разсматриваетъ и оспариваетъ. Одна изъ важнѣйшихъ главъ посвящена оптикѣ. Робертъ Баконъ читалъ сочиненія Евклида, Птоломея, Альгазена. Онъ размышлялъ о нихъ, анализировалъ ихъ и прибавилъ новые факты къ приводимымъ этими авторами. Онъ высказываетъ много справедливаго на счетъ различныхъ оптическихъ явленій, въ особенности на счетъ преломленія. Онъ изучалъ законы отраженія и преломленія. Его мысли объ анатоміи и физіологіи глаза вообще точны. Онъ разсматриваетъ оптическій нервъ, какъ существенную часть, гдѣ происхо-

---

[1]) Никто столько не потрудился и не обнаружилъ при этомъ большей эрудиціи и таланта, какъ г. Эмиль Шарль, для отыскиванія, сравненія и приведенія въ порядокъ отрывковъ сочиненій Бакона. Онъ говоритъ слѣдующее въ началѣ пятой части своего сочиненія (Analyses et extraits des ouvrages inédits): „Въ нашихъ изысканіяхъ сочиненій Бакона, мы переписали цѣлые томы изъ его рукописей, въ надеждѣ обнародовать все, что необходимо сохранить изъ этихъ объемистыхъ сочиненій. Принужденные отказаться отъ такого предпріятія, мы ограничимся разборомъ неизданныхъ сочиненій, прибавивъ къ нему нѣсколько отрывковъ.

идтъ зрительное впечатлѣніе; онъ доказываетъ, что отправлеіне зрѣнія соподчинено состоянію оптическаго нерва.

Рожеръ Баконъ въ совершенствѣ зналъ выпуклыя и вогнутыя стекла и дѣйствіе, производимое ими на свѣтовые лучи. Изъ многихъ мѣстъ его *Opus majus* можно заключить, какъ увидимъ ниже, что ему былъ извѣстенъ телескопъ.

„На основаніи предварительно установленныхъ нами правилъ, говоритъ Баконъ, легко заключить, что самые малые предметы могутъ казаться необычайно большими, и самые большіе необычайно малыми, смотря по тому, черезъ какія стекла мы будемъ смотрѣть на нихъ, черезъ выпуклыя или вогнутыя... Ибо мы можемъ *обточить* и расположить стекла такимъ образомъ, по отношенію къ нашему зрѣнію и по отношенію къ внѣшнимъ предметамъ, что свѣтовые лучи будутъ преломлены или отражены въ такомъ направленіи и подъ такимъ угломъ, какъ намъ угодно, чтобы видѣть предметы издали или вблизи. Такимъ образомъ, на самомъ невѣроятномъ разстояніи мы читаемъ мелкія буквы, мы можемъ считать песчинки и пылинки по причинѣ величины угла, подъ которымъ мы ихъ видимъ. Это зависитъ не отъ разстоянія, но отъ величины угла зрѣнія. Издали, дитя можетъ казаться великаномъ и человѣкъ величиною съ гору. Небольшой отрядъ можетъ казаться огромнымъ, и при наблюденіи съ очень большаго разстоянія, онъ можетъ казаться очень близко къ намъ, и *vice versa*. Мы, такъ сказать, заставляемъ спускаться солнце, луну, звѣзды, приближая съ земли ихъ изображенія [1]).

Изъ трактата *De scientia perspectiva*, составляющаго пятую часть *Opus majus*, видно, что Баконъ много изучалъ свойства *плоскихъ, выпуклыхъ и вогнутыхъ* зеркалъ.

Мы не можемъ представить здѣсь разбора всего, что есть любопытнаго въ этомъ трактатѣ. Мы можемъ привести только нѣкоторые факты.

Извѣстенъ оптическій обманъ, происходящій, когда вогнутое зеркало и какой нибудь предметъ, напр. фигура, голова, рука, букетъ, установлены въ комнатѣ внѣ зрѣнія наблюдателя такимъ образомъ, что съ опредѣленной точки можно видѣть изображеніе предмета, отражаемаго этимъ вогнутымъ зеркаломъ, то лицо, находящееся въ этой точкѣ, думаетъ, что видитъ дѣйствительный предметъ. Но подходя, чтобы лучше разсмотрѣть или схватить предметъ, наблюдатель уже не находится въ направленіи отраженныхъ лучей и не видитъ ничего: изображеніе исчезаетъ.

---

[1]) Opus majus, стр. 357. Лондонское изданіе.

Этимъ обманомъ магія пользовалась не только во времена Бакона, но и раньше.

„Можно, говоритъ Баконъ, расположить зеркала такимъ образомъ, что при помощи ихъ въ домѣ или на площади будутъ являться какіе угодно предметы; но какъ скоро лицо, думающее, что видитъ дѣйствительные предметы, подбѣжитъ къ мѣсту, гдѣ они являлись, то не найдетъ ничего. Зеркала и предметы стоятъ напротивъ другъ друга, внѣ видѣнія наблюдателя, и расположены такимъ образомъ, что изображенія образуются явственно въ пространствѣ и обнаруживаются въ воздухѣ въ тѣхъ точкахъ, гдѣ зрительные лучи сливаются съ направленіемъ нормали; тогда случается, что зритель, подходя къ мѣсту, гдѣ явилось изображеніе, теряетъ его наконецъ изъ виду и воображаетъ, будто вещь, или лицо дѣйствительно появлялись въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь ничего не видитъ.“

Въ *Opus majus* (стр. 298 и 300) находится мѣсто, относящееся къ скорости прохожденія свѣта; вотъ оно:

„Всѣ писатели, включая Аристотеля, полагаютъ, что распространеніе свѣта мгновенно; на дѣлѣ же оно совершается въ очень короткое, но измѣримое время. Опытомъ доказано, что перпендикулярный лучъ доходитъ скорѣе, чѣмъ косвенный. Свѣтъ распространяется быстрѣе звука. Если издали смотрѣть, какъ человѣкъ бьетъ палкой или молотомъ по звучному тѣлу, то глаза получаютъ впечатлѣніе раньше, чѣмъ звукъ дойдетъ до уха. Молнія видна раньше, чѣмъ слышенъ громъ, хотя на дѣлѣ въ облакахъ шумъ предшествуетъ свѣту. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что движеніе свѣта можно измѣрить.“,

Такія замѣчанія несомнѣнно могъ сдѣлать только человѣкъ, внимательно наблюдающій факты и обстоятельства, при которыхъ они происходятъ.

Былъ ли извѣстенъ телескопъ Рожеру Бакону? Зналъ ли Рожеръ Баконъ зрительную трубку? Мы, не колеблясь, отвѣчаемъ утвердительно на эти два вопроса; но исторія открытія *отражательнаго телескопа* и *зрительной трубки* столь темна и мало изслѣдована, что ради подтвержденія нашего мнѣнія мы можемъ руководиться болѣе, такъ сказать, инстинктивнымъ предчувствіемъ, чѣмъ доказательствами, заимствованными изъ вѣрныхъ источниковъ.

Напомнимъ сперва читателямъ, что *отражательный телескопъ* состоитъ изъ полированнаго металлическаго вогнутаго зеркала, въ фокусѣ котораго рисуется изображеніе звѣзды или отдаленнаго предмета. Это изображеніе, образовавшееся въ фокусѣ вогнутаго зеркала, увеличиваютъ при помощи обыкновеннаго увеличительнаго стекла.

Былъ ли извѣстенъ Рожеру Бакону *отражательный телэскопъ*, называющійся нынѣ *телескопомъ Грегори или Ньютона?*- Вотъ вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію.

Во первыхъ, замѣтимъ, что вогнутыя зеркала употреблялись древними, вмѣсто телескоповъ, для разсмотрѣнія небесныхъ тѣлъ.

Кайлусъ [1]) не сомнѣвается, что телескопъ былъ извѣстенъ въ древности.

Оптическій приборъ, служившій Юлію Цесарю для наблюденія съ плоскихъ береговъ Галліи расположенія мѣстъ, становъ и городовъ бритовъ, когда онъ приготовлялся переправиться черезъ море для покоренія Британіи, былъ ничто иное, какъ родъ отражательнаго телескопа. *(Sic enim Julius Caesar, quando voluit Anglicam expugnare, refertur maxima specula erexisse, ut a Gallicano littore dispositionem civitatum et castrorum Angliae praevideret. Similiter, possent specula erigi in alto, contra civitates et exercitus)* [2]). Въ этомъ отрывкѣ, рѣчь идетъ только о вогнутыхъ зеркалахъ, образовавшихъ изображенія. Но почему астрономы, и въ особенности Баконъ, не могли разсматривать эти образующіяся въ фокусѣ зеркала изображенія при помощи увеличительной чечевицы? Вотъ вамъ и отражательный телескопъ.

Кювье [3]) считаетъ за достовѣрное, что Рожеръ Баконъ употреблялъ телескопъ для наблюденія неба, когда пришелъ къ убѣжденію въ неточности юліанскаго календаря.

Астрономическія наблюденія и различныя работы, выполненныя въ древности, заставляютъ предположить употребленіе нѣкотораго рода подзорныхъ трубъ, которыя, безъ сомнѣнія, не имѣли формы нашихъ и были далеко не такъ совершенны, но пользоваться которыми было не безполезно.

Гербертъ, въ десятомъ вѣкѣ, употреблялъ, говорятъ, длинную трубку для наблюденій въ Магдебургѣ полярной звѣзды и регулированія построенныхъ имъ часовъ. На это можно возразить, что то была простая трубка безъ стеколъ. Но увеличительныя

---

[1]) *Histoire de l'astronomie ancienne.*

[2]) *Opus majus*, p. 357.

[3]) *Histoire des sciences naturelles,* tome I, p. 416.

стекла были извѣстны въ древности. Въ наше время, въ развалинахъ Ниневіи, найденъ кусокъ граненаго горнаго хрусталя, который, по мнѣнію англійскаго физика Брюстера, могъ служить только увеличивающей чечевицей. По мнѣнію Араго, есть ручныя подѣлки, сохранившіяся отъ древности, и которыя, принимая въ соображеніе ихъ размѣры, могли быть исполнены только при помощи увеличительныхъ стеколъ. У грековъ, Аристотель, Иппархъ, Птоломей и др. употребляли ихъ, и даже въ одной изъ комедій Аристофана, современника Сократа, рѣчь идетъ объ увеличительныхъ шарикахъ или стеклахъ.

Словарь академіи *de la Crusca* изобрѣтеніе обыкновенныхъ очковъ относитъ къ тринадцатому вѣку. Тамъ сказано, что авторъ одной книги, написанной въ 1305, монахъ Іорданъ, говоритъ, что уже около двадцати лѣтъ, какъ занимаются полезнымъ ремесломъ *полировать стекла для очковъ*. Съ другой стороны, ученый естествоиспытатель и врачъ тринадцатаго вѣка, Реди, говоритъ, что у него въ библіотекѣ есть рукопись, утверждающая несомнѣннымъ образомъ, что очки были извѣстны и употреблялись; рукопись эта—письмо старика, жалующагося, что онъ *не можетъ ни читать, ни писать безъ очковъ*. Наконецъ, изъ рукописей конца тринадцатаго вѣка извѣстно, что въ то время употребленіе очковъ было очень распространено [1]).

Такъ какъ *отражательный телескопъ* состоитъ изъ вогнутаго зеркала и стекла, увеличивающаго изображеніе, образующееся въ фокусѣ зеркала, то нѣтъ ничего невозможнаго, что Рожеръ Баконъ употреблялъ телескопъ, ибо обѣ составныя его части были въ то время извѣстны.

Въ новѣйшія времена, при изученіи исторіи увеличительныхъ стеколъ и телескоповъ, встрѣчаешься со множествомъ неразъясненныхъ и спутанныхъ вопросовъ. Въ этомъ случаѣ полагались на Декарта и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, по истинѣ, весьма талантливыхъ, но не знакомыхъ съ исторіей; такимъ образомъ,

---

[1]) См. объ этомъ предметѣ интересное сочиненіе г. Раппена (Rappin) *Lunette d'aproche*, 1 т. in 8, Lausanne, 1861, стр. 63. Г. Раппенъ излагаетъ вкратцѣ многія открытія на основаніи *Исторіи оптики* Вильде, изданной въ Берлинѣ въ 1838.

приписывали изобрѣтеніе телескопа то голландцу Якову Мецiусу, который изготавливалъ увеличительныя стекла, но былъ совершенно не свѣдущъ ни въ литературѣ, ни въ наукахъ; то миддельбургскому оптику, по имени Захарія Зансъ, или даже его дѣтямъ, которыя, будто играя въ лавкѣ увеличительными стеклами, расположили ихъ такъ, что около чечевицы получилось изображеніе пѣтуха деревенской колокольни. Но можно ли вѣрить подобнымъ росказнямъ?

Для насъ ясно, что исторія телескопа еще не написана.

Такъ какъ въ исторіи всѣхъ великихъ изобрѣтеній постоянно кое-что приписывается генію, то и явилось предположеніе, что Галилей усовершенствовалъ телескопъ, изобрѣтенный Мецiусомъ, или дѣтьми Захаріи Занса. Не вдаваясь въ подробныя изслѣдованія, ограничимся замѣчаніемъ, что по оптикѣ Рожеръ Баконъ обладалъ большими свѣдѣніями, чѣмъ позднѣе Декартъ и Галилей, и что онъ весьма могъ употреблять телескопъ при своихъ астрономическихъ наблюденіяхъ на Оксфордской башнѣ.

Читая въ *Opus majus* трактатъ о перспективѣ, легко убѣдиться, какъ много зналъ Баконъ по части оптики.

Въ *трактатѣ объ оптикѣ* Бакона, напечатаномъ отдѣльно во Франкфуртѣ, есть глава о вогнутыхъ заркалахъ, гдѣ говорится о томъ, какъ при помощи ихъ Архимедъ сжегъ римскій флотъ. Рожеръ Баконъ говоритъ, что онъ полировалъ такія зеркала и даже вычислялъ, во сколько могла обойтись постройка прибора такой же силы, какъ приборъ Архимеда.

Въ *Specula mathematica*, составляющей значительную часть *Opus majus*, Баконъ доказываетъ, что математика должна играть важную роль при изученіи наукъ. Въ этомъ же сочиненіи, указавъ на причины неточности юліанскаго календаря, онъ предлагаетъ папѣ Клименту IV сдѣлать календарную реформу.

Баконъ въ этомъ случаѣ, при помощи своихъ наблюденій и вычисленій, не достигаетъ строгой точности; но въ то время, какъ онъ писалъ свой *Opus minus*, онъ былъ внѣ возможности производить небесныя наблюденія. Онъ указалъ на ошибку въ календарѣ и зналъ, какъ слѣдуетъ ее исправить; это уже много для того времени. Извѣстно, что ошибка эта была исправлена

спустя 300 лѣтъ послѣ него, при папѣ Григоріи XIII, во времена Кеплера.

Бакона упрекаютъ за то, что онъ вѣрилъ въ квадратуру круга, то есть думалъ, что между окружностью и діаметромъ существуетъ простое и соизмѣримое отношеніе. Но еще въ прошломъ вѣкѣ были великіе геометры, которые вѣрили въ это, или по крайней мѣрѣ не имѣли на этотъ счетъ положительныхъ убѣжденій.

Г. Эмиль Шарль нашелъ, въ одной изъ оксфордскихъ рукописей, большую часть *Opus minus*, правда въ очень плохомъ видѣ, отчасти на половину стертую и со многими ошибками. По г. Эмилю Шарлю, *Opus minus* заключалъ: родъ посланія съ посвященіемъ Клименту IV, трактатъ о практической алхиміи, разборъ *Opus majus*, разсужденіе о семи недостаткахъ въ изученіи теологіи и трактатъ умозрительной алхиміи.

Opus tertium, важнѣйшее сочиненіе Бакона, осталось неизданнымъ. Копія его хранится въ библіотекѣ въ Дуэ, но по г. Эмилю Шарлю копія Британскаго Музея гораздо полнѣе. Въ этомъ сочиненіи, Баконъ говоритъ (глава 2), что тѣ же причины, которыя заставили его написать *Opus minus* въ дополненіе къ *Opus majus*, привели его къ написанію *Opus tertium*, какъ объясненія и дополненія двухъ первыхъ. Въ немъ, говоритъ онъ, прибавлены *многія новыя части, весьма важныя*, содержащія въ себѣ красоты науки и которыхъ нѣтъ болѣе нигдѣ (*Opus tertium*, глава I).

До сихъ поръ отыскано только семьдесятъ пять главъ *Opus tertium*.

Что сталось съ остальными? Быть можетъ, въ нихъ заключались тѣ специальные теоретическіе и практическіе трактаты о счисленіи, геометріи и т. д., а также тѣ элементы Евклида и начатки естественной исторіи, на которыя Рожеръ Баконъ часто ссылается, именно въ своемъ трактатѣ *De Coelestibus*. Г. Эмиль Шарль отыскалъ въ библіотекахъ еще новые, разрозненные отрывки *Opus tertium*.

Баконъ не довѣрялъ непровѣреннымъ фактамъ и нелегко убѣждался правдоподобными доводами. „Безъ опыта, говоритъ онъ, ничего нельзя знать въ достаточной степени по части наукъ и искусствъ. Аргументъ ведетъ къ заключенію, но не исключаетъ

сомнѣнія; онъ не убѣждаетъ до той степени, чтобы разумъ получилъ внутреннее убѣжденіе въ истинѣ, если опытъ не присоединяется къ разсужденію."

Неполнота нашихъ знаній объ ученыхъ трудахъ древнихъ приводитъ насъ къ частому и чрезмѣрному преувеличиванію новѣйшихъ открытій и лишаетъ возможности справедливо оцѣнить развитіе и прогресъ человѣческаго ума. Отъ этого происходитъ, что простое видоизмѣненіе мы принимаемъ за истинный прогресъ, уподобляясь при этомъ человѣку, убѣжденному, что библіотека увеличится потому только, что тѣ же книги будутъ разложены на разныхъ полкахъ.

Именно вслѣдствіе этого преувеличиванія значенія нашего вѣка, г. Эмиль Шарль въ своей книгѣ о Рожерѣ Баконѣ, написанной впрочемъ съ талантомъ и исполненной добросовѣстной эрудиціи,— слишкомъ строго относится къ нѣкоторымъ ученымъ работамъ Бакона. Въ нихъ есть ошибки, но ошибки неизбѣжныя въ тринадцатомъ вѣкѣ и при томъ положеніи, въ которомъ находился Баконъ. Мы сожалѣемъ, что г. Эмиль Шарль, съ тактомъ и умомъ оцѣнивъ методъ и философскіе принципы Рожера Бакона, написалъ слѣдующую фразу:

„По нашему мнѣнію, не смотря на все кажущееся величіе догадокъ Бакона, мы видимъ въ нихъ только химеры, недостойныя науки и способныя ввести ее въ заблужденія; родъ шарлатанизма, который подрываетъ силу человѣческаго разума" [1]).

По какому поводу сказалъ онъ это? Мы тотчасъ увидимъ.

Epistola de secretis operibus artis et naturae, ac de nullitate magiae — одно изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ сочиненій, оставшихся намъ отъ Рожера Бакона. Это родъ небольшаго трактата, раздѣленнаго на три главы, въ одной изъ которыхъ говорится о *механикѣ*, въ другой *объ оптикѣ*, въ третьей *о физикѣ и химіи*.

Баконъ думаетъ, что человѣкъ, пользуясь всѣми средствами, предоставляемыми ему природой, можетъ, при помощи своего ума, до безконечности расширять поле научныхъ возможностей.

---

[1]) Стр. 301.

Можно ли придать смыслъ болѣе разумный *безконечному прогресу*, нынѣ столь прославляемому? Рожера Бакона упрекаютъ, что онъ преувеличивалъ могущество человѣка. Но какимъ образомъ? Точный смыслъ его идеи состоитъ въ томъ, что слѣдуетъ стремиться, при помощи изученія природы и усовершенствованія искусства, къ тому, чтобы воспользоваться всѣми средствами, доставляемыми намъ самой природой.

Такимъ образомъ, Рожеръ Баконъ пришелъ къ необходимости сдѣлать обзоръ множества изобрѣтеній, приписываемыхъ новѣйшему времени.

Въ главѣ о *механикѣ*, Рожеръ Баконъ говоритъ о „телегахъ, двигающихся съ невѣроятной скоростью, безъ приложенія какой-либо животной силы.“

Ученые миссіонеры, жившіе въ Китаѣ, при императорѣ Кангъ-Хи, и получавшіе неоднократно позволеніе посѣщать императорскую пекинскую библіотеку, говорятъ о китайской книгѣ, напечатанной за тысячу или тысячу двѣсти лѣтъ до нашей эры, въ которой разсказывается, что изъ восточныхъ странъ явился человѣкъ, предлагавшій царствовавшему тогда императору много любопытныхъ изобрѣтеній, одно изъ которыхъ, состоявшее въ томъ, что колесницы двигались съ невѣроятной скоростью, императоръ приказалъ испытать. Не сказано, какая двигательная сила прилагалась при этомъ. Но легко принять, что древніе восточные народы знали двигатель болѣе могущественный, чѣмъ сила лошади.

Не слѣдуетъ забывать, что Рожеръ Баконъ былъ знатокъ восточныхъ языковъ, что онъ обладалъ несомнѣннымъ талантомъ и что онъ могъ, быть можетъ, изъ арабскихъ книгъ, рѣдкихъ уже въ его время, узнать объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ весьма древнихъ, — найти объ нихъ слабыя указанія, непонятныя для обыкновенныхъ ученыхъ, но ясныя для первостепеннаго ума. Большинство его великихъ мыслей были, безъ сомнѣнія, заимствованы изъ арабскихъ сочиненій одного изъ блестящихъ періодовъ древне-азійской цивилизаціи.

Конечно, Рожеръ Баконъ не могъ одинъ изобрѣсти всѣхъ тѣхъ диковинъ, о которыхъ говоритъ, потому что онѣ предполагаютъ

непрестанныя усилія человѣческаго ума въ продолженіе многихъ поколѣній. Впрочемъ, онъ и не приписываетъ себѣ чести ихъ открытія. Онъ только говоритъ, что зналъ ихъ и ихъ изобрѣтателей.

Но возвратимся къ трактату о *тайнахъ природы и искусства.*

„Возможно, говоритъ Баконъ, построить машину для плаванія по воздуху. Человѣкъ, сидящій въ серединѣ этой машины, могъ-бы, приводя въ движеніе извѣстный механизмъ, двигать искусно построенными крыльями, разрѣзать воздухъ и летать, какъ птица.

„Возможно построить машину, при помощи которой будетъ безопасно двигаться по морскому дну и рѣчному ложу."

Астрономъ Эѳикъ разсказываетъ, что при Александрѣ пользовались водолазнымъ колоколомъ для наблюденія дна морскаго. Стало быть, Баконъ имѣлъ полное право говорить о такомъ изобрѣтеніи.

„Можно построить надъ рѣками такіе мосты, которые не будутъ поддерживаться отъ одного берега до другаго ни колонами, ни быками, ни иными подпорками."

Баконъ говоритъ при этомъ о висячихъ мостахъ, бывшихъ въ употребленіи на Востокѣ, особенно въ Китаѣ, раньше чѣмъ братья Сегены вновь изобрѣли ихъ у насъ въ 1825.

Кювье полагаетъ, что Рожеръ Баконъ зналъ силу пара, прилагаемую какъ двигатель на сушѣ и на морѣ. Въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ Кювье, каковы могли быть машины, которыя, по утвержденію Бакона, придаютъ судамъ болѣе быстрый ходъ, чѣмъ цѣлый экипажъ гребцовъ, и при которыхъ необходимъ былъ на кораблѣ только одинъ кормчій, для направленія? Мы не думаемъ, что эта двигательная сила, извѣстная Бакону, былъ паръ. Но что препятствуетъ предположенію, что Баконъ говоритъ только о вещахъ, описаніе и объясненіе которыхъ онъ нашелъ въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ и преимущественно авторовъ арабскихъ или восточныхъ?

Рожеръ Баконъ упоминаетъ также о небольшой машинѣ, могущей служить для подъема или опусканія огромныхъ, почти неизмѣримыхъ, тяжестей. Она можетъ притянуть сама собою сразу тысячу человѣкъ, какъ бы они ни сопротивлялись.

„Всѣ эти вещи, прибавляетъ Баконъ, были сдѣланы въ прошлое и настоящее время, „*Haec autem factae sunt antiquitus et nostris temporibus*.

Баконъ говоритъ также объ одномъ оптическомъ приборѣ, описывая производимыя имъ дѣйствія, для того чтобы показать, до какой степени наука и искусство могутъ приближаться къ магіи и производить чрезвычайныя, чудесныя иллюзіи. Этотъ приборъ есть родъ волшебнаго фонаря. Отецъ Кирхеръ, слывущій за изобрѣтателя волшебнаго фонаря, могъ идею его заимствовать изъ сочиненій Бакона.

„Можно, говоритъ Рожеръ Баконъ, производить отчетливые и блестящіе образы, такіе, что входящій въ домъ думаетъ, что онъ дѣйствительно видитъ золото, серебро, драгоцѣнные каменья и все что угодно. Но какъ только онъ подойдетъ къ мѣсту, на которомъ кажутся ему эти вещи, то болѣе ничего не видитъ: иллюзія разрушается.“

Замѣтимъ кстати, что Баконъ вовсе не думалъ при этомъ перечислять всѣ извѣстные ему научные факты. Его единственной цѣлью въ *Тайнахъ природы и искусства* было показать, что производимыя магіей необычайности суть результатъ соединенія искусства и науки, и не заключаютъ въ себѣ ничего сверхъестественнаго.

Писатели, нечитавшіе Рожера Бакона, не разъ утверждали, что онъ приписываетъ себѣ изобрѣтеніе пороха. Вотъ что онъ говоритъ о порохѣ:

„Есть вещества, взрывъ которыхъ, будучи произведенъ ночью, когда все устроено соотвѣтственно дѣлу и когда взрывъ неожиданъ, внезапенъ, — производитъ такое дѣйствіе, что ему не могутъ противустоять ни войска, ни города. Никакой громовый ударъ не можетъ сравниться съ шумомъ, производимымъ этими взрывами. Сильныя молніи, прорѣзающія тьму ночную, несравненно меньше и при ихъ видѣ мы не испытываемъ ни малѣйшаго ужаса. Полагаютъ, что Гедеонъ (около восьмаго вѣка раньше нашей эры) произвелъ въ станѣ медіанитовъ подобное дѣйствіе, употребляя это вещество. Впрочемъ, въ маломъ видѣ опытъ этотъ повторяется во всѣхъ странахъ міра, гдѣ употребляютъ это вещество при увеселеніяхъ, въ шутихахъ и ракетахъ, и извѣстно, что *заключенное въ приборѣ*, имѣющемъ величину не болѣе

пальца, это вещество, называемое *селитрой*, взрываетъ съ страшнымъ шумомъ, производя явленія подобныя грому и молніи“ [1]).

Нельзя предполагать, что Рожеръ Баконъ приписываетъ себѣ изобрѣтеніе пороха, такъ какъ онъ прямо говоритъ, что Гедеонъ, за восемьсотъ лѣтъ до Р. X., употреблялъ его для взрыва стѣнъ іерихонскихъ. Исторія пороха извѣстна въ настоящее время хорошо. Если читатель обратится къ нашему сочиненію *Exposition et histoire des principales découvertes scientifiques modernes* [2]) и пробѣжитъ главу, посвященную этому предмету, то онъ увидитъ, что Рожеръ Баконъ никогда не думалъ приписывать себѣ изобрѣтенія этихъ воспламенительныхъ смѣсей, которыя издавна употреблялись на Востокѣ, какъ военное средство.

Сочиненіе, насъ занимающее, *De secretis operibus artis et naturae*, имѣетъ цѣлію доказать: 1) что магія, которою часто пользовались для обмана народа, основывается на общихъ законахъ природы, и что необычайныя, чудесныя дѣйствія, производимыя магиками, зависятъ или отъ химическихъ составовъ, или отъ различныхъ сочетаній физическихъ, механическихъ, естественно-историческихъ и т. п.; 2) что латинскіе философы были очень невѣжественны, порой даже нелѣпы, и что слѣдуетъ философію латинянъ замѣнить наукой восточной, неизмѣримо болѣе ученой; 3) наконецъ, что если его самого обвиняли въ магіи и хотѣли обвинить за сношенія съ дьяволомъ, то это единственно потому, что онъ изучилъ законы творенія, которые отнюдь не дьявольскіе законы, а напротивъ божественные.

Обвиненія противъ Бакона, подтвержденныя римскимъ дворомъ, его тяжелыя и долговременныя заключенія, запрещеніе ему папой Иннокентіемъ IV преподавать въ Оксфордѣ потому, что будто ученіе его способно препятствовать спасенію вѣрныхъ, поразили воображеніе народа и возбудили въ массѣ идеи самыя странныя. Его обыкновенно обвиняли въ магіи и колдовствѣ. Онъ отвѣчалъ на эти обвиненія сочиненіемъ о *Ничтожествѣ магіи* (De nullitate magiae). Рожеръ Баконъ доказываетъ въ этой книгѣ

---

[1]) *Opus majus*, стр. 474, лондонское изданіе 1733.

[2]) Томъ III, 6-го изданія.

что дьяволъ ни причемъ въ физическихъ и химическихъ опытахъ и работахъ, и что если народъ приписываетъ сверхъестественной силѣ его науку, то только вслѣдствіе крайняго невѣжества.

Обвиненіе Бакона въ магіи, кромѣ того, было отличнымъ предлогомъ для его враговъ. Своими смѣлыми мнѣніями, онъ оскорблялъ духовныя власти. Онъ оскорблялъ тогдашнихъ ученыхъ, доказывая, что они не понимаютъ ни одного языка и не знаютъ никакой науки. Наконецъ, расшатывая ихъ вліяніе и авторитетъ, онъ наносилъ имъ матеріальный убытокъ. Вотъ почему, во всѣ времена, новаторы возбуждали противъ себя непримиримую вражду и отчего развитіе цивилизаціи часто, если не совершенно останавливалось, то значительно затруднялось.

Величайшее несчастіе Бакона заключалось еще въ томъ, что нѣкоторые знаменитые люди презрительно отзывались о немъ, хотя они только спѣшно и съ предубѣжденіемъ просматривали нѣсколько отрывковъ его сочиненій, или даже просто говорили о нихъ по наслышкѣ.

Вольтеръ, не потрудившись прочесть сочиненій Бакона, утверждаетъ, что они — сплетеніе выдумокъ и нелѣпостей. Онъ, впрочемъ, сознается, что въ этой навозной кучѣ есть крупинки золота. Вольтеръ никогда не произнесъ-бы такого мнѣнія, еслибъ потрудился хоть заглянуть въ *Opus majus*. Не смотря на многія ошибки, въ которыя впадалъ Баконъ, авторъ *философскаго словаря* угадалъ въ оксфордскомъ монахѣ генія первой величины.

Мы можемъ дать только краткое понятіе о трудахъ Бакона. Онъ занимался почти всѣмъ, и на всемъ, чего касался, оставилъ оригинальный отпечатокъ. Онъ писалъ не только по разнымъ отраслямъ естественныхъ и математическихъ наукъ, но также по грамматикѣ, философіи, эстетикѣ, политикѣ, богословію и др. Вотъ какъ онъ понималъ вѣчность міра:

„До появленія живыхъ существъ, не было *ни времени*, *ни движенія;* были только вещества неподвижныя, неизмѣнныя, существованіе которыхъ не измѣряется временемъ. Время начинается только съ появленіемъ живыхъ существъ: до того, существовалъ непрестанный *aevum*, который есть созданная вѣчность и которая предполагаетъ до себя вѣчность несозданную. Другими словами, до существъ была только ихъ возможность, которая вѣчна.

Въ трактатѣ объ *Этикѣ* встрѣчаются, напримѣръ, слѣдующія мысли:

„Земля ничто въ сравненіи съ небомъ; только наука даетъ крылья душѣ, приготавливаетъ ее къ познанію небеснаго міра и содѣлываетъ ее достойной божественнаго существованія. Наука есть конецъ, высшее назначеніе человѣческаго существованія; она низвергаетъ въ прахъ зло, подымается въ возвышенныя сферы, проникаетъ въ таинственныя нѣдра природы и блуждаетъ между звѣздами. Такъ думалъ Сенека. Зрѣлище вашихъ войнъ, путешествій, царствъ—только точка; ваша жизнь нѣсколько дней. И такъ, станемъ презирать блага тѣла; станемъ подражать Цицерону, который въ своихъ парадоксахъ хвалится, что никогда не желалъ ни почестей, ни богатствъ и т. д.“

Рожеръ Баконъ много занимался механикой небесныхъ тѣлъ. Въ его время Птоломеева система была уже поколеблена. Но на нее нельзя было прямо нападать, потому что ее до нѣкоторой степени отождествляли съ теологическими ученіями. Баконъ начинаетъ изложеніемъ этой системы, сдѣланнымъ съ замѣчательной ясностью и отчетливостью; онъ не безъ нѣкотораго лукавства упираетъ на чрезмѣрную сложность эксцентриситетовъ и эпицикловъ. Но поступаетъ при этомъ крайне осторожно. Онъ говорилъ, что по изложеннымъ имъ выше причинамъ, астрономія съ самаго начала была ненавистна христіанамъ, и что въ этомъ причина, почему въ церкви всегда былъ недостатокъ въ искусныхъ астрономахъ [1]).

Баконъ однако не принимаетъ системы Птоломея. „Лучше, говоритъ онъ, вѣрить въ порядокъ въ природѣ и не полагаться на свидѣтельство нашихъ чувствъ, которыя такъ часто насъ обманываютъ, особенно при сужденіи о предметахъ, находящихся на большихъ разстояніяхъ [2]).“

Альпетрагій, на котораго ссылается Баконъ, уже отвергалъ эксцентриситеты и эпициклы Птоломея и объяснялъ механизмъ вселенной при помощи простѣйшей теоріи. Баконъ ограничивается тѣмъ, что отвергаетъ систему Птоломея. Изъ страха поссориться съ теологами, онъ говоритъ, что было бы слишкомъ важной вещью разрушить астрономію этого ученаго.

---

[1]) *Opus majus* стр. 178.

[2]) Ibidem.

Баконъ думалъ, что звѣзды свѣтятся своимъ собственнымъ свѣтомъ; что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца; что бѣлый цвѣтъ *млечнаго пути* зависитъ отъ множества мелкихъ звѣздъ [1]). Это послѣднее замѣчаніе доказываетъ, по нашему мнѣнію, что онъ употреблялъ телескопъ для наблюденія неба.

Рожеръ Баконъ говоритъ также, что *падучія звѣзды* суть весьма малыя тѣла, состоящія изъ воздухообразныхъ веществъ, которыя воспламеняются въ атмосферѣ, и что по причинѣ ихъ разстоянія и быстраго движенія намъ кажется, что за ними тянется свѣтовая нить [2]).

Онъ много занимался сверканіемъ звѣздъ. Современныя объясненія этого явленія не лучше тѣхъ, какія давалъ Рожеръ Баконъ. Онъ вполнѣ зналъ астрономическія преломленія и измѣненія, претерпѣваемыя свѣтовыми лучами при ихъ переходѣ черезъ нашу атмосферу.

Въ *Opus majus*, *Opus tertium* и въ рукописи *Comptus naturalium*, которую г. Эмиль Шарль видѣлъ въ Британскомъ Музеѣ, находятся доказательства самыя полныя, что Баконъ могъ исправить календарь и что еслибъ Климентъ IV желалъ этого, то реформа эта совершилась бы при немъ, въ тринадцатомъ вѣкѣ. Г. Эмиль Шарль при этомъ входитъ въ любопытныя подробности, которыхъ мы не можемъ возпроизвести [3]).

Если бы мы обладали всѣми сочиненіями Бакона, по различнымъ частямъ человѣческихъ знаній, или только взяли бы на себя трудъ внимательно изучить сочиненія и отрывки, оставшіеся отъ его твореній, то нашли бы въ нихъ множество доказанныхъ истинъ, великія и справедливыя мысли, и взгляды, способные открыть въ природѣ новыя аналогіи, а стало быть расширить предѣлы науки. Тогда не трудно было бы принять наше предположеніе, что Рожеръ Баконъ былъ величайшій изъ средневѣковыхъ писателей.

---

[1]) *Opus majus* стр. 318.
[2]) Ibidem, стр. 320.
[3]) Стр. 270 и слѣд.

Г. Эмиль Шарль составилъ слѣдующую хронологію главнѣйшихъ твореній Бакона, то есть порядокъ, въ которомъ они появлялись въ свѣтъ:

До 1263 г., *Письма*, соединенныя подъ заглавіемъ: *De mirabili Potestate* и т. д., изъ которыхъ пять послѣднихъ, вѣроятно, апокрифы.

Комментаріи на физику и метафизику.

Трактаты: *de Termino paschali et de temporibus a Christo*, быть можетъ, въ одномъ томѣ.

Въ 1263 — *Comptus naturalium.*

Въ 1267 — *Opus majus*, раздѣленный на семь частей: 1) Причины и ошибки; 2) Достоинство философіи; 3) Грамматика; 4) Общій взглядъ на математику; 5) Перспектива; 6) Опытная наука; 7) Этика.

Въ 1267 — *Opus minus*, состоящій изъ шести частей: 1) Введеніе; 2) Практическая алхимія; 3) Объясненіе *Opus majus*; 4) Трактатъ о семи недостаткахъ теологіи; 5) Умозрительная алхимія; 6) *De Cœlestibus.*

1267—1268, *Opus tertium* въ пяти частяхъ: 1) Введеніе; 2) Грамматика и логика; 3) Математика, общіе взгляды и спеціальные трактаты; 4) Общая физика; 5) Метафизика и этика.

1272 — *Compendium philosophiae* или *Liber sex scientiorum*, содержащій: 1) Введеніе и грамматика; 2) Логика; 3) Математика; 4) Физика и оптика; 5) Алхимія; 6) Опытныя науки.

1276 — *De retardantibns senectutis accidentibus.*

1292 — *Compendium studii theologiae*, состоящій изъ шести частей: 1) Причины и ошибки; 2) Логика и грамматика; 3 и 4) (потеряны); 5) Оптика и мультипликація изображеній; 6) (только въ одномъ мѣстѣ упоминается объ этой шестой части).

Тѣ же сочиненія были нѣсколько разъ передѣланы, увеличены и воспроизведены въ сборникахъ, носящихъ различныя заглавія.

РАЙМУНДЪ ЛЮЛЛІЙ.

Раймундъ Люллій, родившійся въ 1235 году, въ Пальмѣ, столицѣ острова Майорки, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, по своему пламенному воображенію, по могуществу своихъ умственныхъ способностей и по непреоборимой энергіи характера, не склонявшагося передъ препятствіями и неотступавшаго передъ опасностью.

Подобно Альберту Великому, Раймундъ Люллій былъ знатнаго происхожденія. Въ 1231 году, его отецъ Раймундъ, родомъ изъ Бельгіи, помогалъ Якову I, королю арагонскому, при взятіи острововъ Майорки и Минорки, которыми овладѣли было сарацины. Такъ какъ на службѣ королю онъ не жалѣлъ ни себя, ни своего состоянія, то послѣ побѣды получилъ щедрую награду. По изгнаніи мавровъ, земли были проданы или раздѣлены королемъ. Люллій получилъ обширныя владѣнія на островѣ Майоркѣ, между прочими Монъ-де-Ранда, Рунксуатъ, Мираманъ и другія земли, лежащія рядомъ или близко другъ отъ друга.

Получивъ доходныя должности, Раймундъ поселился съ женою на островѣ Майоркѣ. Это было въ 1232 г. У нихъ еще не было дѣтей, но вскорѣ родился сынъ, біографію котораго мы излагаемъ.

Ему дали отцовское имя Раймунда, полагая, что это имя принесетъ ему счастье. Мальчика предназначили для придворной или военной службы.

Воспитаніе съ дѣтства было приноровлено къ развитію здоровья и физической силы. Когда пришло время заняться умственнымъ воспитаніемъ, ему наняли учителей. Но изъ этого ничего не вышло. Онъ былъ испанскій дворянинъ, сынъ богача, одного

СМЕРТЬ РАЙМОНДА ЛЮЛІЯ ВЪ ТУНИСѢ.

изъ завоевателей острова. А испанскому дворянину не полагалось въ то время изучать свободныхъ искусствъ, ни даже умѣть подписать свое имя. Держать въ рукахъ перо вмѣсто шпаги,—значило порочить дворянское достоинство.

Юный графъ Раймундъ полюбилъ придворную жизнь. Онъ вступилъ во дворецъ еще пажомъ. Скоро съумѣлъ онѣ понравиться королю, а это было лучшимъ способомъ быстро возвышаться по службѣ.

Юный Раймундъ Люллій былъ назначенъ великимъ сенешалемъ короля арагонскаго.

При испанскомъ дворѣ, гдѣ религія удивительнымъ образомъ соединялась съ любовными дѣлами, поведеніе благороднаго сенешаля должно было служить образчикомъ нравовъ. А поведеніе нашего сенешаля было не изъ примѣрныхъ.

Родителямъ казалось, что бракъ положитъ предѣлъ юношескому жару Раймунда, проявлявшемуся въ ежедневныхъ скандалахъ. Его женили на одной изъ самыхъ блестящихъ и богатыхъ наслѣдницъ во всей Испаніи, Катеринѣ Лабосъ. Она обладала всѣми достоинствами души и сердца, и вдобавокъ была страшно богата.

У Раймунда Люллія отъ Катерины Лабосъ было два сына и дочь. Но ни достоинства супруги, ни ласки дѣтей не могли укротить его пылкости и положить конецъ безалаберной жизни. Онъ, какъ до брака, велъ разсѣянную жизнь. По ночамъ, онъ давалъ постоянно серенады прекраснымъ островитянкамъ; днемъ — онъ любезничалъ съ ними и сочинялъ въ ихъ честь стихи. Онъ истратилъ часть состоянія на свои прихоти и причуды, порой почти безумныя.

Великому сенешалю короля арагонскаго было уже около тридцати лѣтъ, а ничто еще не предвѣщало, что онъ оставитъ этотъ родъ жизни, какъ онъ вдругъ, сразу, перемѣнился. Вотъ какъ, по свидѣтельству достовѣрнѣйшихъ писателей, произошла въ немъ эта перемѣна.

Раймундъ сильно прельстился красотами нѣкоторой добродѣтельной дамы, синьоры Амброзіи де Кастелло, которую зналъ при испанскомъ дворѣ. То была прекрасная генуэзка, поселившаяся

съ мужемъ на Майоркѣ. Равнодушіе, обнаруженное ею, воспламенило еще больше Раймунда: онъ влюбился до безумія.

Синьора Амброзія не могла шагу сдѣлать изъ дому, чтобъ не встрѣтить Раймунда Люллія. Безумная любовь приводила его къ самымъ страннымъ выходкамъ. Разъ ѣхавши верхомъ по главной площади Пальмы, онъ замѣтилъ, какъ Амброзія входила въ церковь. Онъ тотчасъ бросился за нею слѣдомъ, и въѣхалъ въ церковь верхомъ.

Дона Амброзія, тяготясь его искательствами, желала покончить это дѣло. Въ то время, каталанскіе поэты воспѣвали въ своихъ стихахъ какую нибудь особую прелесть своей любезной. Раймундъ Люллій написалъ сонетъ въ честь груди благородной генуэзки. Она думала расхолодить его письмомъ, но это не помогло. Тогда Амбросія прибѣгла къ послѣднему средству.

Съ дозволенія мужа, она назначила Раймунду Люллію свиданіе у себя. Ея увѣщанія не производили на влюбленнаго никакого дѣйствія. Тогда благородная дама открыла свою грудь и сказала:—Взгляни, несчастный! вотъ что ты любишь.

На груди была страшная язва.

Люллій задрожалъ отъ ужаса. Мгновенно въ его душѣ совершился нравственный переворотъ. Онъ вспомнилъ свою прежнюю жизнь, и почувствовалъ всю ея ничтожность. Другіе біографы говорятъ, что Раймундъ Люллій оставилъ порочную жизнь вслѣдствіе особаго, бывшаго ему, видѣнія.

Какъ бы тамъ ни было, но въ 1267 году, то есть тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, Раймундъ бросилъ прежній родъ жизни. Онъ раздѣлилъ свое имѣніе на двѣ части: одну оставилъ женѣ и дѣтямъ; другую роздалъ бѣднымъ. Затѣмъ онъ отправился поклониться Св. Іакову Компостелльскому.

Подлѣ дачи, гдѣ Люллій часто предавался удовольствіямъ, возвышалась гора Ранда, безплодное и уединенное мѣсто, составлявшее часть его владѣній. Раймундъ поселился на этой горѣ въ небольшой хижинѣ, имъ самимъ построенной. Онъ принялъ монашество, и съ этихъ поръ предался вполнѣ наукамъ и подвигамъ благочестія.

Послѣ долгихъ и глубокихъ размышленій, Люллій вернулся въ Пальму и сталъ излагать своимъ согражданамъ свои мысли о единствѣ религіознаго вѣрованія, но его сограждане только удивились, съ чего бывшему сенешалю вздумалось сдѣлаться проповѣдникомъ.

Затѣмъ Раймундъ Люллій оставилъ Пальму и провелъ нѣкоторое время въ королевскомъ монастырѣ въ Сито, гдѣ началъ писать свое *Всеобщее искусство.* Потомъ воротился въ свою хижину и прожилъ въ ней девять лѣтъ. Въ продолженіе этого времени, онъ изучилъ во первыхъ грамматику и древніе языки. Онъ изучилъ также вполнѣ арабскій языкъ, — что было необходимо для приведенія въ исполненіе его мысли. Для утвержденія единства вѣры, необходимо было обратить на путь истины поклонниковъ корана, —а эту мысль онъ лелѣялъ въ глубинѣ души своей.

Изученіе арабскаго языка незамѣтно привело его къ изученію точныхъ наукъ, и, благодаря своему таланту, Раймундъ Люллій сдѣлался такимъ образомъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего вѣка.

Нѣкоторые изъ памятниковъ тринадцатаго вѣка, находящіеся въ майоркскихъ архивахъ, свидѣтельствуютъ, что Люллій написалъ на горѣ Ранда нѣсколько сочиненій. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ оставилъ свое убѣжище, онъ напечаталъ въ Парижѣ нѣсколько богословскихъ и ученыхъ сочиненій.

Читая восточныя книги, Раймундъ Люллій, быть можетъ, самъ не зная того, черпалъ изъ того же источника, какъ и его несчастный современникъ Рожеръ Баконъ. Онъ встрѣтилъ въ нихъ много мыслей и фактовъ, еще совершенно неизвѣстныхъ въ большей части европейскихъ университетовъ.

Раймундъ Люллій прибылъ въ Парижъ въ 1281 году. Во время своего пребыванія въ этомъ городѣ, онъ рѣшилъ, что для того, чтобы отправиться проповѣдовать между арабами, необходимо не только изучить арабскій письменный языкъ, но также разговорный.

Чтобы научиться говорить по арабски, онъ нанялъ слугу араба, который показался ему человѣкомъ разумнымъ.

Но слуга этотъ былъ скрытный фанатикъ. Понявъ, что цѣль его хозяина была отправиться въ мусульманскія страны, ради разоблаченія ученія Магомета, онъ рѣшился убить его.

Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, слуга ударилъ Раймунда въ грудь кинжаломъ. По счастію, кинжалъ только скользнулъ вдоль реберъ. Онъ готовился ударить его вторично, какъ Люллій бросился и обезоружилъ его.

Онъ не желалъ мстить своему убійцѣ, и не позволилъ сбѣжавшимся на помощь сосѣдямъ умертвить его; съ великимъ трудомъ согласился онъ, чтобъ виновнаго свели въ темницу.

Разсказываютъ, что этотъ несчастный фанатикъ, въ отчаяніи что не убилъ человѣка, трудившагося на гибель магометовой религіи, задавился въ тюрьмѣ.

Рана, нанесенная Люллію, была не очень опасна, и его вылечили.

Выздоровѣвъ, Раймундъ Люллій въ 1286 году отправился въ Римъ.

Его намѣреніе, цѣль, которую онъ преслѣдовалъ всю жизнь, заключалась въ томъ, чтобы при помощи папы основать нѣсколько монастырей, въ которыхъ монахи спеціально занимались бы изученіемъ восточныхъ языковъ и при помощи его методы, или *Всеобщаго искусства*, приготавливались къ проповѣдованію евангелія во всѣхъ языческихъ странахъ.

Но въ то время, какъ онъ прибылъ въ Римъ, умеръ папа Гонорій IV. Такъ какъ онъ разсчитывалъ главнѣйшимъ образомъ на благочестіе этого папы, то путешествіе его оказалось напраснымъ.

Въ 1287 году онъ вернулся въ Парижъ. Тамъ, по особенной рекомендаціи канцлера Франціи Бертрана, ему дозволено было публично излагать свою теорію *Общаго искусства* въ одной изъ коллегій университета. Успѣхъ его лекцій въ Парижѣ отозвался во всей Европѣ.

Въ 1289 году, онъ отправился въ Монпеллье, гдѣ въ то время былъ Іаковъ II, король арагонскій.

Раймундъ Люллій изустно изложилъ ему свое *Общее искусство*. Въ послѣдніе дни царствованія Іакова I, короля арагонскаго, онъ

основалъ уже въ одномъ изъ монастырей францисканскаго ордена коллегію, въ которой учили арабскому языку. Такимъ образомъ онъ въ маломъ видѣ устроилъ то, что желалъ чтобы папы устроили повсюду въ христіанскомъ мірѣ.

Въ это время между профессорами медицинскаго факультета въ Монпеллье славился Арнольдъ де Вилльневъ, съ которымъ Раймундъ Люллій былъ друженъ еще въ Парижѣ. Раймундъ Люллій отправился въ Монпеллье, чтобы учиться химіи у этого знаменитаго учителя.

Ему-то обязанъ Раймундъ Люллій своимъ знаніемъ тогдашней химіи, то есть алхиміи, ибо эти два слова въ то время смѣшивались.

Въ 1291 году, Раймундъ Люллій отправился изъ Монпеллье въ Римъ, съ намѣреніемъ провести нѣсколько времени по пути въ Генуѣ.

Его постоянная мысль была просвѣщеніе невѣрныхъ. Онъ надѣялся силой слова, могуществомъ діалектики достигнуть того, что кресноносцы тщетно старались совершить силою оружія. Предпринимая родъ духовнаго крестоваго похода, онъ неустанно путешествовалъ, ради распространенія своей мысли. Онъ старался не терять ни минуты; всюду, гдѣ онъ останавливался, онъ писалъ, или преподавалъ устно. То же онъ дѣлалъ и въ Генуѣ, гдѣ перевелъ на арабскій языкъ свое *Общее искусство*.

Эта привычка къ непрестанной работѣ заставляетъ съ вѣроятностью приписывать ему столь большое число сочиненій, что только ихъ списокъ, составленный въ 1515 году Прочеццой, занимаетъ двадцать страницъ in 18 въ сочиненіи аббата Перроке [1]).

Раймундъ Люллій въ своихъ обширныхъ сочиненіяхъ, кажется, хотѣлъ обнять всѣ отрасли знаній. Грамматика, риторика, логика, нравственный анализъ, политика, гражданское и каноническое право, физика, метафизика, математика, музыка, астрономія, медицина, химія, богословіе, — все это составляетъ вмѣстѣ огромное количество томовъ. И нельзя сказать, что все это химеры и мечта-

---

[1]) *La vie et le martyre du docteur illuminé, le bienheureux Raymond Lulle*, par M. Perroquet, prêtre. Vendôme 1667; in 18; p. 364—390.

нія. Если въ греческихъ и арабскихъ книгахъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои свѣдѣнія, находилось множество научныхъ ошибокъ, то въ нихъ есть также множество мыслей, правильныхъ и полезныхъ практическихъ замѣчаній, которыми воспользовалась новѣйшая наука.

Изъ Генуи, гдѣ мы его оставили, Раймундъ Люллій отправился въ Римъ.

Въ то время папой былъ Николай IV. И къ нему Раймундъ обратился съ предложеніемъ объ устройствѣ коллегій или монастырей для обученія восточнымъ языкамъ. Но римскій дворъ возбудилъ противъ этого проекта тысячу препятствій, и Раймундъ Люллій ничего не добился.

Притомъ обстоятельства не благопріятствовали исполненію такого плана. То было въ 1291 году; готовился новый крестовый походъ, чтобъ отнять оставленный христіанами Сенжандакръ. Въ Ватиканѣ, поэтому, вѣжливо отказали Раймунду Люллію, котораго почитали за сумасшедшаго.

Тогда онъ вообразилъ, что Господь не одобряетъ его плана; что онъ приказываетъ этимъ ему самому отправиться къ мусульманамъ для проповѣдованія ученія Христова.

Съ такими мыслями, онъ возвратился въ Геную. Онъ приказываетъ перенести свои вещи и книги на корабль, готовый къ отплытію въ Африку.

Онъ былъ готовъ и самъ сѣсть на корабль, какъ вдругъ представляется ему мысль о будущихъ опасностяхъ. Онъ медлитъ, сомнѣвается, измѣняетъ свое рѣшеніе. Онъ не можетъ силой ума побѣдить эту внезапную слабость.

Во всѣ вѣка, люди самые храбрые, въ подобныхъ обстоятельствахъ, порою терялись и падали духомъ.

Пока Раймундъ Люллій боролся съ сомнѣніемъ, корабль ушелъ.

Его вещи и книги были снесены на берегъ. Онъ возвратился въ Геную, окруженный толпою; на него глядѣли съ улыбкой, какъ бы упрекая за слабость.

Но и онъ самъ скоро устыдился своей слабости въ такую торжественную минуту. Онъ жестоко упрекалъ себя. Онъ былъ такъ опечаленъ, что заболѣлъ, и опасно.

Его перенесли въ одинъ изъ домовъ, принадлежащихъ доминиканцамъ, и окружили всевозможными заботами. Онъ былъ такъ боленъ, что пріобщился, и продиктовалъ завѣщаніе.

Во время болѣзни, онъ думалъ правильнымъ образомъ вступить въ одинъ изъ монашескихъ орденовъ; онъ колебался между доминиканцами и францисканцами. По счастію, онъ перемѣнилъ мысли до выздоровленія; это, можетъ быть, избавило его отъ судьбы Рожера Бакона.

Окончательно поправившись, онъ на первомъ отходящемъ кораблѣ отправился въ Тунисъ.

Прибывъ въ землю невѣрныхъ, чтобъ выполнить задуманный духовный крестовый походъ, онъ сталъ отыскивать арабскихъ ученыхъ, славившихся знаніемъ закона Магометова. Онъ спорилъ съ ними. Онъ утверждалъ, что ихъ религія ложная и что изъ всѣхъ религій единая истинная есть христіанство. Но онъ не могъ переубѣдить арабскихъ ученыхъ.

Эти состязанія надѣлали шуму въ Тунисѣ; о нихъ узналъ бей. Вскорѣ Раймундъ Люллій, обвиненный въ томъ, что хотѣлъ совратить народъ, былъ схваченъ и приговоренъ къ смертной казни.

Уже готовились исполнить приговоръ, какъ одинъ изъ арабскихъ священниковъ, полюбившій Раймунда Люллія, хотя и не согласный съ нимъ на счетъ религіознаго вопроса, взялся выхлопотать ему помилованіе.

То былъ мусульманскій ученый, добрый, гуманный, образованный, искренно вѣрующій, а потому уважающій вѣрованія другихъ. Онъ пошелъ къ тунисскому бею и объяснилъ ему, что христіанинъ, приговоренный по его повелѣнію къ казни, не зналъ, что онъ совершаетъ преступленіе, опровергая законъ Магомета. Онъ прибавилъ, что хотя христіанинъ этотъ и неправовѣрный, но религіозное чувство его очень сильно и вдобавокъ онъ весьма ученый человѣкъ.

Арабскій священникъ выхлопоталъ помилованіе Раймунду Люллію, который былъ только изгнанъ изъ Туниса, съ запрещеніемъ возвращаться туда, подъ страхомъ казни.

Двери темницы были для него отворены.

Но при выходѣ изъ города, на него напала толпа, осыпавшая его упреками и ударами. Онъ едва достигъ порта, гдѣ и сѣлъ на первый попавшійся корабль. На этомъ кораблѣ онъ возвратился въ Геную. Все это случилось въ 1292 г.

Изъ Генуи, которая была повидимому центральнымъ пунктомъ его занятій и путешествій, Люллій отправился въ Неаполь, гдѣ оставался до избранія папы Целестина V. Въ Неаполѣ онъ публично объяснялъ свое *Общее искусство*.

Его пребываніе въ Неаполѣ въ 1293 г. было довольно важно по отношенію къ его ученой дѣятельности. Онъ снова встрѣтился тамъ съ Арнольдомъ де Вилльневомъ, который жилъ въ это время при дворѣ короля Роберта. Провансальскій химикъ еще въ Монпеллье началъ знакомить Раймунда съ манипуляціями практической химіи. Раймундъ Люллій, со времени своего пребыванія въ Монпеллье, не занимался химіей и никогда не производилъ работъ въ лабораторіи. Теперь изъ теоретическаго химика, подъ руководствомъ Вилльнева, онъ сдѣлался практикомъ.

Раймундъ Люллій, собственно говоря, придавалъ лишь второстепенное значеніе своимъ чисто-научнымъ работамъ, которыя, впрочемъ, спасли его имя отъ забвенія. Онъ считалъ себя проповѣдникомъ.

Поэтому изъ Неаполя онъ направился снова въ Римъ, гдѣ тщетно хлопоталъ, сперва у папы Целестина V, а потомъ у Бонифація VIII, объ осуществленіи своего проекта устройства коллегій восточныхъ языковъ.

Папа Целестинъ V былъ человѣкъ благочестивый, но ограниченный. Бонифацій VIII заботился о сохраненіи и увеличеніи своей земной власти и вовсе былъ не расположенъ заниматься обращеніемъ магометанъ.

Ничего не добившись въ Римѣ, Раймундъ Люллій оставилъ вѣчный городъ и отправился путешествовать по разнымъ странамъ. Въ 1296 г., онъ мимоѣздомъ остановился въ Миланѣ и занимался химическими опытами. Когда ему по пути приходила мысль, которую нужно было подтвердить опытомъ, то онъ останавливался въ ближайшемъ городѣ, отыскивалъ лабораторію и принимался за работу. Въ прошломъ вѣкѣ въ Миланѣ показывали

домъ, гдѣ Люллій занимался химіей. Объ этомъ можно заключить по одному мѣсту въ сочиненіи Олеуса Боррихія о *Происхожденіи и развитіи химіи* [1]).

Изъ Милана онъ отправился въ Монпеллье. До сихъ поръ онъ не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ одной изъ духовныхъ корпорацій. Въ Монпеллье онъ получилъ отъ Раймунда Гауфреди, генерала францисканцевъ, извѣстіе о сопричисленіи его къ ордену, съ титуломъ благодѣтеля. Этимъ ему давалось право преподавать по методѣ *Общаго искусства* во всѣхъ францисканскихъ монастыряхъ. Всѣмъ монахамъ этого ордена было приказано принимать Раймунда Люллія вѣжливо и любовно. Всѣмъ настоятелямъ и провинціальнымъ начальникамъ предписано учреждать монастыри, предназначенные для воспитанія, и предоставлять эти монастыри въ распоряженіе Раймунда Люллія, который получилъ титулъ *величайшаго благодѣтеля ордена.*

Это было видимымъ шагомъ къ исполненію его великаго плана. Но этотъ первый успѣхъ ничего не значилъ безъ прямаго и немедленнаго участія папы и властей католической церкви. Такой планъ принадлежалъ болѣе къ вѣдѣнію папы, чѣмъ къ вѣдѣнію свѣтскихъ государей. Вотъ почему Раймундъ Люллій такъ настойчиво хлопоталъ въ Римѣ.

Когда съ этой стороны всѣ его усилія остались безплодны, онъ обращался послѣдовательно къ Филиппу Красивому, королю французскому, къ королямъ сицилійскому, кипрскому, арагонскому и пр.

Настойчивый въ своихъ дѣлахъ, онъ хотѣлъ еще разъ попытать счастья въ Римѣ. Снова онъ обратился къ папѣ и кардиналамъ. Но все разбилось въ прахъ передъ косностью Ватикана.

Не отчаяваясь, онъ поѣхалъ въ Геную, а оттуда на Майорку. Говорятъ, что онъ почти убѣдилъ короля арагонскаго Іакова.

Вскорѣ онъ переѣхалъ въ Парижъ. Тамъ онъ настойчиво упрашивалъ короля Филиппа Красиваго выполнить планъ, предложенный имъ папѣ. И Филиппъ одно время почти соглашался на его предложеніе.

---

[1]) Olaeus Borrichius, *De ortu et progressu chemiae*. стр. 133.

Генрихъ, король кипрскій, дозволилъ ему проповѣдовать въ своемъ королевствѣ, чтобы просвѣтить схизматиковъ. Онъ отправился на Кипръ, но былъ тамъ дурно принятъ. Его едва не заключили въ темницу по требованію народа. Онъ рѣшился, какъ можно поспѣшнѣе, вернуться въ Парижъ.

Но какая настойчивость! Много ли людей было во всѣ времена, столь неутомимо добивавшихся своей цѣли!

Возвратившись въ Парижъ, въ 1298 году, Раймундъ Люллій принялъ участіе въ умственной жизни училищъ. Онъ въ извѣстные часы посѣщалъ мѣста, гдѣ ученые различныхъ философскихъ и богословскихъ школъ публично преподавали и диспутировали.

Однажды, случайно, онъ зашелъ въ залу, гдѣ Скоттъ, *le docteur subtil*, говорилъ передъ многочисленной аудиторіей. Въ серединѣ урока, Раймундъ Люллій глухо проворчалъ и неодобрительно покачалъ головою. Посреди тишины аудиторіи, это неодобреніе было замѣчено; профессоръ обратился тотчасъ въ сторону Люллія, котораго онъ не зналъ.

Недовольный публично выраженнымъ неодобреніемъ, и считая что оно сдѣлано человѣкомъ мало образованнымъ, Скоттъ вообразилъ, что смутитъ его, обратившись къ нему, какъ къ ребенку, съ простымъ грамматическимъ вопросомъ.

— *Dominus, quae pars?* спросилъ онъ его.

На это Раймундъ Люллій тотчасъ же отвѣчалъ:

— *Dominus non est pars, sed est totum.*

Ребенокъ, на вопросъ: „*Dominus, quae pars?*" отвѣтилъ бы грамматически, что *dominus — существительное*. Но Люллій принялъ слово *dominus* въ смыслѣ философскомъ или богословскомъ и отвѣчалъ, что Богъ не часть, а *все*.

Отъ этого простаго вопроса Люллій и Скоттъ перешли къ къ диспуту о различныхъ трудныхъ вопросахъ философіи и богословія. Съ этихъ поръ, они почувствовали другъ къ другу взаимное уваженіе.

Почти около этого же времени *Общее искусство* было одобрено парижскимъ университетомъ.

Вскорѣ Раймундъ Люллій, не умѣвшій долго засиживаться на одномъ мѣстѣ, отправился въ Испанію. Въ 1300 г. онъ основалъ

въ различныхъ городахъ этой страны коллегіи и академіи, предназначенныя для изученія восточныхъ языковъ.

Онъ настаивалъ самымъ сильнымъ образомъ, чтобы испанскій король соединился съ королемъ французскимъ и объявилъ войну невѣрнымъ, которые неправильно владѣли святой землей. Самъ же онъ, для показанія примѣра, не смотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ, располагалъ обойти главнѣйшія мусульманскія страны Европы, Азіи и Африки и совершить такимъ образомъ духовный крестовый походъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ затѣмъ появляется послѣдовательно на Кипрѣ, въ Арменіи и Палестинѣ, всюду проповѣдуя, всюду служа своимъ пламеннымъ словомъ дѣлу вѣры.

Въ 1303 онъ возвратился въ Генуя, гдѣ написалъ нѣсколько сочиненій. Изъ Генуи отправляется въ Парижъ, оттуда въ 1304 въ Монпеллье и затѣмъ въ Ліонъ, чтобъ привѣтствовать папу Климента V.

Изъ Ліона онъ ѣдетъ на Майорку и оттуда въ Африку. Какая необычайная тѣлесная и духовная дѣятельность для семидесятилѣтняго старика!

Въ Бонѣ (въ Алжирѣ, древн. Hippo regius) ему пришлось претерпѣть немало оскорбленій и поношеній. Но онъ не сокрушался объ этомъ, потому что, какъ утверждаютъ, ему удалось обратить въ христіанство семьдесятъ философовъ, учениковъ Авероеса.

Изъ Боны, счастливый и торжествующій, онъ отправляется въ Алжиръ. По дорогѣ, онъ обращаетъ еще нѣсколькихъ.

Но торжество было непродолжительно. Въ Алжирѣ его схватили, бросили въ темницу и мучили всячески. Чтобъ помѣшать ему говорить, его зануздали, какъ вьючное животное; узда мѣшала ему ѣсть, и онъ пробылъ такимъ образомъ нѣсколько дней безъ питья и пищи. Наконецъ, его выслали изъ города; при выходѣ, онъ былъ избитъ народомъ.

Онъ вздумалъ посѣтить Тунисъ, не смотря на то, что былъ изгнанъ оттуда Оттуда онъ отправляется въ Бугію.

Повсюду онъ проповѣдуетъ христіанство. Онъ ведетъ споры со священниками и учеными. Въ Бугіи, ему дозволяютъ всту-

пить въ публичное состязаніе. Но ему устраиваютъ всяческія козни, и одинъ изъ мусульманскихъ ученыхъ, котораго онъ побѣдилъ въ спорѣ, заключаетъ его въ темницу.

Узнавъ объ этомъ, генуэзскіе купцы требуютъ, во имя правъ человѣчества, чтобы плѣнникъ, если не будетъ освобожденъ, то былъ бы переведенъ въ менѣе мрачную и нездоровую тюрьму; они добиваются послѣдняго. Какъ бы тамъ ни было, но Люллій, какъ положительно извѣстно, цѣлые полгода просидѣлъ въ бугійской темницѣ.

Аббатъ Перроке́ утверждаетъ, что во время заключенія Люллія, главнѣйшие мусульманскіе ученые часто посѣщали его въ темницѣ и старались, при помощи самыхъ блестящихъ предложеній, совратить его въ свою вѣру [1]).

Такъ какъ словесные споры не приводили ни къ чему, рѣшено было вести споры письменные.

Эта полемика могла бы быть очень интересна, но она не состоялась вслѣдствіе того, что бугійскій бей приказалъ выпустить Раймонда Люллія изъ темницы.

Такимъ образомъ, въ 1309, Люллій могъ спокойно сѣсть на генуэзскій корабль. Корабль этотъ потерпѣлъ крушеніе у итальянскихъ береговъ. Люллій потерялъ при этомъ весь свой скарбъ, но спасся самъ вмѣстѣ со своими спутниками.

Печальный прибылъ онъ въ Пизу, гдѣ заболѣлъ. Доминиканцы помѣстили его въ одномъ изъ своихъ монастырей, заботливо ходили за нимъ, и онъ выздоровѣлъ.

Въ Пизѣ Раймундъ Люллій, при помощи горожанъ, учредилъ *орденъ Христова воинства* для освобожденія святыхъ мѣстъ.

Въ 1308, онъ отправился въ Геную, гдѣ основалъ такое же учрежденіе.

Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Авиньонъ, къ папѣ. Онъ показалъ новому первосвященнику граматы, полученныя имъ отъ пизанцевъ и генуэзцевъ относительно утвержденнаго имъ въ этихъ двухъ городахъ *ордена Христова воинства*.

---

[1]) La vie et le martyre de Raymond Lulle, p. 22.

Папы и кардиналы приняли Раймунда Люллія не съ тѣмъ почетомъ, какого заслуживалъ старикъ, всю жизнь свою посвятившій служенію Христу. Раймундъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и былъ весьма опечаленъ этимъ. Недовольный, онъ уѣхалъ въ Парижъ.

Черезъ нѣсколько времени, въ 1311 году, папа созвалъ соборъ въ Вѣнѣ, и Люллій отправился туда и предложилъ на немъ: 1) свой планъ изученія восточныхъ языковъ; 2) соединеніе всѣхъ монашескихъ орденовъ въ одинъ; 3) уничтоженіе сочиненій и школъ Аверроеса.

Раймундъ Люллій былъ еще въ Вѣнѣ на соборѣ, созванномъ Климентомъ V, какъ получилъ письма отъ Эдуарда, короля англійскаго, и Роберта, короля шотландскаго, приглашавшихъ его къ себѣ. Эти государи слышали, что онъ человѣкъ необыкновенныхъ дарованій, и пожелали видѣть его.

Раймундъ Люллій, прибывъ въ Англію, имѣлъ свиданіе съ Эдуардомъ III и нашелъ, что этотъ государъ готовъ, повидимому, объявить войну невѣрнымъ, чтобы покорить святую землю.

Одинъ писатель, не заслуживающій впрочемъ довѣрія[1]) утверждаетъ, что Раймундъ Люллій, заключенный въ 1313 году, въ Лондонской Башнѣ, по повелѣнію короля, при помощи алхимическихъ операцій сдѣлалъ на нѣсколько милліоновъ золота. Это конечно, сказка, на которой не стоитъ останавливаться. Раймундъ Люллій не вѣрилъ превращенію металловъ. Онъ положительно говоритъ объ этомъ въ сочиненіяхъ, несомнѣнно ему принадлежащихъ [2]).

Что Раймундъ Люллій былъ въ Англіи, въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что онъ самъ говоритъ: „*Vidimus enim intercessionem domini regis Edoardi illustrissimi* и т. д.“ Онъ думалъ, что онъ встрѣтитъ тамъ между важными лицами людей, готовыхъ помочь ему въ исполненіи его проекта, и онъ отправился за по-

---

[1]) Lenglet-Dufresnoy, въ *Histoire de la philosophie hermétique*, томъ I, стр. 166.

[2]) „Элементарныя тѣла имѣютъ качества, имъ свойственныя, и какой нибудь опредѣленный родъ не превращается въ другой такой же; это печалитъ и сердитъ чрезвычайно алхимистовъ“. „Химически полученное золото только видомъ на настоящее похоже.“ (Lullius, in *Arte magna*, parte IX, de *Mirabilibus orbis*).

мощью для выполненія своего духовнаго крестоваго похода къ королю англійскому, какъ раньше онъ искалъ покровительства королей испанскаго, французскаго, кипрскаго и другихъ.

Существуетъ весьма мало достовѣрныхъ извѣстій о сношеніяхъ Раймунда Люллія съ королемъ Эдуардомъ. На этотъ счетъ распространено множество басенъ. Не одинъ Лангле-Дюфренуа изобразилъ въ ложномъ свѣтѣ пребываніе Раймунда въ Лондонѣ; и нынѣ весьма трудно возстановить эту исторію въ истинномъ свѣтѣ.

Мы приведемъ, не раздѣляя мнѣнія автора, разсказъ г. Делеклюза, къ которому мы еще возвратимся.

„Дѣйствительность путешествія въ Англію, говоритъ г. Делеклюзъ, подтверждается особенно тѣмъ, что испанскіе писатели, описывая жизнь Раймунда, усиленно доказывали, что онъ никогда не занимался химіей; но на этотъ счетъ однако не можетъ быть никакихъ сомнѣній [1]. Кромѣ писемъ этого ученаго относительно исполненія великаго дѣла, надписанныхъ королю Эдуарду, въ 1312 [2]), есть мѣсто въ одной изъ его книгъ, озаглавленныхъ: *Compedium transmutationis animae*, гдѣ, говоря о нѣкоторыхъ раковинахъ, которыхъ онъ имѣлъ случай наблюдать, онъ говоритъ: *Vidimus ista omnia dum ad Angliam transiimus propter itercessionem domini regis Edoardi illustrissimi.* (Я видѣлъ это, когда былъ въ Англіи, по просьбѣ свѣтлѣйшаго короля Эдуарда).

„Если фактъ путешествія несомнѣненъ, то надо сознаться, что пребываніе его въ Лондонѣ покрыто тайной. По свидѣтельству нѣкоторыхъ англійскихъ писателей, казалось бы, что Раймундъ Люллій въ Англіи приготовлялъ золото и завѣдывалъ монетнымъ дѣломъ. Разсказываютъ, что Раймундъ, занятый постоянной идеей завоеванія святой земли, обманулся въ причинахъ, по которымъ Эдуардъ желалъ владѣть большими богатствами. Онъ думалъ, что этотъ государь хочетъ ихъ употребить только на святое дѣло, между тѣмъ какъ Эдуардъ, управляемый любимцами и проводя дни въ праздности и забавахъ, думалъ напротивъ воспользоваться знаніями химика для удовлетворенія своихъ затѣй. При этомъ столкновеніи столь различныхъ страстей, ревности монаха и скупости короля, трудно рѣшить, кто изъ нихъ остался въ дуракахъ; но по исторіи извѣстно и подтверждено самимъ Раймундомъ, что опытъ превратить пятьдесять тысячъ фунтовъ ртути, олова и свинца въ золото вполнѣ удался: *Converti in una vice, in aurum, ad L millia pondo argenti vivi, plumbi et stanni.*

„Эдуардъ, желая поскорѣе видѣть результаты работъ химика и мало обращая вниманія на его желаніе быть проповѣдникомъ, принялъ Раймунда Люллія весьма ласково и почетно. Джонъ Кремеръ, вестминстерскій аббатъ, современникъ Люллія, и подобно ему съ страстью занимавшійся химіей, оставилъ описаніе этого пріема въ

---

[1]) *Vida y hechos del admirable dotor y martyr Ramon Lull de Mallorca*, per el dotor Juan Seguy, canonigo de Mallorca. En Mallorca, ano 1606.

[2]) См. т. I, стр. 863 *Bibliothèque chimique*, Може (Mauget).

своемъ *завѣщаніи* [1]). „Я ввелъ, говоритъ онъ, этого единственнаго человѣка къ королю Эдуарду, который принялъ его и вѣжливо, и почетно. Поговоривъ о томъ, что слѣдовало исполнить, Раймундъ Люллій выразилъ свое чрезвычайное удовольствіе, что Провидѣніе одарило его знаніемъ искусства, которое позволяло ему обогатить короля. Онъ обѣщалъ государю дать всѣ желаемыя сокровища, лишь бы онъ лично пошелъ войной на турокъ; лишь бы богатства были употреблены на издержки, необходимыя для этого предпріятія; лишь бы деньги эти не послужили на ссору между христіанскими государями. Но, о несчастіе! восклицаетъ благочестивый аббатъ, ни одно изъ этихъ условій не было выполнено!“

„Джонъ Кремеръ далъ Раймунду келью въ монастырѣ Вестминстерскаго аббатства, и послѣдній, какъ утверждаютъ, не оказался неблагодарнымъ гостемъ, ибо долго спустя послѣ его смерти, когда пришлось передѣлывать эту келью, архитекторъ, которому была поручена эта работа, нашелъ въ ней много золота и извлекъ изъ него большія для себя выгоды.

„Но его царственный покровитель, желая поскорѣй видѣть результаты науки Раймунда, поселилъ его въ Лондонскомъ Товерѣ. Простодушный монахъ не замѣтилъ, что подъ этой королевской вѣжливостью скрывается лукавая предосторожность, и занялся приготовленіемъ золота, изъ котораго били монету. Джонъ Кремеръ утверждаетъ это, и Камденъ въ своихъ *Церковныхъ древностяхъ* съ точностью говоритъ, что червонцы, называвшіеся *ноблями съ розой* и сдѣланные во времена Эдварда, суть продукты химическихъ работъ, исполненныхъ Раймундомъ Люлліемъ въ Лондонскомъ Товерѣ.

„Когда этотъ важный трудъ былъ исполненъ, и Раймундъ вздумалъ возвратиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ, тогда только онъ замѣтилъ, что помѣщеніе его въ Лондонскомъ Товерѣ есть ничто иное, какъ заключеніе, и что король удерживаетъ его, ради удовлетворенія своей алчности. Несмотря на то, что ему было семьдесятъ восемь лѣтъ, онъ собралъ всѣ свои силы и при помощи лодки спустившись внизъ по Темзѣ, сѣлъ на судно, на которомъ доплылъ до Мессины. Въ этомъ городѣ онъ написалъ книгу объ *Опытахъ* (*Experimenta*), въ которой находится слѣдующій намекъ на жадность и недобросовѣстность англійскаго короля: „Мы сдѣлали это ради короля англійскаго, который притворился будто пойдетъ противъ турокъ и который затѣмъ началъ войну противъ короля французскаго. Онъ меня бросилъ въ темницу, но я избавился отъ этого. Берегись ихъ, мой сынъ!“ [2]).

Изъ этого романтическаго разсказа слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, исключить то, что Раймундъ Люллій дѣлалъ золото и былъ плѣнникомъ Эдуарда III-го въ Лондонскомъ Товерѣ. Мы полагаемъ, что Люллій для того, чтобы возбудить короля англійскаго

---

[1]) Это сочиненіе, *Cremeri abbatis Westmonasteriensis Testamentum,* находится въ *Museum hermeticum*, in 4-o, Франкфуртъ, 1677—1678. — Камденъ, въ своихъ *Monuments ecclesiastiques*, также даетъ нѣсколько подробностей на счетъ пребыванія Раймунда Люллія въ Англіи (Пр. Делеклюза).

[2]) *Revue des Deux Mondes*, 15 novembre 1840, p. 543—545.

противъ турокъ, обѣщалъ сперва все возможное и затѣмъ былъ не въ силахъ выполнить своихъ обѣщаній. Но увидя, что его приняли почетно только благодаря слухамъ, будто онъ умѣетъ дѣлать золото, Раймундъ Люллій рѣшился тотчасъ оставить Англію. Впрочемъ, извѣстно, что онъ нигдѣ не жилъ долго.

Онъ потайно вышелъ изъ Товера и сѣлъ на первую попавшуюся лодку и на ней доѣхалъ до перваго отходящаго корабля.

Этотъ корабль доставилъ его въ Мессину, въ Сициліи, откуда онъ переправился на Майорку.

Наконецъ, будучи семидесяти девяти лѣтъ отъ роду, онъ снова отправляется на проповѣдь въ Африку.

Напрасно друзья совѣтуютъ ему отдохнуть послѣ трудовой жизни и умоляютъ провести остатокъ жизни на родинѣ. Онъ думаетъ, что еще не выполнилъ своего долга, и отправляется въ послѣднее путешествіе.

Прибывъ въ 1315 г. въ Тунисъ, Раймундъ провелъ тамъ нѣсколько дней. Онъ посѣтилъ друзей, съ которыми сблизился въ предъидущія странствованія, тайно навѣстилъ своихъ учениковъ и убѣждалъ ихъ пребывать въ христіанской вѣрѣ. Затѣмъ онъ отправился въ Бугію, и тамъ остановился у своихъ знакомыхъ купцовъ. Тайно, въ домѣ одного изъ своихъ соотечественниковъ, онъ возобновляетъ сношенія съ тѣми арабами, которые, казалось, внимательно слушали его прежде.

Но эта тайная пропаганда приводила только къ самымъ ничтожнымъ результатамъ. Опечаленный малымъ числомъ обращенныхъ имъ въ христіанство, Раймундъ пренебрегъ той мудрой осторожностью, которой до сихъ поръ держался. Онъ вышелъ изъ убѣжища, сталъ являться на площадяхъ и открыто проповѣдывать противъ закона Магометова. Онъ говорилъ, что спасеніе рода человѣческаго только въ христіанствѣ.

„Я, говорилъ онъ бугійскому населенію, человѣкъ, изгнанный нѣкогда изъ этой страны и Туниса, потому что правители ваше боялись, что я обращу васъ къ истинамъ христіанской вѣры, къ чему вы не разъ проявляли склонность. Единственно надежда спасти васъ привела меня сюда, и я готовъ пострадать и даже умереть за это!“

Слѣдствіе этой рѣчи было противоположно ожидаемому имъ. Народъ съ яростію бросился на него. Его стали толкать ногами, бросать въ него камнями, бить палками. Его такимъ образомъ гнали до городскихъ стѣнъ. Тамъ лишившись силъ, онъ упалъ въ безпамятствѣ. Его били, когда онъ уже упалъ, и онъ былъ почти раздавленъ каменьями, которыми бросали въ него.

Случайно мимо шли генуэзскіе купцы; они сочли его мертвымъ. Видя по одеждѣ, что это христіанинъ, они положили его на носилки, чтобы похоронить, какъ замѣтили, что онъ дышетъ еще. Они выпросили у кади позволеніе перенести на свой корабль несчастнаго своего единовѣрца и, подавъ ему первую помощь, направились въ Майорку.

Но Раймундъ Люллій умеръ на морѣ, черезъ два дня, отъ ранъ. Ему было тогда восемьдесятъ лѣтъ.

„Со смертью, говоритъ Деклюзъ, не прекратились тѣ гоненія, которыя онъ испытывалъ при жизни. Спорили о его тѣлѣ, не щадили его памяти. Въ самомъ дѣлѣ, останки его не сразу были отданы родной землѣ. Какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, въ поступкѣ генуэзцевъ, поднявшихъ тѣло мученика на африканскомъ берегу, было столько же похвальнаго, сколько и нехорошаго. Въ то время владѣть какому нибудь городу тѣломъ святаго было дѣломъ выгоднымъ. Эти генуэзцы, христіане и купцы, видѣвшіе смерть Раймунда и бывшіе свидѣтелями его неколебимаго благочестія и его мученичества, знали, какое сокровище — тѣло этото проповѣдника. Но святой оказался живъ; тогда христіанскіе купцы возымѣли мысль свезти его на родину, въ увѣренности получить отъ его соотечественниковъ не только благодарность, но и плату за провозъ. Но Раймундъ умеръ дорогой, и купцы стали снова владѣльцами святыхъ останковъ, изъ которыхъ надо было извлечь возможную выгоду. Поэтому тѣло было спрятано на кораблѣ, и купцы, приставъ къ Майоркѣ, пожелали сперва освѣдомиться на счетъ расположенія духа островитянъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, перевести останки Люллія въ другое мѣсто, повыгоднѣе. Вслѣдствіе ли нескромности, или измѣны кого нибудь изъ экипажа, но въ Пальмѣ узнали не только, что Люллій убитъ, но что и тѣло его на кораблѣ. Какъ только жители узнали объ этомъ и о томъ, что генуэзцы хотѣли лишить ихъ такого сокровища, они возмутились такимъ мошенничествомъ. Депутація, избранная изъ высшаго майоркскаго дворянства, отправилась на корабль требовать выдачи останковъ своего святаго соотечественника. Тѣло было перенесено дворянами, въ сопровожденіи духовенства, въ церковь св. (католической) Эйлаліи и положено въ часовнѣ, принадлежавшей семейству Раймунда Люллія. Эти останки не долго пролежали тамъ; францисканскіе монахи вытребовали ихъ на томъ основаніи, что Люллій съ самаго дня своего покаянія носилъ одежду ихъ ордена. Вотъ какую эпиграфію сдѣлали они на его гробѣ:

„Raymondus Lully, cujus pia dogmata nulli
Sunt odiosa viro, jacet hic in marmore miro;
Hic M et CCC cum P [1]) coepit sine sensibus esse [2]).“

Таковы были жизнь и смерть Раймунда Люллія, истиннаго мученика за человѣчество, науку и религію.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію ученыхъ трудовъ этого *просвѣщеннаго доктора*, какъ его часто называли.

Не безъ причины удивляются, что человѣкъ, проведшій большую часть жизни въ странствованіяхъ, могъ написать хоть часть приписываемыхъ ему сочиненій. Аббатъ Перроке, въ своей біографіи Раймунда Люллія, какъ мы уже говорили, приводитъ списокъ четырехсотъ восьмидесяти восьми заглавій его сочиненій. Онъ прибавляетъ, что это только часть сочиненій Раймунда Люллія, и что „по мнѣнію нѣкоторыхъ достойныхъ писателей, полное число простирается до четырехъ тысячъ.“

Если бы *достойные писатели* потрудились сосчитать, то увидѣли бы, что, полагая среднимъ числомъ по десяти дней на сочиненіе, потребовалось бы около сорока тысячъ дней на написаніе четырехъ тысячъ сочиненій, то есть около ста десяти лѣтъ.

Итакъ, четыре тысячи сочиненій есть чистѣйшая выдумка.

Такъ какъ сочиненія Раймунда Люллія разсѣяны въ различныхъ библіотекахъ, во Франціи, Испаніи и Италіи, то нельзя съ точностію опредѣлить ихъ числа. Самые умѣренные изъ библіографовъ насчитываютъ до трехъ сотъ, и то много. При ближайшемъ разсмотрѣніи, число это можетъ быть значительно уменьшено. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ авторъ замѣтки о Раймундѣ Люллiѣ въ *Biographie universelle* Мишо:

„Всего только двѣсти сочиненій обозначено по заглавіямъ и первымъ словамъ сочиненія, и это число слѣдуетъ еще уменьшить, потому что заглавія порой мало разнятся одно отъ другаго; потому что заглавія главъ принимались за заглавія сочиненій и потому еще, что коментаріи профессоровъ и учениковъ часто принимались за уроки учителя.“

Раймундъ Люллій, какъ можно видѣть по сочиненіямъ, ему приписываемымъ, занимался всѣми отраслями человѣческихъ зна-

---

[1]) P, пятнадцатая буква латинской азбуки, изображаетъ соотвѣтствующую цыфру.
[2]) *Revue des Deux Mondes*, 15 nov. 1840, pag. 546—547.

ній. Человѣкъ такого ума, какъ онъ, не могъ, читая арабскія книги, не заимствовать изъ нихъ обширныхъ свѣдѣній по геометріи, физикѣ, астрономіи и естественной исторіи. Онъ долженъ былъ также изучить сочиненія Аристотеля съ арабскими комментаріями, общую грамматику, риторику, діалектику и т. п. Во время пребыванія въ Парижѣ, онъ посѣщалъ публичные уроки, вступалъ въ сношенія съ знаменитѣйшими учеными и спорилъ съ ними, какъ человѣкъ стоящій на высотѣ тогдашняго развитія философіи, метафизики, богословія, физики и химіи. Рожеръ Баконъ, въ физическомъ порядкѣ, искалъ при помощи опыта и наблюденія, *основъ положительной науки*; Раймундъ Люллій, въ порядкѣ метафизическомъ, при помощи діалектики и сближенія общихъ идей и всяческихъ отношеній, искалъ *единства науки*.

Мысль, составляющая основу его *Общаго искусства* или *великаго искусства*, мысль, которую онъ воспроизводитъ и развиваетъ въ различныхъ видахъ, то расширяя ее, то прилагая, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, показываетъ, что не было другаго человѣка, болѣе способнаго къ абстракціи и обобщенію.

„Что такое въ сущности *великое* искусство, въ своей практической части (говоритъ авторъ статьи *Раймундъ Люллій*, въ *Biographie générale* Фирмена Дидо), какъ не широко понятая синтетическая метода, могущественно приложенная, съ желаніемъ, хотя и несправедливымъ, расположить всѣ существа, даже нравственныя, въ огромной лѣствицѣ, ступени которой имѣли бы между собою необходимыя соотношенія? Но какое глубокое постиженіе причинъ, то-есть первичныхъ законовъ!“

Несомнѣнно, что въ природѣ всѣ существа должны быть связаны между собою и съ цѣлымъ, необходимыми соотношеніями, подобно тому, какъ различныя части жизненной экономіи взаимно связаны въ органическомъ существѣ, растительномъ или животномъ.

„Существуетъ, по словамъ Раймунда Люллія (продолжаетъ тотъ же авторъ), между всѣми вещами въ мірѣ столь тѣсная связь, что стоитъ въ совершенствѣ изучить одну, чтобы понять всѣ другія, даже самыя возвышенныя; потому что не возможно имѣть совершеннаго понятія о предметѣ, безъ знанія отношеній разности и сходства этого предмета со всѣми другими. Откуда слѣдуетъ, что, разсматривая одну вещь, необходимо размышлять о всѣхъ тѣхъ, которыя имѣютъ съ нею сходство, или ей противоположны.

„Всѣ начала, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, неразрывно связаны въ бытіи, какъ различныя части въ одномъ цѣломъ, и тотъ можетъ назвать себя ученымъ, по-

стигающимъ бытіе, кто владѣетъ полнымъ знаніемъ его природы, свойствъ частей и т. п.; такъ что всѣ науки занимаются бытіемъ или различіями, и такъ что все, имѣющее бытіе, въ нѣкоторомъ отношеніи, составляетъ предметъ нѣсколькихъ наукъ."

Трудно дать точное понятіе объ этой всеобщей методѣ, или *общемъ искусствѣ* Раймунда Люллія, основная идея которой воспроизводится во всѣхъ его сочиненіяхъ, подъ всевозможными видами, смотря по цѣли, какую авторъ имѣетъ въ виду, и предмету, къ которому онъ ее прилагаетъ. Напримѣръ, въ главѣ, озаглавленной *Древо науки*, онъ сравниваетъ избранный имъ предметъ съ деревомъ, *корни* котораго представляются восьмнадцатью основоположеніями, предварительно имъ изложенными, а *стволъ* — субстанціей, которая произойдетъ отъ соединенія принциповъ. *Вѣтви* суть главныя части или роды предмета; *вторичныя вѣтви* изображаютъ различныя способности или силы, или свойства, *листья*—случайности; *цвѣты* естественныя произведенія корней, ствола и другихъ частей; *плодъ* то, что служитъ общимъ результатомъ.

Изъ списка сочиненій Раймунда Люллія можно видѣть, что основная мысль *Общаго искусства* изложена, приложена, или развита болѣе чѣмъ шестидесятью различными способами, подъ такимъ же числомъ различныхъ заглавій. Одинъ изъ величайшихъ недостатковъ этой методы, что она можетъ научить разглагольствовать, на манеръ древнихъ софистовъ, весьма пространно о совершенно незнакомыхъ предметахъ. Можно расположить, какъ сдѣлалъ Деклюзъ, въ таблицѣ [1]) съ различными подраздѣленіями, слова, повидимому выражающія общіе принципы, на которыхъ Раймундъ Люллій основалъ свое *Общее искусство*, но тѣмъ не менѣе самое это искусство отъ этого не дѣлается понятнѣе. Причина этому очевидна. Простой механизмъ словъ ничего самъ по себѣ не значитъ, когда живое слово, оживлявшее его, перестало звучать уже нѣсколько вѣковъ.

Въ сущности, это *Общее искусство* было только методой преподаванія. А мы знаемъ по различнымъ, даже современнымъ примѣрамъ, что дѣйствительность и успѣшность какой нибудь общей

---

[1]) *Revue des deux Mondes*, 15 novembre 1840, p. 541.

методы преподаванія существуетъ всецѣло обыкновенно только въ духѣ ея изобрѣтателя. Метода, при помощи которой достигались удивительные результаты, по смерти ея автора становится безплодной. То же надо сказать о методахъ преподаванія Песталоцци и Жакото. Такъ и метода, которую Декартъ имѣлъ счастіе изобрѣсть въ юности, и которой онъ приписываетъ превосходство, доказанное на множествѣ людей, счастливѣе чѣмъ онъ одаренныхъ способностями, — точно ли также мы ее понимаемъ, какъ понималъ самъ философъ? Еслибъ ее вздумали приложить, то получились ли бы результаты, подобные тѣмъ, какіе онъ получалъ самъ? Тѣмъ болѣе то же надо сказать о методѣ Раймунда Люллія, ибо вслѣдствіе развитія человѣческаго духа, абстрактныя понятія и общія идеи совершенно видоизмѣнились. Можно найти точное значеніе терминовъ, которыми обозначали факты природы физической, но какъ точно опредѣлить значеніе каждаго слова въ ряду абстракцій, все болѣе и болѣе отвлеченныхъ? Напримѣръ, въ *общей таблицѣ* Раймунда Люллія приняты слѣдующія 18 принциповъ: *доброта*, *величіе*, *время*, *могущество*, *знаніе*, *желаніе*, *доблесть*, *истина*, *слава*, *различіе*, *согласіе*, *противоположность*, *начало*, *среда*, *конецъ*, *большинство*, *равенство*, *меньшинство*. Онъ показываетъ, что все можетъ быть отнесено и приведено къ этимъ восемнадцати трансцендентальнымъ принципамъ. Изъ этихъ принциповъ, комбинируя ихъ попарно, по тройкамъ и т. д., по своимъ правиламъ, онъ образуетъ общія понятія и т. д.

Общее искусство Люллія для насъ вырванный съ корнемъ кустъ, перенесенный въ чуждую среду, немогущій принести ни цвѣтовъ, ни плодовъ.

Теперь разсмотримъ Раймунда Люллія, какъ химика.

Судьба умственныхъ трудовъ часто весьма странна, и рѣдко цѣль, достиженія которой человѣкъ добывался, дѣлается предметомъ его славы. Раймундъ Люллій всю жизнь посвятилъ религіи и теологіи. Онъ жертвовалъ своей жизнью, чтобъ низложить магометанство и сдѣлаться мученикомъ. Наконецъ, онъ желалъ создать общую методу преподаванія. И все это забыто потомствомъ. Нынѣ извѣстна только одна сторона его дѣятельности, и при томъ самая слабая. Онъ извѣстенъ, какъ химикъ.

Чтобы оцѣнить Раймунда Люллія, какъ химика, не слѣдуетъ становиться на исключительную точку зрѣнія современной науки, какъ то дѣлаетъ г. Геферъ въ *Исторіи химіи*. Раймундъ Люллій познакомился съ химіей теоретически по арабскимъ сочиненіямъ. Въ своемъ уединеніи, онъ добился до пониманія этой теоріи, хотя она была изложена не на родномъ ему языкѣ. Онъ и свое *Общее искусство* написалъ сперва по испански и позже перевелъ его самъ же по арабски. Онъ понялъ химическую теорію арабовъ на столько, что самъ желалъ провѣрить ее на опытѣ. Арнольдъ де Вилльневъ, какъ мы видѣли, обучилъ его химическимъ манипуляціямъ. Познакомившись съ лабораторной практикой, онъ съ жаромъ принялся за изученіе химіи, какъ это легко видѣть изъ приписываемыхъ ему химическихъ сочиненій.

Но какова, въ этомъ отношеніи, была цѣль его постоянныхъ изысканій и усилій? Никакъ не отысканіе способа искусственнаго приготовленія золота,—чѣмъ онъ пренебрегалъ. Онъ не вѣрилъ, какъ мы видѣли, въ превращеніе металовъ. Равнымъ образомъ, онъ не хотѣлъ заниматься приготовленіемъ веществъ, необходимыхъ въ торговлѣ и промышлености. Онъ имѣлъ цѣль болѣе возвышенную, болѣе философскую.

„Стремленіе товременной науки, говоритъ Делеклюзъ, состояло въ отысканіи повсюду *квинтъ-эссенціи*, нѣкоего тонкаго начала, отдѣлимаго отъ всякой смѣси, нѣкотораго рода архитипа представляемаго ею тѣла, и содержащаго всѣ свойства этого тѣла, или, говоря тогдашнимъ языкомъ, всѣ его *достоинства* въ чрезвычайной степени.“

Въ химіи Раймунда Люллія встрѣчается много замѣчательныхъ мыслей; но смыслъ ихъ не всегда вполнѣ понятенъ, по причинѣ его стиля, наполненнаго намѣренно въ другомъ смыслѣ употребленными словами, и даже кабалистическими терминами, принадлежащими товременному языку. „*Кабала*, говоритъ аббатъ Перроке, служила введеніемъ къ изученію всѣхъ наукъ.“

„Но, говоритъ г. Делеклюзъ, когда удается понять кое-что у Раймунда Люллія, и когда, вмѣсто того чтобы обращать вниманіе на букву его сочиненій, мы станемъ отыскивать господствующій въ нихъ духъ, то поразишься встрѣчая полныя величія мысли, которыя могутъ поравняться съ современной *наукой*.“

Такова, напримѣръ, мысль, которая не разъ встрѣчается у Раймунда, о томъ, что *форма* есть одно изъ существенныхъ качествъ матеріи и что она вліяетъ на химическій составъ тѣлъ. Онъ причисляетъ ее къ числу первичныхъ и вторичныхъ причинъ въ природѣ.

Въ самыхъ новѣйшихъ химическихъ руководствахъ можно прочесть, что формы кристаллизаціи принадлежатъ къ числу главнѣйшихъ отличительныхъ свойствъ тѣлъ и химическихъ соединеній.

Люллій познакомилъ вполнѣ съ крѣпкой водкой, приготовленіе которой было уже указано арабомъ Геберомъ. Онъ не хвалится, что открылъ первый множество веществъ, о которыхъ упоминаетъ, каковы напр. *прокаленный винный камень*, извлеченіе *поташа* изъ растительной золы, перегонка урины, очищеніе виннаго спирта, приготовленіе эѳирныхъ маселъ, купелированіе серебра, приготовленіе лабораторной мастики (изъ бѣлка и извести), краснаго осадка, бѣлой ртути (окиси ртути и сулемы) и т. д.,—веществъ, о которыхъ онъ говоритъ, описывая свои химическія работы.

Г. Геферъ [1]) говоритъ, что въ его *Potestas dividiarum* есть указаніе на химическій приборъ, имѣющій большое сходство съ аппаратомъ съ пятью шариками, изобрѣтеннымъ въ наши дни Либихомъ для собиранія углекислоты при анализѣ органическихъ веществъ.

Но все это не великія открытія, и слава Раймунда Люллія, какъ химика, по нашему мнѣнію покоится на весьма шаткихъ основаніяхъ.

Раймундъ Люллій, какъ всѣ средневѣковые ученые, не былъ ни химикомъ, ни астрономомъ, ни физикомъ, а энциклопедистомъ. Онъ занимался всѣмъ, отчасти слѣдуя въ этомъ духу своего времени, отчасти для того, чтобы выработать свою общую методу преподаванія, которая сохранилась въ его *Ars magna* и *Ars brevis*, памятникахъ заслуживающихъ вниманія потомства.

---

[1]) *Histoire de la chimie*, т. I, p. 403.

ІОГАННЪ ГУТЕНБЕРГЪ,

или

ИЗОБРѢТЕНІЕ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

Іоганнъ Генсфлейшъ, прозванный Гутенбергомъ, родился въ Майнцѣ нѣсколько ранѣе 1400 года.

Майнцъ, подобно Страсбургу и Вормсу, былъ издавна *вольнымъ* городомъ. Въ такихъ городахъ была развита промышленная и общественная жизнь; въ нихъ развивался *среднiй* классъ, классъ горожанъ, который, въ силу своего богатства и вліянія на нисшіе классы, вскорѣ могъ начать борьбу съ феодальнымъ баронствомъ.

Имѣя право выбирать магистратъ, судей, муниципальныхъ совѣтниковъ и т. д. и такимъ образомъ управляться сами собою, вольные германскіе города не могли смотрѣть на свою независимость, не отыскивая, съ понятной и законной гордостью, аналогій между собою и городами древности. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о древности, Майнцъ и многіе другіе германскіе города приняли законы, учрежденія и общую организацію, по образцу таковыхъ древняго Рима.

Въ средневѣковомъ Майнцѣ, какъ нѣкогда въ Римѣ, всѣ граждане раздѣлялись на два класса, *патриціевъ* и *плебеевъ*. Какъ въ Римѣ, въ немъ были *сенатъ*, *консулы*, *эдилы* и т. п. Муниципальные совѣтники, меры и т. д. носили титулы сенаторовъ, консуловъ и т. д.

Феодальное дворянство принадлежало къ патриціямъ, но составляло только слабое меньшинство; иначе, Майнцъ скоро пересталъ бы быть вольнымъ городомъ въ полномъ смыслѣ. Боль-

шинство городскаго населенія состояло изъ семействъ горожанъ, которыя возвышались одни при помощи богатствъ, нажитыхъ торговлей или промышленостью, другія — занятіемъ вольными искусствами, третія —синдикальными должностями, занимаемыми въ ихъ корпораціяхъ.

Не слѣдуетъ забывать, что въ древнемъ Римѣ, всѣ сословія и ремесла были организованы въ корпораціи, или *коллегіи*, и что не разъ достойные люди отъ простыхъ синдикальныхъ должностей возвышались до первыхъ чиновъ государства. Въ Римѣ, мясникъ Варронъ (Caius Terentius Varro), будучи нѣсколько разъ *пріоромъ*, то есть синдикомъ корпораціи мясниковъ, получилъ, въ 216 году до Р. Х., званіе консула. Извѣстно, что при Каннахъ онъ былъ разбитъ Аннибаломъ.

Къ такимъ-то родамъ гражданъ, возвысившимся при помощи богатства до патриціата, принадлежалъ Іоганнъ Генсфлейшъ, прозванный Гутенбергомъ [1]).

По Шаабу, автору сочиненія въ трехъ томахъ, напечатаннаго въ 1830 г. во Франкфуртѣ, объ *Исторіи книгопечатанія*, семейство Генсфлейша раздѣлялось на двѣ главныя вѣтви, изъ которыхъ одна прозвалась *Генсфлейшъ*, а другая *Зоргенлохъ*. Отецъ изобрѣтателя книгопечатанія назывался Фріело (уменьшительное отъ Фридриха) Генсфлейшъ, а мать Эльза (уменьшительное отъ Елизаветы).

Семейство Генсфлейшъ, безъ сомнѣнія, владѣло какимъ нибудь маленькимъ имѣніемъ. Оно должно было пользоваться извѣстнымъ достаткомъ, происходящимъ отъ правильности занятій. Но ничто не доказываетъ, что оно принадлежало къ феодальному дворянству, или владѣло большимъ состояніемъ.

---

[1]) Въ подлинныхъ актахъ, обнародованныхъ Шепфлиномъ (*Vindiciae typographicae*, 1740) онъ называется такъ *Joannes dictus Gensfleisch, alias nuncupatus Gutenberg de Maguntia*, то есть Іоаннъ, прозванный Генсфлейшъ, иногда также называемый Гутенбергомъ изъ Майнца.

Прозвище Гутенбергъ происходитъ, по однимъ, отъ названія имѣнія, принадлежавшаго Генсфлейшамъ; по другимъ, отъ города Кутенберга, въ Чехіи, откуда вышелъ этотъ родъ.

Не извѣстно, какимъ дѣломъ занимался Фріело Генсфлейшъ, отецъ Гутенберга. Можно догадываться, по его званію патриція, что онъ занимался какимъ либо вольнымъ промысломъ.

Семейство Генсфлейшъ жило въ Майнцѣ въ домѣ, надъ входной дверью котораго была прибита рѣзная бычачья голова. Поэтому домъ называли *домомъ черного быка*. На дверяхъ была надпись: *„Ничто не устоитъ противъ меня."* Этотъ девизъ Гутенберга можно приложить и къ книгопечатанію.

Одинъ фламандскій живописецъ нарисовалъ въ 1865 году картину, съ которой была издана гравюра; въ этой картинѣ, на основаніи подлинныхъ документовъ, художникъ изобразилъ домъ семейства Генсфлейша въ Майнцѣ, *Домъ черного быка*. На основаніи данныхъ этой картины исполнена гравюра, приложенная къ этой страницѣ.

Какое воспитаніе могъ дать Фріело Генсфлейшъ своему сыну? Безъ сомнѣнія, онъ отдалъ его въ начальную школу. Въ то время въ Майнцѣ, какъ во всѣхъ германскихъ городахъ, существовали монашескія корпораціи, посвятившія себя дѣлу воспитанія; онѣ содержали различныхъ разрядовъ училища. Гутенбергъ долженъ былъ еще мальчикомъ выучиться чтенію, письму и счету. Начальное воспитаніе давалось въ то время не по латыни, а на родномъ языкѣ, то есть въ Майнцѣ по нѣмецки. Такое воспитаніе, кромѣ чтенія, письма и счета, заключало въ себѣ общія свѣдѣнія изъ нѣмецкой грамматики, святаго писанія, космографіи и географіи. Хотя такія свѣдѣнія и не могутъ назваться *образованіемъ*, но они могутъ служить къ нему первой ступенью.

Нѣтъ никакихъ поводовъ думать, что Іоганнъ Генсфлейшъ посѣщалъ высшаго разряда школы. Изученіе латинскаго языка было въ то время необходимо для высшаго образованія; всѣ курсы риторики, философіи, математики, преподавались по латыни. Нѣтъ доказательствъ, что Гутенбергъ зналъ латинскій языкъ. Вмѣстѣ съ однимъ изъ его біографовъ, Ж. Б. Гамой, мы полагаемъ, что съ юности его предназначали къ механическимъ занятіямъ, къ ремесламъ золотыхъ дѣлъ мастера, или брильянтщика.

Ему не было пятнадцати лѣтъ, какъ онъ лишился отца, а у

матери достатокъ былъ очень невеликъ. И ему пришлось поступить ученикомъ къ брильянтщику не медля.

Почти всегда геніальные люди образовываются сами собою. Франклинъ, въ прошломъ вѣкѣ, былъ замѣчательнымъ примѣромъ этого. Сначала простой наборщикъ въ Англіи, онъ, въ своемъ отечествѣ, сдѣлался однимъ изъ лучшихъ писателей, законодателемъ и ученымъ, которымъ гордится Америка.

Этотъ примѣръ и подобные такого же рода доказываютъ, что въ свободныхъ странахъ, развитіе генія совершенно независимо отъ общественнаго положенія, и даже отъ классическаго или университетскаго образованія.

При томъ, этого рода образованіе могло бы уклонить юнаго Генсфлейша отъ изобрѣтенія, его прославившаго, поставивъ его на путь, слишкомъ далекій отъ механическихъ работъ. Если вѣрно, что лишенный литературнаго образованія, онъ поступилъ въ ученье къ брильянтщику, то легко объяснить, почему онъ всю жизнь занимался изслѣдованіями, изобрѣтеніями и улучшеніями, относящимися къ механическимъ искусствамъ. Выполненіе нѣкоторыхъ работъ требуетъ тонкаго осязанія, развитія пальцевъ, вѣрности глаза, въ соединеніи съ хорошимъ вкусомъ.

Къ занятіямъ, прямо или косвенно, относящимся къ этому ремеслу, въ пятнадцатомъ вѣкѣ принадлежали такія производства, какъ венецейскія зеркала въ хрустальныхъ рамахъ и украшенныя гравированными на стеклѣ фигурами. Рѣзьба на металѣ и деревѣ, какъ выпуклая, такъ и вогнутая, въ тѣ времена очень распространенная, также принадлежала къ числу занятій золотыхъ дѣлъ мастеровъ, или брильянтщиковъ. Можно предложить вопросъ: не подали ли Гутенбергу мысль вырѣзывать буквы и слова именно эти занятія гравюрой и рѣзьбой на деревѣ, стеклѣ и металѣ, и что отъ этой первой мысли, развивая ее и укрѣпляясь въ ней, онъ не перешелъ послѣдовательно отъ ксилографіи, или искусства печатанія при помощи деревянныхъ досокъ, къ типографіи, то есть искусству печатать подвижными литерами, несмотря на огромное различіе между двумя этими способами печатанія.

Нельзя съ точностью сказать, сколько лѣтъ онъ жилъ въ ученьи; впрочемъ въ ремеслахъ это время болѣе или менѣе опре-

дѣленное. По истеченіи его, работникъ долженъ выбрать себѣ занятіе. Конечно, Іоганнъ Генсфлейшъ не думалъ всю жизнь остаться работникомъ. Въ самомъ дѣлѣ, такимъ образомъ онъ пересталъ бы быть патриціемъ, ибо состояніе работника, или прикащика было несовмѣстно съ званіемъ патриція.

Гутенбергъ желалъ сдѣлаться въ Майнцѣ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, или брильянтщикомъ. Но для этого необходимы были деньги, или по меньшей мѣрѣ кредитъ, а у него не было ни того, ни другаго. Онъ чувствовалъ, что ему не сдѣлаться мастеромъ иначе, какъ при помощи какого нибудь полезнаго изобрѣтенія, или значительнаго улучшенія, которое выдвинуло бы его на первый планъ въ какомъ нибудь ремеслѣ.

Много проектовъ, много мыслей волновалось въ его головѣ, не приводя къ должнымъ результатамъ.

Одна изъ его сестеръ, Гебела Генсфлейшъ, была монахиней въ монастырѣ св. Клары въ Майнцѣ, и молодой работникъ отъ времени до времени навѣщалъ ее. Онъ любилъ откровенно говорить съ ней о своихъ мечтахъ, попыткахъ, открытіяхъ и успѣхахъ, которыя современемъ увѣнчаютъ всѣ его начинанія. Гебела недовѣрчиво улыбалась на эти слова. Она желала доказать брату всю трудность осуществленія его проектовъ.

— О, милый мой Іоганнъ,—говорила она,—положимъ, что всѣ твои мысли справедливы, гдѣ ты найдешь денегъ для ихъ осуществленія?

— О, не безпокойся объ этомъ, сестрица. Когда будетъ доказано, что новая мысль въ приложеніи можетъ доставить большія выгоды, то деньги явятся сами собою.

— Не вижу я, чтобы это такъ случалось. И я скажу прямо мой милый Іоганнъ, что твоя будущность часто безпокоитъ меня.

— Не безпокойся, Гебела; увѣряю тебя, что секреты, которыми я обладаю, рано или поздно, обогатятъ меня [1]).

Что же за изобрѣтеніе, о которомъ толковали между собою братъ и сестра, въ монастырѣ св. Клары? Конечно, то не была

---

[1]) Gama, *Esquisse historique sur Gutenberg*. Strasbourg, in 8-o, p. 8.

мысль книгопечатанія; но какая нибудь подобная. Юный работникъ попробовалъ при помощи пресса, служащаго для печатанія гравюръ, воспроизвести письмо.

Говорятъ, что нѣсколько такихъ листочковъ, выставленные у картинныхъ продавцовъ, произвели между майнцами нѣкоторое волненіе. За эту работу, исполнителя называли колдуномъ.

Случай вѣроятный, но по нашему мнѣнію въ разсказѣ есть преувеличеніе. Издавна, въ Голландіи, при помощи ксилографіи, воспроизводили скоропись, и никто этому не дивился. Трудно предположить, что такой родъ печати былъ не извѣстенъ въ Майнцѣ.

Эти печатные листочки, въ которыхъ такъ хорошо было воспроизведено письмо, листочки, выставленные сперва въ картинныхъ лавкахъ и которые потомъ пришлось убрать оттуда, вѣроятно въ текстѣ содержали что нибудь предосудительное. Что такое въ нихъ было—не извѣстно. Очень можетъ быть, что имъ приписали дьявольское происхожденіе, ибо въ средніе вѣка легко обвиняли въ колдовствѣ и магіи. Но въ Майнцѣ, какъ во всѣхъ другихъ вольныхъ городахъ Германіи, было много людей образованныхъ, которые не легко вѣрили подобнымъ обвиненіямъ. Если Гутенбергъ принужденъ былъ взять свои *fac-simile* изъ лавокъ, то вѣроятно по причинамъ, отъ дьявола не зависящимъ.

Вслѣдствіе ли этихъ причинъ, Гутенбергъ принужденъ былъ оставить городъ и переселиться, или же были причины болѣе важныя, напр. не вмѣшался ли онъ въ борьбу патриціевъ и плебеевъ, тогда нерѣдкую въ Майнцѣ?

Въ маленькомъ Майнцѣ, какъ и въ древнемъ Римѣ, были народныя возмущенія и столкновенія плебеевъ съ патриціями. Только въ этихъ миніатюрныхъ республикахъ, изгнанникамъ не приходилось удаляться за моря. Политическіе изгнанники изъ Страсбурга отправлялись въ Майнцъ, а изгнанные изъ Майнца въ Страсбургъ, ожидая счастливаго случая возвратиться въ родной городъ. Іоганнъ Генсфлейшъ, принявъ участіе въ подобной политической борьбѣ, былъ принужденъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ серьезныхъ историковъ, переселиться, чтобы избѣжать мести или преслѣдованія противной партіи.

Какъ бы тамъ ни было, но Іоганнъ Генсфлейшъ оставилъ Майнцъ въ 1420 г. и возвратился туда только черезъ двадцать пять лѣтъ, то есть въ 1445.

Куда онъ отправился и что дѣлалъ все это долгое время? Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что онъ въ 1420 году прямо отправился въ Страсбургъ, чтобы тамъ поселиться.

Первый памятникъ, несомнѣнно доказывающій пребываніе Гутенберга въ Страсбургѣ, относится къ 1434; документъ этотъ напечатанъ Шефлиномъ по-нѣмецки и латини. Онъ начинается такъ: *Ego Johannes Gensfleish junior, dictus Gutenberg, notum facio quam honesti ac prudentis viri, consules et senatus civitatis Moguntiae etc.* (То есть я Іоганнъ Генсфлейшъ младшій, прозванный Гутенбергомъ, симъ извѣщаю честнѣйшихъ и мудрѣйшихъ мужей, консуловъ и сенатъ города Майнца и т. д.) [1]). Въ то время, какъ онъ писалъ это объявленіе, онъ уже четырнадцать лѣтъ какъ оставилъ Майнцъ. Такъ какъ ничто не доказываетъ, что все это время онъ жилъ въ Страсбургѣ, то мы полагаемъ, хотя ничѣмъ не можемъ подтвердить справедливости нашей догадки, что онъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ путешествіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ времена былъ обычай, что молодые люди, выйдя изъ учениковъ, четыре или пять лѣтъ странствовали, при чемъ въ каждомъ посѣщаемомъ городѣ жили болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Мы полагаемъ также, что во время своихъ странствованій, онъ побывалъ въ Голландіи и даже что онъ жилъ нѣкоторое время въ Гарлемѣ. Эта догадка покажется достовѣрной, если принять въ соображеніе, что Гутенбергъ въ Майнцѣ уже занимался воспроизведеніемъ письма при помощи гравированія, — обстоятельство показывающее, что идея о книгопечатаніи тогда еще начала занимать его и что онъ надѣялся сдѣлать въ этомъ дѣлѣ какое либо изобрѣтеніе.

Въ Гарлемѣ существовало *ксилографическое* печатаніе, то есть при помощи гравюры на деревѣ, и имъ занимался Лаврентій Ко-

---

[1]) *Danielis Schoeflini Vindicae tipographicae.* Страсбургъ 1760 in 4, 1-ый документъ, стр. 2.

стеръ. Изъ этой печатни вышло множество небольшихъ ксилографическихъ сочиненій, весьма плохихъ правда, но распространенныхъ въ различныхъ странахъ Европы. Было бы странно предположить, что Генсфлейшъ, занятый идеей изобрѣтеній и улучшеній, не посѣтилъ печатни Лаврентія Костера, чтобы убѣдиться, до какой степени доведено искусство, которому онъ желалъ посвятить себя.

А поэтому, намъ кажется весьма естественнымъ предположеніе, что Генсфлейшъ не только былъ въ Гарлемѣ, но что онъ даже нѣкоторое время занимался въ мастерской Костера.

Ксилографія, то есть печатаніе при помощи деревянныхъ досокъ, на которыхъ рельефно вырѣзаны буквы — одно изъ самыхъ старинныхъ изобрѣтеній.

Ученіе египтянина Гермеса, вырѣзанное на храмовыхъ колонахъ, о чемъ говорятъ многіе греческіе писатели; астрономическія открытія, начертанныя потомками Сиѳа на кирпичныхъ и каменныхъ столбахъ; скрижали завѣта, вырѣзанныя Моисеемъ; весьма древнія медали, на которыхъ были вырѣзаны надписи этрускими буквами; печати, — все это относится къ самой глубокой древности.

„Существуетъ большое сходство между монетнымъ и типографскимъ искусствами, говоритъ Ламбине; тѣ же штемпеля, тѣ же буквы, вырѣзанныя рельефно, или отлитыя въ формы. Сначала отпечатки дѣлались только на одной сторонѣ метала, и точно также при началѣ типографіи печатали только на одной сторонѣ листка. Равнымъ образомъ достовѣрно, что изобрѣтенію типографскаго искусства много способствовали монетчики, золотыхъ дѣлъ мастера и рѣзчики. По пересыпкѣ и обратному положенію буквъ, замѣчаемыхъ на древнихъ медаляхъ, Кайлусъ полагалъ, что въ древности употребляли подвижныя литеры“ [1]).

Дону́, человѣкъ большой учености, повидимому раздѣлялъ въ этомъ случаѣ мнѣніе Кайлуса. Онъ цитируетъ одно мѣсто изъ Цицерона, гдѣ, по его мнѣнію, выражена мысль о подвижныхъ литерахъ [2]).

---

[1]) *Origine de l'imprimerie*, par Lambinet. 2 vol. in 8°. Paris, 1860, Tome I, page 14.

[2]) Вотъ это мѣсто. „Предположите, говоритъ Цицеронъ, что стали бы бросать тысячами на землю двадцать одну букву азбуки, сдѣланныя изъ золота, или другаго

Г. Амбруазъ-Фирменъ Дидо, въ ученой статьѣ о *книгопечатаніи*[1]), обрисовалъ широкою кистью исторію различныхъ способовъ, которые съ отдаленнѣйшихъ временъ представлялись человѣку удобными для воспроизведенія мыслей и чувствъ.

„Египтяне, греки и особенно римляне, говоритъ г. Дидо, вырѣзали рельефно въ обращенномъ видѣ, буквы, цифры и надписи на монетахъ, которыя потомъ, при помощи нагрѣванія или холоднымъ путемъ, отпечатывали на кирпичахъ, хлѣбѣ, монетахъ, даже на лбахъ бѣглыхъ рабовъ; такимъ образомъ, вырѣзанные на выворотъ буквы, по отпечатаніи являлись въ томъ видѣ, какъ слѣдуетъ.“

Въ древности, какъ замѣчаетъ г. Амбруазъ-Фирменъ Дидо, ссылающійся при этомъ на Квинтиліана и Прокопа, для обученія дѣтей чтенію и письму употребляли *подвижныя буквы и вырѣзные трафареты*. Употребленіе трафаретовъ было гораздо позже примѣнено къ производству игральныхъ картъ и другихъ подобныхъ подѣлокъ.

Съ незапамятныхъ временъ, печатаніе книгъ было извѣстно въ Китаѣ; но способы, употребляемые для этого китайцами, значительно отличаются отъ типографскаго искусства. Въ Китаѣ, печатаютъ при помощи рѣзанныхъ на деревѣ буквъ, но безъ подвижныхъ литеръ. Это былъ родъ гравюры на деревѣ.

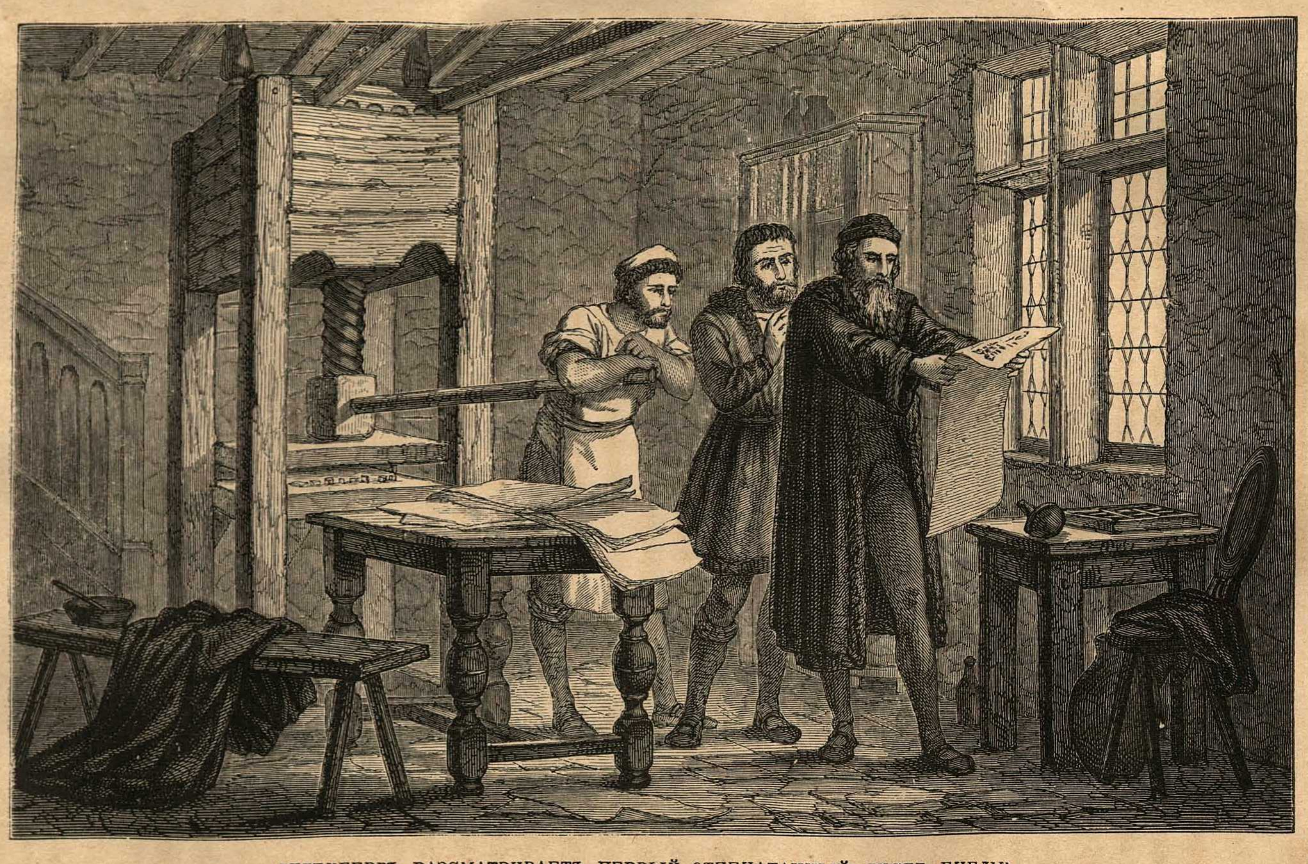
Основной характеръ типографскаго искусства и самаго книгопечатанія состоитъ именно въ употребленіи подвижныхъ литеръ.

Кажется, столь естественно печатать подвижными буквами, что удивительно съ перваго взгляда, какъ мысль объ этомъ не пришла давно никому въ голову.

Но это только съ перваго взгляда. Для употребленія подвижныхъ буквъ въ печати, надо было сперва дойти до умѣнья вырѣзать пунсоны (формы для матрицъ), выбивать матрицы, выливать отдѣльныя буквы и т. д., — на все это требовалось много времени и знаній. Совокупить всѣ эти отдѣльныя знанія для типографскаго дѣла — задача весьма трудная.

вещества, думаете ли вы что онѣ могли бы установиться такъ, что изъ нихъ вышла бы *Лѣтопись Эннія* (О природѣ боговъ, кн. VII, гл. XXXVII). Это мѣсто приведено у Дону: въ *Analyse des opinions diverses sur l'origine de l'imprimerie*. Paris, an II. In 8°, p. 3—4.

[1]) *Encyclopédie moderne*, t. XXVI, p. 557.

ГУТЕНБЕРГЪ РАЗСМАТРИВАЕТЪ ПЕРВЫЙ ОТПЕЧАТАННЫЙ ЛИСТЪ БИБЛІИ.

6

Кому же слѣдуетъ приписать изобрѣтенiе этого чуднаго искусства книгопечатанiя?

Слава этого изобрѣтенiя голландцами приписывается Лаврентiю Костеру изъ Гарлема; нѣмцами — Iоганну Гутенбергу изъ Майнца. Число сочиненiй, написанныхъ въ Германiи, въ защиту Гутенберга, весьма значительно и авторитетъ свидѣтельствъ самаго почтеннаго свойства. Съ другой стороны, въ Голландiи раздался только одинъ голосъ, приписывающiй изобрѣтенiе книгопечатанiя Лаврентiю Костеру (Laurens Janzoon Coster). Гутенбергъ просто похитилъ у Костера секретъ его изобрѣтенiя, или по крайней мѣрѣ воспользовался подобнымъ похищенiемъ. Одинъ изъ голландскихъ писателей семнадцатаго вѣка, Петръ Шриверъ, говоритъ, что отвергать право Костера на изобрѣтенiе книгопечатанiя значитъ отвергать существованiе Божiе.

Чтобы сказать это, чтобы возымѣть такую мысль, надо быть сильно убѣжденнымъ. Мы постараемся рѣшить этотъ споръ, мы постараемся согласить эти два исключительныя мнѣнiя, сказавъ, что Лаврентiй Костеръ дѣйствительно изобрѣлъ въ Гарлемѣ искусство печатать подвижными литерами и что Гутенбергъ, зная объ изобрѣтенiи Костера, который сдѣлалъ только слабыя попытки, въ свою очередь, усовершенствовалъ и трудами цѣлой жизни довелъ книгопечатанiе до совершеннаго искусства.

Самый древнiй историческiй памятникъ, говорящiй объ изобрѣтенiи книгопечатанiя, есть анонимная нѣмецкая хроника, называющаяся: *Cronica van der hilliger stat van Coellen*, напечатанная въ Кельнѣ въ 1499 г. Въ этой хроникѣ есть слѣдующее мѣсто:

„Книгопечатанiе, это удивительное искусство, было сперва изобрѣтено въ Германiи, въ Майнцѣ на Рейнѣ. И въ этомъ для нѣмецкаго народа знатная честь, что въ средѣ его встрѣчаются такiе даровитые люди. И это случилось въ году отъ Р. Х. 1440. И начиная съ этого времени до 1450 года, это искусство, и все къ нему относящееся, было усовершенствовано. И въ годъ отъ Р. Х. 1450, который былъ юбилейнымъ годомъ, начали печатать, и первой напечатанной книгой была латинская библiя, и она была напечатана крупными буквами, какими теперь печатаютъ требники. Далѣе, *хотя искусство это было изобрѣтено, какъ мы сказали, въ Майнцѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно нынѣ употребляется, однако первая попытка была*

сдѣлана въ Голландіи на Донатахъ [1], *которые въ этой странѣ были напечатаны раньше, и отъ этихъ-то Донатъ ведетъ свое начало названное искусство. Но нынѣшнее искусство лучше и красивѣе, чѣмъ была эта первая попытка, и современемъ оно все совершенствовалось. Далѣе, нѣкій Омнебонусъ, въ предисловіи къ книгѣ Квинтиліана, а также во многихъ другихъ книгахъ, говоритъ, что первымъ изобрѣтателемъ этого дивнаго искусства былъ валлонецъ изъ Франціи, по имени Николай Іенсенъ; но это очевидно ложно. Ибо еще есть въ живыхъ свидѣтели, могущіе подтвердить, что въ Венеціи книги печатались раньше, чѣмъ вышеназванный Николай Іенсенъ тамъ поселился, и что онъ вырѣзалъ и дѣлалъ литеры. Но первымъ изобрѣтателемъ книгопечатанія былъ майнцскій гражданинъ, родомъ изъ Страсбурга, и котораго звали мессиръ Іоаннъ Гуденбурхъ. Далѣе, изъ Майнца это искусство перешло сперва въ Кельнъ, затѣмъ въ Страсбургъ и потомъ въ Венецію. О началѣ и развитіи этого искусства мнѣ разсказывали люди почтенные, мессиръ Ульрихъ Тцель изъ Гановра, нынѣ еще печатникъ въ Кельнѣ, въ нынѣшнемъ еще 1499 году, и имъ то искусство это было принесено въ Кельнъ"* [2].

Таковое свидѣтельство писателя, совершенно незаинтересованнаго въ вопросѣ объ относительномъ первенствѣ въ изобрѣтеніи книгопечатанія, и жившаго въ полустолѣтіе, когда усовершенствовалось это искусство — очень важно. Ошибочное предположеніе автора, что Гутенбергъ родился въ Страсбургѣ, не имѣетъ значенія. Вслѣдствіе такой ошибки нельзя заподозрить правдивости всего свидѣтельства. Притомъ, писатель хроники зналъ о Гутенбергѣ только то, что его считали главнѣйшимъ изобрѣтателемъ книгопечатанія.

Въ приведенной нами выпискѣ есть мѣсто великой исторической важности: *однако первая попытка была сдѣлана въ Голландіи на Донатахъ.*

Донатами въ средніе вѣка называли латинскую грамматику Доната, подобно тому какъ вездѣ учебники называются порою по имени ихъ авторовъ.

Эти *латинскія грамматики Доната,* которыя по кельнской хроникѣ были напечатаны до Гутенберга, заключаютъ въ себѣ рѣшеніе занимающей насъ задачи.

Въ самомъ дѣлѣ, эти первыя печатныя книги были напечатаны *ксилографически* въ Гарлемѣ.

---

[1]) Начала грамматики Доната.

[2]) См. Ch. Paeile, *Essai historique et critique sur l'invention de l'imprimerie.* In 8-o. Paris, 1859.

Латинская грамматика Доната, *Speculum Salvationis* и другія небольшія книжки, употреблявшіяся въ средневѣковыхъ школахъ, какъ учебники, были напечатаны въ Гарлемѣ, ранѣе 1440, въ мастерскихъ Костера, сперва ксилографическимъ способомъ, то есть досками, на которыхъ выпукло были вырѣзаны буквы, а затѣмъ подвижными металическими литерами. Это мы постараемся доказать.

Одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ судей въ дѣлѣ типографскомъ, г. Августъ Бернаръ съ самымъ мелочнымъ вниманіемъ разсматривалъ остатки этихъ, напечатанныхъ въ 1440 году, Костеромъ, книгъ и убѣдился, что часть ихъ напечатана Костеромъ подвижными не деревянными, но металическими буквами [1]).

Издавна, *ксилографія,* или печатаніе посредствомъ гравированныхъ деревянныхъ досокъ, была въ употребленіи въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и голландскихъ городахъ. Отпечатокъ получался не подъ пресомъ, но при помощи тренія листа бумаги о деревянныя буквы. Этотъ способъ донынѣ еще употребляется въ карточномъ производствѣ. Конечно, книги, печатанныя такимъ образомъ, имѣютъ видъ весьма некрасивый.

Не смотря на всѣ усилія, не могли дойти до красиваго печатанія *ксилографическимъ* путемъ. Тысячи опытовъ надо было сдѣлать, чтобы достигнуть болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. Требовалось не только время, но и геніальный умъ, чтобы придумать подвижныя литеры; и еще болѣе ума, чтобы сдѣлать хорошія подвижныя буквы, и затѣмъ—что вначалѣ было не легко—научиться самому и выучить другихъ обращаться съ ними.

Чтобы удерживать литеры въ должномъ направленіи, въ нихъ пробуравливали маленькія дирочки, черезъ которыя продергивали желѣзную проволоку; такимъ способомъ замѣняли наши нынѣшнія *шпоны* (небольшія металическія пластинки, которыя кладутся между строками).

---

[1]) *De l'origine et des débuts de l'imprimerie en Europe,* par Auguste Bernard, membre de la Société des Antiquaires de France. 2 vol. in 8°. Paris, 1853. Imprimerie Imperial.

Въ самомъ дѣлѣ, шпоны не сразу стали употреблять. Въ первопечатныхъ книгахъ замѣчаются слова, гдѣ буквы дурно выровнены въ строку.

Можно бы предположить, что вначалѣ, въ типографіи Костера употребляли подвижныя деревянныя буквы. Но такое предположеніе несправедливо. Г. Августъ Бернаръ доказалъ, что по разнымъ техническимъ причинамъ нельзя, какъ слѣдуетъ, напечатать цѣлую книгу при помощи деревянныхъ буквъ. Въ самомъ дѣлѣ, сырость и сухость такъ быстро дѣйствуютъ на дерево, что литеры скоро бы искривились и неравномѣрно расширились, а черезъ это оттиски были бы неясны, плохи. Далѣе, нельзя было бы такихъ литеръ смывать послѣ отпечатанія и т. д.

Итакъ, г. Августъ Бернаръ формально опровергаетъ, что „есть въ настоящее время книги, напечатанныя подвижными деревянными буквами.“ Онъ доказываетъ, что книги, про которыя утверждали, будто онѣ были напечатаны такимъ образомъ, напечатаны литыми металическими буквами.

Весьма сожалѣемъ, что не можемъ привести полнаго разбора ученаго автора книги *Speculum salvationis* въ типографскомъ отношеніи. Онъ, съ необыкновенной точностію и весьма рѣдкой наблюдательностью, различаетъ часть текста, отпечатаннаго ксилографическимъ путемъ и при помощи натиранія, отчасти напечатанной типографскимъ способомъ, при употребленіи *пресса*. Разность шрифта, цвѣтъ краски, различныя случайности печатанія и т. п.—ничто не ускользнуло отъ вѣрнаго и опытнаго глаза. Онъ показываетъ, что въ четырехъ изданіяхъ этой книги, кромѣ двадцати страницъ перваго изданія, всѣ остальныя были напечатаны металическими подвижными буквами. По его мнѣнію, всякій знающій типографское дѣло, при простомъ взглядѣ на страницы *Speculum salvationis*, тотчасъ рѣшитъ, что книга напечатана подвижными, именно металическими буквами.

Въ особенности ясное, и по нашему безспорное, доказательство этому состоитъ въ томъ, что въ *Speculum salvationis* встрѣчаются перевернутыя буквы. Это замѣчаніе сдѣлано г. Делабордомъ, ученымъ консерваторомъ эстамповъ въ парижской библіотекѣ. Этотъ фактъ доказываетъ употребленіе подвижныхъ буквъ, ибо при

вырѣзываніи на доскѣ граверъ не можетъ по разсѣянности вырѣзать букву головой внизъ.

Г. Августъ Бернаръ, относительно *Speculum salvationis*, заключаетъ, „что печатникъ этой книги нашелъ до Гутенберга несовершенный способъ книгопечатанія.“ Онъ даже старается доказать, что Гутенбергу пришла первая мысль печатанія только въ 1436 году.

Печатникомъ *Speculum salvationis* былъ Лаврентій Костеръ.

Г. Шарль Пайель, во многихъ отношеніяхъ раздѣляющій вполнѣ мнѣніе г. Августа Бернара, полагаетъ, что всѣ *инкунабулы* (то есть всѣ первопечатныя книги, голландскія изданія *Speculum*, *Донатъ*, называемыя такъ отъ латинскаго слова *incunabula*, колыбель, дѣтство) были напечатаны въ продолженіе перваго тридцатилѣтія пятнадцатаго вѣка.

Р. Амбруазъ-Фирменъ Дидо, съ статьѣ „Типографія“ въ *Encyclopédie moderne*, оспаривалъ права Лаврентія Костера на изобрѣтеніе подвижныхъ буквъ. Этотъ ученый типографъ приводитъ относительно изобрѣтенія книгопечатанія цѣлую массу документовъ и свидѣтельствъ, которые достойны тщательнаго разсмотрѣнія. Г. Дидо показалъ большую историческую эрудицію, приведя всѣ эти документы, но документы эти далеко между собою не согласуются. Не достаточно привести ихъ; слѣдуетъ разобрать ихъ безъ предвзятой идеи и чтобы вѣрнѣе оцѣнить ихъ относительное достоинство, необходимо также сравнить ихъ съ первыми, болѣе или менѣе грубыми, образцами типографскаго искусства.

Это–то и сдѣлалъ г. Августъ Бернаръ. Онъ доказалъ, что первые опыты, хотя весьма несовершенные, были сдѣланы въ Голландіи. Мы не видимъ, почему голландцу, жившему въ странѣ, гдѣ ксилографія была въ употребленіи, не могла придти мысль замѣнить подвижными буквами доски съ постоянными буквами, точно также какъ и страсбургскому молодому золотыхъ дѣлъ мастеру.

Г. Августъ Бернаръ доказалъ, не на основаніи сбивчивыхъ и недостовѣрныхъ, порою противорѣчивыхъ, свидѣтельствъ, а на основаніи фактовъ положительныхъ, разсмотрѣнныхъ съ искусствомъ и осмотрительностью, что грубыя попытки употребле-

нія подвижныхъ буквъ были произведены ранѣе, чѣмъ Гутенбергъ, исходя отъ той же идеи, вполнѣ осуществилъ ее изобрѣтеніемъ истиннаго типографскаго способа.

Намъ кажется, что г. Амбруазъ-Фирменъ Дидо слишкомъ легко относится къ преданіямъ. Всякое преданіе обыкновенно имѣетъ въ основѣ дѣйствительность, къ которой примѣшиваются ошибки и басни, порожденія народныхъ предразсудковъ, воображенія писателей или національной гордости. По нашему, это еще недостаточная причина, чтобы причислить, какъ говоритъ Амбруазъ-Фирменъ Дидо, *къ огромной грудѣ заблужденій, которыя не стоитъ воспроизводить* и весь разсказъ Юніуса, на который постоянно ссылаются для доказательства правъ Лаврентія Костера.

Повторяемъ, мысль о подвижныхъ буквахъ легко могла придти человѣку, спеціально занимавшемуся уже ксилографическимъ печатаніемъ и который неизбѣжно предвидѣлъ, къ какимъ выгодамъ приведетъ это важное усовершенствованіе. Что невозможнаго въ томъ, что для полученія этихъ выгодъ, онъ придумалъ способъ, безъ сомнѣнія, несовершенный, грубый даже, и всѣ несовершенства котораго тотчасъ же обнаружились на практикѣ? Все это прекрасно разъяснено г. Августомъ Бернаромъ. Всякому изобрѣтенію предшествуетъ рядъ опытовъ, хотя несовершенныхъ, но заключающихъ въ себѣ ту-же мысль, стремящихся къ той же цѣли, но которымъ постоянно недостаетъ чего-то. И тотъ счастливецъ, который найдетъ это *что-то*, и будетъ настоящимъ изобрѣтателемъ.

Поэтому, отцомъ книгопечатанія слѣдуетъ признать Лаврентія Костера изъ Гарлема.

Мы желали бы представить точныя свѣдѣнія о Лаврентіи Костерѣ. Къ сожалѣнію, о немъ почти ничего неизвѣстно.

Онъ родился въ 1370, умеръ въ 1439; происходилъ изъ почтеннаго семейства горожанъ, или, вѣрнѣе, ремесленниковъ, но вовсе не изъ благороднаго, чуть не княжескаго семейства, какъ утверждаютъ писатели, которые любятъ всякія украшенія истины.

Вмѣстѣ съ гг. Дану, Пайелемъ, Августомъ Бернаромъ и другими, много изучавшими исторію книгопечатанія, писателями мы

полагаемъ, что Лаврентій Костеръ занимался уже ксилографическимъ печатаньемъ, когда ему пришла мысль вырѣзать отдѣльныя деревянныя буквы и печатать, такимъ образомъ, хотя весьма грубо, подвижными литерами. Эта идея не осталась безъ развитія, онъ изыскивалъ ея полезныя примѣненія. Наконецъ, послѣ многихъ попытокъ и опытовъ, онъ пришелъ къ употребленію подвижныхъ литыхъ металическихъ буквъ въ замѣнъ деревянныхъ.

Немногимъ извѣстнымъ намъ о жизни Костера и изобрѣтеніи книгопечатанія въ Голландіи, мы обязаны писателю шестнадцатаго вѣка, Адріану фонъ-Іонге, извѣстному подъ латинизированнымъ именемъ Юніуса.

Этотъ Юніусъ, сынъ горнскаго бургомистра, родился въ 1512. Онъ происходилъ, по Байлю, изъ весьма почтеннаго семейства. Получивъ начальное образованіе въ Гарлемѣ и Лувенѣ, онъ путешествовалъ по Франціи и Италіи. Въ Болоньѣ, онъ получилъ доктора медицины. Въ 1543 году, назначенный врачемъ къ герцогу Норфолькскому, онъ отправился въ Англію, гдѣ напечаталъ нѣсколько сочиненій. Стало быть, онъ былъ и медикомъ, и литераторомъ. При жизни, говоритъ г. Ш. Пайель, онъ пользовался громадной извѣстностью. Его сравнивали съ Эразмомъ [1]). Сочиненіе, въ которомъ Юніусъ говоритъ о Костерѣ и типографскомъ искусствѣ, называется *Батавія*. Оно написано по-латыни.

Около 1569 года Юніусъ окончилъ и переписалъ не все сочиненіе, но именно ту часть, откуда Ламбине, Августъ Бернаръ, Ш. Пайель и другіе заимствовали свѣдѣнія относительно Костера и его типографіи. Г. Ш. Пайель привелъ это мѣсто въ подлинникѣ съ французскимъ переводомъ *en regard*.

Такъ какъ невозможно на латинскомъ языкѣ найти терминовъ искусства, римлянамъ совершенно неизвѣстнаго, то Юніусъ по нашему мнѣнію лучше бы поступилъ, написавъ о книгопечатаніи на живомъ языкѣ. Но онъ, вѣроятно, боялся отступить отъ ученаго предразсудка. Мы считаемъ необходимымъ привести сказанное мѣсто его сочиненія цѣликомъ, въ виду важности предмета.

---

[1]) *Essai historique et critique sur l'invention de l'imprimerie*, стр. 54.

„Прошло уже сто восемьнадцать лѣтъ, говоритъ Юніусъ, какъ умеръ въ Гарлемѣ, въ довольно богатомъ домѣ (какъ то доказываетъ постройка, сохранившаяся до сегодня), находящемся на торговой площади, противъ королевскаго дворца, Лаврентій сынъ Іоанна, прозванный Пономаремъ (потому что фамилія этого имени имѣла наслѣдственное право на эту должность, въ то время выгодную и почетную), тотъ самый, который, въ силу законнаго возмездія, отнынѣ долженъ пользоваться славой перваго изобрѣтателя книгопечатанія, славой, которой неправильно владѣютъ, которую у него отняли другіе и которая выше всевозможныхъ тріумфовъ. Однажды онъ прогуливался въ пригородной рощѣ (что въ обычаѣ у гражданъ, имѣющихъ досугъ и достатокъ, въ послѣобѣденное время или въ праздникъ) и сталъ вырѣзывать изъ буковой коры буквы; затѣмъ, оборотивъ литеры и отпечатавъ ихъ одну за другою на бумагѣ, ему удалось составить нѣсколько библейскихъ стиховъ для обученія чтенію внуковъ, сыновей его зятя. Когда этотъ опытъ удался такъ великолѣпно, онъ (будучи человѣкомъ ума обширнаго и проницательнаго) сталъ размышлять о болѣе возвышенномъ предметѣ и при помощи зятя своего Ѳомы, сына Петра, у котораго было четыре сына, почти всѣ бывшіе впослѣдствіи консулами (я дѣлаю это замѣчаніе на тотъ конецъ, чтобы всѣ знали, что это искусство изобрѣтено въ семьѣ зажиточной, благородной и высокаго положенія), онъ изобрѣлъ чернила болѣе липкія и густыя, чѣмъ обыкновенныя письменныя, потому что при опытахъ онъ замѣтилъ, что обыкновенныя чернила расплывались и пачкали бумагу вслѣдствіе своей жидкости, при помощи которыхъ онъ печаталъ гравюры съ прибавленіемъ текста и я видѣлъ оборотныя стороны такого рода напечатанныхъ имъ страницъ, несовершенныя попытки его работъ, напечатанныя на одной страницѣ и отнюдь не опистографическія (отъ opistorgraphum—писанный съ обѣихъ сторонъ). Эта книга, написанная на народномъ языкѣ неизвѣстнымъ авторомъ, называется: *Зерцало нашего спасенія Speculum nostrae salutis*). Въ этомъ первомъ опытѣ младенчествующаго искусства (ибо никогда искусство не достигаетъ совершенства съ самаго начала), можно видѣть что сосѣдніе листочки склеены своими бѣлыми страницами. Позже онъ сталъ приготовлять литеры не изъ бука, а изъ свинца, и потомъ изъ олова, для того чтобы онѣ были тверже, менѣе гибки и служили бы дольше. Еще теперь можно видѣть сосуды для старыхъ буквъ, вылитые изъ остатковъ этихъ литеръ и сохраняющіеся въ Лаврентіевомъ домѣ, который, какъ я уже сказалъ, выходитъ на площадь и въ которомъ съ тѣхъ поръ жилъ Жераръ, сынъ Ѳомы, его правнукъ, гражданинъ именитый, о которомъ я упоминаю здѣсь, чтобъ воздать ему хвалу, и который умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ глубокой старости. Какъ всегда, когда публика милостиво встрѣчаетъ какое-либо изобрѣтеніе, и этотъ новый товаръ, дотолѣ невиданный, сталъ привлекать покупателей и приносить хорошія выгоды, а въ силу этого увеличилась любовь изобрѣтателя къ своему искусству и въ тоже время расширилось его производство; къ членамъ своего семейства онъ прибавилъ иностранныхъ работниковъ,—и въ этомъ было первое зло.

„Между этими работниками былъ нѣкій Іоаннъ, или то былъ (какъ полагаютъ) Фаустъ, человѣкъ съ именемъ дурно-знаменующимъ, невѣрный своему мастеру и роковой для его славы, или кто другой этого имени, — что для меня безразлично, потому что я не желаю безпокоить тѣни умершихъ, которыхъ при жизни достаточно мучила совѣсть. Итакъ, этотъ человѣкъ, узнавшій, подъ клятвой хранить тайну, типографскія работы, изучивъ какъ набирать буквы, тайну литья литеръ и все до

искусства относящееся, и выбравъ удобное время,—а онъ не могъ найти для этого благопріятнѣйшаго времени, какъ ночь на Рождество, когда всѣ христіане присутствуютъ на божественной службѣ,—этотъ человѣкъ, говорю я, со взломомъ проникъ въ кладовую съ литерами, выбралъ приборы, съ такимъ искусствомъ придуманные его хозяиномъ, и убѣжалъ изъ дому со своей добычей. Онъ сперва отправился въ Амстердамъ, потомъ въ Кельнъ, откуда скрылся въ Майнцъ, какъ въ надежное убѣжище, гдѣ, находясь внѣ полета стрѣлы (какъ говорится), онъ могъ жить въ полной безопасности и, открывъ мастерскую, пользоваться плодами своей безчестной добычи. Какъ бы тамъ ни было, но навѣрно извѣстно, что годъ спустя послѣ этого воровства, около 1442 года, появились напечатанныя тѣми же литерами, какія употреблялъ Лаврентій въ Гарлемѣ, *Учебникъ* Александра Галла, извѣстнаго въ то время грамматика, и трактаты Петра Испанскаго,—таковы были первыя произведенія этой мастерской. Вотъ въ точности слышанное мною отъ старцевъ, уже пожилыхъ и достойныхъ всякаго вѣроятія, которые получили это преданіе преемственно, и я встрѣчалъ другихъ свидѣтелей, разсказывавшихъ и подтверждавшихъ до тожественности этотъ фактъ. Я помню также, какъ Николай Галій, воспитатель моей юности, человѣкъ обширной памяти и почтенный по своей глубокой старости, разсказывалъ мнѣ, что въ дѣтствѣ своемъ онъ слышалъ не разъ, какъ нѣкоторый переплетчикъ, по имени Корнелій, старикъ за восемьдесятъ лѣтъ (работавшій въ этой мастерской), съ жаромъ и пылкостью вспоминалъ послѣдствіе этихъ происшествій и (по разсказу своего хозяина) ходъ изобрѣтенія, преуспѣяніе и развитіе этого искусства, вначалѣ грубаго, а равно все, до этого дѣла относящееся, — и какъ старикъ отъ негодованія, которое причиняло ему это безчестное поведеніе, невольно заливался горькими слезами всякій разъ, какъ заговаривали съ нимъ объ этомъ воровствѣ. Похищеніе славы у его хозяина обыкновенно воспламеняло его гнѣвъ до такой степени, что онъ готовъ былъ самъ пойти въ палачи похитителя, и онъ проклиналъ тѣ ночи, которыя провелъ на одной постели съ этимъ негодяемъ. Этотъ разсказъ вполнѣ согласенъ съ переданнымъ мнѣ консуломъ Квириномъ Талеріемъ, который утверждалъ, что самъ не разъ слышалъ его отъ самого переплетчика.

„Пиша эти строки, я не имѣю другаго побужденія, какъ горячее желаніе защитить истину, хотя такое желаніе часто порождаетъ одну ненависть; но я скорѣй готовъ подвергнуться несправедливостямъ, защищая ее, чѣмъ потворствуя противному.“

Если изъ этого разсказа исключить въ средневѣковомъ вкусѣ легенду о литерахъ изъ буковой коры, то въ немъ мы увидимъ отпечатокъ чувства противоположнаго тому, какое испытываетъ писатель, желающій, чтобъ повѣрили баснямъ, и завѣдомо обманывающій читателя. Юніусъ несомнѣнно вѣритъ тому, что разсказываетъ. Свидѣтельства старцевъ, съ которыми онъ говорилъ, вполнѣ подтверждаются не только народными преданіями, но также различными писателями, большею частію незнавшими другъ друга, и которые не могли сговориться писать одно и то же, какъ напр. кельнскій лѣтописецъ, австріецъ Эйтзингаръ, Людовикъ Гвичардини и т. д.

Комментируя и разбирая фразу за фразой разсказъ Юніуса, можно въ неважныхъ подробностяхъ найти нѣсколько ошибокъ въ фактахъ или сужденіяхъ, но тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что первыя попытки типографскаго искусства были дѣйствительно сдѣланы въ Голландіи, раньше, чѣмъ Гутенбергъ принялся за это дѣло.

Воровство типографскихъ снарядовъ само себѣ не представляетъ случая невѣроятнаго. Развѣ въ наши дни не было примѣра, что негодные работники похищали у хозяевъ секретъ какой-либо фабрикаціи и смѣло эксплуатировали его, какъ свой собственный, за границей?

Всѣ согласны, что въ Голландіи раньше, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, знали искусство *ксилографическое*; тамъ же въ первый разъ примѣнена стереотипія; тамъ-же стали впервые приготавливать хорошую печатную бумагу. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этой странѣ нашелся человѣкъ, принадлежавшій къ семейству ксилографовъ, который придумалъ замѣнить неподвижныя литеры подвижными, деревянныя — металическими, способъ тренія прессомъ и придумалъ новыя чернила.

Все это несомнѣнно случилось въ Голландіи, въ мастерскихъ Костера. Доказательства, вытекающія изъ разсмотрѣнія *способа печати и формы употребленныхъ буквъ* при типографскихъ работахъ, исполненныхъ въ Голландіи до 1440, а также *формальныя и безпристрастныя свидѣтельства* многихъ писателей, которые не оспаривали при этомъ ни своихъ правъ, ни правъ своей страны, — все это несомнѣнно доказываетъ справедливость того, что изобрѣтеніе подвижныхъ литеръ, а стало быть, и книгопечатанія принадлежитъ голландцу Лаврентію Костеру.

Для насъ также кажется неоспоримымъ, что Гутенбергъ, въ своихъ странствованіяхъ, жилъ въ Гарлемѣ и познакомился тамъ съ произведеніями Лаврентія Костера. Мы не думаемъ, чтобы онъ совершилъ, или воспользовался похищеніемъ, о которомъ разсказываетъ Юніусъ, но онъ изъ любознательности посѣщалъ мастерскую этой типографіи и, можетъ быть, даже самъ въ ней работалъ.

Если не принять этой догадки, то что́ отвѣчать на вопросъ о мѣстожительствѣ Гутенберга съ 1420, когда онъ оставилъ Майнцъ, по 1432 годъ, когда его пребываніе въ Страсбургѣ несомнѣнно подверждается вышесказаннымъ документомъ, къ которому намъ придется еще вернуться?

Въ жизни Гутенберга есть промежутокъ въ четырнадцать лѣтъ, который ничѣмъ нельзя наполнить, какъ путешествіями. Можно ли признать съ Гамà, что онъ ихъ прожилъ въ Страсбургѣ, гдѣ „онъ жилъ весьма уединенно, запершись, никого непринимая въ свою единственную комнату, служившую ему и мастерской и т. д.“ [1]). Человѣкъ, одаренный дѣятельнымъ умомъ и силой юности, — можетъ-ли жить подобнымъ образомъ, уединенно, безъ семьи и знакомствъ? Когда строятъ предположенія на счетъ личностей, подобныхъ Гутенбергу, то слѣдуетъ, чтобы они были согласны не только съ общечеловѣческими свойствами, но также съ мѣстными и временными нравами и обычаями.

Въ средніе вѣка, молодые люди всѣхъ классовъ, рабочіе, студенты, дворяне, нигдѣ не поселялись навсегда, не постранствовавъ немного. Въ то время, для всякаго рода занятій, путешествіе считалось необходимымъ дополненіемъ ученія или воспитанія.

По этимъ причинамъ и по многимъ другимъ, разборъ которыхъ слишкомъ бы удалилъ насъ отъ избранной цѣли, мы приходимъ къ заключенію, что Гутенбергъ, золотыхъ дѣлъ работникъ, не могъ не послѣдовать общему тогда обычаю, стало быть, что онъ отправился путешествовать и остался въ Голландіи на временное житье; что тамъ онъ, не извѣстно какимъ образомъ, близко познакомился съ трудами Костера; что онъ понялъ ихъ недостатки и рѣшился усовершенствовать искусство, которое должно было осуществить его мечты о богатствѣ.

Благодаря амнистіи, объявленной въ мартѣ мѣсяцѣ 1430 г. архіепископомъ, Генсфлейшъ могъ возвратиться въ Майнцъ. Но онъ не тотчасъ-же воспользовался этой возможностью.

---

[1]) *Esquisse biographique sur Gutenberg*. In 8-°. Strasbourg, 1840.

Онъ вернулся только въ 1432. Онъ, впрочемъ, отправился въ Майнцъ не для того, чтобы поселиться тамъ, а для устройства дѣлъ, а потомъ снова желалъ поселиться въ Страсбургѣ. У его семейства было нѣсколько недвижимыхъ имѣній въ Майнцѣ. Онъ устроилъ дѣла, и затѣмъ оставилъ родной городъ, поручивъ матери окончить денежное дѣло со своимъ братомъ Фріело [1]).

Переведя на деньги всѣ свои имущества и доходныя статьи и переселившись въ Страсбургъ въ 1434 году, Генсфлейшъ, очевидно, хотѣлъ устроить въ этомъ городѣ заведеніе, для выполненія задуманнаго имъ изобрѣтенія, какъ только оно будетъ доведено до той степени, что станетъ выгодно. Онъ хотѣлъ только тратиться на прожитье и опыты.

Но Гутенбергъ дурно разсчелъ время и издержки. Его средства истощились раньше, чѣмъ онъ достигъ предположенной цѣли. Впрочемъ, такъ почти всегда случается съ изобрѣтателями.

Гутенбергъ, чтобъ не остановить работъ по недостатку денегъ, принужденъ былъ прибѣгнуть къ займамъ; скоро ему представились серьезныя затрудненія, сопровождавшіяся процессами. Изъ подлинныхъ процессовъ, сохранившихся въ регистратурахъ судовъ, мы видимъ, что время отъ времени онъ подвергался великимъ бѣдствіямъ и непріятностямъ.

Но первый процессъ, который ему пришлось выдержать, былъ не денежнаго свойства. Дѣло шло объ обѣщаніи другаго рода, объ обѣщаніи жениться.

Молодая дѣвица изъ городскаго патриціата, по имени Эннель (Анна), напомнила ему объ его обѣщаніи. Въ 1436, Анна *отъ*

---

[1]) Изъ подлиннаго документа 1430 года слѣдуетъ, что вдова Эльза Генсфлейшъ, мать Гутенберга, имѣла переговоры отъ имени своего сына Генгена (тоже что *Гансъ*, то есть Іоганнъ) за ежегодную плату на расходы въ четырнадцать флориновъ (Wetter, *Kritische Geschichte*).

Гутенберга тогда не было въ Майнцѣ. По Келеру, одному изъ его біографовъ, онъ прибылъ туда только въ 1432 г. для устройства денежныхъ дѣлъ. Позже, въ 1434, какъ свидѣтельствуетъ другой документъ, онъ писалъ матери объ окончаніи другаго денежнаго дѣла со своимъ братомъ Фріело. Это подтверждается, по Фаттеру, актомъ, записаннымъ въ счетную книгу доходовъ города Майнца, и въ счетную книгу семейства Зунъ Зунгенъ изъ Франкфурта. Этотъ документъ приведенъ во всѣхъ книгахъ, относящихся до исторіи книгопечатанія, напр. въ книгѣ Даніила Шёпфлина (*Vindiciae typographicae*, документъ I, стр. 2).

Желѣзныхъ Воротъ (таково было ея прозвище) потребовала, чтобъ Іоганнъ Гутенбергъ явился передъ страсбургскимъ духовнымъ судомъ.

Неизвѣстенъ точный ходъ дѣла, но полагаютъ, хотя бездоказательно, что Анна сдѣлалась законной женой Гутенберга.

Этотъ насильственный бракъ не помѣшалъ однако Гутенбергу посвятить всѣ свои силы усовершенствованію своихъ механическихъ изобрѣтеній, и въ особенности книгопечатанія.

Ему было около тридцати семи лѣтъ тогда. Его скромное наслѣдство было все прожито. Ему только съ великимъ трудомъ удавалось занимать деньги, и полученныя такимъ образомъ средства были все-таки недостаточны для продолженія работъ. Поэтому, онъ сталъ думать о товариществѣ.

Онъ сталъ искать и наконецъ нашелъ между страсбургскими горожанами товарищей, снабдившихъ его нѣкоторыми средствами [1]).

Гутенбергъ постоянно нуждался въ деньгахъ и принужденъ былъ прибѣгать къ займамъ. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ постоянно былъ въ стѣснительномъ положеніи. Онъ былъ на столько искусный работникъ, что могъ всюду и всегда заработать на свое пропитаніе. Онъ умѣлъ гранить бриліанты и драгоцѣнные камни, гравировать на венецейскихъ зеркалахъ и вообще былъ хорошій брильянтщикъ. Притомъ, мы видимъ, что съ 1420 по 1432 годъ, у него не было другихъ средствъ, кромѣ ручной работы, и что странствовать онъ могъ только въ качествѣ простаго рабочаго.

Онъ былъ извѣстенъ, какъ владѣлецъ нѣсколькихъ промышленныхъ секретовъ, и добрая слава объ этихъ его талантахъ помогала ему отыскивать себѣ товарищей.

Первый, согласившійся вступить съ нимъ въ торговое това-

---

[1]) Изъ этого товарищества проистекъ въ 1439 году процессъ, изъ котораго извѣстно о первыхъ типографскихъ опытахъ Гутенберга. Подлинные документы этого процесса существуютъ до сихъ поръ въ Страсбургской библіотекѣ. Шепфлинъ, нашедшій ихъ въ старой башнѣ, обнародовалъ ихъ и перевелъ по латыни. Съ тѣхъ поръ они были переведены на многіе языки. Французскій переводъ можно найти въ книгѣ Леона де Лаборда: *Debuts de l'imprimérie à Strasbourg*.

рищество, былъ Іоганнъ Риффе, лихтенаускій уѣздный судья. Это было въ 1432 году.

Въ слѣдующемъ году, другой страсбургскій горожанинъ, Андрей Дрицхенъ, бывшій уже товарищемъ Генсфлейша по зеркальной фабрикѣ, согласился вступить въ его товарищество съ Риффе.

Наконецъ, къ тому же товариществу присоединился третій горожанинъ, Андрей Гейльманъ, братъ котораго Антеръ Гейльманъ впослѣдствіи былъ первымъ писчебумажнымъ фабрикантомъ въ Страсбургѣ.

Товарищества капиталистовъ и изобрѣтателей начались не со вчерашняго дня. Въ средніе вѣка, какъ и нынѣ, были капиталисты, спекулировавшіе на таланты умныхъ людей, и отдавали свои деньги на дѣло, которому другой посвящалъ свой талантъ.

Условившись, заключили контрактъ. Въ силу этого контракта, выгоды, проистекавшія отъ изобрѣтенія Гутенберга, должны были дѣлиться на четыре пая: одинъ — Риффе, другой — Андрею Дритцену и Гейльманну, два остальные — Генсфлейшу. Кромѣ того, Генсфлейшу выдавалось 160 флориновъ, изъ нихъ половина немедленно.

Но едва было заключено это товарищество, какъ Дритцхенъ и Гейльманнъ узнали, что Гутенбергъ занимается другимъ изобрѣтеніемъ противъ условленнаго. Въ контрактѣ было условлено о различныхъ работахъ по золотыхъ дѣлъ мастерству, а наши три товарища застаютъ однажды Гутенберга, одного и безъ всякой помощи занимающагося изобрѣтеніемъ, о которомъ между ними не было условлено.

Это изобрѣтеніе было усовершенствованіе типографскихъ способовъ, употреблявшихся въ Голландіи.

Дритцхенъ и Гейльманнъ тотчасъ изъявляютъ желаніе быть товарищами въ этомъ новомъ дѣлѣ, думая, по настойчивымъ отказамъ Гутенберга принять ихъ въ товарищи, что это новое дѣло необычайно выгодно. Наконецъ имъ удалось убѣдить Генсфлейша, подъ условіемъ внести 250 флориновъ, изъ коихъ 100 будутъ выплачены при подписаніи условія.

У страсбургскихъ воротъ, находилось заброшенное и полуразвалившееся зданіе, монастырь *св. Арбогаста.* Въ немъ было

еще нѣсколько просторныхъ залъ, на половину пощаженныхъ временемъ. Въ немъ были также кельи, даже комнаты, въ которыхъ могли поселиться нѣсколько человѣкъ. Въ обширныхъ монастырскихъ переходахъ можно было устроить мастерскую. Гутенбергъ много разъ бывалъ въ этомъ старинномъ зданіи, во время своихъ частыхъ прогулокъ въ окрестностяхъ Страсбурга. Ему пришло на мысль переселиться туда со всѣмъ своимъ скарбомъ, приборами и снарядами. Онъ легко получилъ на это позволеніе.

Арбогастскій монастырь былъ превосходное мѣсто для человѣка, желавшаго работать въ уединеніи, и вдобавокъ въ немъ было удобно скрывать результаты своихъ изысканій отъ взгляда любопытныхъ.

Тамъ-то и застали его Андрей Дритцхенъ и Гейльманнъ, въ такое время, когда онъ меньше всего ожидалъ, за таинственнымъ занятіемъ искусствомъ, секретъ котораго онъ имъ не сообщалъ еще. Вокругъ него находились почти всѣ необходимые для книгопечатанія снаряды, приготовленные въ Страсбургѣ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Дюнномъ. Оставалось только вырѣзать нѣсколько матрицъ для буквъ и сдѣлать нѣсколько изслѣдованій, чтобы въ совершенствѣ подражать рукописямъ, — что главнѣйшимъ образомъ занимало Гутенберга, также какъ и Костера.

Гейльманнъ и Дритцхенъ, узнавъ секретъ, съ жаромъ предались осуществленію общаго дѣла.

При началѣ этого великаго предпріятія, Гутенбергъ, работавшій надъ нимъ уже три года, объявилъ своимъ товарищамъ, какіе снаряды были у него готовы и какіе остается изготовить. Онъ объявилъ также, что взносъ каждаго товарища будетъ равняться тому, что ему стоилъ до сихъ поръ матеріалъ. А стоимость эта была значительна, судя по суммѣ, какую онъ уплатилъ одному золотыхъ дѣлъ мастеру Дюнну. Въ своемъ показаніи, въ качествѣ свидѣтеля при процессѣ, Дюннъ объявилъ передъ судомъ, что въ продолженіе около трехъ лѣтъ, онъ получилъ отъ Гутенберга около 100 флориновъ за вещи, принадлежащія къ типографіи.

Когда сотоварищи ознакомились со всѣми секретами предпріятія, они поразились громадностью будущаго успѣха. Они уже

видѣли, какой огромный сбытъ имѣли книги, или вѣрнѣе подражанія рукописямъ на ахенской ярмаркѣ.

Итакъ, они горячо принялись за дѣло. Дритцхенъ въ особенности обнаружилъ удивительную ревность. Къ несчастію, онъ умеръ въ 1438. Его смерть была жестокимъ ударомъ для всего товарищества.

Дритцхенъ перенесъ всѣ принадлежности новой промышлености къ одному изъ своихъ братьевъ, Клауссу. Прессъ былъ изготовленъ и установленъ въ домѣ Клаусса Дритцхена, находившемся въ серединѣ города. Генсфлейшъ согласился на это, хотя и заботился постоянно, чтобы сохранить въ тайнѣ свои изысканія.

Въ контрактѣ было установлено, что если одинъ изъ сотоварищей умретъ до пяти лѣтъ, то наслѣдники умершаго получатъ сумму въ сто флориновъ, которая должна считаться равною паю умершаго; всѣ же будущія выгоды остаются на долю оставшихся въ живыхъ. Эта статья, выгодная для всѣхъ товарищей, была внесена въ контрактъ съ той цѣлью, чтобъ не вести инвентаря, который могъ-бы открыть наслѣдникамъ, какіе именно снаряды необходимы для выполненія предпріятія.

По смерти Андрея Дритцхена, его два брата, Георгъ и Клауссъ, требовали, въ качествѣ наслѣдниковъ, чтобы ихъ или приняли въ товарищество, или же уплатили имъ слѣдуемые 100 флориновъ.

Генсфлейшъ отказался принять ихъ въ товарищество. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу одной изъ статей контракта, онъ имѣлъ право отказать въ этомъ наслѣдникамъ умершаго товарища. Что касается 100 флориновъ, то ихъ тогда только слѣдовало бы уплатить наслѣдникамъ, когда-бы самъ Андрей выполнилъ всѣ условія товарищества. Но изъ 125 флориновъ, которые онъ долженъ былъ внести на дѣло, Андрей Дритцхенъ внесъ всего 40. Такимъ образомъ оказалось, что слѣдуетъ предварительно вычесть съ наслѣдниковъ 85 флориновъ, или проще вмѣсто 100 флориновъ въ такомъ случаѣ слѣдовало выплатить всего 15. Такое предложеніе и сдѣлано Генсфлейшомъ.

Все это было вполнѣ подтверждено свидѣтельскими показаніями.

Таковы причины процесса, разбиравшагося въ 1430 году въ страсбургскомъ судѣ. Многочисленные свидѣтели, выслушанные судомъ, ничего не могли объяснить на счетъ самаго предпріятія, тайна котораго не была открыта товарищами. Единственные свидѣтели, которые могли дать объясненія относительно самаго искусства, были золотыхъ дѣлъ мастеръ Дюннъ, отливавшій литеры, и механикъ Конрадъ Заспахъ, строившій прессъ. Но первому пришлось говорить только о суммахъ, полученныхъ имъ отъ Генсфлейша, а другой отвѣчалъ только, что дѣйствительно Андрей Гейльманнъ сказалъ ему: „Любезный Конрадъ, такъ какъ ты строилъ прессы и умѣешь обращаться съ ними, то разбери прессъ, который у Клаусса Дрицхена.“ Онъ сказалъ, что онъ дѣйствительно ходилъ, но ничего не нашелъ.

Когда сыновей Дрицхена спросили, въ чемъ состоитъ предпріятіе Гутенберга, они отвѣчали, какъ отвѣчалъ и ихъ отецъ, что дѣло шло о *приготовленіи зеркалъ*. Андрей Дрицхенъ называлъ себя зеркальныхъ дѣлъ мастеромъ, чтобы скрыть тайну искусства, которымъ занимался.

Итакъ, процессъ касался только торговыхъ и денежныхъ вопросовъ. И притомъ процессъ былъ ничтожный: дѣло шло всего о 15 флоринахъ!

Понятно, что Гутенбергъ и его товарищи должны были держать дѣло въ секретѣ. Но въ чемъ оно состояло? Въ подражаніи рукописямъ, въ поддѣлкѣ подъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ замѣтить, что подвижныя буквы, употреблявшіяся первыми печатниками, Гутенбергомъ, Фустомъ и т. п., равно какъ и Лаврентіемъ Костеромъ, были письменныя буквы, сдѣланныя по образцу буквъ въ рукописяхъ. Первыя произведенія Гутенберга продавались на ахенской ярмаркѣ и въ Парижѣ за обыкновенныя рукописи. Въ первое время въ Парижѣ даже думали преслѣдовать печатныя книги, видя въ нихъ контрфакцію.

Все это заставляло Гутенберга и его товарищей держать дѣло въ секретѣ.

Хотя Гутенбергъ и выигралъ процессъ, предпріятіе его не подвинулось впередъ.

Приговоръ былъ объявленъ въ концѣ 1439 года. Тотчасъ же хотѣли приступить къ работѣ, но успѣха не было. Правой руки всего дѣла, Андрея Дрицхена, не было и некому было замѣнить его.

Къ этому прибавились другія неблагопріятныя обстоятельства, какъ то: взаимное неудовольствіе и укоры, возбужденные свидѣтельскими показаніями и частностями процесса.

Мы приведемъ только одинъ примѣръ. Точное и обстоятельное показаніе Лоренца Бельдека, слуги Гутенберга, вывело изъ себя Георга Дрицхена, котораго прямо касалось. По выходѣ изъ суда, Георгъ Дрицхенъ, встрѣтивъ Бельдека, такъ публично обратился къ нему: „Свидѣтель, ты долженъ говорить правду, хотя бы мнѣ съ тобой пришлось идти на висѣлицу.“ Слова эти сопровождались ругательствами и угрозами. Лоренцъ жаловался на это судьѣ. Но этотъ случай, конечно, неединственный въ своемъ родѣ, остался безъ послѣдствій. Но слѣдуетъ прибавить, что при такихъ случаяхъ, вѣроятно, не щадили и самого Генсфлейша.

Изъ свидѣтельскихъ показаній въ этомъ процессѣ мы немного можемъ узнать о томъ состояніи, въ которомъ находилось въ это время изобрѣтеніе Гутенберга. Были построены прессы; золотыхъ дѣлъ мастеръ Дюннъ доставилъ „все, что требовалось.“ Все это было изготовлено по указаніямъ и по образцамъ, даннымъ Гутенбергомъ. Но каково въ дѣйствительности было состояніе типографскаго искусства въ это время?

Гутенбергъ употреблялъ металическія литеры, мысль и способъ приготовленія которыхъ онъ заимствовалъ отъ Лаврентія Костера. Приготавливая букву за буквой, онъ улучшалъ ихъ форму, лучше вырѣзалъ, придавалъ болѣе изящныя очертанія. Что касается вида буквъ, то онѣ, какъ мы сейчасъ сказали, походили на буквы тогдашнихъ почерковъ. „Правильность и точность, два необходимыя условія, чтобы печатныя буквы походили на писаныя, были такимъ образомъ мало-по-мало достигнуты“, говорятъ Поль Лакруа, Эдуардъ Фурнье и Серре въ ихъ *Исторіи книгопечатанія* [1]).

---

[1]) *Histoire de l'imprimerie*. In 8-o. Paris 1852, p. 74.

Мы не раздѣляемъ мнѣнія авторовъ, на которыхъ только что ссылались, что Гутенбергъ изготавливалъ тогда деревянныя литеры и что онъ вообще ихъ употреблялъ. Изъ дерева нельзя приготовить литеръ для постояннаго печатанія. Мы не сомнѣваемся, что Гутенбергъ употреблялъ металическія буквы. Только металъ, изъ котораго онѣ дѣлались, былъ очень мягокъ. Онъ ломался подъ нажимомъ пресса, и оттого происходили недостатки, замѣчаемые въ первопечатныхъ книгахъ.

Сплавъ свинца и сурьмы, изъ котораго нынѣ отливаются литеры, сплавъ не слишкомъ мягкій и не слишкомъ твердый, удивительно переносящій нажимъ пресса, былъ тогда еще не извѣстенъ. Это было послѣднимъ изобрѣтеніемъ Гутенберга.

Прессъ, употреблявшійся имъ, былъ почти винодѣльный прессъ, какъ показывалъ одинъ изъ свидѣтелей. Такимъ образомъ устроенные прессы держались въ типографіи почти цѣлый вѣкъ, не подвергаясь значительнымъ измѣненіямъ [1]).

Но возвратимся къ нашему изобрѣтателю. Мы его оставили въ то время, какъ онъ выигралъ процессъ и хотѣлъ снова приняться за довершеніе своего предпріятія.

Часто выигрышъ процесса ведетъ за собой невыгоду для дѣла. То же случилось и съ Гутенбергомъ.

Капиталъ общества былъ истраченъ, и было невозможно прибѣгнуть къ займу, ибо предпріятіе потеряло кредитъ. Въ промышлености, основанной на новомъ изобрѣтеніи, неуспѣхъ, сдѣлавшійся гласнымъ вслѣдствіе процесса, почти всегда влечетъ за собою разореніе предпринимателя.

Гутенбергъ былъ на время ошеломленъ, но не побѣжденъ этой неудачей. Онъ удалился въ свое убѣжище, въ арбогастскій монастырь, и снова тамъ принялся за работу.

По контракту, заключенному въ 1438 году съ тремя страсбургскими горожанами, товарищество должно было длиться три года. Но вслѣдствіе недостатка денегъ и упадка духа товарищей оно едва прозябало.

---

[1]) *Histoire des arts graphiques*, par Hermann Hammann. In 18-o. Genève, 1860.

Тѣмъ не менѣе, Гутенбергъ въ это время старался изо всѣхъ силъ привести товарищество въ такое положеніе, чтобъ можно было продолжать работы. Одинъ изъ его дядей, Іоаннъ Рихтеръ, прозванный Легеймаръ, судья свѣтскаго духовенства въ Майнцѣ, оставилъ ему въ наслѣдство доходъ въ четыре ливра. Въ 1442, онъ продалъ этотъ доходъ капитулу святаго Ѳомы въ Страсбургѣ [1]). Онъ получилъ отъ капитула восемьдесятъ ливровъ.

Между тѣмъ, Гутенбергъ понялъ, что ему не имѣть успѣха въ Страсбургѣ, и онъ рѣшился переселиться изъ этого города. Въ 1444, онъ былъ, впрочемъ, еще въ Страсбургѣ, потому что имя его выставлено на податномъ спискѣ. Но съ этихъ поръ оно уже не встрѣчается въ муниципальныхъ спискахъ. Въ нихъ встрѣчается только имя дамы Эннель Гутенбергъ, почему и полагаютъ, какъ замѣчено уже выше, что она была его женой.

Слава его предпріятія была слишкомъ компрометирована, и это была главнѣйшая причина, почему онъ желалъ оставить Страсбургъ и поселиться въ другомъ мѣстѣ.

Итакъ, Гутенбергъ выѣхалъ изъ Страсбурга, гдѣ онъ составилъ великолѣпные планы и приступилъ къ осуществленію громаднаго дѣла, къ осуществленію думъ и мечтаній своей юности. Онъ выѣхалъ въ бѣдности и горѣ. Въ *Типографскомъ альбомѣ*, обнародованномъ г. Дюверже, есть рисунокъ, изображающій выѣздъ Гутенберга изъ Страсбурга, въ сопровожденіи ученика; онъ самъ идетъ пѣшкомъ подлѣ тележки, на которую свалены всѣ его вещи, прессъ и весь типографскій скарбъ [2]).

Онъ выѣхалъ, чтобъ поселиться на родинѣ, въ Майнцѣ. Мы скоро увидимъ его тамъ, вѣчно занятаго и упорнаго въ своихъ мысляхъ, какъ вообще всѣ геніальные люди; онъ видоизмѣняетъ свой проектъ, улучшаетъ то, что осталось несовершеннымъ, и готовится, съ неслабѣвающимъ жаромъ, сдѣлать послѣднее усиліе.

Первый документъ, несомнѣнно доказывающій пребываніе Гутенберга въ Майнцѣ, относится къ 1448 году. Этотъ документъ

---

[1]) Въ страсбургской библіотекѣ сохраняется купчая по этой продажѣ. Шепфлинъ (Vindiciae typographicae, докум. № 6) обнародовалъ копію съ нея.

[2]) Aug. Bernard, *De l'origine de l'imprimerie*, t. I, p. 157.

показываетъ, что Гутенбергъ, все еще нуждаясь въ деньгахъ, чтобы получить въ займы, долженъ получить поручительство родственниковъ: онъ могъ найти деньги только подъ такимъ условіемъ.

Домъ Зумъ Юнгена, въ которомъ онъ жилъ въ Майнцѣ, былъ нанятъ въ 1443 году, Іоганомъ Генсфлейшемъ, его дядей. Весьма вѣроятно, что, находя положеніе свое въ Страсбургѣ невыносимымъ, онъ рѣшился отправиться въ Майнцъ тотчасъ по истеченіи срока товарищества, и что дядя его, желая отпраздновать его возвращеніе, нанялъ на свое имя домъ, который былъ совершенно готовъ для житья въ пріѣзду Гутенберга.

Полагаютъ, что вслѣдствіе соглашенія съ своими бывшими товарищами, онъ получилъ право увезти всѣ вещи. Это полагаютъ на основаніи гравюры *Типографскаго альбома*, о которомъ мы говорили, и гдѣ онъ изображенъ идущимъ пѣшкомъ подлѣ телеги съ его снарядами.

Въ Майнцѣ, Гутенбергъ поселился въ домѣ, нанятомъ его дядей. Въ Страсбургѣ у него были буквы изъ мягкаго метала, которыя должны были скоро попортиться. Онъ озаботился о пріобрѣтеніи новыхъ. Мы говорили выше, что онъ употреблялъ прессъ, подобный винодѣльному, и знаменитый скульпторъ Давидъ слѣдовалъ этому въ своей страсбургской статуѣ Гутенберга. Г. Августъ Бернаръ полагаетъ, что это не вѣрно. По его мнѣнію, при помощи подобнаго снаряда, Гутенбергъ ничего не могъ сдѣлать при печатаніи. Въ то время, во многихъ ремеслахъ, употреблялся прессъ болѣе годный для книгопечатанія. Таковъ напр. прессъ, употреблявшійся въ монетномъ дѣлѣ [1]). Мы не станемъ разбирать, чье мнѣніе справедливѣе, считая такое обстоятельство не важнымъ.

Если вѣрить голландскому преданію, то книгопечатникъ Іоганнъ, бывшій работникомъ у Лаврентія Костера, уже имѣлъ типографію въ Майнцѣ, въ то время, какъ Гутенбергъ пріѣхалъ туда [2]). Такъ какъ приходилось выдержать конкуренцію, то Гу-

---

[1]) *De l'origine de l'imprimerie*, t. I, p. 158.

[2]) Тамъ же, та же страница.

тенбергъ занялся улучшеніемъ пресса. Затѣмъ, онъ придумалъ стальной пунсонъ, чтобы выбивать мѣдныя матрицы. Наконецъ, онъ нашелъ сплавъ, изъ котораго литеры приготавливались крѣпче.

Когда онъ понемногу убѣдился въ успѣхѣ, Гутенбергъ, съ пылкостью геніальнаго изобрѣтателя, задумалъ напечатать *Библію*, книгу, сбытъ которой былъ самый обезпеченный.

Такое дѣло было значительно для начала книгопечатанія. У Гутенберга не было ни товарищей, ни денегъ на предпріятіе. Тѣмъ не менѣе, одинъ, онъ принялся за эту громадную работу.

Но для начала, требовался извѣстный капиталъ, а у него не было его.

Двое изъ его соотечественниковъ, Рейнгартъ Бромзеръ и Іоганнъ Родонштейнъ, согласились дать ему сто пятьдесятъ флориновъ, но не иначе, какъ подъ надежное обезпеченіе. За него поручился одинъ изъ его родственниковъ, Арнульфъ Гельтусъ.

Стопятьдесятъ флориновъ были получены за ежегодный ростъ въ восемь съ половиною флориновъ. Контрактъ былъ подписанъ 6 марта 1448.

Сумма была весьма не значительная для такого громаднаго предпріятія. Но Гутенбергъ не робѣя принялся за дѣло и работалъ, сколько могъ. Но сто пятьдесять флориновъ скоро вышли, и работа снова стала по недостатку денегъ.

Онъ тогда задумалъ обратиться къ одному изъ майнцскихъ банкировъ, по имени Іоганну Фусту, человѣку богатому, но дурной репутаціи. Но въ положеніи Гутенберга выбора дѣлать было нельзя. Онъ изложилъ свой проектъ Фусту и просилъ его денежнаго содѣйствія.

Фустъ былъ пораженъ выгодами предпріятія. Онъ понялъ, что, черезъ нѣсколько лѣтъ, оно можетъ давать огромные барыши, и согласился, подъ извѣстными условіями, дать впередъ денегъ.

Вотъ главныя условія контракта между Фустомъ и Гутенбергомъ, подписаннаго въ 1450: 1) Товарищество длится пять лѣтъ, и за это время Библія должна быть напечатана; 2) Фустъ даетъ Гутенбергу на устройство типографіи сумму въ восемь

сотъ флориновъ, за 6 процентовъ въ годъ; 3) приборы считаются въ залогѣ у Фуста, какъ обезпеченіе за данную сумму, до полной ея уплаты.

Кромѣ того, но не письменно, а на словахъ, условлено было, что съ того времени, какъ все будетъ готово, Фустъ будетъ выдавать Гутенбергу ежегодно триста флориновъ на издержки по задѣльной платѣ, вознагражденію рабочихъ, найму помѣщенія, отопленію, на пергаментъ, бумагу, чернила и т. п. Фустъ съ своей стороны оставляетъ въ свою пользу извѣстную часть съ выручки за продажу произведеній, но ни подъ какимъ видомъ не долженъ былъ мѣшаться въ работы и не отвѣчалъ за передержку въ расходахъ. Гутенбергъ долженъ былъ самъ устроить типографію и руководить ея работами.

Въ силу этихъ условій, банкиру Фусту невозможно было потерпѣть большихъ убытковъ, но въ случаѣ успѣха онъ получалъ громадныя выгоды. Во всѣ времена, изобрѣтатели, имѣя только умъ и руки, были въ подчиненіи у капиталистовъ. Такъ будетъ всегда, пока для художниковъ, литераторовъ и ученыхъ не будетъ существовать кредитныхъ установленій, гдѣ геній и талантъ цѣнились бы не меньше поля или дома; гдѣ-бы картина, статуя, поэма, комедія, ученый трудъ могли-бы служить такимъже ручательствомъ платежа, какъ и десятина земли. Но такія времена настанутъ еще не скоро.

Гутенбергъ устроилъ свою типографію въ домѣ Зумъ Юнгена. Тамъ была его мастерская, за наемъ которой, по условію, долженъ былъ платить Фустъ. Этотъ домъ послѣ стали называть *печатней.* Онъ находился на небольшой площади францисканцевъ. Теперь тамъ находится пивоварня, считающая Гутенберга своимъ покровителемъ.

Гутенбергъ не раньше двухъ лѣтъ могъ пріобрѣсть всѣ необходимые снаряды, пунсоны, прессы, льяки, матрицы и т. п. Тогда только можно было сказать, что типографія была устроена, и съ тѣхъ поръ стали выплачиваться триста флориновъ въ годъ на расходы. Нынче, въ два мѣсяца можно устроить гораздо обширнѣйшую типографію. Но нынче легко можно достать опытныхъ работниковъ, а въ то время приходилось образовывать ихъ,

приходилось идти ощупью. На все это требовалось много времени.

Когда можно было начать дѣло, всѣ восемьсотъ флориновъ, полученные отъ Фуста, были истрачены. Между тѣмъ, чтобы дѣло пошло споро, надо было закупить бумаги, тонкаго пергамента и т. п. Трехсотъ флориновъ, предназначенныхъ для этого, было недостаточно.

Надо было какъ нибудь извернуться. Товарищество должно было существовать еще три года. Въ эти три года, Фусту слѣдовало выплатить итого девятьсотъ флориновъ. Онъ предложилъ Генсфлейшу выдать сразу восемьсотъ; такимъ образомъ, онъ выигрывалъ сто флориновъ. При этомъ Фустъ обязался, но увы! на словахъ только, не требовать процентовъ за восемьсотъ флориновъ первой выдачи.

Увѣренный въ успѣхѣ, Генсфлейшъ не медля согласился на такія условія. Онъ подписалъ все съ закрытыми глазами. Иначе, въ его обстоятельствахъ, дѣлать было нечего.

По Вимфелингу [1]), въ работахъ ему очень помогалъ своими разумными и правдивыми совѣтами, дядя его, Іоганнъ Генсфлейшъ, старикъ уже преклонныхъ лѣтъ и слѣпой [2]).

Библія, надъ которой работалъ Гутенбергъ, состояла, по словамъ г. Авг. Бернара, сдѣлавшаго ея подробное описаніе, изъ 641 листа или 1282 страницъ in folio. Каждая страница въ два столбца, по 42 строки въ каждомъ и на каждой строкѣ по 42 буквы, что составляетъ 1,344 буквы въ столбцѣ, 2,688 въ страницѣ, 10,752 въ листѣ, 53,760 въ пятилистной тетради. Для этого потребно было изготовить по меньшей мѣрѣ 120,000 литеръ, предполагая что при печатаніи первой тетради есть наборъ для слѣдующей. Число пунсоновъ должно было быть также весьма велико, по причинѣ разнообразія употреблявшихся тогда шрифтовъ, сдѣланныхъ въ подражаніе рукописнымъ буквамъ.

Быть можетъ, во время печатанія Библіи Гутенбергъ издалъ какую нибудь другую книгу. По крайней мѣрѣ, онъ напечаталъ

---

[1]) *Catalogus Argentinensium.*

[2]) *Ex senio caecus.*

одну изъ *Донатовыхъ грамматикъ*, небольшой учебникъ, употреблявшійся тогда во всѣхъ училищахъ и поэтому требовавшійся въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Сохранились отрывки трехъ изданій *Донатъ*, напечатанныхъ шрифтомъ сорокадвухстрочной Библіи, изъ которыхъ по крайности одно, по мнѣнію г. Августа Бернара, слѣдуетъ приписать Гутенбергу. Онъ могъ также печатать небольшія сочиненьица, находившія хорошій сбытъ. Такимъ образомъ, онъ могъ заработывать деньги, которыя хотя отчасти покрывали огромныя издержки, сопряженныя съ печатаніемъ Библіи.

Но Гутенбергъ не могъ устроить своей печатни и приступить къ изданію Библіи, не употребляя на это множества работниковъ, граверовъ, литейщиковъ, механиковъ, наборщиковъ, печатниковъ, иллюминеровъ, переплетчиковъ и т. п. Поэтому легко понять, что типографское дѣло скоро сдѣлалось уже не тайной въ Майнцѣ. Прежде чѣмъ онъ окончилъ печатаніе Библіи, въ Майнцѣ открылась одна или двѣ новыя типографіи, устроенныя по его системѣ. Одинъ промышленникъ, быть можетъ, изъ его же рабочихъ, сталъ подражать его способу литья буквъ, и такъ какъ въ то время не существовало никакихъ законовъ о контрфакціи, то онъ и присвоилъ себѣ этотъ способъ и сталъ заниматься литьемъ буквъ.

Между многими знатоками, писавшими о началѣ книгопечатанія, нѣкоторые, и въ особенности двое, г. Леонъ де Лабордъ и г. Августъ Бернаръ, разсматривая памятники первыхъ типографскихъ работъ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливались на такъ называемыхъ *Отпускныхъ листахъ*. Намъ кажется необходимымъ объяснить мимоходомъ, что такое эти *Отпускные листы*, отличные образцы которыхъ хранятся у ученаго типографщика г. Амбруаза-Фирмена Дидо, показывавшаго ихъ намъ.

Въ 1451 году, королю кипрскому Іоанну III, изъ французской династіи Лузиньяновъ, угрожали турки, и онъ послалъ во всѣ христіанскія страны и въ особенности въ Римъ съ просьбой о помощи. 12 апрѣля 1451 года, папа Николай V издалъ буллу, по которой отпускались грѣхи за три года, именно съ 1-го мая 1452 года по 1-го мая 1455, всѣмъ тѣмъ, что денежнымъ пожертвованіемъ поможетъ королю кипрскому. Было рѣшено, что каж-

дому жертвователю будетъ выданъ актъ, въ которомъ будетъ обозначена цѣль и причина отпущенія, имя жертвотателя, число и сумма пожертвованія. Этотъ актъ, кромѣ того, снабжался подписью распоряжавшихся этимъ дѣломъ и печатями, подверждавшими его подлинность.

Эти бумаги назывались *Отпускными листами.* Сперва они были писанные; но требовалось ихъ такое множество, что писать рѣшительно не успѣвали. Поэтому прибѣгли къ новому искусству книгопечатанія, чтобы съ небольшими издержками изготавливать эти свидѣтельства. По различію шрифтовъ, употреблявшихся при печатаніи этихъ *Отпускныхъ листовъ*, дознано, что уже въ это время въ Майнцѣ существовало по крайности двѣ типографіи.

Не имѣя возможности входить къ техническія подробности, мы отсылаемъ желающихъ къ сочиненіямъ и статьямъ г. г. де-Лаборда, Фирмена Дидо и Августа Бернара, которые ученымъ образомъ изслѣдовали этотъ вопросъ исторіи книгопечатанія.

По условію, заключенному между Гутенбергомъ и Фустомъ въ 1450 году, ихъ товарищество должно было существовать пять лѣтъ. Стало быть, въ 1455 году, его слѣдовало возобновить или уничтожить. Въ это время, Гутенбергъ напечаталъ много сочиненій, и Библія была совершенно готова; но по причинѣ необходимо высокой цѣны не могла имѣть скораго сбыта.

Фустъ поступилъ съ необычайнымъ искусствомъ, если это выраженіе идетъ къ разсчитаному лукавству противъ благороднаго и честнаго товарища. По одной изъ статей контракта, онъ оставилъ за собой право требовать возвращенія выданныхъ суммъ. Въ случаѣ неуплаты, онъ имѣлъ право овладѣть всѣми типографскими принадлежностями. Хитрый спекулянтъ хорошо зналъ, что по времени истеченія контракта, изобрѣтатель будетъ внѣ возможности уплатить должную сумму. И такъ онъ разсчитывалъ оставить за собою всю типографію, а въ качествѣ опытнаго человѣка, заранѣе тайно условился съ однимъ хорошимъ рабочимъ, занимавшимся, какъ наборщикъ, или какъ калиграфъ, въ типографіи, управляемой Гутенбергомъ.

Подкупленный Фустомъ, работникъ могъ заблаговременно ознакомиться съ типографскимъ дѣломъ.

Работника этого звали Шефферъ, или Шойфферъ. Не смотря на почести, воздаваемыя ему въ Майнцѣ и Страсбургѣ, мы на него не можемъ иначе смотрѣть, какъ на измѣнника, сдѣлавшагося послушнымъ орудіемъ банкира противъ несчастнаго Гутенберга.

Задуманный планъ скоро приведенъ въ исполненіе. Фустъ зоветъ Гутенберга въ судъ. Онъ требуетъ на основаніи условія, или капитала и 6% съ данной ему суммы, или уступки типографіи. Онъ присягаетъ, что эти деньги не его; что онъ самъ занялъ и платитъ проценты. Помощь сообщниковъ дозволяетъ ему доказать все, что угодно.

Изъ изложенія дѣла, прочитаннаго судебнымъ приставомъ, видно, что *„председателемъ былъ братъ банкира, честный и мудрый Яковъ Фустъ.“* Полагаютъ также, что другой родственникъ Фуста, Николай Фустъ, засѣдалъ въ числѣ судей и не призналъ себя неспособнымъ разбиратъ дѣло.

Іоганнъ Фустъ требовалъ съ Гутенберга итого двѣ тысячи двадцать флориновъ. Въ сущности, Гутенбергъ былъ долженъ всего восемьсотъ флориновъ, полученныхъ впередъ на изготовленіе или покупку всего необходимаго. Ему не слѣдовало возвращать трехсотъ флориновъ, выплачиваемыхъ ежегодно на наемъ помѣщенія и рабочихъ и т. п. Фустъ притворялся, что онъ не помнитъ, будто обѣщалъ не требовать процентовъ съ восьми сотъ флориновъ. Но такъ какъ условлено было объ этомъ, по несчастію, только словесно, то онъ требовалъ и проценты. Онъ доходилъ до того, что требовалъ, сверхъ всего, еще тридцати шести флориновъ, заплаченныхъ, по его словамъ, за комисію по займу денегъ.

Противъ Гутенберга были формальныя условія контракта, и онъ, стало быть, могъ только проиграть процессъ. Онъ его и проигралъ. У него взяли не только всѣ снаряды, но и причитавшуюся ему часть барышей отъ продажи экземпляровъ Библіи. Іоганнъ Фустъ приказалъ перенести къ себѣ всѣ типографскія принадлежности и полное изданіе Библіи.

Лишенный всего, несчастный Генсфлейшъ долженъ былъ оставить домъ Зумъ Юнгена, — помѣщеніе было для него слишкомъ велико. Владѣлецъ этого дома жилъ во Франкфуртѣ; на домъ въ 1461 году было наложено запрещеніе, и онъ *проданъ въ пользу Фуста*.

Любопытно, что на мѣстѣ этого дома въ Майнцѣ, гдѣ была устроена первая типографія, нынѣ находится лицей.

Фустъ пользовался въ Майнцѣ репутаціей, какой заслуживалъ, и позволено предполагать, что приговоръ, объявленный во вредъ Гутенбергу, не былъ одобренъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гутенбергу не пришлось покинуть своего искусства. Ему помогли, и доказано различными документами, что онъ вскорѣ устроилъ новую типографію въ Майнцѣ.

Но послѣдній процессъ разорилъ его. Начиная съ 1457, онъ прекратилъ ежегодный платежъ въ четыре ливра за долгъ капитулу св. Ѳомы въ Страсбургѣ. Призванный въ 1461 въ имперскій придворный судъ въ Роттвейлѣ, онъ не явился и ничего не заплатилъ. Тогда капитулъ сталъ преслѣдовать Мартина Рехтера, который былъ поручителемъ. Рехтеръ самъ находился въ то время въ не лучшихъ, чѣмъ Гутенбергъ, обстоятельствахъ; капитулъ послѣ многолѣтнихъ хлопотъ, наконецъ, принужденъ былъ отказаться отъ взысканія долга. Но долговое обязательство сохранялось. Вотъ что говоритъ о немъ г. Г. Шмидтъ, открывшій этотъ памятникъ, въ небольшой брошюрѣ, обнародованной въ Страсбургѣ [1]).

„Лица, бывшія на выставкѣ книгъ по случаю праздника въ честь Гутенберга, видѣли превосходный пергаментъ съ печатями епископскаго суда, Іоганна Гутенберга и Мартина Рехтера. По счастливому случаю, печать изобрѣтателя книгопечатанія осталась нетронутой. Этотъ драгоцѣнный документъ, принадлежавшій нѣкогда архиву капитула св. Ѳомы, не извѣстно какъ вышелъ оттуда и теперь хранится въ библіотекѣ протестантской семинаріи.“

Разсматривая приходныя книги капитула, г. Шмидтъ нашелъ, что Гутенбергъ правильно вносилъ деньги до 1458.

---

[1]) *Nouveaux Détails sur l'histoire de l'imprimerie.* In 8°. Strasbourg, 1841.

Между людьми, покровительствовавшими Гутенбергу и помогавшими ему устроить новую типографію, когда онъ былъ разоренъ Фустомъ, были князь-архіепископъ страсбургскій, глава города, докторъ Конрадъ Гумери, синдикъ и т. п.[1]).

Юридическій документъ, составленный по смерти Гутенберта, доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что онъ до смерти оставался владѣльцемъ типографіи. Вотъ этотъ документъ:

„Я, нижеподписавшійся, Конрадъ Гумери, докторъ, признаю симъ письмомъ, что его свѣтлость принцъ, мой милостивый и любезнѣйшій господинъ Адольфъ, архіепископъ Майнцскій, милостиво приказалъ доставить нѣсколько формъ, шрифтовъ, снарядовъ, приборовъ и другихъ относящихся до книгопечатанія вещей, оставшихся по смерти Іоганна Гутенберга, и которые принадлежали и нынѣ принадлежатъ мнѣ; но ради чести и удовольствія его свѣтлости, я обязался и обязуюсь этимъ письмомъ не пользоваться ими нигдѣ, кромѣ города Майнца, и кромѣ того продать ихъ предпочтительно всякому другому, при равной цѣнѣ, гражданину города Майнца. Въ подтвержденіе сего, прилагаю печать къ сему свидѣтельству, данному 26 февраля, 1468 года.“

Итакъ, у Гутенберга до самой его смерти была типографія; онъ умеръ въ 1467 или 1468, ибо число положительно не извѣстно. Но въ концѣ жизни, истомленный трудами и еще болѣе всякаго рода препятствіями, съ которыми ему приходилось бороться всю жизнь, состарившись до времени, онъ, безъ сомнѣнія долженъ былъ ограничиться только надзоромъ и направленіемъ работъ, а самъ уже не могъ трудиться дѣятельнымъ образомъ.

Мы не знаемъ никакихъ подробностей о его личности, о его привычкахъ, образѣ жизни, характерѣ и т. д. Оставшіеся портреты, на основаніи которыхъ сдѣланы статуи для памятниковъ въ Майнцѣ и Страсбургѣ, — не подлинные. Такъ что лицо Гутенберга на всѣхъ статуяхъ, такъ сказать, условное. Въ средніе вѣка не заботились сохранить для потомства черты скромныхъ ремесленниковъ, какъ бы геніальны они ни были.

Гутенбергъ былъ похороненъ въ Майнцѣ, въ францисканскомъ монастырѣ, сосѣднемъ съ его жилищемъ. Это доказывается слѣдующей эпитафіей, существующей въ монастырѣ:

---

[1]) I. Oberlin, *Essai d'annales et documents des archives de Mayence.*

D. O. M. S.
IOANNI GENSFLEISCH,
ARTIS IMPRESSORIE REPERTORI,
DE OMNI NATIONE ET LINGUA OPTIME MERITO
IN MONINUS SUI MEMORIAM IMMORTALEM
ADAM GELTHUS POSUIT:
OSSA EJUS IN ECCLESIA D. FRANCISCI MOGUNTIA FELICITER CUBANT.

Въ началѣ шестнадцатаго вѣка, Иве Виттихъ, найдя, что эта эпитафія неточная, сочинилъ другую, которую и сдѣлалъ на домѣ, гдѣ умеръ Гутенбергъ. Вотъ она въ томъ видѣ, какъ сохранилъ ея намъ Серрарій:

IO, GUTENBURGENSI MOGUNTINO,
QUI PRIMUS OMNIUM LITERAS AERE IMPRIMENDUS INVENIT,
HAC ARTE DE ORBE TOTO BENE MIRENTI,
IVO WITIGISIS HOC SAXUM
PRO MONUMENTO POSUIT MDVIII.

Гутенбергъ, какъ почти всѣ выдавшіеся изъ ряду своими талантами и дарованіями, образовалъ себя самъ. Если бы процессы не доказали яснымъ образомъ, еслибъ эти процессы не дошли до насъ по счастливому стеченію обстоятельствъ, то мы едва-ли бы знали, что Іоганнъ Гутенбергъ изобрѣлъ книгопечатаніе, такъ какъ ни на одной изъ напечатанныхъ имъ книгъ не выставлено его имени, и мы не могли бы составить ни малѣйшаго понятія о его личности. Вмѣсто историческаго Гутенберга, мы знали бы только легендарнаго, въ родѣ того, какимъ онъ изображенъ въ книгѣ Гамà [1]). Только разбирая до мельчайшихъ подробностей различные акты его процессовъ, можно представить себѣ Гутенберга такимъ, какимъ онъ, вѣроятно, былъ въ дѣйствительности, то есть честнымъ, умнымъ, дѣятельнымъ, постоянно занятымъ промышленными проектами, болѣе теоретикомъ, чѣмъ практикомъ, но умѣющимъ однако, при помощи сотоварищей, осуществлять всѣ задуманые планы. Въ этихъ процессахъ, его честность ни на минуту не можетъ быть подвержена сомнѣнію. Изъ страсбургскаго процесса видно, что правдивость его показаній была подтверждена всѣми свидѣтелями безъ исключенія. Майнцскій про-

---

[1]) *Esquisse historique*. In 8°. Strasbourg 1840.

цессъ показываетъ, что онъ въ сношеніяхъ съ Фустомъ поступалъ, какъ человѣкъ, слово котораго равно всякимъ контрактамъ, и который простодушно увѣренъ, что въ денежныхъ дѣлахъ слово равноцѣнно письменному документу. Онъ былъ самъ слишкомъ честный человѣкъ, чтобъ сомнѣваться въ другихъ.

Тотъ фактъ, что князь-архіепископъ, курфирстъ Майнца, сдѣлалъ его своимъ дворяниномъ и назначилъ ему пенсіонъ, несомнѣннымъ образомъ доказываетъ, что Гутенбергъ, послѣ проигрыша процесса съ Фустомъ, пользовался большимъ уваженіемъ въ своемъ родномъ городѣ.

Итакъ, у Гутенберга всегда находились друзья. Онъ не умеръ въ бѣдности и оставленный всѣми, какъ то, — увы! — случилось не съ однимъ изъ людей, сослужившимъ человѣчеству службу своими изобрѣтеніями.

Между сочиненіями, напечатанными Гутенбергомъ, самое замѣчательное есть знаменитая Библія въ 1282 страницы in folio, въ два столбца на страницѣ и сорокъ двѣ строки въ столбцѣ. Эта Библія была напечатана въ 1456. Одинъ изъ ея экземпляровъ хранится въ императорской парижской библіотекѣ. Когда Фустъ сдѣлался владѣльцемъ типографіи, то Шефферъ напечаталъ *Донатъ* тѣмъ же шрифтомъ, какимъ напечатана Гутенбергова Библія.

Такимъ образомъ создалось типографское искусство. Въ слѣдующей статьѣ, мы разскажемъ развитіе и распространеніе этого удивительнаго искусства, величайшаго изъ средневѣковыхъ изобрѣтеній.

ФУСТЪ И ШЕФФЕРЪ,

или

РАЗВИТІЕ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

Соединивъ въ настоящей статьѣ всѣ рѣдкіе документы, сохраненные исторіей, относительно Фуста и Шеффера, мы прослѣдимъ развитіе типографскаго искусства, подобно тому, какъ въ біографіи Гутенберга мы разсказали начало и первые шаги этого искусства.

Если Фустъ былъ знатокомъ въ денежныхъ дѣлахъ, то въ типографскомъ искусствѣ онъ зналъ немного. Что бы онъ сдѣлалъ со всѣми типографскими принадлежностями, выигранными по процессу отъ Гутенберга, еслибъ въ лицѣ Шеффера у него не было работника, способнаго распорядиться этимъ матеріаломъ? Такъ какъ ему выгодно было, чтобы Шефферъ остался у него, то онъ сдѣлалъ его товарищемъ, но не по владѣнію, а по выгодамъ отъ типографіи. Такимъ образомъ, въ товариществѣ Фустъ остался первымъ лицомъ; Шефферъ же былъ распорядителемъ, душой дѣла.

Шефферъ былъ весьма искусный калиграфъ. Въ качествѣ таковаго онъ и занимался въ Гутенберговой типографіи.

Петръ Шефферъ родился между 1420—1430, въ Гернсгеймѣ, маленькомъ городкѣ, лежащемъ на правомъ берегу Рейна, между Вормсомъ и Оппенгеймомъ; въ 1449 году онъ ѣздилъ въ Парижъ. Доказательствомъ этого служитъ рукопись, сохраняющаяся въ страсбургской библіотекѣ [1]).

---

[1]) Ch. Paeile, *Essai historique et critique sur l'invention de l'imprimerie*, page 252.

Шефферъ слушалъ въ Парижѣ университетскій курсъ. Неизвѣстно въ точности, когда онъ уѣхалъ изъ Парижа. Извѣстно только, что въ 1455 году онъ былъ въ Майнцѣ, гдѣ въ одномъ изъ документовъ нотаріусъ Гельмоспергеръ ссылался на него, какъ на одного изъ свидѣтелей Фуста. Вѣроятно, не задолго передъ тѣмъ онъ поступилъ въ типографію Гутенберга.

Въ 1465, Шефферъ женился на Христинѣ Фустъ, которая не была дочерью Фуста, какъ то утверждаютъ нѣкоторые біографы, а его внучкой. Позже, около 1489 года, онъ былъ назначенъ свѣтскимъ судьей по духовнымъ дѣламъ при майнцскомъ трибуналѣ.

Когда Шефферъ сталъ заниматься въ типографіи Гутенберга, этотъ уже открылъ новый способъ отливки литеръ, — важный шагъ въ ряду сдѣланныхъ улучшеній. Сорокадвухстрочная библія была уже окончена, и, какъ прибавляетъ г. Пойель, литеры *Псалтири* 1457 года были уже вырѣзаны, если только не были даже вылиты и совершенно готовы для печати.

Шефферъ, съ великимъ вниманіемъ слѣдившій за работами Гутенберга, вскорѣ узналъ, въ чемъ заключается недостатокъ въ способѣ отливки литеръ, употреблявшемся его хозяиномъ. Его изобрѣтательный умъ скоро придумалъ существенное улучшеніе въ отливкѣ. Но вмѣсто того, чтобъ сообщить объ этомъ Гутенбергу, довѣрчиво сообщившему ему всѣ тайны искусства, онъ открылся Фусту. Фустъ же, понявъ сразу великія преимущества новаго способа отливки литеръ, съ тѣхъ поръ сталъ искать предлога, какъ бы оттѣснить отъ дѣла Гутенберга. Какъ мы видѣли, это вполнѣ удалось ему.

Шефферъ, вступивъ въ управленіе типографіей Фуста, повелъ дѣло мастерски. Онъ придалъ Гутенберговымъ библіямъ такой отпечатокъ, который скоро заставилъ позабыть первый трудъ изобрѣтателя. При помощи видоизмѣненій, сдѣланныхъ въ первыхъ страницахъ, которыя онъ перепечаталъ, — наружный видъ книги до того измѣнился, что она съ перваго взгляда стала казаться совсѣмъ другой.

Затѣмъ Шефферъ принялся за *Псалтирь*, гдѣ приходилось преодолѣвать трудности на каждой страницѣ. Самымъ искус-

нымъ художникамъ онъ заказалъ гравюры на деревѣ для этого *Псалтиря*, и такимъ образомъ издалъ мастерскую вещь, которая до сихъ поръ удивляетъ знатоковъ.

Шефферъ хвалился тѣмъ, что напечаталъ, то есть написалъ безъ пера, при помощи *новаго искусства*, *„эту книгу псалмовъ, украшенную прекрасными заглавными буквами и весьма замѣчательную своими заглавіями.“*

„Дѣйствительно, говоритъ г. Августъ Бернаръ, онъ отличается отъ Гутенберга этимъ художественнымъ нововведеніемъ, и всѣ знакомые съ механизмомъ печатанія согласятся, что невозможно было дальше подвинуть усовершенствованія этого искусства, какъ то сдѣлалъ Шефферъ въ своемъ *Псалтирѣ* [1]).

Первое изданіе *Псалтиря* быстро разошлось. Шефферъ сдѣлалъ второе. Черезъ три мѣсяца послѣ этого втораго изданія *Псалтиря*, онъ выдалъ новую книгу *Rationale Durandi* [3]), напечатанные совершенно другими буквами противъ тѣхъ, которыя употреблялъ Гутенбергъ и онъ самъ до тѣхъ поръ.

Въ 1461, одинъ экземпляръ этого *Rationale* былъ проданъ въ Венеціи за восемнадцать дукатовъ.

25 іюня 1460, Шефферъ издалъ *Constitutiones Clementis papae V*, *cum apparatu Domini Ioannis Andreæ*, томъ in folio, выдержавшій много изданій. Изъ другихъ изданныхъ имъ сочиненій, сочиненіе Цицерона *о Должностяхъ* появилось въ 1465.

Іоганнъ Фустъ родился въ послѣднихъ годахъ четырнадцатаго вѣка въ семействѣ майнцскихъ горожанъ. Его родители были очень богаты, и онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, получилъ хорошее воспитаніе. Онъ изучалъ права. Впослѣдствіи, какъ банкиръ и промышленникъ, своей дѣятельностью онъ доказалъ, что если воспитаніе измѣняетъ внѣшность, научаетъ говорить чистымъ и изящнымъ языкомъ, придаетъ силу уму, расширяетъ взгляды, то не можетъ вконецъ искоренить дурныхъ инстинктовъ, когда они совьютъ себѣ гнѣздо въ сердцѣ. Онъ женился около 1420 года и

---

[1]) *De l'origine de l'imprimerie*, tome 1-er, p. 229.

[2]) Въ 1 томѣ, in folio, 160 листковъ въ два столбца и по 63 строки въ столбцѣ.

имѣлъ сына Конрада, у котораго была дочь Христина, впослѣдствіи жена Шеффера.

Фустъ не имѣетъ другихъ правъ на признательность потомства, какъ только за то, что снабдилъ деньгами Гутенберга. Но если онъ и далъ впередъ денегъ, то только подъ вѣрное обезпеченіе и на такихъ условіяхъ, что такъ или иначе, раньше, или позже, а долженъ былъ сдѣлаться хозяиномъ типографіи.

Овладѣвъ вполнѣ мастерской Гутенберга и всѣмъ въ ней находившимся, онъ однако не удовольствовался этимъ. Онъ не переставалъ преслѣдовать своего несчастнаго сотоварища и по его смерти подавалъ взысканія на его наслѣдниковъ.

Фустъ всего лишилъ Гутенберга. Онъ сталъ бѣднѣе, чѣмъ былъ до основанія типографіи. Кромѣ того, Гутенбергъ считался еще должнымъ ему тысячу двѣсти флориновъ. Всѣ нѣмецкіе авторы, писавшіе объ исторіи книгопечатанія, согласно обвиняютъ Фуста, Шеффера и судей Гутенберга. Они не знаютъ, кого больше винить, судей, или истцовъ; они не находятъ довольно сильныхъ словъ, чтобы выразить все свое негодованіе.

Въ 1466 году, когда вышло изданіе *О Должностяхъ* Цицерона, Фустъ отправился въ Парижъ, чтобъ ускорить ихъ сбытъ. Въ іюлѣ, онъ поднесъ одинъ экземпляръ Луи де-Лавернаду, президенту лангедокскаго парламента. Это доказывается примѣчаніями, сдѣланными собственной рукой Лавернада на этомъ экземплярѣ, существующемъ до сихъ поръ.

Вѣроятно, что до пріѣзда Фуста печатныя книги были уже въ Парижѣ; напр. однѣ изъ первыхъ библій, вышедшихъ изъ мастерской Гутенберга, до его процесса съ Фустомъ. Существовали непрестанныя сношенія между монастырями одного и тогоже ордена въ Европѣ, а потому монахи, занимавшіеся наукой и воспитаніемъ въ одной странѣ, знали о всѣхъ новостяхъ и улучшеніяхъ, совершенныхъ въ другой. Поэтому, навѣрно, какъ только изобрѣтеніе книгопечатанія стало извѣстно въ Европѣ, эта новость скоро облетѣла всѣхъ французскихъ ученыхъ.

Фустъ, когда пріѣхалъ въ Парижъ для продажи книгъ, былъ встрѣченъ съ великимъ почтеніемъ. Парижъ былъ слишкомъ обра-

зованный городъ, чтобъ не почтить того, кто считался преобразователемъ книгопечатнаго дѣла.

Фустъ не вернулся уже въ Майнцъ. Онъ умеръ отъ чумы въ Парижѣ, въ концѣ 1466 года. Время его смерти опредѣляется тѣмъ, что на *Начаткахъ* Ѳомы Аквинскаго, вышедшихъ изъ его типографіи 6 марта 1467 года, не выставлено его имени; и тѣмъ еще, что въ 1467 году его мѣсто въ совѣтѣ Сентъ-Кентенской фабрики (въ его приходѣ), занимаемое имъ съ 1464 года, было замѣщено другимъ.

Іоганнъ Фустъ былъ нѣсколько старше Гутенберга. Мы уже сказали, что Шефферъ былъ женатъ на его внучкѣ.

Его сынъ Конрадъ сталъ владѣльцемъ его майнцской типографіи. Шефферъ остался и его сотоварищемъ.

Со смертью Фуста, работы въ типографіи не замедлились. Послѣ *Начатковъ* Ѳомы Аквинскаго, изданы *Institutes* Юстиніана, *Grammatica vetus rhytmica*, *Посланія* св. Іеронима и т. д.

Въ 1468 году, Шефферъ, по примѣру Фуста, отправился въ Парижъ для продажи книгъ. Г. Августъ Бернаръ приложилъ къ своему сочиненію *fac-simile* квитанціи въ пятнадцать золотыхъ экю, полученныхъ Шефферомъ отъ пансіонеровъ Отенской коллегіи въ Парижѣ за одинъ веленевый экземпляръ *Начатковъ* Ѳомы Аквинскаго.

По новымъ сочиненіямъ, или по новымъ изданіямъ старыхъ, вышедшихъ изъ мастерскихъ Шеффера до 1480 года, можно заключить, что работа шла съ прежней дѣятельностью. Но въ 1480 году Конрадъ Фустъ умеръ; Шефферъ между тѣмъ сталъ старѣть, и типографія стала упадать. До 1489 Шефферъ съ большой усидчивостью занимался дѣлами. Но дѣла эти были чисто торговаго и промышленнаго свойства, и не касались улучшенія типографскаго искусства.

Въ 1479 году, онъ получилъ права гражданства въ вольномъ городѣ Франкфуртѣ на Майнѣ, куда часто ѣздилъ по торговымъ дѣламъ. Оттуда онъ писалъ въ іюлѣ 1485 [1]) Іоганну Генсфлейшу, свѣтскому судьѣ въ Майнцѣ, называя его *товарищемъ* и требуя

---

[1]) Fischer, *Essai* etc. p. 45.

съ него стараго долга, который теперь ему необходимъ для своихъ дѣлъ. Вѣроятно, это былъ долгъ, въ которомъ Іоганнъ Генсфлейшъ поручился за Гутенберга; ибо если вѣрить одному нѣмецкому писателю, на котораго ссылается г. Ш. Пайэль, слѣдствія процесса между Фустомъ и Гутенбергомъ въ то время не окончились.

Итакъ, еще черезъ двадцать лѣтъ по смерти Гутенберга, за его долги тревожили его наслѣдниковъ!

Полагаютъ, что Шефферъ былъ тогда судьей въ Майнцѣ. По крайней мѣрѣ, существуютъ судебные акты отъ 1489 года, къ которымъ приложена печать съ подписью: „*Sigilum Petri Schaefferi, jud. sec. judic. Moguntini*", то есть „Печать Петра Шеффера, судьи бѣлаго духовенства въ Майнцскомъ судѣ".

Быть можетъ, судебныя занятія не дозволяли Шефферу заниматься съ прежнимъ жаромъ типографіей. Кромѣ того, число его покупщиковъ должно было уменьшиться потому, что его вкусъ относительно типографскихъ шрифтовъ остался не измѣненъ, а вкусъ публики перемѣнился. Шефферъ не хотѣлъ оставить готическихъ шрифтовъ, которымъ былъ обязанъ своимъ первыми успѣхами, и замѣнить ихъ римскими шрифтами, принятыми почти повсюду въ Германіи. Только при послѣдней крайности, онъ отказался отъ употребленія шрифта, характеризующаго первую эпоху искусства, и послѣдовалъ за нововведеніемъ. Его типографія упала до того, что въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, съ 1490 по 1502, изъ нея, по г. Августу Бернару, вышло всего шесть сочиненій.

Іоаннъ Шефферъ, сынъ Петра Шеффера, издалъ 8-го апрѣля 1503 года *Mercurius Tresmegistus*, объявивъ, что это первая его типографская работа Изъ этого полагаютъ, что Петръ Шефферъ умеръ около этого времени. Но неизвѣстно ни день его смерти, ни мѣсто погребенія.

Сынъ его и преемникъ, Іоаннъ Шефферъ, занимался типографскимъ искусствомъ въ продолженіе 30-ти лѣтъ.

Теперь разсмотримъ распространеніе типографскаго искусства въ Европѣ.

Оно совершилось весьма быстро. До конца пятнадцатаго вѣка типографіи основались во всей Западной Европѣ. Тогда печатали

не только во всѣхъ большихъ городахъ, но и въ среднихъ и въ малыхъ. Разсказываютъ даже о бродячихъ типографахъ, которые странствовали съ небольшими типографійками на спинѣ. Эти *Гутенберговы дѣти*, какъ ихъ называли, бродили съ мѣста на мѣсто, ища работы, которую и получали, потому что многіе изъ любопытства дѣлали заказы только для того, чтобъ видѣть практику этого искусства, о которомъ всюду толковали, какъ о нѣкоемъ чудѣ.

Еще при жизни Гутенберга, основались новыя типографскія мастерскія не только въ Майнцѣ, но и въ другихъ городахъ. Въ скоромъ времени, повсюду образовались весьма искусные типографскіе работники. Называютъ множество городовъ въ Германіи, Италіи, въ Нидерландахъ, Франціи, Англіи и т. д., гдѣ быстро развивалось типографское искусство.

Венеція была однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ въ этомъ отношеніи. Въ теченіе тридцати послѣднихъ лѣтъ пятнадцатаго столѣтія, типографіи размножились тамъ до того, что въ Венеціи въ это время насчитывали до двухъ сотъ типографій, а въ 1500 году дѣйствовало пятьдесятъ [1]). Число изданій, сдѣланныхъ въ Венеціи отъ 1470 до 1500, достигаетъ до трехъ тысячъ; если считать, что каждаго изданія печаталось триста экземпляровъ, то всего напечатано около милліона томовъ.

Если принять въ соображеніе, что въ Европѣ было около шестидесяти двухъ городовъ, гдѣ печатали книги, и что въ каждомъ изъ этихъ городовъ была одна или нѣсколько типографій, то можно понять, что уже въ началѣ шестнадцатаго столѣтія по Европѣ распространились милліоны книгъ.

По Тайландье, при самомъ умѣренномъ счетѣ, слѣдуетъ принять, что ранѣе 1501 года, то есть въ первыя пятьдесятъ лѣтъ существованія книгопечатанія, было издано около тысячи трехъ сотъ изданій и распространено болѣе четырехъ милліоновъ томовъ.

Во Франціи, первая типографія была открыта въ Парижѣ, ибо въ пятнадцатомъ столѣтіи Страсбургъ принадлежалъ Германіи.

---

[1]) Auguste Bernard, *De l'origine de l'imprimerie*, 2 partie, p. 197.

Парижскій университетъ не былъ тогда въ такой славѣ, какъ въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда Альбертъ Великій, Ѳома Аквинскій и нѣкоторые другіе первостепенные таланты преподавали въ немъ и привлекали отовсюду огромныя толпы студентовъ. Въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіи всюду были основаны университеты по плану парижскаго. Университеты учреждены во Франціи, Германіи, Италіи, Швеціи, Даніи, Швейцаріи и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли даже огромную извѣстность, хотя парижскій университетъ и продолжалъ оставаться главнымъ ученымъ центромъ Европы.

Но въ немъ были великія неустройства. Дошло до того, что, въ царствованіе Карла VII, реформа стала необходимостью, и коммисія подъ предсѣдательствомъ кардинала д'Эстутвилля, легата папы Николая V, получила возможность совершить эту реформу.

Въ Франціи, Англіи, Италіи въ умахъ господствовали въ то время глухое безпокойство, сопровождаемое взрывами, которые предшествуютъ общественнымъ переворотамъ. То было начало великаго періода, получившаго позднѣе въ литературѣ названіе *Возрожденія.* Поэтому нечего удивляться, что новость о томъ, „*какъ при помощи остроумнаго искусства, недавно изобрѣтеннаго въ Майнцѣ, можно въ короткое время получить множество копій любой рукописи*",—быть можетъ, именно эта новость заставила Петра Шеффера, тогда студента парижскаго университета и великолѣпнаго калиграфа, отправиться въ Майнцъ и явиться тамъ къ Гутенбергу съ просьбой дать какое-либо занятіе въ типографіи.

Король Карлъ VII едва узналъ о чудесномъ майнцскомъ изобрѣтеніи, какъ поспѣшилъ ввести его во Францію. Но онъ дѣйствовалъ при этомъ тайно, согласно со свычаями и обычаями средневѣковыхъ государей.

Въ одной рукописи отъ 3 октября 1458, сохраняющейся въ желѣзномъ поставцѣ въ библіотекѣ парижскаго арсенала и которую г. Августъ Бернардъ приводитъ въ своемъ сочиненіи, сказано, „что король (Карлъ VII), узнавъ, что мессиръ Гутенбергъ, всадникъ, живущій въ Майнцѣ, въ Нѣмецкой странѣ, *человѣкъ, искусный въ рѣзьбѣ литеръ и пунсоновъ, полюбопытствовавъ*

такимъ сокровищемъ," приказалъ начальникамъ монетчиковъ своего королевства указать ему на людей, опытныхъ въ искусствѣ вырѣзать и выбивать литеры. Онъ хотѣлъ тайно послать этихъ рабочихъ въ Майнцъ для подробнаго изученія новаго изобрѣтенія.

Ему представили Николая Іенсона, человѣка весьма разумнаго и одного изъ граверовъ монетнаго двора въ Парижѣ.

Николай Іенсонъ, получивъ королевскій наказъ, отправился въ Майнцъ. Тамъ онъ изучилъ все, относившееся тогда къ типографскому искусству въ мастерской Гутенберга, или въ чьей-нибудь другой, ибо тогда въ Майнцѣ были двѣ, или три типографіи.

Неизвѣстно точно, ни когда именно прибылъ Іенсонъ въ Майнцъ, ни сколько времени посвятилъ онъ на изученіе дѣла. Онъ вѣроятно возвратился во Францію только послѣ смерти Карла VII, то-есть позднѣе 22-го іюля 1461 года.

По несчастію, посылка Іенсона прошла безплодно. По смерти Карла VII, первымъ дѣломъ его сына и наслѣдника Лудовика XI, было удалить отъ себя всѣхъ лицъ, служившихъ его отцу. Такъ былъ удаленъ Николай Іенсонъ, потому что было естественно предположить, на основаніи посылки его въ Германію, что покойный король питалъ къ нему уваженіе и довѣренность.

Въ этомъ состояла единственная причина, почему Іенсонъ былъ дурно принятъ Людовикомъ XI. Въ самомъ дѣлѣ, Людовикъ XI вскорѣ выписалъ изъ Греціи и Италіи много рабочихъ, для устройства въ королевствѣ шелковыхъ фабрикъ, а потому вѣроятно не отвергъ бы и Николая Іенсона, если-бъ онъ самъ по себѣ сдѣлалъ предложеніе о введеніи во Францію новой промышлености и былъ чистъ въ глазахъ короля отъ подозрѣнія въ томъ, что пользовался довѣріемъ его покойнаго отца.

Когда Николай Іенсонъ увидѣлъ, что ему во Франціи дѣлать нечего, онъ рѣшилъ выселиться. Узнавъ, что въ Венеціи всего одна типографія и что ея владѣлецъ получилъ привилегію на пять лѣтъ, срокъ которой истекаетъ, онъ отправился туда. Онъ основалъ тамъ типографію и сдѣлался однимъ изъ знаменитыхъ типографовъ своего времени.

Семейство Мануче, или Альде Мануче, оставило по себѣ въ исторіи книгопечатанія безсмертное имя. Эти венеціанскіе типо-

графы, процвѣтавшіе съ 1488 по 1580, съ неподражаемымъ совершенствомъ воспроизвели знаменитыя творенія древности. Ихъ изданія пользуются авторитетомъ рукописей. Папы покровительствовали Альде, и они напечатали нѣсколько сочиненій, которыя нынѣ рѣдки и дорого цѣнятся.

Первые типографы, основавшіеся въ Парижѣ, были нѣмцы и швейцарцы. Ихъ поселили въ зданіяхъ Сорбонны. Они были призваны двумя бывшими воспитанниками университета, по имени— одинъ, Петръ Фише, который былъ впослѣдствіи ректоромъ, а другой—Жанъ Гейнлинъ.

Петръ Фише былъ родомъ изъ Савойи, а Жанъ Гейнлинъ изъ Гейна, близъ Констанцскаго озера.

Первыми типографскими работниками въ Парижѣ были: Ульрихъ Герингъ, изъ Констанца; Михель Фрибургеръ, изъ Кольмара; Мартинъ Крантцъ, вѣроятно, нѣмецъ. Вскорѣ къ этимъ присоединились другіе.

Сборникъ писемъ Каспарина Бергамскаго, небольшой томикъ in 4° въ 236 страницъ, была первая напечатанная въ Парижѣ книга. Она была напечатана римскими буквами, немного готической формы, но уже сильно отличавшимися отъ буквъ, употреблявшихся въ Майнцѣ и Страсбургѣ. Четыре слѣдующіе стиха, напечатанные въ концѣ тома и заключающіе обращеніе къ городу Парижу, доказываютъ, что это было первое вышедшее изъ этой типографіи сочиненіе:

Primos ecce libros quos haec industria finxt
Francorum in terris, ædibus atque tuis.
Michael, Udalricus, Martinusque magistri
Hos impesserunt ac facient alios.

Затѣмъ были напечатаны: Флора, *De tota historia Titi Livii epitome;* Саллюстія, *De Luccii Catalinae conjuratione liber; Guillelmi Ficheti Alnetani rhetoricorum libri tres* и т. д., и т. д.

Всѣ были въ восторгѣ, что вмѣсто дорогихъ рукописей, можно получать книги, напечатанныя четкимъ и яснымъ шрифтомъ и въ особенности изъятыя отъ грубыхъ ошибокъ, которыми были переполнены рукописи вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ.

Первые парижскіе печатники выдали только пятнадцать сочи-

ненiй, всѣ на латинскомъ языкѣ; это, конечно, было ничтожное число въ сравненiи съ огромнымъ количествомъ книгъ, привозившихся во Францiю изъ-за-границы.

Въ 1474 году, Людовикъ XI принялъ въ подданство Михаила Фрибуржье, Ильдарика Кверинга и Мартина Гранца, родомъ нѣмцевъ, которые прiѣхали во Францiю, какъ сказано въ приказѣ, *„ради занятiя ихъ искусствами и ремеслами дѣланiя книгъ различными способами письма, литьемъ и другими, и продажи оныхъ въ нашемъ городѣ Парижѣ, гдѣ они жительствуютъ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они найдутъ для себя выгоднымъ“* и т. д.

21-го апрѣля слѣдующаго года, Людовикъ XI издалъ указъ въ пользу Шеффера и Конрада Фуста, его тестя, *„купцовъ, горожанъ города Майнца въ Германiи, которые большую часть своего времени посвятили промышлености, искусству и занятiю печатанiя рукописей.“*

По французскому закону, по которому государство дѣлалось наслѣдникомъ всѣхъ иностранцевъ, не получившихъ правъ подданства, государство по смерти Фуста овладѣло книгами, присланными майнцской типографiей въ парижскiй складъ. Людовикъ XI приказалъ возвратить всѣ эти книги, или выплатить наслѣдникамъ Фуста сумму, для того времени значительную, въ 2425 экю, полученную за ихъ продажу государственною казною.

Вторымъ городомъ, гдѣ основалась типографiя во Францiи, былъ Лiонъ. Странно, что первыя французскiя книги были напечатаны не во Францiи; можетъ быть, это зависѣло отъ того, что печатники всѣ были нѣмцы. Университетская схоластика пренебрегала народнымъ языкомъ и это нерасположенiе университета къ народному языку перешло и къ типографскому искусству. Первыя французскiя книги были напечатаны въ Брюгге, въ Голландiи. Первая по времени—*Recueil des histoires des Trayes, composé par un vénérable homme, Raoul le Fèvre, prêtre.*

Нужно ли говорить, что изобрѣтенiе и распространенiе книгопечатанiя, что быстрое и неограниченное увеличенiе числа экземпляровъ каждой книги, и все большая и большая легкость въ прiобрѣтенiи всего, что необходимо для научныхъ занятiй, — были причиной общественнаго переворота, освѣжившаго и укрѣ-

пившаго старый европейскій міръ. Этотъ переворотъ былъ одновременно промышленный и торговый, литературный и ученый, религіозный и политическій. Мы вышли бы изъ задачи настоящаго сочиненія, если бы вошли въ подробности всего, до этого вопроса относящагося. Мы ограничимся указаніемъ только на нѣсколько главнѣйшихъ пунктовъ.

Повсюду и во всѣ времена, гдѣ писались сочиненія, заботились о полученіи съ нихъ копій, на каменныхъ ли доскахъ, на маленькихъ ли досчечкахъ, или же на растительныхъ тканяхъ. Изобрѣтеніе бумаги и приготовленіе пергамента относятся къ чрезвычайно отдаленнымъ временамъ. Первый, кто сдѣлалъ нѣсколько списковъ одной и той же книги, съ цѣлію продавать экземпляры, или мѣнять ихъ на другія вещи, былъ творцомъ и печати и книжной торговли. Во многихъ древнихъ городахъ, въ извѣстные періоды блестящей цивилизаціи, книжная торговля становилась одной изъ важныхъ отраслей промышлености. За нѣсколько вѣковъ до христіанской эры, одна изъ главнѣйшихъ аѳинскихъ площадей была окружена рядомъ книжныхъ лавокъ. Въ извѣстные періоды древней исторіи, особенно на Востокѣ, библіотеки были не рѣдкостью. И такъ, можно признать, что искусство переписыванія книгъ издревна сдѣлалось ремесломъ и въ извѣстныя времена было ремесломъ выгоднымъ. Въ средніе вѣка этимъ занималось множество лицъ, какъ монаховъ, такъ и мірянъ. Когда Людовикъ (св. католической церкви), въ тринадцатомъ вѣкѣ, поручилъ Стефану Боало, парижскому префекту, преобразовать корпораціи и ремесла, то переписчики и чистописцы одни составили цѣлую корпорацію.

Переписчики или *scriba* ограничивались чистой и правильной перепиской текстовъ на тонкомъ пергаментѣ. Чистописцы, или калиграфы, украшали тексты разничными миніатюрами. Другіе брошюровали и переплетали эти рукописи. Раздѣленіе и подраздѣленіе труда для производства книгъ были введены первоначально въ монастыряхъ.

Въ продолженіе тридцати послѣднихъ лѣтъ пятнадцатаго вѣка, то есть послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, всѣ работники, занимавшіеся производствомъ книгъ, должны были измѣнить родъ

своихъ занятій. Калиграфы, видоизмѣнивъ свои работы, поступали въ типографіи и нѣкоторое время еще приглашались всѣми книгопечатниками.

Переписчики перемѣнили совсѣмъ свои занятія; они сдѣлались наборщиками, переплетчиками и т. д.

Если представить себѣ всѣ приготовительныя и исполнительныя работы, относящіяся до книгопечатанія, то станетъ понятнымъ, что при книгопечатаніи явилась потребность въ гораздо большемъ числѣ работниковъ, чѣмъ при перепискѣ книгъ.

Итакъ, очевидно, что изобрѣтеніе книгопечатанія, вводя въ промышленость новыя занятія и въ торговлю новые продукты, произвело настоящій переворотъ въ области ручнаго труда.

Но этотъ переворотъ еще важнѣе съ точки зрѣнія литературной и ученой. Университеты не желали, чтобъ внѣ ихъ стѣнъ гдѣ-либо можно было получить образованіе равное тому, какое они давали; безъ сомнѣнія, это было въ силу того высокаго мнѣнія, какое имѣли о себѣ магистры и профессоры. Изъ книгъ, дошедшихъ до насъ отъ среднихъ вѣковъ, изъ похвалъ, которыми взаимно потчивали другъ друга университетскіе поэты и ораторы, видно, что между ними были не рѣдкостью писатели равные и даже выше Цицерона, Виргилія, Горація. Когда университеты не дозволяли, чтобы писались и обнародовались руководства къ грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ и т. д., то, конечно, сами преподаватели не сомнѣвались въ своемъ превосходствѣ. Они заботились только о томъ, чтобы число студентовъ, собиравшихся вокругъ ихъ каѳедръ, не уменьшилось, когда лекціи будутъ напечатаны и стало быть заранѣе извѣстны. Схоластики имѣли глубокое отвращеніе къ народному языку; выражаться понятно для всѣхъ—значило, по ихъ мнѣнію, унижать себя. Этотъ предразсудокъ задерживалъ развитіе народныхъ литературъ и ходъ цивилизаціи.

Изъ того, что книгопечатаніе пріютилось съ самаго начала въ нѣдрахъ парижскаго университета, не слѣдуетъ заключать, что этимъ двумъ учрежденіямъ суждено было жить въ мирѣ. Стоитъ только разсмотрѣть природу и происхожденіе каждаго изъ нихъ, чтобы понять, что ихъ раздѣляла радикальная противоположность. Стрем-

ленія книгопечатанія заключались въ возможно большемъ распространеніи просвѣщенія и прогресса; напротивъ, усилія стариннаго университета клонились къ увеличенію мрака. Онъ всегда былъ въ союзѣ съ силами, стремившимся къ этому. Если раждающееся книгопечатаніе не было уничтожено съ первыхъ шаговъ, то никакъ не по винѣ этого университета.

Когда стали печатать книги на народномъ языкѣ, когда нѣсколько великихъ новаторовъ, презирая въ свою очередь старую схоластику, рѣшились писать на народномъ языкѣ и прямо дѣйствовать на разумъ массъ,—все подвинулось съ великой быстротою къ всеобщему преобразованію въ Европѣ. Человѣческій умъ пробудился отъ долгаго усыпленія; повсюду обнаружился геній открытій. Настало полное возрожденіе. Съ распространеніемъ и популяризированіемъ идей при посредствѣ книгопечатанія, и когда изложеніе этихъ идей стало болѣе легкое, отчетливое, общепонятное, при помощи народныхъ языковъ, — мало-по-малу образовался вкусъ въ искусствахъ, во всемъ, относящемся къ воображенію и чувству. Трудно сказать, до какой степени усовершенствованіе языка вліяетъ на точность мыслей и на развитіе наукъ.

Впрочемъ, какъ сказалъ ученый Дону [1]), мы слишкомъ еще близки къ эпохѣ изобрѣтенія книгопечатанія, чтобы могли дать себѣ отчетъ о томъ, какое дѣйствіе суждено ему произвести на цивилизацію. Измѣненія и улучшенія, результаты которыхъ не содѣлываютъ одновременно человѣка разумнѣе и нравственнѣе, хотя бы и доставляли ему бо̀льшій итогъ благосостоянія, не составляютъ истиннаго прогресса. Усовершенствованіе цивилизаціи какого-либо народа существенно связано съ его нравственностью, Въ тѣ періоды жизни націи, когда характеры понижаются и пошлѣютъ, нравы разнуздываются и человѣческіе истинкты и вкусы падаютъ, — цивилизація находится въ упадкѣ, каковы бы ни были блескъ и развитіе наукъ, искусствъ, или общественнаго богатства, какъ-бы великолѣпны ни были памятники, украшаю-

---

[1]) *Analyse des opinions diverses sur l'origine de l'imprimerie*. Paris, in 8°, an XI.

щіе города; несмотря на блескъ празднествъ и внѣшнюю роскошь, въ Римѣ цивилизація шла назадъ во время царствованія Тиверія и Нерона. Между тѣмъ общественное богатство, развитіе промышлености и великихъ строительныхъ работъ, въ особенности архитектуры, въ тѣ времена достигло высшаго развитія въ столицѣ императоровъ. Спасло-ли бы Римъ отъ паденія искусство книгопечатанія, еслибъ оно было изобрѣтено въ то время?

Книгопечатаніе могущественное орудіе народнаго воспитанія и цивилизаціи. Но его слѣдуетъ направлять къ полезной цѣли. Народъ, при помощи этого орудія, можетъ подняться, или пасть; сдѣлаться нравственнѣе и образованнѣе, или деморализоваться и погрязнуть въ мракѣ, горшемъ невѣжества. Итакъ, слѣдуетъ заниматься не столько самимъ книгопечатаніемъ, сколько законами, учрежденіями и общественными нравами, которымъ оно служитъ. Не слѣдуетъ заботиться объ увеличеніи числа книгъ, а о томъ, чтобы онѣ были хороши и полезны. „У древнихъ было немного книгъ, сказалъ Ж. Ж. Руссо, но если они читали меньше нашего, за то думали гораздо больше. У насъ же, избытокъ книгъ убиваетъ науку: думаютъ, что знаютъ то, что прочитано, и избѣгаютъ изученія."

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ,

или

ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ.

Ничто не совершается безъ достаточнаго подготовленія, ни въ мірѣ физическомъ, ни въ мірѣ нравственномъ. Весной, природа не раскрывала бы чудеса обновленной растительности, если это не было подготовлено рядомъ таинственныхъ процессовъ въ нѣдрахъ земныхъ. Такая же работа подготовленія и выработки совершается и въ нѣдрахъ человѣчества въ теченіе вѣковъ. Въ силу этой-то работы, то спорой, то замедленной, смотря по времени и мѣсту, совершаются открытія, изобрѣтенія, всяческое развитіе, составляющія поступательное движеніе духа человѣческаго. Когда внимательно изучаешь исторію наукъ и искусствъ, то узнаешь, что наиважнѣйшія изобрѣтенія почти всегда начало свое ведутъ отъ первичныхъ идей, смѣшанныхъ съ весьма древними преданіями. Слѣдя, въ исторіи наукъ и промышленности, естественную преемственность фактовъ и послѣдовательныя видоизмѣненія однѣхъ и тѣхъ же идей, видишь, какъ открытія порождаются одно изъ другаго, какъ каждое часто предполагаетъ массу другихъ, принадлежащихъ прошедшимъ временамъ. Изъ сближенія нѣсколькихъ фактовъ, извѣстныхъ съ незапамятныхъ временъ, и повидимому уединенныхъ въ преданіяхъ вѣковъ, произошли тѣ великія завоеванія науки, которыя имѣли столь глубокое вліяніе на судьбы рода человѣческаго.

Мы могли бы привести много примѣровъ, оправдывающихъ эти мысли, — но ограничимся слѣдующимъ, составляющимъ предметъ настоящей статьи.

Мнѣніе о шарообразности земли весьма древнее. Александръ фонъ Гумбольдтъ [1]) и докторъ Гёферъ [2]) приводятъ весьма интересныя подробности о свѣдѣніяхъ древнихъ относительно формы земли, распредѣленія материковъ и морей.

Въ древности предчувствовали возможность достигнуть береговъ Индіи, плывя на западъ отъ Испаніи.

„Земля кругла, говоритъ Аристотель. Она не очень велика, и море, омывающее морской берегъ по сторону Геркулесовыхъ столбовъ, омываетъ также сосѣднія съ Индіей берега.“

Сенека, принимая это мнѣніе Аристотеля о малости земли, воспроизводитъ его въ нѣсколько преувеличенныхъ выраженіяхъ:

„Послѣ внимательнаго наблюденія, зритель съ презрѣніемъ видитъ, какое малое пространство занимаетъ его древнее мѣстожительство: ибо какое пространство отъ крайнихъ береговъ Испаніи до Индіи? При попутномъ вѣтрѣ, для корабля идущаго подъ полными парусами—пространство въ нѣсколько дней пути“[3]).

Въ двухъ мѣстахъ Страбонъ [4]) утверждаетъ, что въ томъ же умѣренномъ поясѣ, въ которомъ мы живемъ, и особено вблизи параллельнаго круга, проходящаго черезъ Ѳину и Атлантическое море, могутъ существовать двѣ обитаемыя земли и можетъ быть больше двухъ. Александръ фонъ Гумбольдтъ по этому поводу говоритъ: „вотъ пророчество объ Америкѣ и островахъ Южнаго океана, болѣе разумное чѣмъ пророчество *Медеи* Сенеки.“

Вотъ текстъ этихъ пророческихъ стиховъ изъ трагедіи Сенеки *Медея*, о которыхъ упоминаетъ Гумбольдтъ:

Venient annis
Saecula suis, quibus Oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat tellus; Tethysquae novos
Detegat orbes; nec sit terris
Ultima Thule [5]).

---

[1]) *Examen critique de l'histoire de la géographie du nouveau continent*. 5 vol. in 8-o. Paris, 1839.

[2]) *Biographie générale* de Firmin Didot, article *Christophe Colomb*.

[3]) Quest. nat., II.

[4]) Книга I, стр. III, *Alm.* и книга II.

[5]) Дѣйствіе II, стихъ 376.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ ВЫСАЖИВАЕТСЯ НА БЕРЕГЪ НА ОСТРОВѢ САНЪ-САЛЬВАДОРЪ.

„Во времена, еще далекія отъ нашего, настанетъ вѣкъ, когда Океанъ дозволитъ свободный ходъ вещамъ; тогда появится обширная земля, тогда Ѳетида дозволитъ увидѣть новыя земли, и Туле (Исландія) не будетъ крайнимъ предѣломъ земель.“

Это мѣсто приковывало къ себѣ вниманіе Христофора Колумба. Два раза списывалъ онъ его собственноручно въ черновомъ наброскѣ книги *Las Profecias*.

Маркобій, въ своемъ *Толкованіи сна Сципіона*, полагаетъ также, что мореплаватель, направляясь съ востока на западъ, долженъ встрѣтить на пути материкъ тамъ, гдѣ наши антиподы.

Въ средніе вѣка, Альбертъ Великій и Рожеръ Баконъ разсматривали, разбирали, толковали мѣста древнихъ писателей о величинѣ и распредѣленіи материковъ и морей и т. д.

„Весь жаркій поясъ обитаемъ, говоритъ Альбертъ Великій [1]), и только невѣжество полагаетъ, что тѣ, которые ногами стоятъ къ намъ, должны непремѣнно упасть. Тѣ же климаты повторяются въ нижнемъ полушаріи, по другую сторону экватора и т. д.“

„Море, говоритъ Рожеръ Баконъ [2]), не покрываетъ, какъ полагаютъ, трехъ четвертей земнаго шара. Уже очевидно, что большая часть этой четверти должна находиться подъ нашими обитаемыми странами, ибо востокъ недалеко отъ запада; море, ихъ раздѣляющее, мало и не превосходитъ половины земнаго шара.“

Итакъ, въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, шарообразность земнаго шара, невеликость его пространства, существованіе антиподовъ, вѣроятность, что не всѣ обитаемыя земли извѣстны, и возможность, что можно доѣхать до Индіи, плывя все на западъ отъ Европы, — были весьма распространенныя, старинныя мнѣнія, въ особенности въ странахъ, обитаемымъ арабами.

Но отъ догадки до вѣрности опыта еще далеко. Чтобы перейти отъ догадки къ опыту, требовался человѣкъ, одаренный, въ высокой степени, соединеніемъ рѣдкихъ качествъ и достаточной суммой познаній.

Такой человѣкъ явился въ лицѣ Христофора Колумба.

---

[1]) *Liber Cosmographicus*.

[2]) *Opus majus*.

I.

Почти всѣ великіе люди вышли изъ простого народа. Вотъ причина, почему первые годы ихъ жизни окружены такой глубокой тьмою.

Съ Колумбомъ случилось то же, что съ Гомеромъ. Многія семейства, многіе города и деревни спорили, что онъ родился въ ихъ средѣ. Ученые и комментаторы вдавались на этотъ счетъ въ изслѣдованія и разсужденія, разборъ которыхъ былъ бы безполезенъ. Кажется, можно считать за вѣрное, что Колумбъ родился въ Генуѣ, ибо въ его завѣщаніи дважды упоминается объ этомъ. Быть можетъ, онъ родился не въ самой Генуѣ, а въ Коголетто, небольшомъ портѣ, бывшемъ нѣкогда пригородомъ Генуи, и черезъ который проѣзжаешь, въѣзжая въ городъ по Корнишской дорогѣ [1]).

Одинъ изъ его современниковъ, Андрецъ Бернальдецъ, болѣе извѣстный, какъ писатель, подъ именемъ *приходскаго священника де-лосъ-Палаціосъ*, говоритъ, что Колумбъ родился въ Генуѣ и что онъ былъ книгопродавецъ и торговалъ печатными книгами съ Андалузіей. Другой писатель, Ласъ-Казасъ, авторъ *Исторіи Индій*, прибавляетъ, что Христофоръ Колумбъ былъ въ юности очень бѣденъ и заработывалъ деньги въ Генуѣ продажей кормчіемъ и мореплавателямъ морскихъ картъ.

Фернандъ де-Наваретъ, испанскій писатель, изучившій въ государственныхъ испанскихъ архивахъ всѣ бумаги, всѣ подлинные документы относительно Христофора Колумба, говоритъ:

„Мнѣнія о точномъ времени рожденія Колумба и о первой его молодости еще несогласнѣе между собою, чѣмъ мнѣнія о мѣстѣ его рожденія [2]).

По Андрецу Бернальдецу, Христофоръ Колумбъ родился въ 1435 или 1436. Этотъ же годъ считаютъ наиболѣе вѣроятнымъ

---

[1]) См. *Dissertation sur la patrie de Colomb*, въ *Histoire de Christophe Colomb* Босси, во французскомъ переводѣ. In 8°. Paris 1824, p. 61—86.

[2]) *Relation des quatre voyage de Christophe de Colomb*, par Don F. da Navarette, secrétaire de Sa Majesté Catholique, traduit de l'espagnol par Chalumeau de Verneuil. 3 vol. in 8°. Paris, 1828.

Фернадъ де-Наваррретъ, кавалеръ де-Напіоне и Александръ фонъ Гумбольдтъ. Но другіе біографы принимали другіе года его рожденія.

Существуетъ *Исторія Христофора Колумба (Historia del Amirante)*, написанная его сыномъ, Фернандомъ Колумбомъ, сочиненіе переведенное по французски въ 1681 году и снова въ последнее время переведенное г. Ш. Мерро. Казалось бы, что біографія, написанная сыномъ, должна разрѣшать всѣ сомнѣнія, представлять наиболѣе точныя данныя на счетъ происхожденія Христофора Колумба, времени и мѣста его рожденія, первыхъ годовъ его жизни, положенія его семейства и т. п. Но обо всемъ этомъ нѣтъ ничего въ книгѣ Фернанда Колумба.

Отчего сынъ Христофора Колумба умалчиваетъ и упоминаетъ мимоходомъ о многихъ обстоятельствахъ, которыя хотѣлось бы знать, такъ какъ они относятся къ одной изъ величайшихъ личностей, составляющихъ своей дѣятельностью эпоху въ исторіи человѣчества? Жалкій предразсудокъ имѣлъ въ этомъ отношеніи вліяніе на Фернанда Колумба: онъ стыдился низкаго происхожденія своего отца. Онъ старается показать, что отецъ его былъ благороднаго происхожденія, но дѣлаетъ это, впрочемъ, довольно неискусно.

„Такъ какъ знатное рожденіе, говоритъ онъ, способствуетъ много славѣ великихъ людей, то нѣкоторые изъ моихъ друзей, узнавъ, что я пишу жизнь адмирала Христофора Колумба, моего отца, изъявили желаніе, чтобы я говорилъ о его *знаменитыхъ предкахъ* и вывелъ его происхожденіе отъ того знаменитаго Колона, который разбилъ Митридата и т. п.... Одни говорятъ, что онъ родился въ *Неми* или *Коголетто*, небольшомъ городкѣ близъ Генуи; другіе въ *Савонѣ*, или *Пьяченцѣ*. Въ этомъ послѣднемъ городѣ живы еще значительныя лица этой фамиліи, и есть тамъ гробницы съ именами и гербами Колумбовъ.

„Христофоръ Колумбъ, прибавляетъ его сынъ, съ первыхъ годовъ своей жизни сначала усвоилъ себѣ начала наукъ и затѣмъ, отдавшись почти исключительно изученію мореплаванія, онъ отправился въ Лисабонъ къ одному изъ своихъ братьевъ, который составлялъ морскія карты, и выучился у него космографіи. Въ Лисабонѣ онъ часто разговаривалъ съ людьми, бывавшими въ Африкѣ, и послѣ разсужденій съ ними, онъ, на основаніи ихъ разсказовъ, рѣшилъ, что есть еще неоткрытыя земли.

„..... Такъ какъ юность адмирала, продолжаетъ Фернандъ Колумбъ, была посвящена изученію наукъ, въ особенности *космографіи*, астрономіи, геометріи и на-

вигаціи, то слѣдуетъ признать, что онъ никогда не занимался *низкимъ* и рабскимъ ремесломъ [1]).

Вотъ какимъ образомъ сынъ объяснялъ, чѣмъ занимался Христофоръ Колумбъ въ юности. Ему не желалось, чтобы онъ занимался какимъ нибудь „низкимъ“ ремесломъ.

Въ сущности, Христофоръ Колумбъ былъ сыномъ генуэзскаго чесальщика шерсти. У него было два брата, Варѳоломей и Джакомо, или Яковъ (по испански, Діего), и сестра, о которой извѣстно только то, что она вышла замужъ за бѣднаго ремесленника [2]).

Христофоръ былъ старшимъ сыномъ. Онъ въ дѣтствѣ научился читать и писать. Его обучили также ариѳметикѣ, рисованью и живописи. По Ласъ-Казасу, онъ успѣлъ въ этихъ искусствахъ до такой степени, что, за неимѣніемъ другихъ средствъ къ существованію, могъ заработывать ими на хлѣбъ

Съ ранней юности у него была страсть ко всѣмъ наукамъ, относящимся до мореплаванія, а потому его отправили въ павійскій университетъ для изученія грамматики, латыни и различныхъ, приложимыхъ къ мореплаванію, наукъ, какъ-то: геометріи, астрономіи, географіи.

Колумбъ не долго пробылъ въ павійскомъ университетѣ. Едва онъ успѣлъ освоиться съ началами наукъ, какъ былъ отозванъ домой.

Одинъ современный авторъ, Джустиніани, въ своихъ *Анналахъ*, а за нимъ и другіе писатели, утверждаютъ, что Колумбъ, предназначаемый для знанятій отцовскимъ ремесломъ, поступилъ въ ученики въ Генуѣ. Его сынъ, Фернандъ, само собою разумѣется, отвергаетъ такое мнѣніе. Но вѣроятнѣе, что когда юному Колумбу пришлось выбирать между отцовскимъ ремесломъ и морскимъ дѣломъ, то онъ тотчасъ занялся послѣднимъ, согласно съ своей склонностью и своимъ предпріимчивымъ и смѣлымъ характеромъ.

---

[1]) Histoire de l'amiral.

[2]) *Vie et voyages de Christophe Colomb*, par Washington Irving, traduit de l'anglais par G. Renson. Paris 1864. 3 vol. in 8⁰, p. 12,

Вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ павійскаго университета онъ въ первый разъ пошелъ въ море. Ему было тогда не болѣе шестнадцати лѣтъ [1]).

Въ 1459, герцогъ калабрійскій, Іоаннъ Анжуйскій, рѣшился попытать счастья за неаполитанской короной. Его отецъ, Рене, графъ прованскій, вооружилъ для него двѣнадцать галеръ въ марсельскомъ портѣ и кромѣ того обѣщалъ помощь короля французскаго и большія денежныя вспоможенія. Генуэзцы приняли большое участіе въ дѣлѣ Іоанна Анжуйскаго и доставили ему кораблей и денегъ.

Колумбу въ это время было около двадцати четырехъ лѣтъ. Со времени возвращенія его изъ Павіи прошло девять или десять лѣтъ. Чѣмъ занимался онъ въ это время? Безъ сомнѣнія, онъ много плавалъ и во время путешествій все свободное время посвящалъ наукѣ. Онъ принялъ участіе въ экспедиціи Іоанна Анжуйскаго, но въ какомъ званіи, не извѣстно.

Два уже знаменитые моряка, дядя и племянникъ Колумбы, которыхъ сынъ Христофора, Фернандъ, выдаетъ за родственниковъ, также участвовали въ экспедиціи. Историки полагаютъ, что Христофоръ служилъ на эскадрѣ, которой командовалъ одинъ изъ его родственниковъ Колумбовъ. Одно изъ позднѣйшихъ писемъ Христофора къ королю кастильскому подтверждаетъ это мнѣніе; въ письмѣ сказано, что одно время онъ былъ отдѣленнымъ начальникомъ на службѣ короля неаполитанскаго [2]). А такое начальствованіе предполагаетъ предварительную службу.

Послѣ четырехлѣтней борьбы, съ перемѣннымъ счастіемъ, предпріятіе Іоанна Анжуйскаго окончилось неудачей. Вѣроятно, нѣкоторое время спустя, Колумбъ получилъ командованіе отдѣльной частью, о которомъ идетъ рѣчь въ упомянутомъ письмѣ 1495 года. Но затѣмъ, онъ пропадаетъ изъ виду, и изъ періода въ нѣсколько лѣтъ остались въ его исторіи только слабыя указанія.

---

[1]) Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ Колумба къ королю кастильскому, сказано: „Всемилостивѣйшій государь, я мореходецъ отъ юности. Уже *сорокъ* лѣтъ какъ я брожу по морямъ“ и т. д.

[2]) Отъ 1495 г. (Письмо приведено Фернандомъ де-Наваретомъ).

Полагаютъ, что онъ плавалъ по Средиземному морю и бывалъ въ левантскихъ портахъ; онъ то занимался торговлей, то участвовалъ въ войнахъ, вспыхивавшихъ между итальянскими республиками. Извѣстно, что онъ былъ на островѣ Хіосѣ, гдѣ видѣлъ какимъ образомъ добывается мастика; онъ самъ говоритъ объ этомъ [1]).

Порой смѣшивали Христофора Колумба съ его однофамильцемъ, старымъ генуэзскимъ адмираломъ, или съ племянникомъ этого послѣдняго, страшнымъ корсаромъ.

„Мой отецъ, говоритъ Фернандъ Колумбъ, плавалъ въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ, на востокъ и западъ, будучи постоянно на морѣ, но нигдѣ онъ не видѣлъ такимъ превосходныхъ и красивыхъ портовъ, какъ въ Индіи.

„.... Его встрѣча съ однимъ родственникомъ, называвшимся *Колумбомъ младшимъ*, обусловила его переѣздъ въ Испанію и то, что онъ еще больше привязался къ мореплаванію. Этотъ человѣкъ, извѣстный какъ предводитель арміи противъ невѣрныхъ, тотъ самый Колумбъ, что овладѣлъ четырьмя венеціанскими галерами“ [2]).

Фернандъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ про это:

„Христофоръ и Колумбъ младшій, говоритъ онъ, долгое время плавали вмѣстѣ. Однажды они узнали, что четыре венецейскія галеры возвращаются изъ Фландрій; они пошли розыскивать ихъ и, встрѣтивъ между Лисабономъ и мысомъ св. Викентія португальскаго, вступили съ ними въ бой. Съ утра до вечера дрались съ равной яростью съ обѣихъ сторонъ. Подъ вечеръ, одна изъ венецейскихъ галеръ загорѣлась, и огонь перебросило на ту, гдѣ находился Христофоръ Колумбъ; во время боя, галеры взялись на абордажъ и было невозможно загасить пожаръ. Тогда для спасенія ничего болѣе не оставалось, какъ броситься въ море; такъ и поступили. Колумбъ въ водѣ поймалъ весло, овладѣлъ имъ и держался за него, чтобы избѣжать опасности. При помощи весла, онъ сдѣлалъ двѣ мили. Наконецъ, ему удалось пристать къ берегу; онъ направился въ Лисабонъ, гдѣ вскорѣ встрѣтилъ много знакомыхъ генуэзцевъ [3]).

Сколько лѣтъ было въ то время Колумбу — сынъ его не говоритъ.

Такимъ образомъ, неожиданно попавъ въ Лисабонъ, Христофоръ Колумбъ былъ хорошо принятъ земляками и пріобрѣлъ между ними друзей; онъ рѣшился поселиться навсегда въ столицѣ Португаліи; мало того, онъ тамъ женился.

---

[1]) *Histoire de l'amiral.* Часть I, глава V.

[2]) *Ibid.*, глава IV.

[3]) *Histoire de l'amiral.* 1 часть, глава V.

Онъ каждый день ходилъ обычно въ одинъ изъ монастырей слушать мессу. Въ этомъ монастырѣ находилась дѣвица изъ хорошаго дома, дона Филиппа. Она замѣтила Колумба, онъ ей понравился, и она пожелала познакомиться съ нимъ.

Дона Филиппа была дочерью извѣстнаго мореплавателя Бартоломео Палестрельо, который, при Генрихѣ, принцѣ португальскомъ, былъ губернаторомъ Порто-Санто. Палестрельо умеръ въ бѣдности, оставивъ вдову и дочь.

Колумбъ женился на донѣ Филиппѣ. Онъ поселился вмѣстѣ съ женою у тещи.

Пользуясь этимъ, опишемъ портретъ великаго мореплавателя. Мы заимствуемъ его изъ сочиненія его сына.

У Христофора Колумба было длинное и полное лицо, орлиный носъ, живые и блестящіе глаза. Въ первой молодости, волосы у него были свѣтлорусые [1]); но около тридцати лѣтъ онъ началъ сѣдѣть. Онъ ѣлъ и пилъ весьма умѣренно. Религіозное чувство было въ немъ сильно развито, и отсюда-то, можетъ быть, проистекала та душевная твердость, та неустрашимость, въ силу которыхъ онъ всегда владѣлъ собою, постоянно сохранялъ присутствіе духа, и спокойно и хладнокровно размышлялъ даже посреди величайшихъ опасностей. Простой въ обращеніи и образѣ жизни, онъ былъ любезенъ и вѣжливъ съ незнакомыми, добръ и справедливъ относительно подчиненныхъ.

Однажды теща разсказала ему, что ея мужъ Палестрельо соединился съ двумя своими друзьями капитанами для открытія новыхъ земель, и что между ними было условлено, что каждый получитъ треть изъ открытаго. Она прибавила, что первая открытая такимъ образомъ земля, была островъ Мадера и Порто-Санто.

---

[1]) Портретъ *Христофора Колумба въ юности*, помѣщенный въ началѣ настоящей статьи, есть снимокъ съ оригинальнаго портрета кисти Антоніо дель Ринсонъ, существующаго въ библіотекѣ короля португальскаго и воспроизведеннаго въ сочиненіи г. Шартона *Navigateurs anciens et modernes* (томъ III, стр. 85), а равно на виньеткѣ сочиненія Наваррета. Другой портретъ, также часто повторявшійся, находится во главѣ французскаго перевода сочиненія Босси: *Исторія Христофора Колумба* (In. 8. Paris, 1824).

Колумбъ попросилъ у тещи записки о путешествіяхъ ея мужа. Онъ почерпнулъ изъ нихъ нѣсколько драгоцѣнныхъ свѣдѣній.

Ему было около тридцати лѣтъ, когда, женившись на донѣ Филиппѣ, онъ поселился въ Лисабонѣ. У него не было состоянія, и жена, на которой онъ женился по любви, не принесла ему приданаго. Но вѣроятно, что его теща получала небольшую пенсію. Кромѣ того, Колумбъ, сдѣлавшись зятемъ человѣка, оказавшаго услуги своей странѣ, прославившаго свое имя, не могъ уже въ Лисабонѣ считаться за одинокаго иностранца. Онъ сталъ владѣтелемъ бумагъ, картъ и журналовъ своего тестя. Онъ изучилъ тогдашніе мореходные пути. При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ разспрашивалъ самыхъ опытныхъ моряковъ. Онъ тщательно записывалъ всѣ добытыя такимъ образомъ свѣдѣнія. Сдѣлавшись въ силу своей женитьбы и мѣстожительства, португальцемъ, онъ нѣсколько разъ принималъ участіе въ экспедиціяхъ къ гвинейскимъ берегамъ. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько времени, онъ вполнѣ освоился съ планами и мыслями португальскихъ моряковъ.

Въ промежуткахъ между этими путешествіями, которыя предпринималъ Колумбъ, конечно, не на свой счетъ, онъ занимался изготовленіемъ картъ и глобусовъ; онъ продавалъ ихъ морякамъ и получаемый такимъ образомъ заработокъ, употреблялъ на прожитіе съ семействомъ, на помощь старику-отцу, который жилъ все въ Генуѣ, и воспитаніе своихъ младшихъ братьевъ. Получая весьма ограниченный доходъ, онъ долженъ былъ жить самымъ экономнымъ образомъ. Въ такое время, когда мысли всѣхъ были направлены на морскія открытія, точныя карты были очень рѣдки и въ большомъ требованіи, и для составленія ихъ требовались болѣе подробныя, чѣмъ обычно, свѣдѣнія въ космографіи и географіи. Колумбъ доказалъ въ этомъ отношеніи свое превосходство, обратилъ на себя вниманіе ученыхъ и пріобрѣлъ извѣстность.

Вѣроятно, во время своего пребыванія въ Лисабонѣ и безъ сомнѣнія благодаря свѣдѣніямъ, найденныхъ имъ въ бумагахъ тестя, Колумбъ сталъ думать объ отысканіи новаго пути въ Индію.

Онъ обращался къ искуснымъ мореходамъ: онъ узнавалъ о пути, которому слѣдовали въ то время португальцы, направляясь къ югу. Затѣмъ, разсуждая о различныхъ извѣстныхъ ему данныхъ, онъ спрашивалъ себя, не возможно ли, плывя на западъ, подвинуться въ эту сторону на столько, на сколько проѣхали уже къ югу, и открыть въ этомъ направленіи какую либо новую землю. Онъ принялся снова читать по космографіи, астрономіи и географіи. Въ это же время, безъ сомнѣнія, онъ пріобрѣлъ различныя латинскія и арабскія рукописи, гдѣ излагались географическія мнѣнія древнихъ и средневѣковыхъ ученыхъ о формѣ и пространствѣ земли, относительномъ положеніи материковъ и морей и т. д. Онъ прочелъ *Imago mundi*, книгу, которая, по г. Гёферу [1]), была нѣкотораго рода руководствомъ къ географіи, *vade mecum* Христофора Колумба.

Въ это время жилъ въ Лисабонѣ каноникъ Фернандъ Мартинецъ, другъ ученаго итальянскаго астронома Тосканелли.

Со времени донъ Альфонса, короля португальскаго, каноникъ Мартинецъ поддерживалъ съ Тосканелли корреспонденцію на счетъ морскихъ путешествій къ берегамъ Новой Гвинеи и на счетъ возможности путешествія на западъ. При посредствѣ одного флорентинца, находившагося въ Лисабонѣ, Колумбъ писалъ Тосканелли. Этотъ ученый отвѣчалъ ему:

„Изъ вашего письма, я узналъ о вашемъ благородномъ желаніи дѣлать открытія. Я посылаю вамъ списокъ съ отвѣта, посланнаго недавно одному изъ друзей моихъ, канонику Мартинецу. Король португальскій приказалъ ему написать мнѣ о вещахъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ вы спрашиваете. Я вамъ посылаю копію съ моего отвѣта ему съ морской картой, которая вамъ послужитъ объясненіемъ.“

Письмо Тосканелли къ канонику Мартинецу очень длинно. Фернандъ Колумбъ [1]) приводитъ его цѣликомъ. Оно находится также въ *Исторіи Христофора Колумба* Босси [2]).

Это письмо Тосканелли отъ 25 іюня 1474 г. Комментаторы полагали, что ученый флорентинецъ почерпнулъ большую часть

---

[1]) *Biographie générale par* Didot, статья *Chistophe Colomb.*

[2]) *Histoire de l'amiral.*

[3]) Стр. 195—202.

свѣдѣній изъ *Путешествій* Марко Поло. Фонъ-Гумбольдтъ не раздѣляетъ такого мнѣнія.

Письма Тосканелли произвели на Христофора Колумба великое впечатлѣніе. Въ морскомъ журналѣ перваго его путешествія, онъ почти буквально воспроизводитъ выраженія флорентинскаго астронома. Тосканелли былъ однимъ изъ величайшихъ авторитетовъ по космографіи того вѣка, и Колумбъ, радуясь, что могъ вступить съ нимъ въ сношенія, нѣсколько разъ перечитывалъ получаемыя имъ отъ него письма и усвоилъ себѣ его выраженія.

Въ тѣ времена новыя географическія открытія, богатства и слава людей, имѣвшихъ счастье ихъ сдѣлать, все болѣе и болѣе частыя путешествія къ африканскимъ берегамъ и въ Гвинею; общераспространенное мнѣніе, что есть еще много неоткрытыхъ земель,—все это возбуждало умы къ лихорадочной дѣятельности. Ученыя изслѣдованія, всегда отвѣчающія желаніямъ и надеждамъ данной эпохи, преимущественно обращались на географію. Колумбъ, будучи въ сношеніи съ учеными и мореплавателями, постоянно занимался сличеніемъ картъ и слѣдилъ за успѣхами мореходства. Черезъ семейство жены, онъ попалъ въ среду, гдѣ разговоры почти исключительно касались морского дѣла. Такимъ образомъ, все и постоянно направляло его умъ на этотъ предметъ.

Онъ на нѣкоторое время переселился на островъ Порто-Санто. Тамъ у него родился сынъ Діего.

Его жена получила въ наслѣдство имѣніе на этомъ островѣ; достатки такимъ образомъ увеличились, и у Колумба оставалось больше свободнаго времени для занятій.

Свояченица Колумба вышла замужъ за уже знаменитаго мореплавателя, Педро Корреа, который былъ губернаторомъ Порто-Санто. Такимъ образомъ, соединились всѣ эти моряки, и въ дружескихъ семейныхъ разговорахъ часто дѣлились свѣдѣніями, добытыми во время ихъ плаваній вдоль африканскихъ береговъ, разсуждали о давно отыскиваемомъ пути изъ Португаліи въ Индію и о возможности существованія неизвѣстныхъ земель на западѣ.

Въ это время, много, часто сказочныхъ, разсказовъ бродило между жителями островов и странъ, сосѣднихъ съ Африкою.

Одинъ изъ уроженцевъ острова Мадеры, Антоніо Леоне, разсказывалъ Колумбу, что однажды, путешествуя на западъ, онъ замѣтилъ три неизвѣстныхъ острова. Жители Канарскихъ острововъ увѣряли, что видятъ время отъ времени на западѣ огромный островъ, на которомъ, какъ кажется, есть высокія горы. Островъ этотъ былъ видѣнъ только по временамъ, но всегда видъ его былъ одинаковъ, онъ являлся на томъ же мѣстѣ, какъ въ ясную, такъ и пасмурную погоду. Жители Канарскихъ острововъ до того были увѣрены въ существованіи этого острова, что просили короля португальскаго о дозволеніи взять его.

Нѣсколько экспедицій было отправлено въ ту сторону, гдѣ, казалось, существуетъ этотъ фантастическій островъ, но ничего не нашли. То былъ оптическій обманъ, по временамъ повторявшійся и подававшій случай къ самымъ страннымъ толкамъ. По мнѣнію однихъ, то была знаменитая Антлантида, о которой столько толковали въ древности; по мнѣнію другихъ — островъ *Семи городовъ*, предположеніе, заимствованное изъ стариной легенды, по словамъ которой въ время завоеванія Испаніи маврами, семь епископовъ съ огромной толпой вѣрныхъ отправились на незнаемый островъ на океанѣ и основали тамъ семь великолѣпныхъ городовъ. Третьи называли его островомъ св. Брандана, по имени шотландскаго священника, яко бы поселившагося на немъ въ шестомъ вѣкѣ съ тремя тысячами монаховъ.

Эти разсказы и легенды занимали въ то время довольно сильно португальцевъ; но Христофоръ Колумбъ не вѣрилъ имъ. Онъ думалъ, и справедливо, что эти туманные острова были явленіями, производимыми выдающимися изъ океана скалами, и которыя издали, при извѣстномъ состояніи атмосферы и свѣта, представлялись глазамъ за дѣйствительные острова.

Колумбъ, зная, что земля шарообразна, заключалъ изъ этого, что ее можно объѣхать вокругъ съ востока на западъ. Онъ раздѣлялъ мнѣніе древнихъ о малости земнаго шара, думая, что діаметръ ея не болѣе тысячи шестисотъ лье, или около пяти тысячъ лье въ окружности, тогда какъ окружность эта въ дѣйстви-

тельности равна десяти тысячамъ лье въ четыре километра (около 40,000 верстъ), то и надѣялся, что, проплывъ восемьсотъ лье, онъ достигнетъ нашихъ антиподовъ и такимъ образомъ попадетъ въ Индію.

Разсужденіе правильное, за исключеніемъ длины пути, которая гораздо значительнѣе, и того, что на пути лежитъ Америка, — что не принималось въ разсчетъ.

Далѣе, португальскій кормчій, по имени Мартинъ Винцентъ, разсказывалъ Колумбу, что, проплывъ около четырехсотъ пятидесяти лье къ западу отъ мыса Сенъ-Винцента, онъ вытащилъ изъ воды кусокъ обдѣланнаго дерева, принесеннаго продолжавшимся нѣсколько дней западнымъ вѣтромъ.

Его своякъ, Педро Корреа, разсказывалъ также, что въ окрестностяхъ Порто-Санто, онъ встрѣтилъ на морѣ кусокъ дерева, подобный тому, какой нашелъ кормчій Мартинъ Винцентъ, и также принесенный съ запада.

Жители Азорскихъ острововъ сообщили ему, что въ дни, когда дуетъ западный вѣтеръ, на берегъ выбрасываетъ огромные сосны, но неизвѣстной на островѣ породы. Они прибавляли, что жители Цвѣточныхъ острововъ находили на берегу трупы людей, отличныхъ по виду отъ когда-либо ими виданныхъ. Много такихъ фактовъ заимствуетъ Фернандъ Колумбъ изъ бумагъ своего отца.

Во время пребыванія своего въ Лисабонѣ, Христофоръ Колумбъ изучилъ этотъ вопросъ, и его планъ созрѣлъ. Человѣкъ дѣятельный и дѣловой, онъ въ этомъ случаѣ столько же думалъ о будущей славѣ, какъ и о денежныхъ выгодахъ. Составленный имъ планъ отвѣчалъ этимъ обоимъ условіямъ.

Христофоръ Колумбъ желалъ сообщить свой проектъ Іоанну II, королю португальскому, потому что зналъ, съ какой необычайной щедростью дворъ лисабонскій поощряетъ морскія открытія и предпріятія. Онъ, по просьбѣ, получилъ аудіенцію у короля.

„Государь этотъ, говоритъ Фернандъ, выслушавъ его, вначалѣ не раздѣлялъ его мнѣній; но Колумбъ не смутился и къ первымъ своимъ доказательствамъ прибавилъ новыя, такъ что наконецъ король убѣдился. Затѣмъ зашелъ вопросъ о томъ, что требуетъ Колумбъ для себя, въ случаѣ полнаго успѣха предпріятія.“

Колумбъ, какъ видно, желалъ ассюрировать свои выгоды, раньше чѣмъ проектъ экспедиціи будетъ принятъ.

Но король Іоаннъ не спѣшилъ въ дѣлахъ. Прежде, чѣмъ на что нибудь согласиться, онъ потребовалъ времени на размышленіе.

Въ этотъ промежутокъ, онъ посовѣтовался съ докторомъ Кальцадилья. Этотъ ученый былъ, безъ сомнѣнія, какой нибудь казуистъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ посовѣтовалъ королю послать какого нибудь искуснаго морехода на отысканіе этой невѣдомой земли, въ существованіи которой Колумбъ былъ такъ увѣренъ.

„Если удастся открыть ее, сказалъ докторъ, то послѣ открытія вашему величеству не придется давать большаго вознагражденія Колумбу."

Іоаннъ II не только принялъ совѣтъ, но поспѣшилъ привести его въ исполненіе. Подъ видомъ будто посылаются съѣстные припасы и вспомогательный отрядъ на острова Зеленаго мыса, онъ тайно снарядилъ каравеллу (родъ морскаго судна). Кормчій отправился точно по направленію, о которомъ Колумбъ говорилъ королю. Но, плохо зная астрономію, онъ, самъ того не замѣчая, измѣнилъ направленіе. Онъ долго въ буквальномъ смыслѣ бродилъ по морю и вернулся, ничего не найдя.

По возвращеніи, онъ громко смѣялся надъ *бреднями генуэзскаго авантюриста*. Онъ повсюду толковалъ, что въ тѣхъ моряхъ, куда предполагалъ идти Колумбъ, невозможно открыть ни клочка земли.

Колумбъ былъ человѣкъ сердца благороднаго и духа возвышеннаго. Безчестный поступокъ Іоанна II возмутилъ его. Онъ оставилъ Португалію и отправился въ Кастилію съ сыномъ своимъ Діего.

Такъ разсказываетъ Фернандъ Колумбъ.

Португальскіе писатели, чтобы смягчить упреки, которые по этому случаю дѣлались правительству Іоанна II, позже, совершенно иначе, чѣмъ Фернандъ, передавали происшедшее между Колумбомъ и Іоанномъ.

По Барреи, Іоаннъ далъ только наружное согласіе, вынужденное докучливостью Колумба. Король,—прибавляетъ этотъ писа-

тель,—считалъ Колумба человѣкомъ тщеславнымъ и славолюбивымъ, предававшимся несбыточнымъ мечтамъ. Впрочемъ, можетъ быть, придворные, видя какъ бѣдный и неизвѣстный человѣкъ изъявляетъ притензіи на высшія почести, постарались уронить Колумба во мнѣніи короля.

Другой португальскій писатель, Васконселосъ, говоритъ, что по случаю предложенія Колумба король созвалъ совѣтъ изъ самыхъ образованныхъ въ королевствѣ лицъ и предложилъ ему такой вопросъ: „Слѣдуетъ ли принять новый путь, или же слѣдовать уже открытому?“ Проектъ Колумба, по словамъ этого историка, былъ отвергнутъ совѣтомъ.

Вашингтонъ Ирвингъ дѣлаетъ краткій разборъ мнѣній совѣта короля португальскаго по случаю проекта Колумба [1]).

Епископъ Цеутскій отвергалъ проектъ, какъ безумный. Онъ даже требовалъ, чтобы ограничились уже сдѣланными въ Африкѣ открытіями. Этого рода предпріятія, прибавилъ онъ, только развлекаютъ вниманіе, истощаютъ средства и раздѣляютъ силы націи, уже и безъ того ослабленныя ужасами войны и мороваго повѣтрія.

Донъ Педро де-Менезесъ, графъ Вилла-Реальскій, отвѣчалъ епискому Цеутскому. Онъ удивлялся, что столь благочестивый епископъ противится исполненію проектовъ, которые влекутъ за собою распространеніе католической религіи отъ одного полюса до другаго и покрываютъ славой португальскій народъ. Онъ съ почтеніемъ отзывался о подлежавшемъ ихъ разсмотрѣнію проектѣ.

Колумбу, очевидно, нечего было надѣяться на португальскій дворъ. Въ концѣ 1484 онъ оставилъ, съ сыномъ своимъ Діего, Лисабонъ.

Вашингтонъ Ирвингъ прибавляетъ, что онъ поторопился отъѣздомъ потому, что боялся ареста за долги [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, Колумбъ, исключительно занятый своимъ огромнымъ предпріятіемъ, почти бросилъ ту работу, которая

---

[1]) *Vie de Christophe Colomb*, traduction de G. Renson. T. I, стр. 53—56.
[2]) *Ibidem*. T. I, стр. 59.

давала ему возможность содержать семью. Мало-по-малу, дѣла его разстроились и онъ сталъ почти бѣднякомъ [1]).

Трудно рѣшить, куда отправился Колумбъ изъ Португаліи и чѣмъ онъ занимался около года. Въ одномъ испанскомъ сочиненіи, исполненномъ глубокихъ изысканій [2]), говорится, что Колумбъ въ 1485 г. былъ въ Генуѣ и возобновилъ дѣлаемыя имъ раньше предложенія, но что они были съ презрѣніемъ отвергнуты генуэзскимъ магистратомъ. Другіе говорятъ, что онъ просто ѣздилъ въ Геную для свиданія съ отцомъ. Третьи, что изъ Генуи онъ отправился въ Венецію, гдѣ его продложеніе было также не принято. По Фернанду Колумбу, онъ прямо отправился въ Испанію, что кажется также невѣроятнымъ.

Всѣ эти утвержденія очевидно только догадки историковъ, происшедшія отъ желанія объяснить темный періодъ въ его жизни. Но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что ему пришлось въ это время бороться съ бѣдностью.

Но этимъ и оканчивается темный періодъ жизни Колумба; во всемъ нижеслѣдующемъ, нѣтъ уже никакихъ историческихъ противорѣчій.

II.

Въ поллье отъ порта Палосъ де-Могера, въ Андалузіи, встарину существовалъ францисканскій монастырь во имя св. Маріи Рабидской. Однажды, пѣшеходъ съ мальчикомъ постучались у воротъ монастыря, и старшій попросилъ хлѣба и воды для ребенка. Въ то время, какъ онъ получалъ это подаяніе, подошелъ монастырскій пріоръ Хуанъ Перецъ де Марчена. Онъ былъ пораженъ видомъ незнакомца и, узнавъ по выговору, что онъ иностранецъ,

---

[1]) Въ собраніи документовъ, обнародованныхъ Наварреттомъ, есть письмо короля португальскаго, которое, кажется, подтверждаетъ мнѣніе, почему Колумбъ уѣхалъ столь поспѣшно. Въ этомъ письмѣ, написанномъ Колумбу черезъ нѣсколько лѣтъ по его отъѣздѣ, король приглашаетъ его вернуться въ Лисабонъ и обѣщаетъ, что его не будутъ безпокоить, не смотря „ни на какія, гражданскія или уголовныя, противъ него преслѣдованія.“

[2]) Munos. *Hist. del Nuevo Mundo.*

разговорился съ нимъ. Съ своей стороны, незнакомецъ замѣтилъ въ звукѣ голоса и выраженіи лица то сочувствіе, которое заставляетъ насъ подѣлиться своимъ горемъ съ человѣкомъ. По нѣсколькимъ, вкратцѣ разсказаннымъ эпизодамъ его жизни, монахъ увидалъ, что имѣетъ дѣло съ необыкновеннымъ человѣкомъ.

То былъ дѣйствительно Христофоръ Колумбъ съ своимъ сыномъ Діего. Откуда шли они пѣшкомъ въ такомъ ужасномъ видѣ—неизвѣстно. Знаютъ только, что онъ, потерявъ въ Португаліи свою жену, отвелъ своего сына Діего къ своему свояку въ Хуэрту, городокъ сосѣдній съ Палосомъ.

Пріоръ былъ человѣкъ любознательный и образованный. Живя недалеко отъ моря, онъ интересовался морскимъ дѣломъ. Его болѣе всего занимали науки, относящіяся къ мореплаванію. Приходъ Колумба въ его уединенный монастырь онъ считалъ особеннымъ счастіемъ. Съ другой стороны, такая встрѣча была счастливой для бѣднаго моряка. Пріоръ уговорилъ Колумба погостить у себя.

Отдохнувъ, Колумбъ сталъ откровеннѣе. Онъ въ подробности объяснилъ свой проектъ. Онъ произвелъ на монаха глубокое впечатлѣніе и величіемъ своимъ идей и своей ученостью.

Перецъ де Марчена, хотя человѣкъ образованный, но не смѣлъ произнести опредѣленнаго сужденія о мысляхъ и знаніяхъ Колумба, и пожелалъ посовѣтоваться объ этомъ съ однимъ ученымъ, своимъ другомъ, жившимъ по сосѣдству.

Этотъ ученый былъ Гарсіа Фернандецъ, пилоскій врачъ, который и передаетъ предъидущія подробности.

Докторъ Гарсіа Фернандецъ былъ не менѣе пріора пораженъ характеромъ и умомъ незнакомца. Подолгу и помногу бесѣдовали эти три человѣка въ тихомъ рабидскомъ монастырѣ. Проектъ Колумба былъ разсмотрѣнъ и разобранъ съ такимъ вниманіемъ и любопытствомъ, какихъ авторъ дотолѣ не могъ добиться отъ философовъ и ученыхъ, и можетъ быть, съ большимъ знаніемъ, чѣмъ какое показали министры и совѣтники короля португальскаго.

Пріоръ Хуанъ Перецъ и докторъ Гарсіа Фернандецъ, убѣжденные въ успѣхѣ Колумбова предпріятія, и въ томъ, что оно

можетъ не только прославить, но и принести выгоды ихъ отечеству, сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы пустить его въ ходъ.

Перецъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые выражаютъ свое удивленіе къ чему нибудь въ громкихъ фразахъ и ограничиваются одними пустыми обѣщаніями. Онъ полюбилъ Колумба и удивлялся ему. Онъ сталъ хлопотать, чтобы Колумба приняли благосклонно при испанскомъ дворѣ.

Перецъ былъ дѣйствительно близокъ съ Фердинандомъ де Талавера, пріоромъ монастыря Прадо и исповѣдникомъ королевы.

Перецъ написалъ къ Талавера рекомендательное письмо, въ которомъ отзывался самымъ лучшимъ образомъ о Колумбѣ. Онъ снабдилъ Колумба необходимымъ для представленія ко двору платьемъ, полнымъ кошелькомъ, муломъ и проводникомъ. Наконецъ, обѣщалъ отцу позаботиться о Діего, во время его отсутствія.

Друзья поцѣловались на прощанье, и Колумбъ отправился въ путь.

Онъ поѣхалъ въ Кордову, гдѣ тогда находились Фердинандъ и Изабелла. Не сомнѣваясь, что Талавера доставитъ ему скоро аудіенцію у короля, онъ предавался самымъ сладкимъ надеждамъ. Но этимъ мечтамъ суждено было быстро разсѣяться.

Колумбъ прибылъ въ Кордову въ началѣ 1486 г. Онъ надѣялся встрѣтить въ Талавера человѣка благосклоннаго, великодушнаго, готоваго помочь, человѣка, какимъ былъ его другъ, монастырскій пріоръ. Разочарованіе его было самое полное. Талавера посмотрѣлъ на проектъ Колумба какъ на химеру и не думалъ даже хлопотать объ аудіенціи для него.

Все лѣто и осень 1486 года ожидалъ Колумбъ въ Кордовѣ возвращенія королевы кастильской и короля арагонскаго, то есть Изабеллы и Фердинанда Католическаго. Онъ жилъ работая, продавая глобусы и географическія карты, а также вспоможеніями, получаемыми отъ рабидскаго пріора. Какъ всѣ истинно-сильные люди, онъ умѣлъ ждать.

По несчастію, тогдашнее положеніе дѣлъ въ Испаніи мало благопріятствовало великимъ морскимъ предпріятіямъ. Всѣ силы ея были направлены на борьбу, цѣлью которой было оконча-

тельное изгнаніе мавровъ. При помощи брака, кастильскій и арагонскій владѣтели соединили свои государства, но каждый сохранилъ относительныя свои права верховной власти. Они не слили свои владѣнія въ одно, а только вступили въ товарищество. Всѣ судебные приговоры издавались отъ имени Фердинанда и Изабеллы; всѣ государственные акты подписывались ими обоими; монеты чеканились съ изображеніями короля и королевы, и на королевской печати были соединены печати Кастиліи и Арагона.

Современные историки начертали намъ портретъ Изабеллы, въ которомъ слышится энтузіазмъ. Она была хорошо сложена и средняго роста. Ея походка была благородна и граціозна. Кожа у нея была очень бѣла, волоса свѣтлокаштановые, глаза голубые и добрые. Вся ея фигура дышала скромностью, подъ которой скрывался характеръ рѣшительный и твердый. Она была выше Фердинанда, какъ по благородству и величію душевному, такъ и по политическому уму. Хотя она была сильно привязана къ своему мужу, но умѣла постоянно поддерживать свои права, какъ союзной государыни.

Фердинандъ обладалъ быстрымъ соображеніемъ и способностью легко выражать свои мысли. Онъ былъ простъ въ образѣ жизни, привыченъ къ работѣ, неутомимъ и почти не имѣлъ соперниковъ, какъ разсчетливый политикъ. Но у него было больше честолюбія, чѣмъ величія душевнаго; онъ былъ скорѣй лицемѣромъ, чѣмъ религіознымъ человѣкомъ.

Въ 1486 году, король отправился осаждать городъ Леху. Королева, правда, оставалась въ Кордовѣ; но она была слишкомъ занята посылкой войска и съѣстныхъ припасовъ для арміи, а также сложными заботами по гражданскому управленію, которыя всѣ остались на ней. Поэтому, ей некогда было выслушать проектъ о морской экспедиціи въ отдаленныя страны. Прежде чѣмъ думать о расширеніи своихъ владѣній за моремъ, слѣдовало покорить Испанію.

Но все это время Колумбъ не даромъ жилъ въ Кордовѣ: онъ пріобрѣлъ себѣ нѣсколькихъ друзей и поклонниковъ. Не извѣстно, когда именно и какимъ образомъ онъ познакомился съ папскимъ нунціемъ, Антоніо Джеральдини, и его братомъ Александромъ

Джеральдини, воспитателемъ младшихъ дѣтей Фердинанда и Изабеллы. И тотъ и другой сочувствовали его видамъ.

Подъ покровительствомъ этихъ двухъ лицъ, онъ былъ представленъ влiятельному Педро Гонзалецу де Мендоза, архiепископу толедскому и великому кардиналу.

Кардиналъ Мендоза постоянно былъ близъ короля и королевы. Онъ ихъ сопровождалъ на войну, въ поѣздкахъ. Порой его называли *третьимъ королемъ Испанiи.* То былъ человѣкъ образованный, со здравымъ взглядомъ на вещи, сообразительный и дѣловой; но онъ былъ не знатокъ въ космографiи. Когда ему сказали въ первый разъ о проектѣ Колумба, онъ выразилъ опасенiе, не заключается ли въ этомъ проектѣ мыслей несогласимыхъ съ писанiемъ. Но нѣсколько ясныхъ и откровенныхъ объясненiй успокоили его. Онъ любезно принялъ генуэзскаго мореплавателя и внимательно выслушалъ его.

Колумбъ зналъ влiянiе великаго кардинала и приготовился къ аудiенцiи съ нимъ. Кардиналъ, по видимому, одобрилъ его проектъ, или по меньшей мѣрѣ понялъ всю его важность. Онъ поспѣшилъ сообщить обо всемъ этомъ Фердинаду и Изабеллѣ и выпросилъ у нихъ аудiенцiю для Колумба.

Морскiя открытiя, сдѣланныя португальцами, много придали славы этой нацiи. Фердинандъ желалъ, въ справедливомъ честолюбiи, чтобы для чести Испанiи были произведены еще большiя открытiя. Узнавъ о проектѣ Колумба, онъ сталъ льстить себя надеждою, что эти его ожиданiя сбудутся. Но онъ былъ человѣкъ холодный и осторожный, а потому узнавъ, что проектъ основанъ на научныхъ данныхъ, пожелалъ прежде окончательнаго рѣшенiя посовѣтоваться съ учеными своего королевства.

Сказавъ Колумбу нѣсколько общихъ одобрительныхъ словъ, ни къ чему его необязывавшихъ, онъ далъ приказанiе собрать совѣтъ для разсмотрѣнiя проекта Колумба объ открытiи новой дороги въ Индiю, плывя на западъ отъ Испанiи.

Составленiе этой ученой коммиссiи было поручено Талаверѣ, исповѣднику королевы. Онъ назначилъ въ нее преподавателей астрономiи, космографiи, математики и географiи, а также нѣсколько высокопоставленныхъ духовныхъ.

Коммиссія собралась въ Саламанкѣ, въ доминиканскомъ монастырѣ св. Стефана.

Колумбъ думалъ, что ему легко будетъ убѣдить людей серьезно занимающихся наукой. Но онъ не зналъ, сколько слѣпыхъ предразсудковъ, рутины и даже невѣжества было въ средѣ важныхъ испанскихъ сановниковъ. Въ глазахъ части совѣта этотъ бѣдный и неизвѣстный мореходъ, непринадлежавшій ни къ какому ученому учрежденію, не управлявшій ни однимъ морскимъ предпріятіемъ, былъ простымъ мечтателемъ, искателемъ приключеній. Другіе ужасались новшествъ, которыя могли быть слѣдствіемъ принятія прошеній.

Колумбъ ждалъ ученыхъ возраженій, а ему возражали только ссылками на библію, псалтырь, пророческія книги и евангелія. Чтобы доказать несуществованіе антиподовъ, приводили мѣста изъ Лактанція или блаженнаго Августина.

Вотъ еще одно изъ доказательствъ, на которое опирались нѣкоторые члены совѣта. „Форма земли, говорили они, уже изучена множествомъ глубокихъ философовъ и ученыхъ; земля объѣхана во всѣхъ направленіяхъ и въ продолженіе тысячи лѣтъ множествомъ искусныхъ мореплавателей, и со стороны человѣка, совершенно неизвѣстнаго, странной кажется увѣренность въ счастливомъ исходѣ предпріятія, за которое безуспѣшно бралось множество другихъ, болѣе ученыхъ, чѣмъ онъ, мужей.“

Когда Колумбъ въ первый разъ предсталъ предъ это собраніе, онъ оробѣлъ. Онъ не ждалъ тѣхъ возраженій, которыя ему представили, онъ не думалъ, что противъ его проекта будутъ приводить мѣста изъ писанія и церковные догматы. Но когда онъ убѣдился, что въ этомъ именно главный узелъ всего спора, онъ именно на него обратилъ все свое вниманіе и вышелъ, неожиданно для себя и другихъ, побѣдителемъ. Онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на слушателей, когда, отодвинувъ отъ себя карты и глобусы и оставивъ въ сторонѣ ученыя доказательства, онъ сталъ отвѣчать противъ чисто богословскихъ возраженій.

Вступивъ на почву своихъ противниковъ, онъ привелъ и развилъ множество священныхъ текстовъ. Затѣмъ, онъ перешелъ къ предсказаніямъ пророковъ и, воодушевленный справедливостью

своихъ мнѣній, истолковалъ священныя пророчества въ свою пользу. Затѣмъ, онъ перешелъ къ мнѣніямъ древнихъ философовъ. Тутъ, очутившись на научной почвѣ, онъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказалъ, что знаменитѣйшіе изъ ученыхъ древности полагали, что оба полушарія населены, но что они ошибались, полагая, что знойный поясъ препятствуетъ сношеніямъ между тѣми странами и нашими. „Но и противъ этого, сказалъ онъ, я могу представить убѣдительныя доказательства; я самъ плавалъ до Св. Георгія-ла-Мина, въ Гвинеѣ, почти на равноденственной линіи, и я узналъ, что не только можно переѣхать этотъ поясъ, но что онъ населенъ и изобилуетъ плодами и пастбищами."

Но всѣ эти доводы не убѣдили совѣта; онъ рѣшилъ уже заранѣе противъ и слушалъ ихъ безъ вниманія.

Только монахи монастыря, въ которомъ происходили совѣщанія коммиссіи, съ вниманіемъ слѣдили за развитіемъ мыслей Колумба. Монахи доминиканскаго ордена, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣчать, въ средніе вѣка болѣе другихъ занимались науками. Однимъ изъ доминиканцевъ, въ качествѣ зрителя, присутствовавшаго на совѣтѣ, былъ Діего де-Деца, профессоръ богословія въ монастырѣ, человѣкъ способный понять научныя истины высшаго порядка. Онъ былъ убѣжденъ доводами Колумба и увлеченъ его краснорѣчіемъ. Принявъ въ немъ участіе, онъ потребовалъ, чтобы его выслушали, если не безъ принужденія, то со вниманіемъ.

Ученое собраніе много занималось еще тѣмъ, чтобы согласить предложеніе Колумба съ птоломеевой космографіей.

Въ началѣ весны 1489 года, арагонскія и кастильскія войска отправились противъ Малаги. Дворъ отправился въ Кордову. Исповѣдникъ королевы, Талавера, въ то время епископъ авилійскій, послѣдовалъ за дворомъ; вслѣдствіе этого были отложены засѣданія севильскаго совѣта, котораго онъ былъ предсѣдателемъ.

Съ этого времени, Колумбъ въ безпокойствѣ отъ незнанія исхода дѣла, долженъ былъ переѣзжать вслѣдъ за дворомъ, въ надеждѣ, что наконецъ его предложеніе будетъ принято. Но трудно было заняться имъ во время войны, происшествія которой

съ быстротою слѣдовали одно за другимъ. Колумбъ, впрочемъ, получилъ приглашеніе слѣдовать за дворомъ. Порою, возобновлялись прерванныя совѣщанія и было приказано формально, — что дѣлаетъ честь Фердинанду и Изабеллѣ, — чтобы съ нимъ обращались почтительно. Ему всегда было готово помѣщеніе въ томъ городѣ, гдѣ останавливался дворъ, и ему выдавалась достаточная сумма на расходы.

Но не смотря на вниманіе короля и королевы, Колумбу приходилось много страдать. Придворщина, титулованная и не титулованная, оскорбляла его насмѣшками и остротами. Его не церемонясь, обзывали мечтателемъ и искателемъ приключеній.

Малага была взята 18 августа 1487 г. Король и королева отправились на зиму въ Сарагоссу, постоянно занятыя важными дѣлами, недозволявшими имъ подумать, какъ слѣдуетъ, о предложеніи Колумба. Они, впрочемъ, отъ времени до времени, принимали и одобряли его.

Въ 1488 году, 20 марта, онъ получилъ отъ Іоанна II, короля португальскаго, письмо, о которомъ мы говорили, и по которому его приглашали возвратиться въ Лисабонъ, обѣщая защитить противъ всякихъ гражданскихъ и уголовныхъ преслѣдованій. Безъ сомнѣнія, письмо это служило отвѣтомъ на новое предложеніе Колумба, который, наскучивъ испанской медлительностью, снова обратился въ Португалію.

Вѣроятно, что онъ писалъ также въ это время англійскому королю Генриху VII, ибо получилъ и отъ него письмо въ это время.

Въ маѣ 1489 г., Фердинандъ и Изабелла возвратились въ Кордову. Было издано повелѣніе приготовить для Колумба помѣщеніе въ Кордовѣ, куда онъ былъ приглашенъ для присутствія при новыхъ совѣщаніяхъ.

Эти совѣщанія были прерваны походомъ, въ которомъ, по словамъ испанскаго историка, Діего Зунига, „Колумбъ прославился своей доблестью и высокимъ умомъ [1].“ Походъ, въ которомъ по

---

[1]) *Annales de Séville*, кн. 12.

словамъ севильскаго историка Колумбъ принялъ участіе, былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ войнѣ противъ мавровъ.

Послѣ похода настала пора увеселеній; затѣмъ свадьба старшей дочери Фердинанда и Изабеллы; затѣмъ снова рядъ баловъ, турнировъ и празднествъ, которые были такъ часты при испанскомъ дворѣ.

Во время приготовленій къ новому походу, который долженъ былъ открыться съ весною 1491 года, Колумбъ сдѣлалъ новую попытку съ цѣлью добиться опредѣленнаго отвѣта. Пресловутая ученая коммиссія наконецъ окончила свои засѣданія, и ея предсѣдатель Талавера представилъ Фердинанду отчетъ.

Въ заключеніи этого отчета говорилось, что проектъ Колумба достичь Индіи моремъ, обогнувъ половину земнаго шара, не основанъ ни на какихъ убѣдительныхъ доказательствахъ; что онъ невозможенъ, и что столь великіе государи, какъ Фердинандъ и Изабелла, конечно, не примутъ участія въ такомъ рискованномъ предпріятіи. Таково было мнѣніе большинства совѣта; но меньшинство, состоявшее изъ болѣе серьезныхъ людей, было совсѣмъ другаго мнѣнія.

Ученый доминиканецъ Діего Деца, который, въ силу своихъ знаній и характера, имѣлъ нѣкоторое вліяніе при испанскомъ дворѣ, соединился съ нѣкоторыми изъ высокихъ лицъ, чтобы хлопотать въ пользу Колумба.

Съ другой стороны, кардиналъ Гонзалесъ де-Мендоза не рѣдко говорилъ королю и королевѣ о величіи идей Колумба. Такимъ образомъ, Фердинандъ и Изабелла чувствовали нѣкоторое сожалѣніе при мысли, что придется отвергнуть проектъ, сулящій такія важныя выгоды.

Поэтому они поручили Талаверѣ передать Колумбу, что отчетъ коммиссіи не повредилъ въ ихъ глазахъ его проекту; что безчисленныя заботы и огромныя военныя издержки не дозволяютъ имъ въ настоящее время заняться предпріятіемъ морскихъ открытій; но что, какъ кончится война, они примутъ въ соображеніе его предложенія и условятся съ нимъ. Въ то же время, они обѣщали ему дать въ скоромъ времеми аудіенцію.

Колумбъ отправился въ Севилью и на частной аудіенціи получилъ отъ королевы отвѣтъ, который въ сущности былъ тотъ же, что и вышеприведенный.

Между тѣмъ много уже годовъ прошло, какъ онъ началъ свои хлопоты. Поэтому Колумбъ рѣшилъ, что этотъ королевскій отвѣтъ былъ только средствомъ избавиться отъ его докучливости. Усталый отъ безполезныхъ ожиданій и хлопотъ, потерявъ всякую надежду, онъ съ горечью уѣхалъ отъ двора.

Онъ, вѣроятно, уѣхалъ бы изъ Испаніи, еслибъ его не удерживала сердечная привязанность.

Его жена, дона Филиппа, какъ уже мы говорили, давно умерла. Во время своего житья въ Кордовѣ, онъ полюбилъ одну даму по имени Беатриче Енрикецъ. Онъ былъ уже тогда не молодъ; но ему, одинокому, чужестранцу, несчастливцу, нужно было сердце, которое чувствовало бы за одно съ его сердцемъ, дѣлило бы съ нимъ радости и горе; ему нужны были внимательныя и любящія заботы женщины.

Беатриче Энрикецъ была женщина благороднаго происхожденія; она сдѣлалась его подругой, но не женой, потому что они никогда не были обвѣнчаны. У него былъ отъ нея сынъ, котораго онъ любилъ не меньше своего законнаго сына. Этотъ сынъ былъ Фернандъ, впослѣдствіи написавшій его біографію.

Въ то время въ Испаніи были *гранды*, владѣвшіе обширными имѣніями, болѣе похожими на княжества. Таковы были герцоги Медина-Сидонія и Медина-Цели. Въ части ихъ владѣній, лежавшей на берегу моря, были порты, гдѣ эти богатые вельможи всегда имѣли суда. Не надѣясь болѣе заключить условіе съ королемъ и королевою, Христофоръ Колумбъ рѣшился обратиться къ этимъ вельможамъ, которые были маленькими князьками въ своихъ владѣніяхъ и скорѣе союзниками, чѣмъ подданными короны.

Герцогъ Медина-Сидонія первый принялъ его. У нихъ было нѣсколько свиданій, которыя, къ сожалѣнію, ни къ чему не привели. Медина-Сидонія посмотрѣлъ на проектъ Колумба, какъ на затѣю мечтателя, и отказалъ ему.

Колумбъ добился представленія къ герцогу Медина-Цели. Тутъ дѣла пошли успѣшнѣй. Все обѣщало полный успѣхъ, и герцогъ

уже хотѣлъ дать въ распоряженіе Колумба три или четыре каравеллы, стоявшія въ портѣ и готовыя къ выходу въ море, какъ передумалъ изъ политическихъ соображеній. Онъ опасался, и можетъ быть не безъ причины, что такого рода экспедиція, предпринятая подданнымъ, будетъ непріятна Фердинанду и Изабеллѣ. Поэтому онъ отмѣнилъ свое первое рѣшеніе. Онъ объявилъ, что такое предпріятіе было бы выше его положенія въ государствѣ и что оно приличествуетъ только государю. Онъ совѣтовалъ Колумбу снова обратиться къ Изабеллѣ и обѣщалъ свое содѣйствіе.

Между тѣмъ Колумбъ старился. Не смотря на великую мысль, которую носилъ въ душѣ, онъ велъ безполезную жизнь. Онъ рѣшился отправиться во Францію, представить свой проектъ королю, и въ случаѣ нескораго отвѣта, переѣхать въ Англію, чтобъ отыскать брата своего, Варѳоломея, котораго послалъ туда, уѣзжая изъ Португаліи и отъ котораго не имѣлъ дотолѣ никакого извѣстія.

Онъ отправился въ рабидскій монастырь, чтобъ проститься съ сыномъ Діего и добрымъ пріоромъ Хуаномъ Перецомъ. Онъ думалъ отвезти Діего въ Кордову, оставить его тамъ съ другимъ сыномъ, а затѣмъ перебраться черезъ Пиренеи и ѣхать въ Парижъ.

Достойный пріоръ увидѣлъ Колумба, послѣ многихъ лѣтъ хлопотъ, въ такой обстановкѣ, которая говорила, что ни счастье, ни дворъ не баловали его. Онъ былъ сильно этимъ взволнованъ. Когда онъ узналъ, что Колумбъ, вполнѣ разочаровавшись и ничего уже не ожидая отъ короля Фердинанда, рѣшился оставить Испанію, то его первымъ движеніемъ было воспротивиться такому рѣшенію своего друга. Онъ взялъ съ Колумба обѣщаніе, что онъ не приметъ никакого опредѣленнаго рѣшенія прежде, чѣмъ они вмѣстѣ не обсудятъ здраво, точно-ли нѣтъ ничего лучшаго, какъ ѣхать хлопотать у другихъ дворовъ. Въ тоже время, онъ послалъ къ доктору Гарсіи Фернандецъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ Колумба и съ просьбой самому поскорѣе пріѣхать въ монастырь.

Трое друзей, послѣ совѣщанія, рѣшили, что слѣдуетъ обратиться къ Мартину Алонзо Пинзону.

Алонзо Пинзонъ былъ главой семьи богатыхъ и славныхъ мореплавателей, извѣстныхъ своей опытностью и искусствомъ въ

морскомъ дѣлѣ. Къ великой радости трехъ друзей, Пинзонъ вполнѣ одобрилъ проектъ Колумба. Дойти до Индіи, обогнувъ половину земнаго шара, послѣ пути въ восемьсотъ лье, не показалось этому отважному мореходу дѣломъ сверхчеловѣческимъ. Онъ предложилъ помогать въ хлопотахъ по этому дѣлу и даже помочь во всѣхъ издержкахъ, какія будутъ необходимы, чтобы побудить дворъ ускорить выполненіе предпріятія.

Пріоръ Хуанъ Перецъ былъ въ восторгѣ, что его мнѣніе подтверждалось такимъ знаменитымъ морякомъ, какъ Пинзонъ. Онъ предложилъ тотчасъ написать королевѣ, которой нѣкогда былъ исповѣдникомъ.

Колумбъ, съ своей стороны, рѣшилъ отложить отъѣздъ, пока Хуанъ Перецъ не получитъ отвѣта на письмо.

Пріоръ хорошо зналъ Изабеллу. Онъ былъ увѣренъ, что немедленно получитъ отвѣтъ, если письмо будетъ передано ей непосредственно.

Стали искать человѣка, способнаго выполнить такое порученіе, и единогласно выбрали палоскаго лоцмана, Себастьяна Родригеца, человѣка умѣлаго и ловкаго.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, Родригецъ отправился, верхомъ на добромъ мулѣ, въ Санта-Фе, недавно построенную въ гренадскихъ равнинахъ крѣпость, гдѣ въ то время находилась Изабелла. Онъ съумѣлъ найти доступъ къ королевѣ и передалъ ей письмо Переца.

Въ этомъ письмѣ, Перецъ извѣщалъ королеву, что Колумбъ твердо рѣшился въ скоромъ времени отправиться во Францію или Англію съ предложеніемъ своего проекта, отвергнутаго Испаніей.

Изабелла, какъ мы видѣли, всегда была хорошо расположена къ Колумбу, и герцогъ Медина-Цели, исполняя свое обѣщаніе, съ жаромъ рекомендовалъ ей его. Она немедленно отвѣчала рабидскому пріору. Она благодарила его за вниманіе, приглашала пріѣхать къ себѣ и поручала сказать Колумбу, чтобы онъ обождалъ и надѣялся, доколѣ не получилъ новыхъ вѣстей.

Королевское посланіе было немедленно доставлено Родригецомъ въ монастырь. Онъ употребилъ на поѣздку двѣ недѣли.

Письмо было доставлено пріору въ полночь. Не смотря на ночь и опасности дороги, въ странѣ недавно завоеванной отъ мавровъ, онъ приказалъ осѣдлать немедленно мула и одинъ, черезъ горы, отправился въ Санта-Фе, гдѣ жили Фердинандъ и Изабелла, чтобы руководить осадой Гренады.

Его монашеское платье доставило ему доступъ къ королевѣ, а въ качествѣ бывшаго ея духовника онъ могъ вполнѣ свободно бесѣдовать съ нею. Ему помогала убѣждать королеву маркиза де-Маха, любимица королевы.

Королева наконецъ уступила и объявила, что беретъ проектированную экспедицію подъ свое покровительство. Она поручила Перецу сказать Колумбу, что онъ можетъ видѣть ее. Принявъ во вниманіе бѣдность генуэзскаго моряка, она велѣла передать ему двадцать тысячъ мараведи, которые были ему необходимы на покупку мула, на подъемъ и путевыя издержки, а равно на костюмъ, необходимый для представленія къ двору.

Не теряя ни минуты, пріоръ переслалъ письмо и деньги Колумбу.

Въ 1492 году, Колумбъ прибылъ ко двору, гдѣ его ожидалъ самый благосклонный пріемъ. Пріѣздъ его какъ разъ совпалъ съ сдачей Гренады и входомъ испанскихъ войскъ въ этотъ великолѣпный, отнятый отъ мавровъ городъ. Онъ видѣлъ, какъ послѣдній царь гренадскій, Боабдила, вышелъ изъ Альгамбры и торжественно подалъ ключи города Фердинанду и Изабеллѣ, которые шествовали, окруженные царственнымъ великолѣпіемъ. Всѣ были какъ-бы въ опьянѣніи успѣха. Всюду была радость, веселье, празднества, побѣдныя пѣсни. Невозможно было явиться въ болѣе счастливую для короля и народа минуту.

Мавританская война была окончена. Ничто уже не мѣшало испанскимъ монархамъ обратить вниманіе на дальнія предпріятія.

Обѣщаніе, сдѣланное Колумбу, было точно выполнено. Было поручено вступить съ нимъ въ переговоры коммисіи, въ составѣ которой былъ и Талавера, сдѣлавшійся архіепископомъ гренадскимъ.

Колумбъ былъ до того увѣренъ въ успѣхѣ своего будущаго путешествія, что потребовалъ, чтобы онъ былъ облеченъ званіемъ

адмирала, сдѣланъ вице-королемъ всѣхъ земель, которыя откроетъ, и чтобы ему шла десятая доля всѣхъ выгодъ.

Такія требованія показались чрезмѣрными. Члены коммиссіи не понимали, какъ нечиновный и неродовитый человѣкъ, неимѣющій никакихъ занятій, смѣетъ требовать титула вице-короля. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, можетъ быть и справедливо, но не безъ коварства, замѣтилъ, что при такихъ условіяхъ, Колумбъ, что бы ни случилось, получитъ начальство, а между тѣмъ ничего не потеряетъ въ случаѣ неудачи.

Условія, предложенныя Колумбомъ, были объявлены коммиссіей невозможными. Талавера, раздѣлявшій такое мнѣніе, представилъ королевѣ, что безъ опозоренія испанской короны, нельзя предоставить столь высокихъ почестей человѣку низкаго происхожденія. Королева послушалась своего совѣтника. Она рѣшила, что Колумбъ слишкомъ дорого цѣнитъ выгоды своего будущаго предпріятія.

Были предложены болѣе резонныя условія Колумбу, но онъ отвергнулъ ихъ, и переговоры были прерваны.

Понятна въ этомъ случаѣ непреклонность Колумба. Онъ рѣшился уѣхать изъ Испаніи.

Въ самомъ дѣлѣ, простившись съ друзьями, онъ выѣхалъ изъ Санта-Фе, въ началѣ 1492 года. Его намѣреніе было ѣхать въ Кордову, чтобы тамъ приготовиться къ отъѣзду во Францію.

Друзья его сожалѣли о такомъ рѣшеніи. Одинъ изъ нихъ Луисъ де-Санто-Анджело, пріемщикъ духовныхъ доходовъ въ Арагонѣ, считая его отъѣздъ великой потерей для своего отечества, рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы удержать его. Онъ немедленно попросилъ аудіенціи у королевы. Его сопровождалъ Алонзо Квитамилья, другой другъ Колумба.

Они краснорѣчиво говорили въ защиту своего друга. Послѣдній ихъ доводъ произвелъ сильное вліяніе на королеву, — то было *распространеніе вѣры* между народами, не слыхавшими о христіанствѣ.

Изабелла согласилась. Это значило много, но не все: оставалось убѣдить Фердинанда. Государь этотъ въ сущности болѣе думалъ о положеніи финансовъ, истощенныхъ долгою войною, чѣмъ о дѣ-

лахъ вѣры. Поэтому онъ колебался. Онъ положительно отказался снарядить экспедицію на казенный счетъ.

— Такъ что-жъ? съ энтузіазмомъ вскричала королева Изабелла, — я королева Кастиліи; я снаряжу экспедицію на счетъ моей короны. И когда не достанетъ денегъ, я заложу, въ случаѣ нужды, всѣ свои драгоцѣнности.

Христофоръ Колумбъ былъ въ это время уже въ дорогѣ; онъ ѣхалъ въ Кордову. По повелѣнію королевы былъ посланъ спѣшный гонецъ, чтобы вернуть его. Гонецъ нагналъ Колумба недалеко отъ Гренады.

Колумбъ, однако, колебался, вернуться ли ему. Онъ опасался, что снова начнутся придворныя проволочки. Но когда онъ узналъ, что королева обѣщаетъ выдать впередъ на первыя издержки, то тотчасъ же возвратился.

По возвращеніи онъ былъ принятъ королевой въ Санта-Фе. Ласковый пріемъ разсѣялъ всѣ его опасенія.

Король также изъявилъ свое согласіе. Королева же съ этого дня сдѣлалась душою предпріятія.

Колумбъ не думалъ, что онъ откроетъ новый свѣтъ, онъ только думалъ достигнуть береговъ Индіи (восточной), плывя на западъ отъ Испаніи. Когда онъ достигъ предѣловъ Америки, когда находился на Лукайскихъ и Антильскихъ островахъ и на берегу Мексики, то думалъ, что онъ въ Азіи. Онъ не разубѣдился въ этой ошибкѣ и умеръ безъ малѣйшаго сознанія, что открылъ обширный материкъ, совершенно отдѣльный отъ Стараго свѣта.

Но возвратимся къ исторіи. Когда всѣ недоразумѣнія были разрѣшены, то заключено было слѣдующее условіе:

1) Что Колумбъ, а послѣ него его наслѣдники и потомки, на вѣчныя времена, будутъ имѣть званіе адмирала во всѣхъ земляхъ, островахъ и материкахъ, которыя онъ откроетъ, или завоюетъ въ Океанѣ.

2) Что онъ будетъ вице-королемъ и генералъ-губернаторомъ сказанныхъ земель и материковъ, съ правомъ назначать, для управленія каждымъ островомъ или провинціей, трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ будетъ утвержденъ Фердинандомъ и Изабеллой.

3) Что онъ будетъ имѣть право на десятую часть всякихъ произведеній или товаровъ, жемчуга, дорогихъ каменьевъ, золота, серебра, пряностей и т. п., купленныхъ или вымѣненныхъ.

4) Что онъ, или его намѣстникъ, будетъ единымъ судьею во всѣхъ спорахъ и пререканіяхъ, могущихъ возникнуть по торговымъ дѣламъ между открытыми странами и Испаніей.

5) Что ему будетъ дозволено получить впередъ восьмую часть слѣдуемаго на издержки по вооруженію, но съ тѣмъ, чтобы въ замѣнъ этой выдачи, онъ возвратилъ восьмую часть выгоды.

Братья Пинзоны, эти смѣлые мореходы, о которыхъ мы уже говорили, убѣдили его выполнить это послѣднее условіе и прибавить третій корабль къ эскадрѣ, вооруженной на счетъ Изабеллы.

Договоръ былъ подписанъ Фердинандомъ и Изабеллой, въ Санта-Фе, въ равнинѣ Гренадской, 17 апрѣля 1492 года.

30 числа того же мѣсяца, была издана испанскими монархами жалованная грамата, съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ формъ. Въ этой граматѣ, согласно съ пунктомъ условія, было сказано, что должность и привилегіи вице-короля и губернатора будутъ наслѣдственными въ семействѣ Колумба, и что онъ и его наслѣдники имѣютъ право на титулъ *дона*, который въ то время былъ титуломъ высокопоставленныхъ лицъ.

Хотя всѣ издержки на экспедицію шли на счетъ короны кастильской, всѣ относящіеся къ ней документы были подписаны и Фердинандомъ и Изабеллой.

Рѣшено было, что флотилія будетъ снаряжена въ портѣ Палосѣ, въ Андалузіи. Поэтому, 30 апрѣля, властямъ Палоса былъ посланъ приказъ немедленно снарядить и вооружить двѣ каравеллы, приготовить ихъ къ выходу въ море черезъ десять дней по полученіи королевскаго посланія, и предоставить ихъ въ распоряженіе Колумба. Матросамъ экипажа полагалась та же плата, что на военныхъ судахъ, и жалованье за четыре мѣсяца велѣно выдать имъ впередъ.

Въ силу граматы, подписанной королевой 8 мая, старшій сынъ Колумба, Діего, назначался пажемъ къ наслѣднику престола принцу Іоанну, и на его содержаніе была назначена сумма, — честь оказывавшаяся только сыновьямъ родовитыхъ людей.

Колумбъ поспѣшилъ отправиться въ Палосъ. Тамъ, первымъ долгомъ его было посѣтить рабидскаго пріора. Хуанъ Перецъ прижалъ его къ груди.

Во время своего пребыванія въ Палосѣ, Колумбъ жилъ въ монастырѣ у своего друга. Хуанъ Перецъ пользовался въ Палосѣ великимъ, вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Мы скоро увидимъ какъ его дружба еще разъ была полезна Колумбу.

23 мая 1492 года, Хуанъ Перецъ и Колумбъ отправились вмѣстѣ въ Святогеоргіевскую церковь въ Палосѣ. Тамъ, въ присутствіи властей и части горожанъ, нотаріусъ Францискъ Гернандецъ, прочелъ королевскій указъ, которымъ палосскимъ властямъ повелѣвалось предоставить въ распоряженіе новаго адмирала вооруженныя каравеллы.

На жителей порта, какъ пеня за какое-то возмущеніе, королевскимъ совѣтомъ возлагалось доставленіе двухъ вооруженныхъ каравеллъ. Эти-то двѣ каравеллы испанское правительство и предназначило для Колумба.

Магистратъ, отъ имени жителей, обязался повиноваться королевскому повелѣнію, о чемъ и былъ составленъ нотаріусомъ актъ.

Но когда въ Палосѣ точно узнали о цѣли готовящейся экспедиціи; когда стало извѣстно, что приходится плыть на западъ, въ *туманное море*, то всѣми овладѣлъ ужасъ. Суда и ихъ экипажъ считались обреченными на вѣрную гибель. Басни, которыя съ незапамятныхъ временъ разсказывались о *туманномъ* морѣ, заставляли леденѣть отъ ужаса. Думали, что на морѣ есть бездонныя и безграничныя пропасти, покрытыя вѣчнымъ мракомъ и населенныя страшными чудовищами.

Не смотря на формальное королевское повелѣніе и торжественное обѣщаніе выполнить его, данное магистратомъ, никто не принималъ участія въ экспедиціи и не желалъ принять его. Моряки смотрѣли на нее какъ на безуміе. Судохозяева отказывались давать свои суда на такое дѣло. Чтобы избавиться реквизиціи, которой имъ угрожали, они снимались съ якоря и уводили свои каравеллы или въ другіе порты, или въ отдаленныя бухты. Такимъ образомъ палосскій портъ опустѣлъ.

Король и королева, извѣщенныя объ этомъ, 20 іюня издали новое повелѣніе, которымъ всѣмъ властямъ андалузскаго берега предписано было схватить необходимыя суда, принадлежащія испанскимъ подданнымъ, и обязать экипажи оныхъ отправиться съ Колумбомъ. Въ то же время, для наблюденія за исполненіемъ указа, посланъ былъ чиновникъ королевскаго двора, Хуанъ де-Пенасола, съ властью подвергать денежной пени всѣхъ противящихся.

Колумбъ тщетно хотѣлъ привести въ исполненіе это повелѣніе въ Палосѣ и сосѣднемъ съ нимъ городѣ. Слѣдствіемъ были только безпорядки, смуты, пререкательства и споры.

Чтобы покончить съ этимъ, Хуанъ де-Пенасола приказалъ силой захватить каравеллу, называвшуюся *Пинта*, принадлежавшую двумъ пилосскимъ горожанамъ. Эти горожане объявили, что они разорены и ограблены королемъ.

Плотники и конопатчики сказывались больными, или скрывались, чтобъ ихъ не принуждали работать надъ исправленіемъ захваченной каравеллы. Въ морскомъ портѣ, при всемъ желаніи, не могли достать дерева, пакли, смолы и канатовъ. Все пряталось: и люди и вещи.

Такимъ образомъ, не смотря на королевскія повелѣнія и посылку коммиссара, облеченнаго неограниченной властью, къ концу мѣсяца, могли только силой захватить одну каравеллу, да и то требующую починки для дальнаго плаванія. Требовалось три каравеллы, а была только одна, и между горожанами порта ежеминутно могъ вспыхнуть бунтъ.

Можно было опасаться, что это тяжелое и натянутое положеніе продолжится, какъ Мартинъ Алонзо Пинзонъ, предпріимчивый и богатый мореплаватель, о которомъ мы уже говорили, положилъ всему этому конецъ, предложивъ свое личное и дѣятельное участіе въ экспедиціи.

Между Мартиномъ Пинзономъ и Колумбомъ были заключены особыя условія, оставшіяся неизвѣстными. Позже, при процессѣ между сыномъ Колумба и испанской короной, была рѣчь о нихъ. Но на этотъ счетъ показанія свидѣтелей были противорѣчивы. Не было контракта, подписаннаго Пинзономъ и Колумбомъ. Только

многочисленные свидѣтели въ этомъ процессѣ согласно заявили, что безъ содѣйствія Мартина Пинзона, экспедиція не могла бы поднять паруса.

Мартинъ Пинзонъ и братъ его Винцентъ, столь же предпріимчивый морякъ, владѣли съобща судами и имѣли въ своемъ распоряженіи матросовъ. Ихъ громадное богатство, ихъ репутація, услуги, оказанныя ими странѣ, — все это дѣлало значительнымъ ихъ вліяніе. Они доставили каравеллы. Болѣе, они рѣшились принять начальство надъ маленькой эскадрой.

Рѣшеніе братьевъ Пинзоновъ, состоявшееся не безъ вліянія рабидскаго настоятеля, произвело на всѣхъ огромное впечатлѣніе. Родственники и друзья Пинзоновъ согласились отправиться съ ними. Благодаря ихъ усиліямъ, все пошло такъ хорошо, что черезъ мѣсяцъ, какъ они приняли участіе въ дѣлѣ: флотилія была готова къ выходу въ море.

Страннымъ кажется, когда примешь во вниманіе размѣры кораблей, на которыхъ наши три мореплавателя пустились въ *туманное море*. Вся-то эскадра состояла изъ двухъ легкихъ судовъ, называвшихся *каравеллами*, и *только одного палубнаго судна*, въ 100 тоннъ вмѣстимости.

Тогдашнія *каравеллы* были суда такихъ размѣровъ, какъ плавающія нынѣ по рѣкамъ и вдоль морскихъ береговъ. Изображенія ихъ можно видѣть на древнихъ эстампахъ. Это суда безъ палубы въ серединѣ, но съ весьма приподнятыми кормою и носомъ, съ бакомъ, на которомъ находились небольшія каюты для матросовъ [1]). Колумбъ видѣлъ въ малости судовъ то преимущество, что на нихъ можно близко подходить къ берегамъ и легко входить въ рѣки, а также въ мелкія гавани. Онъ не думалъ, что

---

[1]) Авторъ весьма хорошей книги, *Жизнь Христофора Колумба (Vie de Christophe Colomb)*, баронъ Бонньфу, капитанъ корабля, во главѣ своей книги помѣстилъ гравюру, представляющую *португальское судно пятнадцатаго вѣка*, дающую точное понятіе о томъ, каковы были каравеллы Колумба. Гравюры, приложенныя въ современныхъ сочиненіяхъ, и воспроизведенныя въ переводѣ итальянскаго сочиненія Босси, въ *Voyageurs anciens et modernes* г. Шартона и въ сочиненіи г. Ад. Жаля, исторіографа французскаго флота, весьма грубы и ихъ нельзя признать истиннымъ типомъ испанскихъ каравеллъ, на которыхъ отправился Колумбъ.

его ждетъ столь долгое плаваніе. Только благодаря постоянному спокойствію моря ему удалось проплыть здравымъ и невредимымъ. Съ жалкими безпалубными судами ему трудно было бы спорить съ бурными волнами.

III.

3 августа двѣ каравеллы и судно Колумба вышли изъ палосскаго порта. Колумбъ выкинулъ свой флагъ на *Санта-Марія*, самомъ большомъ и единственномъ палубномъ изъ трехъ судовъ. *Пинта* была подъ командою Мартина Алонзо Пинзона, *Нина* — Винцента Пинзона.

Передъ отъѣздомъ изъ Палоса, Колумбъ взялъ изъ рабидскаго монастыря сына своего Діего и поручилъ его Хуану Родригецу Кабецудо и Мартину Сочету, духовному лицу; оба они были изъ города Могуера. Онъ исповѣдался у Хуана Переца и пріобщился. Его примѣру послѣдовали офицеры и матросы.

Въ ту минуту, какъ они подняли паруса, въ городѣ всѣми овладѣла тяжелая тоска.

Они направились къ Канарскимъ островамъ. 10 были еще только въ виду острова Тенерифа, гдѣ починили *Пинту*, пострадавшую во время плаванія.

Отъ 6 до 8 сентября, флотилія простояла на мѣстѣ въ виду тенерифскаго пика, по случаю полнаго *штиля*. Волканъ на островѣ былъ въ полномъ изверженіи, — что вначалѣ пугало матросовъ [1]).

8 сентября поднялся сѣверо-восточный вѣтеръ, и адмиралъ направился на западъ. Въ воскресенье 9 сентября, они видѣли Ферро, крайній изъ Канарскихъ острововъ.

---

[1]) Весьма жаль, что Ласъ Казасъ вздумалъ сократить *Путевой Журналъ Колумба* и передалъ изъ него для потомства только краткій перечень. Правда, пробовали возстановить его при помощи извлеченій, находящихся у Фернанда Колумба (Исторія адмирала), у Овіедо (*Chronique des Indes*), въ рукописи Бернальдеца (священника изъ Лосъ Палаціосъ), у Пьерра Мартира д'Ангіерра (*Decades océaniques*), у Рамузіо (*Recueil de voyages*), у Джироламо Бенцони (*Histoire du nouveau monde*) и т. п.; но лучше, если бы существовалъ подлинникъ журнала, писаннаго Колумбомъ. До насъ дошло только *Предисловіе*, списанное Ласъ Казасомъ и буквально перепечатанное во второмъ томѣ сочиненія де-Наварретта.

Колумбъ, вѣроятно, съ трепещущимъ сердцемъ вступалъ въ эти неизвѣстныя широты, гдѣ ждалъ открытій.

Рѣшимость матросовъ, между тѣмъ, начала уже колебаться. Когда послѣдняя земля скрылась изъ глазъ и исчезла въ туманной дали океана, они стали плакаться, что не увидятъ больше ни родителей, ни отечества; что придется имъ погибнуть въ пучинахъ морскихъ, или быть съѣденными ужасными чудищами, живущими въ окружающихъ ихъ туманахъ. Колумбъ, чтобъ успокоить ихъ, сталъ разсказывать о богатствѣ странъ, куда они идутъ. Онъ обѣщалъ имъ дать земли, гдѣ въ изобиліи находится золото и дорогіе камни.

Когда умы нѣсколько успокоились, онъ далъ командирамъ двухъ каравеллъ наказы на тотъ случай, еслибъ непредвидѣнный случай раздѣлилъ ихъ. Они должны плыть прямо на западъ, сдѣлать около семисотъ лье, и затѣмъ лечь въ дрейфъ, потому что на этомъ разстояніи должна встрѣтиться земля.

Но такъ какъ индійскій материкъ могъ быть дальше, чѣмъ онъ думалъ, и такъ какъ онъ не безъ вѣроятія полагалъ, что страхъ, уже обнаруживавшійся въ экипажѣ, долженъ возрастать по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, то Колумбъ рѣшился обманывать матросовъ. Всякій день, онъ отмѣчалъ въ корабельномъ журналѣ неточное разстояніе. Точное же онъ выставлялъ только въ своемъ журналѣ, который никому не показывалъ.

11 сентября, ночью пройдено около двадцати миль, Колумбъ обозначилъ только десять.

Вечеромъ 13 сентября, Колумбъ замѣтилъ въ первый разъ уклоненіе магнитной стрѣлки, — явленіе, котораго не замѣчалъ еще никто изъ физиковъ. Они находились въ двухъ стахъ лье отъ острова Ферро. При наступленіи ночи, магнитная стрѣлка, вмѣсто того чтобы указывать прямо къ полюсу, колебалась между 5 и 4 градусами къ сѣверу-западу. На завтра разница сдѣлалась еще значительнѣе.

Но онъ ничего не сообщилъ объ этомъ экипажу, боясь возбудить напрасную тревогу. Только рулевые на судахъ замѣтили это. По мѣрѣ, какъ подвигались впередъ, уклоненіе увеличи-

валось. Слѣдовало объяснить это необычайное явленіе рулевымъ, которые начинали бояться, что входятъ въ новый свѣтъ, гдѣ физическая природа, отличная отъ природы стараго, управляется другими законами. Опасенія этихъ моряковъ совершенно понятны, такъ какъ явленіе было неожидано, и они могли опасаться, что компасъ потеряетъ свои свойства среди океана, гдѣ только онъ указывалъ путь.

Колумбъ придумалъ, чтобъ успокоить ихъ, научное объясненіе, которое удовлетворило ихъ, благодаря вѣрѣ въ его ученость.

Во вторникъ 18 сентября, было пройдено, днемъ и ночью, пятьдесятъ пять миль; адмиралъ обозначилъ только сорокъ восемь. Море было спокойно. Алонзо Пинзонъ, на своей *Пинтѣ*, которая была ходчѣе другихъ судовъ, опередилъ другихъ, сказавъ адмиралу, что видѣлъ птицъ, летящихъ къ западу, и что онъ надѣется увидѣть землю еще сегодня ночью.

Къ сѣверу была замѣчена темная масса. Матросы, думая, что это островъ, требовали, чтобы направились въ эту сторону. Но Колумбъ не хотѣлъ измѣнить направленія. „Погода хороша, сказалъ онъ, и дастъ Богъ, мы все увидимъ на обратномъ пути. Теперь надо идти прямо въ Индію.“ Они были въ это время въ четырехъ стахъ лигъ отъ Канарскихъ острововъ.

Несмотря на предосторожность Колумба, скрывать часть пройденнаго пространства, матросы стали обнаруживать безпокойство. Обманчивые признаки нѣсколько разъ указывали на близость земли и порождали надежды, которыя не оправдывались на завтра. За этими обманчивыми надеждами слѣдовало отчаяніе.

Въ умахъ матросовъ все казалось опаснымъ признакомъ. Такъ, восточный вѣтеръ, дувшій постоянно, и подвигавшій ихъ къ новому материку, также возбуждалъ опасенія. „Если восточный вѣтеръ постоянно дуетъ въ этихъ широтахъ, то какъ же намъ можно будетъ вернуться въ Испанію?“

20 сентября, послѣ затишья, вѣтеръ перемѣнился. Матросы, къ счастью, заключили изъ этого, что невѣчно тутъ дуетъ восточный вѣтеръ.

Въ это время другаго рода признаки возбудили въ нихъ надежду. Птицы, обычно живущія въ садахъ и рощахъ, по утрамъ

прилетали на каравеллы и вечеромъ возвращались. У самыхъ большихъ изъ этихъ птицъ были сильныя крылья, позволявшія имъ далеко улетать въ море. Но большинство были маленькія, не могли залетать далеко, и не казались усталыми. Это, казалось, предвѣщало близость земли.

На слѣдующій день, они вошли въ ту любопытную область океана, которая состоитъ изъ громадной аггломераціи морскихъ травъ, покрывающей воды на огромное пространство. Точно, попали на безграничный затонувшій лугъ.

При видѣ этого огромнаго количества травъ, матросы подумали, что скоро будетъ земля, и предались выраженію радости.

Но вышли изъ этой области, гдѣ травы точно ростутъ на поверхности моря, а ничто не предвѣщало близости жилой земли. Тогда экипажъ сталъ громко выражать свою тревогу и опасенія.

„Наконецъ, говоритъ Фернандъ Колумбъ, матросы боялись погибнуть въ невѣдомыхъ моряхъ, и стали ворчать сильнѣе, чѣмъ прежде. Они толковали, что адмиралъ задумался сдѣлаться вельможей, хоть-бы имъ погибнуть, что они не обязаны далѣе слѣдовать за нимъ, и что послѣ столь долгаго пути, они могутъ вернуться въ отечество. Они прибавляли, что въ съѣстныхъ припасахъ начинаетъ чувствоваться недостатокъ, что въ корабляхъ показалась течь и они не годны для дальнѣйшаго плаванія, что никто не станетъ обвинять ихъ за отказъ плыть дальше, что всѣхъ ихъ будутъ уважать за попытку; но что адмирала, рѣшившагося на предпріятіе, осужденное всѣми искусными космографами, всѣ назовутъ безумцемъ; что не повѣрятъ ни чему, что онъ ни скажетъ въ свое оправданіе и въ обвиненіе ихъ передъ королемъ и королевой. *Нѣкоторые предполагали даже кинуть его въ море, въ случаѣ, если онъ охотой не согласится вернуться.* Можно сказать, что онъ самъ упалъ, наблюдая звѣзды, и никто не станетъ поддерживать противнаго [1]).“

Такимъ образомъ матросы жаловались и плакались, и не знали на что рѣшиться въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Ихъ молчаливый видъ, ихъ перешептыванія и подозрительное поведеніе безпокоили адмирала. Колумбъ говорилъ съ ними то ласково, то твердо, какъ человѣкъ рѣшительный, издавна привыкшій бороться противъ трудностей и опасностей.

— Я не боюсь смерти, говорилъ онъ имъ. Я къ ней всегда готовъ. Но вы вспомните, какая казнь ждетъ васъ по возвраще-

---

[1]) Исторія адмирала, I часть, глава XIX.

ніи въ Испанію, если вы покуситесь на мою жизнь, или только воспротивитесь моему рѣшенію идти впередъ.

Затѣмъ, измѣнивъ тонъ, онъ говорилъ имъ о признакахъ близости земли; такимъ образомъ онъ успокоивалъ ихъ и будилъ ихъ надежды.

25 сентября, послѣ заката солнца, когда Колумбъ сидѣлъ за географическими картами, Алонзо Пинзонъ, бывшій на носу своей каравеллы, вскричалъ, зовя адмирала: «*Добрая вѣсть! Я вижу землю!*»

Колумбъ тотчасъ бросился на колѣна, чтобы возблагодарить Бога. Всѣ матросы, на трехъ судахъ, запѣли: *Слава въ вышнихъ Богу!* Всѣ спѣшать взлѣсть на марсы и снасти. Всѣмъ кажется, что видятъ землю, которая, по мнѣнію адмирала, недальше, какъ въ двадцати лигахъ.

До сихъ поръ держались прямо на западъ. Адмиралъ приказалъ повернуть на юго-западъ, ибо земля виднѣлась въ этомъ направленіи. Въ этотъ день сдѣлали четыре съ половиною мили на западъ, и ночью двадцать одну съ половиной.

Но на утро какое горькое разочарованіе! Эта мнимая земля оказалась просто скопленіемъ облаковъ на горизонтѣ. Тогда снова направились на западъ.

Въ слѣдующіе дни проплыли не много. Воздухъ былъ мягокъ и пріятенъ, море спокойно. Слабый вѣтеръ едва подвигалъ суда. Снова начались жалобы и ропотъ между матросами.

3 октября погода измѣнилась; въ день и ночь сдѣлали сорокъ семь лигъ; 4-го шестьдесятъ три; 5-го пятьдесятъ семь, 6-го сорокъ и т. д. Колумбъ постоянно уменьшалъ эти цыфры. Онъ все боялся, чтобъ матросы не отказались плыть дальше.

7 октября суда шли быстро, стараясь опередить одно другое, въ надеждѣ получить обѣщанную королемъ и королевой награду экипажу того судна, съ котораго прежде другихъ увидятъ землю. На восходѣ солнца, *Нина* выбросила флагъ и стала стрѣлять изъ орудій,—условный знакъ, что съ нея увидѣли наконецъ землю.

Но пришелъ и вечеръ, а экипажъ *Нины* все не увидѣлъ земли, о которой возвѣщалъ.

Адмиралъ рѣшилъ оставить западное направленіе и плыть на западъ-юго-западъ.

10 октября ничего не открыли. Тогда матросы стали сильнѣе роптать и жаловаться. Они не хотѣли идти дальше. Адмиралъ сталъ говорить имъ о будущихъ наградахъ. Но они продолжали толковать, что безумно идти впередъ по безграничному океану; толки перешли въ бунтливые крики.

Тогда Колумбъ заговорилъ инымъ тономъ.—Наша экспедиція, сказалъ онъ имъ, послана королемъ и королевой на открытіе новыхъ земель въ Индіи. Мое формальное, неколебимое рѣшеніе добиться конца предпріятія, во что бы то ни стало.

Многіе историки, на основаніи Овіедо, говорятъ, что Колумбъ вступилъ въ переговоры съ экипажемъ и обѣщалъ вернуться, если въ три дня они не увидятъ земли. Ничто не подтверждаетъ этого извѣстія. Ни въ *Исторіи адмирала* его сына Фернанда, ни у Ласъ Казаса, которые оба пользовались бумагами Колумба, ни въ извлеченіяхъ Ласъ-Казаса изъ журнала Колумба, ни у Петра Мартира, ни въ сочиненіи священника изъ Лосъ-Плаціосъ,—ни слова не сказано объ этомъ, хотя всѣ трое они были современниками и друзьями Колумба. Если бы фактъ былъ вѣренъ, они непремѣнно упомянули бы о немъ.

Наконецъ, 11 октября, появились, на этотъ разъ уже несомнѣнные, признаки близости земли. На морѣ замѣтили свѣжую траву, подобную той, какая растетъ въ рѣкахъ. Замѣтили рыбу, изъ породы, живущей близъ скалъ; затѣмъ вѣтвь цвѣтущаго терновника, повидимому недавно сломанную. Матросы *Пинты* вытащили изъ воды трость, затѣмъ искусно сдѣланную палку, наконецъ небольшую доску и вѣтвь шиповника.

Эти и другіе признаки возбудили общую радость. Всѣ признаки недовольства исчезли на суднѣ адмирала, и матросы только и думали, какъ-бы раньше другихъ открыть землю, которую ежеминутно ожидали увидѣть на горизонтѣ.

Вечеромъ, адмиралъ приказалъ плыть снова прямо на западъ. Шли очень быстро, ибо съ начала ночи до двухъ часовъ утра сдѣлали двадцать двѣ лиги. *Пинта*, какъ всегда, шла впереди всѣхъ.

Одинъ изъ матросовъ *Пинты*, Родриго Тріана, первый увидѣлъ землю съ высоты мачты и тотчасъ объявилъ объ этомъ.

Колумбъ собралъ вокругъ себя весь экипажъ и сказалъ трогательную рѣчь. Онъ желалъ дать почувствовать матросамъ сколь велика милость Господа, путеводившаго имъ, легкимъ и попутнымъ вѣтромъ, чрезъ океанъ, тишина котораго не была возмущена ни единой бурей съ тѣхъ поръ, какъ они оставили берега Испаніи.

— Господь, сказалъ онъ имъ, постоянно возбуждалъ вашу храбрость, все болѣе и болѣе успокоительными указаніями, по мѣрѣ того какъ возрастали ваши опасенія, и точно десницей своей указывалъ путь къ сей обѣтованной землѣ, которую вы скоро увидите своими глазами.

Наконецъ, въ два часа пополуночи ясно стала видна земля. Она была не далѣе, какъ въ двухъ лигахъ. Убрали паруса, легли въ дрейфъ и стали ждать дня. Въ виду была новая земля.

Христофоръ Колумбъ, не забудемъ, думалъ, что, обогнувъ наораблѣ почти половину земного шара, онъ прибылъ въ Индію. Землю, которая была въ виду, онъ считалъ за неизвѣстную дотолѣ часть Индіи. Вотъ почему, новый свѣтъ былъ тогда названъ *западной Индіей*, и жителей его долго называли *индійцами*.

IV.

Колумбъ присталъ къ острову, составляющему часть архипелага, называемаго нынѣ *Лукайскими* или *Багамскими* островами. Островъ этотъ туземцы называли Гвананги. Калумбъ назвалъ его Санъ-Сальвадоръ. Онъ сошелъ на него 12-го октября 1492 года, въ сопровожденіи Мартина Алонзо Пинзона и его брата Винцента Янеца. Онъ держалъ въ рукахъ королевскую хоругвь. Оба капитана держали хоругви *зеленаго Испанскаго креста*.

Колумбъ, оба брата Пинзона, Родриго Дескоредо, секретарь флота, Родриго Санчецъ изъ Сеговіи и нѣсколько матросовъ сошли на землю. Тогда адмиралъ призвалъ ихъ въ свидѣтели, что онъ, „во имя короля и королевы, передъ ними всѣми, беретъ этотъ островъ во владѣніе.“

13-го октября съ разсвѣтомъ, появилась толпа людей, все молодыхъ и высокаго роста. У нихъ были широкіе головы и лбы, большіе и прекрасные глаза. Волоса почти такіе же грубые, какъ лошадиныя гривы, ниспадали на глаза и сзади головы висѣли длинной космой. Жители этого острова были ни бѣлые, ни черные; естественный цвѣтъ ихъ кожи былъ такой-же, какъ у туземцевъ Канарскихъ острововъ. У нихъ былъ обычай красить тѣло, и одни красились въ черноватый, другіе въ бѣлый, третьи въ красный цвѣтъ; ходили они совершенно нагіе.

Эти *индійцы*—потому что ихъ такъ назвали, вслѣдствіе страннаго, столь продолжительнаго географическаго *qui pro quo* — не знали оружія. Они не подозрѣвали, что испанскія сабли могутъ рѣзать, и брались за нихъ сначала такъ, что наносили себѣ раны. Они не знали существованія желѣза. Оружіемъ имъ служили простыя палки съ наконечниками изъ острыхъ рыбьихъ костей.

Колумбъ подарилъ нѣкоторымъ изъ нихъ цвѣтные колпаки, бусы и другіе малоцѣнныя вещи. Они, въ свою очередь, вплавь пускались къ испанскимъ кораблямъ и приносили попугаевъ, клубки хлопчатобумажныхъ нитокъ и обмѣнивали ихъ на другіе предметы. Они охотно принимали подарки и охотно дарили все, что они имѣли. «*Но*, прибавляетъ Колумбъ, *мнѣ показалось, что они люди бѣдные во всѣхъ отношеніяхъ*».

Испанцы же желали золота, серебра и дорогихъ каменьевъ.

По счастью для нихъ, у санъ-сальвадорскихъ островитянъ не было ничего этого, да они и не заботились объ этомъ. Будь они такъ богаты, какъ мексиканцы, перуанцы, они потерпѣли бы судьбу этихъ народовъ, а извѣстно, что судьба эта была ужасна. На островахъ и материкѣ новаго свѣта народцы, не знавшіе употребленія золота и серебра, дольше другихъ пользовались независимостью и сохранили простоту нравовъ. Европейцы ихъ стали перекрещивать и цивилизовать, то есть развращать и убивать позже, чѣмъ другихъ.

Сансальвадорскіе туземцы принесли испанцамъ множество бездѣлушекъ и въ обмѣнъ получили такія же бездѣлушки.

„Я старался узнать, говоритъ Колумбъ, *есть ли у нихъ золото.* Я видѣлъ, что нѣкоторые носили кусочки золота, подвѣшанные въ отверстіяхъ, которыя они дѣла-

ютъ въ носу, и знаками я узналъ отъ нихъ, что, обогнувъ ихъ островъ и плывя на югъ, я найду страну, у царя котораго есть большіе золотые сосуды и большое количество этого металла."

Колумбъ старался поэтому нѣкоторыхъ уговорить сопровождать его въ эту страну; но они отказались отъ этого. Ему только дали понять, что къ югу есть еще другія земли, и что жители, часто нападавшіе на нихъ, ходили туда за золотомъ и дорогими каменьями.

Колумбъ, все будучи убѣжденъ, что онъ въ Азіи, поспѣшилъ записать въ своемъ журналѣ, составленномъ въ видѣ отчета королю испанскому, что онъ, не медля, отправляется въ Японію!

На другой день, 14-го октября, на лодкахъ онъ отправился вдоль острова посѣтить народцы, живущіе по морскому берегу. Эти добрые и смирные люди выбѣгали на встрѣчу испанцамъ и приносили имъ ѣду и питье. Когда лодки проходили не останавливаясь, то они бросались вплавь за ними. Нѣкоторые звали всѣхъ островитянъ съ крикомъ: „Посмотрите на этихъ сошедшихъ съ неба людей, несите имъ ѣсть и пить." И всѣ бѣжали, неся какой нибудь подарокъ иностранцамъ.

Въ отвѣтъ на эти сердечные привѣты, Колумбъ задумалъ дѣло совсѣмъ иного рода:

„Сегодня утромъ, говоритъ онъ, я отправился въ путь, чтобы найти мѣсто, гдѣ бы *я могъ построить крѣпость*. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы это было необходимо, потому что эти люди слишкомъ просты въ военномъ дѣлѣ. Ваши величества могутъ судить объ этомъ *по семи изъ нихъ, которыхъ я взялъ, чтобы увезти съ собою*... И еслибъ ваши величества повелѣли *забрать ихъ всѣхъ, чтобы перевезти въ Кастилію, или держать плѣнниками на самомъ островѣ*, то это не представитъ ни малѣйшей трудности..."

Итакъ, вотъ каковы были заботы перваго европейца, приставшаго къ берегамъ новаго свѣта: построить крѣпость, набрать рабовъ! Жадность, произволъ: вотъ настроеніе духа этихъ испанцевъ.

Вблизи Санъ-Сальварода находилось много другихъ острововъ. Колумбу желалось узнать самый большой изъ нихъ. Всѣ острова были очень плодородны и хорошо населены. Адмиралъ не желалъ миновать ни одного, чтобы не овладѣть имъ; хотя, по его образу мыслей, взять во владѣніе одинъ, — значило взять всѣ.

Понедѣльникъ и вторникъ 15 и 16 октября, Колумбъ посѣтилъ многіе острова, которые, повидимому, были очень плодородны; но онъ почти не останавливался на нихъ: его намѣреніе состояло въ томъ, чтобы *„объѣхать много острововъ для отысканія золота.“* Это болѣе всего занимало его.

Всюду, гдѣ онъ сходилъ на берегъ, индійцы толпою выбѣгали на встрѣчу, привѣтливо встрѣчали и предлагали все, что только имѣли.

Во вторникъ, онъ подошелъ къ одному острову, который показался ему обширнымъ и который онъ назвалъ *Фернандина.* Онъ рѣшилъ, по его словамъ, осмотрѣть его, потому что полагалъ, что *„на немъ есть золотые рудники.“*

Жители Фернандины были похожи на сансальвадорскихъ. Въ сущности, у нихъ были почти одни нравы, тѣже обычаи, тотъже языкъ. Онъ видѣлъ на этомъ островѣ куски хлопчатобумажной ткани, обдѣланные въ видѣ мантилій. Стало быть, народамъ этимъ было извѣстно ткацкое искусство. Точно также они умѣли воздѣлывать растенія и овощи, необходимыя для поддержанія жизни. Колумбъ замѣтилъ на Фернандинѣ плодородную почву и сильную растительность, отличную отъ европейской. Онъ видѣлъ растенія, не похожія ни на одно изъ видѣнныхъ въ Италіи, и „рыбъ, говоритъ онъ, столь различныхъ отъ нашихъ, что диво!“

17 октября, осматривая Фернандину, Колумбъ остановился въ прекрасной населенной мѣстности. Туземцы были похожи на видѣнныхъ имъ на другихъ островахъ. Онъ не входилъ въ ихъ дома, но матросы говорили, что дома чисто и порядливо содержатся. У домовъ были повѣшены гамаки, для спанья и отдыха. Дома были построены изъ соломы въ видѣ палатокъ; въ нихъ были очаги безъ трубъ; дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ кровлѣ.

Съ Фернандины Колумбъ поѣхалъ на другіе острова.

19-го онъ присталъ къ острову, который санъ-сальвадорскіе индійцы называли *Саометто*, а онъ назвалъ *Изабеллой.* То былъ лучшій изъ всѣхъ доселѣ имъ посѣщенныхъ острововъ. Колумбъ

съ восторгомъ описываетъ въ своемъ журналѣ величественность растительности и красоты природы этого острова.

Индійцы, взятые имъ съ собой, сказали ему, что въ срединѣ острова есть „царь, носящій одежды и *много золота на себѣ.*“ Колумбъ хотѣлъ видѣть этого царя, чтобы войти съ нимъ въ сношенія и убѣдить его уступить золото. Но не смотря на всѣ усилія, онъ не могъ достигнуть той части острова, гдѣ жилъ этотъ царь.

Отчаявшись въ возможности этого и полагая при томъ, по многимъ признакамъ, что на *Саомето* нѣтъ золотыхъ рудниковъ, онъ рѣшился 23 октября отправиться на островъ *Сипанго*, которой считалъ за одинъ изъ японскихъ острововъ.

Эта мнимая Японія, куда онъ направлялся, былъ островъ Куба, царица Антильскихъ острововъ.

„Необходимо, пишетъ онъ, отправиться туда, гдѣ есть возможность большихъ дѣлъ и торговли. Я долженъ продолжать свой путь и посѣтить много странъ, пока не найду обильной по провиденіямъ и изъ которой можно извлечь большія выгоды.“

Итакъ, 24-го октября, онъ отправился на *Кубу*. Миновавъ нѣсколько острововъ, онъ на пятый день достигъ этого великолѣпнаго острова.

Онъ вошелъ въ глубокую и прозрачную рѣку. Онъ не видалъ еще ничего болѣе величественнаго. По всему протяженію рѣки, по обоимъ берегамъ, росли высокія и тѣнистыя деревья. Растенія и кусты были покрыты различными цвѣтами и плодами. Въ особенности много было пальмъ, самаго различнаго вида. На пальмовыхъ и кокосовыхъ деревьяхъ, на кустахъ было множество птицъ, съ перьями яркихъ цвѣтовъ; отъ ихъ пѣсенъ звонъ стоялъ въ воздухѣ. Эти цвѣты, плоды, птицы были не похожи на европейскихъ. Листья пальмовыхъ деревъ были столь велики, что жители употребляли ихъ на кровли домовъ.

Адмиралъ сошелъ въ шлюпку и подъѣхалъ къ берегу. Туземцы бѣжали при его приближеніи. Онъ нашелъ двѣ хижины, гдѣ сушились сѣти изъ нитей пальмой коры, веревки изъ того же матеріала, удочный крючекъ, острога изъ кости и другія принадлежности рыболовства.

Онъ снова сѣлъ въ шлюпку, чтобъ плыть вверхъ по рѣкѣ. Его такъ очаровали, по собственнымъ словамъ, массы зелени и пѣсни птицъ, такъ что онъ не могъ безъ сожалѣнія удалиться: ему все хотѣлось вернуться.

Взятые имъ съ Санъ-Сальвадора индійцы знаками дали ему понять, что Куба, раздѣленная десятью большими рѣками, была прекрасно орошена и что пространство ея столь велико, что на пирогахъ можно было объѣхать ее только въ три недѣли. Они говорили также, что на островѣ есть золотыя руды и жемчугъ.

Колумбъ все думалъ, что онъ въ Азіи, что сюда приходятъ корабли великаго Хана и что до материка Азіи не болѣе двѣнадцати дней пути.

29 октября онъ поднялъ якорь, и вошелъ въ рѣку, чтобы дойти до острова, который, по Ласъ Казасу, былъ портъ *Барасоа.*

Онъ вышелъ въ море, чтобы идти вдоль береговъ, и 1-го ноября прибылъ къ другому острову.

Когда островитяне убѣдились, что имъ не сдѣлаютъ зла, они сѣли въ пироги и подъѣхали къ флотиліи Колумба. Они привезли съ собою бумажную пряжу и множество мелкихъ вещей. Адмиралъ приказалъ ничего отъ нихъ не брать и дать имъ понять, что ищетъ одного золота.

Индійцы, посѣтившіе эскадру, дали знаками понять Колумбу, что они послали во всѣ части острова извѣстить о прибытіи чужеземцевъ; что черезъ три дня прибудетъ много купцовъ изъ внутренности страны, чтобы купить вещи, привезенныя европейцами, и что купцы эти привезутъ ему вѣсти отъ царя острова.

Колумбъ болѣе чѣмъ когда увѣрился, что онъ близъ индійскаго материка, не болѣе какъ въ ста лье отъ города, описаннаго Марко Поло, подъ именемъ Гвинсея [1]). Онъ рѣшился послать на берегъ двухъ испанцевъ, изъ которыхъ одинъ Луисъ де-Торресъ, еврейскаго происхожденія, зналъ по еврейски, халдейски и немного по арабски. Въ спутники онъ далъ имъ одного санъ-сальвадорскаго индійца и еще другаго индійца изъ туземцевъ вновь открытаго острова, и назначилъ имъ шесть дней сроку.

---

[1]) *Voyages de Marco Polo* ch. 98.

Посланные вернулись 6 ноября. Въ двѣнадцати лигахъ, они нашли деревню въ пятьдесятъ домовъ, жители которой встрѣтили ихъ весьма привѣтливо. Всѣ хотѣли ихъ видѣть. Ихъ считали за сошедшихъ съ неба. Самые почтенные изъ деревенскихъ жителей внесли ихъ на рукахъ въ главный домъ, и всѣ жители сѣли вокругъ нихъ на землѣ. Возвращаясь на эскадру, они по дорогѣ встрѣтили нѣсколько небольшихъ деревень, гдѣ ихъ приняли столь же привѣтливо. Эти добрые люди въ изобиліи предлагали имъ все, что у нихъ было. Всюду земля была плодородна и хорошо воздѣлана. Они видѣли много хлопка, въ сыромъ видѣ, пряжѣ и обработаннаго.

Совершенно невиданнымъ и весьма удивившимся ихъ обычаемъ было куреніе. Мужчины и женщины курили свернутые табачные листья, или же положивъ ихъ въ тоненькую тростинку, Въ одномъ изъ примѣчаній къ своему сочиненію [1]), Фернандъ де-Наварреттъ объясняетъ этотъ обычай, который Колумбъ довольно темно описываетъ въ своемъ журналѣ.

Вотъ какимъ образомъ европейцы впервые познакомились съ табакомъ.

12 ноября, адмиралъ отправился съ Кубы, чтобы поѣхать на островъ, который сопровождавшіе его индійцы называли *Бабекъ*. Они дали ему понять знаками, что жители этого острова собирали золото на морскомъ берегу и дѣлали изъ него слитки.

Во многомъ, поведеніе Колумба заслуживаетъ сильнѣйшаго порицанія. Напримѣръ слѣдующій случай:

„Вчера, 12 ноября, пишетъ Колумбъ въ своемъ *журналѣ*, къ моему борту подошла пирога съ шестью молодыми индійцами, изъ которыхъ пять вошло на мой корабль. *Я приказалъ ихъ задержать и увезу съ собою.* Затѣмъ *я послалъ въ одинъ изъ домовъ* на западъ отъ рѣки (Кубы); *мнѣ привели семь женщинъ, какъ маленькихъ, такъ и большихъ, и троихъ маленькихъ дѣтей. Я ихъ также увожу.*“

Отправясь на поиски острова *Бабека*, онъ встрѣчалъ такое множество острововъ, что не могъ считать ихъ. На этихъ островахъ, покрытыхъ разнообразной и великолѣпной раститель-

---

[1]) *Relation des quatres voyages de Christophe Colomb*, tome II, p. 167.

ностію, возвышались горы, вершины которыхъ терялись въ облакахъ.

Адмиралу хотѣлось объѣхать берега этихъ острововъ, по крайности нѣкоторыхъ изъ нихъ, о которыхъ онъ разсказываетъ чудеса. Онъ тамъ встрѣтилъ пальмовыя и мастиковыя деревья, множество алоя и т. д. Туземцы бѣгали при приближеніи испанцевъ.

21 ноября, Алонзо Пинзонъ, командиръ *Пинты*, отдѣлился самовольно и вопреки волѣ адмирала отъ двухъ другихъ судовъ. Ему желалось первому попасть на этотъ островъ *Бабекъ*, гдѣ ожидали найти и золото и жемчугъ. Такое неповиновеніе весьма опечалило адмирала.

Колумбъ, мимоѣздомъ, приказывалъ водружать на многихъ островахъ кресты. Эти кресты, водруженные безъ всякихъ обрядовъ, ставились не какъ религіозные символы, а какъ указанія пути Колумба, а равно того, что всѣ эти земли взяты во владѣніе на имя короля испанскаго.

27-го, на закатѣ солнца, адмиралъ доплылъ до мыса, названнаго имъ *Кампана*, и держался лежа въ дрейфѣ всю ночь въ виду его. Когда разсвѣло, то онъ увидѣлъ у мыса великолѣпный портъ и двѣ большія рѣки. Идя вдоль берега, онъ замѣтилъ большое населеніе. Множество туземцевъ, совершенно нагихъ, показались на берегу. Они кричали и повидимому желали помѣшать шлюпкамъ подойти къ берегу. Но замѣтивъ, что испанцы не обращаютъ на это вниманія, они бросились съ берега.

Сдѣлавъ около полулиги по заливу, адмиралъ увидѣлъ „*чудно-прекрасныя земли.*“ Въ обширной, обрамленной горами, равнинѣ, онъ увидѣлъ большія поселенія и прекрасно обработанную землю. Адмиралу казалось, что онъ никогда не разстанется съ этими очарованными мѣстами; онъ желалъ войти въ сношенія съ жителями; но они обращались въ бѣгство, при приближеніи испанцевъ.

30 ноября, онъ послалъ на берегъ восемь вооруженныхъ матросовъ и съ ними двухъ изъ взятыхъ на флотилію индійцевъ. Они видѣли много поселеній и входили въ дома, не встрѣчая тамъ никого. На рѣкѣ они замѣтили отличную пирогу, сдѣланную изъ одного куска дерева, въ которой легко могло помѣститься полтораста человѣкъ.

Адмиралъ взошелъ на гору, на вершинѣ которой собралось множество народа. Подымаясь, онъ очутился посреди островитянъ, которые, испуганные этимъ неожиданнымъ появленіемъ, пустились бѣжать. Бывшимъ съ адмираломъ индійцамъ удалось нѣсколько успокоить ихъ. Имъ роздали погремушки, латунныя кольца, стекляные шарики. Но такъ какъ у нихъ не было ни золота, ни серебра, то сочли за удобнѣйшее оставить ихъ въ покоѣ и удалиться.

Пришли на мѣсто, гдѣ были оставлены шлюпки. Тамъ, во время ихъ отсутствія, собралось множество индійцевъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ адмиралу и сказалъ длинную рѣчь, изъ которой тотъ ничего не понялъ. Колумбъ думалъ, что въ рѣчи говорится, какъ рады его пріѣзду. Вышло наоборотъ. Его съ угрозами приглашали удалиться.

„Тотчасъ, говоритъ Колумбъ, *показали этимъ индійцамъ шпагу, которая убиваетъ вблизи, и арбалетъ, убивающій издали, и всѣ пустились бѣжать.*“

Адмиралъ воротился въ гавань, поднялъ паруса и пошелъ дальше. И къ чему дольше было оставаться въ странѣ, гдѣ не нашлось ни капли золота?

Вечеромъ 6 декабря, адмиралъ вошелъ въ гавань, названную имъ *Св. Николая*, каковое названіе сохранилось до сихъ поръ. Она была обширна, глубока и окружена большими деревьями, большая часть которыхъ были обвѣшены плодами. Въ глубинѣ ея разстилалась прелестная долина, по которой бѣжалъ прозрачный ручей.

На слѣдующій день, Колумбъ вышелъ изъ гавани Св. Николая. Онъ пошелъ вдоль сѣверо-восточнаго берега острова. Онъ былъ возвышенъ и скалистъ, хотя за нимъ и открывались зеленѣющія саванны и длинныя, казавшіяся безконечными, равнины. Испанцы вошли въ одну изъ долинъ, которая шла внутрь острова между двумя горами и представляла явные слѣды обработки почвы.

Было еще очень рано, и вѣтеръ былъ попутный, какъ тяжелыя облака стали затемнять небо и предвѣщали страшный дождь. На всѣхъ островахъ, гдѣ Колумбъ останавливался, были

часто дожди, что конечно зависѣло отъ времени года. Такъ какъ опасно идти въ темную погоду въ совершенно неизвѣстныхъ мѣстахъ, то адмиралъ рѣшился войти въ ближайшій портъ, названный имъ *Консепсіонъ*.

Въ заливъ впадала рѣка, бѣжавшая по очаровательнымъ долинамъ и полямъ.

Колумбъ узналъ, что островъ обширенъ и повсюду обработанъ. Онъ его назвалъ *Испанскимъ* островомъ (Эспаньола), потому что видѣлъ недалеко отъ гавани равнины, напомнившія ему Кастилію. Этотъ островъ нынѣ называется *Санъ-Доминго*.

Вдали виднѣлся другой островъ, *Черепахи*, южный берегъ котораго тянулся почти въ томъ же направленіи, какъ таковой *Эспаньолы*. До него было небольше десяти лигъ. Адмиралъ желалъ отправиться на него, потому что отъ взятыхъ имъ индійцевъ, онъ слышалъ, что мимо лежитъ дорога въ *Бабекъ* (страну золота и дорогихъ каменьевъ), обширную страну, больше Кубы, и не окруженную водою.

12-го декабря трое матросовъ зашли далеко въ лѣсъ. Они встрѣтили много индійцевъ, совершенно нагихъ, убѣжавшихъ при видѣ ихъ. Они не могли схватить ни одного, но овладѣли молодой женщиной. Они свели ее къ адмиралу, который приказалъ ее одѣть и подарилъ ей бусъ, погремушекъ, латунныхъ колецъ. Затѣмъ онъ приказалъ свести ее обратно нѣсколькимъ матросамъ и тремъ кубскимъ индійцамъ. Женщина, очарованная хорошимъ пріемомъ и сдѣланными ей подарками, охотно осталась бы съ другими индіанками на кораблѣ Колумба.

Три испанца, провожавшіе индіанку, издали видѣли мѣстечко, гдѣ она жила, но не рѣшились идти туда, или боясь, или дорога показалась имъ долгой. На кораблѣ замѣтили, что у этой женщины сквозь носъ былъ продернутъ кусокъ золота.

На слѣдующее утро, адмиралъ послалъ десять человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, съ тремя кубскими туземцами на розыски деревни. Они нашли ее въ четырехъ съ половиною лигахъ, въ прелестной долинѣ, на берегу рѣки. Въ ней было до тысячи домовъ, но это время всѣ пустые, при приближеніи испанцевъ, всѣ индійцы бѣжали. Къ нимъ парламентеромъ послали одного индійца; ему только съ великимъ

трудомъ удалось разсѣять ихъ страхъ. Наконецъ, они рѣшились, въ числѣ около двухъ тысячъ, подойти къ девяти испанцамъ. На каждомъ шагу, они клали руки на головы, въ знакъ уваженія и покорности. То были красивосложенные люди, бѣлѣе и пріятнѣе на видъ, чѣмъ туземцы другихъ острововъ.

Испанцы говорили съ ними при помощи своихъ переводчиковъ, какъ къ нимъ подошла другая толпа, не меньше первой. Она, повидимому, сопровождала вчерашнюю женщину, которую друзья ея мужа несли на плечахъ. Мужъ, подойдя къ испанцамъ, всячески старался выразить свою благодарность, за подарки и хорошій пріемъ, сдѣланный его женѣ.

Оправившись отъ страха и нѣсколько освоившись съ испанцами, индійцы повели ихъ въ свои дома и угощали тамъ маніоковымъ хлѣбомъ, рыбой, кореньями и разными плодами. Они съ великой готовностью предлагали все, что у нихъ было. Узнавъ отъ толмача, что испанцы любятъ попугаевъ, они принесли много ручныхъ попугаевъ. Такое откровенное и сердечное гостепріимство царствовало на этихъ островахъ прежде, чѣмъ испанцы внесли на нихъ скупость и жадность.

Дожидаясь благопріятной погоды, Колумбъ посѣтилъ островъ, находящійся противъ порта *Консепсіонъ* и который онъ назвалъ островомъ *Черепахи*, потому что нашелъ тамъ множество черепахъ.

Вѣтеръ сталъ попутный, и адмиралъ вышелъ 15 декабря изъ порта *Консепсіонъ*. Онъ направился къ острову Черепахи и вошелъ въ рѣку, которой наканунѣ не замѣтилъ. Рѣка эта была неглубока, но очень быстра. Онъ проѣхалъ нѣсколько вверхъ на шлюпкѣ. Онъ видѣлъ нѣсколько домовъ и обширную долину, на которой было нѣсколько мѣстечекъ.

Эта долина, по словамъ адмирала, содержала въ себѣ все, что только можно представить прекраснаго. Онъ назвалъ ее *Райской долиной*, а рѣку, бѣгущею по ней, *Гвадалквивиромъ*.

16 декабря онъ бросилъ якорь въ гавани, недалеко отъ мѣстечка. Вскорѣ на берегъ выбѣжало до пятисотъ индійцевъ, въ сопровожденіи ихъ царя, или *кацика*. Они вошли на корабль сперва по одному, а потомъ по нѣскольку сразу. У нѣкоторыхъ

въ ушахъ и носахъ были зернышки чистѣйшаго золота, которое они охотно уступали, какъ только просили ихъ объ этомъ.

Адмиралъ увидѣлъ кацика, который находился на берегу, и замѣтилъ, что всѣ индійцы обращались съ нимъ почтительно. Онъ послалъ ему подарокъ, который былъ принятъ послѣ немалыхъ церемоній.

Этотъ предводитель былъ молодой человѣкъ, около двадцати одного года. Его сопровождалъ старикъ, казавшійся наставникомъ, и нѣсколько совѣтниковъ. Король говорилъ мало. За него отвѣчали совѣтники.

Одинъ изъ индійцевъ изъ свиты адмирала говорилъ съ молодымъ кацикомъ. Онъ сказалъ ему, что испанцы сошли съ неба; что они ищутъ золота и хотятъ пройти на островъ *Бабекъ*. Кацикъ отвѣчалъ, что на этомъ островѣ, дѣйствительно, много золота. Затѣмъ, обращаясь къ принесшему ему подарокъ, онъ сказалъ, что до *Бабека* можно доѣхать въ два дня, и что если они нуждаются въ чемъ либо изъ имѣющагося въ его странѣ, то онъ отдастъ охотно.

Этотъ молодой царь, его наставникъ или министръ, чиновники или совѣтники, показываютъ намъ, что у такъ называемыхъ *дикарей* были чины, должности, порядокъ подчиненности. Жаль, что чрезмѣрная алчность первыхъ завоевателей новаго свѣта помѣшала имъ передать точныя и подробныя наблюденія надъ этими первыми зачатками человѣческихъ обществъ.

Страна была восхитительная; Колумбъ, въ своемъ журналѣ, описываетъ ее съ истиннымъ энтузіазмомъ.

Фонъ-Гумбольдтъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе, которое да позволено будетъ намъ привести здѣсь, относительно чувства Колумба къ красотамъ природы.

„Колумбъ, говоритъ фонъ Гумбольдтъ, среди множества матеріальныхъ и мелочныхъ работъ, охлаждающихъ душу, сохранилъ глубокое чувство величія природы. Это разнообразіе въ ростѣ и обличьи растеній, это дикое изобиліе почвы, эти обширныя устья рѣкъ, тѣнистые берега которыхъ полны птицами-рыболовами,—становятся поочередно предметомъ наивныхъ и одушевленныхъ описаній. Каждая вновь открытая земля кажется Колумбу несравненно лучше только что описанныхъ имъ. Онъ сокрушается, что не умѣетъ измѣнять формъ выраженій, чтобы передать королевѣ восхитительныя впечатлѣнія, которыя испытывалъ, идя вдоль бе-

реговъ Кубы и маленькихъ Лукайскихъ острововъ. Въ этихъ картинахъ природы (а почему не назвать такимъ именемъ полныя правды описанія?), старый морякъ порой обнаруживаетъ стилистическій талантъ, который оцѣнятъ знакомые съ тайнами испанскаго языка и тѣ, кто предпочитаетъ силу колоритности строгой и размѣренной правильности [1]).

Но возвратимся на Санъ-Доминго. 18 декабря, Колумбъ, задержанный противными вѣтрами, находился все въ тѣхъ-же широтахъ, какъ кацикъ, котораго ему называли Гванагари, посѣтилъ его. Его несли четверо людей на крытыхъ носилкахъ. За нимъ шло двѣсти индійцевъ. Адмиралъ въ это время обѣдалъ на кораблѣ. Кацикъ приказалъ своей свитѣ остаться на берегу и въ сопровожденіи двухъ стариковъ вошелъ на корабль. Сдѣлавъ знакъ Колумбу, что онъ не желаетъ, чтобъ тотъ вставалъ ради почтенія передъ нимъ, онъ самъ сѣлъ подлѣ него. Когда адмиралъ подносилъ ему что-либо изъ ѣды или питья, то онъ только пригубивалъ и отдавалъ членамъ своей свиты. Онъ всегда сохранялъ важность и достоинство въ осанкѣ. Онъ подарилъ адмиралу поясъ любопытной работы и двѣ пластинки золота. Колумбъ далъ ему кусокъ сукна, зернышки амбры, башмаки и стклянку флеръ-д'-оранжевой воды. Онъ показалъ ему монеты съ изображеніемъ испанскихъ короля и королевы; онъ усиливался объяснить ему величіе и могущество этихъ двухъ государей. Онъ показалъ ему королевскую хоругвь и крестовое знамя.

Кацикъ не много понялъ изъ всего этого. Онъ думалъ, какъ всѣ индійцы, что испанцы, явились съ неба.

20-го декабря Колумбъ пришелъ въ гавань, названную имъ *Св. Ѳомы.*

Туземцы тотчасъ же окружили суда, кто на лодкахъ, другіе вплавь, принесли множество вкуснѣйшихъ плодовъ, совершенно неизвѣстныхъ европейцамъ. Они съ великою охотою отдавали все, что у нихъ было, особенно золотыя украшенія, которыя съ великою жадностію разыскивали европейцы.

Эти первичные люди не понимали, что такое значитъ *тор-*

---

[1]) *Examen critique de l'Histoire de la géographie du nouveau continent*, sect. II, p. 228.

говля, мѣна. Дарить у нихъ было слѣдствіемъ естественнаго и внезапнаго чувства.

Индійцы скоро тысячами стали приходить смотрѣть суда. Мужчины и женщины были совершенно нагіе и не имѣли никакого оружія.

Многіе предводители посѣщали Колумба и присылали ему множество съѣстныхъ припасовъ. Многіе индійцы изъявляли желаніе, чтобы испанцы поселились съ ними на островѣ. (Это было, какъ мы сказали, островъ Санъ-Доминго). Ничто лучше не характеризуетъ невинность и простоту этихъ народцевъ.

Многіе изъ кациковъ присылали къ Колумбу съ просьбою подъѣхать на корабляхъ къ берегамъ, близкимъ къ ихъ странамъ, и посѣтить ихъ. Индійцы дали понять, что на островѣ было въ изобиліи золота и что его можно получить много за пустяки. Но Колумбъ хотѣлъ узнать, откуда они достали это золото. „*Да дастъ мнѣ нашъ Милосердный Спаситель*, говоритъ онъ, *отыскать это золото*.“

Между тѣмъ, великое несчастіе постигло экспедицію. 24 декабря, адмиралъ на своемъ кораблѣ *Санта-Марія*, вышелъ изъ порта Консепсіонъ, чтобы посѣтить кацика Гуанагари. Вѣтеръ былъ крѣпкій, но море тихо и спокойно. Колумбъ не спалъ предъидущую ночь, все время пробылъ на палубѣ, не довѣряясь никому въ этихъ моряхъ, усѣянныхъ рифами. Матросы, которые отвозили въ шлюпкахъ депутацію, посланную къ кацику, не встрѣтили на морѣ отъ Санто-Томе́ до Пунта-Санта ни мели, ни подводнаго камня. 25-го были всего въ лигѣ отъ *Пунта-Санта,* и все шло какъ нельзя лучше. Около одиннадцати часовъ вечера, Колумбъ, изнемогая отъ усталости, пошелъ немного отдохнуть. Въ воздухѣ и на морѣ было тихо, а потому кормчій передалъ руль новичку, а самъ пошелъ спать, — что́ было формально запрещено адмираломъ. Его примѣру послѣдовали и всѣ матросы. Судно управлялось дурно, и его мало по малу теченіемъ снесло на песчанную отмель.

Въ полночь, новичекъ, чувствуя, что руль не дѣйствуетъ, началъ кричать. Адмиралъ тотчасъ проснулся и отдалъ приказъ спустить на море шлюпку и завезти якорь позади судна. При-

казъ дурно поняли; всѣ потеряли голову; вмѣсто того, чтобы исполнить его, стали спасаться на каравеллу, стоявшую въ полулигѣ отъ корабля. Начальникъ каравеллы не принимаетъ людей, столь позорно забывшихъ свои обязанности въ минуту опасности. Тогда они вернулись на корабль, который по мѣрѣ того, какъ приливъ спадалъ, начало кренить на одинъ бокъ.

Адмиралъ не видѣлъ иного средства свести его съ мели, какъ облегчивъ его, для чего велѣлъ срубить гротъ-мачту. Но средство это оказалось безполезнымъ; корабль все болѣе и болѣе заваливался на бокъ. Но море было спокойно и не предстояло большой опасности. Колумбъ перевезъ экипажъ на каравеллу *Нина*.

Два человѣка были посланы къ кацику Гуанагари, который жилъ не далѣе какъ въ лигѣ, съ извѣстіемъ, что съ испанцами случилось несчастіе.

Узнавъ объ этомъ, кацикъ заплакалъ. Онъ отдалъ приказъ немедленно отправиться самымъ большимъ лодкамъ для разгрузки корабля. Онъ отправился самъ туда съ своими братьями и другими родственниками. Онъ возбуждалъ своимъ присутствіемъ и рѣчами дѣятельность индійцевъ. Онъ приказывалъ имъ смотрѣть тщательно, чтобы ничто не было испорчено, или потеряно. Отъ времени до времени онъ посылалъ одного изъ родственниковъ сказать адмиралу, на сколько онъ опечаленъ этимъ несчастіемъ, и что онъ предоставляетъ въ его распоряженіе все, что имѣетъ. Ничего не было потеряно, ниже конца каната.

26-го декабря, предводитель отправился посѣтить адмирала на *Нину*. Онъ съ сочувствіемъ, доходившимъ до слезъ, говорилъ ему, что уступилъ испанцамъ два большіе дома; онъ дастъ имъ и другіе, если это потребуется, а равно столько лодокъ и людей, сколько нужно для разгрузки корабля и перевозки груза на берегъ.

Кацикъ, знавшій, что сильнѣйшимъ желаніемъ, величайшей страстью адмирала было пріобрѣтать какъ можно больше золота, далъ ему знаками понять, что не далеко существуетъ страна, гдѣ его находятъ, и что онъ можетъ доставить ему сколько угодно этого металла. Тамъ золота встрѣчается столько, что на него не обращаютъ никакого вниманія. Между странами, особенно изобилующими золотомъ, кацикъ особенно указы-

валъ на *Сивао*. Колумбъ, думавшій все, что онъ въ Азіи, не сомнѣвался, что *Сивао* тоже что *Сипанго*, иначе *Японія*.

Колумбъ пригласилъ кацика отобѣдать съ собою на *Нинѣ*.

Послѣ обѣда, съѣхали на берегъ. Тамъ кацикъ въ свою очередь угощалъ адмирала. Онъ предложилъ ему пополдничать. Послѣ полдника они пошли, и за ними тысячи туземцевъ, совершенно нагихъ. Индійскій предводитель былъ въ рубашкѣ и перчаткахъ, подаренныхъ ему Колумбомъ. Онъ затѣмъ проводилъ адмирала на берегъ, разсказывая ему о *караибахъ*, сосѣднемъ племени, которые отъ времени до времени дѣлали набѣги на Санъ-Доминго и увозили съ собою плѣнныхъ.

Караибы были вооружены луками и стрѣлами; но стрѣлы были безъ желѣзныхъ наконечниковъ, такъ какъ на этихъ островахъ знали только мѣдь и золото.

Адмиралъ далъ знаками понять, что у него есть средства уничтожить караибовъ. Для доказательства онъ приказалъ принести лукъ и стрѣлу и велѣлъ стрѣлять матросу, искусному въ этомъ дѣлѣ. Затѣмъ онъ приказалъ принести мушкеты и выстрѣлить изъ нихъ передъ индійцами.

Услышавъ выстрѣлъ, многіе изъ индійцевъ буквально попадали на-взничь. Сила этихъ орудій необычайно удивила кацика.

Индійцы поднесли адмиралу большую маску, въ которой были вставлены куски золота въ глазахъ, ушахъ и другихъ мѣстахъ. Кацикъ съ своей стороны поднесъ ему много драгоцѣнностей и самъ навѣсилъ на голову и шею Колумбу. Онъ также одарилъ бывшихъ съ нимъ испанцевъ.

Все это доставило такое удовольствіе Колумбу, что, размышляя объ огромномъ количествѣ полученнаго имъ золота и о выгодахъ, могущихъ произойти отъ его сношеній съ кацикомъ и жителями этой страны, онъ спрашивалъ себя, не считать-ли гибель корабля скорѣй счастьемъ, чѣмъ несчастіемъ, „ибо, прибавляетъ онъ, еслибъ мой корабль не сѣлъ на мель, то я бы прошелъ мимо не останавливаясь.“

На завтра, 28-го декабря, кацикъ вернулся на каравеллу съ солнечнымъ восходомъ. Онъ сказалъ адмиралу, что послалъ ис-

кать золота; что онъ хочетъ дать ему много его, словомъ, такъ сказать, осыпать его золотомъ.

Во время обѣда, пришло извѣстіе, что каравела *Пинта*, на которой Антоній Пинзонъ отдѣлился отъ эскадры, находится въ рѣкѣ, у конца острова. Кацикъ тотчасъ отправилъ туда лодку съ однимъ изъ Колумбовыхъ матросовъ, которому дано было письмо къ Пинзону. Въ этомъ письмѣ, адмиралъ приглашалъ Пинзона тотчасъ присоединиться къ эскадрѣ, но не упрекалъ его за самовольную отлучку.

Лодка вернулась черезъ три дня, не видѣвъ *Пинты* и даже не слыхавъ о ней.

Отлучка Пинзона сильно безпокоила адмирала. Онъ боялся, что *Пинта* раньше его вернется въ Испанію, и чтобы обманными разсказами командиръ этой каравеллы не повредилъ ему въ общественномъ мнѣніи и не похитилъ бы у него честь сдѣланнаго имъ открытія. Съ другой стороны, если *Пинта* погибла, то какъ возвратиться въ Испанію, какъ переѣхать громадный океанъ на такой жалкой каравеллѣ, какъ *Нина?* Если при этомъ погибнетъ и *Нина*, то что останется отъ его удивительнаго предпріятія? Въ Испаніи подумаютъ, что оно не могло удаться. Навсегда откажутся отъ подобныхъ предпріятій, и удивительныя, открытыя имъ, земли, можетъ быть, еще тысячи лѣтъ останутся неизвѣстными въ Европѣ! Понятно, что Колумбу было надъ чѣмъ призадуматься.

Но онъ видѣлъ и сочувствіе къ своему горю. Ежедневно онъ получалъ отъ кацика новыя доказательства привязанности; индійцы, по примѣру своего главы, были готовы все что было въ ихъ власти, чтобы угодить ему.

30 декабря, въ ту минуту, какъ онъ сходилъ на берегъ, его другъ, кацикъ Гуанагари вышелъ къ нему на встрѣчу въ сопровожденіи пятидесяти своихъ вассаловъ. Другъ Колумба, казавшійся верховнымъ предводителемъ, взялъ его за руку и провелъ въ лучшій изъ домовъ, уступленныхъ испанцамъ. Тамъ былъ изготовленъ помостъ изъ пальмовыхъ рогожъ и мѣста для сидѣнья.

Когда Колумбъ сѣлъ, верховный кацикъ снялъ свою корону и возложилъ ее на голову адмиралу. Колумбъ тотчасъ же снялъ

съ своей шеи ожерелье изъ дорогихъ каменьевъ и надѣлъ на шею кацика. Онъ снялъ съ себя мантію изъ тонкаго бергенцоваго сукна, которая была на немъ въ этотъ день, и надѣлъ ее на кацика. Затѣмъ, надѣлъ ему на палецъ большое серебряное кольцо, потому что зналъ, какъ кацику желалось имѣть такое кольцо.

Колумбъ возвратился на *Нину* съ большимъ количествомъ золота, не безъ труда собраннымъ для него кацикомъ.

Трудно представить, что сдѣлалъ Колумбъ въ награду за такое самопожертвованіе, за услуги, оказанныя кацикомъ и его подданными. Онъ рѣшилъ построить крѣпость и вооружить ее самымъ сильнымъ образомъ.

Благодаря дѣятельности испанцевъ и содѣйствію индійцевъ, крѣпость была кончена въ десять дней. Вскорѣ огромная деревянная башня возвысилась надъ обширнымъ валомъ, окруженнымъ широкой канавой. Въ этой крѣпостцѣ были сложены всѣ припасы съ разбившагося корабля и все, что не было вполнѣ необходимо на каравеллѣ. Были установлены и пушки, и крѣпость приняла грозный видъ.

Когда все было сложено, Колумбъ сталъ готовиться къ отплытію изъ порта, названнаго имъ портомъ *Рождества*. Онъ оставилъ въ немъ тридцать девять человѣкъ, подъ начальствомъ Діего де Арана изъ Кордовы, перваго судьи эскадры. Въ случаѣ смерти, ему долженъ былъ наслѣдовать Гуттіерецъ, а этому послѣднему Родриго де Эскобадо. Равнымъ образомъ онъ оставилъ лекаря, плотника, конопатчика, бочара, портнаго и пушкаря, опытныхъ въ своемъ дѣлѣ. Онъ приказалъ имъ обращаться вѣжливо съ туземцами, быть справедливыми, избѣгать ссоры, всякаго насилія и быть особенно осторожными относительно женщинъ.

2 января 1493 г., Колумбъ поѣхалъ на берегъ, чтобъ проститься къ кацикомъ Гуанагари. Онъ показалъ ему, при помощи выстрѣловъ изъ аркебузовъ и потѣшнаго сраженія между людьми своего экипажа, что караибы не могутъ быть страшны съ людьми такъ вооруженными. Кацикъ далъ прощальный пиръ адмиралу и его товарищамъ. Въ минуту разставанья, прощанья были очень трогательны.

5 числа, на разсвѣтѣ, подняли паруса.

6-го матросъ, высматривавшій нѣтъ-ли впереди рифовъ, замѣтилъ, что приближается *Пинта*.

Когда оба судна сошлись, Мартинъ Алонзо Пинзонъ перешелъ на *Нину*. Онъ старался оправдаться въ самовольной отлучкѣ, но приводилъ причины неубѣдительнаго свойства. Колумбъ сдѣлалъ видъ, что вполнѣ доволенъ его объясненіями. Онъ ничего не могъ начать противъ человѣка, братъ котораго командовалъ второй каравеллой и на жалованьи у котораго была большая часть матросовъ эскадры. Не смотря на титулъ адмирала, Колумбъ находился въ ихъ власти. Ясно, что Мартинъ Алонзо заслуживалъ сильнѣйшихъ упрековъ; но еслибы Колумбъ сталъ дѣлать ихъ, то могъ бы возбудить опасныя пререканія.

Возвращенія второй каравеллы дозволяло Колумбу осмотрѣть берега острова, который онъ принималъ за Японію, и приготовить для обоихъ судовъ грузъ великой цѣнности. Но братья Пинзоны не внушали ему уже никакого довѣрія; съ ихъ стороны онъ постоянно встрѣчалъ противорѣчія. Онъ опасался даже, чтобы Мартинъ Алонзо при первомъ удобномъ случаѣ снова не отлучился отъ него.

Всѣ эти соображенія привели его къ рѣшенію вернуться въ Испанію, чтобы объявить о чрезвычайномъ успѣхѣ, увѣнчавшемъ его экспедицію и отложить до слѣдующаго путешествія изслѣдованіе открытыхъ имъ странъ.

10 января, они вошли въ рѣку, гдѣ Алонзо Пинзонъ дѣлалъ мѣну съ туземцами. Тамъ, Колумбъ убѣдился, что Мартинъ Алонзо разсказалъ ему неправду. Онъ говорилъ, что всего шесть дней пробылъ въ этой рѣкѣ; Колумбъ же узналъ, что онъ оставался шестнадцать дней и продолжалъ собирать золото даже послѣ того, какъ узналъ о несчастіи, постигшемъ адмирала. Далѣе, онъ силой захватилъ четырехъ мужчинъ и двухъ женщинъ, которыхъ думалъ увезти въ Испанію. Колумбъ принудилъ его возвратить имъ свободу. Раньше, чѣмъ ихъ отпустить, онъ увѣрилъ этихъ туземцевъ въ дружбѣ и щедро одарилъ ихъ, стараясь такимъ образомъ загладить сдѣланную имъ обиду и лишить ихъ желанія очернить испанцевъ въ глазахъ другихъ туземцевъ.

Идя вдоль берега острова Санъ-Доминго, они достигли мыса *Каброна*. Обогнувъ его, они стали въ заливѣ, имѣвшемъ не менѣе трехъ лигъ въ ширину. Вскорѣ они увидѣли на берегу индійцевъ, совершенно отличныхъ отъ видѣнныхъ ими дотолѣ. Они носили длинные волосы, назади связанные узломъ и украшенные перьями попугаевъ и другихъ птицъ. Видъ у нихъ былъ дикій, осанка воинственная, взглядъ угрожающій. Они были вооружены луками и стрѣлами, боевыми булавами и шпагами изъ пальмоваго дерева, почти столь же твердыми и тяжелыми, какъ желѣзо. Наконечники ихъ стрѣлъ были сдѣланы изъ твердаго дерева, изъ рыбьей кости, или зуба. Эти дикари продали испанцамъ два лука и много стрѣлъ.

Колумбъ подумалъ, что эти свирѣпые воины были тѣ страшные *караибы или каннибалы*, которыхъ такъ боялись другіе индійцы. Испанцы пригласили одного изъ нихъ на каравеллу адмирала. Онъ пошелъ неохотно. Тамъ его приняли хорошо, дали ему ѣсть и пить. Адмиралъ одарилъ его и затѣмъ приказалъ отвести на берегъ.

Едва шлюпка подошла къ берегу, какъ матросы увидѣли около полсотни другихъ дикихъ, вооруженныхъ луками, стрѣлами и булавами; они вдругъ появились изъ-за деревьевъ, за которыми были скрыты. Они хотѣли напасть на матросовъ, какъ индіецъ, находившійся въ шлюпкѣ, закричалъ имъ что-то. Тотчасъ же всѣ они сложили оружіе и дружески подошли къ испанцамъ. Но европейцы сдѣлали движенія, точно желая овладѣть оружіемъ дикихъ, которые тотчасъ схватили оружіе обратно и съ угрожающимъ видомъ стали наступать на кучку испанцевъ, думая, что ихъ легко побѣдить.

Тогда испанцы рѣшились напасть на нихъ. Они ранили двухъ, а прочіе, напуганные европейскимъ оружіемъ, пустились въ бѣгство.

Тутъ въ первый разъ со времени появленія испанцевъ въ новый свѣтъ пролилась индійская кровь. Увы! что значила эта кровь нѣсколькихъ караибовъ, въ сравненіи съ потоками пролитой крови, когда испанцы завладѣли лучшими странами новаго материка! Еслибъ Колумбъ могъ быть свидѣтелемъ этихъ кро-

вавыхъ и ужасныхъ сценъ, театромъ которыхъ сдѣлались эти страны, то онъ можетъ быть пожалѣлъ бы о сдѣланныхъ имъ открытіяхъ.

Между тѣмъ планъ возвращенія въ Испанію созрѣлъ въ его умѣ. Отказавшись отъ дальнѣйшаго осмотра новыхъ островов, о которыхъ говорили ему индійцы, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду. Его побуждали къ этому плохое состояніе обѣихъ каравеллъ, духъ неповиновенія въ экипажѣ и подозрительное поведеніе Пинзона.

18 января 1493 года, они отправились въ обратный путь. Колумбъ шелъ на *Нинѣ*; братья Пинзоны на *Пинтѣ*.

Возвращеніе было трудное и тяжелое. На сколько пассатные вѣтры, господствующіе въ этихъ моряхъ, были попутны ему при путешествіи въ новый свѣтъ, на столько же они препятствовали ему при обратномъ плаваніи. Не разъ, затерянные на этихъ двухъ орѣховыхъ скорлупахъ, въ неизвѣстныхъ пустыняхъ *моря Океана*, экипажи погибли бы, еслибъ Колумбъ не былъ одаренъ хладнокровіемъ, энергіей и необыкновеннымъ благоразуміемъ.

12 февраля поднялся страшный вѣтеръ и по морю заходили валы. На другой день пришлось бороться съ жестокимъ вѣтромъ. Страшныя волны бросали суда. Волны были еще ужаснѣе въ ночь на 14 февраля. Каравеллы раздѣлились другъ отъ друга. Море было такъ ужасно, что всѣ считали себя погибшими.

То обстоятельство, что въ каравеллѣ не было балласту, еще болѣе увеличивало опасность, грузъ ея сильно уменьшился вслѣдствіе того, что съѣстные припасы были съѣдены, особенно потому, что вода была потреблена. Адмиралъ приказалъ наполнить морской водой всѣ бочки и боченки. Это нѣсколько уменьшило опасность.

Колумбъ былъ въ великомъ горѣ. Что сталось съ *Пинтой*, которая давно уже перестала отвѣчать на его сигналы? Онъ думалъ, что она погибла. И такъ, вся тайна открытій зависѣла теперь отъ жалкой *Нины*, которая въ свою очередь могла погибнуть.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи, Колумбъ придумалъ средство, благодаря которому слава его открытія могла пережить его

самого, даже въ томъ случаѣ, еслибъ обѣ каравеллы были поглощены волнами. Онъ написалъ на листѣ пергамента краткій отчетъ о своемъ путешествіи и открытіи дороги въ Индію, плывя прямо на западъ. Онъ надписалъ этотъ листъ на имя короля испанскаго. На оберткѣ онъ написалъ, что тому, кто подастъ пакетъ, не открывая его, будетъ выдана тысяча дукатовъ. Затѣмъ, онъ обернулъ свертокъ вощенымъ холстомъ и уложилъ его въ кусокъ воску. Все же вмѣстѣ онъ положилъ въ боченокъ, который опустилъ въ море, ни слова никому не говоря.

Между тѣмъ небо стало проясняться и вѣтеръ утихать. Страшная буря мало по малу разсѣялась, не причинивъ никакого вреда ни одной изъ каравеллъ. Ихъ спасеніе, по истинѣ, чудесно, и этому Европа обязана тѣмъ, что узнала великую новость.

15 февраля матросъ, стоявшій на сторожѣ, на большой мачтѣ закричалъ, что видитъ землю. То былъ одинъ изъ Азорскихъ острововъ, островъ Св. Маріи, до котораго оставалось не болѣе пяти лигъ. Нѣсколько дней не могли пристать къ нему, потому что отъ острова дулъ сильный вѣтеръ, и море все еще волновалось.

Наконецъ, Колумбъ могъ отдохнуть. Нѣсколько ночей провелъ онъ на палубѣ, больной ломотой, на дождѣ и холодѣ, почти безъ пищи. 18 пристали къ острову Св. Маріи.

Азорскіе острова принадлежали Португаліи. Губернаторъ острова прислалъ поздравить Колумба, а также хлѣба, живности и всякихъ припасовъ.

Во время страшной бури, матросы сдѣлали обѣтъ, о которомъ Колумбъ теперь напомнилъ имъ. На берегу была небольшая пустынь. Матросы отправились туда въ процессіи, босые и въ рубашкахъ, согласно данному ими обѣту за избавленіе отъ смерти.

Пріемъ, сдѣланный матросамъ *Нины* и *Пинты* европейцами, былъ вовсе не такъ сердеченъ, какъ пріемъ простыхъ и добрыхъ людей новаго свѣта. Едва они начали молиться, какъ цѣлый отрядъ вооруженныхъ людей окружилъ пустынь и объявилъ ихъ всѣхъ плѣнниками.

Адмиралъ оставался на каравеллѣ. Видя, что люди не возвращаются, онъ терялся на этотъ счетъ въ догадкахъ. Помѣстив-

шись такъ, что могъ видѣть пустынь, онъ замѣтилъ незнакомыхъ вооруженныхъ всадниковъ, и догадался въ чемъ дѣло. Онъ тотчасъ же приказалъ оставшимся съ нимъ матросамъ взять оружіе, но не показываться, и быть готовыми къ защитѣ.

Къ каравеллѣ съ берега подошла лодка. На ней ѣхалъ губернаторъ. Подъѣхавъ на голосъ, онъ спросилъ Колумба можетъ ли онъ приблизиться, не подвергаясь опасности. Колумбъ обѣщалъ ему это, укоряя въ тоже время за его коварство. Онъ въ то-же время объявилъ ему свое имя, званіе, титулы, а также какое славное порученіе онъ выполнилъ. Онъ показалъ ему граматы за кастильскою печатью. Онъ упрекалъ его за недостойное поведеніе, которое было обидой не только испанскихъ государей, но и короля португальскаго.

Губернаторъ отвѣчалъ, что ему дѣла нѣтъ до граматъ короля испанскаго, а что онъ дѣйствуетъ по приказу короля, своего повелителя.

Послѣ этого, они разстались вовсе не дружески.

Колумбъ боялся не вспыхнула ли война между Испаніей и Португаліей, и затруднялся какъ ему слѣдуетъ поступать.

На другой день, погода была бурная, и адмиралъ счелъ необходимымъ поднять якорь и войти въ открытое море. Судно въ продолженіе двухъ дней подвергалось большой опасности. Половина экипажа была задержана и большинство оставшихся на суднѣ, испанцы и индійцы, были ни довольно опытны, ни довольно хладнокровны, чтобы выполнять что слѣдуетъ.

22-го, вечеромъ, стало тише, и адмиралъ снова бросилъ якорь передъ Св. Маріей. Едва онъ подошелъ, какъ къ каравеллѣ приблизилась лодка, на которой были два священника и нотаріусъ. Получивъ обѣщаніе, что не будетъ посягательства на ихъ свободу, патеры и нотаріусъ вошли на судно адмирала, просили показать бумаги и, найдя ихъ въ порядкѣ, увѣрили Колумба, что губернаторъ расположенъ оказать ему всяческія услуги, такъ какъ онъ дѣйствительно состоитъ на службѣ испанскихъ государей.

Шлюпка и матросы были возвращены.

24 февраля, ночью, погода стала благопріятна, а почему подняли паруса. 4 марта снова пришлось испытать бурю, причемъ

каравелла была въ опасности. Всю ночь провели въ сильномъ безпокойствѣ. На разсвѣтѣ увидѣли землю,—то была Португалія.

Колумбъ написалъ королю португальскому. Онъ просилъ дозволенія прибыть на каравеллѣ въ Лисабонъ. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, онъ объявилъ, что не былъ ни на Гвинейскомъ берегу, ни въ другихъ потугальскихъ колоніяхъ, но пришелъ изъ Японіи и крайней Индіи.

Какъ скоро слухъ о возвращеніи Колумба распространился въ Лисабонѣ, лица всѣхъ чиновъ и званій бросились смотрѣть на его каравеллу. Таго, покрытый лодками и челноками, представляла оживленный видъ съ утра до вечера. Лица, которымъ удавалось попасть на *Нину*, не скучали разсказами Колумба и его спутниковъ о чудесахъ новыхъ Индій; они съ любопытствомъ разсматривали растенія и животныя, привезенныя изъ невѣдомыхъ странъ. Въ особенности самое сильное удивленіе возбуждали индійцы, столь отличные отъ всѣхъ, тогда извѣстныхъ, человѣческихъ расъ.

8 марта, Колумбъ получилъ письмо, которымъ король португальскій просилъ посѣтить его въ Вальпарайзо, въ девяти лигахъ отъ Лисабона, гдѣ тогда находился дворъ.

Въ обращеніи съ Колумбомъ, Іоаннъ II показалъ необычайную привѣтливость. Онъ приказалъ своимъ придворнымъ самымъ почетнымъ образомъ обращаться съ ними, и для него и его судна дѣлать все, что потребуется, безъ всякаго вознагражденія. Онъ поздравлялъ его съ успѣшнымъ окончаніемъ предпріятія. Онъ разспрашивалъ его о произведеніяхъ и обитателяхъ земель новыхъ Индій.

Совѣтники Іоанна II были тѣ же лица, что нѣсколько лѣтъ назадъ считали Колумба искателемъ приключеній, мечтателемъ. Они были глубоко унижены его успѣхомъ, доказывавшимъ ихъ невѣжество и неспособность. Они совѣтовали королю умертвить его. „Этотъ фактъ, говоритъ Вашингтонъ Ирвингъ, подтверждается многими историками, какъ португальскими, такъ и испанскими [1])“. Нечего говорить, что Іоаннъ II съ негодованіемъ отвергъ этотъ подлый совѣтъ.

---

[1]) Томъ I, глава IV, стр. 250.

Колумба провожалъ на корабль большой кортежъ. Было приготовлено два мула, одинъ для него, другой для его кормчаго. Король, кромѣ того, подарилъ ему двадцать золотыхъ дукатовъ. Онъ остановился въ монастырѣ Св. Антонія, въ Вилла-Франка, чтобъ представиться королевѣ португальской, пожелавшей его видѣть.

13 марта, въ восемь часовъ утра, онъ поднялъ паруса. На слѣдующій день, около полудня, онъ прибылъ въ Испанію и вошелъ въ палосскій портъ, откуда вышелъ 3-го августа прошлаго года.

Жители Палоса не надѣялись увидѣть ни кораблей, ни матросовъ, ушедшихъ съ Колумбомъ въ *туманное море*. Они считали ихъ погибшими, какъ узнали, что обѣ каравеллы вернулись. и Колумбъ открылъ морской путь въ Индію.

Въ городѣ поднялось страшное волненіе. Звонили въ колокола, закрывали лавки. Всѣ дѣла, всѣ работы были прекращены. Жители были въ восторгѣ. Одни съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда можно будетъ обнять родственника, друга, или узнать о немъ. Всѣмъ хотѣлось слышать разсказы объ этомъ чудесномъ путешествіи.

Наконецъ Колумбъ сошелъ на берегъ, и толпа окружила его. Огромный кортежъ провожалъ его въ главную церковь. Благодарили Бога за то, что онъ дозволилъ жителямъ Палоса принять участіе въ этомъ морскомъ открытіи. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ году Колумбъ былъ предметомъ общаго негодованія, гдѣ онъ встрѣтилъ столько помѣхъ своему предпріятію, его привѣтствовали громкими криками, ему воздавали королевскія почести.

Онъ написалъ королю и королевѣ, чтобъ извѣстить ихъ о своемъ пріѣздѣ, и вскорѣ отправился въ Севилью, гдѣ долженъ былъ ожидать ихъ повелѣній. Изъ десяти привезенныхъ имъ индійцевъ, трое остались больными въ Палосѣ и одинъ умеръ во время путешествія. Онъ взялъ съ собою въ Севилью шестерыхъ остальныхъ.

Въ то время, какъ палосскіе колокола извѣщали о тріумфѣ Колумба, *Пинта*, подъ командою Алонзо Пинзона, вошла въ свою

очередь въ портъ. Отдѣленная отъ каравеллы Колумба во время бури, о которой мы говорили, она была отнесена въ Бискайскій заливъ, и Пинзонъ вышелъ на берегъ въ Байоннѣ. Полагая, что каравелла адмирала погибла, онъ написалъ королю и королевѣ, чтобы извѣстить ихъ о своемъ прибытіи. Извѣстно, что онъ имѣлъ намѣреніе приписать себѣ всю славу экспедиціи. Народная радость въ Палосѣ извѣстила его о торжественномъ возращеніи адмирала. Съ тѣхъ поръ, ему совѣстно было показываться. Воспоминаніе о самовольной отлучкѣ около Кубы и печальное слѣдствіе его неповиновенія, не дозволившее адмиралу продолжать путешествіе, заставляли его опасаться даже ареста. Онъ сѣлъ въ шлюпку и, не вводя каравеллы въ портъ, тайно сошелъ на берегъ и скрывался все время, пока Колумбъ не уѣхалъ изъ Палоса.

V.

Письмо Колумба къ Фердинанду и Изабеллѣ произвело глубокое впечатлѣніе. Открытіе новыхъ земель на оконечности Азіи и взятіе ихъ въ испанское владѣніе, было самымъ чрезвычайнымъ событіемъ ихъ царствованія, уже замѣчательнаго не однимъ славнымъ дѣломъ. Едва Колумбъ прибылъ въ Севилью, какъ получилъ письмо, въ которомъ государи выражали ему полное свое удовольствіе и приглашали явиться ко двору, для составленія плана второй важнѣйшей экспедиціи.

Это письмо было надписано: „*Дону Христофору Колумбу, нашему адмиралу на морѣ Океанѣ, вице-королю и правителю островов, открытыхъ въ Индіи*“. Король и королева просили его поспѣшить пріѣздомъ.

Колумбъ послалъ изъ Севильи списокъ кораблей, людей и всякихъ припасовъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, для втораго путешествія къ западнымъ оконечностямъ Азіи. Затѣмъ, онъ отправился въ Барселону, гдѣ въ то время находился дворъ.

Его путешествіе изъ Севильи въ Барселону было тріумфальнымъ шествіемъ; его всюду восторженно встрѣчали жители этихъ, двухъ лучшихъ и населеннѣйшихъ, испанскихъ провинцій. Всюду ему приходилось останавливаться, чтобы показываться народу,

сбѣгавшемуся со всѣхъ сторонъ привѣтствовать его и посмотрѣть на индійцевъ.

Онъ прибылъ въ Барселону 15 апрѣля. Всѣ гранды вышли, по повелѣнію короля, ему на встрѣчу. Король сидѣлъ на тронѣ, подъ бархатнымъ съ золотомъ балдахиномъ. Всѣ испанскіе вельможи, въ великолѣпныхъ одеждахъ, тѣснились около трона. Колумбъ поцѣловалъ руки короля, который посадилъ его подлѣ себя. Поговоривъ нѣсколько времени съ нимъ о его путешествіяхъ, онъ велѣлъ вельможамъ проводить Колумба до назначенныхъ ему аппартаментовъ.

„Онъ былъ осыпанъ почестями, говоритъ Фернандъ Колумбъ. Король въ Барселонѣ выходилъ постоянно съ Колумбомъ по одну сторону и инфантомъ по другую. Такія почести дотолѣ воздавались только принцамъ [1]).“

Извѣстіе объ открытіи новыхъ земель въ Азіи вскорѣ распространилось по всей Европѣ, при помощи посольствъ, ученыхъ и торговыхъ корреспонденцій и разсказовъ путешественниковъ. Товременные писатели разсказываютъ объ удивленіи и изумленіи, которое произвело повсюду это необычайное событіе.

Во время пребыванія въ Барселонѣ, Колумбъ имѣлъ свободный доступъ къ государямъ. Королева очень любила разсуждать съ нимъ о сдѣланныхъ и предполагаемыхъ имъ открытіяхъ.

Колумбу послѣ почета, которымъ окружили его Фердинандъ и Изабелла, пріятнѣе всего было то изъявленіе уваженія, которое оказывалъ ему великій кардиналъ Мендоза, человѣкъ замѣчательный своими достоинствами, талантами, значеніемъ, который первый при дворѣ обласкалъ бѣднаго и неизвѣстнаго генуэзскаго моряка и, угадавъ его геній, рекомендовалъ королевѣ. Мендоза далъ большой банкетъ, на которомъ первое мѣсто было предназначено Колумбу. Въ то время въ Испаніи соблюдался строжайшій этикетъ, и *вице-королю западныхъ Индій* прислуживали съ королевскими почестями.

На одномъ изъ этихъ банкетовъ, говорятъ, произошелъ случай, столь часто повторяемый. Одинъ изъ гостей спросилъ Ко-

---

[1]) *Histoire de l'amiral,* chap. XLI.

лумба, не могъ ли бы и другой, точно также, какъ онъ, открыть новыхъ Индій; Колумбъ вмѣсто отвѣта приказалъ принести яйцо и предложилъ всѣмъ присутствовавшимъ поставить его на одномъ изъ концовъ такъ, чтобы оно держалось въ равновѣсіи. Гости, послѣ неудачныхъ опытовъ, отдали яйцо Колумбу, который слегка ударилъ его по столу, разбилъ немного скорлупку и установилъ яйцо на разбитой части. Тогда всѣ закричали: — Это очень просто! Всякій могъ бы это сдѣлать! — Да, отвѣчалъ Колумбъ, — это очень легко и просто, такъ же какъ легко было открыть новый путь въ Индію. Только пока я не показалъ, никому не удавалось найти его [1]).

Едва прошло семь лѣтъ съ того дня, какъ Колумбъ, бѣдно одѣтый, изнемогая отъ усталости, нуждающійся во всемъ, остановился у воротъ рабидскаго монастыря и просилъ для своего сына кусокъ хлѣба и стаканъ воды. Теперь же мы видимъ его на вершинѣ почестей, сидящимъ на банкетѣ у одного изъ первѣйшихъ сановниковъ испанскихъ, и съ нимъ обращаются со всѣмъ церемоніаломъ, который этикетъ предписывалъ для королей.

Посреди празднествъ и увеселеній, даваемыхъ въ честь этого неслыханнаго тріумфа испанскаго флота, Фердинандъ и Изабелла заботились о принятіи мѣръ, чтобы упрочить за собою новыя владѣнія. По политическому праву, принятому, со времени крестовыхъ походовъ, государями Европы, всякій государь могъ нападать, грабить или овладѣвать землями нехристіанскихъ народовъ подъ предлогомъ повсюднаго расширенія владычества церкви. За папами было признано право располагать всѣми некатолическими странами въ пользу христіанскихъ государей на столько могущественныхъ, чтобы покорить ихъ. Въ силу этого-то, папа Мартинъ V и его преемники даровали португальской коронѣ всѣ земли, какія будутъ открыты португальскимъ флотомъ, отъ мыса Бохадора до Индіи. Фердинандъ и Изабелла, договоромъ, заключеннымъ въ 1479 г., обязались уважать признанное такимъ образомъ за Португаліей. Поэтому, они, какъ только узнали объ открытіяхъ Колумба, поспѣшили послать въ Римъ посланниковъ, чтобы полу-

---

[1]) Benzoni, *Istoria del mondo nuovo,* кн. 1, стр. 12. In 8°. Венеція, 1572.

чить отъ папы санкцію, которая обезпечила бы мирное владѣніе ихъ новыми государствами.

Римскій дворъ безъ труда согласился на просьбу Фердинанда и Изабеллы. 2 марта 1493 года, буллой Александра VI, испанскимъ государямъ были предоставлены относительно вновь открытыхъ странъ тѣ же права и привилегіи, какъ португальцамъ относительно ихъ африканскихъ открытій, и все это подъ условіемъ распространять католическую вѣру.

Ради предупрежденія всяческихъ столкновеній между двумя государствами, другой буллой, изданной на слѣдующій день, опредѣленнымъ образомъ опредѣлялись границы ихъ владѣній проведеніемъ раздѣльной линіи отъ полюса до полюса и проходящей въ ста лигахъ на западъ отъ острововъ Азорскихъ и Зеленаго мыса. Всѣ страны на западъ отъ этой линіи, которыми никакое государство не овладѣло до дня Рождества сего 1493, года будутъ принадлежать испанцамъ, если они ихъ откроютъ. Всѣ земли, открытыя на востокъ отъ этой идеальной линіи, будутъ принадлежать португальцамъ.

Колумбъ приближался къ шестидесяти годамъ, и счастье не баловало его въ жизни. Короткій срокъ между первымъ и вторымъ его путешествіями былъ счастливѣйшимъ временемъ въ его жизни. Но чрезмѣрныя почести, ему оказанныя, королевскія милости и слава его открытій сильно расшевелили при дворѣ низкія и гадкія страстишки зависти, и его успѣхамъ готовились уже положить конецъ. Ему скоро пришлось искупить гордость, внушенную ему этимъ тріумфомъ, быть можетъ, безпримѣрнымъ въ исторіи.

28 марта *вице-король западныхъ Индій* отправился въ Севилью. Тамъ былъ собранъ флотъ изъ семнадцати разной величины судовъ. Были избраны лучшіе кормчіе. Были приглашены самые искусные рабочіе всякаго рода, рудознатцы, плотники, земледѣльцы, для проектированной колоніи. Были закуплены лошади, рогатый скотъ, всякаго рода домашнія животныя. Суда нагружались всякими хлѣбами и растеніями: виноградной лозой, сахарнымъ тростникомъ, различными кустами и черенками и т. д. Не забыты были вещи, могущія служить для мѣны съ островитянами: разныя цвѣтныя четки, погремушки, зеркала и т. п. Военные снаряды со-

ставляли также значительную часть груза. Боялись серьезныхъ столкновенiй съ португальцами, которые, возбужденные первыми успѣхами Колумба, горѣли желанiемъ овладѣть какой нибудь изъ вновь открытыхъ земель.

Число людей, долженствовавшихъ участвовать въ экспедицiи, было ограничено тысячью. Но явилось такое множество охотниковъ, испрашивавшихъ дозволенiя отправиться на свой счетъ, что пришлось принять тысячу двѣсти; и такъ какъ многiе были приняты обманнымъ образомъ, то число всѣхъ испанскихъ колонистовъ возрасло до полуторы тысячи.

Хуанъ Родригецъ де-Фонсека, архидiаконъ (благочинный) севильскiй, былъ назначенъ Фердинандомъ и Изабеллой главноуправляющимъ по дѣламъ новыхъ Индiй; къ нему были назначены Франциско Пинало, въ качествѣ казначея, и Хуанъ де-Сорiа, въ должности контролера. Эти люди не могли, по характеру своему, симпатизировать Колумбу; имъ было поручено завѣдывать снаряженiемъ экспедицiи, и изъ этого проистекли досадныя пререканiя. Они часто отказывались исполнять требованiя адмирала и даже подписывать его счеты. Поэтому имъ пришлось получить отъ Изабеллы строгiй выговоръ, котораго они не простили Колумбу. Фонсека, коварный и мстительный, вскорѣ умножилъ всяческiя препятствiя на пути Колумба и заставилъ его испытать убiйственныя униженiя.

Флотъ отправился изъ Кадикса 25 сентября 1493 [1]). Онъ состоялъ изъ трехъ большихъ кораблей и четырнадцати каравеллъ. Чтобы избѣжать португальскихъ береговъ и острововъ, Колумбъ направилъ на юго-западъ отъ Канарскихъ острововъ. 5 октября, онъ бросилъ якорь въ Гамерѣ, гдѣ запасся дровами и водой.

26 октября флотилiя вытерпѣла бурю съ проливнымъ дождемъ. Экипажи считали себя погибшими, пока огоньки, проявленiе атмо-

---

[1]) Эта вторая экспедицiя описана по латыни Педро Мартиромъ д'Ангiера, современникомъ Колумба. Но существуетъ и другое описанiе, сдѣланное докторомъ Чанка изъ Севильи, медикомъ экспедицiи. Педро Мартиръ разсказываетъ по слухамъ, а докторъ Чанка то, что видѣлъ. Впрочемъ, они не противорѣчатъ другъ другу. Только такъ какъ Педро Мартиръ писатель болѣе опытный, то его разсказъ веденъ лучше чѣмъ докторскiй.

сфернаго электричества, не показались на вершинахъ мачтъ и снастяхъ. „То св. Эльмій, говоритъ Фердинандъ, явился, чтобъ защитить ихъ отъ бурь, и съ тѣхъ поръ они успокоились [1]).“

У древнихъ мѣсто св. Ельмія, какъ заступника противъ бури, занимали *Касторъ* и *Поллуксъ*, которые блестящими сіяніями успокаивали моряковъ, испуганныхъ молніей и громомъ. Въ средніе вѣка были тѣ же предразсудки, что и въ древности. Измѣнились только имена; мѣсто полубоговъ заступили святые.

2 ноября, Колумбъ рѣшилъ, на основаніи различныхъ признаковъ, что близко земля. На слѣдующій день, крикъ *„земля“* одного изъ кормчихъ наполнилъ радостью всѣхъ. До солнечнаго восхода замѣтили островъ, который Колумбъ назвалъ *Доминикомъ*, потому что онъ былъ открытъ въ воскресенье.

Вскорѣ, направо, увидѣли другой островъ, который адмиралъ назвалъ *Марія-Галанде*, по имени своего корабля.

По мѣрѣ того какъ подвигались, являлись другіе острова. Въ этотъ день замѣтили до шести, большею частію довольно большихъ.

Эти острова, между которыми очутился испанскій флотъ, составляютъ часть великолѣпной группы *Антильскихъ* острововъ.

4 ноября, увидѣли островъ, который адмиралъ назвалъ именемъ *св. Маріи Гваделупской*, потому что онъ обѣщалъ монахамъ одного монастыря этого имени дать это имя первому острову, который откроетъ.

Мы кратко изложимъ это второе путешествіе, и прямо перейдемъ къ разсказу о томъ, что ждало адмирала въ концѣ плаванія.

На Гваделупѣ они встрѣтили настоящихъ людоѣдовъ. Эти дикари по временамъ отправлялись на своихъ лодкахъ, лигъ за полтораста, на другіе острова, ради грабежа. Они схватывали и увозили всѣхъ женщинъ, какихъ только могли захватить. Въ пятидесяти хижинахъ, въ которыя входили испанцы, они нашли болѣе двадцати плѣнницъ, которыя разсказывали имъ о чрезмѣрной жестокости *караибовъ*. Разсказывались вещи невѣроятныя. Караибы ѣли дѣтей плѣнницъ. Они держали плѣнныхъ, чтобъ послѣ съѣсть. И это казалось не вымышленнымъ; въ ихъ хижи-

---

[1]) *Histoire de l'amiral*, p. XLV.

нахъ нашли обглоданныя человѣчьи кости. Въ одномъ домѣ нашли человѣчью шею, варившуюся въ сосудѣ.

10 ноября, подняли якорь и направились на сѣверо-западъ, вдоль береговъ Гваделупы. Колумбъ называлъ острова, по мѣрѣ того какъ они попадались на пути. Такъ были открыты и названы: *Монсератъ*, *Санта-Марія ла-Рендонда*, *Санта-Марія Антигуа*, *Санъ-Мартинъ* и т. д. Много другихъ островoвъ, высокихъ, гористыхъ, покрытыхъ великолѣпными лѣсами, простиралось съ сѣверо-запада на юго-западъ. Колумбъ не посѣтилъ ихъ. Ему скорѣй хотѣлось пріѣхать на Санъ-Доминго, гдѣ онъ оставилъ въ крѣпости часть спутниковъ своего перваго путешествія.

15 ноября, флотилія подошла къ значительной группѣ другихъ островoвъ, одни изъ которыхъ были покрыты густыми лѣсами, другіе безводные и безплодные. Каравелла была послана для осмотра ихъ и нашла, что болѣе пятидесяти, повидимому, необитаемы. Колумбъ назвалъ большій изъ островoвъ *Санта-Везула*, а остальные собирательно обозначилъ именемъ: *Одиннадцати-Тысячъ Дѣвъ*.

Вечеромъ подошли къ острову, нынѣ называемому *Порто Рико*. Тутъ была родина большинства женщинъ, которыхъ привезли обратно, отнявъ ихъ у караибовъ. Покрытый прекрасными лѣсами, островъ былъ плодороденъ и многолюденъ. Пройдя вдоль берега цѣлый день, бросили якорь у его западной оконечности, въ заливѣ, изобильномъ рыбою. Люди, посланные на берегъ, нашли деревню, построенную, какъ большинство другихъ, вокругъ большой площади. Они замѣтили въ ней большой и хорошо построенный домъ. Обширная дорога, обрамленная тростниковой изгородью, вела отъ деревни къ морю, гдѣ оканчивалась терассой. Сквозь плетень видны были сады и огороды. Но все было тихо и пустынно, туземцы скрылись.

22 ноября, Колумбъ подошелъ къ восточной оконечности Санъ-Доминго. Тамъ, то есть въ портѣ *Рождества*, онъ оставилъ горсть матросовъ, которые должны были ожидать его возвращенія. Ему хотѣлось отъ нихъ услышать разсказъ обо всемъ, что произошло въ ихъ отсутствіи. Но какія страшныя вѣсти, какое ужасное зрѣлище ожидало его! Этихъ храбрыхъ товарищей, оставленныхъ

подъ покровительствомъ дружественнаго кацика Гуанагари, ему не суждено было увидѣть!

Матросы, сойдя на берегъ, тотчасъ же на берегу ручья увидѣли два трупа, мужчины и дитяти, — оба въ такомъ состояніи разложенія, что не возможно было рѣшить испанцы это, или индійцы. Немного далѣе, лежали еще два трупа, одинъ изъ которыхъ былъ несомнѣнно европеецъ. Колумбомъ овладѣло тогда самое горькое предчувствіе.

27 ноября, бросили якорь напротивъ порта, въ разстояніи около лиги отъ берега. Было пасмурно и берега нельзя было разглядѣть. Чтобы извѣстить соотечественниковъ о пріѣздѣ, Колумбъ приказалъ дважды выстрѣлить изъ пушки; выстрѣлы глухо прокатились по долинѣ, но одно эхо отвѣчало имъ. Напрасно прислушивались: батареи крѣпости молчали. Не было видно ни фонаря, ни свѣта; не было слышно ни единаго звука. Тогда всѣ убѣдились, что случилось несчастіе.

Какъ только разсвѣло, адмиралъ послалъ людей на берегъ. Оказалось, что крѣпость, жилище кацика и всѣ дома были сожжены, или разрушены.

Братъ кацика явился къ адмиралу и разсказалъ, что вскорѣ послѣ его отъѣзда начались ссоры сперва между самими испанцами, изъ-за женщинъ, а потомъ между индійцами и испанцами *изъ-за золота*. Два испанца, Гуттіерецъ и Скобедіо, убивъ одного изъ товарищей, напали на кацика *Каонабо*, владѣльца золотыхъ рудъ; но этотъ предводитель убилъ ихъ обоихъ; затѣмъ этотъ самый кацикъ, въ сопровожденіи большаго числа индійцевъ, напалъ на портъ *Рождества*, и ограбилъ и сжегъ всѣ дома испанцевъ, а также крѣпость, которую охраняло всего десять человѣкъ; многіе изъ тѣхъ, кто бѣжалъ къ морю, утонули; кацикъ Гуанагари, прибѣжалъ съ людьми своего племени, чтобы прекратить безпорядокъ, прогналъ Каонабо, но самъ былъ раненъ въ схваткѣ.

Истинность этого разсказа подтвердилась отчетомъ моряковъ, которыхъ адмиралъ послалъ на розыски. Кацикъ Гуанагари, раненный стрѣлой, лежалъ въ своей хижинѣ. Адмиралъ посѣтилъ его.

Такъ какъ ни одинъ изъ людей, составлявшихъ гарнизонъ, не появлялся, то Колумбъ приказалъ сдѣлать поиски по острову.

Стали раскапывать развалины крѣпости, и нашли одиннадцать труповъ испанцевъ, зарытыхъ въ разныхъ мѣстахъ. Могилы уже заросли травой.

Благодаря индійцамъ, научивщимся уже нѣсколько по испански, и при помощи толмачей, узнали какимъ излишествамъ, разврату и грабежу предались люди, которымъ Колумбъ ввѣрилъ защиту крѣпости. Они силой отнимали у индійцевъ женщинъ и золотыя украшенія. У нихъ были постоянныя ссоры изъ-за нѣсколькихъ крупинокъ золота. Такимъ образомъ, индійцы окончили тѣмъ, что почувствовали полное презрѣніе къ этимъ испорченнымъ существамъ, которыхъ сначала считали сошедшими съ неба и которыя напослѣдокъ навлекли на себя ихъ мщеніе.

Деревня и крѣпостца *Рождества* были въ развалинахъ. Индійцы удалились въ глубину острова. Всюду, въ окрестностяхъ порта и на берегу, уединеніе и тишина смѣнили былое оживленіе и шумъ жизни. Взаимное довѣріе между испанцами и индійцами было на вѣкъ разрушено. Притомъ, въ этой части острова сырая и низкая мѣстность, мало способствовала учрежденію колоніи. Поэтому адмиралъ рѣшилъ устроить новую колонію въ другой части острова.

7 декабря, оставили эти печальныя мѣста.

„Провидѣніе, говоритъ докторъ Чинка, дозволило, что вслѣдствіе дурной погоды, помѣшавшей намъ идти дальше, мы сошли на берегъ въ наилучше на свѣтѣ расположенномъ мѣстѣ и такомъ, какого бы только могли желать. *(Островъ Изабелла)*. Земля въ этомъ мѣстѣ способна для всякой обработки. Какъ разъ подлѣ двѣ рѣки одна большая, другая средняя, воды которыхъ превосходны [1]).

На берегу одной изъ этихъ двухъ рѣкъ, рѣшили заложить городъ, съ одной стороны котораго было бы море, а съ другой непродорный лѣсъ.

Этотъ городъ былъ названъ *Изабелла*.

Вскорѣ явилось множество индійцевъ съ провизіей, подъ предводительствомъ кацика. Эти индійцы стали вымѣнивать съѣстные припасы и золото на стеклярусъ, шнурки, обломки блюдъ и мисокъ.

Между тѣмъ, необходимыя работы по постройкѣ города, разведенію садовъ, насажденію плодовыхъ деревьевъ, устройству ого-

[1]) Ferd. de Navaretti, *Relation des quatres voyages de Chr. Col.* t. I, p. 445.

родовъ и т. д. стали истощать людей, уже истомленныхъ и климатомъ и долгимъ плаваніемъ. Вмѣсто богатствъ и роскоши, за которыми они пріѣхали въ дальнія страны, они встрѣтили лишенія, болѣзни и трудъ. Самъ Колумбъ, страдая ломотой, нѣсколько недѣль пролежалъ на кораблѣ. Больной, онъ предавался самымъ печальнымъ размышленіямъ. Его первая колонія была перерѣзана и разрушена въ его отсутствіи; окружающіе народы не довѣряли ему; на немъ лежала тяжелая отвѣтственность, а между тѣмъ, пріѣхавшіе съ нимъ испанцы, обманутые въ своихъ химерическихъ надеждахъ, ежеминутно были готовы на всякія крайности, готовы были лишить его власти. Больной, онъ продолжалъ распоряжаться, но не могъ лично убѣдиться, исполняются ли его распоряженія.

Когда суда были разгружены, то слѣдовало большую часть изъ нихъ отослать въ Испанію. Но въ Испаніи всѣ ждали, что суда эти вернутся нагруженныя золотомъ и драгоцѣнными пряностями, которые должны были собрать люди, оставленные Колумбомъ, въ его отсутствіе. Что скажутъ, если суда придутъ пустыя?

Поэтому, адмиралъ, прежде чѣмъ отпускать суда, рѣшилъ отправить нѣсколько хорошо вооруженныхъ солдатъ, въ страну, гдѣ были золотыя руды, принадлежавшія кацику Каонабо.

Начальникъ этой экспедиціи, Охеда, вернулся черезъ нѣсколько дней. Онъ не принесъ золота, а только большія надежды. Онъ увѣрилъ, что въ странѣ Сибао несомнѣнно есть много золота и драгоцѣнныхъ пряностей.

И съ этимъ грузомъ надеждъ, двѣнадцать судовъ вернулись въ Испанію.

Колумбъ передалъ Охеда письма, которыми онъ извѣщалъ короля и королеву объ успѣхѣ своего втораго путешествія. Онъ описывалъ страну, гдѣ находился, построенный имъ городъ и объяснилъ, какимъ образомъ онъ думаетъ стать господиномъ въ этихъ странахъ.

Въ этомъ же письмѣ Колумбъ предлагалъ королю ужасную мысль, промѣнять посылаемыхъ имъ индійцевъ, какъ рабовъ, на рогатый скотъ, который испанскіе купцы поставятъ въ колонію. Корабли, нагруженные скотомъ, писалъ Колумбъ, отправятся къ

острову Изабелла, гдѣ найдутъ плѣнныхъ индійцевъ, которыхъ только нужно будетъ нагрузить на суда въ замѣнъ скота.

Этотъ отвратительный проектъ былъ отвергнутъ государями Испаніи. Но онъ остался несмываемымъ пятномъ на жизни и характерѣ Колумба.

Эскадра отправилась обратно въ Испанію 2 февраля 1494 года. Она была встрѣчена съ восторгомъ. Полученные успѣхи удивляли и простой народъ и ученыхъ.

Городъ Изабеллы скоро сталъ возрастать.

Быстро возвышались всѣ необходимыя постройки, какъ былъ открытъ заговоръ, направленный противъ адмирала. Между членами экспедиціи были люди, алчность которыхъ была жестоко обманута. Они думали, что Колумбъ свезетъ ихъ въ страны, гдѣ стоитъ только нагнуться, чтобы пригоршнями собирать золото и дорогіе каменья. А когда они увидѣли, что, вмѣсто этого, приходится сѣять, садить, строить и т. п., то негодованіе ихъ достигло высочайшей степени. Въ своихъ тайныхъ совѣщаніяхъ, они рѣшили очернить и оклеветать адмирала. Нѣкто Бернардъ Діацъ, королевскій чиновникъ, контролеръ экспедиціи, сталъ во главѣ заговора. Во время болѣзни Колумба, рѣшено было овладѣть четырьмя судами, оставшимися въ портѣ, и возвратиться въ Испанію. Заговоръ былъ открытъ, и вожаки были арестованы. Бернардъ Діазъ написалъ записку, исполненную ругательствъ и клеветъ на Колумба. Бумага эта была схвачена.

Въ наказаніи виновныхъ Колумбъ обнаружилъ великую снисходительность. Онъ запретилъ Діазу сходить съ извѣстнаго судна въ ожиданіи посылки на судъ въ Испанію. Чтобы подобныя попытки не могли возобновиться, онъ приказалъ снять всѣ военные снаряды съ четырехъ судовъ и перенести на свое, гдѣ поручилъ ихъ присмотру преданныхъ людей.

Затѣмъ Колумбъ сдѣлалъ нѣсколько вооруженныхъ экспедицій внутрь острова. Обходя различныя его части, онъ имѣлъ случай лучше чѣмъ прежде приглядѣться къ нравамъ и характеру индійцевъ. Эти народцы не были лишены религіозныхъ вѣрованій. Они вѣрили въ высшее существо, невидимое и всемогущее. Они взывали къ нему при посредствѣ *земе*, духовъ, или второстепен-

ныхъ божествъ. У всякаго народа, у всякаго семейства, былъ свой *земе* — покровитель. У нихъ были довольно странныя преданія на счетъ сотворенія міра, о потопѣ, душѣ, состояніи души по отдѣленіи отъ тѣла и т. д.

Колумбъ вернулся 29 марта въ *городъ Изабеллы*, весьма довольный своей экскурсіей. Поля, сады, огороды—все обѣщало обильную жатву.

Но состояніе самихъ колонистовъ было далеко неудовлетворительно. Болѣзни, упадокъ духа, духъ недовольства явно распространялись между ними. Работы замедлялись; съѣстные припасы уменьшались. Онъ опасался безпорядковъ.

Въ такомъ критическомъ положеніи, онъ объявилъ, что всѣ, кавалеры и дворяне, ремесленники и матросы, должны принять участіе въ работахъ. Испанскіе дворяне принуждены были работать собственноручно! Это казалось невыносимымъ! Въ нихъ кипѣла ненависть, рождалось желаніе отомстить. Къ сожалѣнію, все это слилось съ тѣми усиліями, какія дѣлала въ Испаніи клевета, чтобы погубить его.

Колумбъ, распорядившись на островѣ, возстановивъ порядокъ въ колоніи, 24 апрѣля отправился изъ порта Изабеллы съ небольшой своей эскадрой, чтобы осмотрѣть берега Кубы, начиная съ той точки, гдѣ онъ прервалъ свой осмотръ въ первое свое путешествіе. Онъ думалъ, что Куба не островъ, а оконечность Азіи, то есть для него — Китай.

Онъ нѣсколько разъ сходилъ на берегъ въ прелестныхъ мѣстностяхъ, жители которыхъ подносили ему маніоковый хлѣбъ, рыбу, воду въ тыквахъ. Онъ спрашивалъ ихъ знаками, есть ли у нихъ золото. Всѣ они отвѣчали, что земля, гдѣ этотъ металъ въ изобиліи, то есть Бальбекъ, лежитъ къ югу.

3 мая, пройдя на западъ до возвышеннаго мыса, онъ вышелъ въ открытое море. Вскорѣ на горизонтѣ показались голубоватые вершины острова Ямайки.

Чтобы дойти до него, потребовалось двое сутокъ. Высота и красота горъ этого острова, величіе его уединенныхъ лѣсовъ, плодородіе долинъ, наполненныхъ множествомъ деревень, восхитили европейцевъ.

Испанцы были еще въ лигѣ отъ берега, какъ появилось восемьдесятъ пирогъ, наполненныхъ индійцами; они имѣли угрожающій видъ, какъ будто желали воспротивиться высадкѣ иностранцевъ. Но нѣсколькихъ туземцевъ, которые были поближе, удалось утихомирить подарками, и европейцы бросили якорь посреди прелестной мѣстности, въ гавани, которую Колумбъ назвалъ *Санта Глоріа*.

На другой день, онъ направился къ западу отыскивать населенную гавань. Множество индійцевъ, издавая воинственный кличъ, пустили стрѣлы въ испанцевъ.

Адмиральское судно крайне нуждалось въ починкѣ и необходимо было съѣздить на берегъ за водою. Колумбъ послалъ вооруженныя шлюпки. Ихъ встрѣтили градомъ стрѣлъ, ранившихъ нѣсколькихъ солдатъ и произведшихъ замѣшательство въ шлюпкахъ. Испанцы выскочили на берегъ и двумя залпами изъ самострѣловъ обратили индійцевъ въ бѣгство.

Имъ пришло въ эту минуту спустить вслѣдъ бѣглецамъ корсиканскую собаку, которая съ яростію стала преслѣдовать ихъ.

Нѣсколько позже, испанцы, въ войнахъ съ индійцами, прибѣгали къ этому варварскому средству, порою съ отмѣнною жестокостію.

Колумбъ, во имя Испаніи, взялъ во владѣніе этотъ островъ, названный имъ *Сантяго*. Но за нимъ сохранилось индійское названіе *Ямайки*.

На другой день, шесть индійцевъ, посланныхъ касиками, явились съ мирными предложеніями. Ихъ приняли благосклонно и послали съ ними подарки ихъ предводителямъ.

Жители Ямайки казались образованнѣе, чѣмъ другихъ островов. У нихъ были очень большія лодки, украшенныя живописью и рѣзьбою.

Оставивъ Ямайку, эскадра направилась на Кубу. По дорогѣ встрѣтили множество маленькихъ островов. Спрашивали касиковъ о пространствѣ Кубы, но не могли рѣшить островъ ли это, или материкъ. Колумбъ вообразилъ, что множество мелкихъ острововъ, между которыми онъ находился, есть азійскій архипелагъ, и что онъ находится въ недальнемъ разстояніи отъ владѣній Ве-

ликаго Хана, то есть Китайскаго богдыхана, о которомъ столько говорилъ Марко Поло.

Онъ наконецъ доѣхалъ до Кубы и сошелъ на берегъ въ большой деревнѣ, гдѣ его весьма привѣтливо встрѣтили.

Мы не станемъ подробно описывать эпизодовъ этого долгаго путешествія посреди множества мелкихъ островов, гдѣ испанскіе мореплаватели были не разъ въ опасности разбиться о подводные камни, или сѣсть на мель. Труды и лишенія истомили экипажи.

Въ началѣ сентября, были на возвратномъ пути въ городъ Изабеллы. Тамъ адмиралъ нашелъ своего брата Варѳоломея Колумба, недавно прибывшаго изъ Испаніи съ тремя судами и титуломъ префекта Индій.

За отсутствіе Колумба, великіе безпорядки произошли на островѣ. Онъ построилъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Изабеллы, фортъ, названный имъ Св. Ѳомы, и поручилъ начальство надъ нимъ нѣкоему Маргарита, къ которому имѣлъ полное довѣріе. Отправляясь изъ Изабеллы на новыя открытія, онъ оставилъ Маргаритѣ свой небольшой отрядъ изъ 360 солдатъ и 14 всадниковъ, съ приказомъ дѣлать по острову военные обходы. Маргарита и его подчиненные предавались всяческимъ излишествамъ. Въ деревняхъ, черезъ которыя они проходили, они жестоко грабили. Они обижали мужчинъ и уводили женщинъ. Эти *сошедшіе съ неба люди* оказались сбродомъ разбойниковъ и развратниковъ. По своей первичной простотѣ, индійцы ничего подобнаго не могли вообразить. Поэтому, нѣкоторые кацики, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, стали собирать войска, для уничтоженія ихъ. Они уже убили нѣкоторыхъ, когда возвратился Колумбъ.

Адмиралъ, во главѣ 200 солдатъ и 20 кавалеровъ, съ нѣсколькими корсиканскими собаками, вышелъ изъ *Изабеллы*, 24-го марта 1495 года, чтобы разбить войско, собранное кациками. Историки, которые, подобно Вашингтону Ирвингу, посвятили цѣлые томы жизни Христофора Колумба, дѣлаютъ подробное описаніе этой войны и различныхъ сопровождавшихъ ее эпизодовъ.

„*Каонабо*, говоритъ Фердинандъ Колумбъ, самый опасный изъ кациковъ, былъ взятъ съ женою и дѣтьми. Адмиралъ отослалъ его плѣнникомъ въ Испанію съ од-

нимъ изъ своихъ братьевъ. Онъ наказалъ болѣе виновныхъ и приговорилъ индійцевъ къ платежу дани королю испанскому, каждые три мѣсяца, золотымъ пескомъ. Послѣ этого, всѣ безъ сопротивленія повиновались, и испанцы навсегда бы остались владѣльцами острова, еслибъ между ними не было разлада“ [1]).

Въ колоніи уже чувствовался сильный недостатокъ, какъ къ счастью прибыло изъ Испаніи четыре судна, нагруженныя съѣстными припасами.

Фердинандъ и Изабелла прислали Колумбу поздравительное письмо. Они извѣщали его, что всѣ недоразумѣнія съ Португаліей уладились, и просили его вернуться въ Испанію, чтобъ помочь имъ своими совѣтами; или если онъ самъ не можетъ уѣхать, то прислалъ бы вмѣсто себя брата Варѳоломея.

Колумбъ былъ въ это время боленъ, и Варѳоломей былъ ему нуженъ. Онъ послалъ въ Испанію брата своего Діего. Онъ нагрузилъ на корабли все золото, какое было у него, нѣсколько образцовъ другихъ металловъ, плоды и рѣдкія растенія, собранные на Санъ-Доминго и другихъ островахъ, и приказалъ помѣстить въ трюмахъ пятьсотъ индійскихъ плѣнниковъ, *„которые,* какъ онъ писалъ, *могутъ быть проданы, какъ рабы въ Севильѣ“*.

Адмиралъ, поправившись въ здоровьѣ, отправился съ братомъ своимъ Варѳоломеемъ противъ индійцевъ. 200 пѣхотинцевъ, 20 всадниковъ, всѣ вооруженные копьями, большими мушкетами, въ желѣзныхъ латахъ и съ такими же щитами, образовали экспедиціонный отрядъ. Двадцать свирѣпыхъ ищеекъ, служившихъ вспомогательнымъ войскомъ, бросались на несчастныхъ индійцевъ, опрокидывали ихъ и разрывали въ куски. Какъ могли защититься эти бѣдные, совершенно нагіе индійцы, оружіе которыхъ было игрушкой въ сравненіи съ испанскимъ?

Множество этихъ бѣдняковъ погибло. Колумбъ налагалъ на побѣжденныя племена дань золотомъ или хлопчатой бумагой, и эта дань была порой чрезмѣрна.

Чтобы обезпечить платежъ дани, онъ приказалъ построить крѣпости въ различныхъ частяхъ острова. На индійцевъ было нало-

---

[1]) *Histoire de l'amiral*, гл. L.

жено ярмо рабства, и они, чтобы уплатить требуемую подать, принуждены были предаваться чрезмѣрнымъ трудамъ. Многіе изъ нихъ погибли отъ истощенія и горя, и мало-по-малу островъ обезлюдѣлъ.

Двѣнадцать судовъ, посланныхъ Колумбомъ въ Испанію, съ грузомъ рабовъ-индійцевъ, прибыли весьма кстати. Враги Колумба почти торжествовали. Его репутація при дворѣ и въ общественномъ мнѣніи была достаточно поколеблена. Уже Фердинандъ и Изабелла склонялись къ тому, чтобы довѣренное лицо было послано на Санъ-Доминго для изслѣдованія злоупотребленій въ управленіи Колумба.

Въ самомъ дѣлѣ, былъ назначенъ коммиссаръ, который долженъ былъ отправиться въ Индію и на самомъ мѣстѣ разсмотрѣть поступки адмирала. Этотъ коммиссаръ былъ камергерръ короля Хуанъ Агуадо.

Прибывъ на *Испанскій островъ*, Хуанъ Агуадо, при звукахъ трубы, возвѣстилъ о данныхъ ему вѣрительныхъ граматахъ. Колумбъ былъ въ отсутствіи и вмѣсто его начальствовалъ братъ его Варѳоломей. Агуадо, не обращая вниманія на Варѳоломея, принялъ главное начальство въ *городѣ Изабеллы*. Затѣмъ онъ послалъ отрядъ солдатъ розыскивать адмирала на островѣ. Прошелъ даже слухъ, что онъ велѣлъ арестовать его.

Тогда, всѣ неудовольствія, скопившіяся противъ Колумба, обнаружились сразу. Коммиссаръ объявилъ, что онъ пріѣхалъ, чтобы выслушать и разобрать всѣ претензіи, и со всѣхъ сторонъ понеслись жалобы и обвиненія

Изъ всѣхъ этихъ жалобъ, самыми законными, безъ сомнѣнія, были жалобы бѣдныхъ индійцевъ, терпѣвшихъ самое ужасное рабство.

Агуадо, собравъ доказательства, по его мнѣнію достаточныя, чтобы Колумбъ и его братья попали въ немилость у короля, почелъ свое порученіе оконченнымъ и сталъ собираться въ Испанію.

Колумбъ почувствовалъ, какой ударъ готовится ему. Онъ рѣшилъ предупредить его и объявилъ королевскому коммиссару о своемъ намѣреніи отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Дѣйствительно, пора было ему разсѣять тѣ тучи, что нависали надъ его счастьемъ.

Суда съ королевскимъ коммиссаромъ и Колумбомъ готовы были къ отплытію, какъ страшная буря разразилась надъ островомъ. Четыре каравеллы, которыми командовалъ Агуадо, были совершенно разрушены, также какъ двѣ другія, стоявшія въ портѣ. Осталась только *Нина*, но также сильно попорченная. Колумбъ приказалъ исправить ее, и кромѣ того немедленно построить еще каравеллу изъ остатковъ разрушенныхъ ураганомъ судовъ.

10 марта 1496 г., обѣ каравеллы подняли паруса. На одной шелъ Колумбъ, на другой Агуадо. Варѳоломей Колумбъ остался начальникомъ колоніи.

Плаваніе было долгое и тягостное. Много разъ не хватало провизіи. Экипажи и пассажиры перенесли много страданій. Впрочемъ, доѣхали благополучно.

Какъ только Фердинандъ и Изабелла узнали о возвращеніи Колумба, они написали ему 12 іюля 1496 года поздравительное письмо, въ которомъ приглашали ко двору. Ласковый тонъ этого письма ободрилъ Колумба, который палъ духомъ со времени присылки Агуадо.

Прибывъ въ Бургосъ, гдѣ государи ожидали его, онъ выставилъ для жителей города сокровища и рѣдкости, привезенныя имъ: ожерелья, запястья, амулеты, короны, — все изъ золота. Онъ привезъ съ собою нѣсколько индійцевъ, украшенныхъ по ихъ обычаю, блестящихъ золотомъ. *Каонабо*, страшный кацикъ, посланный вмѣстѣ съ пятьюстами плѣнными, умеръ на дорогѣ; но его братъ и племянникъ находились въ числѣ плѣнниковъ, которыхъ слѣдовало представить королю и королевѣ. Священникъ, де-лосъ Палаціосъ, будущій историкъ адмирала, у котораго Колумбъ съ своими индійцами провелъ нѣсколько дней, говоритъ, что братъ Каонабо, въ качествѣ владѣтеля рудниковъ въ горахъ Сибао, носилъ огромную золотую цѣпь.

Колумбъ былъ принятъ весьма любезно королемъ и королевой, которые обращались съ нимъ съ великимъ уваженіемъ. Не было и рѣчи о слѣдствіи, начатомъ Агуадо. Государи съ живымъ интересомъ выслушали разсказъ Колумба о его плаваніи вдоль Кубы и о недавнемъ открытіи золотой руды въ Гайнѣ.

Ободренный ихъ благосклонностью, Колумбъ предложилъ новую экспедицію. Онъ обѣщалъ новыя открытія, важнѣйшія сдѣланныхъ до сихъ поръ, и просилъ для этого только восемь судовъ, два изъ которыхъ останутся на Санъ-Доминго, а шесть подъ его начальствомъ совершатъ путешествіе для открытій.

Фердинандъ и Изабелла приняли этотъ новый проектъ.

Но въ настоящую минуту слѣдовало принять въ соображеніе политическое состояніе Европы и значительныя издержки, которыя приходилось дѣлать Испаніи, чтобы содержать войско на границахъ, которымъ угрожала Францiя, а также двѣ эскадры для защиты береговъ. Фердинандъ имѣлъ надежду овладѣть неаполитанской короной. Вотъ почему о проектѣ Колумба забывалось не разъ.

Впрочемъ, былъ изданъ приказъ выдать Колумбу шесть милліоновъ мараведи (около ста пятнадцати тысячъ рублей) на снаряженіе экспедиціонной эскадры. Но, по несчастію, испанское правительство нуждалось сильно въ деньгахъ; назначенная сумма получила другое назначеніе, — и путешествіе было отложено. Неожиданное стеченіе разныхъ обстоятельствъ стало для Колумба источникомъ горя и разочарованій.

Изабелла, освободившись отъ хлопотъ, причиненныхъ бракосочетаніемъ ея дѣтей, обратила вниманіе на Индіи и многими королевскими повелѣніями подтвердила всѣ привилегіи Колумба, аттрибуты которыхъ были яснѣе опредѣлены.

Наконецъ, 30 мая 1498 года, Колумбъ отправился въ третье путешествіе изъ порта Санъ Лукаръ де-Баррамеда, во главѣ шести судовъ.

30 іюля, послѣ тягостнаго переѣзда, сталъ ощущаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, испортившихся отъ жары и сырости. Оставался всего боченокъ воды, и Колумбъ сталъ сильно безпокоиться, какъ наконецъ увидѣли землю.

Эта земля показалась вдали въ видѣ трехъ горъ, съ соединеннымъ основаніемъ. То былъ великолѣпный, весьма плодородный и населенный островъ. Колумбъ назвалъ его *Троицей* (Тринидадъ), по причинѣ трехъ горъ. Онъ шелъ вдоль его береговъ, какъ 1 августа, открылъ къ югу другую землю, перерѣзанную многочисленными рукавами величественной рѣки.

Эта земля, которую адмиралъ принялъ за островъ и назвалъ *Святымъ* (Isla Santa), былъ материкъ новаго свѣта. Та рѣка была *Ориноко.*

Такимъ образомъ, генуэзскій мореходъ, самъ не зная того, въ первый разъ увидѣлъ *материкъ*, который былъ предметомъ самыхъ страстныхъ его желаній. Онъ былъ у материка новаго свѣта и умеръ, не подозрѣвая даже громадности своего открытія, или—если угодно—своей ошибки!

Колумбъ направился съ юго-западному концу Тринидада. Этотъ мысъ названный *Лареналь*, тянулся къ твердой землѣ, отъ которой былъ отдѣленъ только узкимъ проливомъ. Тамъ они бросили якорь. Двадцать пять индійцевъ подъѣхали къ нимъ на лодкахъ, но отъ нихъ они ничего не могли узнать.

Поднялся попутный вѣтеръ, Колумбъ поставилъ паруса, прошелъ проливъ и направился вдоль внутренняго берега острова, къ горѣ, возвышавшейся на сѣверо-западной оконечности, и увидалъ два мыса, одинъ противъ другаго, первый на стровѣ, второй на западъ, мысъ *Парiа,* идущій отъ твердой земли.

Такимъ образомъ европейскіе мореплаватели видѣли земли новаго свѣта, и двадцать пять подъѣзжавшихъ къ нимъ индійцевъ были обитатели южнаго материка.

На берегу были видны слѣды обработки. Матросы, посланные въ шлюпкѣ, замѣтили слѣды жилищъ и зажженные костры. Но все было тихо и пустынно.

Каравеллы пошли въ прежнемъ направленіи; бросили якорь въ рѣкѣ. Тотчасъ на лодкѣ подъѣхало трое или четверо индійцевъ къ ближайшей къ берегу каравеллѣ. Этихъ индійцевъ схватили и подвели къ адмиралу, который принялъ ихъ благосклонно и сдѣлалъ имъ нѣсколько подарковъ. Это произвело обычное дѣйствіе. Туземцы стали толпами посѣщать суда. То были люди высокаго роста, хорошо сложенные, съ легкой и красивой походкой. Они были вооружены луками, стрѣлами и щитами; вокругъ головы и на поясѣ они носили цвѣтныя бумажныя ленты. Женщины были совершенно нагія. Они принесли маисъ, другія яства и различные напитки, одни бѣлые въ родѣ пива, другіе зеленые спиртные, сдѣланные изъ различныхъ фруктовъ. Ихъ страна, по

ихъ словамъ, называлась *Парія* и дальше была очень населена Колумбъ удержалъ нѣкоторыхъ изъ туземцевъ, въ качествѣ проводниковъ.

Берегъ *Паріи*—это берегъ нынѣшней Венецуэлы.

Пройдя восемь лигъ, онъ достигъ мыса *Агуха*, великолѣпнаго мѣста. Между кустарниками, покрытыми цвѣтами и плодами, были разсѣяны жилища. Виноградъ вился вокругъ деревьевъ и въ рощахъ летали птицы съ блестящимъ и пестрымъ опереніемъ. Ручьи прозрачной воды поддерживали постоянную свѣжесть. Воздухъ былъ мягкій и душистый. Колумбъ назвалъ эту часть берега *Сады*.

Множество индійцевъ пріѣзжало въ хорошо построенныхъ лодкахъ съ каютами. У многихъ на шеѣ были ожерелья и золотыя пластинки.

Ряды жемчуга, которые нѣкоторые носили на рукахъ, возбудили жадность испанцевъ. Они объявили Колумбу, что жемчугъ этотъ находятъ на сѣверномъ берегу Паріи, и показали ему раковины, въ которыхъ онъ ловится.

Колумбъ послалъ на берегъ шлюпки, чтобъ получить другія свѣдѣнія. Когда испанцы пристали къ берегу, большая толпа индійцевъ, съ кацикомъ и его сыномъ во главѣ, вышла имъ на встрѣчу. Ихъ повели въ большой домъ, жилище кацика, гдѣ дружески предложили имъ угощеніе. Во все время, пока испанцы были въ дому, индійцы почтительно стояли, мужчины по одну сторону, женщины по другую. Изъ дома кацика ихъ повели въ домъ сына, гдѣ снова угощали.

Эти индійцы, хотя жили подъ тропиками, были бѣлѣе всѣхъ доселѣ видѣнныхъ Колумбовъ. Любезные, щедрые, гостепріимные, они старались дарить испанцамъ все, что для тѣхъ было пріятнѣе: попугаевъ, жемчугъ, золото и т. д. Все въ нихъ показывало замѣчательную откровенность и умъ. Нельзя не пожалѣть, что эти племена, быть можетъ лучшія въ человѣчествѣ, были потомъ уничтожены жестокими испанскими побѣдителями.

10 августа Колумбъ вышелъ изъ *Садовъ*. Онъ остался при убѣжденіи, что *Парія* какой нибудь азійскій островъ.

Ему хотѣлось осмотрѣть еще эти мѣстности, но необходимо было возвратиться на Санъ-Доминго.

Больной ломотой, страдая воспаленіемъ глазъ, онъ много терпѣлъ въ это послѣднее путешествіе и ему необходимо было отдохнуть и духомъ и тѣломъ.

Но онъ не нашелъ ни того, ни другаго покоя, прибывъ въ концѣ августа на Санъ-Доминго.

Тамъ все было въ полнѣйшемъ разстройствѣ. Какая разница была между тѣмъ, въ какомъ видѣ былъ этотъ островъ, какъ испанцы въ первый разъ, въ 1494 году, сошли на него, и тою бѣдностью и опустошеніемъ, въ которомъ нашелъ его Колумбъ, возвратясь черезъ четыре года! Это восхительное мѣсто неблагородныя побужденія и извращенныя страсти нѣсколькихъ колонистовъ превратили въ мѣсто опустошенія и развалинъ. Между колонистами, развратъ, неповиновеніе, бунтъ, затѣмъ война съ туземцами, вначалѣ столь добрыми, кроткими, щедрыми, а нынѣ, когда ихъ стали притѣснять, столь раздраженными, свирѣпыми, неуступчивыми, — пріостановили всѣ работы, какъ земледѣльческія, такъ и по разработкѣ рудниковъ. Большая часть индійцевъ ушла въ горы. Оставшіеся отказывались заниматься работой, плоды которой отнимались у нихъ жадными чужеземцами. За ужасами войны и убійствъ, послѣдовали ужасы голода. Большая часть народцевъ, встрѣтившихъ испанцевъ, какъ благодѣтелей, были уничтожены и стали врагами. Сады и поля колоніи стояли въ запущеніи. Лѣнивые и развратные испанцы думали заставить работать за себя индійцевъ, а эти, ограбленные, оскорбляемые, искали себѣ убѣжища въ дальнихъ пещерахъ.

Адмиралъ, оставляя Канарскіе острова, отдѣлилъ отъ своей эскадры три каравеллы, которыя послалъ съ съѣстными припасами для колонистовъ на Санъ-Доминго. Но эти три каравеллы попали въ руки шайки испанцевъ, возмутившихся противъ адмирала и державшихся въ Харагуа, гдѣ они укрѣпились. Колумбъ считалъ, что не слѣдуетъ прибѣгать противъ нихъ къ силѣ, и и что лучше придти съ ними къ мирному соглашенію.

18 октября, онъ послалъ Фердинанду и Изабеллѣ письма, въ которыхъ извѣщалъ о подробностяхъ возмущенія, о предложеніи

прощенія, которое онъ имъ сдѣлалъ, и объ отказѣ бунтовщиковъ.

Въ то время, какъ болѣзни, бунтъ, заговоры, бѣдность сокрушали адмирала въ индійской колоніи, интриги и ненависть не дремали и готовили ему немилость при дворѣ.

Фердинандъ, разсчитывавшій на азіатскія сокровища, для покрытія разорительныхъ издержекъ, въ которыя ввела его война, былъ въ отчаяніи, что, совсѣмъ напротивъ, большая часть его доходовъ каждый годъ поглощалась этими новыми владѣніями, откуда онъ получалъ только безплодныя описанія, жалобы и требованія денегъ. Съ другой стороны, Изабелла, принимавшая въ судьбѣ индійцевъ материнское участіе, была оскорблена, видя, что Колумбъ, вопреки ея желаніямъ, много разъ формально выраженнымъ, все продолжалъ дѣлать рабами взятыхъ въ плѣнъ туземцевъ, и нагружалъ ими корабли, посылаемые въ Испанію. „По какому праву, восклицала она, адмиралъ думаетъ по произволу распоряжаться моими новыми подданными и обращать ихъ въ рабство“. Она чувствовала отвращеніе къ этимъ покушеніямъ противъ человѣческаго достоинства. Чтобы показать это наглядно, она приказала возвратить въ отечество всѣхъ индійцевъ, оттуда вывезенныхъ.

Только что былъ приведенъ въ исполненіе этотъ приказъ, какъ, вслѣдствіе роковой случайности, пришло съ Санъ-Доминго письмо, въ которомъ Колумбъ испрашивалъ позволенія продолжать еще нѣкоторое время обращать индійцевъ въ рабство. Это несчастное письмо переполнило негодованіе Изабеллы.

Государи рѣшились снять съ Колумба тѣ полномочія, которыми облекли его. Единственное, что ихъ останавливало, это трудность какъ согласить подобную мѣру съ тѣмъ, къ чему обязывали заслуги и слава адмирала.

Какъ бы само собой представилось для этого весьма простое средство. Нѣсколько разъ Колумбъ просилъ прислать ему судью честнаго и просвѣщеннаго, для завѣдыванія юстиціей, но съ тѣмъ, чтобы права его были строго опредѣлены и не могли повести ни къ какому столкновенію между нимъ и судьею. Другимъ письмомъ, Колумбъ выражалъ желаніе, чтобы былъ назначенъ безпристрастный посредникъ, для обсужденія ссоры, возникавшей между нимъ

и Роландомъ, главою возмутившихся испанцевъ. Фердинанду пришла мысль соединить эти двѣ должности въ одномъ лицѣ, и они поручили ихъ одному изъ своихъ придворныхъ, дону Франциско де-Бобадилья, командору религіознаго и военнаго ордена Калатравы.

Бобадилья, по свидѣтельству однихъ, былъ человѣкъ честный и снисходительный; по свидѣтельству же другихъ—человѣкъ честолюбивый, жестокій и пристрастный.

Королевскій коммиссаръ прибылъ въ Санъ-Доминго въ концѣ августа 1500 года. Онъ имѣлъ нѣсколько вѣрительныхъ граматъ, данныхъ въ разное время. Грамата короля и королевы Колумбу была слѣдующаго содержанія:

„Донъ Христофоръ Колумбъ, нашъ адмиралъ на морѣ Океанѣ, мы приказали командору Франциско Бобадилья, который вручитъ вамъ наши письма, передать вамъ многое отъ насъ. Мы просимъ васъ вѣрить и повиноваться ему."

Дано въ Мадридѣ, 21 мая, лѣта 1499. Подписано: *я король*, *я королева*.

Прибывъ на Санъ-Доминго и войдя въ портъ Изабеллы, Бобадилья замѣтилъ трупъ повѣшеннаго на висѣлицѣ испанца. Вскорѣ онъ узналъ, что на той же недѣлѣ, семь другихъ возмутившихся испанцевъ были казнены и что пять другихъ, приговоренныхъ къ тому же, ожидали исполненія приговора.

Это произвело на Бобадилью сильное впечатлѣніе, и утвердило его въ мнѣніи, тогда довольно общемъ, что въ характерѣ Колумба есть жестокость.

На слѣдующій день, при выходѣ изъ церкви, онъ прочелъ передъ собравшимся народомъ повелѣнія, которыми онъ облеченъ былъ званіемъ великаго судьи и генералъ-губернатора, а равно и указъ, повелѣвавшій уплатить остановленное жалованье и принудить адмирала заплатить все, что онъ задолжалъ за свой собственный счетъ.

Этотъ декретъ былъ принятъ съ громкими восклицаніями. Затѣмъ, королевскій коммиссаръ, во главѣ небольшаго отряда, приказалъ отворить ворота крѣпости и выпустить заключенныхъ. Затѣмъ, онъ обнародовалъ указъ, по которому было дозволено всѣмъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ, собирать золото съ единственнымъ

условіемъ, чтобы одиннадцатая часть его поступала въ королевскую казну.

Всѣ согласны, что Бобадилья въ исполненіи своего порученія поступалъ слишкомъ поспѣшно и часто жестоко, и что онъ во многомъ преступилъ намѣренія Фердинанда и Изабеллы. Что Колумбъ, въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ, раздраженный всякаго рода препятствіями, которыя ему приходилось побѣждать, порою забывалъ права человѣчества и начала справедливости, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Бобадилья, облеченный двойнымъ званіемъ *великаго судьи* и генералъ-губернатора, могъ самъ попирать самыя первичныя правила суда, произнося приговоры безъ предварительнаго правильнаго слѣдствія.

Такимъ образомъ, не приведя никакой причины, не придумавъ даже предлога, онъ приказалъ арестовать Діего Колумба, брата адмирала, и въ оковахъ отослалъ на одну изъ каравеллъ.

Затѣмъ, узнавъ, что самъ адмиралъ возвратился изъ порта *Консепсіонъ*, онъ приказалъ арестовать его и свести въ крѣпость.

Колумбъ былъ тогда семидесятилѣтній старикъ, почтенный и по годамъ, и по несомнѣнному превосходству ума, и по огромнымъ услугамъ, которыя онъ оказалъ, открывъ, какъ тогда полагали, морской путь въ Индію, столь важный для торговыхъ интересовъ Европы.

Поэтому приказъ заковать въ цѣпи этого уважаемаго всѣми человѣка оскорбилъ даже его враговъ. Когда принесли желѣза, то всѣ бывшіе тутъ сказали, что слѣдуетъ просто привязать ихъ. Но одинъ изъ его собственныхъ слугъ, „неразумный и безстыдный поваръ,“ какъ говоритъ Ласъ Казасъ [1]), заковалъ ихъ на немъ. Онъ сдѣлалъ это столь живо и весело, точно готовилъ для него какое-либо вкусное блюдо. „Я зналъ этого негодяя, прибавляетъ Ласъ Казасъ; его звали *Эспиноза*.“

Вареоломей, другой братъ Колумба, въ это время преслѣдовалъ съ довольно большимъ отрядомъ бунтовщиковъ въ провинціи Харагуа. Онъ былъ человѣкъ весьма храбрый, а потому Боба-

---

[1]) *Histoire des Indes*, liv. I, ch. CVIII.

дилья боялся, чтобы, узнавъ объ арестѣ братьевъ, онъ не рѣшился на какой-нибудь отчаянный поступокъ. Поэтому онъ просилъ адмирала, чтобъ тотъ посовѣтовалъ Варѳоломею, безъ сопротивленія повиноваться приказамъ короля и королевы. Колумбъ согласился на это, и Варѳоломей, получивъ письмо отъ брата, явился чтобы надѣть оковы.

VI.

Фердинандъ и Изабелла не думали наносить такой обиды Колумбу. Бобадилья, подстрекаемый епископомъ Фонсека, суперинтендантомъ по дѣламъ западной Индіи и непримиримымъ врагомъ адмирала, такимъ образомъ переиначилъ повелѣнія. Онъ приложилъ къ самому Колумбу строгія мѣры, предписанныя королемъ и королевою противъ тѣхъ, кто будетъ признанъ виновнымъ въ возмущеніи. Но для того, чтобы признать Колумба бунтовщикомъ, слѣдовало доказать, что онъ возмутился, или противъ испанскаго правительства — о чемъ не могло быть и рѣчи, — или противъ сандомингскихъ властей, то есть противъ Бабадильи, — чего не было, ибо они даже не видали другъ друга.

Когда суда, на которыхъ предполагалось отправить арестованныхъ въ Испанію, были готовы, Алонзо де-Вильехо, офицеръ, которому Бабадилья поручилъ стражу, отправился за ними въ цитадель.

Когда онъ вошелъ со стражей, то Колумбъ спросилъ его.

— Вильехо, куда вы меня поведете? На эшафотъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ офицеръ: — я васъ веду на корабль, чтобы отправить въ Испанію.

— Отправить? съ живостью повторилъ адмиралъ. — Вильехо, вы говорите правду?

— Клянусь жизнью, ваше превосходительство, отвѣчалъ офицеръ: — я говорю правду [1]).

Боцманъ каравеллы, Андріасъ Мартинъ, и Вильехо были оба одушевлены великодушными чувствами. Они обращались съ адми-

---

[1]) Вашингтонъ Ирвингъ, т. II

раломъ съ глубокимъ уваженіемъ и были деликатно-внимательны къ нему. Когда вышли въ открытое море, они хотѣли снять съ него цѣпи, но Колумбъ не согласился.

— На меня надѣли ихъ, сказалъ онъ: — по повелѣнію Фердинанда и Изабеллы, — только государи могутъ приказать снять ихъ.

Онъ захотѣлъ позже, говоритъ его сынъ Фернандъ, сохранить эти цѣпи, какъ награду за свою службу. Онъ ихъ всегда хранилъ въ своей комнатѣ и завѣщалъ, чтобы ихъ закопали вмѣстѣ съ нимъ въ землю [1]).

Прибывъ въ Кадиксъ, 20 ноября 1500 года, Христофоръ Колумбъ написалъ королю, который немедленно приказалъ освободить его. „Король, говоритъ Фернандъ Колумбъ, отвѣчалъ ему самымъ дружескимъ образомъ. Онъ выражалъ сожалѣніе, испытываемое имъ отъ обращенія Бобадильи съ адмираломъ, и просилъ его какъ можно скорѣе пріѣхать ко двору, обѣщая даровать все, что можетъ его утѣшить."

Новость, что Колумбъ, тотъ самый Колумбъ, кто открылъ западную Индію, привезенъ въ Испанію арестованнымъ и въ цѣпяхъ, произвела повсюду глубокое впечатлѣніе. Общее негодованіе поразило того, кто осмѣлился такъ обращаться съ человѣкомъ, чьи громкія заслуги достойны были народной благодарности. Реакція, происшедшая въ общественномъ мнѣніи въ пользу Колумба, была результатомъ совершенно противнымъ тому, какого надѣялись Фонсека и Бобадилья, простирая столь далеко свою жестокость и ненависть.

Приглашая Колумба ко двору, государи приказали выдать ему двѣ тысячи дукатовъ, чтобы онъ могъ явиться достойнымъ его положенія образомъ. Они его приняли съ необычайною благосклонностью и уваженіемъ. Изабелла, при видѣ его, была тронута до слезъ.

Видя, что его принимаютъ съ такой добротой, замѣтивъ слезы королевы, Колумбъ и самъ былъ глубоко тронутъ. Онъ бросился на колѣна, и долго не могъ выговорить ни слова отъ рыданій.

Послѣ благосклоннаго привѣтствія, король спросилъ Колумба,

---

[1]) *Histoire de l'amiral*, 2 часть, глава XXIV.

чѣмъ онъ можетъ загладить позоръ, ему нанесенный. Въ совѣтѣ было рѣшено послать на Санъ-Доминго губернатора, которому приказать объявить о невинности адмирала и его братьевъ, принудить Бобадилью отдать все имъ взятое, даровать Колумбу все, что ему было обезпечено граматами, и судить возмутившихся въ Индіи.

Новый губернаторъ, назначенный королемъ, былъ Николай де-Авандо, командоръ де-Ларецъ.

Соревнованіе, возбужденное открытіями Колумба, заставило въ Португаліи, Англіи и Италіи предпринять экспедиціи; изъ нихъ же нѣкоторыя привели къ блестящимъ результатамъ. Въ 1497 г., Севастьянъ Каботъ, сынъ веницейскаго купца, поселившагося въ Бристолѣ, состоя на службѣ англійскаго короля Генриха VIII, открылъ островъ *Нью-фаунлэндъ*, прошелъ вдоль береговъ Лабрадора до 56 градуса сѣверной широты и возвратившись направился на юго-западъ къ *Флоридѣ*. Въ томъ же году Васко де-Гама обогнулъ мысъ Доброй Надежды и открылъ такимъ образомъ истинный морской путь въ Индію, который столь долго отыскивали. Въ 1500 году, Пинзонъ взялъ во владѣніе, на имя государей испанскихъ, ту часть материка новаго свѣта, которую потомъ назвали Бразиліей и т. д.

Колумбъ, который въ то время былъ въ Гренадѣ, и старался исправить сколь возможно зло, сдѣланное ему Бобадилья; онъ не могъ хладнокровно слушать о всѣхъ этихъ открытіяхъ. Воспламененный чувствомъ соревнованія, онъ рѣшился увѣнчать свои подвиги исполненіемъ великаго проекта, который сообщилъ королевѣ Изабеллѣ.

Его проектъ былъ принятъ, и осенью 1501 года, Колумбъ получилъ приказаніе отправиться въ Севилью, чтобы приготовиться къ четвертому путешествію.

Онъ отправился изъ Кадикса, 9 мая 1502 года, на четырехъ судахъ. Послѣ счастливаго плаванія, онъ прибылъ въ Санъ-Домингскія воды. Грозила буря, и ему крайне необходимо было войти въ портъ, но его не впустили. Эта мѣра была предписана благоразуміемъ, такъ какъ на островѣ въ это время было еще много самыхъ злѣйшихъ его враговъ.

Получивъ столь жестокій отказъ, Колумбъ, видя, что испанскій флотъ, находившійся въ портѣ, готовъ выйти и, понимая какая опасность грозитъ ему въ открытомъ морѣ, послалъ предупредить Бобадилью, что если флотъ въ настоящую минуту выйдетъ въ море, то онъ погибнетъ, такъ какъ готовится буря. Губернаторъ пренебрегъ этимъ совѣтомъ и приказалъ поднять паруса.

Едва флотъ достигъ оконечности острова, какъ разразилась ужасающая буря. Она поглотила судно, на которомъ находился Бобадилья и злѣйшіе изъ Колумбовыхъ враговъ, равно какъ и богатства, собранныя ими при помощи самыхъ недостойныхъ дѣйствій и самой жестокой несправедливости. Большая часть другихъ судовъ флота Бобадильи также погибли. Изъ маленькой же эскадры Колумба, хотя многія суда сильно пострадали, но погибла только одна шлюпка.

30 іюля, Колумбъ открылъ, въ нѣсколькихъ лигахъ отъ Гондураскаго берега островъ *Сосенъ*, а также много другихъ маленькихъ острововъ.

Колумбъ, все гонимый бурей, дошелъ до Ямайки. Оттуда онъ направился къ материку, не смотря на противный вѣтеръ и теченіе. Наконецъ онъ достигъ мыса *Гасіасъ-а-Діосъ*, принадлежащаго къ материку новаго свѣта.

Въ продолженіе восьмидесяти восьми дней, онъ боролся противъ бурь и не видѣлъ ни солнца, ни звѣздъ. На судахъ показалась сильная течь; паруса были истрепаны, канаты порваны, якоря потеряны, равно какъ большая часть съѣстныхъ запасовъ. Большая часть людей лежали больные. Самъ Колумбъ былъ не разъ при смерти. Фернандъ, его тринадцатилѣтній сынъ, раздѣлялъ съ нимъ всѣ тяжести плаванія и даже ухаживалъ за больными.

Колумбъ, во время этого послѣдняго путешествія вдоль береговъ материка новаго свѣта, все еще былъ въ прежнемъ заблужденіи. Онъ думалъ, что находится въ Азіи, и постоянно припоминалъ описанія путешествій Марко Поло. Если-бъ онъ сравнилъ это съ указаніями, которыя дѣлались индійцами, еслибъ онъ былъ не такъ боленъ и меньше палъ духомъ, то быть можетъ онъ достигъ бы южныхъ странъ, болѣе изобильныхъ золотомъ и съ болѣе богатой растительностію.

Обогнувъ материковый мысъ *Грасіасъ-а-Діосъ,* Колумбъ направился на югъ, вдоль береговъ *Москатскихъ* острововъ, и прошелъ близъ *Лимонарской* группы двѣнадцати острововъ. Сдѣлавъ шестьдесятъ лигъ вдоль берега, онъ бросилъ якорь близъ одной рѣки, чтобы запастись водой и дровами. Но вскорѣ море взволновалось, одно изъ судовъ потонуло, причемъ погибли всѣ находившіеся на немъ люди.

Онъ пошелъ дальше, и еще нѣсколько дней слѣдовалъ вдоль береговъ. Суда почти уже не годились для плаванія. Послѣ различныхъ перипетій, онъ достигнулъ берега перешейка, нынѣ называемаго *Панамскимъ.* Онъ думалъ найти проходъ черезъ этотъ перешеекъ. Обманувшись въ этомъ, онъ сталъ думать объ окончаніи этого долгаго путешествія.

Во время этого плаванія, испанцамъ приходилось много разъ сражаться съ индійцами.

Мы опускаемъ описаніе множества происшествій и несчастій, разсказъ о которыхъ находится въ сочиненіяхъ Ласъ-Казаса, Педро Мартира, Фернанда Колумба, Вашингтона Ирвинга, Наваррета и другихъ.

Послѣ цѣлаго ряда страшныхъ бурь, Колумбъ съ своей разстроенной эскадрой, вошелъ въ заливъ, названный имъ *Санъ-Глорія* (нынѣ заливъ *дона Христофора)* на островѣ Ямайкѣ. Его суда не могли держаться на морѣ, онъ приказалъ поставить ихъ на мель, на разстояніи полета стрѣлы отъ берега и построить на кормахъ и носахъ своихъ судовъ хижины, крытыя соломой, для помѣщенія матросовъ. Провизія истощалась, а испанцы вели себя такъ, что не заслуживали сожалѣнія со стороны индійцевъ. Впрочемъ, кацики сосѣднихъ мѣстностей согласились доставлять имъ съѣстные припасы.

Но въ части экипажа готовилось возмущеніе, скоро разразившееся страшнымъ бунтомъ. Колумбъ, больной, увѣчный отъ подагры, встаетъ и шатаясь выходитъ изъ своей каюты. Бунтовщики, съ свирѣпымъ разбойникомъ Поррасомъ во главѣ, встрѣтили его мятежнымъ крикомъ, и грозили оружіемъ. Колумбъ принужденъ былъ схватить копье для защиты. Немногіе, оставшіеся вѣрными, окружили его и увели, боясь за его жизнь. Тогда воз-

мутившіеся отдѣлились отъ своихъ соотечественниковъ и удалились, захвативъ шлюпки и лодки.

Колумбу не было другаго средства спасенія, какъ дать знать о своемъ положеніи Авандо, новому сандомингскому губернатору. Діего Мендецъ, честный и храбрый, совершенно преданный Колумбу человѣкъ, взялся исполнить это порученіе.

Въ утлой лодчонкѣ ему приходилось переѣхать черезъ заливъ сорокъ лигъ, во время сильнаго волненія.

Восемь мѣсяцевъ прошло, а отвѣта не было. Наконецъ, вечеромъ, увидѣли, что подходитъ большая лодка. Командовалъ этой лодкой нѣкто Эскобаръ, приговоренный къ смерти за бунтъ во время правленія Колумба. Санъ-Домингскій губернаторъ выбралъ этого человѣка для посылки письма и, вмѣсто провизіи, боченка вина и четверти свинины.

Эскобаръ сказалъ адмиралу, что ему поручено выразить отъ имени губернатора все участіе, которое онъ принимаетъ въ его несчастіи, и сожалѣніе, что на рейдѣ нѣтъ большаго судна, чтобъ послать за нимъ и его матросами, но что судно будетъ прислано, какъ только будетъ можно. Эскобаръ прибавилъ, что если у Колумба есть письма къ губернатору, то передалъ бы ему, потому что онъ немедленно отправляется назадъ.

Колумбъ поспѣшилъ написать губернатору. Онъ описалъ ему ужасъ и опасности своего положенія. Онъ выражалъ увѣренность, что данныя обѣщанія будутъ исполнены, и поручалъ его вниманію Діего Мендеца, посланнаго на Санъ-Доминго просить помощи. Эскобаръ взялъ письмо и отправился.

Губернаторъ Авандо потому такъ долго не посылалъ помощи Колумбу, что надѣялся, что адмиралъ, присутствіе котораго на Санъ-Доминго онъ нимало не желалъ, погибнетъ на Ямайкѣ, на своемъ обмелѣвшемъ суднѣ.

Наконецъ два судна были отправлены на помощь эскадрѣ, потерпѣвшей крушеніе у Ямайки. Одно было послано губернаторомъ, другое нанято Мендецомъ.

28 іюня 1504 года, Колумбъ и его матросы пересѣли на пришедшія спасать ихъ суда. Только 10 августа, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, они бросили якорь на Санъ-Доминго.

Вся ненависть, еще сохранившаяся противъ него, уничтожилась при разсказѣ о его несчастіяхъ. Уваженіе, въ которомъ ему отказывали за заслуги, онъ пріобрѣлъ несчастіемъ. Губернаторъ и главнѣйшіе изъ жителей вышли ему на встрѣчу. Принятый населеніемъ съ восторгомъ, онъ сдѣлался гостемъ губернатора.

Авандо слишкомъ пренебрегалъ интересами Колумба во время его долгаго отсутствія. Онъ очень дурно управлялъ колоніей. Противъ несчастныхъ индійцевъ онъ не только дозволялъ, но предписывалъ грабежъ, разбой и убійство. Такое поведеніе, когда оно стало извѣстно въ Испаніи, возбудило негодованіе въ королевѣ Изабеллѣ.

Эта великая государыня была весьма опасно больна, какъ пришли эти печальныя вѣсти. Передъ смертью, она потребовала и получила отъ короля обѣщаніе, что Авандо будетъ немедленно отозванъ. Но Фердинандъ исполнилъ свое обѣщаніе только четыре года спустя.

Адмиралъ поднялъ паруса 12 сентября, чтобъ возвратиться въ Испанію. Во все время бурнаго переѣзда, онъ былъ очень боленъ. 7 ноября, онъ бросилъ якорь въ портѣ Санъ-Лукаръ. Оттуда онъ переѣхалъ въ Севилью. Отдохнувъ нѣсколько дней, онъ отправился ко двору.

Королева Изабелла умерла во время его отсутствія. Колумбъ былъ очень огорченъ смертью своей покровительницы. Король, обращавшійся съ нимъ постоянно съ нѣкоторой холодностью, искалъ благовиднаго предлога, чтобы лишить его правъ, дарованныхъ граматами. Онъ немедленно сдѣлалъ бы это, еслибъ не боялся прослыть неблагодарнымъ во всей Европѣ. Поэтому, онъ только предложилъ Колумбу отказаться отъ притязаній на открытыя имъ страны, обѣщая въ замѣнъ этого даровать ему различныя должности въ Испаніи.

Всѣ эти огорченія, всѣ эти несправедливости еще больше опечалили адмирала, который такимъ образомъ очутился въ полной немилости. Онъ умеръ отъ ломоты, 20 мая 1506 года.

Онъ былъ торжественно погребенъ въ главной Севильской церкви. По повелѣнію короля, на его могилѣ вырѣзали слѣдующіе стихи:

„POR CASTILLA Y POR LEON
NUEVO MUNDO HALLO COLON."

Вашингтонъ Ирвингъ описалъ съ интересными подробностями послѣдніе дни жизни Колумба, на основаніи свидѣтельствъ товременныхъ писателей.

— In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum (въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой), таковы были послѣднія сказанныя имъ слова.

Въ продолженіе своей семидесятилѣтней жизни, Колумбъ зналъ счастье только первые три года послѣ открытія Санъ-Сальвадора. Его звѣзда стала блѣднѣть въ 1498 году. Безъ сомнѣнія, онъ одинъ изъ несчастнѣйшихъ между знаменитыми людьми.

Александръ фонъ Гумбольдтъ, который въ своемъ *Критическомъ разборѣ исторіи географіи новаго материка*, часто и много говоритъ о Колумбѣ, видитъ въ немъ человѣка съ истиннымъ талантомъ и благороднымъ характеромъ, человѣка, оказавшаго громадную, неисчислимую заслугу новѣйшей цивилизаціи.

Колумбъ не былъ глубоко образованнымъ человѣкомъ, но не слѣдуетъ смотрѣть свысока на его ученыя знанія. Мальтъ-Брунъ справедливо замѣтилъ, что, защищая свой проектъ, онъ былъ не столь робокъ и болѣе ученый, чѣмъ говорятъ.

Колумбъ былъ на вершинѣ почестей въ 1697 году, когда государи желали подарить ему на островѣ Санъ-Доминго землю въ пятьдесятъ лигъ длиннику, на двадцать пять поперечнику. Онъ отказался отъ подарка, боясь возбудить зависть враговъ.

Нѣкоторые испанскіе историки обвиняли его въ лукавствѣ и коварствѣ.

„Что Колумбъ въ письмахъ къ сыну своему Діего (отъ 1504 до 1505), говоритъ фонъ Гумбольдтъ, показываетъ дѣятельную и хлопотливую заботливость о сохраненіи своего состоянія — это совершенно справедливо. Онъ жалуется въ этихъ письмахъ, что принужденъ былъ выплатить деньги впередъ тѣмъ, кто отправился съ нимъ въ четвертое путешествіе, и сознается, что *живетъ только на занятыя деньги*."

Колумбъ не ради самого себя заботился о матеріальныхъ интересахъ. Онъ не ради удовлетворенія чувственныхъ удовольствій пріобрѣталъ состояніе. Онъ заботился только о славѣ, которая

пріобрѣтается великими замыслами, необычайными предпріятіями. Онъ писалъ королю въ 1505 году: „*Я забочусь только о моемъ званіи. Что касается остальнаго, ваше величество можете взять себѣ, или отдать мнѣ то, что вамъ покажется согласнымъ съ вашими собственными интересами.*"

„Подлѣ этой силы характера, которой мы удивляемся въ общественной жизни Христофора Колумба, говоритъ фонъ Гумбольдтъ, слѣдуетъ поставить черты его доброты, тѣ немногія, трогательныя черты, которыя мы знаемъ изъ его частной жизни. Тринадцать писемъ, найденныхъ въ его семейномъ архивѣ у герцога Верагуа, и написанныхъ его дѣтямъ и другу П. Горрисіо, весьма замѣчательны въ этомъ отношеніи [1]).

Мы привели мнѣнія нѣсколькихъ ученыхъ, по справедливости признанныхъ авторитетами, чтобы опровергнуть обвиненія въ невѣжествѣ и сухости сердца, въ чемъ безъ страха упрекали великаго мореплавателя, жизнь котораго разсказана нами.

---

[1]) *Histoire de la géographie de nouveau continent*. Отд. II, стр. 248.

АМЕРИГО ВЕСПУЦІЙ.

Прочтя жизнь Христофора Колумба, невольно спросишь, почему Новый свѣтъ названъ *Америкой*, по имени Америка или Америго Веспуція, а не *Колумбіей*, по имени Колумба? Развѣ Америго Веспуцій первый, во главѣ экспедиціи, открылъ большіе острова и части Новаго свѣта? Конечно, нѣтъ. Если нѣкоторые писатели и приходили къ такому заключенію, то оно не было ни разу серьезно доказано. Какъ же произошло, что изъ двухъ мореплавателей не равнаго достоинства, тотъ, кто очевидно имѣетъ меньше правъ на это, пріобрѣлъ такую славу, что новый материкъ названъ по его имени? Благодаря трудолюбивымъ изслѣдованіямъ Александра фонъ Гумбольдта, теперь легко отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

Въ 1507 году, имя Веспуція, при помощи двухъ изданій, стало повсюду извѣстнымъ въ Италіи, Франціи, Германіи по поводу открытія новыхъ Индій, то были *Собраніе четырехъ путешествій*, приписываемыхъ Америку Веспуцію, и *Сборникъ Виценскій*. *Четыре плаванія* флорентинскаго путешественника были присоединены къ *Mundus novus*, гдѣ уже съ 1504 года находилось имя Веспуція, но не было имени Колумба.

Нѣкоторый географъ, родившійся во Фрейбургѣ, по имени Вальдсмюлеръ, извѣстный подъ латинскимъ именемъ *Гилакомилуса*, основалъ типографію въ Сенъ-Діэ, у подошвы Вогезовъ, въ Лотарингіи. Этотъ ученый, или книгопродавецъ, напечаталъ въ одномъ томѣ сочиненія, названныя нами выше, подъ заглавіемъ: *Cosmo-*

---

[1]) *Examen critique de l'histoire de la géographie du nouveau continent*, 2 section.

grafiœ Introductio, cum quibusdam geometriœ ac astronomiœ principiis ad eam rem necessariis. Insuper quatuor Americi Vespucii navigationes. Это сочиненіе появилось въ началѣ безъ имени автора. Но въ 1509 году было обнародовано въ Страсбургѣ изданіе, предисловіе котораго было подписано: *Hylacomylus.*

Гилакомилусъ, сказавъ о трехъ частяхъ стараго свѣта, *Европѣ, Азіи* и *Африкѣ*, предлагаетъ назвать четвертую *Америгой* или *Америкой*, по имени Америга Веспуція.

Ничто не оправдываетъ предположенія, что Веспуцій принималъ участіе въ этомъ предложеніи сенъ-діэскаго книгопродавца. Правда, Гилакомилусу покровительствовалъ Рене, герцогъ Лотарингскій, поддерживавшій переписку съ Веспуціемъ; но весьма вѣроятнѣе, Америгъ не зналъ, какую опасную славу готовили ему въ деревенькѣ Сенъ-Діэ.

Космографія Гилакомилуса была перепечатана въ Страсбургѣ, въ 1509 году. *Mundus novus*, напечатанный Іоганномъ Отмаромъ, въ Аугсбургѣ въ 1504 году, и *Сборникъ Виценцскій*, напечатанный Аллессандро Цорци, въ 1507 году, подъ заглавіемъ: *Mondo novo e paesi novamente retrovati* уже содержали въ себѣ, какъ сказано, *Четыре путешествія Веспуція.* Въ этихъ различныхъ сочиненіяхъ, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, были описаны первыя свѣдѣнія о новомъ свѣтѣ и странныхъ нравахъ его обитателей. Въ публикѣ сохранилось впечатлѣніе, что Веспуцій разсказываетъ о томъ, что онъ видѣлъ первый, раньше другихъ мореплавателей; такимъ образомъ, въ общемъ мнѣніи, имя его сроднилось съ именемъ новаго материка, между тѣмъ какъ имя Колумба было менѣе извѣстно.

Вотъ почему предложеніе Гилакомилуса было всѣми принято, и названіе *Америка* было усвоено географами для новаго свѣта.

Первая карта, на которой есть это имя, кажется, Петра Апіана, составленная въ 1520 году, и приложенная сперва къ изданію Солина, потомъ Мела, Виндакусомъ. Она представляетъ Панамскій перешеекъ.

Объясненіе, данное нами происхожденію названія Америки, лишаетъ въ достаточной степени интереса жизнеописаніе этого мореплавателя. Разскажемъ вкратцѣ его жизнь.

Пятнадцатью годами моложе Колумба, Америго Веспуцій родился во Флоренціи, 9 марта 1451 года. Онъ былъ третьимъ сыномъ Анастасія Веспуччи, нотаріуса, и Елизаветы Мини. Его родъ происходилъ изъ Перетолы, близъ Флоренціи; родъ этотъ былъ благородный и значительный, но бѣдный.

Америкъ получилъ прекрасное воспитаніе, подъ руководствомъ дяди своего Георга Антонія Веспуція, ученаго монаха конгрегаціи св. Марка, друга Марцела Фичина, переводчика Платона. Быть можетъ, это тотъ самый монахъ, который былъ профессоромъ въ Пизѣ, другомъ и защитникомъ Савонаролы. Онъ тогда преподавалъ грамматику во Флоренціи и между его учениками было много знаменитыхъ того времени людей, между прочимъ Педро Содерини, хоругвеносецъ флорентинской республики, которому посвящено описаніе четырехъ путешествій Америка Веспуція.

Чума, произведшая ужасъ въ народѣ, прервала на время занятія Америка. Сочли нужнымъ удалить на нѣкоторое время молодаго человѣка изъ Флоренціи и послать его въ деревню, принадлежавшую его семейству, въ Треббіо. Это знаемъ мы изъ письма, писаннаго имъ отцу, отъ 19 октября 1476.

Болѣе ничего не извѣстно объ его юности. Единственно вѣрно, что онъ оказалъ большіе успѣхи въ точныхъ наукахъ, преимущественно относящихся до мореплаванія: астрономіи, космографіи, геометріи и географіи.

Одинъ изъ его братьевъ, по имени Джироламо, занимался торговлей, — занятіе въ то время бывшее въ почетѣ во Флоренціи, ибо она возвысилась до разряда богатѣйшихъ и наиболѣе цвѣтущихъ городовъ въ Италіи, именно вслѣдствіе своей торговли.

Джироламо Веспуччи также былъ предназначенъ къ торговымъ занятіямъ, но онъ не былъ счастливъ на этомъ поприщѣ. Въ письмѣ отъ 24 іюля 1489 года, изъ Іерусалима, къ брату своему Америку, онъ говоритъ, что его дѣла далеко не въ цвѣтущемъ состояніи.

Вѣроятно, неуспѣхъ въ торговлѣ Джироламо принудилъ Америка оставить отечество тридцати девяти лѣтъ отъ роду и отправиться искать счастія.

Онъ отправился въ Испанію. Когда онъ туда пріѣхалъ—точно не извѣстно; но сравнивая числа и происшествія, о которыхъ въ нихъ говорится, можно предположить, что въ 1492 году. Во всякомъ случаѣ, Веспуцій былъ въ Севильѣ, когда Колумбъ вернулся изъ перваго своего путешествія [1]). Тринадцать писемъ, адресованныхъ Веспуцію во Флоренцію и сохранившихся въ архивахъ этого города, показываютъ, что онъ былъ тамъ еще въ началѣ 1492 года; ибо послѣднее надписано 9 марта 1491 года, а годъ въ то время начинался 25 марта, въ день Благовѣщенія, такъ что сказанное письмо написано въ 1492 году, если считать съ 1 января. Съ другой стороны, существуетъ торговое письмо, подписанное самимъ Америкомъ, на которомъ выставлено 30 января 1492 (т. е. 1493 г.), и изъ него мы узнаемъ, что онъ былъ тогда уже въ Испаніи. Онъ самъ, въ отчетѣ о своемъ первомъ путешествіи говоритъ, что онъ оставался въ Испаніи четыре года, занимаясь коммерческими дѣлами и испытывая непостоянство фортуны.

Вѣроятно, что Веспуцію поручено было управленіе или надзоръ за торговымъ домомъ, учрежденнымъ Лаврентіемъ Медичи въ Испаніи. Въ самомъ дѣлѣ, довольно многочисленныя письма Лаврентія Медичи къ Америку Веспуцію, сохранившіяся въ Флорентійскихъ архивахъ, показываютъ до очевидности, что этотъ послѣдній былъ однимъ изъ коммерческихъ агентовъ Лаврентія Медичи. Въ этомъ собраніи есть даже письмо, надписанное *Америку Веспуцію, у Лаврентія Медичи* (отъ 5 мая 1491 года). Въ другомъ письмѣ, отъ сентября 1489 года, Лаврентій жалуется Америку на вѣроломство своихъ повѣренныхъ въ Испаніи и проситъ его заняться этимъ дѣломъ. Послѣднія изъ этихъ писемъ, какъ уже сказано, отъ 9 марта 1491 г. (или вѣрнѣе 1492).

Торговый домъ, которымъ управлялъ Веспуцій за счетъ Медичи, позже былъ закрытъ, но Веспуцій тѣмъ не менѣе продолжалъ вести постоянную переписку съ своимъ покровителемъ.

Затѣмъ онъ сдѣлался прикащикомъ большого торговаго дома,

---

[1]) Ricerche istorico critiche circa alle scoperte d'Amerigo Vespucci. Compilate da Francesco Batolozzi. In 8. Firense, 1789, p. 95.

основаннаго въ Севильѣ въ 1486 году, другимъ флорентійскимъ негоціантомъ, Джуаното Берарди.

Этотъ Берарди, въ апрѣлѣ 1495 года, взялся поставить государямъ испанскимъ, трехъ различныхъ родовъ вооруженія, каждое на всѣ четыре корабля, предназначавшіеся для экспедиціи Колумба въ Западную Индію. Берарди умеръ въ декабрѣ 1495 года, и завѣдываніе домомъ перешло къ Веспуцію.

Онъ продолжалъ заниматься снаряженіемъ этихъ четырехъ судовъ, пока они не вышли изъ Санъ-Лукара. Въ январѣ, онъ условливался съ боцманами относительно всего касающаго до платы за работу и припасы, согласно кондиціямъ, заключеннымъ между нимъ и Берарди.

Веспуцій продолжалъ приготовлять къ выходу въ море четыре каравеллы, которыя должны были поднять паруса около 1496 г. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ вышли 3 февраля 1496; но 18 они выдержали бурю и разбились. Экипажи были спасены, за исключеніемъ трехъ человѣкъ, по разсказу Муноца.

Такимъ образомъ Америкъ Веспуцій имѣлъ случай часто видѣть Христофора Колумба и бесѣдовать съ нимъ.

Колумбъ, описывая земли, открытыя имъ, не рѣдко говорилъ съ энтузіазмомъ, и Веспуцій, достаточно образованный, чтобы слѣдить даже за техническими подробностями плаванія, съ жадностью слушалъ его. Безъ сомнѣнія, изъ разговоровъ съ адмираломъ *великаго моря Океана*, онъ получилъ много новыхъ свѣдѣній; въ немъ могло проявиться опредѣленное стремленіе къ изученію географіи и путешествіямъ, ради открытій. Поэтому, онъ и пошелъ вслѣдъ за своимъ знаменитымъ предшественникомъ.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ точно опредѣлить время четырехъ путешествій Веспуція въ Западную Индію. Мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ мнѣніе, къ которому пришелъ г. Эдуардъ Шартонъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи *les Voyageurs anciens et modernes*.

Разъяснивъ, что нѣкоторые историки, слишкомъ предупрежденные въ пользу Веспуція и между прочими отецъ Кановаи, авторъ *Похвальнаго слова Веспуцію*, неправильно приписываютъ Веспуцію открытіе *материка* Америки, то есть берега Паріи, — мнѣніе,

котораго нельзя ничѣмъ подтвердить, — г. Эдуардъ Шартонъ говоритъ:

„Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что путешествіе Америка Веспуція къ берегамъ *Паріи* имѣло мѣсто въ 1497 году; все убѣждаетъ принять, что первое путешествіе совершено имъ въ 1499 году.

„Единственно несомнѣненъ въ исторіи этихъ путешествій тотъ фактъ, что Америкъ Веспуцій присоединился къ Хуану де-ла-Коза въ экспедиціи, управляемой Гохедой, къ материку новаго свѣта, отъ 20 мая 1499 года, по 30 августа того же года. Доказательства этому находятся въ формальномъ свидѣтельствѣ Гохеды въ казенномъ процесѣ противъ наслѣдниковъ Колумба и въ рукописяхъ Ласъ Казаса. Гохеда говоритъ, что онъ первый послѣ адмирала присталъ къ берегамъ *Паріи*.

„Изъ внимательнаго же разсмотрѣнія четырехъ отчетовъ Веспуція, слѣдуетъ, что первый согласуется съ разсказомъ объ экспедиціи, совершенной съ Гохеда и Хуаномъ де-ла-Каза. Въ томъ и другомъ разсказѣ, замѣчается полная аналогія въ слѣдующихъ пунктахъ: число и мѣсяцъ отплытія, число судовъ, открытіе берега на юго-востокъ отъ залива Парія, на сѣверъ отъ экватора; сраженіе съ индійцами, гдѣ было двадцать или двадцать два раненыхъ и одинъ убитый; путешествіе во внутрь страны, при чемъ индійцы съ необычайными почестями принимали испанцевъ; пребываніе въ портѣ Мокина въ продолженіе тридцати семи дней, ненахожденіе жемчуга, похищеніе рабовъ.

„Второе путешествіе Америка Веспуція, кажется, то, когда Вицентъ-Янецъ Пинзонъ, братъ того Мартина Алонзо Пинзона, который желалъ соперничать съ Колумбомъ, открылъ мысъ св. Августина, подъ 8° 20′ южной широты, и Амазонскую рѣку. Это путешествіе начато въ 1499 и кончено въ сентябрѣ 1500.

„Третье путешествіе, предпринятое въ 1501 и конченное въ сентябрѣ 1502 г. было направлено къ бразильскому берегу, отъ мыса св. Августина до 52 градуса южной широты.

„Четвертое и послѣднее, направленное въ Западную Индію, было прервано кораблекрушеніемъ адмиральскаго корабля у острова Фернандо Нарона. Другіе корабли были отнесены къ западу и увидѣли берегъ въ заливѣ Всѣхъ Святыхъ въ Бразиліи.

„Первыя два путешествія были совершены по повелѣнію короля испанскаго; два послѣдніе по повелѣнію короля португальскаго.

„Америкъ Веспуцій не былъ начальникомъ ни одной изъ четырехъ экспедицій, и надо сказать, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ и не приписываетъ себѣ такой чести. Онъ занималъ на эскадрахъ весьма второстепенное положеніе, каково бы ни было его истинное званіе, купца, кормчаго или астронома. Открытія, сдѣланныя во время этихъ плаваній, поэтому не могутъ, ни подъ какимъ видомъ, быть ему приписаны. Честь ихъ принадлежитъ тѣмъ, на комъ лежало управленіе и отвѣтственность въ этихъ экспедиціяхъ. Какимъ же образомъ случилось, что имя Америка сдѣлалось столь славнымъ во всей вселенной и на многіе вѣки? [1]).“

Веспуцій не составилъ себѣ состоянія въ этихъ четырехъ экспедиціяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ 1505 году онъ

---

[1]) *Voyageurs anciens et modernes*, tome III, p. 193—194.

является въ Севильѣ ко двору, чтобъ испросить себѣ мѣсто. Онъ передалъ письмо Колумба къ его сыну Діего, отъ 5 февраля 1505 г., въ которомъ адмиралъ говоритъ о Веспуціи, какъ о своемъ другѣ.

Онъ около этого времени принятъ въ испанское подданство. Онъ и Пинзонъ были назначены начальниками эскадры, которая должна была отправиться для открытій. Найдено королевское повелѣніе, отъ 11 апрѣля 1505 г., по которому приказывается выплатить 12,000 мараведи, на снаряженіе судовъ, *Америго Веспуче, живущему въ Севильѣ*. Корабли были снаряжены; но, по политическимъ причинамъ, проектъ былъ отложенъ. Другіе сохранившіеся документы доказываютъ, что Веспуцій оставался въ Севильѣ до 1508 года и что въ это время судамъ было дано другое направленіе, вооруженіе продано и счеты покончены. Въ это время жалованье его равнялось 30,000 мараведи.

22 марта 1508 года, онъ былъ назначенъ великимъ кормчимъ *(piloto mayor)*, съ жалованьемъ въ 75,000 мараведи. Онъ былъ сдѣланъ начальникомъ цѣлаго гидрографическаго депо. Онъ долженъ былъ изготовить для севильской *Casa de contentacion*, центральнаго управленія морскими предпріятіями, общую карту береговъ и реестръ географическихъ положеній, въ который ежегодно слѣдовало вносить новыя открытія. Кромѣ того, ему поручено было испытывать достаточно ли подготовлены кормчіе, наблюдать за вооруженіями судовъ для экспедицій, и предписывать путь, которому должны слѣдовать суда, отправляющіяся въ новый свѣтъ.

Онъ жилъ въ Севильѣ до смерти, которая произошла 22 февраля 1512 года. Его вдова Марія Корецо, получила небольшой пенсіонъ въ 10000 мараведи, потому что Веспуцій не оставилъ никакого состоянія.

Отчеты о путешествіяхъ, составляющія всего нѣсколько страницъ, имѣли бы весьма эфемерное существованіе и очень небольшое число читателей, говоритъ Александръ фонъ Гумбольдтъ [1]), еслибъ вскорѣ не были перепечатаны въ *Собраніи новыхъ путе-*

---

[1]) *Examen critique de l'histoire de la géographie du nouveau continent*, 2 section, page 77.

шествій. Если съ начала шестнадцатаго столѣтія, извѣстность Веспуція возрасла въ массѣ читателей съ такою быстротою, то это произошло, какъ мы уже замѣтили, во 1) потому, что имя одного Америка Веспуція находилось въ заглавіи этого *Собранія путешествій*, сдѣлавшагося популярной книгой; 2) что *Отчетъ о третьемъ путешествіи Веспуція*, въ которомъ онъ хвалится, что доходилъ до *пятидесятаго градуса южной широты и объѣхалъ четверть окружности земнаго шара*, былъ единственный напечатанный въ этомъ сборникѣ, а имя Колумба было предано полному забвенію.

Многія вещи въ этомъ послѣднемъ отчетѣ, были такого рода, что не могли не задѣть любопытства публики, между прочимъ изображенія южныхъ созвѣздій, догматически-туманное, по выраженію Гумбольдта, описаніе лунной радуги и живая картина нравовъ бразильскихъ дикарей и т. д.

Веспуцій былъ человѣкъ не безъ достоинствъ, но онъ ничто въ сравненіи съ Колумбомъ. Между тѣмъ, четвертое путешествіе Колумба, когда онъ открылъ южный материкъ новыхъ Индій, прошло почти незамѣченнымъ. Объ немъ, правда, говорилось въ печати, но публику занималъ только Веспуцій и огромное пространство берега, вдоль котораго онъ проплылъ. Впрочемъ, какъ уже сказано, самъ Веспуцій не зналъ о большинствѣ этихъ изданій и о славѣ, которую они придали его имени.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни малѣйшаго доказательства, что онъ хотѣлъ приписать себѣ первенство въ открытіи Паріи, и, по нашему мнѣнію, его несправедливо обвиняли въ обманѣ. Еслибъ онъ хотѣлъ похитить у Колумба славу этого открытія, то конечно Фернандъ Колумбъ не преминулъ бы упрекнуть его за это. Однако, въ *Исторіи адмирала,* Фернандъ ничего не говоритъ противъ Веспуція, по поводу неправильнаго названія, которое получилъ новый свѣтъ.

Послѣдній потомокъ Америка Веспуція живетъ нынѣ во Флоренціи. Это торговецъ картинами, Америго Веспучи, живущій со старушкой сестрой, на сѣверной набережной Арно (Lungo Arno Schneiderf, № 2041), подлѣ мастерской, служащей музеумомъ произведеній скульптора Бартолони: онъ содержитъ магазинъ картинъ

и рѣдкостей. Мы имѣли удовольствіе бесѣдовать съ нимъ и купили у него нѣсколько вещей, между прочимъ копію масляными красками его знаменитаго предка, съ оригинальнаго портрета.

Почтенный Америго Веспуччи холостякъ и вѣроятно, что съ нимъ прекратится родъ Веспуччи.

Въ улицѣ *Borgognisanti* во Флоренціи еще сохранился домъ, въ которомъ жило семейство Веспуччи, въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Гравюра, приложенная съ нами, исполнена наброса, сдѣланнаго съ натуры.

СОСТОЯНІЕ НАУКЪ ВЪ ЕВРОПѢ

ВЪ ШЕСТНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

Въ средніе вѣка, геній цивилизаціи не угасъ въ Европѣ; онъ тлѣлъ подъ пепломъ стараго міра, который тщетно силился ожить. Около конца пятнадцатаго вѣка показались первые проблески образованности. Какъ весною, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, растительное царство постепенно обнаруживаетъ то, что медлительно вырабатывалось въ его нѣдрахъ въ зимніе мѣсяцы; такъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, геній новѣйшей цивилизаціи, такъ сказать, высвободился изъ туманныхъ нѣдръ среднихъ вѣковъ, возбудилъ всѣ умы и наглядно обнаружился въ послѣдовательномъ созданіи и развитіи искусствъ, наукъ и новой философіи.

Между причинами, служащими для разъясненія движеній и преобразованій обществъ, однѣ, такъ сказать, присущи самой природѣ человѣка; другія, выводъ изъ опытовъ и трудовъ цѣлыхъ вѣковъ, составляютъ область преданія. Изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ родовъ причинъ родились въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ изобрѣтенія и открытія, сдѣлавшіяся для послѣдующихъ вѣковъ могущественными причинами умственнаго обновленія и соціальнаго прогресса.

Главнѣйшими причинами возрожденія наукъ, литературъ и искусствъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ были: изобрѣтеніе книгопечатанія, открытіе новаго свѣта, религіозная реформація, вызванная Лютеромъ, наконецъ появленіе народнаго языка у различныхъ европейскихъ народовъ.

Вліяніе книгопечатанія на всеобщее распространеніе наукъ столь очевидно, что мы не станемъ распространяться объ этомъ предметѣ. Замѣнить рѣдкія и дорогія рукописи книгами, всѣмъ доступными, по болѣе низкой цѣнѣ, — значило самымъ непосредственнымъ образомъ способствовать всеобщему распространенію ученыхъ свѣдѣній.

Какъ только, при помощи книгопечатанія, экземпляры каждой книги, легко размножаясь, стали распространяться въ большомъ количествѣ, и умственная дѣятельность стала возрастать вслѣдствіе болѣе быстраго и значительнаго обращенія идей. Во всѣхъ странахъ, національный языкъ развивается, стремится очиститься все болѣе и болѣе, и, благодаря удобочитаемости типографскихъ буквъ, этотъ прогрессъ становится легче и быстрѣе.

Открытіе новаго свѣта было громаднымъ событіемъ въ лѣтописяхъ человѣчества, и необычайно было его вліяніе на развитіе всѣхъ человѣческихъ знаній: естественныхъ наукъ, наукъ физико-промышленныхъ, навигаціи, географіи, торговли. Открытіе Америки и безчисленныя изслѣдованія, предметомъ которыхъ она сдѣлалась, возбудили въ Европѣ столь давно пренебрегаемое изученіе естественной исторіи. Правда, въ продолженіе многихъ лѣтъ, мореплаватели и искатели приключеній отправлялись въ Америку не ради изученія новыхъ органическихъ тѣлъ и минераловъ, а за золотомъ. По счастію, если животная природа человѣка, почти всегда чуждая душевныхъ наслажденій, повинуется только побужденіямъ матеріальной жизни, — то также, во всѣ времена, встрѣчаются люди, одаренные болѣе чуткой и совершенной организаціей, которые чувствуютъ непреодолимое влеченіе къ умственному труду и приносятъ пользу человѣчеству, хотя часто весьма дурно вознаграждаются имъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей, изучивъ Аристотеля, Ѳеофраста, Діоскорида, Плинія и арабскихъ ученыхъ, предприняли путешествія въ новый свѣтъ не ради собиранія золота, но для того, чтобы узнать о числѣ, природѣ и разнообразіи органическихъ произведеній, находящихся въ этой новой землѣ. И было чѣмъ вполнѣ удовлетвориться любознательности естествоиспытателей и ученыхъ!

Въ Америкѣ, начали съ изученія минеральнаго царства, въ особенности по причинѣ находимаго тамъ золота и серебра. Затѣмъ, перешли къ царству растительному, которое могло доставить для фабрикъ, красильнаго дѣла, медицины и фармакологіи множество веществъ, неизвѣстныхъ народамъ древняго міра. Въ царствѣ животномъ, сначала восхищались различными птицами, замѣчательными красой своего оперенія, и породами животныхъ, о существованіи которыхъ не имѣли никакого понятія. Что касается до расъ человѣческихъ, обитавшихъ въ Америкѣ, то озаботились только объ ихъ истребленіи. А между тѣмъ, если существовалъ, съ точки зрѣнія соціальной философіи, необычайной важности предметъ для изученія, то конечно это былъ человѣкъ съ своими характерными чертами, побужденіями, нравами и языкомъ, существенно отличнымъ отъ всѣхъ извѣстныхъ древнему міру языковъ.

Религіозная реформа, вызванная Лютеромъ, была громаднымъ переворотомъ политическимъ, философскимъ и соціальнымъ. Какъ всѣ на землѣ перевороты, она издавна подготовлялась въ умахъ. Нуженъ былъ случай, или предлогъ, чтобъ онъ могъ обнаружиться. Этотъ предлогъ представился во время папства Льва X.

Родившись въ богатой семьѣ, человѣкъ умный и одаренный вкусомъ, Левъ X страстно любилъ искусства; онъ желалъ ихъ процвѣтанія въ Европѣ. Дворъ его былъ богатъ, великолѣпенъ, сластолюбивъ и расточителенъ. Посреди войнъ, заливавшихъ кровью Италію, онъ оканчивалъ базилику св. Петра, начатую при его предшественникѣ Юліи II. Онъ задавалъ пиры кардиналамъ, онъ расточалъ деньги артистамъ, поэтамъ и литераторамъ. Онъ поощрялъ изящныя искусства и всѣ роды литературы. Передъ нимъ исполнялись музыкальныя поэмы и часто даже комедіи. Удовольствіе, которое Левъ X и его дворъ находили въ представленіяхъ піесъ Аріоста и Макіавели, возбуждало соревнованіе, много способствовавшее къ развитію итальянскаго языка. Несомнѣнно, что Италія много обязана этому первосвященнику за успѣхи, сдѣланные ею въ поэзіи и искусствахъ.

Только этотъ культъ поэзіи и искусствъ заставилъ отпасть отъ

римской церкви половину Германіи, Скандинавію, Голландію, Англію и милліоны французовъ.

Левъ X былъ щедръ, любитель роскоши и даже расточитель. Доходовъ святаго престола недоставало на его расходы и казна Ватикана опустѣла. А папа хотѣлъ докончить базилику св. Петра, уже стоившую громадныхъ суммъ. Не сомнѣваясь, что все христіанство поспѣшитъ помочь ему въ исполненіи этого дѣла, онъ рѣшился обратиться къ нему. Къ сожалѣнію, онъ выбралъ для этого обращенія форму, уже дескредитованную въ большей части Европы, и въ одинъ изъ тѣхъ періодовъ всеобщаго безпокойства и броженія, когда малѣйшая причина могла повести къ самымъ печальнымъ затрудненіямъ.

Левъ X, полагая, что можно продавать за деньги отпущеніе грѣховъ, когда дѣло идетъ о воздвиженіи памятника первому апостолу, объявилъ въ 1517 году во всей Европѣ продажу индульгенцій, для окончанія собора св. Петра. При томъ, индульгенціи эти предлагались по столь выгоднымъ условіямъ, что всѣ, кто, былъ хотя нѣсколько расположенъ пожертвовать какую-либо сумму, большую или малую, не могъ отказаться отъ покупки ихъ. Онъ позабылъ, что святой престолъ уже слишкомъ часто прибѣгалъ къ этого рода торговли, и не зналъ, можетъ быть, что въ Германіи многіе сеймы объявили ее разорительной для государствъ.

Льву X, можетъ быть, и удалась бы эта попытка, по причинѣ цѣли, имъ выставленной на видъ, если-бъ онъ поручилъ сборъ денегъ августинскимъ монахамъ, имѣвшимъ до тѣхъ поръ привилегію на это. Онъ поручилъ ее доминиканцамъ, и такимъ образомъ возбудилъ между этими двумя религіозными орденами соперничество, сдѣлавшееся столь роковымъ для римскаго двора. Таково было истинное происхожденіе этой религіозной революціи, послѣдствія которой физическія, умственныя и нравственныя, были громадны и мало-по-малу проникли во всѣ элементы цивилизаціи.

Доминиканцы возвышали сверхъ всякихъ границъ цѣну индульгенціи, ради ли увеличенія своихъ доходовъ, или чтобъ показать себя достойными преимущества, которымъ ихъ почтили. Ихъ поведеніе увеличило еще больше скандалъ. Они учреждали свои конторы въ кабакахъ, и обвинялись въ томъ, что пропивали деньги,

которыя народъ давалъ изъ вѣры, не смотря на свои собственныя нужды.

Все это происходило въ Саксоніи, гдѣ жилъ главный викарій августиновъ, родственникъ и другъ курфирста, одного изъ могущественныхъ государей въ Германіи. Главному викарію не трудно было предубѣдить курфирста Саксонскаго противъ индульгенцій и противъ доминиканцевъ. Августины, увѣренные въ покровительствѣ курфирста, съ живостью ухватились за случай отомстить своимъ соперникамъ.

Между августинскими монахами былъ человѣкъ ученый, получившій образованіе въ Эрфуртскомъ университетѣ, и который, будучи одаренъ увлекательнымъ и пылкимъ краснорѣчіемъ, уже пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, какъ проповѣдникъ. Этотъ монахъ былъ Мартинъ Лютеръ. Онъ родился въ 1413 году, въ Эйслебенѣ въ Саксоніи, и былъ сыномъ работника или прикащика при рудникахъ.

Лютеръ получилъ отъ своихъ начальниковъ порученіе проповѣдовать противъ зазорнаго поведенія доминиканцевъ.

Онъ вначалѣ не оспаривалъ права церкви продавать индульгенціи; онъ только нападалъ на злоупотребленія. Онъ съ уваженіемъ отзывался о папѣ и святомъ престолѣ. Если бы Льву X посовѣтовали тогда дѣйствовать съ умѣренностію; если-бъ онъ только сдѣлалъ видъ, что желаетъ противустать злоупотребленіямъ, на которыя всѣ жаловались, — революція, которая грозила уже, была бы отсрочена. Но вмѣсто того, чтобы преслѣдовать зазорное поведеніе доминиканцевъ, онъ требуетъ къ себѣ Лютера; онъ издаетъ буллы противъ этого мятежнаго монаха; онъ жалуется сеймамъ, которые вовсе не были расположены блюсти его интересы; наконецъ, послѣ тщетнаго искательства противъ этого монаха-проповѣдника, онъ самъ подтверждаетъ то мнѣніе, что Лютера поддерживаютъ, и что ему нечего бояться, и онъ можетъ отнынѣ идти гораздо дальше.

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ Лютеръ уже позабылъ умѣренность противъ преслѣдующаго его папы. Становясь все смѣлѣе и необузданнѣе, онъ, поддерживая спорный тезисъ, выставляетъ другой, еще болѣе опасный для папы. Раздраженный сопротивленіемъ сво-

ихъ соперниковъ, защищавшихъ съ остервененіемъ, всѣ злоупотребленія, онъ наконецъ спрашиваетъ, почему папы присвоили себѣ такой авторитетъ, и открываетъ другія злоупотребленія, вошедшія издавна въ нравы. Наконецъ, онъ сталъ находить заблужденія въ догматахъ.

Лютеръ проповѣдовалъ на народномъ языкѣ; такимъ образомъ, онъ бралъ народъ въ судьи между собою и римскимъ дворомъ. Вскорѣ имя его пронеслось по всей Европѣ. Народы стали ждать отъ него разъясненія, во что имъ слѣдуетъ вѣрить, и онъ сталъ человѣкомъ, точно судьбою назначеннымъ просвѣтить ихъ. Повсюду съ быстротой увеличивается число его учениковъ и сторонниковъ; всюду Библія, переведенная на народный языкъ, читается, объясняется' толкуется народомъ; и вскорѣ обнаруживается и повсюдно распространяется эта религіозная революція, получившая названіе *реформаціи;* она, увлекая за собою половину Германіи, всю Англію, часть Франціи и сѣверъ Европы, глубоко видоизмѣняетъ условія прежняго соціальнаго равновѣсія.

Революція въ религіи есть революція духа. Поэтому, это умственное обновленіе должно было произвести глубокое вліяніе на науки, вліяніе, которое могло только способствовать ихъ преуспѣянію. Мы не станемъ изслѣдовать величину этого вліянія, ни выставлять на видъ его результаты. Для насъ достаточно замѣтить, что реформація была одной изъ тѣхъ великихъ причинъ, которыя, съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, способствовали развитію наукъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, обративъ взоры народовъ къ свѣту истины и разума.

Раньше чѣмъ Лютеръ, въ Германіи, началъ религіозную и соціальную агитацію, которая привела къ реформаціи, — другой человѣкъ во Франціи провелъ борозду въ полѣ тогдашняго суевѣрія и невѣжества; мы говоримъ о знаменитомъ авторѣ *Похвалы глупости*, Эразмѣ, который былъ предшественникомъ Лютера. „*Эразмъ*, говорили въ школѣ, *снесъ яйцо, изъ котораго вылупились Лютеръ и другіе.*“ И этотъ фанатическій крикъ былъ выраженіемъ правды.

Эразмъ былъ незаконный сынъ, рожденный въ Роттердамѣ около 1466 года. Онъ учился латыни, греческому языку, логикѣ,

8

метафизикѣ, этикѣ. Епископъ камбрэйскій взялъ его изъ монастыря, въ который онъ попалъ противъ воли, и, продержавъ его нѣкоторое время при себѣ, въ качествѣ секретаря, послалъ его въ Парижъ учиться богословію, обѣщая ему стипендію, которую, впрочемъ, выплачивалъ очень дурно. Эразмъ въ Парижѣ часто нуждался въ самомъ необходимомъ; но, давая уроки литературы, онъ наконецъ сталъ въ состояніи содержать себя. Онъ поступилъ, безъ сомнѣнія въ качествѣ наставника, въ одно англійское семейство, и это было для него весьма сноснымъ положеніемъ. Но онъ заболѣлъ и долженъ былъ вернуться въ Камбрэ, для поправленія здоровья. Когда онъ поправился, то щедрость одной знатной дамы, уважавшей его таланты, позволила ему вернуться въ Парижъ, гдѣ онъ отыскалъ то же англійское семейство. Вскорѣ онъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Англію, сперва въ Оксфордъ, а потомъ въ Лондонъ. Въ 1498 году, онъ вернулся въ Парижъ, гдѣ снова заболѣлъ. Находясь въ полной бѣдности, онъ обратился съ просьбою и ему доставили средства, необходимыя, чтобы отправиться въ Италію, для поправленія разстроеннаго здоровья.

Онъ тогда много работалъ: онъ переводилъ различныя сочиненія Луціана, Плутарха, Изократа, Кенофонта и др., и посвящалъ переводы государямъ. Папа Юлій II дозволилъ ему снять монашескую одежду, которая была возложена на него противъ воли. Конечно, такая одежда совершенно не соотвѣтствовала его характеру и образу жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, Эразмъ страстно любилъ свободу. Когда Францискъ I задумалъ учредить коллегію для ученыхъ языковъ, онъ поручилъ Бюде́, французскому ученому, написать отъ его имени Эразму и сдѣлать ему предложеніе. Эразмъ отказался участвовать въ учрежденіи коллегіи, гдѣ преподавали греческій и еврейскій языки, потому что не желалъ подвергать себя ненависти теологовъ, и не смѣлъ принять предложенія короля, патому что, какъ выразился, онъ боялся того рода рабства, который соединенъ съ условіями тѣхъ, кто служитъ государямъ.

По возвращеніи изъ Италіи, въ 1506 или 1508 году, онъ поселился въ Лондонѣ, у друга своего Томаса Мора, канцлера Англіи. Утомленіе отъ путешествія и страшная боль въ поясницѣ

не дозволяли ему выходить изъ комнаты. Онъ не могъ продолжать своихъ богословскихъ занятій, потому что необходимыя для этого книги не пришли еще. Поэтому, онъ искалъ сюжета, который, поддерживая его веселость, заставлялъ бы забывать о страданіяхъ. Тогда-то онъ задумалъ *Похвалу глупости*, остроумную сатиру, въ которой, сдѣлавъ обзоръ всѣхъ сословій и званій, онъ съ необычайной оригинальностью описываетъ нравы и странности своихъ современниковъ. Въ нѣсколько дней написалъ онъ это сочиненіе, около 200 страницъ въ осьмушку. Окончивъ, онъ прочелъ его друзьямъ; и вскорѣ *Похвала глупости* была напечатана въ Парижѣ, гдѣ почти одновременно появилось семь или восемь изданій.

Это сочиненіе надѣлало великаго шуму и имѣло громадный успѣхъ. Но если умные люди и истинные ученые оцѣнили его, за то на автора возстала толпа невѣждъ, монаховъ и ханжей. Правда, оно появилось въ эпоху, когда въ умахъ уже господствовало то общее и неопредѣленное безпокойство, которое обыкновенно предшествуетъ великимъ революціямъ и способствуетъ ихъ осуществленію. Такимъ образомъ, какъ только по голосу Лютера начала волноваться Германія, такъ съ каѳедръ и въ монастыряхъ, по всей Европѣ пронеслись эти слова: „*Эразмъ снесъ яичко, изъ котораго вылупились Лютеръ и другіе.*“ *Похвала глупости* всюду переводилась на народные языки, и эти переводы послужили къ введенію въ новѣйшіе языки терминовъ, выраженій, оборотовъ, способныхъ съ большею или меньшею точностію передавать ѣдкія и оригинальныя наблюденія и насмѣшки автора.

Изъ всѣхъ сочиненій Эразма, несомнѣнно это болѣе всего способствовало его извѣстности и произвело наиболѣе сильное вліяніе на общественное мнѣніе. Горячо осуждаемое одними и не менѣе горячо защищаемое другими, оно стало предметомъ многихъ сочиненій. Въ продолженіе многихъ лѣтъ длилась полемика между учеными и литераторами. Наконецъ, послѣ смерти Эразма, Сорбонна занесла *Похвалу глупости* въ роспись запрещенныхъ книгъ и объявила, что „*авторъ, сочиняя ее, показалъ себя безумнымъ, сумасшедшимъ, даже нечестивцемъ, оскорбившимъ Бога, Іисуса Христа, Дѣву Марію, святыя повелѣнія церкви, богослововъ, ду-*

ховные обряды, монашескіе ордена нищенствующихъ, которые онъ осмѣлился оскорбить порочными и кощунственными устами."

Изъ всего этого справедливымъ оказывается только то, что Эразмъ оскорбилъ монаховъ и теологовъ; и тѣмъ болѣе, что обвиненія его могли почестьcя за истину. Онъ упрекалъ ихъ въ незнаніи ни Писанія, ни Отцовъ церкви, ни постановленій соборовъ; въ томъ, что они занимаются только легкомысленными вопросами, что они повредили богословію духомъ своего честолюбія, скупостью, лестью, словопреніями и суевѣріями.

Эразмъ былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ тонкихъ, проницательныхъ, насмѣшливыхъ и ѣдкихъ умовъ. Къ этому въ немъ соединяется живой и легкій стиль и огромная эрудиція.

Въ старости, онъ пріобрѣлъ великое знаніе сердца человѣческаго. Напримѣръ, онъ думалъ, что достоинства сами по себѣ не принесутъ пользы, и что для того, чтобы успѣть въ свѣтѣ, необходимы не дарованія и честность, а нѣчто иное. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка и нанесъ сильнѣйшій ударъ схоластикѣ, громко осмѣивая и выражая презрѣніе къ этому ученію.

Эразмъ умеръ въ Базелѣ, въ 1536 году. Его смерть опечалила всѣхъ; безчисленная толпа собралась на его похороны.

Какъ уже мы сказали, одной изъ причинъ, содѣйствовавшихъ реорганизаціи области наукъ, было образованіе народныхъ языковъ во всѣхъ странахъ Европы.

Проявленіе общаго движенія въ идеяхъ и нравахъ, созданіе народнаго языка въ каждой изъ главнѣйшихъ странъ Европы, необходимо должно было явиться однимъ изъ могущественныхъ двигателей обновленія и соціальнаго прогресса. Слово такой же природный даръ человѣка, какъ и инстинктъ общественности. Въ человѣкѣ существуетъ такая связь между способностью чувствовать, или понимать, и искусствомъ выражать словами различные оттѣнки чувствъ и мысли, что во всѣ періоды общественной жизни, общая система языковъ и система знаній всякаго рода кажутся будто скалькированными одна съ другой.

Въ продолженіе того около десятивѣковаго періода, который принято называть *средними* вѣками, воспитаніе человѣческаго духа,

въ большей части Европы, было совершенно подчинено изученію латинскаго языка, языка мертваго и, что еще хуже, языка того древняго народа, научныя познанія котораго всегда были чрезвычайно ограничены. Когда науки греческой древности, распространенныя арабской школой, проникли на западъ Европы, тогда въ уединеніи монастырей образовалась цѣлая фаланга замѣчательныхъ людей. Гербертъ, Рожеръ Баконъ, Альбертъ Великій, Раймондъ Люллій и др. были не дюжинные люди. Около конца тринадцатаго столѣтія и въ началѣ четырнадцатаго, во Франціи, Италіи, Англіи, Испаніи, Германіи, главнѣйшія отрасли человѣческихъ знаній получили первичную обработку, и порою мысли средневѣковыхъ ученыхъ отличались величіемъ. Во время этого долгаго промежутка десяти вѣковъ, многіе изъ богато одаренныхъ способностями людей оставили бы свой слѣдъ въ наукѣ, если-бъ обладали необходимымъ орудіемъ всякой науки. Мы говоримъ о народномъ языкѣ, аналитическомъ орудіи, необходимомъ для опредѣлительности и связности идей.

Манія изъясняться только по латыни, даже о предметахъ совершенно неизвѣстныхъ римлянамъ, остановила въ Западной Европѣ усилія ума человѣческаго и на много вѣковъ замедлила *возрожденіе*. Какимъ образомъ ученые, родившіеся въ варварскія времена и природный языкъ которыхъ былъ какое-нибудь грубое нарѣчіе, могли дойти до того, чтобы писать и говорить на латинскомъ языкѣ временъ Августа, или просто на столько понимать его, на сколько понимали простые ремесленники въ Римѣ, сбѣгавшіеся толпами, чтобы послушать защитительную рѣчь Цицерона, или Гортензія. Въ средніе вѣка, истинный латинскій языкъ существовалъ только въ не большомъ числѣ книгъ, большею частью испорченныхъ и наполненныхъ ошибками. То былъ только письменный языкъ, необходимымъ образомъ неправильный, потому что движенія живой цивилизаціи перестали оживлять его, и потому что нравы, идеи, вѣрованія, которыхъ онъ служилъ выразителемъ, совершенно исчезли.

Такимъ образомъ, средневѣковые ученые, желавшіе во что бы то ни стало употреблять латынь, достигали только того, что писали на жаргонѣ, который болѣе или менѣе подходилъ къ *фран-*

цузскому, во Франціи, къ *итальянскому*, въ Италіи, къ *испанскому*, въ Испаніи, но который ни коимъ образомъ нельзя считать за латинскій языкъ временъ Августа. Люди десятаго вѣка, напримѣръ, очевидно не могли знать точнаго значенія множества оборотовъ, выраженій, перифразъ, свойственныхъ генію латинскаго языка, и смысла которыхъ никто не могъ указать имъ въ той варварской средѣ, въ какой они жили. Они брали изъ латинскихъ писателей не только рѣченія и выраженія, но цѣлыя фразы, которыя употребляли въ такомъ значеніи, что дѣлали ихъ совершенно невразумительными. Примѣры этому встрѣчаются даже въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Напримѣръ, папа Левъ X, въ письмѣ къ Франциску I, возбуждая его къ войнѣ на турокъ, заклинаетъ его *богами* и *людьми* (*per deos atque homines*), какъ говорили римляне. А между тѣмъ Левъ X былъ человѣкъ образованный и со вкусомъ.

Въ предъидущихъ вѣкахъ, злоупотребленіе латинскими выраженіями, принятыми совсѣмъ въ другомъ значеніи, чѣмъ у римскихъ писателей, доходило до того, что два діалектика могли спорить цѣлые часы, совершенно не понимая ни другъ друга, ни будучи поняты слушателями. Послѣ этого, можно представить себѣ, что такое была средневѣковая схоластика, эта безобразная смѣсь философіи и теологіи. И разсуждали о ней на латинскомъ жаргонѣ, большая часть словъ котораго не имѣла строго опредѣленнаго смысла.

Правда, математики могли бы научить придавать выраженіямъ ясность и точность, разсужденіямъ болѣе строгости, основательности и метода, но извѣстность, пріобрѣтаемая этого рода занятіями, порою была весьма не безопасна. Мы видѣли печальную судьбу Рожера Бакона, томившагося большую часть жизни въ заключеніи за занятія астрономіей и физикой. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ, врачъ Петръ д'Албано, авторъ *Трактата объ астролябіи*, и коментаторъ Сакробоско, Чекко д'Асколи, профессоръ физико-математическихъ наукъ въ Болоньѣ, оба, обвиненные въ магіи и колдовствѣ, были приговорены къ смерти. Петръ д'Албано, правда, былъ казненъ только *in effigie* (сожгли его портретъ); но Чекка д'Аскола былъ сожженъ во Флоренціи, въ 1327 г.

Читая исторію среднихъ вѣковъ, когда всѣ элементы общественнаго порядка представляли только безпорядокъ и смуту, недоумѣваешь какъ новая цивилизація могла выйти изъ этого хаоса. Но вскорѣ во всей Европѣ, стали опредѣляться границы государствъ; стали очерчиваться мало-по-малу національности, и наконецъ каждая явилась отдѣльной, съ духомъ, нравами, обычаями, общими интересами, выражающими ея собственный характеръ и ея геній. Съ тѣхъ поръ, такъ какъ въ каждомъ государствѣ народный языкъ, какъ бы онъ ни былъ грубъ и необработанъ, служитъ громадному большинству для выраженія его нуждъ и мыслей, онъ дѣлается поневолѣ языкомъ дѣловымъ, различныхъ актовъ, всѣхъ промышленныхъ и механическихъ искусствъ. Всякій разъ, какъ приходилось дѣйствовать на массу народа, слѣдовало говорить на народномъ языкѣ. И рѣчами на народномъ языкѣ всегда удавалось возбудить, въ груди народа, или религіозный энтузіазмъ, или любовь къ независимости и свободѣ. Если бы Петръ Пустынникъ, Бернаръ (св.) и многіе другіе ограничивались проповѣдью на латинскомъ языкѣ, то имъ никогда бы не возбудить въ народахъ того неудержимаго движенія, изъ котораго послѣдовательно проистекли крестовые походы, освобожденіе общинъ, свобода труда, начало новѣйшей поэзіи, литературы и т. д. Точно также Лютеръ проповѣдью на народномъ языкѣ возбудилъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ ту великую революцію, изъ которой вышла религіозная и философская свобода.

Въ Италіи, въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіи, какъ только народный языкъ сталъ разработываться избранными умами, тотчасъ же явился и сталъ развиваться вкусъ къ изящнымъ искусствамъ. Для всѣхъ изучающихъ исторію не ради запоминанія чиселъ, собственныхъ именъ и фактовъ, а ради философскаго поученія, ясно, что итальянцы въ то время опередили другіе народы Европы на пути цивилизаціи, именно въ силу того, что ихъ народный языкъ раньше другихъ былъ обработанъ людьми, независимый духъ которыхъ осмѣлился свергнуть иго ложной и тяжелой схоластики.

Тогда, для произведенія переворота въ нѣкоторыхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній, почти было достаточно лишить ихъ схола-

стическаго покрова и повергнуть, при помощи народнаго языка, на судъ публики, независимой отъ университетовъ. Такъ поступалъ Парацельсъ для произведенія реформы въ медицинѣ. Въ Базелѣ, гдѣ онъ занималъ каѳедру, онъ читалъ свой курсъ не по латыни, но на народномъ языкѣ, и слушатели собирались массами. Если бы Коперникъ излагалъ публично на нѣмецкомъ языкѣ свою астрономическую систему и свои возраженія противъ Птоломея, то ему, при помощи Эразма и Лютера, можетъ быть, удалось бы побѣдить этотъ основной пунктъ сопротивленія богослововъ.

Постепенное развитіе народныхъ языковъ и созданіе народной литературы были, стало быть, одной изъ главныхъ причинъ, которыя приготовили возможность научнаго возрожденія.

Изъ литературы, народный языкъ проникъ въ область наукъ, и съ тѣхъ поръ прогрессъ точныхъ наукъ былъ обезпеченъ. Дотолѣ наукамъ недоставало необходимаго для ихъ развитія. Развитіе народнаго языка дало имъ это необходимое средство, и съ тѣхъ поръ все получило быстрое развитіе. Греческія науки, переведенныя по французски, итальянски, англійски, и оживленныя такимъ образомъ дыханіемъ умственнаго міра, который все болѣе и болѣе освобождался отъ ига школы, вскорѣ были подвергнуты тройному испытанію разума, критики и опыта. Это два вѣка раньше совѣтовалъ Рожеръ Баконъ. Какъ стали предлагать вопросы природѣ посредствомъ опыта и наблюденія, тотчасъ же узнали, что утвержденія древнихъ не всегда были справедливы; и если ихъ все-таки считали вождями, если съ ними справлялись, то дѣлали это уже съ большей осмотрительностію и съ большей пользой черпали изъ собранныхъ ими умственныхъ запасовъ.

Въ Италіи, въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіи, началось раньше чѣмъ гдѣ-либо, возрожденіе литературы и искусствъ; въ возрожденіи наукъ, отъ средины пятнадцатаго до конца шестнадцатаго, первое мѣсто принадлежитъ Германіи.

Въ этотъ послѣдній періодъ было сдѣлано множество открытій; но они составили истинно научное пріобрѣтеніе только къ концу семнадцатаго. Причину этого понять легко. Когда начинаютъ дѣлать наблюденія, то различнаго рода открываемые факты обычно представляются по одиночкѣ, безъ связи съ другими. Между

тѣмъ въ природѣ они связаны, и между собою, и со многими другими,—отношеніями, которыя необходимо узнать, чтобы правильно и методически соединить факты между собою. Но чаще, эти отношенія не могутъ быть замѣчены и опредѣлены, какъ при помощи ряда тонкихъ и отчетливыхъ наблюденій, остроумныхъ сближеній и строгой точности въ разсужденіи. А все это предполагаютъ улучшенныя средства познанія, обработанный языкъ и научную философію, которыхъ еще не существовало.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію состоянія отдѣльныхъ наукъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, а также успѣховъ, сдѣланныхъ въ эту эпоху умомъ человѣческимъ въ познаніи природы и ея законовъ.

Мы послѣдовательно разсмотримъ астрономію, математику, физику, химію, естественную исторію и анатомію.

Астрономія. — Если итальянцы въ шестнадцатомъ вѣкѣ прославились въ литературѣ и искусствахъ, то нѣмцы столь же славились научными трудами. Истинная астрономія родилась въ пятнадцатомъ вѣкѣ въ Германіи. Съ древнихъ временъ до этой эпохи, въ астрономіи, во всей западной Европѣ, занимались только тѣмъ, что комментировали Птоломея.

Первыми успѣхами эта наука обязана Пурбаху и Регіомонтанусу. Чтобы провѣрить астрономическія гипотезы, оба эти ученые обратились не къ авторитету древнихъ, но къ наблюденію неба, единственному неколебимому авторитету въ астрономіи.

Пурбахъ родился въ 1423 году, въ небольшомъ австрійскомъ городкѣ, и умеръ двадцати восьми лѣтъ отъ роду. Въ продолженіе своей краткой жизни, онъ сдѣлалъ нѣсколько астрономическихъ открытій. Онъ изобрѣлъ и приложилъ десятичное дѣленіе, онъ составилъ сокращенное изложеніе Птоломеева *Альмагеста* и т. д.

Іоганнъ Мюллеръ, прозванный Регіомонтанусомъ, родился въ 1436 году, въ Кенигсбергѣ. Пятнадцати лѣтъ онъ сдѣлался ученикомъ Пурбаха, который въ то время былъ профессоромъ астрономіи въ вѣнскомъ университетѣ, и хотя онъ былъ еще молодъ, его назначили преемникомъ Пурбаха.

Регіомонтонусъ посѣтилъ Италію; въ Падуѣ онъ сталъ извѣстенъ своимъ *Разговоромъ объ успѣхахъ астрономіи.* Затѣмъ, онъ поѣхалъ

въ Нюренбергъ, гдѣ сблизился съ Бернаромъ Вальтерусомъ, который былъ страшно богатъ и великій любитель астрономіи.

Богатство не сдѣлаетъ ученымъ, но оно облегчаетъ изученіе, давая средства и досугъ людямъ, желающимъ отдаться научнымъ занятіямъ. Регіомонтанусъ и Бернаръ Вальтерусъ составили между собою родъ общества, въ которое одинъ вложилъ свой умъ, а другой богатства. Они изготовили приборы точности, въ то время, безпримѣрной. Вальтерусъ желалъ даже завести у себя типографію. Съ царской роскошью онъ дѣлалъ всѣ издержки, необходимыя для астрономическихъ работъ.

Въ продолженіе своей, къ несчастію кратковременной, жизни, Регіомонтанусъ не даромъ пользовался великодушіемъ своего друга, сдѣлавъ множество наблюденій.

Въ 1475 году, онъ былъ призванъ въ Римъ папой Сикстомъ IV, имѣвшимъ намѣреніе преобразовать календарь.

Папа былъ высокаго мнѣнія о Регіомонтанусѣ, возведенномъ имъ въ епископы регенсбургскіе. Онъ принялъ его великолѣпно. Но въ слѣдующемъ году, Регіомонтанусъ умеръ въ Римѣ отъ чумы тридцати девяти лѣтъ. Онъ прославился нѣкоторыми прекрасными открытіями.

Лаландъ, въ своемъ *Traité d'Astronomie*, причисляетъ Регіомонтануса къ числу двадцати знаменитѣйшихъ астрономовъ, когда и гдѣ-либо извѣстныхъ. Къ числу его наиболѣе замѣчательныхъ работъ причисляютъ его *Эфемериды* (астрономическія таблицы, гдѣ положеніе каждой планеты опредѣлено изо дня въ день) и его *Epitome in Almagestum Ptolomæi*, или *Сокращеніе великаго сочиненія Птоломея*. Его упрекаютъ за занятіе астрологіей; но какой человѣкъ, не смотря на всѣ свои таланты, бываетъ чуждъ предразсудковъ вѣка?

Регіомонтанусу молва приписывала множество чудесныхъ открытій, напримѣръ, будто онъ сдѣлалъ механическую муху изъ желѣза, которая на обѣдахъ, даваемыхъ Регіомонтанусомъ своимъ друзьямъ, перелетала отъ гостя къ гостю и затѣмъ садилась къ нему на руку. Разсказывали также объ автоматическомъ орлѣ, который однажды, поднявшись на воздухъ, полетѣлъ на встрѣчу императора, и плывя надъ нимъ проводилъ его до городскихъ воротъ.

Вальтерусъ жилъ до 1504 года. Ему остались въ наслѣдство работы, оконченныя и неоконченныя, его знаменитаго сотрудника, и онъ, конечно, воспользовался ими. Полагаютъ, что онъ первый при астрономическихъ наблюденіяхъ употреблялъ часы.

Въ разсматриваемый нами періодъ жило много первостепенныхъ астрономовъ. Между ними первое мѣсто занимаетъ Николай Коперникъ, знаменитый авторъ системы, носящей его имя, которому мы посвятимъ особую главу въ этомъ сочиненіи.

Читая и перечитывая Птоломея, Коперникъ былъ пораженъ сбивчивостью въ объясненіи астрономическихъ явленій. Онъ находилъ, что это объясненіе не находится въ согласіи съ обычной простотою законовъ природы, и вознамѣрился отыскать другую теорію небесныхъ движеній.

Полагая, что въ древности могли быть болѣе ясныя и правильныя мысли объ удивительной гармоніи, царствующей въ распредѣленіи и движеніи большихъ небесныхъ тѣлъ, Коперникъ сталъ отыскивать ихъ въ сочиненіяхъ древнихъ философовъ. У Цицерона и Плутарха онъ нашелъ слѣды астрономической системы, которой слѣдовали въ пиѳагорейскихъ школахъ. По этой системѣ, солнце стояло неподвижно среди общаго движенія звѣздъ вселенной. Для Коперника это послужило первымъ лучемъ свѣта. Какъ скоро онъ представилъ, что земля обращается вокругъ своей оси и описываетъ орбиту вокругъ солнца, всѣ движенія небесныхъ тѣлъ явились ему гармонически правильными и соподчиненными.

Но чтобы гипотеза заслуживала принятія, не достаточно, чтобы она соотвѣтствовала общимъ явленіямъ; кромѣ этого, она не должна опровергаться явленіями частными. Такимъ образомъ, перенеся движеніе по эклиптикѣ съ солнца на землю и принявъ для объясненія чередованія дня и ночи, что земля вертится вокругъ своей оси, Коперникъ долженъ былъ принять, что вокругъ солнца въ слѣдующемъ, считая отъ солнца, порядкѣ движутся планеты: Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Что касается луны, то онъ призналъ, что она обращается вокругъ нашей планеты, сопровождая ее во время обращенія по эклиптикѣ, то-есть по земной орбитѣ. И тогда, небесныя явленія, на-

правленія, стоянія, возвратныя движенія планетъ объяснились столь легко, что самъ Коперникъ былъ удивленъ этимъ.

Прежде обнародованья своей системы, онъ желалъ приготовиться заранѣе къ отвѣтамъ на могущія быть возраженія. Поэтому, онъ снова принялся за наблюденія и занимался ими въ продолженіе тридцати шести лѣтъ. Боясь нападокъ невѣжества и предразсудковъ, онъ сообщалъ о своей системѣ только друзьямъ. Онъ медлилъ ея обнародованьемъ, и только уступивъ самымъ усиленнымъ настояніямъ, рѣшился въ 1543 г. напечатать свою книгу *De revolutionibus orbium coelestibus*, написанную тридцать лѣтъ раньше.

Книга эта произвела великое волненіе между богословами и перипатетиками. Коперникъ не былъ свидѣтелемъ этого, ибо умеръ въ концѣ печатанія своихъ сочиненій. Онъ, впрочемъ, видѣлъ передъ смертью первый готовый экземпляръ.

Книгу Коперника вначалѣ прочли весьма немногіе. О ней съ презрѣніемъ отзывались въ школахъ, какъ говорятъ о химерахъ, которыми не стоитъ заниматься умамъ серьезнымъ. Идеи Коперника стали распространяться, когда на нихъ жестоко напали сперва схоластики, а потомъ богословы. Было нѣсколько затруднительно приводить доказательства противъ системы Фрауенбургскаго астронома, потому что въ защиту его могли привести нѣсколько мѣстъ изъ древнихъ и уважаемыхъ авторовъ. А потому прибѣгли къ средству въ тѣ времена несомнѣнному, чтобы заставить молчать противниковъ, которымъ нельзя было возражать разумно. Въ 1615 г. инквизиція осудила книгу Коперника и объявила *„формально еретическимъ, ложнымъ и нелѣпымъ, въ философскомъ смыслѣ, мнѣніе, по которому солнце полагается въ центрѣ міра и мнѣніемъ, противнымъ религіи, что земля движется.“*

Сторонники Коперника одно время были смущены этимъ ударомъ. Но такого рода аргументъ не можетъ остановить движеніе избранныхъ умовъ.

На бѣду теологовъ, инквизиціонный декретъ появился какъ разъ въ то время, когда новыя наблюденія и астрономическія открытія подтвердили справедливость системы Коперника. Въ са-

момъ дѣлѣ, въ 1590 г. былъ изобрѣтенъ,—или было только возобновлено изобрѣтеніе — телескопъ, приборъ, который былъ по всей вѣроятности извѣстенъ еще за триста лѣтъ Рожеру Бакону; тотчасъ телескопъ былъ направленъ на небо и сразу были сдѣланы весьма важныя открытія. Позже, говоря о Галилеѣ, мы увидимъ, что декретъ инквизиціи не только не уничтожилъ системы Коперника, но напротивъ послужилъ къ ея распространенію и отысканію новыхъ доказательствъ ея справедливости.

Трудно объяснить, почему знаменитый датскій астрономъ Тихо Браге (родился 1546, умеръ 1601 г.) отвергалъ, быть можетъ противъ своего внутренняго убѣжденія, систему Коперника. Тихо Браге, вѣроятно, боялся лишиться своего положенія и повредить своимъ матеріальнымъ интересамъ, принимая мнѣніе, противное буквѣ нѣкоторыхъ мѣстъ писанія. Но такъ какъ онъ не могъ принять системы Птоломея, то и придумалъ сохранить за землей ея неподвижность, и заставилъ обращаться вокругъ этой планеты сперва луну, потомъ солнце, а съ нимъ и всѣ другія планеты, Меркурій, Венеру, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ.

Этотъ чудовищный эклектизмъ былъ столь же противенъ законамъ механики, какъ и система Птоломея, и невозможно, чтобы Тихо Браге самъ былъ доволенъ способомъ своего объясненія видимыхъ движеній небесныхъ тѣлъ. Но онъ утѣшался въ этомъ, наблюдая свободно астрономическія явленія при помощи многочисленныхъ учениковъ, его окружавшихъ и жившихъ съ нимъ въ небольшой его колоніи Ураніенбургѣ, гдѣ схоластики и богословы не могли его безпокоить, потому что онъ избѣгалъ малѣйшихъ споровъ съ ними. Такого рода поведеніе, которому многіе слѣдовали, не пользуется уваженіемъ со стороны потомства; но оно весьма удобно для тѣхъ, кто желаетъ пользоваться временными удобствами.

Тихо Браге наблюдалъ, что скорость луны уменьшается отъ конъюнкціи до первой четверти; что она увеличивается отъ первой четверти до противустоянія; что она уменьшается въ третьей части ея обращенія и возрастаетъ въ четвертой; и такъ далѣе, попеременно, для другихъ обращеній. Кромѣ того, онъ усовершенствовалъ теорію луны въ другомъ существенномъ пунктѣ: онъ съ

большею, чѣмъ раньше было сдѣлано, точностью опредѣлилъ наибольшее и наименьшее склоненіе лунной орбиты относительно плоскости эклиптики, и распространилъ то же изслѣдованіе на планеты.

Кажется, что древніе астрономы не обращали вниманія на измѣненіе, производимое преломленіемъ свѣта въ видимомъ положеніи звѣздъ надъ горизонтомъ, измѣненіе, о которомъ если они и догадывались, то не предавали достаточной важности, а потому и не принимали его во вниманіе. Какъ бы то ни было Тихо Браге первый почувствовалъ необходимость ввести въ этотъ элементъ въ астрономическія вычисленія. Но онъ могъ достигнуть только общихъ результатовъ, ибо законы отраженія свѣта въ астрономической средѣ не были еще извѣстны.

Во времена Тихо Браге на кометы смотрѣли какъ на чисто метеорическія явленія. Между тѣмъ, въ древности, Сенека зналъ истинную природу этихъ странствующихъ звѣздъ. Сенека говорилъ:

«Я не согласенъ съ мнѣніемъ нашихъ философовъ; я смотрю на кометы, не какъ на преходящіе огни, а какъ на вѣчныя творенія природы... Удивительно-ли, что кометы, явленіе которыхъ въ мірѣ столь рѣдко, не подведены еще подъ строгіе законы и что не извѣстно ни начало, ни конецъ вращенія этихъ тѣлъ, появляющихся только черезъ долгіе промежутки? . Время и изысканія приведутъ современемъ къ рѣшенію этихъ задачъ... Настанетъ время, когда наши потомки удивятся, что намъ были неизвѣстны столь очевидныя истины [1]).

Тихо Браге показалъ, что кометы, какъ и планеты, суть тѣла твердыя, подлежащія въ своемъ движеніи постояннымъ и правильнымъ законамъ. Онъ наблюдалъ много кометъ, а также большую звѣзду, появившуюся внезапно въ созвѣздіи Кассіопеи, явленіе, привлекшее вниманіе всѣхъ современныхъ астрономовъ и исторія котораго передана намъ Тихо Браге. То было въ 1572 г. Первый разъ замѣтили эту звѣзду 7 ноября въ Виттенбергѣ и Аугсбургѣ. Тихо Браге не могъ увидѣть и наблюдать ее, какъ четырьмя днями позже, потому что въ продолженіе этого времени небо было покрыто облаками. Онъ нашелъ ее почти столь же блестящей, какъ Венера во время стоянія.

---

[1]) Quert. nat., гл. XII, XXIV, XXV.

Между покровителями астрономіи въ шестнадцатомъ вѣкѣ слѣдуетъ упомянуть о ландграфѣ Гессенъ-Кассельскомъ, Вильгельмѣ IV, другѣ Тихо Браге.

Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій своими собственными наблюденіями способствовалъ успѣхамъ астрономіи и былъ, кромѣ того, жаркимъ и просвѣщеннымъ покровителемъ этой науки. Въ своей столицѣ онъ воздвигъ обсерваторію, въ которой собралъ съ большими издержками лучшіе изъ извѣстныхъ въ его время приборовъ. Этотъ принцъ сдѣлалъ нѣсколько превосходныхъ наблюденій, между прочимъ надъ высотами солнца во время стояній, въ 1585 и 1587 году.

Реформа календаря была одной изъ важныхъ ученыхъ работъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Она была исполнена въ 1582 году при папѣ Григоріѣ XIII.

Способъ, по которому принято было въ церкви, начиная съ никейскаго собора (325), опредѣлять ежегодно день Пасхи, а по нему и другіе подвижные праздники, былъ весьма запутанъ. Въ календарѣ, принятомъ этимъ соборомъ, были двѣ небольшія астрономическія ошибки, которыя, накопляясь въ продолженіе долгаго ряда вѣковъ, наконецъ стали значительными. Одна состояла въ томъ, что полагали будто продолжительность солнечнаго года точно равна 365 днямъ 6 часамъ, а другая, что 235 лунныхъ мѣсяцевъ равны точно 19 солнечнымъ годамъ. Первая цифра была больше почти на 11 минутъ; вторая слишкомъ мала. Изъ этихъ ошибокъ произошло то, что праздникъ Пасхи мало-по-малу сталъ приходиться во время лѣтняго солнцестоянія, вмѣсто того, чтобы приходиться, какъ было положено на никейскомъ соборѣ, между мартовскимъ полнолуніемъ и послѣдней четвертью этого мѣсяца, слѣдующей за весеннимъ равноденствіемъ. Нѣсколько вѣковъ уже были замѣчены эти ошибки и предвидѣны ихъ результаты, но тщетно хотѣли нѣсколько разъ ихъ исправить. Успѣхи астрономіи въ шестнадцатомъ вѣкѣ дозволили достигнуть болѣе счастливыхъ результатовъ.

Григорій XIII поднялъ этотъ вопросъ. Онъ торжественно пригласилъ астрономовъ всѣхъ странъ представить планъ, по кото-

рому можно бы исправить календарь, придавъ ему точную, правильную и постоянную форму.

Между многочисленными, представленными по этому случаю проектами, преимущество отдано проекту веронскаго астронома Алоизія Лилія, и онъ утвержденъ буллою въ 1582 г. Было положено, что въ 1582 году прямо перейдутъ отъ 4 октября къ 15, или что въ этомъ мѣсяцѣ будетъ всего двадцать дней, такъ что въ слѣдующемъ 1583 г. равноденствіе придется 21 марта, и въ тоже время положено было, что на будущее время изъ четырехъ первыхъ годовъ четырехъ столѣтій, которые по юліанской системѣ всѣ были высокосные, три будутъ считаться простыми; такимъ образомъ изъ годовъ 1600, 1700, 1800 и 1900 только первый долженъ быть высокоснымъ.

Движеніе луны составляло самую затруднительную часть задачи. *Златое число* Метона Лилій замѣнилъ *эпактами*, то-есть числами, выражающими возрастъ луны въ началѣ каждаго года, или—что то же самое—избытокъ солнечнаго года надъ луннымъ.

Математика. — Съ распространеніемъ книгопечатанія, книги стали доступнѣе, но злоупотребленія греческой и латинской эрудиціей останавливали еще полетъ человѣческаго ума. Безъ сомнѣнія, переводчики, прибавлявшіе къ новой наукѣ знанія древнихъ, были полезны; но толковники, составители примѣчаній и объясненій, въ большинствѣ случаевъ только мѣшали изученію, и порой самые блестящіе умы погибали подъ бременемъ безполезной эрудиціи. Но тѣмъ не менѣе, въ это время появилось нѣсколько замѣчательныхъ и даже геніальныхъ людей.

Мавролико, изъ Мессины, былъ хорошимъ геометромъ. Въ 1558 году онъ напечаталъ *сочиненія Θеодора и Менелая* и приготовилъ изданіе сочиненій Архимеда, появившееся въ 1572 г. Онъ перевелъ *элементы Евклида, коническія сѣченія Аполонія, Леммы Папуса и т. д.*

Карданъ въ своей книгѣ *de Arte magna* (1545 г.) говоритъ, что Ферреи, профессоръ математики въ Болоньѣ, первый въ Европѣ далъ формулу для рѣшенія уравненій третьей степени; что около тридцати лѣтъ позже, нѣкоторый венеціанецъ, по имени Флоридо, знавшій объ этомъ открытіи Ферреи, предложилъ Ни-

колаю Тарталеа, или Тарталья, знаменитому математику въ Брешіи, различныя задачи, рѣшеніе которыхъ зависѣло отъ этой формулы, и что Тарталья, размышляя надъ этими задачами, достигъ ихъ рѣшенія.

Карданъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги говоритъ, что по его настоятельнымъ просьбамъ, Тарталья сообщилъ ему эту самую формулу, но не прибавилъ къ ней доказательства, и что найдя, при помощи своего ученика Лудовика Феррари, это доказательство, онъ почелъ себя въ правѣ обнародовать его. Тарталья справедливо жаловался на образъ дѣйствія Кардана и публично обвинялъ его въ литературномъ воровствѣ.

Лудовикъ Феррари изъ Болоньи, ученикъ Кардана, родившійся въ 1522 и умершій въ 1565 г., нашелъ рѣшеніе уравненій четвертой степени. Его способъ извѣстенъ всѣмъ аналитикамъ подъ именемъ *итальянскаго*. Онъ состоитъ въ расположеніи всѣхъ членовъ уравненія четвертой степени такимъ образомъ, что по прибавленіи къ каждому члену равнаго количества, способъ уравненій второй степени становится приложимымъ къ двумъ членамъ. Черезъ это переходятъ къ уравненію третьей степени и достигаютъ *случая*, называемаго *несокращаемымъ*, который обнимаетъ уравненія, гдѣ три корня дѣйствительно неравны и несоизмѣримы между собою и т. д. Теперь этотъ способъ можно найти въ алгебраическихъ руководствахъ.

Тарталья, изъ Брешіи, происходилъ изъ весьма бѣднаго семейства. Онъ не учился въ школѣ; неизвѣстно даже, какъ научился онъ читать и писать. Онъ говоритъ, что не зная гдѣ достать пропись, онъ забрался къ школьному учителю и утащилъ у него. И такъ, онъ самоучкой, почти безъ книгъ, научился математикѣ; такимъ образомъ, онъ составилъ себѣ извѣстность, даже въ отечествѣ. Тарталья получилъ каѳедру наукъ и философіи въ Венеціи, которая была тогда большимъ интеллектуальнымъ центромъ, и преподавалъ тамъ математику съ успѣхомъ. Онъ придумалъ способъ измѣренія поверхности треугольника при помощи трехъ сторонъ, не опуская перпендикуляра. Онъ весьма искусно обращался съ алгеброй и прилагалъ ее, часто весьма остроумно, къ рѣшенію множества ариѳметическихъ и геометрическихъ за-

дачъ. Наконецъ, какъ мы уже сказали, онъ придумалъ формулу для рѣшенія кубическихъ уравненій. Онъ сдѣлалъ также нѣсколько изобрѣтеній въ балистикѣ. Онъ умеръ въ 1557 г. Онъ былъ солдатомъ и, какъ разсказываютъ, сталъ немного заикаться, вслѣдствіе раны, полученной въ сраженіи.

Фредерикъ Коммандинъ, врачъ и математикъ, превосходно и съ рѣдкимъ пониманіемъ переводилъ древнихъ геометровъ и не ограничивался однѣми элементарными частями. Онъ написалъ сочиненіе объ отысканіи центра тяжести; но ему не удалось рѣшить эту задачу относительно полушарій и коноида. Тѣмъ не менѣе, его труды были полезны. Онъ умеръ въ 1575 г.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи французскіе геометры были вообще ниже итальянскихъ. Оронтій Фине́ *(Orontius Finaeus)* способствовалъ возрожденію математики. Онъ обладалъ эрудиціей, но не имѣлъ таланта, а потому впадалъ въ ошибки, почему его сочиненія не уважались. Онъ воображалъ, что нашелъ квадратуру круга,—надъ чѣмъ смѣялись.

Петръ Рамусъ, философъ и математикъ, желалъ ввести серьезное изученіе математики въ парижскій университетъ. Онъ нажилъ себѣ страшныхъ враговъ, нападая на Аристотеля. Принужденный явиться передъ парламентомъ, онъ защищался, оправдывая свое поведеніе и математическія науки. Тѣмъ не менѣе онъ былъ осужденъ глупыми перипатетиками, судившими его. Противъ него возстановили всѣхъ его товарищей.

Кандаль, архіепископъ бордосскій, много занимался правильными тѣлами. Онъ сдѣлалъ изданіе *геометріи Евклида*, куда ввелъ изученіе этихъ тѣлъ. Онъ основалъ каѳедру математики, которая подлежала конкурсу черезъ каждые три года. Главнымъ условіемъ для конкурентовъ поставлялось открытіе какой-либо новой теоремы, или заключенія относительно правильныхъ тѣлъ.

Французскій геометръ Віэтъ, родившійся въ 1542 и умершій въ 1603 г., былъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ прославился обобщеніемъ алгебры и сдѣлалъ нѣсколько важныхъ открытій въ этой отрасли человѣческихъ знаній. До него, рѣшали только такъ называемыя *числовыя* уравненія, то-есть такія, въ которыхъ неизвѣстное изображалось какимъ-либо знакомъ, или

буквой, другія же количества были абсолютныя числа. Въ сущности, способъ, приложимый къ одному уравненію, могъ равнымъ образомъ прилагаться ко всякому другому подобному уравненію. Но было предпочтительнѣе, во многихъ отношеніяхъ, чтобы всѣ величины безразлично изображались буквами, и чтобы всѣ частныя того же порядка уравненія являлись только простыми переводами одной и той же общей формулы. Віэтъ понялъ всѣ выгоды этой новой точки зрѣнія.

Порою удивляешься, видя въ исторіи наукъ, какое громадное вліяніе оказываетъ на развитіе человѣческихъ знаній простое видоизмѣненіе, почти незамѣчаемое дюжинными умами. Віэтъ преобразовалъ алгебру, просто тѣмъ, что ввелъ буквы для обозначенія всякаго рода величинъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ. Начиная съ этого времени, во всѣхъ алгебраическихъ дѣйствіяхчъ величина, какова бы ни была ея природа, вѣсъ, разстояніе, время, скорость и т. д., стала безразлично изображаться буквой.

Самъ Віэтъ извлекъ большую пользу изъ этого легкаго способа обозначенія. Онъ могъ видоизмѣнять различнымъ образомъ уравненія различныхъ степеней, не имѣя нужды знать предварительно корень. Онъ научился уничтожать въ нихъ второй членъ, уничтожать дробные коэффиціенты, увеличивать или уменьшать ихъ корни на данное количество, умножать и дѣлить корни на какое-либо число и т. д. Онъ придумалъ новый и остроумный способъ для рѣшенія уравненій третьей и четвертой степени. За невозможностью строгаго рѣшенія уравненій всѣхъ степеней, онъ тѣмъ не менѣе достигъ рѣшенія приблизительнаго. Его способъ основанъ на томъ принципѣ, что любое уравненіе есть только неполная степень неизвѣстнаго. Онъ пользуется почти тѣми же способами для приблизительнаго отысканія корней такихъ чиселъ, которыя не суть полныя степени. Нынѣ это достигается болѣе легкими и менѣе сложными способами, что впрочемъ не доказываетъ, что нашъ геній того же уровня, что Віэтовъ, ибо быть можетъ наши успѣхи не были бы столь велики, еслибъ онъ не жилъ тремя вѣками раньше.

Глубокій аналитикъ и неутомимый работникъ, Віэтъ приложилъ алгебру къ геометріи, и естественно пришелъ къ изобрѣ-

тенію геометрическихъ построеній. Въ математикѣ, онъ былъ предшественникомъ Декарта, Лопиталя и Ньютона. Онъ вполнѣ изучилъ геометрію древнихъ. Онъ довелъ до десятой десятичной отношеніе діаметра къ окружности. Онъ опредѣлилъ аналитическими формулами отношенія складныхъ и подмножимыхъ дугъ и построилъ, на этомъ основаніи, тригонометрическія таблицы. Въ 1579 г. онъ обнародовалъ свое *ученіе объ угловыхъ сѣченіяхъ*, то-есть законъ, по которому возрастаютъ или умаляются синусы или полухорды складныхъ дугъ, и т. д. Разсматривая формулы уравненій, полученныхъ Віэтомъ при изслѣдованіи угловыхъ сѣченій, удивляешься, какимъ образомъ онъ не замѣтилъ даже законы развитія бинома, потому что они заключаются въ нихъ, и Ньютонъ только обнаружилъ ихъ.

Віэтъ родился въ Фонтенэ, въ Пуату; онъ былъ рекетмейстеромъ въ Парижѣ. Историкъ де-Ту говоритъ, что онъ порой работалъ безъ отдыха три дня; онъ ѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ выдержалъ два весьма оживленныхъ спора: одинъ съ Скалигеромъ, весьма плохимъ геометромъ, который утверждалъ, что нашелъ квадратуру круга; другой съ Клодіемъ, по поводу преобразованнаго папой Григоріемъ XIII календаря, на который Віэтъ нападалъ, а Клодій защищалъ. Онъ превосходно зналъ греческій языкъ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ Германіи и Нидерландахъ было нѣсколько замѣчательныхъ геометровъ. Іоганнъ Вернеръ изъ Нюренберга въ совершенствѣ изучилъ геометрію древнихъ. Онъ весьма остроумно рѣшилъ задачу, предложенную Архимедомъ и состоявшую въ раздѣленіи въ данномъ отношеніи шара плоскостью. Онъ старался возстановить одинъ изъ аналитическихъ трактатовъ Аполлонія. Онъ писалъ по различнымъ частямъ математики, особенно по тригонометріи. Онъ былъ весьма замѣчательнымъ въ свое время математикомъ. Онъ родился въ 1468 и умеръ въ 1528 году.

Ретикусъ, ученикъ Коперника, вычислилъ таблицы синусовъ, тангенсовъ и секансовъ, изъ минуты въ минуту. Онъ первый изъ новѣйшихъ геометровъ употреблялъ синусы.

Андріанъ Меціусъ родился въ Нидерландахъ, въ семействѣ геометровъ; онъ особенно прославился опредѣленіемъ отношенія

окружности къ діаметру, отношеніе, которое онъ довелъ до стомилліонной части приближенія.

Въ Англіи въ это время не было извѣстныхъ геометровъ; тамъ занимались только географическими картами и мореплаваніемъ.

Физика.—Физика начала развиваться только къ концу пятнадцатаго столѣтія, когда великое движеніе обновленія проникло во всѣ отрасли общественной дѣятельности.

Джовани-Баптиста Порта, неаполитанскій дворянинъ, одинъ изъ первыхъ придалъ оптикѣ видъ настоящей науки. Ему приписываютъ изобрѣтеніе *камеры-обскуры*, хоть только Кеплеръ сдѣлалъ гораздо позже единственное точное описаніе этого прибора.

Порта, въ своей *Натуральной магіи*, говоритъ, что если въ комнатѣ, герметически закрытой со всѣхъ сторонъ, сдѣлать въ оконной ставнѣ маленькое отверстіе, то изображеніе внѣшнихъ предметовъ, образуемое проникающими въ комнату лучами, нарисуется внутри ея, или на картонѣ, или на стѣнѣ, противоположной окошку; онъ прибавляетъ, что если передъ дыркой въ ставнѣ помѣстить выпуклую чечевицу, то изображенія становятся столь явственны, что сразу можно распознать предметы, хотя они и находятся снаружи.

Это легко было повѣрить на опытѣ; отсюда оставался только шагъ до раціональнаго объясненія механизма зрѣнія. Порта сравниваетъ глубину глаза съ *камерой-обскурой*. То была счастливая и справедливая мысль; но она была, можетъ быть, нѣсколько преждевременна, а потому Порта и не могъ подумать о ея развитіи. Но, исходя изъ этой идеи, Кеплеръ въ слѣдующемъ вѣкѣ, пришелъ къ совершенному объясненію явленія зрѣнія. Это будетъ яснѣе показано нами въ біографіи Кеплера.

Странно, что Порта, будучи анатомомъ, не пришелъ къ сравненію хрусталика глаза съ стекляной чечевицей, ретины со стѣной или картономъ, на чемъ образуется изображеніе и т. д. Но въ исторіи человѣческихъ знаній часто представляются случаи, что искусные наблюдатели, умы, одаренные рѣдкой проницательностью, преслѣдуютъ счастливую идею въ ея главнѣй-

шихъ развитіяхъ и вдругъ останавливаются, именно въ томъ мѣстѣ, когда стоило сдѣлать только шагъ, чтобы придти къ капитальному открытію. Это удивляетъ насъ, потому что открытіе это намъ извѣстно и для насъ вовсе не трудно видѣть, какъ близко къ нему подходили; но совсѣмъ въ иномъ положеніи находились тѣ, которые не знали еще, возможно ли подобное открытіе.

Порта, въ своей *Натуральной магіи,* говоритъ, что при помощи вогнутыхъ стеколъ яснѣе можно видѣть удаленные предметы; что выпуклыя стекла служатъ для болѣе отчетливаго разсмотрѣнія близкихъ предметовъ; что, комбинируя достодолжнымъ образомъ вогнутыя стекла съ выпуклыми, можно яснѣе видѣть и близкіе, и отдаленные предметы; и что этимъ онъ оказалъ истинные услуги нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, которые плохо видѣли и стали въ возможности видѣть явственно. Ясно, что отсюда только шагъ до открытія микроскопа, или телескопа. Порта не сдѣлалъ этого перехода, по вышеизложеннымъ причинамъ.

Порта писалъ о магнитныхъ явленіяхъ и преломленіи свѣта. Его *Трактатъ о преломленіяхъ* состоитъ изъ девяти книгъ.

Вильямъ Джильбертъ, англійскій ученый, врачъ королевы Елисаветы англійской, умершій въ 1603 г., спеціально занимался изученіемъ магнитныхъ явленій. Онъ ввелъ въ моду это изученіе между своими учеными соотечественниками, которые въ то время занимались единственно географіей и мореплаваніемъ. Въ его трактатѣ о магнитѣ *(De Magnete)* онъ наблюдаетъ и изслѣдуетъ природу, онъ тщательно собираетъ все имъ замѣченное и такимъ образомъ повѣряетъ уже извѣстные факты, или открываетъ новые. Онъ показалъ, что сила магнита возрастаетъ отъ его середины къ концамъ, гдѣ находится предѣлъ этого возрастанія. Онъ предлагаетъ различные способы для опредѣленія полюсовъ магнита и говоритъ о вліяніи желѣзной оковки на магнитическую напряженность. Онъ показываетъ, что каждая частичка, отдѣленная отъ магнита, имѣетъ также, какъ и цѣлый магнитъ, часть котораго она составляетъ, свои два полюса; что одноименные полюсы отталкиваются, а разноименные притягиваются, и что

южный полюсъ, предоставленный самому себѣ, направляется къ сѣверу земнаго шара [1]).

Джильбертъ сравниваетъ земной шаръ съ огромнымъ сферическимъ магнитомъ. Эта идея,—что бы ни говорилъ Монтукла—была остроумна и богата послѣдствіями. Она была не безполезна для Кулона (Coulomb), одного изъ искуснѣйшихъ физиковъ новѣйшаго времени, который составилъ теорію уподобленія земнаго шара съ огромнымъ магнитомъ, имѣющимъ два противоположные полюса.

Джильбертъ отличалъ отъ магнитизма электричество, о которомъ имѣлъ весьма неполное понятіе, но ученіе о которомъ онъ вывелъ изъ вѣковыхъ пеленокъ. Онъ установилъ фактъ электрическаго притяженія, проявляющагося въ нѣкоторыхъ тѣлахъ послѣ тренія, и обобщилъ это явленіе, которое наблюдали только надъ янтаремъ и еще двумя или тремя веществами.

„Сдѣлайте, говоритъ Вильямъ Джильбертъ, иголку изъ любаго метала, длиною отъ двухъ до трехъ футовъ, легкую и весьма подвижную на стержнѣ, на подобіе магнитныхъ стрѣлокъ; приблизьте къ одному изъ концовъ этой стрѣлки слегка натертые, блестящіе и полированные, янтарь, или дорогой камень, и стрѣлка тотчасъ же повернется.“

Изготавливая маленькія стрѣлки изъ различныхъ веществъ и устанавливая ихъ на стерженькахъ, подобно компасной стрѣлкѣ, Джильбертъ узналъ, что свойство притягивать легкія тѣла, послѣ предварительнаго натиранія, принадлежитъ не одному янтарю и гагату, но большинству дорогихъ каменьевъ, какъ-то: алмазу, сапфиру, рубину, опалу, аметисту, аква-марину, горному хрусталю и т. д. Онъ нашелъ его также въ стеклѣ, сѣрѣ, мастикѣ, сургучѣ, резинкѣ, мышьякѣ, каменной соли, талькѣ, квасцахъ и т. п. Всѣ эти тѣла, хотя и не въ одинаковой степени, по его мнѣнію; могутъ притягивать не только кусочки соломы, но всѣ легкія тѣла, какъ-то: дерево, листья, металическія опилки и листы, камни, земли и даже жидкости, напр. воду и масло.

Христофоръ Колумбъ первый открылъ на земномъ шарѣ *магнитическую линію безъ склоненія*. Когда знаменитый мореплава-

[1]) De magnete, lib. I.

тель замѣтилъ постепенное увеличеніе склоненія къ западу, по мѣрѣ удаленія отъ экватора, изученіе магнитизма получило толчокъ. Болѣе, это открытіе составило эпоху въ исторіи навигаціонной астрономіи. Колумбъ весьма остроумно замѣтилъ, что магнитное склоненіе можетъ служить для опредѣленія положенія корабля относительно долготы; и въ журналѣ втораго путешествія (апрѣль 1493) мы видимъ, что онъ дѣйствительно опознался на основаніи склоненія магнитной стрѣлки.

Мавролико (родился въ Мессинѣ въ 1494), о которомъ мы уже упоминали выше, значительно подвинулъ физику. Онъ излагаетъ общую оптическую теорію въ двухъ сочиненіяхъ, носящихъ заглавія: одно *Theoremata de lumine et umbra*, напечатанное въ Венеціи въ 1575, и другое *Cosmographia*, напечатанное тамъ же въ 1543 г. Въ этихъ сочиненіяхъ находятся любопытныя изслѣдованія относительно сравненія и измѣренія дѣйствій свѣта, различной степени яркости, получаемой темнымъ тѣломъ отъ тѣла свѣтящаго, смотря по тому, болѣе или менѣе оно удалено отъ него, и т. д.

Мавролико не всегда приходитъ къ вѣрнымъ заключеніямъ, но порой, даже ошибаясь, онъ указываетъ путь, которому нужно слѣдовать, чтобъ добиться истины. Онъ весьма хорошо объясняетъ одинъ изъ фактовъ, доказывающихъ несомнѣннымъ образомъ расхожденіе свѣтовыхъ лучей. Какова бы ни была, говоритъ онъ, форма отверстія, черезъ которое солнце проникаетъ въ темную комнату, если перенять этотъ лучъ на бѣлый картонъ, перпендикулярный къ его направленію,—изображеніе, производимое на картонѣ перенятымъ лучемъ, на очень маломъ разстояніи отъ ставни, той же формы, какъ и отверстіе: оно треугольно, четырехугольно, пятиугольно и т. д., если отверстіе треугольно, четырехугольно и т. д. Но по мѣрѣ удаленія отъ ставни картона, углы изображенія округляются постепенно, пока наконецъ изображеніе на достаточномъ разстояніи отъ отверстія не станоетъ почти круглымъ. Тогда, часть луча, находящаяся между ставней и картономъ, имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, котораго малое основаніе есть отверстіе въ ставнѣ, а большое—круглое изображеніе на картонѣ. Отъ этого наблюденія недалеко до слѣдующаго физиче-

скаго закона: *Свѣтъ, проходя чрезъ однородную среду, распространяется по прямой линіи и расходящимися лучами, и его напряженіе уменьшается въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстояній.*

Тотъ же физикъ сдѣлалъ нѣсколько наблюденій, правда, не очень глубокихъ, но весьма справедливыхъ о появленіи и образованіи радуги.

Древніе знали лилейную и даже воздушную перспективу. Эта отрасль физики въ шестнадцатомъ вѣкѣ получила научный видъ. Между многими сочиненіями, появившимися объ этомъ предметѣ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ считается сочиненіе Гвидо Убальди, напечатанное въ 1600 г.

Антоніо де-Доминисъ, архіепископъ Спалатрійскій (родился 1565, умеръ 1625 г.) ближе къ истинѣ чѣмъ другіе физики шестнадцатаго вѣка объяснялъ явленіе радуги. Всѣмъ извѣстно, что явленіе это происходитъ, когда дождь падаетъ съ одной стороны, а солнечные лучи съ другой. До Антоніо де-Доминисъ, капли дождя сравнивали съ небольшими стеклянными шариками, и предполагали, что достаточно простаго отраженія солнечныхъ лучей этими шариками по направленію къ наблюдателю, чтобы онъ увидѣлъ радугу. Антоніо де-Доминисъ чувствовалъ, что концентрическія и различнымъ образомъ окрашенныя дуги, являющіяся на темномъ или пасмурномъ фонѣ облака, нельзя объяснить однимъ отраженіемъ свѣта, такъ какъ цвѣта бѣлаго свѣта могутъ быть раздѣлены только преломленіемъ. Ему удалось довольно точно объяснить причину верхней части радуги, при помощи одновременнаго отраженія и преломленія свѣта. Онъ не столь удачно объяснилъ нижнюю часть радуги; но если онъ въ этомъ случаѣ не вполнѣ разъяснилъ предметъ, то по крайней мѣрѣ уяснилъ часть явленія.

Антоніо де-Доминисъ обладалъ способностями къ наукамъ; это доказывается его трактатомъ de Radiis visus et luciis. Къ сожалѣнію, онъ имѣлъ неблагоразуміе проповѣдовать публично въ высшей степени смѣлыя богословскія мнѣнія и навлекъ на себя этимъ такія преслѣдованья, что для избавленія себя отъ угрожавшей опасности, принужденъ былъ искать убѣжища въ Англіи.

Онъ не вполнѣ раздѣлялъ принципы реформатской церкви, но

чтобы угодить и быть полезнымъ королю англійскому Якову I, сталъ писать противъ притязанія папъ. Къ сожалѣнію, онъ придалъ мыслямъ своимъ такое направленіе, что его нельзя было причислить ни къ протестантамъ, ни къ католикамъ, и ему пришлось равнымъ образомъ сѣтовать и на тѣхъ, и на другихъ. Тогда онъ рѣшился оставить Англію и возвратиться въ Италію.

Папа Григорій XV, уважавшій его таланты, обѣщалъ ему полную безопасность и даже хорошее положеніе, если онъ захочетъ поселиться въ Италіи, публично отказавшись отъ тѣхъ своихъ мнѣній, которыя были непріятны римскому двору.

Антоніо де-Доминисъ отказался отъ нихъ въ одной изъ лондонскихъ церквей и затѣмъ отправился въ Римъ, гдѣ въ полномъ спокойствіи прожилъ два года. Но враги его зорко за нимъ наблюдали и искали только, случая чтобъ погубить его. Онъ самъ доставилъ имъ такой случай, въ силу духа противорѣчія, который, къ несчастію, вошелъ у него въ привычку. Папа Урбанъ VIII приказалъ арестовать его и заключить въ темницу въ замкѣ св. Ангела. Полагаютъ, что черезъ нѣсколько дней онъ былъ отравленъ въ тюрьмѣ. Извѣстно только, что инквизиція повелѣла сжечь его тѣло. Онъ былъ уже погребенъ, а потому тѣло было вырыто для сожженія; въ костеръ были брошены и всѣ его книги.

Химія.—Всѣмъ извѣстно, что новѣйшая химія вышла изъ алхиміи; что наша химія основалась при помощи многочисленныхъ фактовъ, собранныхъ людьми, занимавшихся отысканіемъ философкаго камня и превращеніемъ металовъ. Но начало химіи весьма позднее; оно совершилось въ концѣ восемнадцатаго вѣка, а до тѣхъ поръ въ исторіи только отрывочно можно указать на нѣсколько серьезныхъ работъ, принадлежащихъ собственно къ химіи. Алхимія, которой страстно предавались въ средніе вѣка, продолжала и въ шестнадцатомъ вѣкѣ безплодно привлекать вниманіе. Люди весьма талантливые, какъ напр. Робертъ Флудрдъ и Василій Валентинъ [1]) трудились надъ обманчивой химерой алхи-

[1]) Мы полагаемъ вмѣстѣ съ г. Геферомъ, что авторъ сочиненій, надписанныхъ именемъ Василія Валентина, жилъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Намъ кажется невозможнымъ, чтобы трактатъ, прославившій имя Василія Валентина, *Currus triumphalis antimonii*, могъ относиться, какъ обыкновенно утверждаютъ, къ 1413 году.

мической задачи. Поэтому, истинная химія не сдѣлала замѣтныхъ успѣховъ во время возрожденія, по крайней мѣрѣ съ научной точки зрѣнія. Только въ слѣдующемъ вѣкѣ положено было ей начало Фанъ-Гельмонтомъ.

Но если научная химія не сдѣлала ни шагу въ шестнадцатомъ вѣкѣ, то приложенія химіи развивались успѣшно. Странный и повидимому противорѣчивый фактъ! Химіи еще не существовало; мѣсто ея занимала алхимія съ своими мечтами и глупостями, а между тѣмъ во время возрожденія сдѣланы важнѣйшія приложенія химіи. Дѣло въ томъ, что алхимики наблюдали и записывали различные факты, различные практическія свѣдѣнія, и явились люди, которые съумѣли сдѣлать полезныя приложенія этихъ фактовъ. Объяснимся.

Во время возрожденія явились три важнѣйшія отрасли прикладной химіи: *металургія*, или приложеніе химіи къ познанію и обработкѣ минераловъ; *химіатрія*, или приложенія къ медицинѣ новыхъ веществъ, добытыхъ алхимиками, напр. сурьмы, ртутныхъ соединеній и т. д., и *химія техническая*, или приложеніе химіи къ земледѣлію и промышлености.

Металургія была основана Георгомъ Агриколой, какъ относительно теоретическихъ основъ, такъ и практическихъ правилъ. Такъ трактаты о *Rebus metallicis* и *de Natura fossilium* стали настольной книгой тогдашнихъ минералоговъ. До Агриколы искусство разработки рудъ была дѣломъ самаго грубаго эмпиризма; послѣ него, она стала настоящей наукой съ своими аксіомами и законами.

Химіатрія была основана Парацельсомъ. Его труды будутъ изложены нами въ отдѣльной біографіи.

Какъ у всѣхъ основателей системъ, у Парацельса были жаркіе приверженцы. Таковы были: Освальдъ Кролль, нѣмецкій ученый, съ жаромъ занимавшійся медициной и химіей въ университетахъ марбургскомъ, страсбургскомъ и гейдельбергскомъ; онъ занимался въ особенности приготовленіемъ лекарствъ, заимствованныхъ изъ химіи; и Петръ Северинъ, датскій химикъ, имѣвшій слѣпую вѣру въ медицинскія достоинства сурьмянистыхъ соединеній.

Андрей Либавій былъ знаменитѣйшимъ изъ учениковъ Пара-

цельса, въ сферѣ приложенія химіи къ лечебному искусству. Этотъ саксонскій врачъ, имя котораго извѣстно по одному открытому имъ соединенію, именно *дымящейся жидкости Либавія* (двухлористое олово), много занимался металами и ихъ соединеніями. Либавій былъ открытымъ врагомъ алхимиковъ; онъ написалъ превосходное сочиненіе о *пробирномъ искусствѣ*, въ которомъ многое прибавилъ къ сочиненію Агриколы.

Квертанусъ, или вѣрнѣе Іосифъ Дюшень, родившійся въ Арманьякѣ въ Гасконіи и бывшій врачомъ при дворѣ Генриха IV, изобрѣлъ множество химическихъ лекарствъ, усовершенствовалъ *лауданъ* (настой опія въ спиртѣ и благовонныхъ веществахъ) и добылъ клейковину изъ хлѣбныхъ растеній.

Техническая химія, какъ мы уже сказали, есть приложеніе химіи къ промышлености, земледѣлію и естественной исторіи. Знаменитый Бернаръ Палисси создалъ эту отрасль прикладныхъ наукъ, показавъ собственнымъ примѣромъ и сочиненіями пользу приложенія научныхъ фактовъ къ усовершенствованію гончарнаго и стекольнаго дѣла, къ успѣхамъ земледѣлія и гидравлики. Въ біографіи Бернара Палисси мы скажемъ объ этомъ подробнѣе.

Множество талантливыхъ изыскателей, прибѣгавшихъ часто къ химическимъ манипуляціямъ при добываніи различныхъ фабрикатовъ, различными способами, каждый въ своемъ дѣлѣ, болѣе или менѣе способствовали успѣхамъ технической химіи. Такъ напр. Куантъ, при Францискѣ I, ввелъ употребленіе *крѣпкой водки* на парижскомъ монетномъ дворѣ; саксонскій стекольщикъ Христофоръ Шитцеръ открылъ *кобальтову синь*; Жиль Гобеленъ первый возъимѣлъ мысль употреблять *кошениль* и вначалѣ красилъ ею въ *багровый* цвѣтъ шерстяныя ткани; *индиго* было распространилось во Франціи, Англіи, Италіи, Германіи; при помощи перегонки, весьма усовершенствованной въ шестнадцатомъ вѣкѣ, получили множество эссенцій и новыхъ продуктовъ и т. д. Тогда истинная химія начала отдѣляться отъ глупыхъ гипотезъ, а равно и отъ алхимическаго шарлатанизма, смѣшнаго и порой даже уголовнаго.

Джовани-Баптиста Порта, бывшій одновременно медикомъ, физикомъ, химикомъ, естествоиспытателемъ, математикомъ и т. п.

сочиненіе котораго *Magia naturalis*, упомянутое уже нами, было переведено почти на всѣ европейскіе языки, въ главѣ о *Geminis adulterandis* говоритъ, что онъ уже положилъ основы фабрикаціи цвѣтныхъ стеколъ и финифтей, когда Бернаръ Палисси только дѣлалъ опыты въ этомъ родѣ. Древніе умѣли дѣлать морскую воду годною для питья. Д. Б. Порта совѣтовалъ для очищенія морской воды устроить перегонный приборъ.

Естественныя науки.—Четыре естествоиспытателя способствовали въ шестнадцатомъ вѣкѣ развитію естественныхъ наукъ. То были Конрадъ Геснеръ, Петръ Белонъ, Ронделе и Сальвіани.

Конрадъ Геснеръ составляетъ переходъ отъ средневѣковыхъ ученыхъ къ ученымъ Возрожденія; съ первыми у него та общая черта, что онъ обладалъ обширными энциклопедическими знаніями. Онъ написалъ обширную *Естественную исторію.*

Первыя четыре книги *Естественной исторіи* появились въ продолженіе семи лѣтъ, отъ 1551 до 1558. Пятая и послѣдняя появились послѣ его смерти въ 1587 году.

Первая книга содержитъ въ себѣ *живородящихъ четвероногихъ*, вторая *четвероногихъ яйцеродящихъ*; третья *птицъ*; четвертая *рыбъ* и другихъ водныхъ животныхъ. Пятая, обнародованная франкфуртскимъ врачемъ, Яковомъ Коррономъ, описываетъ *змѣй;* она рѣже прочихъ. Каспаръ Вольфъ прибавилъ къ ней въ 1587 исторію скорпіона, посмертное сочиненіе Геснера. Планъ сочиненія требовалъ еще шестую часть *о насѣкомыхъ*, но сомнительно, чтобы Геснеръ началъ даже редижировать ее.

Животныя у Геснера расположены по алфавитному порядку ихъ латинскихъ названій. Описаніе каждаго животнаго раздѣлено на восемь главъ, содержащихъ имена животнаго на древнихъ и новыхъ языкахъ; его анатомическое описаніе, а также его наружное обличье, разновидности и мѣсто, гдѣ оно водится; продолжительность его жизни, его роста, время беременности, величина приплода, болѣзни, которымъ животное подвержено, и способъ ихъ леченія; его нравы и привычки; полезность въ домашнемъ хозяйствѣ; употребляется ли оно въ пищу, доставляетъ ли какія либо лекарства, яды и противуядія, имѣющія отношеніе къ нимъ; наконецъ, образы, заимствованные отъ даннаго животнаго

въ поэзіи, краснорѣчіи и геральдическомъ искусствѣ; эпитеты, какіе ему присвоены, пословицы, въ которыхъ оно упоминается, анекдоты и т. д.

Пояснительное заглавіе *Исторіи животныхъ* слѣдующее: *Opus philosophis, medicis, grammaticis, philologis, poetis et omnibus rerum linguarumque variarum studiosis, utilissimum, simul incaudissimumque futurum.*

Гравюры, приложенныя къ сочиненію Геснера. сдѣланныя съ оригинальныхъ рисунковъ, весьма точны; тѣ, которыя онъ заимствовалъ, не могутъ сравниться съ оригинальными. Кювье говоритъ, что *Historia animalium* Геснера можно разсматривать, какъ первое основаніе новѣйшей зоологіи.

Послѣ изданія *Исторіи животныхъ*, Геснеръ сдѣлалъ изъ нея нѣсколько сокращеній и издалъ подъ заглавіемъ *Icones animalium*, *Icones avium* и т. д., состоящіе изъ собраній изображеній животныхъ. Здѣсь онъ оставляетъ алфавитный порядокъ и старается распредѣлять животныхъ по родамъ и видамъ. Всякое изображеніе сопровождается коротенькимъ описаніемъ.

Въ этихъ сочиненіяхъ, Геснеръ въ первый разъ употребляетъ слово *родъ (genus)*. Онъ первый началъ сравнивать общій видъ и частности въ устройствѣ животныхъ и группировать около одного общаго типа, *рода*, ближайшіе виды. Онъ даже соединяетъ нѣсколько родовъ въ одну естественную группу, что составляло первый шагъ къ утвержденію *естественныхъ семействъ*. Если Геснеръ только самымъ туманнымъ образомъ предчувствовалъ естественную классификацію, то тѣмъ не менѣе онъ вообще весьма правильно указываетъ на различныя отношенія животныхъ и на общіе признаки, по которымъ особи могутъ быть сгруппированы вмѣстѣ.

Ронделэ, авторъ *Исторіи рыбъ*, другъ и товарищъ знаменитаго Раблэ, профессоръ медицины въ Монпеллье и канцлеръ этого университета, можетъ считаться однимъ изъ основателей зоологіи. Ботаника также обязана большими и серьезными успѣхами этому естествоиспытателю.

Полное заглавіе сочиненія о *рыбахъ* слѣдующее: *De Piscibus marinis libri XVIII, in quibus verae piscium effigies expressae*

sunt; оно было напечатано въ Ліонѣ въ 1555 году; французскій переводъ вышелъ тамъ жъ, три года спустя.

Къ *Исторіи рыбъ* приложены гравюры на деревѣ. Первыя четырнадцать книгъ, посвященныя общимъ замѣчаніямъ, почти цѣликомъ взяты изъ Аристотеля и Ѳеофраста. Но остальное—плодъ наблюденій самого автора. Въ изложеніи фактовъ нѣтъ никакого систематическаго порядка. Авторъ ограничивается раздѣленіемъ рыбъ на морскихъ и прѣсноводныхъ, и такъ какъ въ то время не было ни какой классификаціи, то при изученіи онъ говоритъ о самыхъ несходныхъ животныхъ. Всѣ животныя, живущія въ водѣ, описаны у него: выдра и бобръ, равно какъ мягкотѣлыя и водныя насѣкомыя.

Но не смотря на этотъ недостатокъ, книга *de Piscibus*—драгоцѣнное сочиненіе не только въ исторіи наукъ, но и для самой науки. Кювье сдѣлалъ слѣдующую оцѣнку этого сочиненія:

„Три первые, послѣ возрожденія наукъ, писателя по ихтіологіи, говоритъ онъ, были современниками и почти одновременно издали свои сочиненія: Белонъ въ 1553; Сальвіани и Ронделэ въ 1554; но Ронделэ гораздо выше другихъ, какъ по числу извѣстныхъ ему рыбъ, такъ и по точности изображеній. Въ первой части сочиненія говорится о морскихъ животныхъ, и предметъ первыхъ четырехъ книгъ составляютъ общія замѣчанія; слѣдующія, до пятнадцатой, содержатъ описанія морскихъ рыбъ, распредѣленныхъ единственно по внѣшнимъ признакамъ; шестнадцатая—китообразныхъ, къ которымъ Ронделэ причисляетъ черепахъ и тюленей; семнадцатая—моллюсковъ; осьмнадцатая — ракообразныхъ. Вторая часть содержитъ раковины, въ двухъ частяхъ, и насѣкомыхъ зоофитовъ въ одной. Затѣмъ слѣдуютъ четыре книги о рыбахъ озеръ, прудовъ, рѣкъ и болотъ. Въ этомъ томѣ находятся изображенія ста девяноста семи морскихъ рыбъ, ста сорока семи прѣсноводныхъ и значительнаго количества раковинъ, моллюсковъ и червей, а также нѣкоторыхъ пресмыкающихся и китообразныхъ. Артистъ, работавшій для Ронделэ, былъ весьма искусный рисовальщикъ, изображавшій съ замѣчательной для того времени вѣрностью, ибо по рисункамъ, хотя довольно грубо вырѣзаннымъ на деревѣ, и теперь можно узнать животныхъ; только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разыгралось воображеніе. Путешествія, которыя Ронделэ предпринималъ для собранія рыбъ разныхъ морей, его пребываніе въ Римѣ, въ соединеніи съ долгимъ житьемъ въ Монпелье, дали ему возможность особенно точно изучить рыбъ Средиземнаго моря, такъ что довольно большое число этихъ рыбъ не могли быть иначе описаны послѣдующими натуралистами, какъ съ его словъ и были снова отысканы только въ послѣднее время людьми, спеціально посвятившими себя этимъ изысканіямъ, какъ гг. Риссо и Савиньи. Но всякій разъ, какъ ихъ находили, убѣждались въ точности описанія Ронделэ. И такъ, можно положительно сказать, что въ этомъ сочиненіи, относительно рыбъ Средиземнаго моря, заключается почти все, что сказано о нихъ Геснеромъ, Альдрованде, Уил-

лаби, Артеди и Линеемъ; что касается до Блоха, то онъ мало говоритъ о рыбахъ этого моря. Даже Де-Ласипедъ былъ принужденъ относительно нѣкоторыхъ видовъ обращаться къ Ронделэ. Текстъ далеко ниже рисунковъ; вмѣсто положительныхъ описаній и подробностей о нравахъ и инстинктахъ рыбъ, сдѣланныхъ съ натуры, авторъ занимается розысканіями относительно именъ, какими ихъ называли древніе, и качествъ, какія имъ они приписывали; и такъ какъ почти невозможно опредѣлить какимъ видамъ принадлежатъ названія, сохранившіяся въ сочиненіяхъ древнихъ, то вся эта усиленная эрудиція лишена основанія. Замѣчанія объ анатоміи, сдѣланныя на основаніи наблюденій автора, были бы гораздо полезнѣе его критическихъ изысканій, но онъ скупъ на нихъ [1])."

Петръ Белонъ представляетъ особый типъ естествоиспытателя-путешественника. Онъ объѣхалъ всѣ страны Европы, чтобы собрать новыя наблюденія относительно животныхъ и растеній, и въ превосходныхъ сочиненіяхъ изложилъ плодъ своихъ ученыхъ экскурсій.

Петръ Белонъ родился въ 1517 г. въ небольшой деревушкѣ близъ Милана; его родители были бѣдны, но съумѣли дать ему солидное воспитаніе. Покровительство многихъ высокихъ особъ дозволило ему всю жизнь посвятить путешествіямъ съ ученою цѣлью. Одинъ изъ современныхъ писателей, г. Капъ, составившій весьма интересные біографическіе этюды ученыхъ, написалъ весьма интересную статью о Петрѣ Белонѣ, изъ которой мы приведемъ нѣсколько мѣстъ.

„Петръ Белонъ, говоритъ г. Капъ, былъ представленъ Ренату Дюбелэ, епископу майнцскому, который рекомендовалъ его Франциску де-Турнону, тогдашнему архіепископу буржскому, а послѣ кардиналу, просвѣщенному покровителю наукъ и литературы. Въ 1540 г., этотъ прелатъ доставилъ Белону средства сдѣлать путешествіе въ Германію. Это доставило Белону случай заняться ботаникой. Въ это время знаменитый профессоръ преподавалъ эту науку въ Виртенбергѣ и привлекалъ туда множество студентовъ. То былъ Валерій Кордъ, сынъ Генриха Корда, также профессора въ Эрфуртѣ, переведшій латинскими стихами двѣ поэмы Никандра и основавшаго первый изъ существовавшихъ ботаническій садъ въ Германіи. Белонъ подружился съ Валеріемъ, котораго, по его словамъ, онъ сопровождалъ въ его изслѣдованіяхъ растеній и животныхъ въ Богеміи, Саксоніи и другихъ германскихъ странахъ. По возвращеніи изъ этого путешествія, проѣздомъ черезъ Лоррень, Белонъ, около Тіонвилля, попался въ руки испанскому отряду и былъ взятъ въ плѣнъ. Нашему юному естествоиспытателю нечѣмъ было выкупиться, но одинъ дворянинъ

[1]) *Biographie*, de Michaud, p. 425.

по имени Дегаммъ, узнавъ, что онъ землякъ поэта Ронсара, котораго онъ весьма уважалъ, великодушно внесъ за него выкупъ и возвратилъ ему свободу.

„Въ 1546 г., Белонъ, подъ покровительствомъ того же лица, предпринялъ болѣе продолжительное путешествіе. Сначала онъ отправился на островъ Критъ, принадлежавшій тогда венеціанцамъ, и оттуда въ Константинополь, гдѣ онъ при посредствѣ французскаго посольства получилъ необходимыя бумаги для путешествія по странамъ, находящимся подъ оттоманскимъ владычествомъ. Онъ посѣтилъ греческіе острова, Косъ, Лемносъ, гдѣ приготавливали глину, Аѳонскую гору, Македонію и воротился въ Константинополь черезъ Румынію. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ этой столицѣ, онъ отправился въ египетскую Александрію. Прибывъ въ Каиръ, онъ встрѣтилъ тамъ французскаго посланника въ Турціи съ нѣсколькими дворянами, собиравшимися отправиться на поклоненіе въ Святую землю. Онъ присоединился къ нимъ. Онъ посѣтилъ Синайскую гору, Палестину, Сирію, Анатолію и еще разъ вернулся въ Константинополь, съ большимъ запасомъ наблюденій и собранныхъ имъ научныхъ матеріаловъ.

„Приведя въ порядокъ все собранное имъ, онъ готовился вернуться во Францію, но ему еще оставалось посѣтить Италію. Онъ переѣхалъ въ Венецію, затѣмъ отправился въ Римъ, гдѣ долженъ былъ увидѣть кардивала де-Турнона, въ то время французскаго посланника при папскомъ дворѣ. Тамъ онъ познакомился съ Ронделэ, знаменитымъ ихтіологомъ, врачемъ кардинала, а также съ папскимъ медикомъ Сальвіани, не менѣе знаменитымъ натуралистомъ. Наконецъ, въ концѣ 1549 года, онъ вернулся во Францію послѣ четырехлѣтняго отсутствія.

„Въ слѣдующемъ году, Белонъ отправился въ Англію, гдѣ встрѣтилъ Даніила Барбаро, благороднаго венеціанца, патріарха аквилейскаго и венеціанскаго посланника, великаго любителя естественной исторіи, который отдалъ ему множество ихтіологическихъ гравюръ, сдѣланныхъ на его счетъ. По возвращеніи, онъ получилъ степень доктора медицины и началъ заниматься изданіемъ своихъ сочиненій. Его меценатъ также поселился въ Парижѣ, и Белонъ сталъ жить у него въ аббатствѣ *Saint-Germain-des-Près*".

Съ этого времени, онъ почти не покидалъ кардинала и былъ членомъ его миссіи вмѣстѣ со многими другими учеными литераторами и духовными лицами.

Въ 1557 г. Петръ Белонъ совершилъ послѣднее путешествіе въ Италію. На возвратномъ пути, онъ посѣтилъ Савойю, Дофинэ, Овернь и вернулся въ Парижъ продолжать изданіе своихъ сочиненій. Онъ работалъ надъ переводомъ Діоскорида и Ѳеофраста, какъ разъ вечеромъ, въ апрѣлѣ въ 1554 г. былъ убитъ разбойниками, возвращаясь съ ботанической экскурсіи въ Булонскомъ лѣсу.

„Белонъ, говоритъ г. Капъ, въ продолженіе семи лѣтъ напечаталъ много сочиненій по всѣмъ отраслямъ естественной исторіи. Первое явилось въ 1551 году подъ

заглавіемъ: *Естественная исторія странныхъ морскихъ рыбъ съ истиннымъ изображеніемъ и описаніемъ дельфина и многихъ животныхъ его рода.*

„Въ 1555 г. Белонъ напечаталъ два сочиненія по ихтіологіи. Въ томъ же году издалъ *Естественную исторію птицъ съ ихъ описаніемъ и вѣрными портретами, сдѣланными съ природы*, и два года позже другое сочиненіе по тому же предмету съ различными подробностями, собранными во время путешествій по Востоку. Это первые *ex professo* сочиненія по орнитологіи. Въ нихъ, кромѣ того, заключаются первыя зачатки сравнительной анатоміи, ибо авторъ весьма искусно сближаетъ организацію птицъ съ человѣческой и показываетъ, что можно вывести изъ такого сближенія.

„Въ 1555 г. Белонъ напечаталъ сочиненіе по ботаникѣ подъ заглавіемъ: *De Arboribus coniferis, reseniferis etc.*, съ довольно изрядными изображеніями. Къ тому же году можно отнести его книгу: *Указанія на недостатки въ воздѣлываніи растеній* и т. д., которая болѣе относится къ агрономіи и акклиматизаціи чужеземныхъ растеній, чѣмъ къ ботаникѣ. Тамъ Белонъ первый высказалъ мысль объ учрежденіи обширнаго питомника для экзотическихъ растеній, откуда доставлялись бы деревья и кусты во всѣ королевскія резиденціи. Въ томъ же сочиненіи онъ приглашаетъ парижскія медицинскія коллегіи, какъ ради ихъ собственнаго услажденія, такъ и для увеличенія знаній ученыхъ, учредить общественный садъ, гдѣ бы по примѣру Италіи и Германіи, взращивали и воздѣлывали различные роды растеній; мысль эта была нѣсколько лѣтъ спустя осуществлена Рише де Белльваломъ, строителемъ ботаническаго сада въ Монпелье, который былъ основанъ раньше парижскаго.

„Но самое замѣчательное сочиненіе нашего натуралиста есть слѣдующее: *Замѣчанія о различныхъ достопримѣчательныхъ вещахъ, найденныхъ въ Греціи, Азіи, Іудеѣ, Египтѣ, Аравіи и другихъ чужихъ странахъ.* Этимъ сочиненіемъ болѣе чѣмъ другими прославился Белонъ. Это довольно обширный сборникъ, въ которомъ матеріалы размѣщены почти безъ всякаго порядка, но чтеніе котораго и занимательно и наставительно. Въ этомъ сочиненіи соединены и перемѣшаны, почти какъ въ путевомъ журналѣ, различныя свѣдѣнія: географія этихъ странъ, въ то время мало извѣстныхъ, обычаи жителей, исторія и нравы животныхъ, законы, религія и драгоцѣнныя подробности о восточной фармакологіи.

Почти всѣ естествоиспытатели, въ теченіе трехъ вѣковъ, много почерпали изъ этого драгоцѣннаго сборника [1].

По геологіи, наукѣ совершенно новой, во время Возрожденія только собирались первые матеріалы. Было открыто множество ископаемыхъ, но вопросъ о ихъ происхожденіи былъ весьма теменъ, и не было положено основъ научной геологіи. Только въ слѣдующемъ вѣкѣ, геологія стала складываться въ науку.

При постройкѣ цитадели Санто-Феличе въ Веронѣ, около 1517 г.,

---

[1]) *Etudes biographiques pour servir à l'histoire des sciences.* Paris, 1857. In. 18. p. 71—79.

открыли множество ископаемыхъ раковинъ, что дало поводъ къ весьма оживленнымъ спорамъ между учеными. Фракасторъ поддерживалъ, что это остатки отъ настоящихъ животныхъ, которыя въ весьма отдаленныя времена жили въ этомъ самомъ мѣстѣ. Когда море отступило, то послѣднія животныя остались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили. Это мнѣніе поддерживалъ Карданъ.

Маттіоле обратилъ вниманіе ученаго міра на ископаемыя рыбы горы Болька, близъ Виченціи. Но анатомъ Фаллопій разсматривалъ ихъ, какъ простую окаменѣлость слоновыхъ бивней, которые были уже найдены въ Апуліи.

При папѣ Сикстѣ V образовалось цѣлое собраніе окаменѣлостей, найденныхъ въ Тосканѣ, Веронской провинціи, Умбріи, въ окрестностяхъ Рима и т. д. Полвѣка спустя Меркати описалъ ихъ и изобразилъ въ *Matallotheca Vaticana*, не высказавъ по этому предмету никакой общей мысли.

Андрей Чезальпинъ, изъ Ареццо, профессоръ пизанскаго университета, родившійся въ 1519, утверждалъ въ своемъ сочиненіи *de Metallicis*, что раковины, вросшія въ нѣкоторые камни, произошли отъ того, что море, нѣкогда покрывавшее землю, отступая, оставило слѣды своего пути. То было прекрасное объясненіе происхожденія окаменѣлостей.

Но человѣкъ, одаренный рѣдкимъ талантомъ, провидѣлъ ясно происхожденіе остатковъ ископаемыхъ существъ. Вотъ что говорилъ Леонардъ-де-Винчи, въ одной изъ оставшихся его рукописей:

„Море измѣняетъ равновѣсіе земли; раковины, находимыя кучами въ различныхъ слояхъ, необходимо жили въ томъ самомъ мѣстѣ, занятомъ моремъ. Большія рѣки уносили обломки въ Океанъ. Мели, образованныя этими осадками, были покрыты новыми слоями ила различной толщины, и то, что было дномъ морскимъ, стало вершиною горъ.“

Для времени, когда жилъ Леонардъ де Винчи, то была весьма смѣлая идея.

Леонардъ де Винчи (род. 1452, ум. 1519) былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ умовъ, какіе когда либо существовали. Его знаютъ обыкновенно, какъ великаго художника, но онъ не менѣе замѣчателенъ, какъ литераторъ и ученый. Отъ его рукописей остались только отрывки. Г. Либри собралъ и разсмотрѣлъ эти отрывки, и такимъ образомъ составилъ довольно пол-

ное понятіе о научныхъ трудахъ Леонарда де Винчи [1]). Онъ доказалъ, что этому великому человѣку не была чужда ни одна изъ отраслей человѣческаго званія,—что онъ былъ литераторомъ, геометромъ, химикомъ, минералогомъ, геологомъ, анатомомъ, математикомъ и т. п. За вѣкъ до Галилея, онъ потрясъ иго схоластическаго авторитета, и внесъ критику во всѣ части науки; онъ былъ во многихъ отношеніяхъ продолжателемъ Рожера Бакона.

Анатомія.—Анатомія—необычайно важное пособіе для медицины; но въ среднія вѣка ее можно было изучать только по Галену, у котораго она весьма несовершенна. Арабы, весьма прилежно занимавшіеся медициной, ни мало не подвинули анатоміи потому, что для исправленія ошибокъ Галена слѣдовало разсѣкать трупы, что строго запрещалось Магометовой религіей. Галенъ, знаменитый пергамскій врачъ, вслѣдствіе религіозныхъ предразсудковъ своего времени, могъ вскрывать и разсѣкать только животныхъ, преимущественно обезьянъ, организація которыхъ только похожа на человѣческую.

Императоръ германскій, Фридрихъ II, прозванный Барбароссой, первый, въ интересахъ науки, дозволилъ и даже приказалъ трупоразсѣченія. Онъ предписалъ многимъ школамъ своихъ государствъ, именно салернской, дѣлать ежегодно разсѣченіе одного трупа.

Но другіе государи, до половины пятнадцатаго вѣка, весьма неохотно давали такія привилегіи знаменитѣйшимъ университетамъ. Далѣе, для полученія позволенія вскрывать трупы, требовалось соизволеніе папы. Около конца пятнадцатаго вѣка, въ 1482 г., тюбингенскій университетъ не иначе могъ приступить къ этимъ занятіямъ, какъ получивъ дозволительную буллу святаго отца. Курсы анатоміи въ это время состояли единственно изъ чтенія профессорами съ каѳедры сочиненій Галена или Мондини, его переводчика и комментатора.

Мондини былъ знаменитый болонскій профессоръ, жившій въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Въ то время, какъ профессоръ читалъ или говорилъ, цирюльникъ, въ почтительномъ разстояніи отъ каѳедры

[1]) *Histoire des sciences mathématiques en Italie*. Paris, 1840. In 8°, tome III, p. 1—50.

разсѣкалъ бритвою различныя части какого-либо животнаго и показывалъ ихъ студентамъ. Профессоръ же никогда и не дотрогивался до трупа.

Впрочемъ, Мондини сдѣлалъ нѣсколько анатомическихъ наблюденій. Онъ показалъ, что Галенъ ошибался въ нѣкоторыхъ частяхъ; отсюда родилась мысль сравнивать описанія греческаго анатома съ самой природой.

Болонскій профессоръ Александръ Акиллини, читавшій лекціи съ 1500 по 1512 годъ, оказалъ болѣе серьезныя услуги рождавшейся анатоміи. Онъ открылъ нервы четвертой пары; въ органѣ слуха онъ описалъ молоточекъ, наковальню и двѣ косточки; онъ открылъ также сердечныя заслонки и т. д.

Яковъ Беранже, изъ Карпи, преподававшій въ Болоньѣ съ 1502 по 1527 годъ, первый сталъ употреблять ртуть противъ заразы, пришедшей съ Новаго Свѣта. Онъ пользовался всякимъ представлявшимся случаемъ для занятій анатоміей. Онъ вскрылъ болѣе ста человѣческихъ труповъ. Его безъ всякаго основанія обвиняли въ разсѣченіи живыхъ людей.

Беранже изъ Карпи напечаталъ два сочиненія на латинскомъ языкѣ, въ которыхъ изложены истинныя открытія. Напр., онъ описываетъ thymus, железообразное тѣло, находящееся въ верхней части груди, прибавокъ ободочной кишки, утолщеніе мочеваго пузыря, выдѣляющаго мочу, спинной мозгъ и т. д. Онъ сдѣлалъ важныя наблюденія надъ нѣкоторыми другими частями человѣческаго тѣла.

Въ это время, анатомы начали прибѣгать къ живописи и скульптурѣ ради изображенія различныхъ частей животной экономіи. Вскорѣ, въ свою очередь, живописцы и скульпторы почувствовали необходимость изученія анатоміи. Между великими художниками шестнадцатаго вѣка, Миккель Анджело болѣе другихъ любилъ заниматься и прилежнѣе другихъ занимался изученіемъ анатоміи. Въ своихъ живописныхъ и скульптурныхъ произведеніяхъ, онъ ясно показалъ, что былъ глубокимъ знатокомъ анатоміи. Есть картины, гдѣ онъ изобразилъ себя съ учениками во время занятій трупоразсѣченіями.

Леонардъ де Винчи, по примѣру Миккель Анджело, изучалъ

анатомію подъ руководствомъ падуанскаго профессора Антонія Турріана. Художникъ сдѣлалъ рисунки, которые профессоръ употреблялъ при лекціяхъ. Говорятъ также, что имъ исполнены рисунки для *Большой анатоміи* Везаля, но это весьма сомнительно.

Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, нѣмецъ Гунтеръ, послѣ прибыванія въ разныхъ германскихъ университетахъ, послѣ преподаванія греческаго языка въ Лувэнѣ, явился въ Парижъ преподавать анатомію. Онъ былъ сдѣланъ главнымъ врачомъ Франциска I; почти всѣ великіе анатомы шестнадцатаго вѣка, Сильвій, Ронделе, Фаллопій, Серве были его учениками въ Парижѣ. Самъ онъ не разсѣкалъ труповъ; его прозекторами были цирюльники; Везаль и Серве были знаменитѣйшими изъ его учениковъ. Въ это время, дозволеніе вскрывать человѣческіе трупы давалось только съ великимъ трудомъ, и это запрещеніе замедляло успѣхи анатоміи.

Михаилъ Серве родился въ 1509 г. въ Вилла-Нуэва, въ королевствѣ арагонскомъ; онъ, на свое несчастіе, слишкомъ усердно занимался богословскими вопросами. Преслѣдуемый инквизиціей, онъ бѣжалъ изъ Испаніи и въ Парижѣ занялся изученіемъ медицины. Онъ зарабатывалъ сперва пропитаніе преподаваніемъ математики. Сдѣлавшись медикомъ, онъ путешествовалъ въ южную Францію, а такъ какъ ему нужно было работать, ради насущнаго хлѣба, то онъ былъ то медикомъ, по профессоромъ, то корректоромъ въ типографіи. Въ 1553 году, архіепископъ вьеннскій, въ въ Дофине, назначилъ его своимъ врачемъ. Всюду онъ наживалъ себѣ враговъ и вредилъ своему положенію, слишкомъ много богословствуя. Кальвинъ призвалъ его въ Женеву; впослѣдствіи этотъ реформаторъ приговорилъ его къ костру. Михаилъ Серве въ это время печаталъ свое сочиненіе *Christi animi restitutio*, которое было вполнѣ сожжено за исключеніемъ двухъ экземпляровъ, спасшихся отъ пламени.

Въ этомъ сочиненіи, весьма ясно изложено одно изъ важнѣйшихъ физіологическихъ явленій: легочное кровеобращеніе. Отсюда до великаго кровеобращенія, открытаго сто лѣтъ спустя Вилльямомъ Гаревеемъ, всего только шагъ. Серве можетъ быть открылъ бы его, еслибъ жилъ дольше. Въ его сочиненіи буквально сказано, что вся кровь проходитъ черезъ легкія и что при этомъ

проходѣ кровь, очищается отъ грубыхъ влагъ, видоизмѣняется отъ дѣйствія воздуха и идетъ къ сердцу.

Сильвій (Жакъ-Дюбуа), родомъ изъ Аміена, былъ весьма знаменитымъ врачемъ въ Парижѣ. Онъ былъ на столько ученъ, что могъ переводить Иппократа и Галена съ греческихъ текстовъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько анатомическихъ открытій, напр. онъ замѣтилъ продолженіе брюшины (серозной перепонки, облегающей нижнюю полость живота) въ шулятную мошонку; онъ отыскивалъ начало *полой вены* сердца; онъ описалъ венныя заслонки и т. д.

Но великими основателями новѣйшей анатоміи были Везаль, Фаллопій и Евстахій. Мы посвятимъ особую біографію Везалю, а здѣсь вкратцѣ очертимъ дѣятельность двухъ остальныхъ ученыхъ.

Гавріилъ Фаллопій родился въ 1523 году и происходилъ изъ благородной моденской фамиліи. Онъ послѣдовательно былъ профессоромъ въ Феррарѣ, Пизѣ, Падуѣ, гдѣ замѣтилъ Везаля, когда этотъ послѣдній, сдѣлавшись главнымъ врачемъ Карла V, отправился въ Мадридъ. Фаллопій умеръ сорока лѣтъ отъ роду; въ немногое время, оставшееся ему для работъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ и прекрасныхъ открытій. Правда, у него было недостатка въ трупахъ для постояннаго изученія природы; у него было ихъ отъ семи до восьми въ годъ.

Извѣстно, что Фаллопій былъ противникомъ взглядовъ Везаля, но Фаллопій оспаривалъ ихъ постоянно благопристойно, иногда даже почтительно; между тѣмъ какъ большинство другихъ врачей, ослѣпленные непримиримой ненавистью, часто распространяли про Везаля самыя грубыя клеветы.

Фаллопій обнародовалъ главнѣйшія изъ своихъ наблюденій, въ 1561 въ Венеціи, въ сочиненіи, озаглавленномъ *Observationes anatomicae*. Въ этомъ сочиненіи, онъ показываетъ, что черепъ зародыша состоитъ изъ большаго числа частей, чѣмъ взрослаго человѣка, и что существуетъ разница въ сосудистой системѣ того и другаго. Онъ описываетъ овальное отверстіе клинообразной кости черепа, черезъ которое проходятъ нервы пятой пары; пазушины клинообразную и каменистую (полости клинообразной кости); ячейки, или луночки, въ которыхъ сидятъ зубы, вены и нервы, входящіе въ нихъ; строеніе внутренняго уха и т. д. Онъ открылъ

преддверіе, *полукруглые каналы*, *улитку*, *спираль*, *барабанную перепонку*, трубку, носящую до сихъ поръ его имя. Число наблюденій, сдѣланныхъ Фаллопіемъ въ теченіе двадцати лѣтъ, столь велико, что намъ нѣтъ возможности даже сдѣлать простой ихъ перечень.

Варѳоломей Евстахій, называемый также Санъ-Северино по мѣсту рожденія, въ Анконской мархіи. Онъ былъ профессоромъ въ Римѣ и умеръ тамъ въ 1570. Приверженецъ мнѣній древнихъ, онъ защищалъ ихъ противъ Везаля съ необычайнымъ ожесточеніемъ.

Первое сочиненіе Евстахія есть *Трактатъ о венахъ*, напечатанный въ Венеціи въ 1563 году. Въ этомъ сочиненіи впервые появились превосходныя анатомическія изображенія, гравированныя на мѣди, потому что изображенія въ сочиненіи Везаля были вырѣзаны на деревѣ и напечатаны въ текстѣ.

Евстахій первый старался установить разновидности въ строеніи одного и тоже органа у разныхъ особей. Онъ отдался преимущественно этого рода изысканіямъ, и порою онъ этимъ старался оправдать, или по крайней мѣрѣ объяснить различія, замѣчаемыя между обычнымъ строеніемъ человѣка и описаніями его у Галена. Такимъ образомъ онъ желалъ извинить ошибки греческаго анатома и согласить противоположность мнѣній между сторонниками Везаля и Галена.

Евстахій начинаетъ изученіе органовъ въ зародышѣ и затѣмъ изучаетъ ихъ въ различные возрасты жизни человѣческой. Въ самомъ дѣлѣ, органы животныхъ измѣняются съ возрастомъ, и почти нѣтъ ни одного, который не измѣнился бы въ формѣ, плотности и размѣрахъ по мѣрѣ того, какъ существо переживаетъ послѣдовательные періоды своего существованія. Очевидно, что эти видоизмѣненія составляютъ одну изъ важнѣйшихъ частей анатоміи и физіологіи. Везаль изучалъ только взрослаго человѣка, а потому не представлялось особенной трудности находить у него ошибки. Такимъ образомъ, собраты нападали на него, порою несправедливо и почти всегда съ чрезмѣрной ѣдкостію; Евстахій постоянно почерпалъ доказательства противъ него изъ этого порядка фактовъ.

Въ 1563 г., Евстахій обнародовалъ другое сочиненіе о *зубахъ*.

Въ 1564 г., онъ напечаталъ третье сочиненіе, озаглавленное *Ossium examen*. Въ этомъ сочиненіи находится хорошая остеологія обезьяны и интересныя замѣчанія объ остеологическихъ разновидностяхъ у человѣка.

Четвертое сочиненіе Евстахія есть родъ небольшой *сравнительной анатоміи*.

Въ пятомъ сочиненіи, онъ говоритъ объ органѣ слуха. Тамъ-то онъ указываетъ на каналъ, соединяющій внутреннее ухо съ полостью рта, каналъ называемый теперь *Евстахіевой трубой*, но который былъ указанъ раньше. Въ продолженіе шестнадцатаго вѣка, самые искусные анатомы были въ Италіи, хотя знаменитые въ этомъ отношеніи ученые были и во Франціи и въ Англіи.

Набросивъ общую картину состоянія наукъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, мы спеціально изложимъ жизнь и труды нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ временъ Возрожденія.

ПАРАЦЕЛЬСЪ.

ПАРАЦЕЛЬСЪ.

Филиппъ-Авреолъ-Өеофрастъ Бомбастъ [1]) фонъ *Гогенгеймъ*, прозванный Парацельсомъ, родился въ 1493 году въ Ейнсидельнѣ, небольшомъ городкѣ нѣмецкой Швейцаріи, недалеко отъ Цюриха. По обычаю средневѣковому и временъ Возрожденія, слово Гогенгеймъ было разложено и переведено, половина по гречески и половина по латини, и такъ-то образовалось имя *Парацельсъ*, которымъ чаще другихъ назывался этотъ знаменитый человѣкъ.

Не смотря на отрицаніе враговъ, достовѣрно извѣстно, что Парацельсъ принадлежалъ къ благородной нѣмецкой, швейцарской фамиліи Гогенгеймовъ. Это доказывается его завѣщаніемъ. Тамъ находится росписка нѣкоего Петра Везенера, интенданта аббатства Эйнзидельнскаго, въ которой онъ признаетъ, что получилъ отъ родителей Парацельса сумму въ десять флориновъ, которые послѣдній завѣщаетъ ему. Везенеръ въ этой роспискѣ называетъ завѣщателя своимъ *милымъ кузеномъ*.

Мать Парацельса была надзирательницей богадѣльни бенедиктинскаго аббатства въ Эйнзидельнѣ [1]). Она исполняла эту должность честно и добросовѣстно, какъ ей предложилъ руку Вильгельмъ Бомбастъ фонъ Гогенгеймъ, который, несмотря на свое дворянское происхожденіе, занималъ должность медика при этой богадѣльнѣ. Такъ какъ по уставу богадѣльни, должность надзира-

---

[1]) По нѣмецки и англійски слово *bombast* сдѣлалось синонимомъ надутаго и натянутаго слога.

[2]) Знаменитый швейцарскій реформаторъ Цвингли, за годъ до Лютера начавшій нападать на Римъ, жилъ въ этомъ бенедиктинскомъ аббатствѣ.

тельницы не могла быть занята замужней женщиной, то Вильгельмъ фонъ Гогенгеймъ уѣхалъ изъ Энзидельна съ женою и поселился въ Виллахѣ. Онъ прожилъ тамъ тридцать два года.

Вильгельмъ фонъ Гогенгеймъ былъ отцомъ Парацельса. Онъ былъ образованный медикъ, владѣтель весьма хорошей библіотеки. Нѣкоторые утверждали, что Вильгельмъ не былъ законнымъ потомкомъ Бомбастовъ Гогенгеймскихъ, а незаконнымъ сыномъ великаго пріора ордена Св. Іоанна, члена этой древней и благородной фамиліи, происходившей изъ Швабіи. По другимъ, не отецъ Парацельса, а онъ самъ былъ незаконнымъ сыномъ Вильгельма фонъ Гогенгейма. Шпренгель, историкъ медицины, ничего не говоритъ объ этомъ; онъ ограничивается замѣчаніемъ, что Вильгельмъ Гогенгеймъ былъ практическимъ врачемъ въ Виллахѣ и близкимъ родственникомъ Георга Бомбаста фонъ Гогенгейма.

Дѣтство и юность Парацельса протекли въ небреженіи. Онъ самъ говоритъ, что его очень круто воспитывали, что онъ выросъ подъ тѣнью сосенъ, питаясь сыромъ и овсянымъ хлѣбомъ, и что ему не разъ приходилось терпѣть лишенія и голодъ. Вотъ и все, что есть въ его сочиненіяхъ о первоначальномъ его воспитаніи. Его отецъ, хотя и пользовался общимъ уваженіемъ въ Виллахѣ, но, вѣроятно, былъ очень бѣденъ. Въ одномъ изъ посвятительныхъ посланій, Парацельсъ благодаритъ Каринтійское правительство за доброту къ его отцу, что показываетъ, что онъ не считалъ, что отецъ былъ добровольнымъ виновникомъ его несчастной молодости.

Безъ сомнѣнія, Парацельсъ не могъ вынести бѣдности и голода, потому что оставилъ отцовскій домъ. Но сколькихъ лѣтъ и по какой причинѣ оставилъ онъ его, этого не объясняетъ онъ самъ.

Неизвѣстно, ходилъ ли Парацельсъ въ школу въ юности, или отецъ научилъ его читать и писать. Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, онъ говоритъ, что самъ всему научился и обязанъ Богу за все, что знаетъ. Между тѣмъ, дальше онъ называетъ отца своего Вильгельма въ числѣ своихъ учителей алхиміи. Онъ также называетъ своими учителями нѣсколькихъ епископовъ, епископа Шейта штетгахскаго, епископа Эргарда и его предшественника

Лавантала, епископа Николая иппонскаго, епископа Матвея шахтскаго, не считая многихъ докторовъ и аббатовъ. Но большая часть этихъ лицъ умерла раньше, чѣмъ Парацельсъ родился, и не могли дать ему уроки. Парацельсъ, называя ихъ своими учителями, хочетъ только сказать, что образовался, читая ихъ сочиненія. Кромѣ того, онъ хвалился, что прочелъ много книгъ по алхиміи, какъ древнихъ, такъ и новыхъ.

Большая часть его біографовъ говоритъ, что, поучившись нѣкоторое время у отца, онъ былъ посланъ къ Тритему, аббату спонгеймскому; что отъ него онъ вскорѣ перешелъ къ Сигизмунду Фугерру, изъ Шварца. Но въ 1505 году, аббатъ Тритемъ уже уѣхалъ изъ Спонгейма; онъ сдѣланъ аббатомъ въ монастырѣ святаго Іакова, близъ Вюрцбурга, гдѣ и умеръ въ 1516 г. А потому мало вѣроятія, чтобы этотъ аббатъ, какъ и вышеназванные епископы, могли лично руководить воспитаніемъ Өеофраста.

Итакъ, у Парацельса не было учителей; онъ образовался самъ, какъ многіе замѣчательные люди.

Онъ, вѣроятно, получилъ дурное воспитаніе, но ошибочно было бы сказать, что онъ былъ совсѣмъ необразованъ. Никто не оспариваетъ, что онъ могъ читать и понимать существовавшіе тогда книги по кабалѣ и химическимъ наукамъ, а эти книги обыкновенно писались по латыни. Парацельсъ стало былъ учился по латыни. Самъ ли онъ научился этому языку, или при помощи отца, или какъ иначе, это все равно.

Ученые и епископы, друзья его отца Вильгельма, занимались алхимическими изслѣдованіями, безъ сомнѣнія, въ сообществѣ съ его отцомъ. Вѣроятно, такимъ образомъ, еще въ ранней молодости, Парацельсъ ознакомился съ герметической мудростію, знаніемъ секретовъ, которой онъ впослѣдствіи хвалился. Никто не сомнѣвается, что въ эту эпоху, повсюду съ жаромъ занимались алхимическими опытами: имъ занимались въ богатыхъ монастыряхъ, въ благородныхъ и достаточныхъ домахъ и даже при королевскихъ дворахъ.

Парацельсъ уже обладалъ нѣкоторыми алхимическими знаніями, когда явился къ Сигизмунду Фугерру, изъ Шварца.

Сигизмундъ Фуггеръ былъ знаменитый въ то время минералогъ; его семейство владѣло богатыми серебряными рудниками. Вѣроятно, Парацельсъ работалъ нѣкоторое время въ лабораторіи Фуггера, ради ли изученія, или какъ лаборантъ по развѣдыванію рудъ.

Невозможно рѣшить, получилъ ли Парацельсъ степень доктора въ какомъ нибудь университетѣ. Извѣстно только, что онъ много путешествовалъ. Въ предисловіи къ своей *Великой Хирургіи*, Парацельсъ объявляетъ, что онъ посѣщалъ высшія училища въ Германіи, Италіи и Франціи, что затѣмъ онъ послѣдовательно объѣхалъ Испанію, Португалію, Англію, Моравію, Литву, Польшу, Венгрію, Валахію, Трансильванію и другія страны. Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ объ островѣ Родосѣ, Неаполѣ, Венеціи, Нидерландахъ и Даніи. Въ своемъ сочиненіи о *Долговѣчности*, онъ даже говоритъ, что былъ въ Финляндіи и Лапландіи. Но сколько времени потребовалось бы, чтобы пѣшкомъ обойти эти страны, да еще останавливаясь въ городахъ и мѣстечкахъ! Онъ увѣряетъ даже, что побывалъ въ Азіи и Африкѣ!

Полагаютъ, что Парацельсъ сдѣлалъ много походовъ, въ качествѣ военнаго хирурга, чѣмъ и объясняются всѣ эти странствованія. Онъ хвалится, что вылечилъ много больныхъ въ Нидерландахъ, Папской области, въ королевствѣ Неаполитанскомъ, и во время войнъ противъ венеціанъ, датчанъ и голландцевъ.

Конечно, Парацельсъ чрезмѣрно преувеличивалъ обширность своихъ путешествій. Напримѣръ, что въ Испаніи онъ посѣтилъ одного чернокнижника, который при помощи звонка вызывалъ всяческихъ духовъ. Его сторонники, особенно члены *золотаго общества* (то были, безъ сомнѣнія, розенкрейцеры), прибавили еще кое-что къ его разсказамъ. Гельмонтъ старшій разсказываетъ, что Парацельсъ, посѣтивъ нѣмецкіе рудники, желалъ проѣхать въ Россію, но былъ взятъ въ плѣнъ татарами и отведенъ къ ихъ хану. Ему было тогда двадцать лѣтъ. Въ качествѣ медика, онъ долженъ былъ сопровождать хана въ походахъ. Затѣмъ онъ попалъ въ Константинополь, гдѣ греческій священникъ открылъ ему тайну философскаго камня.

Во всѣхъ этихъ путешествіяхъ, Парацельсъ не заботился о книжномъ образованіи. Въ *Fragmenta medicinæ* онъ хвалился, что цѣлые десять лѣтъ не раскрывалъ книги. У него всегда было очень мало книгъ, и послѣ смерти, какъ свидѣтельствуетъ инвентарь, составленный въ Зальцбургскомъ госпиталѣ, онъ оставилъ *Библію*, *Указатель библейскихъ реченій* и *Толкованіе на Евангеліе*, святаго Іеронима.

Но и безъ обширнаго чтенія, Парацельсъ могъ пріобрѣсти весьма изрядныя познанія въ химіи, медицинѣ и хирургіи. Онъ говоритъ, что въ Вейссенбургѣ, въ Хорваціи, и въ Стокгольмѣ онъ научился у старухъ приготавливать различныя питья для излеченія ранъ [1]). Его упрекаютъ въ худомъ выборѣ знакомствъ, потому что, по собственнымъ словамъ, онъ бывалъ у цирюльниковъ, цыганъ, у стригуновъ собакъ и даже у палачей. Безъ сомнѣнія, отъ такихъ людей онъ не могъ научиться ни языку ученыхъ, ни вѣжливому и изящному обращенію высшихъ классовъ, но онъ могъ пріобрѣсти разныя свѣдѣнія, неизвѣстныя университетамъ, добытыя здравымъ смысломъ и наблюденіями народа.

Хотя онъ и хвалится, что десять лѣтъ не открывалъ книги, Парацельсъ, во время своихъ странствій, посѣщалъ библіотеки. Въ городѣ Браунау въ Богеміи, онъ открылъ подлинныя рукописи Галена и Авиценны. Въ Брауншвейгѣ, въ одномъ монастырѣ, онъ видѣлъ подобную же книгу, которая, по его словамъ, „была сожжена невѣждами и ослами." Третью подлинную рукопись Галена и Авиценны онъ открылъ у одного гамбургскаго гражданина. Въ то время, было еще много рукописей сочиненій Галена и Авиценны, написанныхъ на березовой корѣ и на восковыхъ досчечкахъ.

Парацельсъ путешествовалъ, какъ приходилось; то: въ качествѣ искателя приключеній, то владѣя ланцетомъ, чтобы честно заработывать кусокъ хлѣба при остановкахъ въ городахъ и деревняхъ; то ввѣряясь шпагѣ, чтобъ на большихъ дорогахъ защищать свой кошелекъ и жизнь. Часто также приходилось пользоваться своими алхимическими знаніями. Онъ хвалится, что во

[1]) *Великая хирургія*, т. I, стр. 22.

время своихъ странствій онъ вылечилъ многихъ, какъ отъ внутреннихъ, такъ и отъ внѣшнихъ болѣзней, причиненныхъ повѣтріями или войной. Онъ говорилъ, что служилъ хирургомъ въ разныхъ арміяхъ и именно въ венеціанской. Онъ не таитъ своихъ шпажныхъ похожденій.

„Теперь, читатель, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, если тебѣ скажутъ, что я трижды въ тюрьмѣ сидѣлъ, бывалъ на многихъ войнахъ, что я часто безразсудно дрался, что я и еще кой-что дѣлалъ, — не бойся меня въ силу этого. Такимъ образомъ, пропало, что отпало. Не слѣдуетъ безпокоиться о прошломъ. Прошлому было свое время, и Богъ всегда все хорошо устраивалъ."

Итакъ, юность свою Парацельсъ провелъ въ нищетѣ. Небрежное и недостаточное воспитаніе было причиной, что съ годами развились порочныя привычки и наклонности. Онъ не получилъ научной подготовки, состоявшей въ изученіи латинскаго языка. Парацельсъ искажалъ этотъ языкъ всякій разъ, какъ пробовалъ писать на немъ. Онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ по латыни. Въ Базелѣ, онъ читалъ курсъ по нѣмецки. Живя еще у отца, онъ могъ нахвататься медицины и алхиміи, но свѣдѣнія, полученныя имъ при этомъ, были весьма ограниченны, и впослѣдствіи онъ старался расширить ихъ, частію при помощи чтенія, частію бѣсѣдою съ эмпириками и шарлатанами. Онъ самоучкой научился хирургіи, разспрашивая того и другого, наблюдая, при всякомъ удобномъ случаѣ, язвы, раны и средства для ихъ излеченія; онъ могъ продолжать изученіе алхиміи, работая въ лабораторіяхъ, которыхъ было много въ городахъ, монастыряхъ и замкахъ. Одаренный разумомъ недюжиннымъ, онъ не могъ долго раздѣлять взглядовъ адептовъ на превращеніе металовъ.

Когда онъ пересталъ вѣрить въ возможность приготовленія золота, онъ принялся за изготовленіе химическимъ путемъ новыхъ лекарствъ. Онъ уже видѣлъ приготовленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ лабораторіяхъ, между прочимъ въ лабораторіи Фуггера.

Онъ сталъ дѣлать изысканія, и открылъ другія химическія лекарства, дотолѣ неизвѣстныя, и прилагалъ ихъ, порою съ великимъ успѣхомъ, къ эмпирической медицинѣ и хирургіи. Вскорѣ съ удивленіемъ заговорили объ его леченіи, и его извѣстность росла быстро. Но этотъ успѣхъ возбудилъ зависть въ боль

шинствѣ медиковъ и хирурговъ, и Парацельсъ своими привычками и эксцентричностью своего характера подавалъ поводъ къ многочисленнымъ противъ себя нападкамъ.

Быть можетъ, эти нападки не были бы столь многочисленны и важны, еслибъ онъ ограничился званіемъ врача и хирурга; еслибъ онъ велъ скромную и уединенную жизнь. Но онъ, мало того, пускался въ религіозные споры, которые въ то время занимали всѣхъ. Онъ съ юности ознакомился съ принципами пантеизма и кабалы, бывшей въ большомъ почетѣ у алхимиковъ, и вслѣдствіе пылкаго воображенія не могъ обладать тою благоразумною сдержанностію, которая такъ цѣнится во врачѣ. Съ другой стороны, его обычныя, чуть не ежедневныя сношенія съ людьми самаго низкаго происхожденія совершенно извратили его вкусы и сдѣлали его осанку и манеры весьма непривлекательными.

Хотя обстоятельства Парацельса всегда были самыя стѣсненныя, но его никогда не обвиняли въ скупости и нечестности. Онъ желалъ трудомъ заработывать хлѣбъ. Но при занятіяхъ медициной, онъ встрѣтилъ прежде всего препятствіе, о которомъ не думалъ. Получили вы ученую степень? спрашивали его. — Что вы докторъ, или бакалавръ? Но Парацельсъ зналъ, что большая часть тогдашнихъ врачей были величайшіе невѣжды, и имѣлъ полное право полагать, что онъ искуснѣе ихъ, какъ практикъ, потому что изучалъ не книжную мудрость, но живую природу. Дѣло не въ томъ, чтобы врачъ имѣлъ дипломъ, а въ томъ, чтобы излечивалъ, или облегчалъ болѣзни. А Парацельсъ дѣлалъ это во многихъ случаяхъ, когда доктора отказывались. Не считая докторскую степень за нѣчто важное, но зная, что она порой внушаетъ довѣріе къ врачу, онъ въ случаѣ нужды называлъ себя докторомъ.

Таковъ онъ былъ съ своими недостатками и достоинствами, съ своими пороками и талантами, какъ мы встрѣчаемъ его въ Цюрихѣ въ 1526 году. Ему было тогда тридцать три года; онъ продолжалъ странствовать по свѣту съ ланцетомъ и ножомъ въ дорожной сумкѣ, со шпагою на боку. Протестантскій пасторъ Г. Буллингеръ познакомился съ нимъ, но не весьма остался доволенъ такимъ знакомствомъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Эрасту,

онъ говоритъ, что Парацельсъ явился въ Цюрихъ въ грязной и плохой одеждѣ. Онъ любилъ пить и шумѣть съ извощиками, останавливавшимися въ харчевнѣ, гдѣ онъ жилъ. Порой онъ напивался, и тогда лежалъ врастяжку на лавкѣ, пока не протрезвлялся. Относительно религiи, онъ былъ повидимому довольно индеферентенъ, но пространно толковалъ о магiи, которой, кажется, предавался со страстью.

Но не смотря на это, пасторъ Буллингеръ невольно сознается, что, какъ врачъ, Парацельсъ изумилъ весь Цюрихъ.

Но никто въ родной странѣ пророкомъ не бываетъ. Парацельсъ, кажется, понялъ это и поспѣшилъ уѣхать въ Базель, куда и прибылъ въ 1526 году, чтобы заниматься практически врачебнымъ искусствомъ.

Между больными, которыхъ онъ пользовалъ, былъ знаменитый типографщикъ Фробенiусъ. Страдая ломотой, онъ чувствовалъ страшную боль въ пяткѣ правой ноги. Парацельсъ прописалъ ему свой лауданумъ, и боль изъ пятки перешла въ пальцы. Хотя это было не излеченiе, но облегченiе; и такой успѣхъ внушилъ въ базельцахъ почтенiе къ нему.

Фробелiусъ предложилъ поэтому Парацельсу написать Эразму и предложить ему себя во врачи.

Парацельсъ уже встрѣчался съ этимъ знаменитымъ писателемъ-философомъ. Онъ написалъ ему на варварскомъ латинскомъ языкѣ письмо, въ которомъ, исчисливъ въ темныхъ выраженiяхъ болѣзни, которыми страдалъ Эразмъ, обѣщалъ его вылечить. Остроумный Эразмъ, судя вѣроятно о медицинскихъ знанiяхъ Парацельса по его плохой латыни, вѣжливо отвѣчалъ ему, но отклонилъ его предложенiе. Онъ извинялся, говоря, что въ настоящее время у него нѣтъ времени ни принимать лекарства, ни быть больнымъ, ни умирать. Онъ обѣщалъ впрочемъ посовѣтоваться съ Парацельсомъ позже, когда онъ яснѣе выразитъ свое предложенiе.

Парацельсъ былъ воспитанъ въ католическомъ законѣ. Но пантеистическiя и кабалистическiя мнѣнiя сильно поколебали его религiозныя вѣрованiя. Онъ довольно безпощадно нападалъ на всѣ вѣроисповѣданiя, въ томъ числѣ и на реформатское. Но относительно послѣдняго вѣроисповѣданiя онъ вообще высказывался съ

большимъ благоразуміемъ. Онъ даже изъявлялъ нѣкоторую склонность къ реформатству, быть можетъ потому, что въ Базелѣ нельзя было получить мѣста, не принадлежа къ реформатской церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, базельскій университетъ былъ сильно потрясенъ реформаціей. Профессора, оставшіеся католиками, были немедленно удалены; такимъ образомъ было много вакантныхъ каѳедръ. Въ это-то время Парацельсъ явился въ Базель.

Своимъ леченіемъ онъ надѣлалъ большаго шума; можно было ждать, что будутъ еще болѣе удивительные случаи излеченія. Благодаря религіозной ревности, которую старался показать, онъ попалъ въ милость къ извѣстному базельскому реформатору Эколампаду, — человѣку всемогущему въ городѣ.

Эколампадъ, безъ сомнѣнія, увидѣлъ въ Парацельсѣ человѣка съ новыми идеями, рѣшившагося разорвать всякую связь со школьной рутиной; онъ предпочиталъ его ученымъ, знающимъ лучше латинскій языкъ, но въ головѣ у которыхъ были только схоластическія формулы, да безсмысленныя слова. По рекомендаціи Эколампада, Парацельсъ былъ назначенъ базельскимъ муниципалитетомъ городовымъ докторомъ и профессоромъ медицины въ университетѣ, съ хорошимъ жалованьемъ. Трудно опредѣлить, когда именно это произошло. Галлеръ полагаетъ, что Парацельсъ былъ назначенъ профессоромъ химіи, но онъ самъ ничего не говоритъ объ этомъ. Кромѣ того, въ Базелѣ не было каѳедры химіи; первая каѳедра этой науки въ Европѣ, учреждена въ 1609 г.

Аделунгъ, нѣмецкій писатель прошлаго вѣка, помѣстившій біографію Парацельса въ своей *Исторіи человѣческой глупости* [1]) и отзывающійся о немъ самымъ жестокимъ образомъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ говоритъ о курсѣ медицины, открытомъ Парацельсомъ въ Базелѣ, въ 1526 году:

„Парацельсъ занялъ каѳедру съ своимъ обычнымъ нахальствомъ и дерзостью. Въ своей программѣ, онъ объявилъ, что очиститъ медицину отъ ея варварской закваски и возстановитъ ее въ первобытной чистотѣ; что онъ отброситъ идеи древнихъ и будетъ держаться указаній самой природы, своихъ собственныхъ открытій и своей долгой опытности; что большая часть врачей заблуждается наигрубѣйшимъ

---

[1]) Geschichte der menschlichen Narrheit. 7 томовъ, in 12.

образомъ, потому что слѣдуютъ слѣпо Иппократу, Галену, Авиценѣ и нѣкоторымъ другимъ; что не медицина, а химія можетъ образовать истинныхъ врачей; что ни ученыя степени, ни краснорѣчіе, ни эрудиція, пріобрѣтенная простымъ чтеніемъ, ни знаніе языковъ не сдѣлаютъ искуснымъ врачемъ, но только глубокое познаніе вещей, изученіе тайнъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ природы, — въ чемъ и заключаются всѣ науки. Наконецъ, онъ объявляетъ, что будетъ давать два урока въ день, одинъ по теоретической медицинѣ, а другой по хирургіи и практической медицинѣ.“

Большая часть біографовъ полагаетъ, что Парацельсъ, въ началѣ своего курса, сжегъ передъ учениками сочиненія Галена и Авицены, увѣряя, по словамъ Шпренгеля, что завязки его башмаковъ знаютъ больше, чѣмъ эти два древніе врача. По Брунеру, Парацельсъ хвалился этимъ поступкомъ. Это послѣднее утвержденіе писателя, мало извѣстнаго въ медицинѣ, есть единственное свидѣтельство столь необычайнаго факта. Ни одинъ серьезный писатель не приводитъ доказательствъ этому, и всѣ повторяютъ о немъ по слухамъ. Самъ Аделунгъ упоминаетъ объ этомъ съ чужихъ словъ, и Шпренгель не приводитъ никакихъ доказательствъ. По нашему, весьма сомнительно, чтобъ Парацельсъ сжигалъ сочиненія Галена и Авицены. Онъ желалъ разрушить ихъ болѣе прочнымъ и сильнымъ образомъ, чѣмъ такимъ тщеславнымъ и театральнымъ поступкомъ.

Человѣкъ, открыто нападавшій на тогдашнихъ медицинскихъ боговъ, долженъ былъ вооружить противъ себя врачей и аптекарей. Парацельсъ нажилъ себѣ множество враговъ въ числѣ врачей, которыхъ онъ называлъ *мокротниками* (гумористами), потому что въ *мокротахъ* (humor) они отыскивали источники всѣхъ болѣзней, а равно всѣхъ аптекарей и москательщиковъ, обличая злоупотребленія и обманы, которые они себѣ ежедневно дозволяли. Равно онъ не могъ пользоваться благосклонностью университетовъ, утверждая, что всѣ университеты вмѣстѣ знаютъ не больше его бороды и волосъ [1]). Онъ не церемонился и съ своими сотоварищами, практическими врачами; онъ самымъ ѣдкимъ образомъ порицалъ невѣжество и педантизмъ большинства изъ нихъ.

Эти сильныя выходки, отъ которыхъ нездоровилось четыреугольнымъ колпакамъ старой Германіи, нравились въ массѣ пуб-

---

[1]) *Fragmenta medicinæ*, стр. 144. Предисловіе и *Paragranum*, стр. 203.

ликѣ. Объ этомъ говоритъ Рамусъ [1]) и тоже подтверждаетъ *Исторія Базеля* [2]). Рамусъ сравниваетъ Парацельса съ древнимъ философомъ Асклепіадомъ.

„Парацельсъ, говоритъ докторъ Михеа, полагалъ, что въ чашкѣ шпаги, подаренной ему однимъ изъ нѣмецкихъ палачей, обитаетъ особый духъ, по имени *Азотъ*. Днемъ и ночью онъ постоянно носилъ съ собою этотъ драгоцѣнный залогъ своей сверхъестественной силы; болѣе, когда съ нимъ не было этого талисмана, то его оставляло вдохновеніе, исчезало то очарованіе, которое онъ производилъ на своихъ слушателей. Тогда вялое, сухое, безжизненное чтеніе заступало мѣсто его обычнаго порывистаго и блестящаго изложенія... Поэтому, всякій разъ, какъ онъ входилъ на каѳедру, то чтобы не дать уйти духу, Парацельсъ опирался обѣими руками на чашку своей шпаги. Гавріилъ Нодэ полагалъ, что *spiritus familiaris* базельскаго профессора былъ ничто иное, какъ таинственный алхимическій составъ *alcana*, пилюли котораго лежали въ чашкѣ шпаги" [3]).

Дѣйствіе, производимое этимъ запальчивымъ новаторомъ на общественное мнѣніе, было тѣмъ сильнѣе, что онъ изъяснялся не по латыни, а по нѣмецки. Впрочемъ, порою, говорятъ, онъ примѣшивалъ къ своей рѣчи латинскія выраженія. Для него важно было, чтобы всѣ понимали его, потому что, по его мнѣнію, медицинская наука должна быть общедоступна, а потому не слѣдуетъ дѣлать ее привилегированной для нѣсколькихъ посвященныхъ.

Докторъ Марксъ [4]) объясняетъ, какимъ образомъ базельскому врачу было приписано множество астрологическихъ и кабалистическихъ химеръ, за которыя онъ ни мало не можетъ быть отвѣтчикомъ. Г. Марксъ говоритъ, что Парацельсъ написалъ всего десять сочиненій и что только три изъ нихъ напечатаны при его жизни. Въ его подлинныхъ сочиненіяхъ заключается самое формальное осужденіе астрологіи и искусства дѣлать золото. Онъ сильно порицаетъ объясненія естественныхъ явленій при помощи тайныхъ силъ, и полагаетъ такой принципъ, что слѣдуетъ молчать, когда не можешь найти разумной причины этихъ явленій.

---

[1]) *Rami oratio de Basil*, стр. 170.

[2]) *Исторія Базеля*, Т. III, гл. XIX,—цитата Шпренгеля.

[3]) *Paracelse, sa vie et sa doctrine*, фельетонъ *Gazette médicale de Paris* отъ 7 мая 1812 года.

[4]) *Zur Würdigung des Teophrastus von Hohenheim*. Геттингенъ. In. 4, 1842.

Невозможно, чтобы въ продолженіе своей богатой всякими приключеніями жизни, Парацельсъ могъ написать десять томовъ in-4,° приписываемые ему. Многописаніе было противно ему „Если истина, говоритъ онъ, состоитъ въ длинотѣ изложенія, то Христосъ говорилъ слишкомъ кратко. Надо излагать только факты. Когда является сомнѣніе, когда не знаешь причинъ, слѣдуетъ перестать писать.“ Мечтатели и эмпирики, пользуясь извѣстностью Парацельса, свои собственныя измышленія выдавали за его; свои писанія вставляли въ изданія его сочиненій, и вотъ причина почему до послѣдняго времени на Парацельса смотрѣли какъ на какого-то уродливаго генія, который то возвышается до глубокихъ истинъ, то начинаетъ нести безсмысленную галиматью. Это прекрасно выяснено докторомъ Марксомъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ основался въ Базелѣ, Парацельсъ взялъ къ себѣ въ секретари Іоганна Опорина.

Опоринъ родился въ 1507 году въ Базелѣ, а стало быть въ то время ему было двадцат лѣтъ. Сынъ бѣднаго живописца, онъ провелъ дѣтство и часть юности въ крайней бѣдности. Онъ поступилъ степендіатомъ въ страсбургскую коллегію и затѣмъ для окончательнаго образованія перебрался въ Базель. Окончивъ курсъ, онъ поступилъ учителемъ въ школу сентъ-урбанскаго монастыря, въ Луцернскомъ кантонѣ. Тамъ онъ сблизился съ каноникомъ, составившимъ себѣ извѣстность сочиненіемъ латинскихъ стиховъ. Этотъ каноникъ, перейдя въ реформатство, женился и поселился въ Базелѣ. Опоринъ послѣдовалъ за нимъ. Въ Базелѣ, онъ сначала занимался перепиской греческихъ рукописей для типографіи Фробеніуса. Его другъ, латинскій поэтъ Ксилотектъ, умеръ отъ чумы, и онъ женился на его вдовѣ. Затѣмъ, онъ получилъ мѣсто начальника одной изъ небольшихъ базельскихъ школъ. Но такъ какъ на получаемое жалованье нельзя было жить, то онъ, по совѣту Эколампада, сталъ заниматься медициной. Онъ слушалъ лекціи Парацельса, который предложилъ ему у себя мѣсто секретаря, обѣщая научить въ годъ медицинѣ.

Предложеніе было заманчивое. Опоринъ сдѣлался секретаремъ Парацельса. Онъ два года прожилъ у него и, по свидѣтельству

самого Парацельса, оказалъ ему „самыя вѣрныя и несомнѣнныя услуги.“

Кромѣ секретаря Опорина, у Парацельса въ Базелѣ было два или три помощника. Ни одинъ изъ его учениковъ не пріобрѣлъ извѣстности. Онъ самъ сознается, что, не смотря на сотни перебывшихъ у него учениковъ, ему удалось образовать только небольшое количество хорошихъ врачей; такихъ, говоритъ онъ, образовалъ я: двухъ въ Венгріи, трехъ въ Польшѣ, двухъ въ Саксоніи, одного въ Славоніи, одного въ Чехіи, одного въ Нидерландахъ. Къ нему часто заходили на лекціи знаменитости: но они обыкновенно выслушивали только одну лекцію; безъ сомнѣнія, ихъ смущало то, что медицина читается по нѣмецки, или на дурномъ латинскомъ языкѣ, а еще болѣе рѣзкость эпитетовъ, которые онъ придавалъ великимъ учителямъ древности и еще существовавшихъ школъ.

Парацельсъ вооружилъ противъ себя всѣхъ базельскихъ врачей, аптекарей и москательщиковъ. Къ этимъ врагамъ вскорѣ присоединился университетъ, поддерживаемый всѣми лицами высшихъ классовъ, раздѣлявшими предразсудки старой схоластики, не говоря уже о тѣхъ, кого Парацельсъ раздражалъ своими религіозными мнѣніями. Если, кромѣ того, справедливо, что Парацельсъ былъ хотя не каждый день, какъ увѣряютъ его враги, но порою пьянъ и въ такомъ видѣ являлся публично, — то, такимъ образомъ, обвиненій противъ него скопилось много.

„Часто, говоритъ Аделунгъ, являлся онъ пьяный въ аудиторію, держа въ одной рукѣ извѣстную шпагу, подаренную палачомъ, а другой упираясь о колонну. Въ такомъ положеніи онъ расточалъ блестки своей мудрости, приправляя рѣчь свою самыми грубыми ругательствами противъ почитателей Галена“.

Базельскій университетъ выразилъ свое противъ него неудовольствіе въ видѣ формальнаго нападенія. Онъ потребовалъ отъ него доказательствъ, почему онъ называется докторомъ, объясненій, въ какой именно академіи онъ получилъ эту степень.

Повидимому, докторскаго диплома слѣдовало бы потребовать отъ Парацельса тогда, какъ онъ былъ назначенъ профессоромъ, и разборчивость университета являлась нѣсколько запоздавшей. Какъ

бы то ни было, Парацельсъ былъ назначенъ профессоромъ базельскимъ муниципалитетомъ. Къ муниципалитету онъ и обратился съ своимъ отвѣтомъ. Въ письмѣ, сохранившемся до сихъ поръ, онъ не приводитъ требуемаго диплома. Онъ просто отдаетъ себя подъ покровительство городоваго совѣта и проситъ „приказать его врагамъ прекратить нападки противъ университетскаго профессора и не препятствовать ему въ чтеніи курса оскорбительными выраженіями и низкими обвиненіями, которыми они осыпаютъ его.“

Послѣднее выраженіе показываетъ, что базельскіе врачи, чтобы прервать или совсѣмъ прекратить чтенія Парацельса, не довольствовались способами чисто академическими, но прибѣгали къ болѣе сильнымъ средствамъ. Все это заставляетъ считать весьма подозрительными обвиненія въ пьянствѣ, безпорядочности и проч.

Дѣло не имѣло дальнѣйшаго хода, и Парацельсъ покойно могъ продолжать свой курсъ.

Излеченіе Фробеніуса доставило Парацельсу извѣстность въ Базелѣ и не мало способствовало полученію каѳедры въ университетѣ. Но черезъ годъ Фробеніусъ умеръ отъ удара. Тотчасъ стали толковать, что смерть произошла отъ лекарствъ, которыя ему давалъ Парацельсъ, съ прибавленіемъ, что не его перваго онъ уморилъ.

Ѳома Эрастъ увѣряетъ, что видѣлъ въ Базелѣ почтенныхъ ученыхъ, которые увѣряли его, что не разъ лекарства, прописанныя Парацельсомъ, причиняли смерть. Ѳ. Цвингеръ, племянникъ Опорина, говоритъ то же. Петръ Маравій, бреславскій врачъ, будучи въ Базелѣ, *слышалъ* о томъ же. Одинъ изъ помощниковъ Парацельса, по имени Францискъ, разсказываетъ, что профессоръ въ одну ночь излечилъ человѣка, не видѣвъ его, что онъ отгадалъ его болѣзнь по дѣйствію, произведенному какимъ-то бѣлымъ порошкомъ, на урину больнаго. Но онъ не могъ съ точностью опредѣлить ни родъ болѣзни, ни ея послѣдствій. Но этотъ Францискъ свидѣтель весьма недостовѣрный: онъ увѣряетъ также, что видѣлъ, какъ Парацельсъ превратилъ ртуть въ золото.

Вотъ и все, что враги Парацельса собрали ради его обвиненія. Вскорѣ, впрочемъ, несчастное происшествіе заставило Парацельса выѣхать изъ Базеля.

Одинъ изъ тамошнихъ каноников, Корнелій фонъ Лихтенфельсъ, страдалъ желудкомъ, и никакія средства не помогали ему. Однажды онъ сказалъ, что даетъ сто флориновъ тому, кто его вылечитъ. Парацельсъ предложилъ свои услуги. Онъ далъ ему три пилюли своего лауданума (препаратъ опіума). Больной принялъ ихъ, долго спалъ и выздоровѣлъ. Но съ болѣзнью прошла и благодарность каноника. Больной, онъ обѣщалъ доктору сто флориновъ, здоровый предложилъ всего шесть. Парацельсъ, возмущенный такимъ обманомъ, требовалъ сто флориновъ, и когда каноникъ отказалъ, онъ его потребовалъ въ судъ.

Обѣ стороны предстали передъ судей, и послѣ разбора дѣла, судъ въ своей мудрости рѣшилъ, чтобы каноникъ заплатилъ то, что полагается по таксѣ городскимъ врачамъ.

Парацельсъ былъ возмущенъ этимъ. Онъ сталъ кричать въ судѣ, бранилъ судей, и рѣшено было его преслѣдовать за публичное оскорбленіе суда. Былъ даже приказъ схватить его и отвести въ городскую тюрьму.

Предупрежденный во время, Парацельсъ рѣшился скорѣй уѣхать изъ города, чѣмъ подвергнуться унизительному заключенію. Онъ быстро собрался въ дорогу и, поручивъ Опорину наблюдать за своей химической лабораторіей, навсегда уѣхалъ изъ Базеля

Онъ отправился въ Кольмаръ; туда, въ іюлѣ 1528 года, къ нему привезъ Опоринъ его вещи и химическіе приборы.

Онъ надѣялся поселиться въ этомъ эльзасскомъ городкѣ, и съ этою цѣлью посвятилъ бургомистру свою книгу о сифилисѣ, и Конраду Випрему свой *Трактатъ о язвахъ*. Но ему не удалось добиться ихъ покровительства, и онъ принужденъ былъ снова, какъ въ юности, вести жизнь странствующаго рыцаря. Около конца 1529 года, мы видимъ его, разъѣзжающимъ по деревнямъ, лечащимъ крестьянъ и помѣщиковъ, которые, ослѣпленные его ученостью, съ жадностью слушали его. Секретарь его Опоринъ сопровождалъ его повсюду.

Несмотря на свою терпѣливость и послушливость, Опоринъ принужденъ былъ, черезъ годъ по отъѣздѣ изъ Базеля, разстаться съ своимъ господиномъ. Слѣдующій случай весьма оскорбилъ Опорина.

„Парацельсъ, разсказываетъ Аделунгъ, полагалъ, что можно судить о темпераментѣ человѣка по щелочному свойству его мочи, если этотъ человѣкъ провелъ три дня безъ пищи. Опоринъ, желая сдѣлать подобный опытъ, постился три дня. Черезъ три дня не безъ труда удалось ему собрать нѣсколько капель мочи, которыя онъ и поспѣшилъ представить учителю. Парацельсъ расхохотался, назвалъ его дуракомъ и пустилъ въ стѣну сосудъ съ уриной. Оскорбленный Опоринъ разувѣрился въ достоинствахъ своего учителя. Онъ хотѣлъ бросить его. Но Парацельсъ уговорилъ его остаться обѣщаніемъ открыть ему секретъ своего лауданума,—чего впрочемъ не исполнилъ".

Вскорѣ поведеніе Парацельса побудило Опорина окончательно рѣшиться на разлуку съ учителемъ. Видимой причиной этому была нерелигіозность его учителя. Вотъ какъ это случилось.

Одинъ сильно больной крестьянинъ позвалъ къ себѣ Парацельса. Доктора не было въ данную минуту дома, и онъ могъ придти къ больному только на другой день утромъ. Наконецъ, онъ является и спрашиваетъ: не принималъ ли чего больной. Ему отвѣчаютъ, что больнаго причастили. — „А, сказалъ Парацельсъ, — коли у больнаго былъ уже другой врачъ, то я не нуженъ."

И съ этими словами ушелъ.

Опоринъ, возмущенный этимъ, тотчасъ же разстался съ учителемъ. Онъ вернулся въ Базель, гдѣ сталъ преподавать греческій языкъ. Позже, онъ основалъ типографію, но дѣло пошло неудачно, и онъ умеръ въ бѣдности въ 1568 году. Парацельсъ нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ повторяетъ, что изъ всѣхъ его помощниковъ и сотрудниковъ, Опоринъ былъ вѣрнѣйшимъ.

Но такое увѣреніе Парацельса опровергается самымъ жестокимъ образомъ тѣмъ же самымъ Опоринымъ. Если жизнь Парацельса является потомству въ самыхъ черныхъ краскахъ, если за нимъ осталась худая слава человѣка съ грубыми нравами, съ поступками странными, почти преступными, то этимъ онъ обязанъ Опорину.

Обвиненія противъ Парацельса заключаются въ двухъ современныхъ документахъ, которые оба носятъ отпечатокъ партіальности: одинъ изъ нихъ сочиненіе заклятаго врага Парацельса, Либера, подъ заглавіемъ *Disputatio de medicina nova Paracelsi*, напечатаное въ 1572 г., въ Базелѣ, и *Письмо* Опорина. Мы не обратимъ вниманія на первый изъ этихъ документовъ, но приведемъ вполнѣ

письмо Опорина. Это письмо было обнародовано еще при жизни автора, и позже онъ сожалѣлъ, что написалъ его. Мы переводимъ съ текста Даніила Сенера *(De chymicorum cum Aristotelicis et Galenicis consensu ac dissensu liber. Parisiis, 1633)*.

„Что касается до Θеофраста Парацельса, недавно умершаго, то мнѣ по истинѣ не желалось бы тревожить его душу; но я при жизни такъ хорошо зналъ его, что никогда не соглашусь жить съ подобнымъ человѣкомъ въ столь близкихъ отношеніяхъ, какъ жилъ я съ нимъ. Правда, что онъ въ удивительной степени обладалъ искусствомъ счастливо и быстро лечить болѣзни всякаго рода; но я никогда не могъ открыть въ немъ ни малѣйшаго благочестія, ни эрудиціи. Я часто удивляюсь, что есть много сочиненій, имъ, какъ утверждаютъ, написанныхъ, и надъ которыми, я полагаю, онъ и мгновенія не думалъ. Въ теченіе около двухъ лѣтъ, что я прожилъ съ нимъ, онъ денно и нощно предавался отвратительному пьянству, и до такой степени, что врядъ ли можно было видѣть его два часа сряду трезвымъ, особенно въ Эльзасѣ, когда, оставивъ Базель, подобно Эскулапу, онъ дивилъ дворянчиковъ и всякую деревенщину. Въ это время, у него было въ обычаѣ, приходя домой, особенно когда бывалъ окончательно пьянъ, диктовать мнѣ что нибудь изъ своей философіи; и дѣлалъ онъ это столь хорошо, съ такой послѣдовательностію въ мысляхъ, что врядъ ли наитрезвѣйшій человѣкъ могъ дѣлать лучше. Затѣмъ, я переводилъ это, на сколько могъ лучше, на латинскій языкъ. Эти-то сочиненія, переведенныя по латыни отчасти мною, отчасти другими, были впослѣдствіи обнародованы. Ни разу, во все время, какъ я жилъ съ нимъ, Парацельсъ не раздѣвался для спанья. Чаще, онъ возвращался поздней ночью совершенно пьяный; тогда онъ умащивался одѣтый на постель, имѣя при себѣ шпагу, про которую говаривалъ, что она ему отъ палача досталась. Затѣмъ, довольно часто, среди ночи, онъ внезапно вставалъ и бросаясь, точно съумасшедшій, со шпагой въ рукахъ, начиналъ колотить по стѣнамъ и потолку комнаты; и сознаюсь, не разъ при этомъ я побаивался, чтобы онъ не срубилъ мнѣ головы. Если бы потребовалось упоминать обо всемъ, что я отъ него вытерпѣлъ, то много бы дней пришлось мнѣ думать и разсказывать про это.

„Онъ всегда дѣлалъ опыты въ своей лабораторіи; тамъ, на горящихъ угольяхъ, всегда что-нибудь да готовилось: то какая нибудь щелочь, то возгонка масла, или мышьяка, то желѣзный шафранъ, то удивительный оподельдокъ; и Богъ знаетъ, чего только онъ не приготавливалъ при помощи огня! Разъ, онъ чуть не удушилъ меня, дѣлая опытъ: я желалъ исполнить данное мнѣ приказаніе наблюдать газъ, подымавшійся въ кубѣ, и слишкомъ близко подставилъ свой носъ, какъ сосудъ поставленный подъ кубомъ покачнулся въ сторону и ядовитые пары набились мнѣ въ ротъ и ноздри; это такъ удушило меня, что я упалъ въ обморокъ, и меня на силу отлили холодной водою. Порою, онъ хвалился, что знаетъ тайныя вещи и даже можетъ предсказывать и предугадывать нѣкоторыя случаи, такъ что я никогда не рѣшался съ легкостью сдѣлать тайно что-либо такое, изъ-за чего я могъ бы опасаться его. Онъ не обращалъ вниманія на женщинъ, и я не думаю, чтобъ онъ имѣлъ сношенія хотя съ одной изъ нихъ. Онъ воздерживался отъ вина до двадцатипятилѣтняго возраста. Но затѣмъ онъ такъ привыкъ пить, что ходя вокругъ столовъ, за которыми

сидѣли крестьяне, онъ вызывалъ самыхъ сильныхъ пьяницъ перепить его. Будучи пьянъ, ему стоило только всунуть палецъ въ горло, чтобъ освободиться отъ излишняго количества вина, обременявшаго его желудокъ; и затѣмъ, онъ снова начиналъ пить, словно до тѣхъ поръ не проглотилъ и капли вина.

„Что касается денегъ, то былъ онъ весьма расточителенъ, когда онѣ у него водились; но часто у него ни гроша не оставалось, и я зналъ объ этомъ. И чтоже? на утро, онъ показывалъ мнѣ полный кошелекъ, и я дивился тѣмъ болѣе, что не могъ догадаться, откуда онъ добылъ деньги. Почти ежемѣсячно покупалъ онъ новое платье, а старое отдавалъ первому встрѣчному. Но это старое платье было до того грязно и плохо, что я никогда бы не рѣшился ни попросить его для себя, ни получить его для подарка другому.

„Онъ дѣлалъ чудеса, излечивая самыя опасные нарывы. А между тѣмъ, онъ не предписывалъ своимъ больнымъ ни діэты, ни рода пищи. Онъ дозволялъ имъ ѣсть и пить сколько угодно днемъ и ночью; онъ ихъ лечилъ и вылечивалъ, не смотря на то, что у нихъ, какъ онъ самъ нерѣдко говаривалъ, были наполнены желудки. Во всѣхъ родахъ болѣзни, онъ обычно давалъ слабительное, состоявшее изъ осадка порошка теріака, или митридата, или же изъ вишневаго или винограднаго сока, который онъ прописывалъ въ пилюляхъ. Что касается до его лауданума (такъ онъ называлъ пилюли, имѣвшія величину и видъ мышинаго помета, и которыя онъ давалъ только въ важныхъ случаяхъ и всегда въ нечётномъ числѣ), то онъ хвалился ими до того, что утверждалъ не колеблясь, что этимъ средствомъ онъ можетъ воскресить мертваго. И сколько разъ, пока я жилъ у него, онъ оправдывалъ на дѣлѣ такую похвальбу.

„Я никогда не видѣлъ и не слышалъ, какъ молился Парацельсъ; онъ не заботился ни о духовенствѣ, ниже объ ученіи евангелическомъ, которое въ то время стало одерживать у насъ верхъ. Онъ непочтительно отзывался какъ о Галенѣ и Иппократѣ, такъ и о папѣ и Лютерѣ; всѣхъ ихъ онъ равно не уважалъ, „ибо, говорилъ онъ, между всѣми, древними и новыми, кто писалъ о священномъ писаніи, ни одинъ не понималъ истиннаго его смысла; ни одинъ не раскусилъ ядра, а всѣ останавливались на скорлупѣ, и даже на перепонкѣ, покрывающей скорлупу. Онъ говорилъ это и еще многое другое, чего я не могу припомнить“.

Изъ чтенія этого письма, легко убѣдиться, что Опоринъ, хотя человѣкъ ученый, былъ скорбѣнъ головою. Его жалобы порою были комичны; такъ онъ жалуется не на свою неумѣлость наблюдать отдѣленіе паровъ, а на Парацельса, что разъ „чуть не удушилъ его.“ То хвалитъ необычайную послѣдовательность мыслей, рабочесть, искусство въ леченіи, то считаетъ его философію вздорной. Онъ не можетъ какъ нибудь просто объяснить появленіе денегъ у Парацельса. Онъ обвиняетъ его въ жестокомъ пьянствѣ, и самъ разсказываетъ, что огонь не угасалъ въ его лабораторіи. Вѣроятно, Парацельсъ порой пилъ неумѣренно, но за то онъ умѣлъ и работать.

На основаніи этого несчастнаго письма, враги Парацельса выводили даже, что онъ былъ евнуховъ.

„Есть преданіе, говоритъ Аделунгъ, что онъ въ юности оскопился. Гуадъ считаетъ этотъ фактъ несомнѣннымъ. Онъ говоритъ, что операція была произведена отцомъ. Эрастъ утверждаетъ, что слышалъ въ Каринтіи, будто солдатъ, встрѣтивъ его ребенкомъ въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ онъ пасъ гусей, сдѣлалъ это надъ нимъ. По Гельмонту, свинья выѣла его мужскіе органы".

Эрастъ съ великимъ тщаніемъ собиралъ всѣ басни, распущенныя про Парацельса, и приводилъ въ доказательство его скопчества портреты: „на нихъ-де онъ безъ бороды." Это доказательство опровергается портретомъ Парацельса, приложеннымъ къ собранію его сочиненій. На этомъ портретѣ, сдѣланномъ съ рисованнаго съ натуры Тинторетомъ, Парацельсъ изображенъ съ бородой.

II.

Разставшись съ Опориномъ, Парацельсъ изъ Эльзаса отправился въ Швейцарію и южную Германію. Онъ снова, какъ до полученія каѳедры въ Базелѣ, началъ вести странническую жизнь.

Будучи въ ноябрѣ 1529 года, въ Нюренбергѣ, онъ посвятилъ одну изъ своихъ книгъ совѣту этого города, безъ сомнѣнія, надѣясь получить какое нибудь мѣсто. Но нюренбергскіе врачи дѣлали всевозможное, чтобы очернить его. Они называли его обманщикомъ и бродягой. Онъ, съ своей стороны, не остался въ долгу и обзывалъ ихъ невѣждами, педантами и шарлатанами. Чтобъ еще больше унизить ихъ, онъ сталъ даромъ лечить больныхъ, отъ которыхъ они отказались. Къ нему тотчасъ пришли больные, такъ называемой, *слоновой болѣзнью (elephantiasis)*, отъ которой кожа твердѣетъ и морщитъ, какъ слоновая, и происходитъ опухоль ногъ. Парацельсъ, какъ разсказываютъ, вылечивалъ отъ этой болѣзни.

Но ни посвященіе книги, ни это чудесное излеченіе не расположили города Нюренберга въ пользу швабскаго хирурга; это оказывается тѣмъ, что въ 1530 году, по требованію лейбцигской медицинской школы, ему запретили печатать книгу о *Докторскихъ обманахъ*. Въ этомъ случаѣ, лейпцигскій университетъ выказалъ крайнюю нетерпимость.

Парацельсъ впалъ въ страшную бѣдность. Оклеветанный, имѣя между противниками людей съ положеніемъ въ обществѣ, онъ всюду въ Нюренбергѣ встрѣчалъ только презрѣніе и ненависть. Для него не существовало способа оправдаться вслѣдствіе запрещенія печатать книгу, въ которой заключался его отвѣтъ противъ взведенныхъ на него клеветъ и обвиненій.

Въ мартѣ 1531 года, мы встрѣчаемъ его въ Санъ-Галли въ Швейцаріи. Маркграфъ Филиппъ Баденскій былъ болѣнъ разстройствомъ желудка, отъ чего никто его не могъ вылечить. Призвали Парацельса, и маркграфъ обѣщалъ ему княжеское вознагражденіе, если онъ вылечитъ его. Выздоровѣвъ, маркграфъ и не подумалъ объ исполненіи договора. Онъ не только не сдержалъ слова, но сталъ поступать вовсе не по-княжески. Парацельсъ обошелся съ нимъ самымъ оскорбительнымъ образомъ и принужденъ былъ бѣжать изъ города.

Въ 1532 году, онъ былъ въ Пруссіи; въ 1535 году, объѣхалъ Польшу и Литву. Въ 1535 году, снова вернулся въ Швейцарію, гдѣ въ послѣдній день августа посвятилъ одному изъ пфеферскихъ аббатовъ сочиненіе о *Пфеферскихъ минеральныхъ водахъ.*

7 мая слѣдующаго года, онъ посвятилъ австрійскому эрцгерцогу Фердинанду, третью книгу своего большаго сочиненія о *хирургіи.*

Глауберъ обвиняетъ Парацельса въ жестокомъ оскорбленіи вѣнскихъ медиковъ. Вотъ какъ было дѣло. Его призывали на консультацію къ нѣкоторымъ знатнымъ больнымъ, и онъ лечилъ удачно. Вознагражденіе равнялось важности болѣзни; ему, безъ сомнѣнія, нечего было жаловаться и на докторовъ, которые приглашали его, потому что наканунѣ выѣзда изъ города, онъ счелъ нужнымъ пригласить ихъ на прощальный обѣдъ.

Въ концѣ обѣда, его стали настойчиво просить, чтобъ онъ вкратцѣ объяснилъ свой способъ леченія. Вмѣсто отвѣта, Парацельсъ приказалъ принести блюдо, закрытое серебрянымъ колпакомъ. На этомъ таинственномъ блюдѣ лежалъ отвѣтъ на вопросъ. Такъ думали гости, и не ошибались. Имъ не пришлось долго догадываться, что такое на блюдѣ; крышка была снята.

Мы не скажемъ, что такое было подъ колпакомъ. Пусть читатель отгадаетъ самъ.

При такомъ отвратительномъ зрѣлищѣ, всѣ выскочили изъ-за стола и ушли, выражая словами и жестами свое полное неудовольствіе. А Парацельсъ вслѣдъ имъ кричалъ: „Ахъ, невѣжды! Ослы, недостойные открытой имъ тайны! Убирайтесь вы къ чорту! Скорѣй!“

Доктора-гости Парацельса повидимому не подозрѣвали о связи, необходимо существующей между родомъ изверженій больнаго и состояніемъ, въ которомъ находятся пищеварительные органы; и что часто, въ ту силу, что существуютъ соотношенія между всѣми частями живой организаціи, приходится разсматривать изверженія.

Въ іюлѣ 1536 года, Парацельсъ былъ въ окрестностяхъ Аугсбурга. Его призвали къ тамошнему патрицію Лангенмантелю, жена котораго была очень больна, и онъ ее вылечилъ.

Изъ Аугсбурга, нашъ странствующій врачъ отправился въ Ландсбергъ въ Баваріи Тамъ, докторъ Рехклау лечилъ въ своемъ домѣ двухъ благородныхъ дамъ, жену и сестру доктора Зебальда, изъ Пфетена; одна страдала водяной, другая чахоткой. Рехклау поручалъ этихъ больныхъ Парацельсу, но онъ отказался, считая ихъ положеніе безнадежнымъ.

Изъ Ландсберга, Парацельсъ переѣхалъ въ Мюнхенъ, и тамъ лечилъ меркуріальнымъ пластыремъ одного больнаго и только усилилъ его болѣзнь. Вскорѣ, изъ Мюнхена онъ отправился въ Венгрію и Трансильванію. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, онъ говоритъ, что былъ въ этихъ странахъ въ 1536 году, но что его тамъ дурно встрѣтили. Надъ одной изъ его панацей, *оподельдокомъ*, смѣялись.

Ненависть къ Парацельсу мало-по-малу стала проникать и въ массу. Общее мнѣніе возстало противъ химическихъ лекарствъ.

Тогда, для возстановленія своей репутаціи, Парацельсъ отказался отъ медицины, и посвятилъ себя всецѣло хирургіи. Въ это время онъ написалъ большинство своихъ хирургическихъ сочиненій.

Георгъ Беттеръ, впослѣдствіи получившій степень доктора, сопровождалъ его въ теченіе двухъ лѣтъ съ четвертью въ каче-

ствѣ ученика и секретаря, во время его путешествій по Австріи, Венгріи, Трансильваніи и другимъ странамъ. Онъ говоритъ, что многому научился у Парацельса по практической хирургіи. Только онъ порой страдалъ отъ странныхъ выходокъ учителя, котораго подозрѣвалъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ.

Мы уже упомянули, что Парацельсъ посвятилъ эрцгерцогу Фердинанду третью книгу своей *Великой хирургіи;* но это посвященіе не вызвало, со стороны принца, никакого знака благоволенія. Фердинандъ лично не могъ оцѣнить достоинства книги, и принужденъ былъ обратиться за совѣтомъ къ докторамъ; легко понять, какъ они отнеслись къ его трудамъ. Видя, что въ Вѣнѣ успѣха не будетъ, Парацельсъ отправился въ Моравію и Чехію и затѣмъ въ Венгрію.

Его практика въ Чехіи была неудачна. Іоаннъ Лейппа, наслѣдственный чешскій маршалъ, страдалъ ломотой и обратился къ Парацельсу. Послѣ химическаго лекарства Парацельса, перемежающаяся ломота маршала сдѣлалась постоянной. У сына его Бертольда слегка заболѣли глаза. Парацельсъ сталъ лечить его, и онъ ослѣпъ. У баронессы Церотейнъ были боли въ нижней части живота: отъ лекарста Парацельса у нея открылся страшный поносъ, отъ котораго она умерла. Вскорѣ и маршалъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ. Парацельсъ счелъ за лучшее удалиться.

Не теряя еще надежды обратить на себя вниманіе австрійскаго эрцгерцога, онъ вернулся въ Вѣну. Онъ добился двухъ аудіенцій императора, который толковалъ съ нимъ о способахъ улучшить хирургію въ своихъ владѣніяхъ, но повидимому не понялъ мыслей Парацельса.

Не слѣдуетъ удивляться, что послѣднія изъ разсказанныхъ Парацельсомъ леченій были неудачны. Медицинскія ошибки всегда не рѣдки. Парацельса даже преслѣдовали судомъ за нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ.

Затѣмъ мы видимъ его въ Каринтіи. Прежде чѣмъ отправиться въ городъ, гдѣ его отецъ былъ такъ долго врачемъ, онъ счелъ необходимымъ составить нѣчто въ родѣ *Апологическаго посланія*, въ которомъ исчисляетъ свои многочисленныя путешествія, свои

медицинскія нововведенія, а также нападки и клеветы, которымъ подвергались его личность и труды.

При письмѣ отъ 24 апрѣля 1538 года, къ чинамъ герцогства Каринтійскаго, Парацельсъ прислалъ свое *Апологическое посланіе*, *Каринтійскую хронику* и еще нѣсколько сочиненій, съ обѣщаніемъ удивительныхъ излеченій. Правительственная коммиссія, въ отвѣтѣ своемъ отъ 2 сентября, благодарила его за такую честь и обѣщала, что представитъ на разсмотрѣніе штатовъ присланныя имъ сочиненія.

Въ ожиданіи, Парацельсъ объѣхалъ всю Каринтію и посѣтилъ городъ Виллахъ, гдѣ жилъ его отецъ.

Онъ не ограничился поѣздкой по Каринтіи и посѣтилъ сосѣднія страны. Не успѣвъ у императора Фердинанда, онъ надѣялся, что будетъ счастливѣй у его преемника, Карла Пятаго. Утверждаютъ, что онъ желалъ обратить на себя его вниманіе счастливыми пророчествами и обѣщаніемъ открыть тайну философскаго камня. Онъ написалъ для Карла Пятаго свои *Practica* или *Астрологическія предсказанія на 1539 годъ*, которыя помѣщаются донынѣ въ числѣ приписываемыхъ ему сочиненій. Іезуитъ Ренатъ Рапэнъ доказываетъ, что обѣщанія на счетъ философскаго камня были лживыя, и что императоръ счелъ Парацельса за сумасшедшаго. Все это походитъ скорѣй на сказку, чѣмъ на подлинный фактъ.

Неизвѣстно, что дѣлалъ Парацельсъ въ 1540 году. Вслѣдствіе печальнаго образа жизни, здоровье его весьма разстроилось. Хотя ему было всего сорокъ семь лѣтъ, онъ глядѣлъ старикомъ. Въ началѣ 1541 года, онъ, вѣроятно, изъ Каринтіи отправился въ Зальцбургъ. Это заключаютъ по письму, которымъ одинъ изъ краковскихъ жителей, въ августѣ 1541 года, совѣтуется съ нимъ на счетъ одной хирургической болѣзни.

Парацельсъ жилъ тогда уже послѣдніе дни. Обычно утверждаютъ, что онъ умеръ въ зальцбургскомъ госпиталѣ; это несправедливо. Въ его завѣщаніи, впослѣдствіи напечатанномъ, сказано, что онъ умеръ въ небольшой комнаткѣ гостиницы *Бѣлаго коня*. Нельзя давать ни малѣйшей вѣры разсказу, что онъ былъ отравленъ врагами. Они убивали его только нравственно, безпрерывно,

всю жизнь, унижая и преслѣдуя его, клевеща на него. Они же распустили слухъ, что онъ умеръ въ госпиталѣ, въ глубокой бѣдности.

Ни бѣдность, ни смерть въ госпиталѣ, — не безчестятъ человѣка, и выдумывая разсказъ о смерти Парацельса, его враги и лгали и клеветали.

Онъ умеръ 24 сентября 1541 года, сорока семи лѣтъ отъ роду. Передъ смертью, онъ перешелъ въ католичество. Въ завѣщаніи его, онъ назначаетъ небольшіе вклады на заупокойныя обѣдни.

Онъ былъ погребенъ по римско-католическому обряду, на кладбищѣ, при церкви госпиталя св. Севастіана. На внѣшней сторонѣ церкви, можно доселѣ прочесть слѣдующую, украшенную гербами рода фонъ Гогенгеймовъ, эпитафію:

Conditur hic Thilippus Pheophrastus, insignis medicinæ doctor qui dira illa vulnera, lepram, podagram, hidropisin, aliaque insanabilia corporis contagia, mirifica, arte sustulit: ac bona sua in pauperes distribuenda, collocanda honoravit. Anno MDXXXXI, die XXIV septembris, vitam cum morte mutavit [1]).

Парацельсъ написалъ свое завѣщаніе въ присутствіи нотаріуса. Онъ указалъ мѣсто своего погребенія. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы заупокойныя обѣдни пѣлись по немъ 1, 7 и 30 числа. Его весьма невеликое наслѣдство состояло изъ двухъ, или трехъ небольшихъ золотыхъ цѣпей, нѣсколькихъ колецъ и медалей, небольшаго количества золота, изъ серебряныхъ небольшой вазы и шара, нѣсколькихъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, караловъ, вещицъ изъ чернаго дерева, неизвѣстнаго камня, вдѣланнаго въ воскъ, изъ бѣлья и платья; наконецъ, изъ всякаго рода ящиковъ съ порошками, мазями и химическими инструментами. Изъ книгъ осталось „Сводный текстъ Евангелій“ и „Толкованіе четырехъ Евангелій“ святаго Іеронима; изъ рукописей — книга медицинскихъ рецептовъ, семь трактатовъ и нѣсколько незначительныхъ сочиненій.

Онъ завѣщалъ серебряный кубокъ эйзидельнскому монастырю

---

[1]) Здѣсь погребенъ Филиппъ-Ѳеофрастъ, знаменитый докторъ медицины, излечившій съ удивительнымъ искусствомъ жестокія болѣзни, проказу, ломоту, водяную, а равно другія неизлечимыя тѣлесныя заразы и употребившій на добро свои деньги, раздавая ихъ нищимъ. Лѣта 1541, 24 сентября, онъ прешелъ отъ сей жизни.

(въ Швейцаріи), гдѣ жила его мать. Кубокъ этотъ существуетъ до сихъ поръ и служитъ въ церкви чашей при богослуженіи. Существуетъ повѣрье, что металъ для этой чаши искусственно приготовленъ Парацельсомъ.

Онъ завѣщалъ одному зальцбургскому цирюльнику немного денегъ; Андрею Виндлю, другому цирюльнику, свои медицинскія книги и нѣсколько мазей. Не слѣдуетъ забывать, что тогдашніе цирюльники были хирургами.

Лекреркъ, историкъ медицины, прибавляетъ, что послѣ Парацельса осталось всего шестнадцать флориновъ, изъ которыхъ десять онъ завѣщалъ своимъ эйнзидельнскимъ родственникамъ. Кромѣ вещей, упомянутыхъ въ завѣщаніи, Парацельсъ оставилъ въ Аугсбургѣ и различныхъ каринтійскихъ городахъ книги, одежду, домашній скарбъ. Душеприкащики вытребовали эти вещи.

Вѣчно злобный и неумолимый Аделунгъ прибавляетъ:

„Таково въ итогѣ оказалось, говоритъ онъ, наслѣдство послѣ врача, хвалившагося, что вылечилъ восемнадцать принцевъ, что онъ съ успѣхомъ лечилъ во всей Европѣ миріады опасныхъ болѣзней и болѣе, обладалъ философскимъ камнемъ"

Аделунгъ озаглавилъ свою біографію Парацельса: „*Великій Шарлатанъ*". Будь Парацельсъ шарлатаномъ во всемъ значеніи этого слова, то, конечно, тѣмъ или инымъ способомъ онъ составилъ бы себѣ состояніе и оставилъ бы послѣ себя что-нибудь побольше шестнадцати флориновъ и экземпляра библіи.

І. К. В. Мозенъ, въ своей замѣткѣ о *Собраніи портретовъ знаменитыхъ врачей*, говоритъ, что знаетъ тридцать-пять гравюръ, или портретовъ Парацельса. На большей части портретовъ Парацельсъ изображенъ лысымъ, безбородымъ и опершимся лѣвой рукой на чашку шпаги.

Въ латинскомъ изданіи сочиненій Парацельса, сдѣланномъ Битискіусомъ (Женева, два тома in-folio, 1658), находится превосходная гравюра его портрета съ замѣчаніемъ: *J. Tintoret ad vivum pinxit*, то-есть съ натуры рисовалъ Тинторетъ. На этомъ портретѣ, Парацельсъ лысъ; у него борода, и въ лѣвой рукѣ докторскій беретъ. Битискіусъ увѣряетъ въ предисловіи, что Тинторетъ писалъ портретъ Парацельса въ Венеціи, когда тотъ слу-

жилъ хирургомъ въ венецейской арміи; онъ поэтому считаетъ этотъ портретъ самымъ схожимъ. При нашей статьѣ приложенъ снимокъ съ этого портрета.

III.

Человѣкъ, оказавшій громадное вліяніе въ свой вѣкъ, подвергшій критикѣ принципы, дотолѣ считавшіеся непоколебимыми опрокинувшій всѣми признанные авторитеты,—конечно, обладалъ высшими способностями. Правда, у Парацельса не было книжной эрудиціи, онъ не обладалъ *классическими знаніями;* а въ тотъ вѣкъ, когда онъ жилъ, считали невѣждой всякаго, кто не могъ разговаривать по-латыни. Конечно, латинская эрудиція есть нѣкотораго рода обширный репертуаръ всѣхъ знаній, добытыхъ вѣковымъ опытомъ. Человѣку, лишенному такого пособія, весьма трудно подняться надъ общимъ уровнемъ, и если ему и удастся открыть новыя истины, то неразъ передъ этимъ онъ впадетъ въ огромныя ошибки. Но университетское образованіе шестнадцатаго вѣка скорѣе могло отнять всякую самодѣятельность ума чѣмъ развить ее, а стало быть, могло только умертвить геній при самомъ его зарожденіи. Учись Парацельсъ какъ всѣ, онъ вѣроятно никогда бы не выполнилъ роль реформатора, составляющую славу и несчастіе его жизни.

Умъ Парацельса сложился именно такъ, какъ требовалось отъ человѣка, на долю котораго выпала критика и обновленіе медицины. У него была та увѣренность и вѣрность взгляда, которая пріобрѣтается черезъ постоянныя путешествія по различнымъ странамъ. Смѣлый, полный энтузіазма, онъ съ необычайною легкостью выражался на родномъ языкѣ, а когда былъ одушевленъ, то и съ великой энергіей. Онъ плохо зналъ по-латыни; онъ привыкъ думать и говорить только на своемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ, бывшемъ въ пренебреженіи у ученыхъ. Онъ диктовалъ по-нѣмецки своему секретарю Опорину и диктовалъ быстро, какъ человѣкъ, въ головѣ котораго толпятся мысли. Затѣмъ Опоринъ который вовсе не былъ первостепеннымъ литераторомъ, переводилъ продиктованное по-латыни, какъ могъ, въ чемъ самъ сознается.

Не разъ случалось, что Опоринъ, торопясь записать, записывалъ нѣкоторыя слова нечетко, и при переводѣ замѣнялъ ихъ другими, измѣнявшими смыслъ фразы. Вотъ первая причина темноты въ его произведеніяхъ.

Другая причина, приводившая къ тѣмъ же результатамъ, заключалась въ нѣмецкихъ терминахъ, которые Парацельсъ употреблялъ для выраженія метафизическихъ идей. Нѣмецкій языкъ въ то время былъ не обработанъ, и весьма трудно было прилагать его къ философскимъ разсужденіямъ. Если Парацельсъ былъ принужденъ употреблять на родномъ языкѣ термины, смыслъ которыхъ не былъ ясно опредѣленъ, то какъ было его переводчикамъ найти по-латыни выраженія равнозначительныя? Къ этому слѣдуетъ прибавить, что даже въ сочиненіяхъ, обнародованныхъ при его жизни, встрѣчаются мѣста, испорченныя или поддѣланныя его врагами; онъ горько жалуется на это въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Наконецъ, ясности его сочиненій во многомъ повредилъ темный и таинственный языкъ, который онъ порою употреблялъ намѣренно. Напр., въ его *Архидоксѣ* (кн. I) онъ говоритъ, что мало заботится о томъ, что глухая и нечестивая чернь не пойметъ его, что онъ желаетъ быть понятымъ только своими. Его агенты старались понять именно эту книгу; въ ней онъ объясняетъ начала своихъ химическихъ препаратовъ, способъ разъединенія элементовъ и извлеченія *квинтъ-эссенцій* словомъ—свою *химическую философію*.

Талантливые писатели занимались безпристрастнымъ и глубокимъ изслѣдованіемъ сочиненій Парацельса. Между тѣми, трудами которыхъ мы пользовались, мы упомянемъ преимущественно о докторахъ Бордесъ-Пажесѣ [1]), Михеа [2]), Крювелле [3]), Гёферѣ [4]) и наконецъ Франкѣ [5]).

---

[1]) *Revue indépendante,* 10 avril 1849.

[2]) *Gazette médicale*, 7 и 14 мая 1842.

[3]) *Philosophie des sciences médicales, Oeuvres choisis*, in—18. Paris, 1861.

[4]) Исторія химіи. Томъ II-й.

[5]) *Notice sur Paracelse et l'alchimie au seizième siècle.* Notice lue à la séance publique des cinq Academies, le 25 décembre 1853.

Господствующая идея сочиненій Парацельса состоитъ въ преобразованіи медицины при помощи преобразованія терапевтики; изобрѣтеніе новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ лекарствъ, при помощи химическихъ процессовъ. Это нововведеніе, приложеніе котораго особенно удобно у постели больнаго, не оставило яркихъ слѣдовъ въ сочиненіяхъ Парацельса. На практикѣ, у постели больнаго, открывалъ онъ новыя идеи, и дошедшія до насъ сочиненія могутъ дать только слабое понятіе о его вліяніи, какъ медика. Но видя Парацельса, излечивающаго, точно по волшебству, при помощи ртутныхъ препаратовъ, самыя страшныя проявленія болѣзни, занесенной изъ Новаго Свѣта; видя, какъ въ нѣсколько дней, при помощи сурьмяныхъ солей, онъ излечивалъ простуды груди,—нельзя было безъ энтузіазма глядѣть на этого могучаго обновителя старинной медицины. Но только слабые слѣды всего этого видны въ его сочиненіяхъ, впрочемъ весьма малочисленныхъ, если исключить сочиненія, обманнымъ образомъ ему приписанныя.

Мы уже сказали, что нѣмецкій врачъ Марксъ насчитываетъ всего десять сочиненій, несомнѣнно принадлежащихъ Парацельсу. Не болѣе трехъ изъ нихъ появилось при его жизни, но и въ нихъ есть вставки. Во время самаго печатанія дѣлались эти безчестныя вставки. Десять сочиненій, несомнѣнно принадлежащихъ Парацельсу, въ хронологическомъ порядкѣ, суть слѣдующія: *De Gradibus et Compositionibus receptorum;—Малая хирургія; семь книгъ объ открытыхъ ранахъ; три книги о французской болѣзни) объ обманахъ докторовъ; Opus primatum; Пфеферскія воды; Большая хирургія; девять книгъ de natura rerum; три книги: одна въ защиту автора, другая объ ошибкахъ врачей и третья о происхожденіи мочеваго камня.*

Сочиненія его были собраны и обнародованы Іоганномъ Гузеромъ, по желанію архіепископа кельнскаго. Іоганнъ Гузеръ собралъ всѣ рукописи Парацельса, разсѣянныя въ различныхъ странахъ Европы, и напечаталъ ихъ при помощи архіепископа князя-курфюста кельнскаго [1]). Собраніе это не представляетъ

[1]) Bücher und Schriften philosophi medici Philippi Theophrasti Bombast von Ho-

полнаго изложенія ученія; это сборникъ различныхъ трактатовъ по медицинѣ и алхиміи. Но какъ мы уже замѣтили, большая часть этихъ сочиненій только приписывается Парацельсу, потому что у него не было времени написать эти десять томовъ in 4°.

Дѣйствительность его химическихъ лекарствъ внушала ему глубокое презрѣніе къ врачамъ-галенистамъ, и онъ часто напускается на нихъ съ яростью. Приведемъ характерныя въ этомъ отношеніи мѣста.

Въ Германіи его называли, вмѣсто *Θеофраста—Какофрастомъ*, а парижскій университетъ прозвалъ его Лютеромъ.

„Нѣтъ, восклицаетъ онъ, я не *Лютеръ:* я Θеофрастъ, котораго въ насмѣшку вы называете въ Базелѣ *Какофрастомъ.* Я выше Лютера: онъ былъ только богословомъ, а я знаю медицину, философію, астрономію, алхимію. Лютеръ не достоинъ развязать завязокъ башмаковъ моихъ [1]).

Парацельсъ не обладалъ ни терпѣливостью, ни скромностью; но необузданность языка, за которую такъ обвиняли его, была общая врачамъ и діалектикамъ того времени.

Онъ слѣдующимъ образомъ выражается въ предисловіи къ *Liber paragranum:*

„Кричатъ только тѣ, кто чувствуетъ себя раненымъ и хилымъ... Само искусство не можетъ жаловаться, потому что оно непоколебимо, какъ основы земли и неба... Въ отвѣтъ врагамъ моимъ, я укажу на четыре столба (философія, астрономія, алхимія и доблесть), на которыхъ основывается медицина. Вы должны привязаться къ этимъ столбамъ, если не хотите прослыть обманщиками... Да, вы послѣдуете за мною, ты Авицена, ты Галенъ, ты Разесъ, ты Монтальяна, ты Мезуй; вы изъ Парижа, Монпелье, изъ Мейссена, Кельна и Вѣны; вы вскормленные Дунаемъ и Рейномъ; вы острова Іоническаго моря; вы, Италія, Далмація, Аѳины, Греція, арабы, израильтяне... Я буду вашимъ царемъ... Вы будете чистить мои трубы... Моя школа одержитъ верхъ надъ Пиніемъ и Аристотелемъ и ихъ въ свою очередь назовутъ *Како-Плиній* и *Како-Аристотель...* Вотъ къ чему поведетъ искусство извлекать квинтэссенціи изъ минераловъ!... Алхимія превратитъ въ щелочь вашего Эскулапа и вашего Галена; огонь будетъ вашимъ прочистительнымъ; сѣра и сюрьма будутъ дороже золота... Какъ жаль мнѣ души Галена!... Развѣ мнѣ не присылались отъ душъ умершихъ письма, писанныя изъ ада! Кто бы могъ подумать, что столь великій царь медицины можетъ умереть и отправиться къ дьяволу! Вы обвиняете

---

henheim Paracelsi gennant etc., durch Joannem Huserum. Базель, anno 1589, 10 томовъ, in 4°.

[1]) Fragmenta medicinae Paragranum.

меня въ литературномъ воровствѣ... Вотъ уже десять лѣтъ, какъ я не читалъ ни одной изъ книгъ вашихъ. То, чему вы научили меня, исчезло, какъ снѣгъ; я бросилъ это въ купальный огонь, дабы мое царство было чисто... Вы хотите стереть меня въ порошокъ, приговариваете меня къ сожженію... Я снова зазеленѣю, а вы, вы станете засохшими кустами.

„Врачами дѣлаютъ насъ излеченія, а не императоры, папы, университеты, привилегіи, академіи. Какъ! за то, что я излечивалъ самую упорную болѣзнь, венерическую болѣзнь, не щадящую ни народовъ, ни государей, вы топчете меня въ грязь!... Обманщики! Вы изъ змѣиной породы, и отъ васъ мнѣ нечего ждать, кромѣ яда. Еслибъ я могъ защитить столь же легко мою лысую голову отъ мухъ, какъ мое царство отъ васъ!... Вы не знаете даже простыхъ лекарствъ; вы спрашиваете у аптекаря: что это? Что это такое?... И собаки лечить я не довѣрю вамъ.

„Неужели я сталъ хуже потому, что не посѣщаю королевскихъ дворцовъ? Неужели вы становитесь искуснѣе, принявъ присягу? Публика обличаетъ васъ въ этомъ... Застежки моихъ башмаковъ знаютъ больше Галена и Авицены. Придетъ день, когда небо породитъ врачей, которые узнаютъ орканы, тайны, тинктуры. Какую степень вы будете имѣть тогда? Кто станетъ подносить подарки вашимъ женамъ? Кто имъ подаритъ драгоцѣнныя вещи, ожерелья?

„Вы упрекаете меня въ смерти больныхъ. Но развѣ я могу воскресить тѣхъ, кого вы уже убили, или склеить разрѣзанныя уже вами члены? Когда вами уже дано такому-то восемь унцій меркурія, другому шестнадцать, то какъ вылечить болѣзнь, когда это живое серебро уже въ мозгѣ костей, когда оно течетъ по венамъ, проникло въ сочлененія [1])?

Эта тирада служитъ отвѣтомъ большей части нападокъ, направленныхъ противъ него врачами. До насъ она дошла только по-латыни; но по-нѣмецки она вѣроятно была еще оригинальнѣе и ядовитѣе.

Парацельсъ, котораго часто изображали, какъ типъ врача-эмпирика, называетъ эмпириковъ палачами и убійцами. Никогда, по его мнѣнію, не слѣдуетъ также отдаваться чистой теоріи. Онъ говоритъ по этому поводу, что „недоказанная опытомъ теорія все равно, что святой, не совершившій чуда“.

Изложимъ вкратцѣ его философію. По его мнѣнію, люди уже раждаются съ различными склонностями и способностями къ умственнымъ работамъ; но, говоритъ Парацельсъ *(Liber paragranum)*, одни успѣваютъ въ одной отрасли знаній (наукъ, или искуствъ), другіе въ другой; и это справедливо относительно наро-

---

[1]) Paragranum, lib. II, t. I.

довъ, какъ и отдѣльныхъ личностей. Единственное средство научиться—бывать всюду. Это его любимая тема.

Въ одномъ мѣстѣ книги *De inventione artium*, Парацельсъ выражается такъ:

„Слѣдуетъ тебѣ постигнуть, что мы всѣ, сколько насъ есть, чѣмъ дольше живемъ, тѣмъ становимся образованнѣе, и что чѣмъ больше вѣковъ Богъ употребляетъ на наше образованіе, тѣмъ больше расширяетъ онъ наши знанія; чѣмъ больше мы приближаемся къ дню послѣдняго суда, тѣмъ болѣе мы возрастаемъ въ наукѣ, мудрости, проницательности, разумѣніи; ибо всѣ сѣмена, хранящіяся въ духѣ нашемъ, достигаютъ зрѣлости; такимъ образомъ, послѣдніе будутъ дальше насъ во всѣхъ вещахъ, а первые меньше. Тогда только поймутся эти евангельскія слова: „Первые будутъ послѣдними".

Въ своей *Первой защитѣ новой медицины* онъ говоритъ:

„Не говори, что такая-то болѣзнь неизлечима; говори, что ты только не можешь, или не умѣешь излечить ее. Тогда ты избавишься проклятій, которыя сопутствуютъ лже-пророкамъ; тогда станутъ отыскивать, пока не найдутъ, новую тайну искусства. Христосъ сказалъ: „Спросите писаніе". Отчего-же, подобно какъ къ святымъ книгамъ, не обращаться съ вопросами къ природѣ?"

Онъ полагаетъ, что человѣкъ состоитъ изъ видимой части, которая есть тѣло, мышцы, кровь, и изъ части невидимой, которая живетъ въ этомъ тѣлѣ, которая видитъ, ощущаетъ и понимаетъ. Органъ есть только какъ бы ларчикъ, въ которомъ находится способность, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Когда органъ испорченъ, способность исчезаетъ. Въ чемъ же должна состоять обязанность врача? Онъ долженъ очистить домъ, дабы духъ могъ дѣйствовать въ немъ. Искусство можетъ или освободить духъ, заключающійся въ тѣлѣ, какъ огонь въ растущемъ деревѣ; или удержать его тамъ, какъ удерживаютъ зануздавную лошадь, или собаку, надѣвая ошейникъ.

Слово духъ, *spiritus*, *ars spiritualis*, на ученомъ языкѣ Парацельса, имѣетъ особое значеніе. Подъ словомъ *spiritus*, Парацельсъ разумѣетъ *силу, чисто метафизическую причину*, дѣятеля неосязаемаго, невидимаго.

Онъ обращается къ врачамъ, оспаривая ученіе тѣхъ, которые ищутъ причины болѣзней во влагахъ:

„Какимъ образомъ влага можетъ быть или самой болѣзнью, или причиной болѣзни? Болѣзни, еще менѣе видимы чѣмъ воздухъ и вѣтеръ, еще менѣе осязаемы.

Итакъ, если болѣзни, невидимыя и неосязаемыя, какъ вѣтеръ, нельзя ни видѣть, ни ощупать, то какъ-же вы, спрашиваю я васъ, можете ихъ изгонять, выводить ихъ? Вотъ почему *духъ* долженъ быть приложенъ къ духу (то-есть неосязаемая причина къ таковой-же). Когда снѣгъ исчезаетъ лѣтомъ подъ вліяніемъ солнца, то кто дѣйствуетъ непосредственно на его субстанцію? Никто. Вы согласны, что снѣгъ можетъ быть уподобленъ болѣзни, потому что она есть субстанція, тѣло которымъ можно распоряжаться по волѣ. Но вещь, содѣлывающая эту субстанцію снѣговой, не есть тѣло: это *духъ*, то-есть неосязаемая, невѣсомая причина. Тоже о причинѣ, становящейся болѣзнью, или ее дѣлающей, производящей. Но кто ее видитъ? Никто. Кто ее осязаетъ? никто. Какъ же врачъ можетъ отыскивать болѣзни во влагахъ, и этимъ объяснять ихъ происхожденіе? Особенно, когда влаги производятся, порождаются болѣзнями, а не болѣзни влагами. Не снѣгъ производитъ зиму, а зима производитъ снѣгъ. Исчезновеніе снѣга не заставитъ исчезнуть зиму [1]).

Изъ этого отрывка видно, что слово *духъ* употребляется для обозначенія одной изъ причинъ, называемыхъ *теплородомъ, электричествомъ и т. д.* Слово *spiritus*, переводимое нами словомъ *духъ*, часто употребляется Парацельсомъ въ другихъ, весьма различныхъ значеніяхъ. Онъ отличаетъ духъ медицинскій или тѣлесный, называемый иными *жизненной или чувствующей душою* отъ высшаго духа, или души *безтѣлесной, разумной, безсмертной*.

Вотъ какъ онъ опредѣляетъ *квинтъ-эссенцію*. Всякое вещество есть соединеніе различныхъ элементовъ. Но между этими элементами, одинъ господствуетъ надъ другими и придаетъ свое собственное свойство веществу, или цѣлому соединенію. Этотъ господствующій элементъ, отдѣленный отъ соединенія, есть то, что называется *квинтъ-энссенціей*. Искусство выдѣленія этого элемента состоитъ въ томъ, что вещество подвергается различнымъ операціямъ, могущимъ присоединить или уединить господствующій элементъ.

Во всякомъ сложномъ веществѣ, каждый элементъ, хотя и находится въ подчиненіи главному элементу, тѣмъ не менѣе остается тѣмъ, чѣмъ онъ есть, чѣмъ долженъ быть самъ по себѣ; и когда квинтъ-эссенція извлечена, каждый изъ прочихъ элементовъ сохраняетъ свои специфическія свойства; ни одно не уничтожается. Что же такое квинтъ-эссенція сама въ себѣ? Это жизнь, сила, это характерное свойство; это тотъ элементъ, который зо-

---

[1]) *Paragranum.*

лоту придаетъ его прекрасный цвѣтъ. Квинтъ-эссенцій столько же, сколько различнаго рода веществъ. Эссенція, или жизнь благовоннаго вещества это его запахъ; эссенція крапивы есть то, что жжетъ насъ; эссенція огня—воздухъ, безъ котораго огонь не можетъ существовать. Наконецъ, эссенція человѣка есть огнь небесный, невидимый и соединенный съ внутреннимъ воздухомъ, который его удерживаетъ. Во всякомъ растеніи, во всякомъ цвѣткѣ, во всякомъ металѣ, находится особая, отличная отъ другихъ субстанція, составляющая его жизнь и т. д.

„Полагали, говоритъ г. Франкъ, что философія Парацельса вполнѣ пантеистическая. Нѣтъ ничего болѣе неточнаго. Пантеизмъ сливаетъ во едино Бога и природу. Парацельсъ ихъ различаетъ, и громко признаетъ догматъ творенія. Пантеизмъ смотритъ на душу, какъ на преходящій модусъ, видъ, образъ всемірной мысли, которая не принадлежитъ ни единому мыслящему существу. Парацельсъ видитъ въ душѣ человѣка существо свободное, господствующее надъ природой и т. д.

Человѣкъ есть малый міръ, или *микрокосмъ*, говоритъ Парацельсъ; все, что существуетъ въ великомъ мірѣ, представляется и въ немъ; и изученіе міра человѣка надо начинать съ изученія внѣшняго міра. Внѣшній же міръ, или *макрокосмъ* состоитъ изъ вещей видимыхъ и вещей невидимыхъ. Видимыя вещи суть ничто иное, какъ грубое представленіе находящагося въ нихъ невидимаго духа; и такимъ образомъ, въ тѣлѣ человѣческомъ и во всякой душѣ есть видимое и невидимое, то-есть матерія и ея двигатель—духъ.

Францискъ Баконъ, который столь дурно отзывался какъ о своихъ современникахъ, такъ и о древнихъ, въ особенности несправедливо и ѣдко отзывается о Парацельсѣ. Онъ разбираетъ его ученіе, и будучи не въ состояніи проникнуть его смыслъ, разливается въ діатрибахъ противъ него, который тѣмъ не менѣе былъ его предшественникомъ въ философіи.

Парацельсъ, какъ извѣстно, не былъ знатокомъ астрономіи. Эта наука ограничивалась у него поверхностнымъ знаніемъ главнѣйшихъ видимыхъ явленій. Эрудиціи недоставало ему, и онъ никогда ни читалъ, ни даже пробовалъ читать Птоломея. Раціональная и математическая астрономія была вполнѣ чужда ему. Его собственная астрономія имѣетъ предметомъ, какое вліяніе оказываютъ на нашъ земной міръ всѣ звѣзды, всѣ тѣла, большія и малыя, наполняющія всемірное пространство. Нашъ міръ и все въ немъ находящееся, человѣкъ, животныя, растенія, минералы,—соподчинены остальной вселенной.

У него обо всемъ были оригинальныя мысли. Въ космологіи, онъ сравнивалъ шаръ земной, окруженный воздухомъ, съ яичнымъ желткомъ, плавающимъ посреди бѣлка.

Чтобъ сдѣлаться ученымъ астрономомъ, необходимо знать большое число наблюденій, совершенныхъ въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, а для этого требуются спеціальныя знанія, которыхъ недоставало Парацельсу; другое дѣло въ химіи. Составивъ себѣ нѣкоторыя общія понятія о соединеніи и разложеніи тѣлъ, и пріобрѣтя искусство въ манипуляціяхъ, можно сдѣлать довольно быстрые успѣхи въ этой отрасли наукъ. Парацельсъ сталъ однимъ изъ лучшихъ химиковъ своего времени. Только не слѣдуетъ отъ него требовать больше, чѣмъ онъ могъ знать. Ясно, что онъ одинъ не могъ создать всей нашей новѣйшей химіи.

Онъ зналъ цинкъ, не имѣя понятія, что онъ заключается въ галмеѣ (цинковая руда). Онъ зналъ, что въ воздухѣ находится начало органической жизни и горѣнія. Онъ наблюдалъ, что олово, нагрѣваемое на воздухѣ, дѣлается тяжеле, и что это увеличеніе въ вѣсѣ происходитъ отъ соединенія части воздуха съ металомъ. Кипѣніе, которое происходитъ, когда вода и сѣрная кислота приходятъ въ соприкосновеніе съ металомъ, напримѣръ съ желѣзомъ, равно не ускользнуло отъ его вниманія. Онъ зналъ также что при этомъ отдѣляется родъ воздуха, и что этотъ воздухъ выдѣляется изъ воды, и есть одинъ изъ ея элементовъ. Такимъ образомъ, онъ предвидѣлъ существованіе водороднаго газа.

„Нельзя отрицать, говоритъ г. Капъ, что Парацельсъ подвинулъ науку своими изслѣдованіями и открытіемъ многихъ фактовъ, о которыхъ впервые упоминается въ приписываемыхъ ему сочиненіяхъ. Такимъ образомъ, имъ лучше изучены препараты сурмяные, ртутные, соляные, желѣзистые; онъ первый высказалъ мысль, что нѣкоторые яды можно въ малыхъ дозахъ употреблять вмѣсто лекарствъ. Онъ одобрялъ употребленіе свинцовыхъ препаратовъ въ накожныхъ болѣзняхъ, оловянныхъ противъ глистовъ, ртутныхъ солей противъ сифилиса; онъ употреблялъ мѣдь и даже мышьякъ, какъ внѣшнее разъѣдающее средство. Онъ употреблялъ сѣрную кислоту въ свинцовыхъ болѣзняхъ — способъ леченія, оставшійся въ наукѣ. Онъ отличалъ квасцы отъ купоросовъ, замѣчая, что первые содержатъ землю, а вторые металы. Онъ упоминаетъ о цинкѣ, который считалъ какъ видоизмѣненіе ртути и висмута. Онъ, кромѣ воздуха, принимаетъ другія упругія жидкости, какъ-то азотистые и сѣрнистые пары, но полагалъ, что они состоятъ изъ воды и огня. Искра

огнива для него была произведеніемъ огня, заключающагося въ воздухѣ. Онъ замѣчалъ, что при дѣйствіи купороснымъ масломъ на металъ, отдѣляется *воздухъ*, который есть составная часть воды. Онъ зналъ, что воздухъ необходимъ для дыханія животныхъ и для горѣнія дерева; онъ говоритъ, что прокаливаніе *убиваетъ* металы и что уголь *возстановляетъ*, или *оживляетъ* ихъ. Есть вещь, говоритъ онъ, которой мы не замѣчаемъ и въ среду которой погружены всѣ существа; вещь эта, происходящая отъ звѣздъ, можетъ быть выражена такъ: огонь, чтобы горѣть, нуждается въ деревѣ, но онъ нуждается также и въ воздухѣ. Стало быть, огонь есть жизнь, ибо, при недостаткѣ воздуха, всѣ существа погибаютъ задыхаясь. Въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ, что пищевареніе есть разложеніе элементовъ, что гніеніе есть преобразованіе, что все живое умираетъ, чтобы воскреснуть подъ другой формой

„Эти обширные взгляды физіологическіе и химическіе, это сближеніе горѣнія и дыханія, развѣ они не указываютъ на значительное проникновеніе и на въ высшей степени способный къ обобщенію умъ [1])?“

Приложеніе химіи къ физіологіи, паталогіи и терапевтикѣ — вотъ его истинное поле. Жизнь, по его мнѣнію, есть духъ, пожирающій тѣло. Человѣкъ есть сгущенный паръ и разрѣшается впослѣдствіи снова въ пары. Гніеніе есть превращеніе; при помощи его тѣло переходитъ въ новыя вещества. Все живое умираетъ, и все умершее воскресаетъ. У Платона встрѣчается подобная мысль: *живое родится отъ смерти*, мысль совершенно справедливая съ научной точки зрѣнія, хотя Вольтеръ и смѣялся надъ нею.

„Элементы тѣла, говоритъ Парацельсъ, суть *сѣра*, *соль* и *меркурій*“. Вотъ что это значило на языкѣ алхимиковъ: подъ *сѣрой* разумѣлось все что горитъ и взрываетъ; подъ *меркуріемъ*—все что возгоняется и улетучивается; подъ *солью*—всякій твердый и землистый остатокъ, какъ напр. пепелъ и т. п. Существуетъ множество родовъ *солей, сѣръ и меркуріевъ*. Парацельсъ входитъ въ различныя соображенія о роли каждаго изъ этихъ элементовъ въ животной экономіи.

Онъ называетъ *археемъ* жизненную силу, присутствующую при главнѣйшихъ отправленіяхъ животной экономіи. Этого-то *архея*, говоритъ онъ, химикъ долженъ брать за образецъ при всѣхъ своихъ операціяхъ. *Архей* присутствуетъ при пищевре-

---

[1]) *Etudes biographiques pour servir à l'histoire des sciences.* Paris, 1857. In—18, page 9 (Paracelse).

нiи; онъ распредѣляетъ вещества, которыя должны претвориться одни въ кровь, другiя въ мускулы и т. д.; онъ назначаетъ, какiя должны быть извергнуты. *Архей* присутствуетъ не только въ желудкѣ, но и во всѣхъ другихъ частяхъ тѣла, изъ которыхъ каждая можетъ быть сравнена съ желудкомъ.

„Лишенные мистической оболочки, говоритъ Крювелье, нововведенiя Парацельса въ медицинѣ ведутъ съ одной стороны къ понятiю объ органическомъ единствѣ, выражаемомъ жизненной силой, а съ другой къ анализу, при помощи химiи, началъ, составляющихъ тѣло человѣка".

„Химическая терапевтика Парацельса,—говоритъ г. Гёферъ въ своей *Исторiи химiи*,—сводится къ слѣдующему положенiю: человѣкъ есть химическое соединенiе, причина болѣзней есть какое-либо измѣненiе этого соединенiя; стало быть, необходимы для ихъ излеченiя химическiя лекарства". Вслѣдствiе этого принципа, Парацельсъ старался, при помощи химическихъ процессовъ, извлекать изъ животныхъ и минераловъ части, одаренныя самыми активными свойствами; онъ старался, чтобъ были изгнаны изъ фармакологiи грубыя смѣси различныхъ снадобiй и желалъ заставить врачей почувствовать, какъ для нихъ необходимо изученiе химiи.

Изъ письма Опорина мы видѣли, что въ лабораторiи Парацельса дѣятельность кипѣла и днемъ и ночью. Уголь непрерывно горѣлъ тамъ въ печахъ, и онъ постоянно либо занимался опытами, либо дѣлалъ препараты. Если Парацельсъ былъ часто грязно и небрежно одѣтъ, то это потому, что у него лицо, руки и одежда были испачканы въ углѣ, или испорчены различными химическими веществами. Онъ бралъ въ руки всяческiя вещества; онъ хотѣлъ все изучить, все знать. Такимъ образомъ, онъ, желая узнать всѣ симптомы болѣзни, обращалъ вниманiе на урину и испражненiя, и этимъ давалъ поводъ къ насмѣшкамъ со стороны докторовъ. Это казалось имъ и смѣшнымъ, и отвратительнымъ.

По этому можно судить, что такое былъ тогдашнiй докторъ. То былъ человѣкъ изысканный по виду, желавшiй казаться важнымъ, но въ сущности тяжелый педантъ; онъ выражался обычно варварской латынью, цитовалъ какъ можно чаще Иппократа, Галена, Авицену, которыхъ никогда хорошенько не понималъ, и

порой дѣлалъ объясненія въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаетъ Сгонарель въ *Докторѣ по неволѣ*.

Но если доктора смѣялись надъ Парацельсомъ, то и онъ не щадилъ ихъ.

„Говорите о докторахъ-химикахъ, пишетъ онъ. Эти по крайности не такіе лѣнтяи, какъ другіе; они одѣты не въ дорогой бархатъ, шелкъ и тафту; у нихъ на рукахъ нѣтъ ни золотыхъ колецъ, ни бѣлыхъ перчатокъ. Такой докторъ и днемъ и ночью съ терпѣніемъ ожидаетъ результата своихъ работъ. Онъ не посѣщаетъ публичныхъ мѣстъ. Все свое время онъ проводитъ въ лабораторіи. Онъ надѣваетъ тамъ кожаные штаны и у него кожаный передникъ, для вытиранія рукъ. Онъ черезчуръ закопченъ, какъ угольщикъ, или кузнецъ. А! онъ не боится дотронуться пальцемъ до угля, или нечистоты. Онъ мало говоритъ и не хвалитъ своихъ лекарствъ, зная что работника узнаютъ только по работѣ. Чтобы получить разныя степени, онъ постоянно трудиться у огня.“

Парацельса упрекаютъ въ томъ, что онъ полагалъ, что человѣкъ и міръ подлежатъ однимъ и тѣмъ же общимъ законамъ, и черезъ это смѣшивалъ природу органическую съ природой неорганической, или минеральной. Говорятъ, что съ точки зрѣнія философской это несправедливо. Это не можетъ быть несправедливо съ чисто философской точки зрѣнія; ибо почти очевидно, что даже въ малѣйшихъ частяхъ вселенной, куда только проникло изслѣдованіе человѣка, все подчинено тѣмъ же общимъ законамъ. Не будь этого, все происходило бы случайно; въ цѣлостности вселенной не было бы никакого порядка, никакой гармоніи, и нельзя бы понять, какъ она можетъ существовать и сохраняться. Притомъ, очевидно, что всѣ три царства природы столь тѣсно между собою связаны, что существованіе одного необходимо предполагаетъ существованіе двухъ другихъ. Итакъ, Парацельсъ ошибался не въ общей своей гипотезѣ. Онъ ошибался въ развитіи своей мысли, желая сравнивать поочередно части живой организаціи или *малаго міра* съ частями, которыя по его мнѣнію должны имъ соотвѣтствовать въ *большемъ мірѣ*, то-есть во всемірномъ порядкѣ творенія. Приписывая минеральному міру способности живыхъ существъ, онъ, такъ сказать, все поэтизировалъ. Онъ превратилъ живыя тѣла въ химическія лабораторіи, гдѣ различные органы, подобно перегоннымъ кубамъ, печамъ, ретортамъ, реактивамъ, растворяютъ, мацерируютъ, возгоняютъ питатель-

ныя вещества. Онъ придумалъ нѣкотораго рода научную миѳологію. Но человѣкъ, дошедшій самъ собою до такой философіи безъ знанія великихъ системъ древности, развѣ не долженъ быть причисленъ къ людямъ высшаго порядка; и развѣ потомство не должно извинить эксцентричности, принимая въ соображеніе заслуги Парацельса?

РАМУСЪ.

Рамусъ не оставилъ слѣда въ наукѣ ни какимъ важнымъ открытіемъ; его сочиненія, какъ латинскія, такъ и французскія, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Но одаренный несомнѣнными талантами и рѣдкой энергіей характера, знаменитый *лекторъ* или профессоръ французской коллегіи, могущественно способствовалъ возрожденію наукъ и литературы въ шестнадцатомъ вѣкѣ, устранивъ одно изъ важнѣйшихъ препятствій, останавливавшихъ развитіе ума человѣческаго. Онъ заслуживаетъ почетнаго мѣста въ исторіи возрожденія тою жаркою борьбою, которую онъ поддерживалъ всю жизнь для установленія свободы мышленія въ философіи, и эта борьба привела его къ трагической смерти: онъ былъ убитъ въ страшную Варѳоломеевскую ночь.

Пьеръ де-ла-Раме́, прозванный Рамусомъ, родился въ концѣ 1515 года, въ Пикардіи. Онъ былъ потомкомъ благородной фамиліи, изъ окрестностей Льежа. Его пращуръ, разоренный войнами Карла Робкаго, герцога Бургундскаго, былъ принужденъ выѣхать изъ отечества и удалился въ Пикардію около 1468 года.

Тамъ, не имѣя чѣмъ жить, кромѣ работы, онъ выбралъ занятіе, которому, ему казалось, легче всего было выучиться: онъ сдѣлался угольщикомъ. Его сынъ, Жакъ де-ла-Раме́, былъ простымъ земледѣльцемъ и женился на такой же бѣдной, какъ самъ, дѣвушкѣ Жаннѣ Шарпантье.

Отъ этого брака родился Пьеръ де-ла-Раме́. Въ юности Пьеръ дважды былъ болѣнъ заразительными болѣзнями; затѣмъ у него умеръ отецъ.

Бѣдной вдовѣ было тяжело одной править всѣмъ домомъ. Говорятъ, что Пьеръ еще мальчикомъ сторожилъ стада [1]). Понятно, что мать, заботясь о дневномъ пропитаніи, не могла и думать о воспитаніи сына. Тѣмъ не менѣе, она нашла средство посылать его въ деревенскую школу, гдѣ онъ научился читать, писать и счету. Въ годы, когда большинство дѣтей думаетъ только какъ бы побѣгать да поиграть, Пьеръ желалъ только образовать себя. Банозій, его ученикъ и другъ, написавшій по-латыни его жизнеописаніе, говоритъ слѣдующее:

„Де-ла-Раме́ было всего восемь лѣтъ, какъ, пылая желаніемъ учиться, онъ внезапно отправился въ Парижъ; но бѣдность заставила его вскорѣ вернуться. Второй разъ онъ предпринялъ тоже путешествіе и, какъ надо полагать, счастіе снова ему неблагопріятствовало, и онъ снова вернулся. Его дядя Гонорій Шарпантье помогалъ ему нѣсколько мѣсяцевъ, давая только самое необходимое, чтобы онъ могъ учиться. Затѣмъ, настоятельная нужда заставила его нести въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тяжелую службу въ Наваррской колегіи. Исполняя днемъ все, что требовалось по службѣ, онъ по ночамъ, подобно философу Клеанту, учился при свѣтѣ ночника“ [2]).

Байль полагаетъ, что Банозій ошибается, говоря, что Рамусу во время его перваго путешествія въ Парижъ было всего восемь лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы мать согласилась отпустить такого маленькаго мальчика.

„Вотъ, говоритъ Байль, сильное доказательство противъ Банозія; я беру его изъ словъ самого Рамуса, записанныхъ Іоанномъ Фрейгіусомъ: „Признаюсь, жизнь моя возмущалась самыми страшными бурями. Мальчикомъ *(puer)*, едва выйдя из колыбели, я перенесъ двѣ заразительныя болѣзни; юношей *(juvenis)*, я прибылъ въ Парижъ, чтобы получить образованіе, какое прилично дворянину, и достигъ его, несмотря на фортуну, которая всячески противилась этому и т. д.“

Его дядя по матери, Гонорій Шарпантье, простой работникъ, каменьщикъ по мнѣнію однихъ, плотникъ—по другимъ, жилъ въ Парижѣ, въ то время, какъ туда прибылъ его племянникъ. Впрочемъ, и не вѣроятно, чтобы юный Пьеръ де-ла-Раме́ получилъ отъ матери позволеніе идти больше чѣмъ за тридцать лье отъ деревни, въ Парижъ, искать счастья, не будь у него въ столицѣ

---

[1]) *Biographie universelle*, de Michaud.
[2]) Banosius, *Vita Petri Rami*, p. 3.

любящаго родственника, который могъ стать его руководителемъ и помощникомъ.

Гонорій Шарпантье согласился поселить у себя племянника въ надеждѣ, что если не хватитъ заработка на ихъ общія нужды, то сестра будетъ помогать отъ времени до времени.

Но поденный заработокъ работника былъ самый ничтожный: голодъ заставлялъ себя чувствовать. Бѣдный рабочій былъ принужденъ отправить племянника назадъ въ деревню.

Тамъ, Пьеръ снова сталъ учиться въ сельской школѣ. У него были способности къ ученію, а знанія учителя были весьма ограничены. Добрякъ самъ сознавался въ этомъ, и совѣтывалъ ученику найти учителя получше [1]).

Пьеръ послѣдовалъ этому совѣту: онъ вернулся въ Парижъ. То было въ 1529 году; ему было тогда двѣнадцать лѣтъ. На этотъ разъ, тронутый настойчивостью племянника, Гонорій Шарпантье рѣшился помогать ему, во что́ бы то ни стало. Онъ надѣялся, что заработка его вмѣстѣ съ небольшими суммами, которыя обѣщала присылать мать, будетъ достаточно не только на ихъ прожитокъ, но что, кромѣ того, будетъ чѣмъ заплатить и за ученье Пьера. Гонорій свелъ его къ секретарю парижской академіи, и попросилъ занести въ списокъ воспитанниковъ университета. Это доказано Булэ, въ его *Исторіи Университета* [2]).

Но надежды этого превосходнаго человѣка жестоко рушились; имъ все-таки приходилось сильно голодать. Чтобы избавиться отъ этого, Гонорій Шарпантье дѣлалъ тысячи плановъ. Наконецъ, онъ рѣшился на крайнюю мѣру: онъ отправился, чтобъ поступить съ племянникомъ въ войско Франциска I, который въ то время воевалъ съ Карломъ Пятымъ. Но пока они были въ дорогѣ, подоспѣлъ миръ, и они принуждены были вернуться въ Парижъ. Племянникъ снова принялся за ученье, а дядя за свое ремесло.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, бѣднякъ истощилъ всѣ свои средства, и не имѣлъ возможности держать при себѣ племянника.

---

[1]) Ramus, *Aristotelica anima.*

[2]) Tome VI, p. 967.

Его сестра обѣщала присылать деньги, но она сама съ трудомъ заработывала на пропитаніе и не могла выполнить своего обѣщанія. Слѣдовало на что-нибудь рѣшиться.

Приходилось избрать что-либо изъ двухъ: еще разъ отослать Пьера въ деревню, или пристроить его какъ-нибудь въ Парижѣ. Послѣднее было, конечно, лучше всего.

Пьеръ былъ высокаго роста и силенъ; ему было тогда около пятнадцати лѣтъ. Онъ явился въ Наваррскую коллегію и просилъ, чтобы его опредѣлили слугой къ какому-нибудь воспитаннику этой школы.

Богатый человѣкъ, по имени де-ла-Броссъ, увидѣлъ молодаго человѣка; онъ понравился ему и былъ взятъ въ услуженіе, при чемъ ему обѣщано, что онъ свободно можетъ посѣщать лекціи по факультету искусствъ. Пьеръ Рамусъ уже былъ, какъ замѣчено, внесенъ въ списокъ студентовъ парижской академіи съ 1529. Такіе примѣры, что бѣдные люди были записаны студентами и въ тоже время находились въ услуженіи у другаго студента, бывали и прежде.

Неизвѣстно, сколько времени *Пьеръ де-ла-Раме́* пробылъ въ услуженіи у молодаго синьора де-ла-Броссъ. Извѣстно только, что этотъ образъ жизни былъ прерванъ тѣмъ, что Гонорій, по тому ли, что у него не было работы, или потому что сестра не могла высылать обѣщанной помощи, увидалъ, что не можетъ оставить Пьера при себѣ.

Въ третій разъ, бѣдность принудила Пьера оставить Парижъ и горестно возвратиться въ свою деревню.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, онъ оплакивалъ свое несчастіе. Затѣмъ утѣшился, въ надеждѣ, что болѣе благопріятныя обстоятельства дозволятъ ему вернуться въ Парижъ. Въ ожиданіи, онъ старался, при помощи небольшаго числа книгъ, продолжать занятіе.

Рамусъ возвратился въ Парижъ только по прошествіи многихъ лѣтъ.

Въ свободные часы, онъ посѣщалъ лекціи. Онъ обдумывалъ только-что услышанное и старался возпроизвести это письмомъ. Извѣстенъ способъ, который употреблялъ Аристотель въ юности,

чтобы бороться со сномъ: онъ держалъ мѣдный шаръ надъ мѣднымъ тазомъ; Рамусъ, прочтя объ этомъ у Плутарха, сталъ въ этомъ отношенiи подражать греческому философу [1]).

Онъ слушалъ въ коллегiи св. Варвары лекцiи Жана Дена, въ коллегiи Наваррской—Жана Эннюйера (Hennuyer), который былъ впослѣдствiи епископомъ въ Лизьё. Эннюйеръ читалъ философiю.

Рамусъ, согласно обычаю, слушалъ лекцiи три съ половиною года. Его соучениками были Карлъ Бурбонскiй и Карлъ Лоррэнскiй, бывшiе послѣдствiи князьями церкви, и Ронсаръ, прославившiйся, какъ поэтъ.

Изъ лекцiй Эннюйера онъ вынесъ великое уваженiе къ логикѣ и глубокое презрѣнiе къ методу, по которому ее преподавали.

„Когда я прибылъ въ Парижъ, говоритъ онъ самъ, (*Remontrance*, *1569 года*), то впалъ въ тонкости софистовъ; и меня обучали свободнымъ искусствамъ всевозможными диспутами, не показавъ мнѣ другаго способа, не принеся мнѣ никакой пользы. Послѣ, будучи назначенъ и возведенъ въ степень магистра изящныхъ искусствъ, я въ душѣ не могъ быть доволенъ самимъ собою, и думалъ самъ про себя, что эти диспуты только отняли у меня время. Такимъ образомъ, находясь въ такомъ недовольствiи, я, словно руководимый какимъ добрымъ ангеломъ, напалъ сперва на Ксенофонта, потомъ на Платона—изъ котораго я познакомился съ сократовской философiей и пошелъ дальше магистровъ изящныхъ наукъ парижскаго университета, которые неподвижно были увѣрены, что свободныя искусства преподаются для того, что задавать изъ нихъ вопросы и выводить *ergo*."

Рамусъ въ своихъ *Scholae dialecticae*, прекрасно объяснилъ, въ какомъ расположенiи духа онъ находился, посвятивъ, согласно академическимъ правиламъ, три съ половиною года на изученiе схоластической академiи. Прочитавъ, разобравъ и обдумавъ различные трактаты Аристотелева Органона и т. п., онъ искалъ къ чему онъ могъ приложить знанiя, прiобрѣтенныя цѣною стольких трудовъ. Онъ вскорѣ замѣтилъ, что вся эта логика не сдѣлала его ни ученымъ по исторiи и древностямъ, ни болѣе способнымъ къ краснорѣчiю или къ поэзiи, не сдѣлала его ни въ чемъ умнѣе. Какое разочарованiе! Какое горе! Онъ обвинялъ самого себя; онъ оплакивалъ свою несчастную судьбу, и свою безталан-

---

[1]) Nancel, *Vita Rami*, p. 11.

ность, потому что, послѣ такихъ трудовъ, онъ нашелъ себя неспособнымъ не только воспользоваться, но даже предвидѣть плоды этой мудрости, которая, какъ увѣряли, сама собою, естественно вытекаетъ изъ логики Аристотеля.

Въ это время ему попалась подъ руки книга Галена о *чувствахъ Иппократа и Платона.* Эта книга побудила его цѣликомъ прочесть *Разговоры* Платона о діалектикѣ. Особенно ему при этомъ понравился тотъ методъ, по которому Сократъ опровергалъ ложныя мнѣнія.

Что-же, сказалъ самому себѣ Рамусъ, кто мнѣ мѣшаетъ *сократизировать*? Кто мѣшаетъ мнѣ разсмотрѣть, внѣ авторитета Аристотеля, точно ли изученіе его діалектики есть самое правильное и идущее къ дѣлу? Быть можетъ, мы обманываемся на счетъ этого философа! Если это такъ, то я не долженъ удивляться, что не могъ извлечь изъ его книгъ никакого плода, когда онѣ его и не заключаютъ. И что изъ того, если все его ученіе окажется ложнымъ?

Въ такомъ расположеніи находился Рамусъ, приготовляясь къ экзамену на степень магистра изящныхъ наукъ. Большинство біографовъ говоритъ, что онъ двадцати одного года явился защищать свой тезисъ; мы полагаемъ, что ему было въ это время, по меньшей мѣрѣ, двадцать четыре года.

Онъ хотѣлъ доказать, говорилъ Фрейгіусъ, тотъ тезисъ, что все, что говоритъ Аристотель, есть только сплетеніе обмановъ и ошибокъ [1]).

Смѣлость и новость такого тезиса поразила всѣхъ профессоровъ; потому что тогдашніе ученые, привыкшіе клясться Аристотелемъ, или разсуждать согласно съ этимъ великимъ учителемъ древности, умѣли диспутировать только приводя изъ него тексты. Это же средство уже не годилось, такъ какъ отвергался авторитетъ самого учителя.

Такъ какъ тезисъ, выставленный Рамусомъ, составляетъ событіе, сдѣлавшееся эпохой въ исторіи публичнаго воспитанія, и имѣвшее громадное вліяніе не только на жизнь Рамуса, но и на

---

[1]) Freigii *Vita Rami.*

развитіе человѣческаго духа въ шестнадцатомъ столѣтіи, то необходимо дать нѣкоторое понятіе о схоластикѣ временъ возрожденія, страшной смѣси комментаріевъ на Аристотеля съ классическимъ богословіемъ отцевъ церкви, а равно о группѣ отвлеченныхъ идей и метафизическихъ тонкостей, называвшейся *діалектикой* и *логикой*.

Странный фактъ! Аристотель, бывшій въ древности истиннымъ творцомъ науки, въ рукахъ средневѣковыхъ риторовъ, пересталъ быть самимъ собою. Были оставлены его собственно-научныя сочиненія, и держались только его трактата о *Начальной мудрости*, о *Начальной философіи*, и т. п. Но эти сочиненія, отдѣленныя отъ другихъ его произведеній, могли сдѣлаться только наукой словъ. Возможно-ли было размышлять объ общихъ и отвлеченныхъ идеяхъ, какъ-то: о понятіяхъ субстанціи, формы, причины, отношенія и т. п., ничего не наблюдая, ничего не анализируя и не изучая въ частности? Средневѣковые діалектики старались добиться искусства разсуждать о совокупности всѣхъ знаній, не изучивъ предварительно ничего!

Рамусъ учился самъ, а потому ему часто приходилось, при помощи самаго внимательнаго разсмотрѣнія вещей, добиваться самому объясненій, которыхъ онъ не могъ услышать отъ учителя; онъ скоро замѣтилъ, что искусство діалектиковъ состояло изъ темныхъ и плохо опредѣленныхъ словъ, которымъ не соотвѣтствовало никакое реальное представленіе, никакое ясное и точное понятіе о вещахъ. Это для него было проблескомъ, настоящимъ открытіемъ. Но для обнаруженія этого ему необходимъ былъ методъ. У Платона, какъ уже замѣчено, онъ нашелъ методъ, употреблявшійся Сократомъ противъ софистовъ. Съ этого времени, Сократъ, въ томъ видѣ, какимъ онъ является у Платона, сдѣлался для него образцомъ.

Аристотель сдѣлался всемогущимъ авторитетомъ въ школахъ только съ тринадцатаго столѣтія. Дотолѣ Зенонъ и Платонъ уважались наравнѣ съ нимъ. Но это измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ доминиканцы и францисканцы наводнили университеты. Къ сожалѣнію, въ школахъ покланялись не настоящему Аристотетю, а Аристотелю арабовъ. Принимали съ Платономъ, что всеобщія

идеи суть эссенціи, существующія реально внѣ вещей, и ихъ помѣщали въ божественномъ разумѣ. По этой гипотезѣ, нельзя достигнуть познанія вещей иначе, какъ начавъ съ изученія эссенцій, а для этого слѣдовало изыскать средство возвыситься до нихъ. Принимали, съ Аристотелемъ что эссенціи находятся въ самомъ веществѣ. Такимъ образомъ, слово *идея* замѣнили словомъ *форма* и изъ этой гипотезы выводили, что существуютъ извѣстныя всеобщія формы, опредѣляющія природу вещей.

Зенонъ оспаривалъ Аристотеля, подобно тому, какъ Аристотель оспаривалъ Платона. Онъ говорилъ, что универсалы, называемые формами, или идеями, суть ничто иное, какъ имена, выражающія понятія, составляемыя нами о вещахъ, но что они не существуютъ реально, внѣ нашего разума.

Отсюда произошли двѣ философскія секты, *реалистовъ* и *номиналистовъ*, которые своими спорами нерѣдко смущали миръ Парижскаго университета.

Въ сущности, искусство размышлять, называется ли оно *логикой*, или *діалектикой*, должно быть искусствомъ соединять знанія, имѣющіяся на лицо, съ тѣми, которыхъ еще не имѣется, то есть идти, какъ въ алгебрѣ, отъ *извѣстнаго* къ *неизвѣстному*. Но это предполагаетъ, что уже имѣется нѣсколько идей, нѣсколько точныхъ понятій, если не о наукахъ, то о самыхъ обиходныхъ вещахъ. Но если имѣются только темныя и сбивчивыя понятія, то какимъ образомъ, при помощи этой одной точки исхода, достигнуть знаній точныхъ и опредѣленныхъ? Занимавшіеся метафизикой, которую величали *наукой наукъ*, сперва должны были разсмотрѣть, что такое *существо*, *субстанція*, *тѣло вообще*, *духъ и т. д.* Очевидно, что при подобномъ методѣ, былъ невозможенъ никакой прогрессъ. Рамусъ чувствовалъ, что логика не должна быть уединенымъ искусствомъ; для ея существованія, необходимо было начать съ изученія самыхъ вещей, и размышлять на основаніи ясныхъ и точныхъ понятій. Великая заслуга Рамуса состоитъ въ томъ, что онъ понялъ эту истину, и имѣлъ храбрость, въ то время необходимую, защищать ее.

Рамусъ, развивая свой тезисъ, защищалъ передъ факультетомъ искусствъ: 1) что многія изъ сочиненій, приписываемыхъ

Аристотелю, не его; 2) что они ничего, кромѣ ошибокъ, въ себѣ не заключаютъ [1]).

Доктора сильно были смущены. Они уже не могли спрятаться за текстъ, подлинность котораго оспаривалась; имъ нельзя было отдѣлаться отвѣтомъ: *самъ сказалъ (ille dixit)*, потому что Рамусъ поддерживалъ противоположное тому, что говорилъ учитель.

Тщетно доктора факультета хотѣли соединенными силами низложить Рамуса. Они оспаривали цѣлый день его тезисъ и ничего не могли сдѣлать. Онъ искусно опровергалъ всѣ возраженія, онъ показалъ такую эрудицію, что не оставалось ничего инаго, какъ признать его *магистромъ изящныхъ наукъ* парижскаго факультета.

Успѣхъ Рамуса отозвался во всѣхъ университетахъ. Въ Италіи, Александръ Тассони жестоко напалъ на него и объявилъ, что его тезисъ дерзокъ до преступности.

Рамусъ, приготовляясь къ диспуту, истратилъ не только всѣ свои деньги, но истощилъ средства дяди и матери. По счастію, званіе *магистра изящныхъ наукъ* давало ему право заниматься преподаваніемъ. Онъ могъ читать лекціи въ какой-нибудь коллегіи, или просто отдѣльно собрать учениковъ, недостатка въ которыхъ не могло быть.

Онъ началъ преподавать въ одномъ изъ парижскихъ учебныхъ заведеній, называвшемся *Collége du Mans*; но это продолжалось недолго. Вскорѣ онъ соединился съ двумя университетскими преподавателями, Омеромъ Талономъ, опытнымъ профессоромъ риторики, и Варѳоломеемъ – Александромъ де-Шампаньй, прекраснымъ эллинистомъ; оба они раздѣляли его идеи и взгляды на реформу.

Три профессора, соединенные дружбой, жили вмѣстѣ, раздѣлили между собою труды, а деньги у нихъ были общія. Они начали преподаваніе, подъ управленіемъ Рамуса, въ небольшой коллегіи *Ave-Maria* [2]).

„Такимъ образомъ,—говоритъ г. Ваддингтонъ въ своемъ сочиненіи о Рамусѣ,—въ первый разъ въ парижскомъ университетѣ, въ одномъ и томъ-же класcѣ, стали читать

---

[1]) Freigius, *Vita Rami*.

[2]) Du Boulay, *Histoire de l'Université*, t. IV. Nancel, *Vita Rami*, p. 12.

греческихъ и латинскихъ писателей, стали изучать краснорѣчіе вмѣстѣ съ философіей, и объяснять одновременно греческихъ и латинскихъ поэтовъ [1]).

Множество студентовъ собиралось слушать Рамуса, извѣстность котораго прочно установилась съ самаго начала.

Въ 1543 г., будучи двадцати восьми лѣтъ отъ роду, онъ напечаталъ два весьма важныя для того времени сочиненія. Одно онъ сперва озаглавилъ: *Dialecticae Partitiones*, а потомъ, при второмъ изданіи, назвалъ *Dialecticae Institutiones;* оно содержало простое изложеніе начальныхъ правилъ діалектики; другое, подъ заглавіемъ *Aristotelicae Animadversiones*, было направлено противъ Аристотеля и его учениковъ. Рамусъ посвятилъ это сочиненіе Карлу Бурбонскому, тогда епископу Неверскому, и Карлу Лоррэньскому архіепископу Реймскому; оба они были товарищами Рамуса по наваррской коллегіи.

Вся ученость, клявшаяся однимъ Аристотелемъ, подняла крики ужаса и напустилась на эту книгу и ея автора.

Началась бумажная война; только такая борьба и имѣетъ право на существованіе въ области литературы и философіи.

„Слѣдовало бы, говоритъ Байль, чтобы парижскіе профессора, поклонники Аристотеля, опровергали своими сочиненіями и лекціями книги Рамуса; но вмѣсто того, чтобы остаться въ должныхъ предѣлахъ академической борьбы, они притянули этого антиперипатетика къ уголовному суду, какъ человѣка колебавшаго основанія религіи. Они до того шумѣли, что дѣло перешло въ парижскій парламентъ; но какъ скоро они замѣтили, что оно тамъ будетъ разсматриваться справедливо и съ соблюденіемъ формъ, они при помощи интригъ взяли дѣло изъ этого суда, и обратились въ королевскій совѣтъ [2]).“

Францискъ I повелѣлъ, чтобы между Рамусомъ и Антономъ де-Товеа (испанскимъ діалектикомъ, явившимся оспаривать книги Рамуса) былъ устроенъ публичный диспутъ, въ присутствіи пяти судей, изъ коихъ четверо были бы избраны двумя сторонами, а пятый королемъ.

Вмѣшательство короля въ процессъ, заключавшійся въ томъ, можно ли логику Аристотеля считать совершенной или нѣтъ, — превращалъ литературный споръ въ государственное дѣло.

---

[1]) *Ramus, sa vie, ses écrits, ses opinions.* 1 vol. in—8. Paris 1855, p. 33.
[2]) *Dictionnaire philosophique, historique se.*, note D.

Согласно повелѣнію Франциска I, испанецъ Говеа избралъ арбитрами Петра Данеса и Франциска Викомеркато. Жанъ Квентенъ, докторъ правъ, деканъ, юридическаго факультета и Жанъ де Бомонъ, докторъ медицины, были избраны въ посредники Рамусомъ. Король назначилъ пятымъ арбитромъ магистра Жана де Салиньяка, доктора богословія.

Диспутъ продолжался два дня. Рамусъ поддерживалъ, что діалектика Аристотеля несовершенна, потому что не заключаетъ ни опредѣленія, ни раздѣленія. Его два арбитра письменно заявили въ первый день, что опредѣленіе необходимо во всякомъ правильномъ диспутѣ. Трое остальныхъ также посьменно подали мнѣніе, что діалектика можетъ быть совершенной безъ опредѣленія; но на слѣдующій день, они признали, что раздѣленіе необходимо. Рамусъ изъ этого тотчасъ вывелъ заключеніе, что они оправдываютъ его мнѣніе, такъ какъ діалектика Аристотеля не раздѣлена.

Судьи, замѣтивъ, что они сбились, рѣшили отложить рѣшеніе до слѣдующаго дня. Понявъ, что имъ нельзя выйти изъ этого дѣла съ честью, они объявили, что слѣдуетъ начать диспутъ съ начала, считая все бывшее въ два прошлые дня какъ бы не существовавшимъ.

Рамусъ протестовалъ противъ этого. Онъ отказался отъ судей, кассировавшихъ свое собственное мнѣніе.

Францискъ I, отвергнувъ аппеляцію Рамуса, приказалъ, чтобы дѣло было обсуждено положительно и окончательно прежними пятью судьями. Избранные Рамусомъ два арбитра отказались, а три остальные осудили его.

Приговоръ трехъ судей былъ обнародованъ по-французски и по-латыни, и распространенъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ не только въ Парижѣ, но по всей Европѣ. На театрѣ игрались пьесы, гдѣ Рамусъ осмѣивался на тысячу ладовъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ перипатетиковъ [1]).

Его два сочиненія были запрещены, и приказомъ короля въ 1543 году ему было строжайше запрещено «*впредь злословить*

---

[1]) Freigius, *Vita Rami*.

Аристотеля и другихъ древнихъ авторовъ, признанныхъ и одобренныхъ университетами и ихъ членами.» Лучшаго способа доставить Рамусу европейскую извѣстность нельзя было придумать; это значило способствовать успѣху философской реформы, проповѣдуемой магистромъ парижскаго университета.

Рамусъ никогда строго не подчинялся этому приказу. На него не разъ приносились по этому поводу жалобы. Когда замѣтили, что онѣ безплодны, придумали иное средство. Его обвиняли въ совращенiи юношества еретическими и скептическими ученiями. Но и это обвиненiе, по крайней мѣрѣ, въ данное время не повело за собою важныхъ послѣдствiй.

Споръ, въ который былъ вовлеченъ Рамусъ, принуждалъ его не разъ вспоминать то, чему онъ учился въ коллегiи, а также подумать о томъ, какъ преподавались разные предметы; онъ нашелъ, что для того, чтобы методически преуспѣвать въ наукахъ, слѣдуетъ снова пройти все, чему онъ учился. Не мало времени употребилъ онъ на эту повѣрочную работу. Онъ въ особенности занялся математикой и въ 1544 году сдѣлалъ изданiе Эвклидовыхъ основанiй; кардиналъ Гизъ (Карлъ де-Лоррэнь), его бывшiй товарищъ, принялъ посвященье этой книги. Позже (въ 1594) онъ предпринялъ изданiе *Новыхъ основанiй ариѳметики и геометрiи*, изложенныхъ въ совершенно другомъ порядка противъ Эвклида.

Такъ какъ королевскимъ повелѣнiемъ ему запрещено было касаться до философiи Аристотеля, то онъ занялся серьезно математикой.

Между тѣмъ въ Парижѣ началась чума. Профессора и студенты бѣжали изъ города; школы опустѣли. Рамусъ послѣдовалъ общему примѣру.

Онъ жилъ въ Пикардiи въ небольшой деревенькѣ, вмѣстѣ съ своей матерью, какъ принципалъ прельской (de Presles) коллегiи, чувствуя себя старикомъ, написалъ ему, прося прiѣхать помогать ему. Въ коллегiи почти не было учениковъ и требовалось поднять ее. Согласившись въ условiяхъ, Рамусъ сдѣлался сначала профессоромъ риторики. Вскорѣ на его лекцiи стало собираться множество учениковъ. Немного спустя, онъ былъ назначенъ дирек-

торомъ этой коллегіи. 1 декабря 1545 года, онъ произнесъ свою вступительную рѣчь.

Прельская коллегія была основана въ Парижѣ въ 1314 г. однимъ изъ секретарей Филиппа Красиваго.

Одинъ изъ товарищей Рамуса по коллегіи Ave Maria, Варѳоломей Александръ уѣхалъ профессоромъ въ реймскую академію, основанную Карломъ Лорреньскимъ; другой, Омеръ Талонъ перешелъ вмѣстѣ съ Рамусомъ въ прельскую коллегію. Друзья распредѣлили между собою курсы; они преподавали латинскую словесность, греческую словесность и философію. Рамусъ объяснялъ и разбиралъ Квинтиліана. Порой въ критикахъ своихъ онъ не щадилъ и Цицерона. Отсюда новыя жалобы, что даже классики не свободны отъ критики профессоровъ прельской коллегіи.

Повелѣніемъ Франциска I, преподаваніе философіи было воспрещено Рамусу; но повелѣніе это не могло распространяться на Омера Талона, поэтому преподаваніе философіи было поручено ему. Рамусъ по вечерамъ читалъ курсъ риторики, и оба профессора такъ распредѣлили свои курсы, что общія начала, которыя однимъ по утру разлагались однимъ, прилагались и разъяснялись другимъ на вечернемъ урокѣ.

Въ 1546 и 1547 г., ректоры университета, понуждаемые главнѣйшими преподавателями, принуждены были разсматривать жалобы, приносимыя на Рамуса, который будто бы искажалъ всѣ науки въ своей коллегіи. Но Рамусъ былъ утвержденъ начальникомъ коллегіи парламентскимъ указомъ, и ректоры были безсильны противъ него. Кромѣ того, у него былъ защитникъ въ лицѣ Карла Лорреньскаго, воспитателя сына Франциска I.

Въ 1547 г. по смерти Франциска I, вступилъ на престолъ, подъ именемъ Генриха II, его сынъ, ученикъ Лорреньскаго кардинала. Кардиналъ сталъ хлопотать объ отмѣнѣ повелѣнія, заставлявшаго Рамуса молчать. „Во всѣ времена“, говорилъ онъ королю, „всякій былъ воленъ въ выборѣ того или другаго философа, иначе нельзя и философствовать. Платонъ и Аристотель первые пользовались этой естественной свободой.“

Генрихъ II отмѣнилъ повелѣніе своего отца.

Какъ только университетъ увидѣлъ, что Рамусу покровительствуетъ самъ король, онъ пересталъ его преслѣдовать. Но начались преслѣдованія съ другой стороны, со стороны церкви. Его хотѣли впутать въ такія дѣла, къ которымъ онъ былъ совершенно непричастенъ, напр. между прочимъ въ ссору университетскихъ студентовъ съ монахами аббатства Saint-Germain-des-Prés. Ходилъ слухъ, что возмущеніе, обнаружившееся въ іюлѣ 1548 года, было возбуждено рѣчью Рамуса [1]). Но имени его даже не упоминается въ подробномъ разсказѣ объ этомъ взволновавшемъ весь Парижъ дѣлѣ, разсказѣ, составленномъ историками Дю-Булэ и де-Ту. Рамусъ тогда занимался учеными трудами. Онъ обнародовалъ новое изданіе своихъ *Aristotelicae Animadversiones*, сочиненіе запрещенное при Францискѣ I, и написалъ свои чтенія о бесѣдахъ Платона и риторикѣ Цицерона и ораторскомъ искусствѣ Квинтиліана.

Университетскіе преподаватели жестоко напали на него по поводу критики Квинтиліана. Галанъ обвинялъ его „въ совращеніи юношества, и въ томъ, что въ книгахъ своихъ, вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ Квинтиліану, онъ развивалъ въ юношествѣ высокомѣріе, заносчивость, и всѣ пороки, эгоизмъ, жадность, все постыдное и измѣнническое". Рамусъ отвѣчалъ на эти нападки презрительнымъ молчаніемъ.

Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, придумали новое средство. Одинъ изъ заклятыхъ враговъ Рамуса, Жанъ Шарпантье, былъ назначенъ ректоромъ. Онъ обвинилъ начальника прельской коллегіи въ нарушеніи университетскихъ правилъ о преподаваніи, профессоровъ въ томъ, что на лекціяхъ философіи они объясняли не только сочиненія философовъ, но и поэтовъ и ораторовъ, что *противно университетскимъ статутамъ*.

Хотя обвиненіе это основывалось на пустякахъ, но въ дѣлѣ приняли участіе доктора университета, и оно плохо бы кончилось для начальника и нѣкоторыхъ изъ профессоровъ прельской коллегіи, еслибъ кардиналъ де-Лорренъ, школьный товарищъ Рамуса,

---

[1]) Mémoires historiques sur le Pré aux Clercs.

при помощи своего вліянія, не показалъ, что дѣло это, если его очистить отъ гнусныхъ прицѣпокъ, сводится на пустяки. Приказомъ 13 апрѣля 1551 года [1]) процессъ, надѣлавшій большаго шума въ Парижѣ, былъ прекращенъ. Рамусу дозволено было при преподаваніи слѣдовать той методѣ, какую онъ считаетъ за лучшую, *съ тѣмъ, чтобы въ обычные классные часы, онъ объяснялъ авторовъ, обозначенныхъ въ регламентахъ.*

Кардиналъ де-Лорренъ, возмущенный интригами, которыми университетскіе педанты усиливались воспрепятствовать развитію словесности и философіи, рѣшился прибѣгнуть къ королевской власти. Онъ отправился въ Блуа, гдѣ въ то время находился дворъ, и долго бесѣдовалъ съ Генрихомъ II о процессѣ, начатомъ противъ Рамуса.

Вслѣдствіе этого разговора, король лично написалъ Рамусу одобрительное и похвальное письмо, въ которомъ извѣщалъ, что собственно для него учредитъ во Французской коллегіи каѳедру краснорѣчія и философіи, и что онъ уполномочиваетъ его продолжать ученыя работы, согласно плану, имъ начертанному [2]).

Новый *королевскій профессоръ* началъ свой курсъ во Французской коллегіи въ августѣ 1551. На его первой лекціи присутствовали знаменитѣйшіе члены парламента, духовенства, университета. Всего на лекціи было до двухъ тысячъ человѣкъ.

Рамусъ былъ необычайно умѣренный въ требованіяхъ человѣкъ. Онъ мало ѣлъ и двадцать лѣтъ вовсе не пилъ вина; онъ сталъ употреблять вино только по предписанію врачей. Онъ вставалъ рано утромъ и работалъ весь день. Онъ былъ холостякомъ и хранилъ ненарушимо тѣлесную чистоту; какъ яда, избѣгалъ онъ соблазнительныхъ разговоровъ [3]).

Въ 1552 г. Рамусъ слылъ за богатаго человѣка. Нансель, его ученикъ и біографъ, говоритъ, что доходъ его простирался до 2000 ливровъ (около 20,000 фр. на наши деньги). Но расходы его почти поглощали весь доходъ. Онъ содержалъ двѣнадцать учени-

---

[1]) Du Boulay, *Histoire de l'Université.*

[2]) Waddington, *Ramus, sa vie, ses écrits,* p. 79.

[3]) Banasius, *Vita Rami,* p. 12.

ковъ, которые были всѣ изъ Суассонэ, и служили ему чтецами и переписчиками. Онъ откладывалъ деньги на перестройку своей любимой прельской коллегіи.

Рамусъ былъ отличный ораторъ. Онъ читалъ ежедневно послѣ обѣда во Французской коллегіи; лекція продолжалась часъ. Онъ никогда, не обдумавъ лекціи, не всходилъ на каѳедру. Онъ предварительно придумывалъ жесты, положенія, выраженіе лица. Нансель разсказываетъ, что разъ засталъ его передъ заркаломъ, приготавливающимъ урокъ. Подлѣ него всегда находился кто-нибудь изъ учениковъ; онъ долженъ былъ дергать его за платье, въ случаѣ какой-либо ошибки и подавалъ необходимыя книги. Будучи вполнѣ просвѣщеннымъ человѣкомъ, онъ не только охотно выслушивалъ возраженія, но даже просилъ дѣлать ихъ.

Въ своей коллегіи онъ былъ очень строгъ. Нансель подтверждаетъ это, а его враги утверждали даже, что всѣ подчиненные трепетали въ его присутствіи. Каждый вечеръ, онъ осматривалъ классы, выражалъ похвалу или порицанія и приказывалъ немилосердно бить плетью сильно провинившихся учениковъ.

Послѣ ужина, онъ заставлялъ прочитывать что нибудь. Онъ часто страдалъ отъ безсонницы — слѣдствіе работы и заботъ, а также и оскорбленій враговъ. Чтеніе всегда излечивало его отъ нравственныхъ страданій.

Въ языкѣ и манерахъ Рамуса было нѣчто благородное и гордое, что нравилось, и чего не было у другихъ профессоровъ. Рамусъ, говоритъ Стефанъ Паскье, обучалъ юношей—точно сановникъ.

Совершивъ приложеніе логики къ краснорѣчію, исторіи и поэзіи, Рамусъ пожелалъ, для совершенія своего дѣла, приложить ее къ наукамъ и особенно къ математикѣ. Но для этого ему слѣдовало самому начать учиться. Сорока лѣтъ онъ зналъ только шесть первыхъ книгъ Эвклида. Ему еще многое оставалось узнать.

До 1561 г., Рамусъ считался за добраго католика. Каждый день онъ бывалъ у ранней мессы въ 6 часовъ утра, и приказывалъ учителямъ и бурсакамъ присутствовать при службѣ. Но его скоро стали подозрѣвать въ протестантизмѣ. Уже въ 1552 г., наставникъ королевы Елизаветы, Рожеръ Ашамъ, считалъ его

тайнымъ сторонникомъ Лютера. Это подозрѣніе основывалось на многихъ причинахъ. Въ 1543 г. богословскій факультетъ осудилъ его книгу противъ Аристотеля, и онъ былъ обвиняемъ въ безбожіи, нечестіи и *академизмѣ*, потому что цитировалъ Платона, ученики котораго порою проповѣдовали болѣе или менѣе открытый скептицизмъ. Аристотель такимъ образомъ считался подъ покровительствомъ церкви. Надо замѣтить, что большинство профессоровъ французской коллегіи были протестанты, или подозрѣвались въ протестантизмѣ [1]). Замѣчено также, что большое число весьма ученыхъ учениковъ, вышедшихъ изъ коллегіи Рамуса, были послѣдователями реформаціи [2]).

Но вскорѣ не зачѣмъ было намекать ни протестантство Рамуса. Въ сентябрѣ 1561 г., на пуассійскомъ соборѣ, онъ открыто перешелъ въ протестантство. Неудачный отвѣтъ кардинала Лорреня на рѣчь Ѳеодора Бѣза обусловилъ много совращеній въ протестантство, а преслѣдованія еще больше усилили ихъ.

Эдиктъ, изданный въ январѣ 1562 г., которымъ протестантамъ было даровано свободное отправленіе ихъ культа, былъ съ радостью встрѣченъ въ Прельской коллегіи. Ученики толпою бросились въ церковь и стали выносить образа и статуи. Случайно или нарочно, нѣкоторыя изъ статуй были разбиты. Правительству было донесено объ этомъ, и ректору университета поручено было начать слѣдствіе.

Но это было дѣломъ второстепеннымъ. Эдиктъ о свободѣ протестантскаго вѣроисповѣданія волновалъ умы при дворѣ, въ парламентѣ, университетѣ и народѣ. Убійства въ Васси были сигналомъ къ гражданской войнѣ. Рамусъ, какъ кальвинистъ, былъ изгнанъ изъ Парижа и уѣхалъ съ опасной граматой королевы-матери. Онъ нашелъ убѣжище у этой королевы, въ фонтенеблоскомъ дворцѣ.

Враги, узнавъ убѣжище Рамуса, отправились въ Фонтенебло, чтобы схватить его. Только бѣгствомъ онъ спасся отъ смерти.

---

[1]) Waddington, *Ramus, sa vie et ses écrits*, p. 128.
[2]) Nancel, *Vita Rami*, p. 63.

Онъ долго бродилъ вдали отъ большихъ дорогъ, переодѣваясь, чтобъ не быть узнаннымъ. Многіе въ это время оказывали ему великодушное гостепріимство.

10 марта 1563 г., гражданская война окончилась Амбуазскимъ миромъ. Рамусъ вернулся въ Парижъ и въ свою коллегію. Онъ сталъ также продолжать лекціи во французской коллегіи. Въ своей вступительной лекціи, онъ формально объявилъ, что вполнѣ отдается наукѣ и отказывается на будущее время отъ всякой полемики.

Его любовь къ математикѣ не ослабѣла, и онъ съ жаромъ принялся за изученіе. Онъ вступилъ въ переписку съ нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ геометровъ въ Европѣ. Такимъ образомъ, онъ ознакомился съ исторіей этой науки съ древнѣйшихъ временъ. Онъ покупалъ, или заставлялъ списывать и переводить съ большими издержками рукописи; такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ хорошее собраніе математическихъ сочиненій.

Въ 1565, во французской коллегіи произошло слѣдующее столкновеніе, въ которое вмѣшался Рамусъ и, въ качествѣ профессора-декана, возбудилъ противъ себя новыя неудовольствія.

Умеръ профессоръ математики Паскаль Дюгамель, и слѣдовало избрать ему преемника. Избрали нѣкоего Дампестра Казеля, сицилійца, незнавшаго вовсе математики и не умѣвшаго говорить ни по-французски, ни по-латыни. Рамусъ предложилъ ему прочесть публичную лекцію объ Евклидѣ. Но на первой же лекціи несчастный сициліецъ говорилъ такъ плохо и дѣлалъ такія грубыя вычисленія, что былъ освистанъ и изгнанъ изъ аудиторіи. Тогда приказомъ парламента велѣно было подвергнуть его экзамену. Чувствуя, что ему не выдержать испытанія, Дампестръ тайно продалъ свое мѣсто Шарпантье, бывшему ректору университета, въ математикѣ, впрочемъ, несвѣдущему. Но онъ былъ человѣкъ хитрый и ловкій и притомъ краснорѣчивый, опытный какъ профессоръ философіи.

Шарпантье, утвержденный въ новой должности, получаетъ позволеніе одновременно преподавать во французской коллегіи и философію и математику. Но Рамусъ, которому было дорого доброе имя коллегіи, и который желалъ, чтобы преподаваніе въ ней ма-

тематики шло серьезно, снова вступился и предложилъ, чтобъ Шарпантье былъ подвергнутъ экзамену. *Я васъ самъ проэкзаменую*, отвѣчалъ Шарпантье. Парламенту пришлось разбирать и это дѣло.

На этотъ разъ Рамусъ, впрочемъ, проигралъ. Шарпантье обѣщалъ, что черезъ три мѣсяца онъ будетъ готовъ объяснять Евклида, и на этомъ основанiи былъ временно принятъ профессоромъ и избавленъ отъ экзамена.

Этотъ случай возбудилъ новую ненависть противъ Рамуса. Шарпантье и его друзья не ограничились ругательствами, клеветою и грубыми оэкорбленiями Рамуса въ печатныхъ сочиненiяхъ. Шутки и каламбуры сыпались даже на сѣдые волоса Рамуса.

Во всѣхъ этихъ нападкахъ, опаснѣйшими были касавшiяся перемѣны вѣроисповѣдованiя, потому что могли возбудить противъ королевскаго профессора фанатизмъ толпы. Рамусъ принужденъ былъ жаловаться па злословiе Шарпантье, который былъ приговоренъ къ тюремному заключенiю и принужденъ былъ замолчать.

Заключенiе это заставило на время умолкнуть враговъ, но ненависть только усилилась отъ этого. Не разъ покушались на жизнь Рамуса [1]). Когда, въ сентябрѣ 1567 г., снова возгорѣлась гражданская война, онъ вѣроятно былъ бы убитъ, еслибъ не бѣжалъ поспѣшно въ Сенъ-Дени, въ лагерь принца Конде.

Постановленiемъ парламента, Рамусъ былъ лишенъ каѳедры, но она была возвращена ему послѣ такъ называемаго Сенъ-Денискаго мира.

Принцъ Конде и адмиралъ Колиньи, во главѣ армiй, направлялись къ Лорреню. Рамусъ слѣдовалъ за ними. Онъ затѣмъ отправился въ Германiю, куда и достигъ послѣ тысячи опасностей. Тамъ онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ; пфальцграфъ прислалъ ему свой портретъ.

Въ Гейдельбергѣ Рамусъ читалъ курсъ математики, но если у него были поклонники, то были и противники. Однажды нѣ-

---

[1]) Nancel, *Vita Rami.*

мецкіе студенты, чтобъ помѣшать ему взойти на каѳедру, отставили лѣсенку. Тотчасъ, французъ, ставъ на четверенъки, подставилъ спину вмѣсто лѣстницы, и Рамусъ вошелъ и началъ лекцію.

Миръ, заключенный въ концѣ марта 1568 г., дозволилъ Рамусу вернуться въ Парижъ. Онъ снова вступилъ въ управленіе прельской коллегіей, которой въ силу парламентскаго постановленія 1562 начальствовалъ Антонъ Мульдракъ. Библіотека Рамуса была разграблена; только его рукопись Scolæ matematicæ уцѣлѣла.

Рамусъ скоро замѣтилъ, что въ Парижѣ нельзя ему жить мирно и покойно. Онъ выпросилъ у короля годовой отпускъ. Король поручилъ ему посѣтить важнѣйшія академіи въ Европѣ.

Въ августѣ 1568 г., Рамусъ отправился въ Германію, въ сопровожденіи двухъ учениковъ своихъ, Фридриха Рейснера и Ѳеофила Банозіуса, которые служили ему за секретарей. Не безъ опасности проѣхали они до границы; ихъ нѣсколько разъ арестовывали по дорогѣ. Но порученіе, данное Карломъ IX, избавляло ихъ отъ серьезной опасности.

Въ Швейцаріи и Германіи, Рамусъ, прозванный *французскимъ Платономъ*, всюду встрѣтилъ гостепріимный пріемъ. Въ большинствѣ городовъ, гдѣ останавливался, онъ встрѣчалъ или корреспондентовъ, или бывшихъ учениковъ своихъ. Въ честь его давались банкеты; ему говорили привѣтственныя рѣчи; съ нимъ обращались, какъ съ владѣтельнымъ лицомъ. Уважали и восхищались этимъ знаменитымъ человѣкомъ, но германскія академіи, не вкусившія отъ его реформъ, отвергали предложеніе его услугъ. Страсбургская академія отказала ему [1]). Въ Гейдельбергѣ, пфальцграфъ Фридрихъ III назначилъ его профессоромъ, но университетъ и сенатъ протестовали противъ этого. Пфальцграфъ настаивалъ. Ему снова былъ предъявленъ протестъ, и со всѣхъ сторонъ началось самое живое сопротивленіе. Фридрихъ III не обратилъ на это вниманія, и первая лекція была назначена.

Между студентами образовалось двѣ партіи, одна за Рамуса,

---

[1]) Waddington, *Ramus, sa vie et ses écrits*, page 196.

другая противъ него. Въ назначенный день профессоръ является, и не смотря на безпорядокъ, господствующій въ залѣ, ему удается взойти на каѳедру. Но едва онъ началъ говорить, какъ раздались свистки, крики, и поднялась стукотня. Нѣкогда, посреди подобнаго же шума, начиналъ онъ курсъ діалектики во французской коллегіи, и ему удалось побѣдить нерасположеніе студентовъ. Характеръ его остался столь-же непреклоненъ, и ему казалось, что нѣмецкихъ студентовъ не труднѣе побѣдить, чѣмъ французскихъ. Своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, онъ заставилъ умолкнуть свистки и крики: его стали слушать. Лекція его, говоритъ Боназіусъ, была такъ краснорѣчива, что выслушавъ ее въ глубокомъ молчаніи, аудиторія разразилась рукоплесканіями.

Рамусъ окончилъ свои чтенія о Цицеронѣ въ январѣ 1570.

Оставивъ Гейдельбергъ, онъ посѣтилъ Франкфуртъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ и т. д. Въ началѣ іюня, онъ прибылъ въ Женеву, гдѣ его хорошо приняли. Онъ читалъ тамъ публичныя лекціи о литературѣ. Затѣмъ черезъ Лозану, онъ вернулся въ Парижъ.

Въ отстутствіе Рамуса, Карлъ IX сдѣлалъ повелѣніе, по которому „всѣ преподаватели, настоящіе и будущіе, читающіе какъ въ частныхъ школахъ, такъ и въ публичныхъ, въ университетѣ... даже тѣ, которые получили дозволеніе отъ его величества и получаютъ отъ него жалованье, *должны быть римско-католической религіи*". Канцлеръ отказался приложить печать къ этому повелѣнію. Но вскорѣ, заподозрѣнный въ протестантизмѣ, онъ долженъ былъ возвратить печати королю и выйдти въ отставку. Парламентъ дозволилъ университету замѣщать всѣхъ своихъ членовъ, регентовъ, начальниковъ и т. д., *даже королевскихъ лекторовъ*, принадлежащихъ къ реформатской церкви.

По возвращеніи въ Парижъ, Рамусъ нашелъ, что его мѣсто какъ въ прельской, такъ и во французской коллегіи, замѣщено другимъ. Онъ не могъ уже разсчитывать на покровительство кардинала де-Лоррэнъ, дружбу и покровительство котораго онъ потерялъ, перейдя въ реформатство. Онъ желалъ получить каѳедру въ Женевѣ и удалиться въ этотъ городъ, но Теодоръ де-Бѐзъ, глава протестантовъ, къ которому онъ обратился, отклонилъ его пред-

ложеніе. Не желали принять въ женевскую академію профессора, заявившаго себя непримиримымъ врагомъ Аристотеля.

Катерина Медичи была тронута судьбою Рамуса. Она не могла доставить ему ни каѳедры, ни коллегіи; но она добилась отъ королевскаго совѣта сохраненія за Рамусомъ его титуловъ и содержанія. Во вниманіе его долгой службы, ему даже удвоили содержаніе профессора французской коллегіи.

Подъ покровительствомъ королевы-матери, Рамусъ хотѣлъ приняться за перо; онъ занялся редакціей своихъ лекцій, которыя желалъ издать по-французски; но ужасная смерть прекратила его начинанія.

Въ ночь съ 24 на 25 августа 1572 г., королевская рука подала сигналъ къ убійствамъ Варѳоломеевской ночи. Рамусъ вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ Банозіусомъ жилъ въ прельской коллегіи.

Во вторникъ 26 августа, вечеромъ втораго дня убійствъ, убійцы, предводимые двумя людьми, изъ которыхъ одинъ былъ портной, а другой сержантъ, напали на прельскую коллегію, и сломавъ двери, стали шарить повсюду отъ погребовъ до чердаковъ. Ясно, что это были наемные убійцы, ибо они не могли имѣть ничего противъ Рамуса. Какъ только онъ услыхалъ угрожающіе крики, онъ понялъ, что ищутъ его и послѣдній часъ его насталъ. Онъ вбѣжалъ въ пятый этажъ, заперся въ небольшомъ кабинетѣ, и тамъ на колѣняхъ, молясь, ожидалъ страшной развязки.

Ему не долго пришлось ждать. Шайка убійцъ добралась до пятаго этажа и выломала двери въ комнату, гдѣ скрывался философъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу и когда убійцы бросились къ нему, онъ всталъ, чтобы сказать имъ нѣсколько словъ. Ему дали время покаяться, и онъ произнесъ слѣдующія слова:

„О, Боже мой, согрѣшилъ я предъ тобою; я дѣлалъ зло; твой судъ правъ и истиненъ. Прости меня и этихъ несчастныхъ: они не знаютъ что творятъ“.

Больше онъ ни слова не сказалъ. Одинъ изъ убійцъ выстрѣлилъ ему въ голову изъ аркебуза, пуля прошла насквозь и за-

сѣла въ стѣнѣ; другой проткнулъ его насквозь шпагой. Кровь текла ручьями, а Рамусъ дышалъ еще. Тогда, чтобъ поскорѣй покончить его, выбросили въ окно изъ пятаго этажа. Тѣло при паденіи толкнулось о край крыши, оттолкнулось и упало на дворъ коллегіи. Кровь и внутренности разлились по двору, а сердце все еще продолжало биться; Рамусъ все еще дышалъ. Надъ тѣломъ надругались; его привязали за ноги веревкой и поволокли по улицамъ къ Сенѣ, куда и бросили его.

Прохожіе, увидавъ, что трупъ всплылъ близъ Сенъ-Михельскаго моста, приказали лодочникамъ вытащить его. Для чего было это сдѣлано, изъ любопытства, или чтобъ придать тѣло погребенію— не извѣстно.

Шарпантье подозрѣвали въ подкупѣ убійцъ.

„Низкая его ненависть и цинизмъ его рѣчей, говоритъ г. Тери, даютъ этому предположенію цѣну страшной истины [1])."

„Рамусъ, говоритъ Монтукла, погибъ почти отъ руки Шарпантье, своего товарища и врага. Кровь его отозвалась на потомствѣ виновнаго; сынъ этого ученаго варвара умеръ нѣсколько лѣтъ спустя на эшафотѣ, какъ соучастникъ въ заговорѣ противъ Генриха IV [2])."

Г. Ваддингтонъ доказываетъ въ своемъ сочиненіи, что убійцы, Рамуса были подосланы и подкуплены Шарпантье.

Собирая отдѣльныя черты, встрѣчающіяся у Ѳеофила Боназія Нанселя, Фрейгіуса, учениковъ философа, можно составить весьма ясное понятіе о личности Рамуса. Онъ былъ высокаго роста и красивъ съ лица. Голова у него была большая, лобъ широкій, носъ орлиный, глаза черные и живые, лицо смуглое и блѣдное, мужественно-красивое, борода и волосы черные. Его ротъ, то улыбающійся, то строго-сжатый, былъ рѣдкой красоты; его голосъ былъ сразу и нѣженъ иваженъ. Въ его манерахъ и одеждѣ замѣчалась строгая, но не лишенная изящества, простота. Всѣ движенія его были, какъ у человѣка замѣчательнаго. Онъ высоко носилъ голову. Походка благородная, и когда онъ говорилъ, то

---

[1]) A. F. Thery, *Histoire de l'education*, t. II, p. 55.
[2]) *Histoire des Mathematiques*, part. III, liv. III.

выражался съ изяществомъ и вѣжливостью *большаго барина*, какъ говоритъ Брантомъ.

„Любящій сынъ, говоритъ г. К. Дэмазъ, когда онъ не могъ ѣхать въ деревню къ матери, онъ привозилъ ее въ Парижъ. Онъ поддерживалъ въ старости дядю своего Шарпантье, который далъ ему средства оставить деревню Кюсъ [1]) “

Завѣщаніемъ своимъ, которое приводитъ г. Ваддингтонъ, Рамусъ основалъ каѳедру математики въ одной изъ университетскихъ коллегій, именно *въ коллегіи магистра Жервэ*. Однимъ изъ существенныхъ условій установленія этой каѳедры полагался конкурсъ на нее черезъ каждые три года. Учрежденную Рамусомъ каѳедру, въ слѣдующемъ вѣкѣ, долго занималъ Роберваль. Закрытіе коллегіи повлекло съ собою закрытіе и каѳедры, но черезъ нѣсколько лѣтъ она была снова открыта, и геометръ Модюи (Mauduit) съ честью занимать ее.

Списокъ сочиненій Рамуса находится въ *Mémoires pour servir à l'histoire de la république des lettres du père Niceron* [2]). По большей части они относятся къ грамматикѣ, реторикѣ, логикѣ и вольнымъ искусствамъ.

---

[1]) *Ramus, professeur au collége de France*. Paris 1854. in 12, p. 102.

[2]) Томы XIII и XX.

БЕРНАРЪ ПАЛИССИ.

I.

Бернаръ Палисси родился въ Капель-Биронѣ, деревнѣ въ Ажанской епархіи, сосѣдней съ Аженуа и Перигоромъ, въ концѣ пятнадцатаго или въ началѣ шестнадцатаго вѣка.

Палисси принадлежалъ къ семейству мастеровыхъ или рабочихъ, но точно ремесло его родителей неизвѣстно.

Вѣроятно, первичное образованіе Палисси соотвѣтствовало его низкому происхожденію. Онъ росъ, какъ обычно растетъ большинство дѣтей рабочаго класса, то есть работалъ и посѣщалъ начальную школу. Работа на чистомъ воздухѣ, въ здоровомъ климатѣ и простая, но изобильная пища, весьма способствуетъ развитію мускульныхъ силъ и образованію мужественнаго темперамента. Ниже мы увидимъ, что Бернаръ Палисси непремѣнно палъ бы подъ тяжкими испытаніями, которымъ подвергался въ продолженіе долгаго времени, еслибъ не обладалъ сильнымъ сложеніемъ и могущественной силой воли. Изъ его дѣйствій и поступковъ можно предположить, что первое его воспитаніе было *здорово*, какъ съ физической, такъ и съ нравственной стороны.

Вѣроятно, что его еще маленькимъ мальчикомъ посылали въ какую нибудь школу, или монастырь учиться чтенію, письму и счету. Небольшія школы въ то время были вовсе не такъ рѣдки, какъ полагаютъ; онѣ существовали при монастыряхъ, соборахъ и приходскихъ церквахъ.

Пришло время выбрать родъ занятій и поступить въ обученіе какому-нибудь ремеслу. Палисси сдѣлался живописцемъ на стеклѣ и стекольщикомъ. Кромѣ того, онъ научился снимать планы.

Ремесло, избранное имъ, распадалось въ то время на дробныя спеціальности; оно заключало въ себѣ начала рисованія и линейкой перспективы, живопись на стеклѣ и фаянсѣ и т. д. Многими своими отраслями оно соприкасалось къ вольнымъ искусствамъ. Стрѣлки сводовъ нашихъ старинныхъ соборовъ, украшенныя великолѣпными стеклами, на которыхъ изображены главнѣйшія событія Библіи и жизни святыхъ, объясняютъ намъ, въ чемъ, въ эпоху возрожденія, состояло ремесло, которому въ юности посвятилъ себя Бернаръ Палисси.

Вотъ почему, актомъ, прошедшимъ въ 1540 въ Фонтенэ-ле-Контъ, онъ получаетъ званіе *почетнаго человѣка* (*honorable homme*). „Занятіе *стекольщика*, говоритъ онъ, принадлежитъ къ благороднымъ занятіямъ, *и занимающіеся имъ также благородны*“.

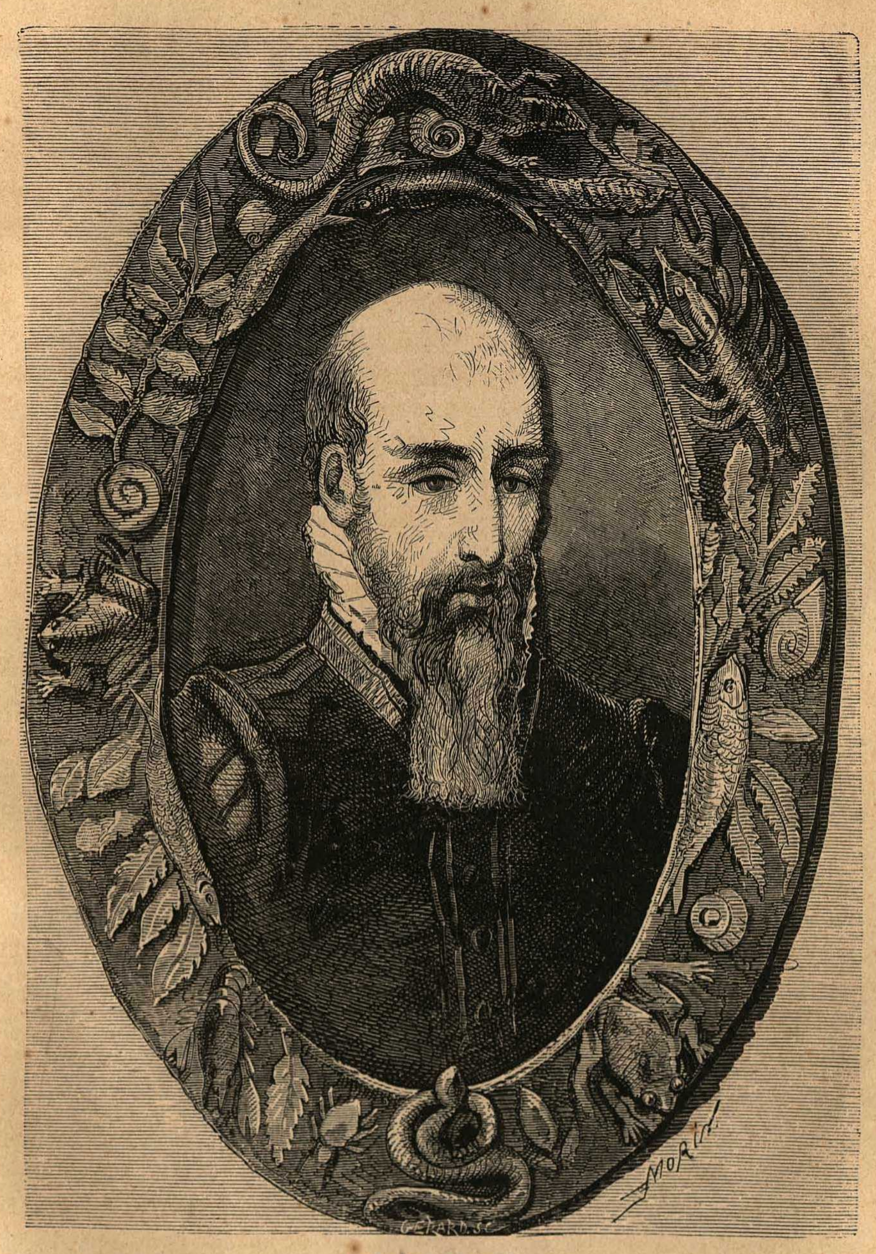
Вотъ почему Бернаръ Палисси считался дворяниномъ и писался иногда *де*-Палисси.

Стекольное дѣло и живопись на стеклѣ въ шестнадцатомъ вѣкѣ раздѣлялись на многія спеціальности и составляли большое производство. Въ царствованіе Людовика (св., католической церкви) устроились большія художественныя и ремесленныя корпораціи. Въ каждой корпораціи личный составъ занимающихся состоялъ изъ учениковъ, работниковъ, подмастерьевъ и мастеровъ. Эта организація, предшествовавшая образованію присяжныхъ цеховъ, была весьма выгодна для рабочихъ классовъ. Если ребенокъ бѣдныхъ родителей оказывалъ способности, то его всегда можно было помѣстить въ ученики какого-либо ремесла.

Отецъ Бернара Палисси могъ такимъ образомъ помѣстить своего сына къ какому-нибудь ажанскому стекольщику. Какъ ученикъ, Бернаръ заявилъ себя и талантомъ и рѣдкимъ прилежаніемъ. Принять, что изъ него вышелъ отличный работникъ, будетъ совершенно правдоподобно.

Элементарное обученіе рисованію. и особенно черченію, столь необходимому въ стекольномъ дѣлѣ, весьма естественно должно было привести юнаго работника къ рисовкѣ топографическихъ плановъ, къ изученію межеваго дѣла и съемкѣ плановъ.

Когда онъ достаточно ознакомился съ практикой изучаемаго искусства, то согласно обычаю онъ отправился путешествовать

БЕРНАРЪ ПАЛИССИ.

по *Франціи* и даже по *Германіи.* Онъ ходилъ изъ города въ городъ, заработывая деньги, какъ живописецъ на стеклѣ и землемѣръ.

Юный Бернаръ пробылъ болѣе или менѣе долгое время въ главнѣйшихъ провинціяхъ Франціи. Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Тарбѣ, и изъ его сочиненій видно, что онъ хорошо изучилъ Беарнъ и Пиренеи.

Кажется, онъ довольно долго пробылъ въ Арденахъ, лѣсистой и гористой странѣ, большая часть которой была почти неизвѣстна ученымъ. Посѣщая эти страны, въ качествѣ наблюдателя, онъ пріобрѣлъ множество свѣдѣній, которыя послѣ пригодились ему при составленіи научныхъ теорій. Столь же тщательно онъ изучилъ нижнюю Бургундію, Бретань, Анжу, Пуату, Тюрэнь и другія части Франціи, всюду руководимый природнымъ инстинктомъ, который заставлялъ его наблюдать и собирать факты. Не забудемъ, что онъ путешествовалъ, какъ простой работникъ, по обычаю, обходящій Францію; что онъ долженъ былъ для заработковъ останавливаться въ городахъ, посвящать большую часть своего времени работамъ по своему ремеслу; и что во время продолжительнаго пребыванія въ одномъ мѣстѣ, онъ только по воскресеньямъ и праздникамъ могъ осматривать окрестности. „Научное образованіе Палисси, говоритъ г. Капъ, вмѣсто того, чтобъ начаться съ книгъ, началось на болѣе точныхъ и плодоносныхъ основаніяхъ, а именно съ *опыта* и *наблюденія*“.

Онъ побывалъ и за границей; онъ посѣтилъ Фландрію, Нидерланды, часть Германіи и рейнскія провинціи. Наблюденія, собранныя имъ въ Германіи, относительно искусствъ и естественныхъ наукъ, кажется, во многихъ отношеніяхъ были и многочисленнѣе и важнѣе собранныхъ во Франціи.

Въ Германіи онъ могъ любоваться посмертными твореніями Альберта Дюрера, а также различными итальянскими произведеніями временъ возрожденія, которыя везли во Францію въ Фонтенебло, черезъ страны тогдашней Германіи. Гораздо раньше Альбертъ Дюреръ, знаменитый нюренбергскій граверъ, исполнилъ удивительныя гравюры на деревѣ и мѣди.

Палисси, послѣ долговременнаго странствованія, вернулся во Францію и поселился въ Сэнтѣ (Saintes), гдѣ и женился.

До тѣхъ поръ онъ думалъ только о себѣ и могъ безъ усилія заработывать не только кусокъ хлѣба, но даже удовлетворять нѣкоторымъ своимъ художественнымъ и научнымъ прихотямъ. Послѣ женитьбы, онъ узналъ новыя обязанности. У Палисси было много дѣтей, а средства заработка остались тѣ же: живопись на стеклѣ и межевое дѣло.

Но для ремесленника съ большимъ семействомъ не достаточно быть способнымъ и искуснымъ работникомъ. Что въ силѣ и умѣньи, когда нѣтъ работы и негдѣ достать ее? Это именно и случилось съ Бернаромъ Палисси. По неразъясненной еще причинѣ, ремесла, которыми занимался Палисси, пали въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ. Это понятно относительно живописи на стеклѣ,—искусства зависящаго отъ моды. Но землемѣрство—искусство, необходимое во всякомъ образованномъ обществѣ. Вѣроятно, что число землемѣровъ сильно возрасло, а вслѣдствіе этого пала плата на ихъ трудъ, и многіе изъ нихъ не въ силахъ уже были кормить свое семейство. Къ числу такихъ несчастныхъ принадлежалъ и Палисси.

Для него настало трудное дѣло. Что начать въ такомъ положеніи? Выбрать другой родъ занятій, болѣе прибыльный? Палисси сталъ раздумывать. Онъ привязался къ мысли сдѣлать какое-нибудь открытіе, которое могло бы сдѣлаться предметомъ новой промышленности. Онъ началъ отыскивать средство дѣлать глазурь, и особенно бѣлую. Эта мысль пришла ему при видѣ какой-нибудь глазурованной чашки или черепка этруской вазы.

И вотъ онъ принялся за многочисленные опыты въ этомъ отношеніи. Долгіе годы всѣ его изысканія только усиливали бѣдственность его положенія, потому что ему приходилось дѣлать издержки и по неволѣ неглижировать работой.

Бѣдность порой заставляла его бросать опыты, ради плохо оплачиваемой работы по живописи на стеклѣ: иначе семейство умерло бы съ голоду.

Такъ было до мая 1543, когда Францискъ I установилъ налогъ на соль, и поручилъ маршалу Монморанси идти во главѣ войскъ въ Сэнтонь, для учрежденія тамъ этого налога. Прибывъ въ эту провинцію, маршалъ первымъ долгомъ озаботился, чтобы

налогъ былъ учрежденъ на справедливыхъ и опредѣленныхъ основаніяхъ. Онъ приказалъ измѣрить и снять планъ островов и соляныхъ болотъ. Бернаръ Палисси занимался въ числѣ другихъ этимъ дѣломъ.

Эта работа была счастіемъ для Палисси. Онъ получилъ прекрасное вознагражденіе отъ маршала, и у него скопилась сумма, которую онъ могъ употребить на опыты, оставивъ на время живопись на стеклѣ.

Мы разскажемъ какъ шло дѣло, приводя по большей части слова самого Палисси.

„Прошло двадцать пять лѣтъ, разсказываетъ онъ, какъ я увидалъ сформованную и покрытую лазурью глиняную чашку такой красоты, что съ тѣхъ поръ, я часто думалъ о ней.“

Эта покрытая глазурью чашка, безъ сомнѣнія, была сдѣлана во Фаэнцѣ, въ Италіи. Или, можетъ быть, то была древняя чаша, этруская ваза, ибо древніе знали искусство покрывать глиняныя вещи слоемъ глазури. Но искусство это было до тѣхъ поръ неизвѣстно во Франціи, и Палисси суждено было создать его.

Палисси, не имѣя никакого понятія о глиняныхъ работахъ, сталъ отыскивать составъ глазури и способъ укрѣпленія ея на посудѣ, какъ человѣкъ идущій ощупью въ потемкахъ. Не зная совершенно, изъ какихъ веществъ составляются глазури, онъ бралъ первое попавшееся вещество, которое по его мнѣнію могло привести къ достодолжнымъ результатамъ. Онъ толокъ его въ порошокъ и покрывалъ имъ черепки глиняныхъ сосудовъ. Онъ намѣчалъ каждый черепокъ и записывалъ, какимъ веществомъ покрылъ его. Затѣмъ, онъ помѣщалъ всѣ черепки въ печь, устроенную по *соображенію*, и накаливалъ, ожидая, что они покроются бѣлой глазурью. Онъ зналъ, что бѣлая глазурь есть основаніе всѣхъ другихъ, а потому отыскивалъ только ее.

Не видавъ никогда, какъ обжигаютъ глину, и не зная, при какой температурѣ совершается плавленіе глазури, онъ не могъ ничего достигнуть этимъ способомъ, даже при употребленіи надлежащихъ веществъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ нагрѣвалъ то слишкомъ сильно, то слишкомъ слабо; въ первомъ случаѣ, вещества

пережигались, во второмъ не плавились; не зная причины этого, онъ не могъ добиться ничего путнаго. Онъ приписывалъ неуспѣхъ дурному выбору веществъ. Порой онъ могъ придти къ счастливому результату, или по меньшей мѣрѣ узнать путь, по которому надо бы слѣдовать, еслибъ только могъ поддержать въ печи температуру, требуемую природою веществъ. Но управлять огнемъ было очень трудно.

„Потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу,—говоритъ онъ,—съ великими издержками и трудами, я ежедневно теръ и толокъ новыя вещества, и строилъ новыя печи, съ великой потерей денегъ, истребляя и дрова и время“.

Провалландавшись такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, онъ во избѣжаніе неудобствъ, придумалъ посылать свои пробы для обжиганія какому-нибудь гончару. Онъ снова накупилъ глиняныхъ сосудовъ и, по обычаю, разбилъ ихъ; онъ покрылъ глазурью триста, или четыреста черепковъ, и послалъ къ гончару, жившему въ полуторахъ лье, съ просьбою обжечь ихъ. Гончаръ безъ труда согласился. Но когда обжиганіе кончилось и образцы были вынуты, Палисси не получилъ ничего, кромѣ *стыда и убытка.*

Не зная истинной причины неудачи, онъ все приписывалъ свой неуспѣхъ худому выбору веществъ. Онъ продолжалъ дѣлать новые составы и посылать ихъ къ тому же гончару, „постоянно съ великими издержками, потерей времени, неудачей и горемъ.‘

Увидавъ, что многочисленныя пробы ни къ чему не приводятъ, онъ на время бросилъ ихъ и, отказавшись отъ отысканія секрета состава глазури, принялся за живопись на стеклѣ.

„Но,—разсказываетъ онъ,—нѣсколько дней спустя прибыли комисары, посланные королемъ, для установленія налога на соль въ нашей провинціи, и они потребовали меня для съемки острововъ и мѣстностей сосѣднихъ съ соляными болотами нашей страны. Когда сказанное порученіе было кончено и у меня завелись опять деньжонки, я снова принялся за составленіе глазури.“

Такъ какъ опыты не удавались ни въ его печахъ, ни въ гончарныхъ горнахъ, то онъ рѣшилъ на этотъ разъ обжигать въ стеклоплавильныхъ печахъ. Онъ купилъ около трехъ дюжинъ новенькихъ глиняныхъ горшковъ, разбилъ ихъ въ черепки; натолокъ множество различныхъ веществъ и получилъ составы, ко-

торыми, при помощи кисти, покрылъ отъ двухъ до трехъ сотъ черепковъ. Эти черепки онъ снесъ на стекляный заводъ.

Стеклоплавильныя печи нагрѣваются гораздо сильнѣе, чѣмъ гончарныя, и это заставляло надѣяться на удачу. Это и произошло, потому, что его составы начали плавиться.

Ободренный этимъ, Палисси продолжалъ дѣлать опыты.

„Начиная съ этого времени, говоритъ онъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, я только и дѣлалъ, что ходилъ на сосѣдніе стекляные заводы, надѣясь дойти до цѣли моихъ изысканій. Господу было угодно, чтобы въ то время, какъ я началъ падать духомъ, и когда въ послѣдній разъ я отправился на заводъ, съ человѣкомъ, который несъ до трехъ сотъ разныхъ пробъ, одна изъ этихъ пробъ расплавилась черезъ четыре часа послѣ того, какъ была положена въ печь, и сдѣлалась столь бѣлой и гладкой, что я такъ обрадовался, что началъ считать себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ: съ тѣхъ поръ я сталъ думать объ окончательномъ усовершенствованіи бѣлой глазури.“

Этотъ опытъ былъ рѣшительный; онъ открывалъ путь, который долженъ былъ привести къ успѣху. Къ несчастію, въ пропорціи употребленныхъ веществъ была сдѣлана ошибка.

Онъ принялся самъ дѣлать на кругѣ глиняную посуду, что для него было очень трудно, такъ какъ онъ раньше не видалъ этого производства.

Когда черезъ семь или восемь мѣсяцевъ, это дѣло было окончено, онъ принялся строить печь на подобіе стеклоплавильныхъ печей,—что ему стоило великихъ трудовъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему приходилось складывать кирпичи, гасить известь, носить воду, переносить на спинѣ кирпичи, ибо у него не было средствъ нанять себѣ помощника.

Онъ вопервыхъ обжогъ всю свою посуду, но когда онъ сталъ обжигать во второй разъ, то пришлось преодолѣть множество затрудненій и понести неслыханные труды. При этомъ-то, когда не достало дровъ, онъ побросалъ въ печь всю свою мебель и разобралъ полы.

Но послушаемъ, какъ онъ самъ разсказываетъ о своихъ трудахъ, огорченіяхъ и ожиданіяхъ.

„Вмѣсто того, чтобы успокоиться послѣ такихъ трудовъ,—говоритъ онъ,—и послѣ испытанныхъ мною огорченій, мнѣ пришлось еще больше мѣсяца, и днемъ и ночью, толочь вещества, при помощи которыхъ я получилъ на стекляномъ заводѣ такую удивительную бѣлую глазурь. Когда я истолокъ вещества и сдѣлалъ составы, то

покрылъ ими всѣ сдѣланные мною сосуды. Я развелъ огонь въ двухъ устьяхъ, какъ я видѣлъ это дѣлаютъ на стеклянныхъ заводахъ; и я уставилъ сосуды въ надеждѣ, что скоро увижу, какъ сплавится глазурь. Но — что мнѣ за несчастіе! — шесть дней и шесть ночей жегъ я огонь безъ перестани и не могъ никакъ расплавить эмали. Я точно помѣшался. Хотя я обезсилѣлъ, и отъ трудовъ, и отъ горя, я все таки замѣтилъ, что положилъ слишкомъ мало вещества, которое заставляетъ плавиться всѣ другія. Я поэтому снова сталъ толочь это вещество, не давая въ тоже время погаснуть огню,—двѣ работы, которыя чрезмѣрно утомляли меня. Сдѣлавъ новый составъ, я долженъ былъ пойти купить новую посуду, потому что сдѣланная мною уже не годилась. Я поставилъ новыя пробы глазури въ печь, и продолжалъ нагрѣвать до той-же степени.

„Но тутъ со мною случилась новая бѣда: дровъ не хватило. Сначала я сжегъ подпорки для виноградныхъ лозъ изъ моего сада, а затѣмъ столы и даже половицы для того, чтобы расплавить второй мой составъ.

„Я былъ въ такомъ мучительномъ волненіи, что не могу разсказать; я изнемогъ и изсохъ отъ работы и жара; болѣе мѣсяца рубашка не просыхала на мнѣ; вмѣсто утѣшенія, я слышалъ насмѣшки, и даже тѣ, которые должны бы помогать мнѣ, бѣгали по городу и кричали, что я сжегъ полъ; этимъ разрушалось всякое ко мнѣ довѣріе и меня стали считать за сумашедшаго."

Нѣкоторые болтали, что онъ дѣлаетъ фальшивую монету. Онъ ходилъ по улицамъ, „*опустивъ голову, какъ осрамленный человѣкъ.*"

Онъ всѣмъ задолжалъ, и никто не помогалъ ему. Онъ не могъ платить кормилицѣ. Вмѣсто того, чтобъ помочь, надъ нимъ смѣялись: „Чтобъ онъ околѣлъ съ голоду! говорили о немъ,—по дѣломъ ему: не бросай своего ремесла".

Онъ слышалъ эти упреки, проходя по улицамъ.

Еще оставалась ему надежда, потому что послѣдніе опыты его были удачны; отдохнувъ немного, и видя, что никто не жалѣетъ о немъ, онъ сказалъ самому себѣ:

„Что тебѣ печалиться, когда ты нашелъ, что искалъ? Работай, и ты посрамишь насмѣшниковъ.

„Когда,—говоритъ онъ,—я былъ въ такой печали и упадкѣ духа, надежда немного ободрила меня. Я разсудилъ, что много времени нужно, чтобы самому слѣдить за всѣмъ; и чтобъ выиграть время, чтобъ поскорѣй объявить объ открытомъ мной секретѣ приготовленія бѣлой глазури, я нанялъ гончара-работника и далъ ему модели; пока онъ формовалъ посуду, согласно моимъ указаніямъ, я работалъ надъ какими нибудь медальонами."

Положеніе его заслуживало сожалѣнія. Онъ принужденъ былъ кормить работника въ долгъ, въ сосѣдней харчевнѣ, потому что не было средствъ кормить дома.

Палисси и работникъ трудились вмѣстѣ полгода. Онъ отпустилъ работника, и такъ какъ не было денегъ, чѣмъ заплатить ему жалованье, Палисси отдалъ ему свое платье. Бѣдность его была ужасающая, и не на что было построить горна, чтобъ обжечь приготовленную посуду. Ему приходилось сломать старую печь, устроенную на подобіе стеклоплавильной. Но она такъ накалилась въ шесть сутокъ, что известка и кирпичъ сплавились и остеклились. Ломая ее, онъ сильно порѣзалъ себѣ палецъ, такъ что принужденъ былъ „ѣсть супъ, обернувъ пальцы въ тряпицы".

Только съ великимъ трудомъ Палисси удалось устроить новый горнъ. Все онъ дѣлалъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи

Выстроивъ новую печку, онъ долженъ былъ сперва обжечь посуду. Затѣмъ, *займомъ и инымъ способомъ,* добылъ онъ матерьялы для составленія глазури и покрылъ ею посуду; первое обжиганіе удалось, какъ нельзя лучше.

Купивъ вещества для составленія глазури, онъ нѣсколько дней толокъ и растиралъ ихъ въ порошокъ Ему показалось при этомъ, что лучше всего растирать ихъ на ручной мельницѣ. Но чтобъ вертѣть жерновъ, требовалось два дюжихъ работника. Такъ какъ нанять было не на что, то пришлось одному работать за двухъ,—„что почитается невозможнымъ", добавляетъ онъ.

Когда составъ былъ смолотъ въ порошокъ, онъ покрылъ имъ посуду и медали, уставилъ ихъ въ печку и развелъ огонь. Онъ надѣялся вынуть изъ печи покрытую глазурью посуду.

Увы! на другой день, погасивъ огонь, онъ опечалился, поглядѣвъ на свою работу. Глазурь была великолѣпна и отлично сплавилась, но случайность погубила все. Въ извести, которой онъ скрѣплялъ кирпичи, было много кремней; вслѣдствіе сильнаго жара, эти кремни растрескались, куски упали на расплавившуюся уже глазурь и засѣли въ ней. Сосуды и медальоны, въ остальномъ превосходные, никуда не годились.

„Я былъ въ такомъ отчаяніи, говоритъ онъ, что не умѣю разсказать, ибо печь стоила мнѣ двадцать шесть экю. Я взялъ взаймы и дрова и матерьялы для этого дѣла. Я увѣрилъ кредиторовъ, что уплачу деньгами, которыя выручу отъ продажи готовой посуды, почему многіе изъ нихъ прибѣжали на другой день поутру, какъ я только сталъ вынимать изъ печи."

Къ горю о неудачѣ, примѣшался стыдъ. У него хотѣли за дешевую цѣну купить посуду, но онъ отказался продать, потому что—„въ этомъ было единственное средство возстановить мою честь“.

Онъ перебилъ всю посуду и уснулъ въ полномъ отчаяніи.

„И не безъ причины отчаявался я,—говоритъ онъ,—ибо мнѣ нечѣмъ было содержать семью и дома я слышалъ только упреки. Вмѣсто того, чтобъ утѣшить, меня проклинали. Сосѣди говорили, что я съума спятилъ, и что продавъ посуду, я выручилъ бы восемь франковъ“.

Онъ заболѣлъ отъ огорченія и усталости и пролежалъ нѣкоторое время въ постели; но потомъ онъ ободрился. Чтобы выйти изъ бѣдственнаго положенія, онъ принялся за живопись, и ему, хотя не безъ труда, удалось заработать нѣсколько денегъ.

Бодрость понемногу возвращалась къ нему, и онъ рѣшилъ, что послѣ столькихъ неудачъ, теперь навѣрно дѣло пойдетъ успѣшно. Онъ снова принялся за прежнее.

При новомъ опытѣ, онъ испыталъ новую непредвидѣнную неудачу. Вслѣдствіе сильнаго пламени, на расплавившуюся глазурь нанесло золу, которая и пристала къ ней. Вслѣдствіе этого, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поверхность сосудовъ вышла шероховатая и неровная. Онъ сталъ отыскивать, чѣмъ бы избавиться отъ этого впредь; тогда онъ изобрѣлъ *муфели*, то-есть на глухо закрытые горшки, въ которыхъ доселѣ обжигаютъ фаянсъ, чтобъ защитить его отъ золы. Онъ заготовилъ большое число такихъ глиняныхъ муфелей.

Такимъ образомъ, онъ думалъ, что предотвратилъ всѣ могущія быть случайности. Но встрѣтились новыя. Печь то была слишкомъ сильно нагрѣта, то слишкомъ мало, и все пропадало. Онъ сознается, что былъ столь въ этомъ неопытенъ, что не могъ отличить слишкомъ много, отъ слишкомъ мало. Порой случалось, что печь сильно нагрѣвалась спереди, а сзади была холодна. Желая помочь этому, онъ слишкомъ сильно нагрѣвалъ задъ, а передъ былъ холоденъ; порой накалялась сильнѣе то правая, то лѣвая сторона печи. Случалось также, что глазурь съ одной стороны была слишкомъ тонка, а съ другой чрезмѣрно толста; если въ печи были разноцвѣтныя глазури, то одна перегорала въ то

время, какъ другая еще не плавилась. При всѣхъ этихъ случаяхъ, была огромная потеря. Онъ много потерялъ, прежде чѣмъ научился нагрѣвать печь равномѣрно со всѣхъ сторонъ. Но иначе, какъ черезъ долгій опытъ, не доходятъ до совершенства.

Только послѣ десятилѣтнихъ опытовъ, удалось Палисси изготовить совершенно безупречной работы глазурованную посуду. Эти первыя произведенія уже поправили его обстоятельства, но такъ какъ онъ желалъ подвинуть созданное имъ производство, то и сталъ дѣлать новые опыты. Тогда-то онъ изобрѣлъ такъ называемыя *рустичныя* вещи, обезсмертившія его имя въ ремеслахъ.

Эти *рустики* суть фаянсовые сосуды и блюда, на которыхъ онъ помѣщалъ пресмыкающихся, рыбъ, раковинъ въ рельефѣ, съ цвѣтами, какіе имъ свойственны въ природѣ. Но сколько неудачныхъ попытокъ! сколько потеряно труда и денегъ, прежде чѣмъ пришла удача! Не всѣ глазури плавятся при одинаковой температурѣ. Зелень ящерицъ сгарала раньше, чѣмъ расплавлялся змѣиный цвѣтъ; цвѣтъ змѣй, раковъ и черепахъ плавился раньше, чѣмъ бѣлая глазурь, составлявшая фонъ, пріобрѣтала достодолжную красоту. Все это, пока онъ не достигъ составленія плавившихся при одинаковой температурѣ глазурей, доставляло ему много хлопотъ и огорченій.

Онъ получалъ довольно денегъ отъ продажи своихъ *рустичныхъ* фигуръ; но ему не часто удавалось вынимать весь уставленный въ печь запасъ въ исправномъ видѣ, потому что печь стояла на открытомъ воздухѣ и лѣтомъ жаръ, зимою морозъ, а также вѣтры и дожди, часто мѣшали правильному ходу обжига.

Чтобы предотвратить эти неудобства, ему нужно было окружить печи сараемъ, а для этого нужно было достать досокъ, черепицы на крышу, гвоздей. Часто, для прикрытія печей отъ дождя, онъ употреблялъ плющъ и другія ползучія растенія. По мѣрѣ того, какъ увеличивались его средства, онъ ломалъ плохо построенное, и строилъ за-ново, лучше и крѣпче. Поэтому сосѣди толковали, что онъ умѣетъ только строить да ломать.

„Многіе годы,—разсказываетъ онъ,—мнѣ было не начто покрыть свои печи, и я ночи проводилъ подъ дождемъ и вѣтромъ, безъ всякой помощи, безъ сочувствія; только совы выли съ одной стороны, да собаки заливались съ другой. Порой по-

дымался такой вѣтеръ и буря, и такъ дуло на мои печи и сверху, и снизу, что мнѣ приходилось бросить все, и работа пропадала. И много разъ случалось мнѣ послѣ полуночи или на разсвѣтѣ уходить домой промоченнымъ дождемъ такъ, что нитки сухой не оставалось,—точно меня вываляли во всѣхъ городскихъ лужахъ; и дорогой, я шатался изъ стороны въ сторону и падалъ въ потемкахъ, точно пьяный, и горько было мнѣ тогда, особенно потому, что долгая работа пропадала задаромъ. Когда я возвращался мокрый и грязный, то дома встрѣчалъ еще худшія непріятности, такъ что дивлюсь, какъ я не умеръ съ горя."

Овладѣвъ вполнѣ своимъ искусствомъ, онъ сталъ дѣлать вазы, статуэтки, ванны и другія вещи, называвшіяся вообще *фигулинами (figulino rustica)*. Вскорѣ, восхищенные красотой этихъ фигулинъ, сентонскіе богачи наперерывъ стали покупать ихъ для украшенія замковъ и парковъ. Между первыми покупателями и покровителями Палисси и его издѣлій, былъ графъ Молевріэ. Съ тѣхъ поръ Палисси раззнакомился съ бѣдностью.

Вещества, входившія въ составъ его глазурей, были: свинецъ; олово, желѣзо, сурьма, препаратъ кобальта *(saphn de cuivre)*, крупный песокъ или хрящъ, саликоръ (лангедокская сода), зола отъ отстоя послѣ перегонки вина, сурикъ и марганецъ (перигорскій камень).

Многочисленныя изслѣдованія надъ минералами и землями, искусство составлять изъ нихъ смѣси,—чѣмъ онъ занимался около двадцати лѣтъ, — привели Палисси къ изученію физическихъ и естественныхъ наукъ. Онъ научился различать растенія и минералы, и сдѣлался, по своему времени, искуснымъ химикомъ, благодаря опытамъ и наблюденіямъ, которые ему приходилось дѣлать при работахъ.

Въ 1548 году, при Генрихѣ II, солепромышленники, пользуясь затрудненіями, которыя часто бываютъ въ началѣ царствованія, возмутились и отказались платить налогъ на соль. Коннетабль Анна де-Монморанси, получивъ повелѣніе усмирить этотъ мятежъ, прибылъ въ Сэнтонъ. Тамъ онъ увидѣлъ издѣлія Палисси. Это изобрѣтеніе весьма ему понравилось. Онъ удивлялся таланту изобрѣтателя, даже полюбилъ его и сдѣлалъ значительный заказъ для своего Экуанскаго замка, въ которомъ уже работали архитекторъ Жанъ Бюлланъ и скульпторъ Жанъ Гужонъ.

Для Палисси было весьма выгодно связать свое имя съ именами этихъ, уже знаменитыхъ въ то время, художниковъ.

Такъ какъ *фигулины* можно легко перевозить съ мѣста на мѣсто, то Палисси не для чего было ѣхать въ Экуанъ, чтобы исполнить заказъ коннетабля. Это, впрочемъ, было бы сопряжено со многими неудобствами. Воздухъ, воды, земли въ Экуанѣ и окресностяхъ не могли быть тѣ же, какъ въ мѣстности, гдѣ Палисси до тѣхъ поръ производилъ свои опыты, и наконецъ добился не безъ труда до достодолжной пропорціи. Измѣнить мѣстность—это, можетъ быть, значило бы подвергнуть себя новымъ непріятностямъ и быть принужденнымъ снова приняться за опыты. Палисси былъ слишкомъ опытенъ, чтобы не видѣть, что ему нельзя перенести своего производства сразу въ новую мѣстность, и самъ коннетабль понялъ это. Въ самомъ дѣлѣ, онъ приказалъ выстроить для Палисси въ Сентѣ новую мастерскую, поудобнѣе, и въ ней-то были выполнены вещи, предназначавшіяся для Экуанскаго замка.

II.

Такимъ образомъ, Палисси достигъ положенія, въ которомъ талантливый и дѣятельный человѣкъ, въ обыкновенное время, можетъ прожить спокойно и счастливо, наслаждаясь плодами трудовъ своихъ. Но тѣ времена были необыкновенныя. Съ 1546 по 1550 г., нѣмецкіе монахи и посланцы женевскіе занесли въ Сентонь, какъ въ другія провинціи, идеи Лютера и Кальвина.

Вскорѣ въ этой мѣстности явилось много горячихъ послѣдователей реформаціи. Бернаръ Палисси принялъ протестантство и одинъ изъ первыхъ въ Сентонѣ сталъ проповѣдовать его. Думаютъ, что онъ даже сдѣлался священникомъ.

Палисси, въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ *Исторія*, разсказалъ, какъ распространялось реформатство на его родинѣ и какимъ преслѣдованіямъ оно подвергалось.

„Еслибъ ты видѣлъ,—говоритъ онъ,—ужасныя неистовства людскія, какія видалъ я во время этихъ тревожныхъ дней, то волоса бы твои встали дыбомъ. Кто не видѣлъ, и представить себѣ не можетъ, какое ужасное и жестокое было преслѣдованіе.

Я не удивляюсь, что пророкъ Давидъ желалъ избрать скорѣй чуму, чѣмъ голодъ и войну, говоря, что если его постигнетъ чума, то будетъ онъ въ рукахъ Божіихъ, а на войнѣ—въ рукахъ человѣческихъ," и т. д. [1]).

Его воображеніе было поражено жестокостями, совершенными въ Сентонѣ, во имя религіи, и онъ энергически описываетъ ихъ въ своей *Исторіи* [2]). Въ этомъ сочиненіи находится много любопытныхъ подробностей, но мы не можемъ привести ихъ здѣсь не удаляясь отъ предмета; мы пишемъ біографію Палисси, а не исторію реформаціи въ Сентоньи. Повторяемъ, вѣроятно, что Палисси былъ кальвинистскимъ пасторомъ и подавалъ примѣръ любви, терпѣнія и преданности.

Эдиктомъ 1559 года, король приказалъ казнить смертью протестантовъ и запретилъ парламенту миловать, или смягчать наказаніе. Вскорѣ солдаты, предводимые патерами, вторглись въ городъ Сентъ съ оружіемъ въ рукахъ. Всѣ реформаты удалились. Католики встрѣтили на улицѣ только одного парижскаго кальвиниста, который пріѣхалъ въ Сентъ по дѣламъ, и умертвили его.

„Они ходили изъ дому въ домъ,—говоритъ Палисси,—грабили, рушили, смѣялись, надсмѣхались, ругались, съ полной распущенностью и кощунственными словами противъ Бога и людей; они не только надсмѣхались надъ людьми, но и надъ Богомъ."

Палисси оставался въ городѣ, и четыре мѣсяца счастливо укрывался отъ всѣхъ поисковъ. Но деканъ и капитулъ донесли на него, и онъ былъ арестованъ. Онъ предсталъ передъ неумолимыхъ судей, все родственниковъ и друзей членовъ капитула, и его навѣрно приговорили бы къ смерти, еслибъ вмѣшательство герцога Монпасье не избавило его отъ немедленной гибели. Онъ формально приказалъ судьямъ оставить это дѣло. Другія сильныя лица, какъ синьоры де-Бюри, де-Жарнакъ, де-Понъ, также вступились за него. Чтобы избавить его отъ опасности, потребовали немедленнаго его освобожденія, но не могли добиться этого. Про-

---

[1]) Изданіе 1777, обнародованное Фожасомъ де-С. Фонъ и Гобэ, стр. 619 и слѣд.
[2]) *Oeuvres complètes de Palissy*. Edition de M. Cap., in—18. Paris, 1844, p. 99.

тивъ Палисси были сильно раздражены. Его отправили въ Бордо, на судъ парламента.

Во время его заключенія, варвары-фанатики набросились на его мастерскую. Они уже начали грабежъ, какъ вмѣшались синьоръ и дама де-Понъ, имѣвшіе въ Сентѣ большое вліяніе. Они объявили, что мастерская Палисси построена по приказу коннетабля де-Монморанси, и что этотъ принцъ посмотритъ на разрушеніе ее, какъ на сильную себѣ обиду. Съ другой стороны, герцогъ Монпансье и графъ де-ла-Рошфуко объявили, что берутъ домъ Палисси подъ свое особое покровительство. Съ тѣхъ поръ, мастерская была избавлена отъ всякой опасности.

Теперь нужно было спасти самого Палисси, а это было не легко. Требовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ личное вмѣшательство коннетабля. Нельзя было терять ни минуты, ибо казнь должна была послѣдовать немедленно за приговоромъ бордоскаго парламента.

Извѣщенный о положеніи дѣлъ, коннетабль де-Монморанси немедленно бросился къ королевѣ-матери. Требовалось получить приказъ Карла IX объ освобожденіи Палисси. Король имѣлъ право помилованія, но не могъ воспользоваться имъ, пока не было произнесено приговора. Надо было найти отговорку, чтобы король, запретившій эдиктомъ 1559 миловать сектантовъ, могъ, безъ видимаго противорѣчія себѣ, помиловать Палисси. Наконецъ, средство было найдено. Палисси, особымъ повелѣніемъ, былъ назначенъ ко двору, въ качествѣ *королевскаго изобрѣтателя фигулинъ*. Такимъ образомъ онъ избѣгъ жестокаго приговора бордоскаго парламента, и сталъ подсуденъ только великому совѣту. Совѣтъ же этотъ находился въ полномъ распоряженіи короля. Такимъ образомъ процессъ былъ отсроченъ на неопредѣленное время, и Палисси освобожденъ.

Спустя около года послѣ выхода своего изъ бордоской тюрьмы, онъ поѣхалъ и былъ въ Ла-Рошели, гдѣ напечаталъ книгу подъ заглавіемъ *Истинный рецептъ* и т. д., о которой будемъ имѣть случай говорить ниже. Въ чувствѣ благодарности, книга эта была посвящена Екатеринѣ Медичи и коннетаблю де-Монморанси.

Изъ Ла-Рошели, Палисси поѣхалъ въ Парижъ. По многимъ причинамъ ему нельзя было оставаться въ Сентѣ. Ему было тогда около пятидесяти четырехъ лѣтъ; его званіе *королевскаго изобрѣтателя фигулинъ* обезпечивало ему не только хорошо оплачиваемую работу, но и мѣсто между художниками того времени Ему нечего было и колебаться, ѣхать ли въ Парижъ.

Такимъ образомъ преслѣдованія и опасности, которымъ онъ подвергался, только послужили къ его успѣху. Еслибъ его не преслѣдовали, не арестовали, не посадили въ тюрьму; еслибъ его жизни не грозила опасность, онъ никогда бы не выѣхалъ изъ Сента; онъ не попалъ бы подъ непосредственное покровительство Екатерины Медичи; онъ никогда бы не познакомился лично съ великими итальянскими художниками, и не пользовался бы той жизнью, которая ему, какъ простому работнику, должна была казаться весьма блестящей.

Поселившись въ столицѣ, Палисси сталъ работать надъ украшеніемъ королевскихъ резиденцій, но онъ не вполнѣ посвятилъ себя этому дѣлу. Екатерина Медичи, спасшая ему жизнь, имѣла право многое отъ него требовать. Но она предоставила ему полную свободу. Онъ продолжалъ работать для Экуанскаго замка; онъ украсилъ многіе дворцы: замки Шонь, Нель и въ Пикардіи, Ре, въ Нормандіи и т. д.

Пейрескъ съ восхищеніемъ говоритъ о фаянсахъ Палисси, видѣнные имъ въ Экуанскомъ замкѣ, который онъ посѣтилъ въ 1606 году. Въ особенности хвалили огромный столъ изъ чернаго и бѣлаго мрамора, въ которомъ были инкрустаціи цвѣтныхъ раковинъ. Въ часовнѣ замка находились *Страсти Христовы*, въ шестнадцати картинахъ, въ одной рамѣ, и нарисованные на эмали съ картины Альберта Дюрера. Всѣ расписанныя стекла въ замкѣ были работы Палисси, а также полы изъ фаянсовыхъ четырехугольниковъ по его рисунку, его работы. По Гобэ, который видѣлъ ихъ въ прошломъ вѣкѣ росписныя стекла были удивительны. Въ одной изъ аллей парка была рустическая группа, о которой Палисси нѣсколько разъ говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Экуанскій замокъ, въ четырехъ лье отъ Парижа, былъ построенъ Анной, герцогомъ Монморанси, коннетаблемъ Франціи,

который на украшеніе его призвалъ всѣ средства современнаго искусства.

Палисси былъ и живописецъ, и скульпторъ. Но когда его артистическій талантъ вполнѣ развился, и онъ сталъ воспроизводить внѣшнюю природу, въ краскахъ и рельефѣ, то былъ прежде всего эмальеромъ. Онъ раскрашивалъ при помощи глазури глину, изъ которой лѣпилъ съ натуры.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ свои сюжеты Палисси бралъ изъ природы. На его вазахъ видишь бѣгущаго зайца, рака, который протягиваетъ свои длинныя лапы, или сжавшуюся ползущую ящерицу. Въ его чашахъ—пресмыкающія и раковины на песчаномъ ложѣ; вокругъ, въ струящейся водѣ, плаваютъ рыбы; по краямъ черепахи, морскія растенія, папоротники и т. п.

До какой степени совершенства доходили издѣлія Палисси, показываетъ слѣдующій фактъ. Въ его мастерской стояла эмалевая собака, столь похоже сдѣланная во всѣхъ частяхъ, что разъ случайно забѣжавшая въ мастерскую собака, вѣроятно имѣвшая сварливый нравъ, приняла дѣланную собаку за своего живаго собрата и стала ворчать на нее.

Глазурованныя издѣлія Палисси были въ большой модѣ при его жизни, и онъ производилъ ихъ въ большомъ количествѣ. У тогдашнихъ вельможъ считалось необходимостью, чтобъ въ паркѣ или замкѣ было какое-либо издѣліе *королевскаго изобрѣтателя фигулинъ*. Провинціальное дворянство стало въ этомъ, какъ и въ другихъ вещахъ, подражать придворнымъ. Въ паркахъ, всѣ аллеи, гроты, тонелли, водопады были буквально установлены фигулинными статуями и группами. Внутри дворцовъ, замковъ, богатыхъ домовъ были украшенія въ другомъ родѣ. Палисси до безконечности разнообразилъ свои издѣлія. Въ Луврѣ и въ отелѣ де-Клюни сохранилось множество его работъ, разсольниковъ, корзинъ для плодовъ, и другой утвари, блюдъ, тарелокъ, умывальныхъ чашекъ, бутылокъ, соусниковъ, подсвѣчниковъ, чернильницъ и т. п.

Недавно вышло сочиненіе подъ заглавіемъ *Monographie de l'œuvre de Palissy* съ литографированными и раскрашенными рисунками съ оригиналовъ, исполненными гг. Ш. Деланжемъ и Бор-

неманомъ, съ историческимъ и критическимъ текстомъ г. Созэ, адъюнкта-консерватора въ Луврскомъ музеѣ. По этой монографіи можно составить себѣ полное понятіе о фигулинахъ, любопытныхъ украшеніяхъ дворцовъ и замковъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, нынѣ на половину разрушенныхъ временемъ, частію же невѣжествомъ и небреженіемъ. Безъ сомнѣнія, множество остатковъ ихъ сохранилось еще въ Луврѣ, Клюни и частныхъ собраніяхъ рѣдкостей во Франціи и другихъ странахъ; но собраніе, обнародованное гг. Деланжемъ и Борнеманомъ, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ находятся изображенія съ оригиналовъ, разсѣянныхъ по разнымъ музеямъ.

Издатели монографіи во-первыхъ отдѣлили произведенія Палисси отъ поддѣлокъ и грубыхъ подражаній, которыя никакъ нельзя признать работой артиста, разбивавшаго всѣ вещи, въ которыхъ былъ какой-либо недостатокъ (дефектъ).

Въ 1566—1572 г., по повелѣнію Катерины Медичи, строился тюльерійскій дворецъ съ садомъ. Этотъ дворецъ (Tuileries), названъ такъ потому, что построенъ на мѣстѣ черепичной фабрики (de tuiles). Пока полагали основаніе новому зданію, *Палисси*, которому поручено было заранѣе исполнить разныя работы по украшенію будущаго дворца, былъ помѣщенъ либо въ службахъ луврскаго дворца, либо въ какомъ-нибудь старомъ зданіи, оставшемся еще на мѣстѣ воздвигаемаго дворца и сада. Поэтому-то его порой называли въ то время Maitre Bernard des Tuileries.

Его два сына, Николай и Матуринъ, помогали ему по украшенію тюльерійскаго дворца и сада. Это доказывается счетомъ, поданнымъ королевѣ-матери, объ издержкахъ на заказанныя ею работы по украшенію. Счетъ этотъ, писанный въ 1570 году, хранится въ императорской библіотекѣ. Палисси, которому были заказаны украшенія для садоваго грота, получилъ значительную сумму за эти работы. Два другихъ эмальера, его однофамильцы, также значатся на этомъ счетѣ. Шампольонъ-Фижакъ, открывшій этотъ счетъ, ошибался, считая Николая и Матурина братьями Бернара; они были его сыновьями.

Въ это время, то-есть въ 1572 году, разыгралась кровавая драма Варѳоломеевской ночи. Работы, которыя исполнялъ Па-

лисси для королевы-матери, и титулъ королевскаго изобрѣтателя, спасли его отъ смерти. Во время убійствъ онъ скрывался на дворѣ строившагося тюльерійскаго дворца.

Въ іюлѣ 1865 года, были открыты остатки обжигательной печи Бернара Палисси. Когда рыли фундаментъ новой галлереи Тюльери и Лувра, то наткнулись на кирпичную постройку, похожую на печь, въ которой обжигаютъ черепицу. Осторожно откапывая, вполнѣ отрыли эту печь, и въ одной изъ топокъ нашли до дюжины огромныхъ формъ животныхъ и растеній. Въ рукописи же Палисси, открытой г. Фильономъ въ 1861 году у одного ларошельскаго торговца и обнародованной названнымъ ученымъ, Палисси описываетъ работы, которыя онъ предполагаетъ сдѣлать для украшенія монументальнаго грота въ тюльирійскомъ саду. Формы, открытыя при постройкѣ галлереи, вполнѣ соотвѣтствуютъ этому описанію.

Въ той же печи находились формы торса солдата, по предположенію, одного изъ швейцарцевъ Катерины Медичи; то былъ человѣкъ росту необыкновеннаго.

Формы, открытыя между остатками печи Бернара Палисси, между прочимъ, пролили свѣтъ на довольно неожиданное обстоятельство, именно на то, что онъ снималъ форму съ живыхъ субъектовъ. Напр., онъ снималъ съ ящерицы глиняный или гипсовый слѣпокъ, и съ нея уже дѣлалъ форму изображенія ящерицы для своихъ издѣлій.

Исполнивъ большое количество заказовъ, какъ для Парижа, такъ и для провинцій, Палисси долженъ былъ пользоваться извѣстнымъ довольствомъ. Ему уже не приходилось, конечно, жить изо-дня-въ-день, въ постоянной заботѣ о завтрашнемъ днѣ. Онъ уже не цѣлый день посвящалъ работѣ, но только извѣстное число часовъ въ день, отыскивая сюжеты, дѣлая эскизы моделей и оставляя часть исполненія на долю своихъ сыновей, Николая и Матурина. Отъ времени до времени, онъ, что называется, окончательно проходился по готовой вещи; но чаще онъ только направлялъ и надсматривалъ. Ему оставалось свободное время, которое онъ посвящалъ изученію естественныхъ наукъ. Химія, гео-

логія, физика земнаго шара, земледѣліе привлекали къ себѣ его вниманіе.

Во время путешествій, занявшихъ часть его молодости, онъ находилъ великое удовольствіе въ созерцаніи природы, и любознательность вскорѣ пробудила въ немъ духъ наблюдательности. Онъ много видѣлъ, наблюдалъ, сравнивалъ, и сталъ отличать порядокъ и нѣкоторую правильность въ томъ, что для поверхностнаго взгляда имѣетъ видъ безпорядка и неправильности. Въ чудовищномъ разнообразіи естественныхъ явленій, онъ подозрѣвалъ существованіе гармоническаго порядка, то-есть основнаго принципа науки. Юныя впечатлѣнія и мысли не только не изгладились съ годами, но расширились и развились въ теченіе сорока лѣтъ, по мѣрѣ того, какъ онъ встрѣчалъ новые предметы въ *кабинетахъ рѣдкостей*, въ лабораторіяхъ, въ то время столь многочисленныхъ, или же въ природѣ.

Такимъ образомъ, Палисси удалось составить цѣлый естественно-историческій кабинетъ и, такъ сказать, выразить въ собраніи минераловъ и растеній свои знанія, впечатлѣнія и воспоминанія.

Вначалѣ, у него не было другаго наставника, какъ онъ говоритъ самъ *(Traité des pierres)*, иной книги, кромѣ неба и земли, въ которой, прибавляетъ онъ, всякому позволено читать. Но онъ не зналъ ни по-латыни, ни по-гречески, и желалъ знать, такъ ли объясняли древніе философы книгу природы, какъ онъ понималъ ее, или же понимали они ее иначе. Съ этою цѣлью, онъ рѣшился открыть въ Парижѣ настоящія *публичныя лекціи*. За эти лекціи была положена даже извѣстная плата, и Палисси объясняетъ зачѣмъ онъ бралъ по экю у входа.

„Мнѣ очень хотѣлось, говоритъ онъ, понимать по-латыни и читать философскія сочиненія, чтобы изъ однихъ научиться, другимъ же противорѣчить. Будучи въ такомъ состояніи духа, я рѣшился выставить афиши на парижскихъ перекресткахъ, чтобы собрать самыхъ ученыхъ врачей и другихъ, которымъ я обѣщалъ въ три урока показать все, что я знаю объ источникахъ, камняхъ, металахъ и другихъ естественныхъ предметахъ. И чтобы собрались только самые ученые и любознательные, я объявилъ, что ни одинъ не попадетъ на лекціи, не заплативъ экю при входѣ, и это сдѣлалъ я отчасти потому, чтобы видѣть, не могу ли услышать отъ моихъ слушателей какого-либо возраженія, которое имѣло бы за собой больше правды, чѣмъ

предлагаемыя мною доказательства. Зная хорошо, что въ случаѣ моей ошибки, много латинщиковъ и грековъ станутъ возражать мнѣ, и не пощадятъ меня, какъ по причинѣ экю взятаго съ каждаго изъ нихъ, такъ и по причинѣ того, что я занималъ ихъ нѣкоторое время; ибо мало было слушателей, которые хотя чѣмъ нибудь не воспользовались бы во время моихъ уроковъ. Вотъ почему я думалъ, что если они найдутъ, что я лгу, то возстанутъ на меня, ибо я объявилъ въ афишахъ, что если вещи, въ нихъ обѣщанныя, окажутся несправедливыми — я имъ возвращу въ четверо. Но, слава Богу, ни разу никто ни словомъ не возражалъ мнѣ [1]).“

Весною 1575 года, Палисси, будучи тогда шестидесяти-шести лѣтъ, открылъ лекціи по естественной исторіи, въ присутствіи самыхъ почтенныхъ въ Парижѣ лицъ. Онъ самъ передаетъ списокъ большинства своихъ слушателей, въ числѣ которыхъ встрѣчаются высокіе духовные сановники, знаменитые медики и хирурги, различныя почтенныя лица изъ дворянскаго и духовнаго сословія. Между прочими, онъ указываетъ на Амброаза Паре, знаменитаго хирурга королей французскихъ.

Лекціи Палисси продолжались въ теченіе шести лѣтъ; къ несчастію, мы не знаемъ подробностей объ этомъ любопытномъ предметѣ.

Намъ неизвѣстна программа лекцій Палисси, но изъ его сочиненій можно заключить, въ чемъ онѣ заключались. Въ 1580 г. онъ напечаталъ свои *Discours admirable*; въ 1584 г., по Фужасу де-Сенъ-Фонъ и Гобэ (издатели его сочиненій), онъ еще продолжалъ свои лекціи. Лекціи эти должны были преимущественно относиться къ различнымъ предметамъ, о которыхъ говорится въ *Discours admirable*.

На лекціяхъ онъ прибѣгалъ къ демонстраціямъ въ своемъ естественно-историческомъ кабинетѣ, первомъ по времени въ Парижѣ; можно составить себѣ понятіе объ этомъ собраніи, по слѣдующему мѣсту его сочиненій:

„*Копіи съ надписей*, которыя сдѣланы подъ чудесными вещами, которыя авторъ книги приготовилъ и расположилъ въ порядкѣ въ своемъ кабинетѣ, для доказательства всего, что въ сей книгѣ заключается; желающіе удостовѣриться, пусть возьмутъ трудъ придти и осмотрѣть его кабинетъ, и послѣ такого осмотра, они не будутъ уже сомнѣваться въ томъ, что написано въ этой книгѣ“.

---

[1]) *Traité des pierres.*

Бернара Палисси можно признать, стало быть, первымъ профессоромъ, который по-французски, стало быть на общепонятномъ языкѣ, преподавалъ въ Парижѣ естественную исторію и который, для подтвержденія своихъ взглядовъ, или доказательства излагаемыхъ фактовъ, вздумалъ составить коллекцію предметовъ въ подтвержденіе своихъ теорій по физикѣ и естественной исторіи, особенно объ образованіи кристалловъ, объ окаменѣлостяхъ и началахъ геологіи.

Нужно было много смѣлости, чтобы начать говорить о наукахъ передъ аудиторіей изъ образованныхъ и замѣчательныхъ людей. Вѣроятно, Палисси началъ свое дѣло робко и извинялся, говоря, что онъ не знаетъ ни латыни, ни греческаго, ни еврейскаго языка, ни поэтъ, ни риторъ, но простой ремесленникъ, весьма мало свѣдущій въ литературѣ [1]).

Трактатъ о водахъ и источникахъ, напечатанный около того времени, какъ Палисси читалъ свои лекціи, именно въ 1580 г., разсматривали какъ сокращенное изложеніе этихъ лекцій.

Лекціи Палисси время отъ времени, вѣроятно, прерывались вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій, безпокоившихъ стараго ученаго. Порою, на лекціяхъ, объясняя различные предметы естественной исторіи и физики земнаго шара, онъ касался вопросовъ, которые не нравились теологамъ. Въ ту эпоху фанатизмъ былъ слишкомъ неуступчивъ и слишкомъ возбужденъ, и за Палисси, вѣроятно, зорко наблюдали.

Въ 1588 г. Палисси, не смотря на свою глубокую старость, былъ арестованъ и посаженъ въ Бастилію. Неизвѣстно, почему Матье де-Лонэ, одинъ изъ *шестнадцати*, то-есть одинъ изъ вожаковъ лиги, желалъ во что быто ни стало, чтобы Палисси былъ возведенъ на эшафотъ. Герцогъ Майеннскій, вѣроятно изъ уваженія къ старости и талантамъ Палисси, постоянно отсрочивалъ это.

Наконецъ, однажды самъ Генрихъ III явился на порогѣ тюрьмы, гдѣ содержался прежній protégé Катерины Медичи. Король посѣтилъ его, надѣясь уговорить уступить въ дѣлѣ вѣры, вслѣдствіе чего его можно было помиловать. Палисси отказался

---

[1]) Посланіе къ маршалу Монморанси.

отъ всякихъ уступокъ, и рѣзко отвѣчалъ королю. Когда Генрихъ III сказалъ ему, что принужденъ такъ поступать, Палисси отвѣчалъ: „Я сожалѣю о васъ, когда вы говорите, что васъ принуждаютъ. Вы, государь, и тѣ, кто васъ принуждаетъ, не властны надо мной, потому что я съумѣю умереть“ [1]).

Кажется, что двѣ дочери одного изъ парламентскихъ прокуроровъ содержались въ Бастиліи одновременно съ Палисси, и что Палисси просилъ за нихъ у короля. Д'Обинье, современникъ Палисси, два раза въ своихъ *запискахъ*, разсказываетъ о посѣщеніи старика Бернара королемъ. Вотъ что онъ говоритъ въ *Confession de Sancy* (глава VII):

„Что скажете вы о бѣдномъ горчешникѣ м. Бернардѣ, которому король однажды сказалъ слѣдующее: „Любезный, сорокъ пять лѣтъ вы были на службѣ у королевы, моей матери, и у меня; мы терпѣли, чтобы вы остались живы, исповѣдуя свою вѣру, посреди убійствъ и пожаровъ; теперь сторонники Гиза и весь народъ такъ понуждаютъ меня, что долженъ былъ я, по-неволѣ, посадить въ тюрьму этихъ двухъ дѣвушекъ и васъ; ихъ завтра сожгутъ, и васъ также, если вы не перемѣните вѣры“. —„Государь, отвѣчалъ Бернаръ, графъ де-Молевріэ вчера вечеромъ приходилъ отъ имени вашего и обѣщалъ этимъ двумъ сестрамъ жизнь, если онѣ согласятся провести ночи съ вами. Онѣ отвѣчали, что пострадаютъ не только ради Господа, но ради чести своей. Вы нѣсколько разъ говорили мнѣ, что вамъ жаль меня, но мнѣ, государь, мнѣ жаль васъ, когда слышу отъ васъ эти слова: *я принужденъ*. Это не королевская рѣчь. Эти дѣвушки [2]) и я, мы имѣемъ часть въ царствѣ небесномъ, и научимъ васъ говорить по-царски: ни ваши Гизы, ни весь вашъ народъ, ни вы никогда не принудите горчешника склонить колѣнъ передъ идолами.“

Вѣроятно, король удалился весьма смущенный этими словами и урокомъ, даннымъ ему Палисси. Но онъ не мстилъ ему за это, и твердо противустоялъ яростнымъ настояніямъ требовавшихъ казни Бернара. Палисси умеръ черезъ годъ, въ 1589 г. въ Бастиліи. Несчастія, имъ испытанныя, глубокая старость, а можетъ быть также отсутствіе движенія и недостатокъ свѣжаго воздуха, были причиною его смерти.

---

[1]) D'Aubigné, *Histoire universelle*, 3 e partie, liv. III, chap. I.

[2]) Дочери Жака Фуко, прокурора парламента. Онѣ были сожжены нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

III.

Бернаръ Палисси былъ талантливый ученый и писатель. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые въ XVI вѣкѣ, болѣе другихъ способствовали разсѣянію схоластическаго мрака. Разборъ его важнѣйшихъ сочиненій докажетъ справедливость этого мнѣнія.

Первое изъ его сочиненій, напечатанное въ Ларошели, въ 1583 г., имѣетъ слѣдующее заглавіе: „*Истинный рецептъ, при помощи котораго всѣ французы могутъ научиться увеличивать свои богатства. Item, всѣ, неимѣющіе литературнаго образованія, могутъ научиться философіи, необходимой для всѣхъ живущихъ на землѣ. Item, въ этой книгѣ находится рисунокъ сада, столь же прелестнаго, какъ и полезнаго изобрѣтенія, какой когда-либо видѣли. Item, рисунокъ и описаніе крѣпостнаго города, самаго неприступнаго, о какомъ когда-либо слыхали; сочинено мастеромъ Бернаромъ Палисси, гончаромъ и изобрѣтателемъ фигулинъ короля и монсиньера герцога Монморансійскаго, пера и коннетабля Франціи, жительствующимъ въ городѣ Сентѣ.*

Это заглавіе покажется длиннымъ, если сказать, что все-то сочиненіе въ сто съ небольшимъ страницъ. Въ этой небольшой книжкѣ, въ формѣ разговора, въ вопросахъ и отвѣтахъ, авторъ касается различныхъ предметовъ, повидимому безъ всякой связи и безъ всякаго порядка. Но по внимательномъ разсмотрѣніи, видно, что вопросы эти логически слѣдовали другъ за другомъ въ головѣ Палисси. Порой, поставивъ вопросъ, онъ неполно отвѣчаетъ на него и тотчасъ переходитъ къ другому, но потомъ снова возвращается къ первому.

Первому своему сочиненію Палисси предпослалъ слѣдующее предисловіе:

„Другъ читатель, такъ какъ Богу угодно было, чтобы сочиненіе это попало тебѣ въ руки, прошу тебя, не будь столь лѣнивъ, или робокъ, чтобы удовольствоваться началомъ, или частью нижеслѣдующаго; но для того, чтобы оно принесло тебѣ какой-нибудь плодъ, потрудись прочесть все, не обращая вниманіе на ничтожность и неважное званіе автора, ни на его деревенскій языкъ безъ всякихъ прикрасъ, увѣривъ себя, что ничего или очень мало найдешь въ немъ для себя полезнаго.“

Мы разсмотримъ это сочиненіе, сохраняя разговорную форму, данную ему авторомъ.

„В. — Кажется, ты говорилъ, что философія необходима для земледѣльцевъ.

„О. — Нѣтъ такого на свѣтѣ искусства, для котораго философія была бы необходимѣе, чѣмъ для земледѣлія; заниматься земледѣліемъ безъ философіи, значитъ унижать землю и ея произведенія, и я удивляюсь, какъ земля и ея произведенія не кричатъ о мщеніи противъ убійцъ, невѣждъ и неблагодарныхъ, которые ежедневно портятъ и истребляютъ растенія и деревья безъ всякаго соображенія. Еслибъ земля воздѣлывалась, какъ должно, она бы производила вдвое и втрое больше.“

Здѣсь авторъ приводитъ въ примѣръ земледѣльца, отличнаго философа (т. е. очень образованнаго и просвѣщеннаго человѣка), который своимъ трудолюбіемъ и предпріимчивостью достигъ того, что земля его приносила ему гораздо больше, чѣмъ у сосѣдей. Онъ былъ обвиненъ въ колдовствѣ и позванъ въ судъ. Онъ явился, въ сопровожденіи своихъ дѣтей и слугъ, и представилъ свою упряжь, телегу и всѣ орудія и снаряды, необходимыя для земледѣлія. „Вотъ, сказалъ онъ судьямъ, указывая на различныя орудія своего изобрѣтенія,—вотъ все мое колдовство. Въ силу работы моей, моихъ дѣтей и слугъ, маленькая моя землица даетъ лучшія произведенія и обильнѣйшія, чѣмъ земли моихъ сосѣдей.“ Онъ былъ оправданъ, и его хвалили.

Затѣмъ Палисси продолжаетъ почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Мы только слегка сокращали по мѣстамъ.

„В. — Скажи, пожалуста, зачѣмъ земледѣльцамъ нужна философія...

„О. — Я не съумѣю сказать тебѣ, до какой степени *естественная философія* необходима для земледѣльцевъ. Невѣжество, которое ежедневно наблюдаю я въ земледѣліи, часто возмущаетъ мою душу, потому что я вижу, какъ всякій, думая разбогатѣть, всѣми средствами высасываетъ землю, не обработывая ее; обработывать поручаютъ несчастнымъ невѣждамъ; изъ этого выходитъ, что земля *оскверняется*, а равно и ея произведенія, и при этомъ совершаютъ ужасныя жестокости противъ быковъ, созданныхъ Богомъ на помощь человѣку въ его работахъ.

„В. — Прошу тебя, покажи мнѣ какія-нибудь ошибки, совершенныя въ земледѣліи, чтобъ я могъ повѣрить словамъ твоимъ.

„О. — Когда бываешь въ деревняхъ, погляди на навозъ, который работники выносятъ изъ стойлъ, и складываютъ, какъ придется, то на высокихъ, то на низкихъ мѣстахъ, безъ другой заботы, какъ только бы свалить все въ кучу. Посмотри затѣмъ, что случается въ дождливое время; вода, падающая на навозъ, проникаетъ въ него, и проходя отъ верху до низу, отнимаетъ отъ него черную краску, которую и уноситъ, если, благодаря наклону почвы, она можетъ стекать свободно. Такимъ образомъ вымытый навозъ никуда не годенъ. Положенный на поляхъ, онъ

не приноситъ никакой пользы. Вотъ явное доказательство достойнаго сожалѣнія невѣжества.

„В. — Я не повѣрю, пока ты не приведешь другихъ доказательствъ.

„О. — Еслибъ ты зналъ, зачѣмъ навозъ вывозятъ на поля, то ты бы сразу повѣрилъ мнѣ. Навозъ возвращаетъ землѣ часть того, что у нея было взято. Хлѣбъ сѣютъ въ надеждѣ, что каждое зерно принесетъ нѣсколько. А это не можетъ произойти безъ того, чтобы отъ земли что нибудь не было отнято. Вещество поля, на которомъ сѣяли и жали нѣсколько лѣтъ, уносилось въ видѣ соломы и зерна. Вотъ почему надо унаваживать землю и т. п. И если я говорю, что навозныя кучи нельзя подвергать растворяющему дѣйствію дождевой воды, то потому что она уноситъ *соль*, составляющую главное достоинство навоза.

„В. — Ты сказалъ мнѣ вещь, которая заставляетъ меня подумать болѣе, чѣмъ другія. Я знаю, что многіе смѣются надъ тѣмъ, что ты говоришь, будто въ навозѣ есть *соль*. Объясни мнѣ это.

„О. — Сейчасъ ты находилъ страннымъ, что извѣстная философія, по моему, необходима для земледѣльцевъ, а теперь ты спрашиваешь меня о томъ, что въ достаточной степени зависитъ отъ моего перваго предложенія. Знай же, что нѣтъ сѣмянъ, хорошихъ-ли, дурныхъ-ли, которыя не заключали бы въ себѣ извѣстнаго рода соли, и что когда солома, сѣно и другія травы гніютъ, воды, черезъ нихъ проходящія, отнимаютъ у нихъ эту соль. Все равно, какъ соленая рыба, если долго ее мочить въ водѣ, теряетъ все свое *солящее* вещество и становится не солона на вкусъ. Такъ точно, вымытыя дождями навозныя кучи теряютъ свою соль.

„В. — Ты цѣлый вѣкъ можешь говорить; я все таки неповѣрю, что въ навозѣ и во всѣхъ растеніяхъ есть соли.

„О. — Я теперь представлю тебѣ доказательства, которыя заставятъ тебя убѣдиться, если только у тебя на плечахъ не ослиная голова. Ты знаешь *саликоръ*, траву, которая растетъ въ Нарбони и Сэнтоньи. И вотъ, то вещество, которое аптекаря и философы-алхимики называютъ *содой*, получается при сжиганіи саликора. Вотъ соль, получаемая изъ травы. Папоротникъ при сжиганіи также даетъ *соляной камень*, изъ котораго, прибавляя нѣкоторыя вещества, дѣлаютъ стекло. Сахаръ есть также родъ соли, извлекаемой изъ сахарнаго тростника. Правда, что соли не имѣютъ ни одинаковаго вкуса, ни одинаковыхъ свойствъ, ни даже одинаковаго вида. Я могу увѣрить тебя, что на землѣ существуетъ безчисленное множество родовъ солей. Нѣтъ такой травы, такого растенія, въ которомъ не заключалось бы извѣстнаго рода соли. Плоды были бы лишены вкуса, запаха и другихъ свойствъ, еслибъ не содержали въ себѣ солей. Ихъ нельзя было бы предохранить отъ гніенія. Я тебѣ приведу въ примѣръ очень употребляемый у насъ плодъ—виноградъ. Извѣстно, что если сжечь винные подонки, то получается соль, называемая *виннымъ камнемъ*. Она ѣдка. Въ сыромъ мѣстѣ она расплывается и образуетъ виннокаменное масло, которое употребляется при леченіи лишаевъ. Вотъ доказательства, которыя должны убѣдить тебя, что въ растеніяхъ и деревьяхъ есть соли [5])."

Палисси затѣмъ вступаетъ въ подробности, о которыхъ мы

---

[5]) *Recepte véritable*, p. 14, 17, éd. de Cap. in—18°. Paris, 1844.

дадимъ только общее понятіе. Онъ разсматриваетъ свойства монпельескихъ винъ съ точки зрѣнія того, что онъ называетъ *солью*. Онъ говоритъ, какъ можно извлечь соль изъ всякихъ травъ и растеній. Если всякая зола болѣе или менѣе годна для приготовленія щелока, то это потому, что во всякой золѣ есть соль, которая растворяется въ водѣ, и этотъ-то соляной растворъ, проникая въ бѣлье, соединяется съ жирными и нечистыми веществами, которыя грязнятъ бѣлье, отдѣляетъ ихъ отъ ткани и при смываніи уноситъ съ собою. Если выпаривать, говоритъ онъ, до-суха въ котлѣ щелокъ, то на днѣ останется соль, заключавшаяся въ щелокѣ. Онъ затѣмъ показываетъ, какъ можно удостовѣриться, что въ дымѣ есть соль и въ различнаго рода дымахъ различныя соли. Затѣмъ онъ говоритъ о корѣ дуба, которая служитъ для дубленія кожъ, и объясняетъ слѣдствія дубленія. Въ числѣ солей онъ упоминаетъ о бурѣ, квасцахъ и селитрѣ.

Онъ возвращается затѣмъ къ земледѣльцамъ, которые за нѣкоторое время до посѣва выносятъ навозъ на поля и сначала раскладываютъ его тамъ небольшими кучками въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Черезъ нѣсколько дней, они равнымъ слоемъ разбрасываютъ каждую кучу и не оставляютъ ничего на томъ мѣстѣ, гдѣ куча лежала; и на этомъ-то именно мѣстѣ хлѣбъ родится гуще, выше, зеленѣе и прямѣе. Отчего это бываетъ? Потому, что дождевая вода, упавшая въ то время, когда навозъ лежалъ въ маленькихъ кучкахъ, проникла въ нихъ и, пройдя насквозь, увлекла въ землю изъ каждой кучки соляныя частицы, въ ней заключавшіяся.

Геферъ, въ своей *Исторіи химіи*, говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„Триста лѣтъ прошло со временъ Бернара Палисси, и послѣдніе опыты подтверждаютъ вполнѣ его идеи. Ясно, что дѣйствительно соли, а именно аміачныя (сѣрнокислая, углекислая и хлористоводородная), играютъ важнѣйшую роль въ удобреніяхъ [1]."

Затѣмъ Палисси довольно подробно говоритъ о ростѣ деревьевъ, о дѣйствіи дождя на деревья и т. п. Онъ говоритъ

---

[1]) Томъ II, стр. 91.

только о томъ, что видѣлъ; видно, что онъ изучилъ, въ качествѣ истиннаго наблюдателя, различныя свойства дерева. Онъ приводитъ множество подробностей относительно лѣсоводства, и при этомъ не только расширяетъ область науки, но создаетъ, или по меньшей степени способствуетъ созданію части народнаго языка, оставленной литераторами и поэтами безъ обработки. Требовалось найти новые термины, новыя выраженія, новые обороты, чтобы описать, съ извѣстною точностію, новые факты естественныхъ наукъ и различныя видоизмѣненія, замѣченныя въ явленіяхъ уже наблюденныхъ. Внимательно читая сочиненія Палисси, видишь, по слогу, что онъ не только ученый, но и художникъ.

Мы оставимъ безъ разбора нѣсколько страницъ, наполненныхъ дробными фактами о питаніи и воспроизведеніи растеній, о различіяхъ, существующихъ между почвами, растеніями и плодами гористыхъ и береговыхъ мѣстностей, почвами, растеніями и плодами равнинъ и долинъ. Плодовыя деревья, растущія на высокихъ мѣстахъ, даютъ плоды, вкусъ и запахъ которыхъ пріятнѣе и тоньше, чѣмъ отъ деревьевъ того же рода, растущихъ въ долинахъ и т. п. Дубы, растущіе на скалахъ, образующихъ горы, тоже относительно земнаго шара, что костяной оставъ для человѣческаго тѣла. Затѣмъ, Палисси говоритъ о природѣ различныхъ растеній. Во всѣхъ есть *соли;* встрѣчаются такія, которыя вполнѣ состоятъ изъ солей.

Въ краткомъ разборѣ невозможно совмѣстить всѣ подробности, приводимыя Палисси. Можно указать только на самыя замѣчательныя. По его мнѣнію, соли находятся почти во всѣхъ тѣлахъ природы, минералахъ, растеніяхъ и животныхъ, и всѣ называемыя имъ этимъ именемъ вещества и въ настоящее время считаются въ химіи солями, за исключеніемъ сахара. На основаніи опыта и наблюденія, онъ составилъ теорію удобреній, которая есть какъ бы предшественница современной.

Древніе полагали, что соли вредятъ произрастанію. Палисси, наоборотъ, доказываетъ, что именно соляныя вещества, находящіяся въ удобреніи, способствуютъ произрастанію. Даже въ настоящее время, читая Палисси, можно встрѣтить много полезныхъ указаній.

Наконецъ, въ „*Истинномъ рецептѣ*,“ послѣ многихъ отступленій, онъ приходитъ къ описанію своего *усладительнаго сада* и своей *крѣпости*. Тутъ онъ проявляетъ одновременно и поэтическое воображеніе, и различныя свѣдѣнія ученаго, и талантъ писателя. Видно, что онъ изучалъ даже архитектуру. Онъ зналъ Ветрувія, на котораго не разъ ссылается. Такимъ образомъ, еще во времена Палисси, существовалъ французскій переводъ десяти книгъ Ветрувія.

Въ 1580 г., Палисси напечаталъ въ Камбрэ, въ одномъ томѣ, въ осьмую долю, слѣдующія сочиненія: *Удивительные разговоры о природѣ водъ и колодцевъ, какъ естественныхъ, такъ и искусственныхъ; о металахъ, соляхъ и солончакахъ; о камняхъ, почвахъ, огнѣ и глазуряхъ; съ прибавленіемъ многихъ другихъ превосходныхъ секретовъ объ естественныхъ вещахъ. Далѣе, разсужденіе о мергелѣ, весьма полезное и необходимое для тѣхъ, кто занимается земледѣліемъ. Все изложено въ разговорахъ, въ которыхъ говорится о теоріи и практикѣ. М. Б. Палисси, изобрѣтателя фигулинъ короля и королевы, его матери.*

Подъ именемъ *теоріи* онъ разумѣетъ *схоластику*, а опытъ и наблюденіе называетъ *практикой*. Понятно, что теоріи, или схоластикѣ приходится нерѣдко играть смѣшную роль, и что практика постоянно побѣждаетъ ее.

Въ трактатѣ о *глинистыхъ земляхъ* Палисси, останавливаясь на словѣ глина (argile), говоритъ объ этимологической неточности, которую придаютъ ему *греки и латыняне Сорбоны*. Есть, говоритъ онъ, великая разница между глинистыми землями. Однѣ бѣлы, песчанисты, весьма тощи и для достодолжнаго обжиганія требуютъ сильнаго огня. Онѣ хороши для производства тиглей. Другія, въ силу того, что заключаютъ въ себѣ металлическія вещества, при дѣйствіи сильнаго жара, расплавляются. Палисси справедливо замѣчаетъ, что во всѣхъ глинахъ заключается извѣстная часть воды, и что вода эта, испаряясь отъ жару, ломаетъ и заставляетъ лопаться сдѣланныя изъ такого вещества вещи. Глина сжимается отъ дѣйствія огня и т. п.

Палисси первый, на основаніи опыта и наблюденія, установилъ раціональную систему *кристаллизаціи*. Въ трактатѣ *о кам-*

нях, онъ говоритъ, что соли и другія вещества не могутъ кристаллизоваться иначе, какъ переходя черезъ жидкое состояніе, то-есть не иначе, какъ изъ расплавленнаго состоянія, или воднаго раствора.

„Съ нѣкотораго времени, говоритъ онъ, я узналъ, что кристаллъ отвердѣваетъ въ водѣ; найдя нѣсколько кусковъ кристалла, образованнаго въ видѣ алмазныхъ иглъ, я сталъ думать, чтобы могло быть причиной этого; и думая объ этомъ, я наблюдалъ селитру, которая, будучи растворена въ горячей водѣ, отвердѣваетъ въ серединѣ или по краямъ сосуда, гдѣ ее кипятили; и что будучи покрыта сказанной водой, она не отвердѣваетъ. Такимъ образомъ, что вода отвердѣвающая въ камняхъ или металахъ не есть обыкновенная вода и т. п. [1])“.

Кристаллографія содержитъ главнѣйшія данныя многихъ великихъ задачъ физики и химіи, и новѣйшая наука обязана Палисси первыми точными свѣдѣніями, какія имѣлись на этотъ счетъ въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Мергель есть смѣсь глины, песку, сѣрнокислой и углекислой извести, которая издавна употреблялась въ видѣ удобренія во времена Бернара Палисси. Главнѣйшія начала геологіи, *сверленіе буравомъ*, *артезіанскіе колодцы*, *наслоеніе почвы* и т. д., находятся въ *Трактатѣ о мергелѣ*.

„Я не могу,—говоритъ онъ,—рекомендовать тебѣ лучшаго способа, чѣмъ тотъ, который я самъ употреблялъ, для отысканія мергеля. Я осматривалъ всѣ мѣстности, гдѣ гончары и кирпичники берутъ матеріалъ, и изъ каждой такой мѣстности я пробовалъ брать землю для удобренія... и затѣмъ, я бралъ довольно длинный *буравъ*, въ которомъ на заднемъ концѣ находилась полая трубка, въ которую я вставлялъ палку, къ другому концу которой прикрѣплялъ ручку въ видѣ бурава; и затѣмъ, я ходилъ по всѣмъ ямамъ на своихъ поляхъ и вставлялъ въ нихъ буравъ на всю длину ручки; вынувъ его черезъ дыру, я сталъ смотрѣть въ вогнутости, какая въ нихъ земля, и затѣмъ вычистивъ буравъ, я вставлялъ другую ручку, подлиннѣе и т. д. [2]).“

Тутъ основаніе всевозможныхъ буравленій для узнанія природы подпочвъ. Если по пути встрѣчались каменистыя породы, то Палисси ихъ пробуравливалъ при помощи особыхъ буравовъ. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, можно не только отыскивать мергель, *но воду для колодцевъ*, и эта вода часто можетъ под-

---

[1]) *Des Pierres*, édition de Cap. p. 64.

[2]) *De la Marne*, p. 340, ed. de Cap.

няться гораздо выше того мѣста, гдѣ ее встрѣтилъ буравъ. Это происходитъ оттого, объясняетъ онъ, что вода идетъ съ болѣе высокаго мѣста, чѣмъ дно сдѣланой ямы.

Далѣе онъ говоритъ:

„Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ почва состоитъ изъ различныхъ слоевъ, и копая въ ней, мы встрѣчаемъ слой земли, потомъ слой песку, слой камня и извести, и слой глинистой земли, — обычно земля состоитъ изъ такихъ различныхъ слоевъ. Осмотри ломки глинистой земли близъ Парижа, между Отейлемъ и Шайло и т. д.“

„Главнѣйшія основанія геологіи, говоритъ г. Гёферъ, находятся въ *трактатѣ о мергелѣ* и другихъ сочиненіяхъ Палисси“ [1]). Цѣль трактата *о водахъ и источникахъ*—объяснить съ подробностью новый способъ устраивать фонтаны, которые были бы полнымъ подражаніемъ естественнымъ источникамъ.

Предварительно Палисси считаетъ необходимымъ внимательно разсмотрѣть качество наичаще употребляемыхъ водъ. Во-первыхъ, онъ разсматриветъ колодезныя воды; онъ сравниваетъ ихъ между собою; онъ ихъ анализируетъ, на сколько это было возможно въ то время. Онъ дѣлаетъ то заключеніе, что въ большинствѣ случаевъ колодезныя воды слишкомъ жестки, слишкомъ холодны и порою слишкомъ стоячія. Болотистыя воды еще хуже; онѣ опасны и для человѣка и для животныхъ. Очень часто онѣ бываютъ испорчены; въ нихъ заключается множество насѣкомыхъ, порою даже вредныхъ гадовъ. Воды цистернъ гораздо предпочтительнѣе; но онѣ стоячія и поэтому въ сильные лѣтніе жары могутъ либо выпаряться, либо портиться.

Воды источниковъ и ключей самыя здоровыя, пріятныя и естественыя.

Такимъ образомъ онъ приходитъ къ разсмотрѣнію способовъ, употреблявшихся въ разныя времена, для провода воды. Онъ разсматриваетъ, сравниваетъ, взвѣшиваетъ выгоды и невыгоды различныхъ способовъ. Самымъ вѣрнымъ и удобнымъ для проведенія воды на дальнія разстоянія кажется ему способъ акведуковъ (водопроводовъ). По этому случаю, онъ вспоминаетъ объ удивительныхъ работахъ, сдѣланныхъ въ этомъ родѣ римлянами.

---

[1]) Histoire de la chimie, t. II, p. 89.

Отъ нихъ,—говоритъ онъ,—остались развалины, характеризующія геній этого великаго „народа; эти сооруженія, съ другой стороны, показываютъ намъ, что время, своимъ вседневнымъ и постояннымъ дѣйствіемъ, разрушаетъ то, что люди могли воздвигнуть только съ великими издержками и трудностями.“

Но разсматривая весьма внимательно воды колодезныя, болотныя, цистерныя, онъ упоминаетъ также, что воды подземныхъ источниковъ сами могутъ претерпѣть измѣненія, отъ дѣйствія соляныхъ, смолистыхъ и т. п. веществъ, и что между минеральными водами есть такія, которыя могутъ способствовать возстановленію здоровья.

Палисси, мимоходомъ, разсматриваетъ качества этихъ минеральныхъ водъ. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ считаетъ способными излечивать извѣстныя болѣзни, на которыя другія средства не оказали дѣйствія; но онъ далекъ отъ мысли медиковъ-эмпириковъ того времени, что онѣ вообще полезны отъ всякихъ болѣзней.

Онъ также говоритъ нѣсколько словъ о горячихъ водахъ, теплоту которыхъ онъ приписываетъ сѣрнистымъ веществамъ, ископаемому углю, смоламъ и другимъ воспламенимымъ веществамъ, которыя въ изобиліи встрѣчаются въ глубинѣ земнаго шара.

По поводу воспламенимыхъ веществъ, встрѣчающихся въ подземныхъ слояхъ, онъ касается вопроса о землетрясеніяхъ. Онъ излагаетъ теорію, основанную на явленіяхъ, могущихъ призойти отъ взаимодѣйствія воды, воздуха и огня. Вслѣдствіе этого-то, по его мнѣнію, происходятъ эти ужасныя землетрясенія, которыя порою заставляютъ думать, что вся земля въ опасности. Его собственныя изысканія и многочисленныя наблюденія дозволили ему сдѣлать весьма остроумныя сближенія и войти въ небезъинтересныя подробности на счетъ этой части физики земнаго шара.

Затѣмъ онъ снова возвращается къ источникамъ и фонтанамъ.

Общепринятое во времена Палисси мнѣніе, которое поддерживалъ Францискъ Беконъ пятьдесятъ лѣтъ спустя, заключалось въ томъ, что источники происходятъ или вслѣдствіе всасыванія морскихъ водъ, или вслѣдствіе испаренія и сжиманія водъ, заключающихся въ пещерахъ внутри горъ. Палисси оспариваетъ это мнѣніе. Онъ доказываетъ, что источники происходятъ вслѣд-

ствіе всасыванія дождевой воды, которая стремится опуститься внутрь земли до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ скалы, или непроницаемый слой глины, гдѣ она останавливается и ищетъ себѣ выхода по покатой части почвы. По Палисси, можно бы устроить искусственные источники, „подражая и возможно-болѣе приближаясь къ природѣ“. Онъ описываетъ этотъ способъ съ точностью и ясностью, которыя ничего не оставляютъ желать.

Затѣмъ онъ переходитъ къ водометамъ, и объясняетъ причину ихъ. Для того, чтобы онъ образовался, необходимо, чтобы вода текла изъ точки болѣе возвышенной, чѣмъ та, изъ которой она выходитъ, ибо „вода никогда не подымается выше источника, откуда идетъ“.

Ученые говорили, что въ рѣкахъ ледъ образуется не на поверхности, но въ глубинѣ. Палисси *(Traité des glaces)* поддерживаетъ, при помощи возможныхъ доказательствъ, что ледъ образуется на поверхности. На этотъ счетъ новѣйшая наука не сказала еще своего послѣдняго слова.

Въ другой части того же трактата, чтобъ доказать порозность тѣлъ, онъ опирается на весьма остроумные примѣры и свои собственныя наблюденія. Во многихъ случаяхъ, онъ наблюдалъ, что мѣстныя вещества, предоставленныя самимъ себѣ, имѣютъ стремленіе сближаться и соединяться. Это свойство онъ обозначаетъ названіемъ *притяженія*.

Есть раковины, представляющія радужные цвѣта. Палисси, отыскивая причину этого явленія, касается той области идей, которыя, такъ сказать, имѣютъ соотношеніе съ разложеніемъ свѣта. Радуга, говоритъ онъ, происходитъ только тогда, „когда солнечный свѣтъ прямо проходитъ сквозь дождь, который насупротивъ его.“

Въ трактатѣ о *металлахъ и алхиміи*, онъ обращаетъ вниманіе на способъ образованія солей и кристалловъ, и полагаетъ первыя начала кристаллографіи. Онъ замѣчаетъ аналогію, существующую между нѣкоторыми окаменѣлостями и кристаллизованными минералами, и старается при помощи одной и той же теоріи объяснить и то и другое. Онъ излагаетъ совершенно новыя мысли о *сродствѣ* между различными веществами и *при-*

тяженіемъ, которое притягиваетъ однородныя тѣла. Это слово *притяженіе*, которое полагаютъ свойственнымъ времени Паскаля и Ньютона, часто употребляется въ сочиненіяхъ Палисси, въ томъ научномъ смыслѣ, который ему придали позже.

Не только магнитъ имѣетъ свойство притягивать *любимыя* имъ тѣла; амбра и другія тѣла притягиваютъ соломинку. Масло, брошенное на воду, соединяется въ одну массу, и соли, растворенныя въ жидкости, также соединяются при образованіи кристалловъ. Онъ указываетъ на аналогичныя явленія въ растеніяхъ и животныхъ, и такъ сказать предчувствуетъ всеобщую систему притяженій и отталкиваній матеріи.

Въ томъ же трактатѣ о *металахъ и алхиміи*, Палисси говоритъ объ окаменѣніи дерева и желѣзистыхъ инфильтраціяхъ, о *ихтіолитахъ*, или окаменѣлыхъ рыбахъ и т. п.

„Итакъ легко заключить, говоритъ онъ, что рыбы, превращенныя въ метал жили въ нѣкоторыхъ озерахъ и прудахъ, воды которыхъ смѣшались съ другим металическими водами, которыя отвердѣли въ мѣдный рудникъ и съ ними отве дѣли рыбы и тина, а обыкновенныя воды испарились, согласно предписанному и закону, какъ я выше объяснилъ тебѣ; и еслибы при отвердѣніи воды въ мета въ ней заключалось какое нибудь мертвое тѣло, человѣчье или животное, то о также превратилось бы въ металъ; и въ этомъ ни коимъ образомъ сомнѣваться не слѣдуетъ [1]).“

Въ этомъ трактатѣ, онъ разбираетъ вопросъ, столь труд й въ ту эпоху, о происхожденіи этого громаднаго количества ос тковъ морскихъ тѣлъ, которые встрѣчаются всюду, на сухой ч ти земной поверхности, и даже на вершинахъ высочайшихъ г ъ. Карданъ полагалъ, что во время потопа, морскія раковины ли занесены на материки и тамъ окаменѣли. Палисси отвер етъ это мнѣніе Кардана и старается утвердить, при помощи ост умнаго объясненія множества фактовъ, свою собственную си ему.

Сказавъ, что море оставляетъ нѣкоторые берега, чтобы зато-пить другіе, онъ мысленно переноситъ слушателей на ены и другія горы, гдѣ онъ бывалъ въ юности; онъ указыв тъ на разнообразіе ископаемыхъ органическихъ тѣлъ, которы тамъ встрѣчаются.

---

[1]) Édition de Cap., page 219.

„Еслибъ ты разсмотрѣлъ огромное число окаменѣлыхъ раковинъ, которыя встрѣчаются въ землѣ, ты узналъ бы, что земля производитъ не меньше рыбъ, носящихъ раковины, чѣмъ море, включая сюда рѣки, источники и ручьи [1]."

Затѣмъ онъ прибавляетъ:

„На основанiи чего я поддерживаю, что раковинистыя рыбы, которыя окаменѣли во многихъ слояхъ земли, были рождены на этихъ самыхъ мѣстахъ въ то время, когда скалы были наполнены водою и иломъ, которые съ тѣхъ поръ окаменѣли вмѣстѣ со сказанными рыбами, какъ ты подробнѣе услышишь ниже, когда я стану говорить объ арденскихъ скалахъ [2])..."

Нѣсколько ниже, по поводу камней, образующихъ холмы въ окрестностяхъ Седана, Субизы, въ устьяхъ Шаранты, Суассона, Вилерс-Коттерэ и т. д., Палисси излагаетъ сужденiя, доказывающiя, что онъ почти понималъ истинное происхожденiе ископаемыхъ существъ.

„И вслѣдствiе того,—говоритъ онъ,—что камни, наполненные раковинами, встрѣчаются даже на вершинахъ высочайшихъ горъ, ты не долженъ думать, что сказанныя раковины образовались потому, что, какъ нѣкоторые говорятъ, будто природа забавляется въ произведенiи чего-нибудь новаго. Разсмотрѣвъ поближе формы камней, я нашелъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ принять формы раковины, или другаго животнаго, если само животное не дало ему своей формы. Поэтому ты долженъ вѣрить, что даже на самыхъ высокихъ горахъ встрѣчаются раковинистыя и другiя рыбы, которыя родились въ нѣкоторыхъ водовмѣстилищахъ, вода которыхъ смѣшалась съ землею и нѣкоторою солью, способною отвердѣвать и преобразовывать, и все превратилось въ камень съ раковиною рыбы, форма которой осталась [3])"

„Наконецъ,—продолжаетъ онъ,—я нашелъ нѣсколько родовъ рыбъ въ раковинахъ, окаменѣвшихъ въ землю, какихъ нѣтъ между нынѣшними родами, живущими въ морѣ Океанѣ. И сколько нашелъ я окаменѣлыхъ раковинъ устрицъ, sourdons, availlons, iables, moucles, alles, couteleaux, гребенокъ, морскихъ каштановъ, раковъ, жемчужницъ и всякихъ родовъ улитокъ, которыя обитаютъ въ сказанномъ морѣ Океанѣ, и находилъ я во многихъ мѣстахъ, какъ въ Сентоньи, такъ и въ Арденахъ и въ Шампаньи раковины разныхъ видовъ, какихъ мы не знаемъ, которыя встрѣчаются только окаменѣлыми [3])".

Извѣстно, что Вольтеръ нападалъ на теорiю Палисси о происхожденiи раковинъ, находящихся на вершинахъ горъ. Любопытно прочесть, съ какимъ презрѣнiемъ упоминаетъ знаменитый

---

[1]) Édition de Cap. p. 67.

[2]) *Ibidem*, p. 274.

[5]) *Ibidem*, page 277 *(des Pièrres)*.

[4]) Édition de Cap., p. 280—281. *(Des Pièrres)*.

фернейскій философъ объ идеяхъ бѣднаго гончара, таланта котораго онъ и не подозрѣвалъ даже.

„Какъ могло случиться, говоритъ Вольтеръ, что всѣ физики повѣрили мечтателю подобному Палисси? Это былъ простой гончаръ, работавшій для Генриха III; онъ авторъ книги подъ заглавіемъ: *Le moyen de devenir riche* и т. д., сочиненіе мастера Бернара Палисси, изобрѣтателя королевскихъ фигулинъ. Довольно такого титула, чтобы понять что это за человѣкъ былъ! Онъ вообразилъ, что родъ порошкообразнаго мергеля, встрѣчаемаго въ Турени, есть складъ маленькихъ морскихъ рыбокъ. Философы повѣрили ему. Эти тысячи вѣковъ, въ продолженіе которыхъ море отлагало эти раковины на пространствѣ тридцати шести льё, имъ понравились, и понравились бы и мнѣ... еслибъ это была только правда.

„...Но системы нравятся; и съ тѣхъ поръ, какъ Палисси подумалъ, что известковыя руды Турени суть слои гребешковъ, морскихъ желудей, букцинъ, камнеточцевъ, сотня натуралистовъ повторяла это“.

Между натуралистами, повторявшими во времена Вольтера эту теорію Палисси, были люди прозорливые; и между тѣми, которые повторяли и защищали, послѣ Вольтера, тѣ же мысли находятся люди, называющіеся Кювье, Леопольдъ фонъ-Бухъ, Броньяръ, Валансьенъ и все настоящее поколѣніе. Новѣйшая геологія отчасти основана на наблюденіяхъ и фактахъ, замѣченныхъ въ подпочвѣ Турени ничтожнымъ сентскимъ гончаромъ. Вольтеръ усиливался осмѣять идеи Палисси до тѣхъ поръ, пока Бюфонъ не заставилъ его замолчать.

Кювье смотрѣлъ на остроумныя мысли и наблюденія Палисси, какъ на первыя основанія новѣйшей геологіи.

Мы разсмотрѣли дѣятельность Палисси, какъ художника и ученаго; скажемъ теперь о немъ нѣсколько словъ, какъ о писателѣ.

Палисси учился не по книгамъ, а въ природѣ. Его умъ не былъ съуженъ и затемненъ томительнымъ изученіемъ словъ. Онъ гармонически развивался при созерцаніи природы. Въ ту эпоху жизни, когда память ученика коллегіи еще наполнена одною сухою и безплодною номенклатурою, его умъ уже обогатился множествомъ справедливыхъ и дѣльныхъ мыслей, точными реальными свѣдѣніями, живописными и грандіозными картинами природы.

Въ первую половину своей жизни, когда онъ жилъ въ Сентѣ, Палисси, въ свободные часы, много занимался изученіемъ Библіи.

Сдѣлавшись однимъ изъ жаркихъ проповѣдниковъ реформы, онъ читалъ и перечитывалъ Ветхій и Новый Завѣтъ, и изучивъ, старался ученіе ихъ передавать людямъ мало просвѣщеннымъ. Объясняя и вступая въ споры, онъ привыкъ говорить безъ приготовленія. Такимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ нѣкоторый методъ изложенія. Съ другой стороны, его художественныя работы и его многочисленныя наблюденія по химіи и естественной исторіи, заставили его перечесть въ переводахъ творенія древнихъ писателей. По различнымъ мѣстамъ его сочиненій можно понять, что хотя онъ и не зналъ по-гречески и по-латыни, тѣмъ не менѣе знаніе древнихъ не было чуждо ему. Но если онъ достигъ до того, что образовалъ стиль ясный, живописный, живой, истинно-оригинальный, то этимъ преимущественно обязанъ непрестаннымъ усиліямъ описывать факты неизвѣстные, излагать идеи новыя и смѣлыя, которыхъ дотолѣ не излагали на народномъ языкѣ. Онъ изучалъ основательно французскій языкъ по переводамъ святаго Писанія; владѣя имъ, какъ художникъ и ученый, онъ обогатилъ его множествомъ терминовъ, выраженій и оборотовъ, которые не встрѣчаются у другихъ писателей этого вѣка.

Такимъ образомъ Палисси образовалъ свой, ему только свойственный стиль, который послужилъ образцомъ для послѣдующихъ писателей.

Характерная черта стиля Палисси заключается въ томъ, что онъ возвышается съ величіемъ предмета и вполнѣ приспособляется къ важности разбираемаго вопроса; кромѣ того, замѣчательна сила выраженія и ощутительная вѣрность образовъ.

Сочиненія Палисси, состоящія изъ *истиннаго рецепта увеличить свои сокровища и удивительныхъ разговоровъ о природѣ водъ и источниковъ*, были въ 1636 году, соединены въ два тома in 8°. Первый носитъ заглавіе: *Le moyen de devenir riche et la manière véritable par laquelle tous les hommes de France pourront apprendre à multiplier leurs trésors.* (Средство разбогатѣть и истинный способъ, при помощи котораго всѣ французы могутъ научиться увеличивать свои сокровища). Второй называется: Seconde partie du moyen de devenir riche. (Вторая часть средства разбогатѣть), и содержитъ въ себѣ *Discours admirable* и т. д. Это

изданіе, обнародованное Робертомъ Фуэ, книгопродавцемъ, наполнено ошибками, и изъ него непростительно исключены и сокращены многія мѣста, могущія возбудить подозрительность духовенства.

Въ 1777 г., Фужасъ де-Сенъ-Фонъ и Гобэ, два почтенные естествоиспытателя, издали въ одномъ красивомъ томѣ in 4° *Сочиненія Бернара Палисси (Œuvres de Bernard Palissy)*, съ объяснительными примѣчаніями и многочисленными документами. Этимъ изданіемъ была воздана достойная почесть знаменитому писателю. Жаль только, что издатели совершенно извратили порядокъ нѣкоторыхъ трактатовъ, противъ порядка, даннаго имъ Палисси; кромѣ того, они помѣстили между его сочиненіями сочиненьице, вовсе ему непринадлежащее: *Déclaration des abus et ignorances desmédecins.*

Въ 1844 г. П-А. Капъ сдѣлалъ превосходное изданіе, въ одномъ томѣ, in—18, подъ заглавіемъ: *Полное собраніе сочиненій Палисси (Œuvres complètes de Palissy).* Свѣренное весьма тщательно по оригинальнымъ текстамъ, оно напечатано въ томъ-же порядкѣ, какой у автора. Непринадлежащее ему исключено.

ІЕРОНИМЪ КАРДАНЪ

Іеронимъ Карданъ былъ сынъ миланскаго адвоката или юрисъконсульта, по имени Фачіо Карданъ, и Клары Микеріа. Они не были вѣнчаны, и Іеронимъ родился отъ незаконной связи. Онъ не говоритъ объ этомъ прямо, но даетъ понять. По его словамъ, онъ узналъ, что мать, будучи имъ беременна, пробовала различными средствами убить плодъ, но безуспѣшно.

Если средства эти и не оказали вреднаго вліянія на органическую систему ребенка (а такое вліяніе весьма вѣроятно), то они должны были сильно подѣйствовать на мать. Роды дѣйствительно были трудные и длились три дня. Они совершились въ Павіи, куда Микеріа удалилась, чтобъ скрыть ихъ.

При рожденіи, онъ былъ полумертвъ, хотя голова его и была покрыта черными волосами. Его оживили, положивъ въ ванну съ теплымъ виномъ.

Карданъ самъ причиной, что время его рожденія не извѣстно съ точностью; въ одномъ изъ своихъ сочиненій, *de Propria Vita*, онъ назначилъ одно число, а въ другомъ, *de Utilitate ex adversis capienda*, другое. Байль разрѣшилъ это противорѣчіе, и нашелъ, что точный день рожденія будетъ 24-е сентября 1501.

Фачіо Карданъ, отецъ Іеронима, былъ человѣкъ очень образованный и особенно хорошо зналъ математику. Между его друзьями были люди одинаковыхъ съ нимъ научныхъ вкусовъ и между прочими сенаторъ Анжело Сальватико, который открылъ свойства спирали раньше, чѣмъ книги Архимеда были напечатаны на Западѣ. Эта общность вкусовъ и занятій съ человѣкомъ, который несомнѣнно обладалъ математическими спо-

собностями, подтверждаютъ мнѣніе, что самъ Фачіо Карданъ былъ искуснымъ геометромъ.

Микеріа, мать Кардана, была женщина религіозная и вспыльчивая; но у нея была хорошая память и умъ, заставляющій ставить ее выше обыкновенныхъ женщинъ. Она, впрочемъ, не обнаруживала къ своему сыну особой привязанности.

Она не кормила его грудью. Для него наняли кормилицу, которая отвезла его въ Мераджи, ферму или село въ двухъ льё отъ Милана.

Ему было четыре года, когда онъ вернулся къ матери. Съ нею жила ея сестра, по имени Маргарита. Обѣ женщины довольно круто обращались съ нимъ. Не считалось дурнымъ колотить его елико возможно, и разъ, или два жизнь его была въ опасности отъ этихъ побоевъ. Его перестали бить, когда ему минуло семь лѣтъ, но съ нимъ не стали обращаться ласковѣе. Въ сущности, жизнь его осталась такою-же. Отецъ еще не жилъ съ матерью.

Связанные ребенкомъ, о которомъ имъ слѣдовало заботиться, Фачіо и Микерія поняли наконецъ, что имъ самое лучшее жить вмѣстѣ. Они наняли домъ и поселились всѣ вмѣстѣ: Фачіо Карданъ, Микерія, ея сестра Маргарита и маленькій Іеронимъ.

Начиная съ этого времени, Іеронимъ, принужденный повсюду слѣдовать за отцомъ, сразу отъ жизни недѣятельной и сидячей перешелъ къ жизни тяжелой, несоотвѣтствовавшей ни его слабому сложенію, ни его нѣжному возрасту. Фачіо предпочиталъ брать сына съ собою, чѣмъ оставлять его съ матерью и теткой.

На восьмомъ году, онъ заболѣлъ разстройствомъ желудка, соединеннымъ съ лихорадкою, и чуть не умеръ. По выздоровленіи, онъ долженъ былъ ѣхать съ отцомъ.

„Но гнѣвъ Юноны еще не утолился этимъ, — говоритъ онъ, — не успѣлъ я совсѣмъ выздоровѣть, какъ свалился съ высокой лѣстницы, держа въ рукѣ молотокъ, которымъ ушибъ себѣ лѣвую половину лба. Рана была сильная, кость разбита. Теперь мнѣ семьдесятъ четыре года, а шрамъ еще видѣнъ“.

Опять, едва онъ поправился, какъ камень, оторвавшись отъ карниза сосѣдняго, очень высокаго дома, ранилъ его въ голову.

На десятомъ году его жизни, отецъ бросилъ прежній несчастный домъ и нанялъ другой въ той-же улицѣ, куда и переѣхалъ.

Отецъ его требовалъ, чтобы, не смотря на молодыя лѣта, онъ всюду сопровождалъ его. Іерониму было шестнадцать лѣтъ, когда его отецъ еще разъ переѣхалъ, въ домъ одного изъ своихъ родственниковъ, Александра Кардана.

Для молодаго человѣка наступило время избрать себѣ поприще. Его послали студентомъ въ павійскій университетъ. У него до тѣхъ поръ не было иного учителя, кромѣ отца, съ которымъ онъ разговаривалъ по-латыни и такимъ образомъ научался этому языку. Фачіо, подобнымъ же образомъ, обучалъ его началамъ ариѳметики, геометріи и особенно астрологіи. Іеронимъ Карданъ весьма хвалился прекраснымъ воспитаніемъ, полученнымъ имъ отъ отца, и его превосходнымъ урокамъ приписываетъ свои быстрые успѣхи въ наукахъ.

У Іеронима былъ живой и проницательный умъ. Будучи студентомъ павійскаго университета, онъ держалъ публичные диспуты по ариѳметикѣ и геометріи, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней объяснялъ студентамъ Евклида, замѣняя монаха Ромула Сервита; потомъ, онъ замѣнялъ на каѳедрѣ діалектики нѣкотораго врача Пандульфа.

Въ 1523 г. въ Миланѣ было моровое повѣтріе, Нашъ студентъ поспѣшилъ туда для свиданія съ отцомъ, котораго нашелъ при смерти; отецъ, боясь больше за сына, чѣмъ за самого себя, и кромѣ того восхищенный его успѣхами, приказалъ ему немедленно отправиться въ Падую для окончанія наукъ.

Вскорѣ послѣ того онъ получилъ извѣстіе о смерти отца. Въ 1524 г. онъ получилъ степень магистра изящныхъ наукъ. Въ концѣ слѣдующаго года, онъ получилъ дипломъ доктора медицины.

Іеронимъ Карданъ, не смотря на свою молодость, былъ назначенъ ректоромъ падуанской академіи, но былъ имъ только годъ. Отецъ ничего ему не оставилъ, а потому у него не было иныхъ средствъ къ жизни, кромѣ заработаннаго трудомъ. Одинъ изъ его друзей, Францискъ Боннефуа, посовѣтовалъ ему поселиться

въ качествѣ медика въ небольшомъ городкѣ Сакко. Онъ даже далъ ему денегъ на первое обзаведеніе.

Іеронимъ Карданъ прожилъ въ Сакко шесть лѣтъ, занимаясь медицинской практикой и продолжая изученіе наукъ. Онъ не могъ и думать поселиться въ своемъ родномъ Миланѣ, пока его раздирали бѣдствія войны. Но въ 1530 г., когда война нѣсколько утихла, онъ переселился въ Миланъ. Ему было тогда 29 лѣтъ.

На родинѣ его ждали только несчастія. Онъ желалъ сдѣлаться однимъ изъ городскихъ врачей, и ему отказали въ этомъ. Ему не могли простить того, что онъ былъ незаконнымъ сыномъ.

Съ другой стороны, мать его, жившая въ Миланѣ, была печальна, угрюма и неуживчива. Увидѣвъ, что кромѣ непріятностей и неудачъ его ничто не ждетъ въ родномъ городѣ, онъ рѣшился вернуться въ Сакко.

Онъ вернулся въ этотъ городокъ съ грудной болѣзнью, которая почти всегда бываетъ смертельна. Онъ былъ блѣденъ, худъ, истомленъ отъ физическихъ и моральныхъ страданій. Противъ всякаго ожиданія, пріемъ рвотнаго, отъ чего вѣроятно лопнулъ какой нибудь нарывъ въ груди, произвелъ счастливую перемѣну въ его организмѣ; такъ что къ концу тридцать перваго своего года онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Тогда онъ женился на Луизѣ Бандарини изъ Сакко. Бракъ былъ по любви, и женихъ и невѣста, оба были бѣдняки.

Черезъ годъ онъ оставилъ Сакко и переѣхалъ въ Галлерато, гдѣ прожилъ полтора года. Тамъ здоровье его совершенно возстановилось.

Но въ то же время, онъ былъ въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ. „Я пересталъ быть бѣднымъ, потому что у меня ничего не было“.

Онъ самъ разсказываетъ, что въ продолженіе десяти мѣсяцевъ въ Галлерато онъ не заработывалъ даже на домашніе расходы. Онъ принужденъ былъ заложить дорогія вещи своей жены и весь свой скарбъ.

Онъ вернулся въ Миланъ, гдѣ, по добротѣ управителей главнаго госпиталя, и по протекціи архіепископа Филиппа Архинто,

получилъ каѳедру математики. Ему было тогда тридцать три года.

Черезъ два года, ему предлагали каѳедру медицины въ Павіи. Онъ отказался, потому что вознагражденіе было такъ мало, что на него нельзя было жить.

Въ томъ же году, папа Павелъ III предлагалъ ему переѣхать въ Піаченцу. Онъ отклонилъ это предложеніе, какъ и многія другія.

Онъ снова, въ слѣдующемъ году, пытался поступить въ корпорацію миланскихъ врачей, но снова получилъ отказъ. Только 1539 г. удалось ему поступить въ эту корпорацію; его поддерживали при этомъ два высокостоящія лица, Стондрати и Франчиско Кручче. Уже четыре года раньше, благодаря покровительству архіепископа Архинто, ему дозволено было заниматься медицинской практикой въ Миланѣ.

Въ шестнадцатой главѣ сочиненія Кардана *de Propria Vita* мы находимъ нѣсколько объясненій на счетъ образа жизни, который онъ велъ тогда. Въ продолженіе послѣдующихъ пятнадцати лѣтъ, онъ, по его словамъ, не желалъ вполнѣ пользоваться выгодами, связанными съ его званіемъ медика. Но чѣмъ же онъ заработывалъ деньги? Давалъ частные уроки? — Нѣтъ. Получалъ подарки? — Ничуть не бывало; и притомъ, если и встрѣчался человѣкъ, желавшій подарить ему, онъ не могъ, не краснѣя, получить подарокъ. Что же онъ дѣлалъ? Онъ составлялъ альманахи для школъ, и читалъ объ этомъ предметѣ публичныя лекціи. Порой онъ получалъ кое-какое вознагражденіе, какъ медикъ. Въ одномъ и томъ же домѣ, онъ лечилъ поочередно всѣхъ, до слугъ, и небольшія вознагражденія, слѣдуя одно за другимъ, дѣлали визиты довольно прибыльными; онъ участвовалъ въ консультаціяхъ; наконецъ, онъ отказывался отъ всякой роскоши въ одеждѣ.

Карданъ вскорѣ обнародовалъ рядъ сочиненій, которыя заслужили ему почетное мѣсто въ ученомъ мірѣ: въ 1539, *de Numerorum proprietatibus liber; Practica arithmeticae generalis; Computus minor;* въ 1545, *Ars magna, sive de regulis algebricis*; въ 1550, *de Subtilitate.* Это послѣднее есть важнѣйшее изъ его сочиненій.

Перiодъ, когда обнародованы эти книги, самый блестящiй въ жизни Кардана. Своимъ *Ars magna* онъ сталъ въ ряду лучшихъ европейскихъ математиковъ и нѣкоторое время повидимому направлялъ движенiе наукъ.

Тогда имя его прiобрѣло огромную извѣстность. Ему были сдѣланы выгодныя предложенiя съ различныхъ сторонъ, но онъ не принялъ ихъ „изъ страха промѣнять вѣрное на невѣрное".

Въ 1546 году, Везаль предложилъ ему годичную пенсiю въ восемь сотъ экю, отъ имени короля датскаго, который кромѣ того обязывался принять на себя всѣ издержки по его содержанiю, если онъ согласится поселиться въ Копенгагенѣ. Карданъ отказалъ, боясь суровости сѣвернаго климата, а также потому, что религiя датчанъ была иная, чѣмъ его соотечественниковъ; онъ боялся, что его тамъ дурно примутъ, или принудятъ измѣнить вѣрѣ отцовъ.

Однако въ февралѣ 1552 онъ согласился отправиться въ Шотландiю, лечить архiепископа Гамильтона, примаса королевства, больнаго уже шесть лѣтъ, и котораго не могли вылечить ни докторъ императора германскаго, ни медикъ короля французскаго. Кардану посчастливилось вылечить епископа, и онъ былъ щедро вознагражденъ за это. Ему предлагали хорошiя условiя, только бы онъ остался въ Шотландiи, но онъ предпочелъ вернуться въ Италiю.

Послѣ почти годоваго отсутствiя, онъ вернулся въ Миланъ и оставался тамъ до 1549. Многiе государи старались при этомъ переманить его къ себѣ. Но онъ постоянно отказывался, не желая уѣзжать изъ Италiи. Онъ принялъ каѳедру математики въ Павiи и занималъ ее до 1562 г.

Въ этомъ году, онъ перешелъ изъ Павiи въ Болонью, гдѣ остался до 1570 г. Съ нимъ тутъ случилось несчастiе. Вѣчно въ борьбѣ съ бѣдностью, онъ подписалъ вексель въ тысячу восемь сотъ экю, по которому не могъ уплатить. Кредиторъ посадилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ три мѣсяца.

По освобожденiи, онъ оставилъ Болонью и въ концѣ года поѣхалъ въ Римъ. Онъ былъ принятъ въ коллегiю медиковъ и сталъ получать пенсiю отъ папы Григорiя XIII.

Въ это время Карданъ былъ уже очень старъ; ему было около семидесяти лѣтъ и несчастіе только по временамъ переставало преслѣдовать его. Его мнимыя знанія въ астрологіи привели его къ довольно странной ошибкѣ. Онъ высчиталъ, что не проживетъ дольше сорока пяти лѣтъ. Въ этой мысли, онъ продолжалъ пренебрегать счастливыми случаями, когда счастье стало ему улыбаться. Случилось такъ, что сорокъ пятый годъ его жизни, на которомъ онъ думалъ умереть, былъ началомъ настоящей для него жизни. Природа, забвеніе несчастій и заботъ, все заставляло его жить въ свое удовольствіе. Утромъ, въ Миланѣ, или Павіи прочтя лекцію, онъ отправлялся гулять за городъ. Онъ обѣдалъ, затѣмъ читалъ, или удилъ рыбу, въ тѣни ивъ, или же гулялъ по окрестнымъ лѣсамъ. Тамъ онъ занимался, писалъ и возвращался домой только къ вечеру. Такъ протекло шесть самыхъ счастливыхъ лѣтъ его жизни.

Но это время мелькнуло молніей въ жизни итальянскаго философа. Вскорѣ обстоятельства его запутались и стали самыми бѣдственными. Ему, по его словамъ, оставалось одно утѣшеніе— смерть.

Отчего же произошло это отчаяніе, какая причина его разочарованія?

Мы говорили, что онъ въ 1532 году женился на дочери Альтобелли Бандарини. Послѣ пятнадцати лѣтъ счастливаго супружества, его жена умерла, оставивъ двухъ сыновей и дочь. Дочь его вышла замужъ за богатаго и почтеннаго человѣка; но его печалилъ старшій сынъ.

До двадцатитрехъ-лѣтняго возраста, ему не въ чѣмъ было упрекать молодаго человѣка. Но тутъ онъ влюбился въ дѣвушку нехорошаго поведенія и имѣлъ глупость жениться на ней. Вскорѣ онъ убѣдился въ печальномъ состояніи нравственности женщины, съ которой навсегда связалъ себя, и впалъ въ отчаяніе. Отчаяніе довело его до преступленія. Его жена была беременна, и онъ зналъ постыдную причину этой беременности. Ослѣпленный желаніемъ мести и потерявъ всякое нравственное сознаніе, онъ покусился на отравленіе своей несчастной жены, или по меньшей мѣрѣ былъ обвиненъ въ такомъ покушеніи. Вслѣдствіе безымян-

ныхъ доносовъ, сынъ Кардана былъ арестованъ. Приговоренный къ смерти, онъ былъ обезглавленъ въ тюрьмѣ, не смотря на обстоятельства, которыя должны бы облегчить столь строгій приговоръ.

Несчастный отецъ былъ неутѣшенъ. Онъ думалъ, что судьи поступили такъ для того, чтобы убить, или свести его съума, и даже говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ сознавались въ этомъ.

Карданъ не вѣрилъ, что сынъ его виновенъ въ покушенiи на убiйство, въ которомъ былъ обвиненъ. Онъ приготовилъ защиту, но его не допустили представить ее судьямъ.

Послѣ этого страшнаго происшествiя, положенiе Кардана стало невыносимо. Его не могли прямо лишить каѳедры по этой причинѣ, но онъ чувствовалъ, что сдѣлался предметомъ презрѣнiя, или сожалѣнiя своихъ согражданъ. Его присутствiе было въ тягость даже друзьямъ его, и онъ избѣгалъ встрѣчи съ ними. Онъ не зналъ, что дѣлать.

Къ этимъ страданiямъ, вскорѣ присоединилось безчестное и преступное поведенiе его втораго сына. „Не разъ,“ говоритъ онъ, „былъ я принужденъ просить объ его арестѣ, прогонять его и лишать наслѣдства.“

Онъ не могъ долѣе оставаться въ Миланѣ. Онъ отказался отъ мѣста и удалился въ Римъ, гдѣ принялся за окончанiе своихъ ученыхъ сочиненiй.

Въ Римѣ, будучи семидесятичетырехъ-лѣтнимъ старикомъ, онъ написалъ книгу: *de Propria Vita*, которая служитъ матерiаломъ для его бiографiи.

Въ пятой главѣ этого сочиненiя, озаглавленной *Statura et forma corporis*, Карданъ описываетъ свою внѣшность. Онъ былъ средняго роста, съ короткими и широкими къ пальцамъ ногами. Грудь у него была узкая, руки нѣсколько тонкiя, кисть правой руки была немного больше, чѣмъ у лѣвой, пальцы изогнутые и такiе, что для хиромантика должны были обозначать грубость и глупость „Мнѣ стыдно было бы,“ говоритъ онъ, „еслибъ какой нибудь хиромантикъ увидѣлъ мои пальцы.“ У него была нѣсколько длинная и худая шея, нижняя толстая губа отвисла, глаза очень маленькiе и постоянно почти закрытые, кромѣ минутъ, когда онъ

глядѣлъ очень внимательно. Лобъ его былъ широкій и безволосый. Борода и волосы рыжые. Онъ имѣлъ привычку подстригать волосы и бороду, которая раздвоялась. „Голосъ у меня былъ громкій,“ говоритъ онъ, „до такой степени, что мнѣ выговаривали за него тѣ, *кто притворялся моими друзьями*.“

У него былъ пристальный взглядъ человѣка размышляющаго; большіе передніе верхніе зубы, лицо нѣсколько длинное, блѣдно-красное; голова была узка и кругла сзади. У него была небольшая, твердая, въ видѣ шара, опухоль на шеѣ (безъ сомнѣнія, зобъ).

Онъ также много говоритъ о своемъ темпераментѣ [1]). Если онъ, по его словамъ, былъ хилаго сложенія, то это по многимъ причинамъ; отчасти отъ природы, отчасти отъ болѣзней. Онъ часто страдалъ простудою головы и болью въ груди, а также болѣзнями желудка, такъ что считалъ себя здоровымъ, если у него была простая сипота въ горлѣ, или кашель. Болѣзни желудка отвращали его отъ всякаго рода пищи. Пятидесяти двухъ лѣтъ, онъ сталъ быстро терять зубы; раньше у него выпалъ зубъ, или два. Въ юности у него было біеніе сердца, наслѣдственная болѣзнь, отъ которой его вылечили. Равнымъ образомъ онъ излечился отъ подагры и гемороя; всякое излишество въ пищѣ или питьѣ было ему вредно. Онъ постоянно страдалъ накожными болѣзнями.

Въ дѣтствѣ и юности, разсказываетъ онъ въ главѣ de Exercitatione, онъ упражнялся во всякаго рода борьбѣ и считался однимъ изъ ловкихъ борцовъ. Онъ умѣлъ драться на кинжалахъ, македонской пикой и сѣкирой, или мечомъ, отстраняя удары при помощи щита, овальнаго или круглаго, большаго или малаго, и одѣтый въ греческую мантію. Онъ также упражнялся въ бѣгѣ, плаваньи, верховой ѣздѣ; но онъ не слишкомъ то любилъ огнестрѣльныя орудія. Онъ боялся грома и считалъ его гнѣвомъ небеснымъ. Отъ природы онъ былъ робокъ; но опытность и упражненія въ борьбѣ придавали ему извѣстную храбрость. Когда онъ былъ практическимъ врачемъ, то дѣлалъ визиты верхомъ на лошади или мулѣ, а чаще пѣшкомъ. Съ 1562 г., въ Болоньи и Римѣ,

---

[1]) Глава IV de Valetudine.

онъ сталъ ѣздить въ кабріолетѣ, и это вошло у него въ привычку.

Въ главѣ VIII, *Victus ratio*, онъ говоритъ о своемъ образѣ жизни и гигіеническихъ правилахъ, которымъ слѣдовалъ. Онъ ложился спать въ десять часовъ вечера. Онъ рѣдко прибѣгалъ къ помощи лекарства, но часто натиралъ все тѣло масломъ, или жиромъ и т. д.

Много было говорено объ его экстазѣ, и геніи или духѣ, котораго онъ призывалъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ самъ: „Я чувствовалъ, или при посредствѣ *генія*, моего хранителя, или потому, что моя собственная природа находилась на послѣднихъ предѣлахъ, отдѣляющихъ человѣческое существо и его жизненныя условія отъ безсмертныхъ существъ." Но онъ возвращается къ этому въ своемъ сочиненіи *de Subtilitate* и говоритъ, что „онъ навѣрно не зналъ въ себѣ никакого *генія*, никакого демона."

Когда Карданъ впадалъ въ экстазъ, или видѣлъ во снѣ, что съ нимъ должно было случиться, то это конечно зависѣло отъ состоянія его нервной системы.

Карданъ вѣрилъ въ астрологію, и въ своихъ сочиненіяхъ часто говоритъ объ этомъ мнимомъ искусствѣ. Но въ шестнадцатомъ столѣтіи не вѣрить въ астрологію, значило быть избавленнымъ отъ всеобщаго предразсудка. Карданъ въ этомъ отношеніи раздѣлялъ мнѣніе своихъ современниковъ,—вотъ все, что можно замѣтить по этому поводу.

Главнѣйшее несчастіе Кардана, какъ писателя, было то, что онъ постоянно находился въ очень тяжелыхъ обстоятельствахъ; въ томъ, что онъ встрѣчалъ невѣжественныхъ издателей, или простыхъ торговцевъ книгами, которые судили о достоинствѣ книги по числу страницъ. Карданъ постоянно нуждался въ деньгахъ, а потому бралъ матеріалы отовсюду, часто безъ всякой критики, для того только, чтобы книга вышла потолще, которую отдавалъ порой въ печать, не перечтя и не исправивъ. Такимъ образомъ было написано большинство двухсотъ двадцати двухъ трактатовъ, ему приписываемыхъ.

Теперь мы разсмотримъ вкратцѣ его сочиненія.

II.

Изъ всѣхъ сочиненій Кардана извѣстнѣйшія и считаемыя за лучшія суть: *de Subtilitate* и *de Veritate rerum*.

Первое, вѣроятно, было написано столь же спѣшно, какъ и другія; но если Карданъ и написалъ его въ восемь мѣсяцевъ, то исправлялъ и дополнялъ три года.

Трактатъ *de Subtilitate*, о содержаніи котораго ничего нельзя заключить по заглавію, есть сокращенное изложеніе знаній шестнадцатаго вѣка, настоящая энциклопедія.

Въ этомъ сочиненіи большинство фактовъ, относящихся до естественной исторіи, заимствовано изъ Аристотеля и Плинія; но науки физическія гораздо лучше обработаны. Карданъ говоритъ о воздухѣ, раньше работъ Паскаля и Маріотта, раньше химическихъ открытій Лавуазье и Пристлея; онъ гораздо выше Плинія въ этомъ отношеніи, и взгляды его гораздо обширнѣе. Онъ излагаетъ о теплотѣ совершенно научныя мысли. Онъ раньше Румфорта открылъ, что теплота зависитъ отъ движенія. Гораздо раньше Декарта онъ разсуждаетъ о свѣтѣ, предвидитъ явленіе преломленія и его вліяніе на видимую величину звѣздъ. Относительно мерцанія звѣздъ его взгляды весьма интересны.

Трактатъ *de Subtilitate* есть сочиненіе, показывающее, что авторъ былъ прекрасно знакомъ съ наукою древнихъ и одаренъ умомъ. Читая его, сожалѣешь, что авторъ часто отвлекается астрологическими бреднями и любовью къ чудесному,—отчего изложеніе не рѣдко непослѣдовательно.

Разсмотримъ послѣдовательно содержаніе двадцати одной книги этого сочиненія.

Книга первая. — Существуетъ первичная матерія, изъ которой образована вся вселенная. Когда настоящая форма тѣлъ разрушается, эта матерія остается, ибо ничто не уничтожается. Эта глубокая мысль есть общій выводъ, къ которому привели работы и философія всей новѣйшей науки. Ясно, что въ природѣ, подъ разнообразіемъ формъ, есть нѣчто скрытое, составляющее ихъ

Substratum. Этотъ субстратъ никогда не разрушается; первичная матерія вѣчно остается.

Въ природѣ нѣтъ пустоты. Галилей еще не высказывалъ этой аксіомы, когда геній Кардана отгадалъ ее.

Нѣтъ пространства безъ тѣлъ. Пространство вѣчно, неподвижно, неизмѣнно.

Начала естественныхъ вещей суть: матерія, форма, душа, пространство и движеніе.

Есть только два первичныя качества, теплота и вода.

Время не есть начало, но оно къ нему приближается, ибо безъ него ничто не происходитъ. Покой также не есть начало, но ликвидація нѣкотораго начала, какъ смерть, холодъ, сухость.

Есть три безсмертныя по своей природѣ вещи: разумъ, первичная матерія и пространство, или мѣсто. Матеріи во вселенной постоянно одно количество, и т. д.

Книга вторая.—Карданъ принимаетъ *три* стихіи: землю, воздухъ и воду. Это ученіе древнихъ. Вода есть возраждающее начало.

Всѣ звѣзды горящія тѣла. Всѣ онѣ имѣютъ свѣтъ и опредѣленное движеніе.

Нѣтъ свѣта безъ движенія.

Огонь не стихія и не порождаетъ никакихъ тѣлъ. Теплота солнца есть единственная, обладающая способностью порождать.

Пламя есть ничто иное, какъ воспламененный воздухъ. Любопытно, что это высказано за триста лѣтъ до химическихъ опытовъ, доказавшихъ, что пламя есть газъ, нагрѣтый до того, что становится свѣтящимся.

Теплота причина гніенія.

Воздухъ въ движеніи холоденъ и сухъ.

Огонь не есть субстанція, но аксиденція, также какъ ледъ.

Рыбы и камни, если на нихъ смотрѣть сквозь воду, кажутся больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

Вокругъ электрическихъ тѣлъ есть атмосфера. Что Карданъ наблюдалъ, или только предугадывалъ это явленіе?

Въ третьей книгѣ говорится *о небѣ;* въ четвертой *о свѣтѣ*, въ пятой *о смѣсяхъ;* въ шестой *о металахъ;* въ седьмой *о камняхъ;* въ восьмой *о растеніяхъ;* въ девятой *о животныхъ*, *раждающихся*

изъ гніющихъ веществъ. Карданъ принимаетъ самопроизвольное зарожденіе.

Десятая, весьма длинная, книга есть сокращеніе общей и частной исторіи животныхъ. Человѣкъ, разсматриваемый въ своей внѣшней формѣ, во всѣхъ своихъ органахъ и, слѣдовательно, во всѣхъ своихъ инстинктахъ, наклонностяхъ, способностяхъ, можетъ быть, по Кардану, съ выгодою видоизмѣненъ, и улучшенія, которыя можно въ немъ произвести, могутъ остаться и сдѣлаться второю природою. По мѣстамъ, въ этомъ сочиненіи *de Subtilitate*, встрѣчаются прекрасныя гигіеническія правила. Карданъ совѣтуетъ тѣмъ, кто хочетъ долго жить и имѣть безболѣзненную старость, быть умѣреннымъ въ пищѣ, избѣгать тягостей головы, мало пить вина, не злоупотреблять любовными наслажденіями. По его мнѣнію, не слѣдуетъ пускать крови и употреблять лекарствъ.

Въ тринадцатой книгѣ Карданъ говоритъ о чувствѣ. Въ этой главѣ встрѣчается много любопытныхъ и оригинальныхъ замѣчаній, которыми заняться не дозволяютъ намъ размѣры нашей статьи. Онъ говоритъ, напримѣръ, что быстрыя чередованія выигрыша и проигрыша составляютъ причину удовольствія игры, и сознается, что къ своему стыду *(turpe dictu)*, онъ цѣлые дни проводилъ за игрой, къ великому огорченію семейства и вреду своего добраго имени; что люди съ тонкимъ обоняніемъ обыкновенно остроумные люди и т. д.

Въ четырнадцатой и пятнадцатой книгахъ, онъ говоритъ о душѣ, пониманіи, сужденіи, страстяхъ и ихъ физическихъ дѣйствіяхъ. Онъ требуетъ, чтобы сочиненія имѣли въ виду немедленную и насущную пользу; чтобы ихъ цѣль, предметъ, результатъ были тщательно опредѣлены, и чтобы принципы, на основаніи которыхъ ведется разсужденіе, были неоспоримы.

Въ семнадцатой книгѣ, самой лучшей во всемъ сочиненіи, Карданъ говоритъ о наукахъ вообще. Онъ входитъ въ подробности о геометрическихъ свойствахъ *круга*, *параболы*, *элипсиса*, *гиперболы*, *конуса*, *пирамиды*, *шара*, *цилиндра*, *спирали*, *асимптотъ и т. д.* Онъ повидимому желаетъ приписать себѣ изобрѣтеніе алгебры, которую называетъ великимъ искусствомъ, но онъ либо дурно выражаетъ въ этомъ мѣстѣ свою мысль, либо въ текстѣ

простая опечатка, потому что въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что алгебра изобрѣтена арабами. Онъ вѣроятно хотѣлъ сказать — и это справедливо — что онъ много способствовалъ распространенію между учеными знанія и употребленія алгебры.

Въ семнадцатой книгѣ онъ говоритъ объ искусствахъ и изобрѣтеніяхъ. Карданъ дѣлаетъ весьма вѣрныя замѣчанія относительно *человѣческой машины*. Въ восемнадцатой, онъ говоритъ о *чудесныхъ вещахъ;* въ девятнадцатой о *геніяхъ или демонахъ;* въ двадцатой о *первичныхъ субстанціяхъ*, то есть объ ангелахъ, и въ двадцать первой о *Богѣ и вселенной.*

Вотъ содержаніе этого обширнаго сочиненія, которое и теперь прочтется не безъ пользы.

Сочиненіе *de Varietate rerum*, въ семнадцати книгахъ, есть только отчасти повтореніе, отчасти толкованіе предыдущаго, котораго оно первоначально было частью.

Изъ предыдущаго изложенія содержанія сочиненія Кардана видно, что свѣдѣнія его были весьма разнообразны. Онъ много путешествовалъ; онъ объѣхалъ всю Италію, и послѣдовательно посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію, Англію, Шотландію и т. д. Онъ постоянно работалъ, даже во время путешествій. „Проѣзжая по берегамъ Луары, въ 1552 году, я отъ нечего дѣлать, составилъ свои комментаріи на Птоломея.“ Ни одна изъ отраслей человѣческихъ знаній не была чужда ему. Безъ сомнѣнія, онъ многое заимствовалъ у древнихъ, но развѣ былъ человѣкъ, который могъ написать десять томовъ in-folio своихъ наблюденій? Карданъ, по недостаточности, не могъ имѣть секретарей, работалъ одинъ, и ему можно поставить въ заслугу, что онъ изучилъ греческихъ, латинскихъ и арабскихъ писателей. Больше всего онъ занимался медициной. Такимъ образомъ, онъ пользовался во всей Европѣ славой весьма искуснаго медика. Его сочиненія по теоріи и практикѣ врачебнаго искусства составляютъ значительную часть его сочиненій.

У Кардана встрѣчается основная мысль остроумной и глубокой теоріи, развитой Лейбницомъ въ его *Теодицеи:*

„Размышленіе,—говоритъ онъ,—утвердило меня въ мысли, что все, что дѣлаетъ Богъ, добро есть, если смотрѣть съ общей точки зрѣнія и въ соотношеніи со вселенной. Вещи, кажущіяся мнѣ для меня дурными, прекрасны по отношенію ко

всему; ибо я созданъ для всего, а не все для меня. Соль приправляетъ и сохраняетъ мою пищу, и точно также нѣкоторыя бѣды, нѣкоторыя непріятности, по отношенію ко вселенной, суть только нѣкотораго рода диссонансы, способствующіе общей гармоніи".

Сочиненія Кардана по ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи много способствовали успѣхамъ математики въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Онъ первый замѣтилъ въ уравненіяхъ 2, 3 и 4 степени различныя значенія неизвѣстнаго, и обозначилъ ихъ положительнымъ и отрицательнымъ знакомъ. Это открытіе, находящееся въ *Ars magna*, соединенное съ открытіемъ Віэта, сдѣлалось основаніемъ всѣхъ работъ Гарріота и Декарта надъ анализомъ уравненій. Карданъ показалъ, что кубическія уравненія подлежатъ тремъ различнымъ рѣшеніямъ, и далъ примѣры этого. У Эйлера и во всѣхъ большихъ трактатахъ алгебры, можно видѣть, въ чемъ состоитъ теорія, извѣстная подъ именемъ случая несокращаемыхъ.

Тарталья открылъ общую формулу кубическихъ уравненій. Карданъ умолялъ открыть ему ее, и Тарталья наконецъ уступилъ его просьбѣ. Но Тарталья пренебрегъ доказательствомъ точности своей формулы. Карданъ нашелъ, при помощи ученика своего Лудовика Феррари, и обнародовалъ его въ своей *Ars magna*. Тарталья обвинялъ Кардана въ литературномъ воровствѣ, и поднялся недѣлающій Кардану чести споръ, волновавшій нѣкоторое время ученый міръ. Карданъ былъ очень опечаленъ несправедливостью своего соотечественника, „которому, по его словамъ, нравилось больше видѣть въ немъ соперника и высшаго, чѣмъ друга, связаннаго истинной услугой".

Карданъ зналъ также мнимые корни, и принималъ участіе въ рѣшеніи уравненій четвертой степени.

Тогдашняя алгебра служила только къ разрѣшенію числовыхъ задачъ, но усовершенствованіе, приданное ей математиками этой эпохи, предуготовило то развитіе, которое получила она въ рукахъ Віэта и Декарта.

Всѣ физики знаютъ способъ подвѣшиванія Кардана, изобрѣтенный имъ для поддержанія стрѣлки морскихъ компасовъ, такимъ образомъ, чтобы она оставалась всегда горизонтальною, несмотря на наклоненія корабля. Эта же система была приложена

къ различнымъ физическимъ и механическимъ снарядамъ, а также къ столовымъ лампамъ, привѣшиваемымъ къ потолку при помощи двухъ небольшихъ стержней, установленныхъ поперекъ оси лампы, и при помощи которыхъ она покоится на своей подпоркѣ,—вслѣдствіе чего достигается постоянное вертикальное положеніе, независящее отъ движенія подпорки.

Ars magna, книга *de Subtilitate*, трактатъ о *Разнообразіи вещей*,—главнѣйшія сочиненія Кардана; другихъ менѣе важныхъ сочиненій насчитываютъ до 222.

Эти работы, эти открытія должны возстановить ученый характеръ Кардана, который многіе изъ его біографовъ старались уничтожить. Лейбницъ и Гавріилъ Нодэ считали его сумашедшимъ. Паркеръ называетъ его фанатикомъ. Болѣе новые писатели видѣли въ немъ исключительно визіонера, иллюмината, но ничто не подтверждаетъ такого взгляда. Ничто въ поведеніи, ни въ главнѣйшихъ поступкахъ жизни Кардана не отвѣчаетъ тому понятію, которое составило о немъ большинство біографовъ; они слишкомъ буквально принимали разсказы Кардана о его снахъ и видѣніяхъ, и мало обращали вниманія на серьезную сторону его дѣятельности.

АНДРЕЙ ВЕЗАЛЬ.

Андрей Везаль родился въ Брюсселѣ 31 декабря 1514. Его отецъ былъ аптекаремъ принцессы Маргариты, тетки Карла Пятаго, и правительницы Нидерландовъ. Его дѣдъ, Эврардъ Везаль, врачъ и математикъ, сталъ извѣстенъ *Комментаріями на Разеса* и четырьмя первыми книгами *Иппократовыхъ афоризмовъ*. Его пращуръ, Иванъ Везаль былъ послѣдовательно врачемъ императора Максимильяна, профессоромъ и ректоромъ лувенскаго университета. Онъ истратилъ часть состоянія на собраніе медицинскихъ рукописей.

Такимъ образомъ юный Везаль, такъ сказать, съ колыбели былъ предназначенъ продолжать занятія своихъ предковъ.

Онъ окончилъ курсъ классическаго воспитанія въ Лувенѣ. Шестнадцати лѣтъ онъ уже весьма правильно изъяснялся по-латыни и довольно бѣгло читалъ греческихъ писателей. Онъ еще на школьной скамьѣ хорошо зналъ по-гречески, что доказывается тѣмъ, что венецейскій типографъ Юнта поручалъ ему корректуру своего изданія Галена. Онъ понималъ также по-арабски.

Въ лувенскомъ университетѣ, Везаль занимался не однѣми словесными науками. Онъ съ такимъ же жаромъ изучалъ науки физическія и математическія.

Окончивъ курсъ философіи въ лувенскомъ университетѣ, Везаль рѣшился, не теряя времени, заняться изученіемъ медицины. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Монпелье.

Уже около вѣка, какъ доктора монпельескаго университета получили отъ правителя лангедокскаго, Лудовика Анжуйскаго, брата французскаго короля Карла V, позволеніе ежегодно разсѣ-

кать одинъ трупъ казненнаго преступника; это дозволеніе было потверждено Карломъ Худымъ, королемъ наваррскимъ, Карломъ VI, королемъ французскимъ, и наконецъ Карломъ VIII. Этотъ послѣдній подтвердилъ это дозволеніе граматой 1496 г., въ которой сказано, что доктора монпельескаго университета имѣютъ право „брать ежегодно одинъ трупъ, изъ тѣхъ, которые будутъ казнены". И такъ, изученіе анатоміи было въ Монпелье предметомъ спеціальнаго обученія.

Везаль, вѣроятно, недолго пробылъ въ Монпелье, если вѣрно, что онъ оставилъ этотъ университетъ въ 1532, то есть восемнадцати лѣтъ, какъ говоритъ г. Бургравъ, авторъ сочиненія *Études sur André Vésale* [1]).

Оставивъ Монпелье, юный студентъ отправился въ Парижъ.

Медицинскій факультетъ въ Парижѣ былъ недавно основанъ Франциском I. Желая устроить во Франціи медицинскую школу, которая могла бы соперничать съ монпельеской, король выписалъ изъ Италіи знаменитаго профессора и основалъ для него каѳедру хирургіи во французской коллегіи. Этотъ профессоръ былъ Гвиди Гвидо, болѣе извѣстный подъ именемъ Видіуса. Францисъ I также предложилъ каѳедру нѣмецкому врачу Гинтеру фонъ-Андербаху, хорошему знатоку греческаго и латинскаго языковъ, который могъ объяснять Иппократа и Галена.

Вальтеръ фонъ Андербахъ до того читалъ латинскій и французскій языкъ въ лувенскомъ университетѣ. Безъ сомнѣнія, онъ посовѣтовалъ Везалю перейти изъ Монпелье въ Парижъ. По крайней мѣрѣ, это можно предположить, зная, что Везаль былъ однимъ изъ учениковъ и сотрудниковъ Андербаха.

По отъѣздѣ Гвидо Гвиди въ свое отечество, его каѳедру занялъ Жакъ Дюбуа, болѣе извѣстный подъ именемъ Сильвія.

Три или четыре года, которые онъ пробылъ въ Парижѣ, Везаль почти исключительно занимался анатоміей. Онъ слушалъ лекціи Сильвія и Фернеля и, по Кювье, былъ прозекторомъ Андербаха [2]).

---

[1]) Études sur André Vésale, par Burggraeve, professeur d'anatomie à l'Université de Gand. In 8°. Gand, 1841.

[2]) *Histoire des sciences naturelles*, t. II.

„Будучи въ Парижѣ для изученія медицины, — говоритъ онъ самъ,—я началъ заниматься анатоміей“. Онъ упражнялся на животныхъ, чтобы искуснѣе разсѣкать человѣческіе трупы. На третьемъ трупоразсѣченіи, на которомъ онъ присутствовалъ, онъ началъ, по предложенію учителей и товарищей, демонстрировать съ большей подробностью, чѣмъ то дѣлалось прежде; обычно ограничивались простымъ вскрытіемъ внутренностей. При второй демонстраціи, онъ попробовалъ анатомировать внутренности и препарировалъ мускулы руки съ большею тщательностію, чѣмъ это дѣлали до него.

„Ибо,—прибавляетъ онъ,—кромѣ восьми брюшныхъ мускуловъ, безпорядочно и отвратительно разорванныхъ, никто, по правдѣ сказать, не показывалъ мнѣ ни мускула, ни кости, а о венахъ и артеріяхъ говорить нечего“ [1]).

По этому мѣсту можно судить, въ чемъ состояло, въ шестнадцатомъ столѣтіи, преподаваніе анатоміи въ парижскомъ университетѣ. Публичное толкованіе Галена, вскрытіе нѣкоторыхъ животныхъ, и изрѣдка разсѣченіе человѣческаго трупа, которое производилось торжественно, въ присутствіи учениковъ и профессора, рукою цирюльника, и никогда не длилось болѣе трехъ дней, по причинѣ разложенія трупа,—вотъ на что сводилось преподаваніе анатоміи въ парижскомъ университетѣ.

Жаръ, съ которымъ Везаль предавался ученію, обратилъ на него вниманіе профессоровъ и товарищей. На одной изъ лекцій Сильвія, онъ былъ въ состояніи рѣшить тонкій анатомическій вопросъ. Отыскивали заслонки, которыя находятся при основаніи легкихъ; по предложенію Сильвія, Везаль прекрасно выполнилъ это [2]).

По его словамъ, онъ часто посѣщалъ „кладбище Невинныхъ и монфоконскій холмъ, гдѣ онъ отнималъ у голодныхъ собакъ разлагавшуюся уже добычу“. Страстно преданный изученію анатоміи, онъ не упускалъ случая достать гдѣ бы то ни было часть человѣческаго тѣла. Въ этой надеждѣ, бродилъ онъ по кладби-

---

[1]) Предисловіе къ *Большой Анатоміи*.

[2]) Blainville et Maupied, *Histoire des Sciences de l'organisation*, tom. II, p. 186.

щамъ и даже около висѣлицъ, къ которымъ привязывали остатки казненныхъ.

При началѣ войны между Францискомъ I и Карломъ V, Везаль счелъ своею обязанностью удалиться изъ Франціи. Онъ воротился въ Лувенъ, гдѣ еще ограничивались чтеніемъ и объясненіемъ Галена.

Везаль хвалится поддержкой, которую онъ встрѣтилъ между молодыми профессорами университета. Тѣ же, чьи умы затмились отъ упражненія въ схоластикѣ, не понимали важности новыхъ анатомическихъ демонстрацій.

Въ продолженіе своего пребыванія въ Лувенѣ, Везалю удалось добыть цѣлый скелетъ, бывшій въ то время великой рѣдкостью, и который былъ для него большимъ пособіемъ и на лекціяхъ, и при изученіи. Везаль разсказываетъ, какъ ему удалось добыть скелетъ, благодаря экскурсіи, которая прекрасно рисуетъ и нравы того времени, и рѣшительный характеръ нашего анатома.

У него въ Лувенѣ былъ другъ, студентъ Гемма, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ математикомъ. Ихъ сблизила общая любовь къ физико-математическимъ наукамъ и сходство характеровъ.

Везаль водилъ своего друга гулять или на кладбища, или на лобныя мѣста: *trahit sua quemque voluptas*. Разъ, во время прогулки, они зашли на лобное мѣсто и увидали на висѣлицѣ цѣлый скелетъ. Птицы оборвали все мясо, и остался великолѣпный костякъ. Какое счастье для Везаля! Кости, вымытыя дождемъ и высушенныя вѣтромъ, были удивительной бѣлизны. Онъ не видалъ никогда еще такого превосходнаго скелета.

Осмотрѣвъ, Везаль задумалъ воспользоваться имъ, но это было трудно, даже небезопасно. При помощи своего друга, онъ взлѣзъ на вершину висѣлицы и старался оторвать скелетъ. Ему легко было снять конечности, но туловище висѣло на желѣзной цѣпи и ему никакъ не удавалось снять его. Но онъ рѣшилъ не упускать добычи. Боясь, что днемъ ему помѣшаютъ, онъ ждалъ ночи, чтобы окончить свою экскурсію. Онъ вернулся въ городъ, и потомъ въ сумеркахъ отправился на мѣсто. Теперь онъ былъ одинъ, но кое-какъ взлѣзъ на висѣлицу. Наконецъ ему удалось

АНДРЕЙ ВЕЗАЛЬ.

снять весь скелетъ. Онъ тщательно собралъ всѣ кости, и спряталъ ихъ въ землю, чтобъ вынуть въ болѣе удобное время. На другую ночь, ему удалось перенести всѣ кости въ городъ.

Когда онъ въ первый разъ показалъ скелетъ слушателямъ, его спросили, откуда онъ добылъ его. Онъ отвѣчалъ, что привезъ изъ Парижа. Этой невинной ложью, онъ избавлялъ себя отъ преслѣдованій.

Двадцати лѣтъ отъ роду, онъ рѣшился поступить въ армію Карла V, въ качествѣ хирурга. Обстоятельства войны вернули его во Францію въ 1535. Только въ это время, то-есть когда пользовалъ раненыхъ и больныхъ въ арміи Карла V, ему удалось сдѣлать препаратъ цѣлаго трупа.

Онъ постоянно слѣдовалъ за арміей Карла V. Находясь въ Провансѣ, онъ пожелалъ посѣтить Италію.

Италія была тогда средоточіемъ наукъ и искусствъ. Ея университеты, считавшіе въ числѣ своихъ преподавателей болѣе или менѣе знаменитыхъ профессоровъ, были независимы другъ отъ друга, и слѣдовательно въ нихъ господствовалъ духъ соревнованія, заставлявшій каждаго желать стать во главѣ просвѣщенія. Всякій человѣкъ, обладающій эрудиціей или талантомъ, могъ свободно являться на конкурсъ, установленный для университетскихъ каѳедръ.

Въ Италіи, подобно какъ въ Парижѣ и Лувенѣ, Везаль отправлялся на ночныя экскурсіи. Онъ бродилъ по кладбищамъ, чтобъ добыть части трупа, надъ которыми работалъ цѣлую недѣлю, подъ страхомъ заразиться меѳитическими испареніями. Онъ подавалъ просьбы въ суды, въ которыхъ доказывалъ, что трупы казненныхъ слѣдуетъ отдавать въ университеты, на пользу студентамъ и профессорамъ.

Вскорѣ, получивъ возможность дѣлать публичныя анатомическія демонстраціи, онъ пріобрѣлъ извѣстность. Въ 1537 г. не смотря на его молодость (ему было всего двадцать три года) и иностранное происхожденіе, венецейскій сенатъ назначилъ его профессоромъ анатоміи въ падуанскій университетъ. Въ этомъ-же университетѣ, пятдесятъ лѣтъ спустя, Галилей, получивъ каѳедру также въ силу декрета венецейскаго сената, совершилъ

свои блестящія открытія, не имѣя даже степени магистра изящныхъ наукъ.

Везаль былъ очень доволенъ своей судьбой, поступивъ въ число профессоровъ падуанскаго университета. Будучи полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ своихъ работъ, обладая большими пособіями въ видѣ богатаго собранія по зоологіи и сравнительной анатоміи, имѣя подъ руками обширный анатомическій театръ, онъ могъ свободно приняться за выполненіе своего великаго дѣла, о которомъ давно уже мечталъ.

„Въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкѣ,—говоритъ Ж. Кювье,—падуанскій университетъ былъ главной медицинской академіей; въ немъ постоянно были знаменитые ученостью профессора, и Везаль былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ. Онъ преподавалъ тамъ съ 1540 по 1549.“

Везаль замѣтилъ, что описанія Галена не согласуются съ результатами трупоразсѣченія. Сначала онъ не смѣлъ вѣрить самому себѣ, свидѣтельству своихъ глазъ. Онъ уже трижды въ своихъ курсахъ комментировалъ Галена, не смѣя выразить сомнѣнія на счетъ многочисленныхъ неточностей, которыя замѣчалъ въ нихъ. Онъ не могъ повѣрить, чтобы Галенъ, величайшій авторитетъ въ медицинѣ послѣ Иппократа, могъ впасть въ подобныя ошибки. Но, занимаясь постоянно трупоразсѣченіями, и главное послѣ сравненія человѣческихъ труповъ съ трупами нѣкоторыхъ животныхъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что анатомія Галена не есть анатомія человѣка, а обезьяны, то есть животнаго, по своему строенію, ближе всего подходящаго къ человѣку.

Начиная съ этой минуты, онъ потерялъ всякую вѣру въ Галена, авторитетомъ котораго такъ долго руководствовался, и пришелъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ за-ново написать анатомію человѣка. Со скальпелемъ въ рукахъ, онъ внимательно разсматривалъ всѣ части человѣческаго тѣла, многократно повѣряя свои наблюденія со всевозможною тщательностью. Всякій разъ, какъ онъ замѣчалъ несогласіе факта съ Галеномъ, онъ отмѣчалъ это на поляхъ; такихъ ошибокъ и неточностей онъ нашелъ до двухсотъ.

Вотъ какъ молодой человѣкъ, двадцати восьми лѣтъ, соста-

вилъ свою *Большую Анатомію*, и тѣмъ совершилъ огромный переворотъ въ естественныхъ наукахъ.

Во время своего пребыванія въ Италіи, Везаль профессорствовалъ не въ одной Падуѣ; онъ читалъ анатомію также въ Пизѣ и Болоньи. Великій герцогъ тосканскій, Кузьма Медичи, привлекъ его въ пизанскій университетъ не большимъ жалованьемъ, но богатствомъ пособій анатомическихъ, которыя предоставлялъ въ его распоряженіе. Везаль въ сущности не былъ постояннымъ членомъ ни одного изъ трехъ университетовъ; онъ переѣзжалъ изъ одного въ другой и читалъ въ нихъ поочередно курсы, длившіеся семь недѣль. Свободное время онъ все посвящалъ своему сочиненію. *Большая Анатомія* была окончена въ 1543.

Базельская типографія въ то время заслуживала болѣе другихъ довѣріе авторовъ. И Везаль рѣшился въ ней печатать свое сочиненіе. *Предисловіе* къ книгѣ было писано въ 1542. Когда, въ 1555, Везаль сдѣлалъ второе изданіе, которое въ сущности было только повтореніемъ перваго, то ничего не измѣнилъ ни въ текстѣ, ни въ предисловіи. „Итакъ, все что въ *Большой Анатоміи* есть великаго и прекраснаго, говоритъ Кювье, работа молодаго двадцативосьмилѣтняго человѣка".

Рисунки, весьма замѣчательные, были выполнены и выгравированы на деревѣ въ Италіи. Въ тѣ времена, цвѣтущія времена изящныхъ искусствъ, въ Италіи по всѣмъ отраслямъ были первостепенные мастера и талантливые художники. Говорятъ, что рисунки на деревѣ для анатоміи Везаля были выполнены Тиціаномъ. Если это и несправедливо, то можно, по меньшей мѣрѣ, предполагать, что они были исполнены однимъ изъ лучшихъ учениковъ Тиціана. По мѣрѣ того, какъ рисунки гравировались, доски пересылались изъ Италіи въ Базель для печати.

Еще раньше появленія *Большой Анатоміи* идеи Везаля, извѣстныя части ученаго міра, произвели глубокое впечатлѣніе. Со всѣхъ сторонъ стекались ученики въ тѣ города, гдѣ онъ читалъ лекціи. „Даже сами профессора,—говоритъ Блэнвиль,—сходили съ каѳедръ и присоединялись къ его слушателямъ."

Дошло и до свѣдѣнія Карла V, что въ одномъ изъ его государствъ появился геніальный медикъ, который столь блестящимъ

образомъ преподаетъ анатомію въ Падуѣ, что со всѣхъ сторонъ сбѣгаются его слушать. Карлъ V рѣшилъ приблизить къ себѣ Везаля. Онъ предложилъ ему выгодное мѣсто при своемъ дворѣ и войскѣ. Везаль принялъ, и какъ скоро присутствіе его въ Падуѣ, главномъ центрѣ его профессорской дѣятельности, и въ Базелѣ, гдѣ печаталось его сочиненіе, сдѣлалось не необходимымъ, онъ отправился къ своему государю, которому и представился въ 1543 году. Императоръ милостиво его встрѣтилъ и отправилъ въ качествѣ хирурга, въ дѣйствующую армію въ Гельдрію [1]).

Онъ пробылъ нѣкоторое время въ Нимвегенѣ, занимаясь леченіемъ опасно-больнаго легата венецейскаго; ему удалось его вылечить. Затѣмъ онъ отправился въ Регенсбургъ, куда его требовалъ Карлъ V, больной подагрой.

Почти въ это же время было окончено печатаніе *Большой Анатоміи.*

Никогда еще ученое сочиненіе не ожидалось съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ. Стремленія и взгляды автора были уже извѣстны изъ его лекцій, и знали, что они нанесутъ жестокое пораженіе многимъ извѣстностямъ въ различныхъ европейскихъ университетахъ. Но теперь эти взгляды являлись впервые въ печати.

Везаль очень хорошо зналъ, что онъ предпринимаетъ. Прежде чѣмъ приступить къ печатанію, онъ совѣтовался со многими извѣстными учеными. Почти всѣ, изъ уваженія къ Галену и привязанности къ рутинѣ, совѣтовали ему отложить печатаніе. Только два истинно-просвѣщенные человѣка ободряли его въ этомъ благородномъ предпріятіи; то были: профессоръ Антоніо Дженуа, его товарищъ по падуанскому университету, и Вольфгангъ Гервертъ, благородный аугсбургскій гражданинъ [2]).

Везаль желалъ при помощи предварительной работы предуготовить анатомовъ къ пониманію своего большаго сочиненія; онъ напечаталъ и представилъ принцу Филиппу, сыну Карла V, *Руководство къ Анатоміи,* сокращенное изложеніе своей *Большой Анатоміи.* Къ этому краткому руководству онъ присоединилъ

---

[1]) *Vesalii de Radicae chinae epistola.*

[2]) Ad. Burggraeve, *Études sur A. Vésale*, p. 28.

извѣстное число гравированныхъ на деревѣ рисунковъ, представлявшихъ строеніе главнѣйшихъ частей человѣческаго тѣла [1]).

Большое сочиненіе его, столь всѣми ожидаемое, столь нежеланное для нѣкоторыхъ, наконецъ появилось съ посвященіемъ Карлу V. Везаль такимъ образомъ становился подъ могущественное покровительство императора, противъ злобы и ненависти, которыя несомнѣнно должны были на него обрушиться. Въ этомъ *Посвященіи Императору* (Dedicatio ad Cæsarem) онъ объясняетъ о необходимости составить новое сочиненіе по части анатоміи и о томъ, что онъ полагаетъ, что пріобрѣлъ себѣ право его составить.

„Сынъ, внукъ и правнукъ извѣстныхъ врачей, я долженъ былъ выполнить этотъ недостатокъ, иначе я остался бы чуждымъ научному движенію, которое началось въ ваше царствованіе, и сталъ бы недостоинъ моихъ благородныхъ предковъ“.

Затѣмъ онъ говоритъ о безсонныхъ ночахъ, о трудахъ и изысканіяхъ, которымъ предавался съ юности.

„Никогда бы, — прибавляетъ, онъ — я не сдѣлался анатомомъ, еслибы въ то время, какъ изучалъ я медицину въ Парижѣ, я не занимался усидчиво трупосѣченіями и еслибъ я ограничился только грубыми разсѣченіями, какими занимаются невѣжественные хирурги.“

Затѣмъ онъ говоритъ о своихъ трудахъ въ лувенскомъ университетѣ, о своемъ профессорствѣ въ Падуѣ, Болоньѣ и Пизѣ.

„Тамъ,—продолжаетъ Везаль,—свергнувъ иго профессоровъ и школъ, я сталъ показывать анатомію человѣка на самомъ человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему мнѣ было искать этихъ знаній въ книгахъ! Намъ осталось едва нѣсколько отрывковъ отъ сочиненій Герофила, Эристрата, Марина и другихъ знаменитыхъ писателей. Что касается тѣхъ, которые слѣдовали Галену, какъ-то: Орибазъ, Ѳеофилъ, арабы и наши новѣйшіе, если даже они и оставили нѣчто достойное чтенія, то всѣ они только компилировали, комментировали и чаще самымъ смѣшнымъ образомъ извращали Галена. Неужели въ этомъ почтеніе, которое слѣдуетъ оказывать великому автору? Неужели уваженіе къ его памяти заключается въ повтореніи его ошибокъ? Почему меня обвиняютъ въ клеветѣ на него? Что я сдѣлалъ? Я постоянно отдавалъ ему справедливость. Но вмѣсто того, чтобы подражать нашимъ врачамъ, которые не находятъ ни одной ошибки въ Галенѣ, между тѣмъ какъ онъ часто поправляетъ

---

[1]) *Ibidem*, p. 28.

самого себя и указываетъ неточности и невѣрности, которыя онъ сдѣлалъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія; вмѣсто того, чтобы слѣпо слѣдовать этому печальному примѣру, я повѣрилъ это мнѣніе и доказалъ фактически, что пергамскій врачъ разсѣкалъ не человѣческіе трупы, а животныхъ, преимущественно обезьянъ. Въ сущности, Галенъ вовсе не виноватъ въ этомъ,—его останавливалъ предразсудокъ, который былъ сильнѣе его воли и его генія. Виновны тѣ, которые, имѣя подъ руками человѣческіе органы, рабски повторяютъ ошибки своего идола."

Затѣмъ, разсматривая, какъ преподаютъ анатомію, онъ восклицаетъ:

„Что сказать объ этихъ профессорахъ, которые, съ вершины своихъ каѳедръ, напыщенно, какъ попугаи, повторяютъ то, что нашли въ книгахъ, не дѣлая отъ себя ни малѣйшаго замѣчанія, или читаютъ лекціи по такимъ чудовищнымъ препаратамъ, что слушатели больше бы узнали на рынкѣ отъ мясника.

„...Наконецъ, я не скрываю, что меня считали слишкомъ смѣлымъ за то, что я, будучи всего двадцативосьми лѣтъ отъ роду, осмѣлился нападать на пергамскаго врача Я знаю, что на меня станутъ нападать тѣ, которые не изучали прилежно анатомію, какъ я изучалъ ее въ итальянскихъ университетахъ, а слѣдуютъ, какъ всѣ, ошибочнымъ мнѣніямъ греческаго анатома, и которые, снѣдаемые теперь завистью и стыдомъ, не могутъ простить молодому человѣку, что онъ открылъ и показалъ то, чего они не видѣли и не предчувствовали даже — они, постарѣвшіе въ искусствѣ и считающіе себя свѣтилами науки."

У него, дѣйствительно, было много враговъ. Между самыми заклятыми былъ Сильвій (Жакъ Дюбуа), его прежній учитель, знаменитый профессоръ анатоміи въ Парижѣ. Всѣ знанія Сильвія были почерпнуты изъ Галена; теперь, когда авторитетъ пергамскаго врача былъ поколебленъ, ибо у него было указано до двухъ сотъ ошибокъ, что́ сталось съ его собственной репутаціей? Жакъ Дюбуа вполнѣ понималъ это; и онъ страшно сердился, что такой ударъ былъ нанесенъ ему этимъ *маленькимъ Везалемъ, который еще недавно сидѣлъ на скамейкѣ у него въ школѣ* [1]). Въ припадкѣ ненависти, Сильвій написалъ противъ Везаля памфлетъ подъ заглавіемъ: *Sulvius Vaesani calumnias depulsandus*. Сильвій называетъ клеветою слова Везаля, что Галенъ выдалъ анатомію обезьяны за анатомію человѣка.

Везаль, отыскивая ошибки въ Галенѣ и не преклоняясь передъ нимъ, по словамъ Сильвія, только *гордецъ, нечестивецъ, кле-*

---

[1]) Burggraeve, *Études sur Vésale*, p. 32.

ветникъ, перебѣжчикъ, чудовище, нечистое дыханіе котораго отравляетъ Европу. Почти весь памфлетъ наполненъ такими ругательствами.

Поведеніе Везаля относительно своего стараго профессора показало, что онъ не только талантливъ, но и высокаго характера человѣкъ. Онъ не отвѣчалъ на памфлетъ Сильвія, и постоянно съ уваженіемъ отзывался о человѣкѣ, таланты котораго онъ цѣнилъ.

Но вскорѣ у него появился болѣе опасный врагъ; то былъ Евстахій, профессоръ анатоміи въ Римѣ, котораго имя сохранилось благодаря открытому имъ сообщенію между барабанной полостью уха и задней частью рта *(Евстахіева труба).*

Чтобы побѣдить новатора, Варѳоломей Евстахій не прибѣгалъ ни къ сатирѣ, ни къ памфлетамъ; онъ приводилъ доказательства, почерпнутыя изъ самой науки. Везаль многое сдѣлалъ по части общаго описанія человѣческой организаціи, но онъ не обращалъ вниманія на аномаліи. Этотъ пробѣлъ сдѣлался мишенью его противниковъ, которые въ различныхъ особяхъ человѣка отыскивали аномаліи, могущія оправдать описанія Галена. Такимъ образомъ, Евстахію удалось объяснить нѣкоторыя различія, замѣченныя Везалемъ, между обычнымъ строеніемъ человѣческаго тѣла и описаніями греческаго анатома [1]). Съ другой стороны, Везаль разсматривалъ только взрослаго человѣка; наши же органы измѣняются съ возрастомъ; почти нѣтъ ни одного, который не измѣнялся бы въ формѣ, плотности и объемѣ въ разныя эпохи жизни; и эти различія очень важно занести въ анатомическое или физіологическое сочиненія. Эвстахій рѣшился изучить это. Онъ началъ изученіе аномалій человѣческаго организма въ зародышѣ, и прослѣдилъ развитіе органовъ въ различные періоды человѣческой жизни.

Везаль не могъ не отвѣчать на критики одного изъ лучшихъ европейскихъ анатомовъ. Чтобы лучше изучить доводы и факты, противополагаемые ему противникомъ, и быть въ возможности публично отвѣчать ему, Везаль отправился въ Падую.

---

[1]) Евстахій, *Tractatus de vena azygomatica.*

Падуанскій университетъ съ радостью принялъ своего прежняго профессора, и предоставилъ въ его распоряженіе трупы, необходимые для изысканій и публичныхъ демонстрацій. Онъ имѣлъ полный успѣхъ; очевидность представляемыхъ имъ фактовъ не оставляла никакого сомнѣнія въ умахъ его слушателей.

Изъ Падуи онъ отправился сперва въ Пизу а потомъ въ Болонью. Во всѣхъ итальянскихъ университетахъ его принимали съ энтузіазмомъ и горячими рукоплесканіями. Всюду, студенты и профессора толпились вокругъ его каѳедры. Несомнѣнно, это была самая блестящая въ его жизни эпоха.

Между тѣмъ жестокія и постоянныя нападки Жака Дюбуа на Везаля распространились по всей Европѣ. Кончилось тѣмъ, что несогласіе между Галеномъ и новаторами обратили въ богословскій вопросъ.

Врагамъ Везаля удалось распространить, что всѣ его открытія просто обманъ, средство достигнуть извѣстности. Не имѣя возможности побѣдить его наукой, они усиливались уничтожить его клеветой. Къ сожалѣнію, эти презрѣнныя интриги увѣнчались успѣхомъ. Дѣло дошло до того, что Карлъ V счелъ необходимостью издать указъ, чтобы книга Везаля была разсмотрѣна и запрещена, если окажется того достойной.

Въ 1556 г., богословы саламанкскаго университета были созваны для рѣшенія вопроса—позволительно ли католикамъ вскрывать человѣческія тѣла [1]). Испанскіе монахи, болѣе сободномыслящіе чѣмъ враги Везаля, какъ французы, такъ и фламандцы, отвѣчали, что *это полезно, а стало быть позволительно*.

Не смотря на эту полупобѣду, Везаль въ высшей степени былъ опечаленъ несправедливостію своихъ современниковъ. Приказъ Карла V произвести слѣдствіе надъ его книгой жестоко огорчалъ его. Въ юности, онъ показалъ необычайную силу таланта и въ нѣсколько лѣтъ совершилъ громадные труды; но у него не хватило энергіи защищать свою славу. Усталый отъ безчестныхъ критикъ, онъ отказался отъ борьбы. Онъ бросилъ

---

[1]) *Études sur Vésale*, p. 35.

въ огонь свои книги и рукописи, невинныя причины человѣческой неблагодарности и злобы, отъ которыхъ онъ пострадалъ.

„Въ одно мгновеніе, говоритъ г. Бургграэвъ, труды многихъ лѣтъ были истреблены пламенемъ; невозвратимая потеря, ибо наука лишилась сокровищъ, которыхъ Везаль не могъ снова открыть въ томъ новомъ положеніи, которое онъ занялъ [1]."

Онъ оставилъ Италію и вернулся на родину, въ надеждѣ, что своимъ присутствіемъ заставитъ замолчатъ своихъ враговъ; злѣйшіе его противники жили въ Бельгіи и Франціи. Онъ поселился въ Брюсселѣ, гдѣ, кажется, хотѣлъ совсѣмъ стушеваться.

Въ 1546, Везаль отправился въ Базель, чтобы руководить вторымъ изданіемъ своего сочиненія. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, онъ дѣлалъ порою публичныя анатомическія демонстраціи. Въ благодарность за пріемъ, оказанный ему въ Базелѣ, онъ подарилъ тамошней медицинской школѣ скелетъ, который хранится въ ней до сихъ поръ.

По отреченіи Карла V отъ престола, Везаль отправился за его преемникомъ Филиппомъ II въ Испанію, въ качествѣ придворнаго врача.

Здѣсь конецъ его ученой карьеры. Мы имѣли случай, въ біографіи Христофора Колумба, говорить, что такое былъ испанскій дворъ въ концѣ пятнадцатаго столѣтія. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, то есть во времена Филиппа II, испанскій дворъ во многихъ отношеніяхъ былъ хуже, чѣмъ въ царствованіе Фердинанда и Изабеллы. Ничто въ свѣтѣ не соотвѣтствовало такъ мало настроенію ума Везаля и его природѣ, какъ этотъ дворъ. Гордость, невѣжество, предразсудки, мелочная зависть—вотъ что встрѣчалось при дворѣ Филиппа II. Вскорѣ Везаль началъ тосковать и скучать.

Такое расположеніе духа не могло способствовать ученымъ трудамъ; его больше отвлекли отъ работы интриги испанскихъ врачей. Придворные врачи ненавидѣли его главнымъ образомъ за то, что онъ былъ иностранецъ и имѣлъ успѣхъ, какъ хирургъ. Вотъ что, какъ разсказываютъ, озлобило ихъ.

Донъ Карлосъ, сынъ Филиппа II, впослѣдствіи погибшій жер-

---

[1]) *Loc. cit.* p. 35.

твой мрачной ревности своего отца, упалъ и сильно ранилъ себѣ голову. Везаль на консультаціи, противъ мнѣнія другихъ докторовъ, высказывалъ, что необходима трепанація. Операція была сдѣлана, и принцъ выздоровѣлъ. Мадридскіе врачи не могли простить Везалю этого успѣха.

Слѣдуетъ прибавить, какъ поправку этого разсказа, что авторъ *Исторической замѣтки о Везалѣ*, написанной по-испански и которая вполнѣ переведена въ сочиненіи г. Бурггрэва, формально опровергаетъ этотъ разсказъ. Онъ говоритъ, что Везаль увидалъ принца только на одиннадцатый день послѣ ушиба, и что трепанаціи вовсе не дѣлали. Такимъ образомъ, больной выздоровѣлъ безъ операціи, и слѣдовательно исцѣленіемъ своимъ нисколько не былъ обязанъ Везалю [1]).

Везаль жилъ скучно и уединенно при невѣжественномъ и ханжескомъ дворѣ Филиппа II. Онъ жилъ въ мрачной и нездоровой средѣ, окруженный болѣе или менѣе заклятыми врагами, и что было всего горше, онъ былъ лишенъ средствъ слѣдить за успѣхами науки. Пока такимъ образомъ онъ влачилъ существованіе при испанскомъ дворѣ, анатомія, наука имъ основанная, дѣлала быстрые успѣхи во Франціи и Испаніи. Два юныхъ соперника грозили затмить его славу. Скука и раскаяніе грызли его душу; онъ рѣшился выйти изъ этого невыносимаго положенія. Но надо было найти предлогъ, почтенный въ глазахъ подозрительнаго и жестокаго государя, которому онъ служилъ. Онъ объявилъ Филиппу II, что желаетъ съѣздить въ Іерусалимъ на поклоненіе, и получилъ отпускъ.

Въ біографіяхъ Везаля разсказывается драматическая, но совершенно вымышленная, исторія, при помощи которой объясняли его внезапный отъѣздъ. Журналистъ Лингэ, изъ ненависти къ испанцамъ и инквизиціи, распространилъ ее въ Европѣ и этотъ ложный анекдотъ пошелъ гулять по свѣту. Разсказывали, что Везаль вскрылъ еще живую женщину, желая узнать причину ея смерти. Другіе говорятъ, что то была не женщина, а какой-то дворянинъ.

---

[1]) *Études sur Vésale*, p. 42—45.

Кювье безъ критики передаетъ этотъ разсказъ [1]). Ученый профессоръ анатоміи въ гентскомъ университетѣ, г. Бургграэвъ, на котораго мы не разъ ссылались, потому что его сочиненіе есть самая полная изъ біографій Везаля, употребилъ всѣ усилія, чтобы разъяснить этотъ эпизодъ изъ жизни Везаля. Благодаря помощи г. Нотомба (Nothomb), бельгійскаго министра внутреннихъ дѣлъ, ему удалось добыть выписку изъ неизданнаго сочиненія Гернандеца Морехона, клиническаго профессора въ Мадридѣ, *Философская и критическая исторія испанской медицины*. Въ этой замѣткѣ Морехонъ, опровергнувъ разные распространенные про Везаля слухи, слѣдующимъ образомъ выражается о занимающемъ насъ фактѣ:

„Третья басня, распущенная про знаменитаго бельгійскаго анатома, заключается въ томъ, что инквизиція приговорила его къ смертной казни за то, что онъ вскрылъ одного испанскаго дворянина, котораго лечилъ во время болѣзни, и что присутствовавшие при этомъ замѣтили, что сердце у него еще билось; что вслѣдствіе заступничества Филиппа II смертная казнь была замѣнена паломничествомъ въ Іерусалимъ. Изобрѣтатели этой басни даже не озаботились о томъ, чтобъ доказать ее. Какъ звали дворянина, котораго будто бы Везаль вскрылъ живаго? Какіе свидѣтели доказали это передъ инквизиціей? Въ какомъ изъ существовавшихъ тогда въ Испаніи судовъ велся этотъ процессъ? Почему Антоніо, Лоренте въ своихъ *Историческо-критическихъ лѣтописяхъ инквизиціи*, не упоминаетъ ни словомъ объ этомъ процессѣ, хотя и говоритъ въ нихъ о Везалѣ? Отчего же это писатели, современники Везаля, а нѣкоторые изъ нихъ даже товарищи его при дворѣ, хранятъ глубокое молчаніе о происшествіи, которое, если оно дѣйствительно случилось, необходимо привлекло бы ихъ вниманіе, и о которомъ они не преминули бы сказать, одни съ сожалѣніемъ, другіе съ порицаніемъ, третьи ради возвеличенія монаршаго милосердія? Почему? Именно потому, что такого факта никогда не было. Историкъ Шпренгель, говоря о возобновителѣ анатоміи, о великомъ Везали, прибавляетъ *говорятъ*, разсказывая на счетъ участія Везаля въ излеченіи принца астурійскаго, а что касается инквизиціи, то считаетъ фактъ совершенно вымышленнымъ. Не только у Везаля не было завистливыхъ враговъ и преслѣдователей въ Испаніи, но испанскіе профессора осыпали его похвалами и превозносили его глубокія познанія и искусство въ анатоміи. Неопровержимыя доказательства этому встрѣчаемъ у Вальверде, Педро Ксимена, Колладо, Даца и у многихъ другихъ авторовъ.“

Итакъ, можно сказать за вѣрное, что противъ Везаля въ Испаніи не было ни обвиненія въ убійствѣ, ни суда, ни приговора. Но съ другой стороны можно считать доказаннымъ, что онъ по-

---

[1]) *Histoire des sciences naturelles*, t. II, p. 22.

лучилъ отъ Филиппа II отпускъ ради путешествія въ Палестину. Везаль представилъ королю, что желаетъ ѣхать съ религіозной цѣлью, но по свидѣтельству ботаника Клузія (Делеклюза), пріѣхавшаго въ Мадридъ въ тотъ самый день, какъ выѣзжалъ оттуда Везаль, знаменитый бельгійскій анатомъ сильно страдалъ изнуряющею тоскою.

Эта болѣзнь, по нашему мнѣнію, происходила отъ скуки, тоски, которыя овладѣвали имъ при испанскомъ дворѣ, и печали, что анатомія въ различныхъ странахъ дѣлаетъ успѣхи, а онъ ни мало въ нихъ не участвуетъ.

Фаллопій, моденскій дворянинъ, занялъ его каѳедру въ Падуѣ. Моложе Везаля по лѣтамъ, онъ обладалъ истиннымъ талантомъ и въ его распоряженіи было столько труповъ, сколько требовалось для его работъ. Онъ вскорѣ прославился блестящими открытіями. Въ 1561 г., онъ издалъ въ Венеціи свои *Observationes anatomicae*, сочиненіе въ которомъ чрезвычайно вѣжливо и почтительно, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ защищаетъ древнихъ и нападаетъ на мнѣнія Везаля. Везаль, бывшій въ то время при дворѣ Карла V, отвѣчалъ ему сочиненіемъ, озаглавленнымъ: *Anatomicarum observationum Fallopii examen*, которое, къ сожалѣнію, онъ принужденъ былъ писать по памяти, не имѣя возможности добыть въ Мадридѣ ни одного черепа. У него не было подъ руками матеріаловъ, онъ не могъ изучить предмета, а потому вышло сочиненіе не совсѣмъ достойное его генія; но его *Большая анатомія*, тѣмъ не менѣе, составляетъ точку отправленія новой науки, есть работа, на которой основаны наблюденія Фаллопія.

Везаль былъ въ Испаніи, когда получилъ это сочиненіе Фаллопія. Успѣхъ соперника не только возбудилъ въ его умѣ воспоминаніе о его собственныхъ успѣхахъ въ томъ же падуанскомъ университетѣ, но напомнилъ также, сколько ненависти и клеветъ пришлось ему вытерпѣть изъ–за сочиненія, на которое теперь нападалъ Фаллопій. Это конечно было причиной нравственныхъ страданій, не оставлявшихъ его ни днемъ, ни ночью, и заставившихъ его уѣхать изъ Испаніи.

Везаль, какъ уже замѣчено, уѣхалъ въ тотъ же день изъ Мадрида, какъ пріѣхалъ Делеклюзъ. Ему сказали, что Везаль былъ

боленъ и насилу вылечилъ себя, и что эта болѣзнь была причиною, почему онъ настоятельно просилъ короля отпустить его въ Святую Землю. Делеклюзъ прибавляетъ, что король не только далъ позволенiе, но и всѣ необходимыя для путешествiя средства.

Везаль былъ женатъ. Послѣ своего перваго путешествiя въ Италiю, онъ женился на Аннѣ фонъ-Гамме, дочери Iеронима, совѣтника и начальника счетной палаты въ Брюсселѣ, и Анны д'Асселье. У него была только одна дочь, по имени Анна, вышедшая замужъ за великаго сокольника короля испанскаго, Моля. Говорятъ, у жены Везаля былъ тяжелый и неуживчивый характеръ и что она была одной изъ причинъ, почему Везаль рѣшился предпринять такое долгое путешествiе. Но на нашъ взглядъ, главная причина его отъѣзда заключалась въ желанiи вернуться въ Италiю, чтобы защитить свою извѣстность, компрометированную открытiями и сочиненiями Фаллопiя. Сочиненiе Везаля *Anatomicarum observationum Fallopii examen* въ тоже время и отвѣтъ Фаллопiю и апологiя *Большой Анатомiи*. Онъ желалъ, чтобы его преемникъ въ падуанскомъ университетѣ узналъ его, какъ можно скорѣе. А между тѣмъ требовалось время на напечатанiе и притомъ было не очень-то легко напечатать его въ Испанiи. Везаль уже говорилъ объ этомъ съ венецейскимъ посланникомъ Тiеполо, въ то время находившимся при испанскомъ дворѣ, и отдалъ ему рукопись, которую Тiеполо, вскорѣ возвращавшiйся въ Венецiю, обѣщалъ проѣздомъ черезъ Падую передать Фаллопiю.

Къ сожалѣнiю, посланникъ, удержанный войною, могъ уѣхать только въ слѣдующемъ году, и когда онъ вернулся въ Венецiю, Фаллопiй умеръ. Тiеполо оставилъ рукопись у себя, не показывая ее никому, пока не получитъ отвѣта автора. Это обстоятельство весьма повредило Везалю и заставило его еще сильнѣе желать возвращенiя въ Италiю.

Наконецъ Везаль выѣхалъ изъ Мадрида и отправился въ долгое и опасное путешествiе въ Святую землю. Онъ взялъ мѣсто на кораблѣ, который доставилъ его въ Венецiю. Тамъ, генералъ Малатеста ди-Римини доставилъ ему случай благополучно доѣхать

до острова Кипра на военномъ суднѣ; оттуда онъ отправился въ Палестину.

Будучи въ Іерусалимѣ, онъ получилъ отъ венецейскаго сената предложеніе, которое очень порадовало его: ему предлагали мѣсто профессора анатоміи въ Падуѣ, на ваканцію открывшуюся со смертью Фаллопія.

Везалю было тогда всего пятьдесятъ восемь лѣтъ, и онъ чувствовалъ себя въ силахъ трудиться. Принявъ во вниманіе работы Евстахія и Фаллопія, онъ могъ сдѣлать новое исправленное изданіе своей *Большой Анатоміи* и расширить предѣлы естественныхъ наукъ.

Такія чувства наполняли и волновали его, когда онъ собирался въ обратный путь изъ Іерусалима. Къ несчастію, его желаніямъ не суждено было осуществиться. 2-го октября 1564 года жестокая буря застала его въ Іоническомъ морѣ. Корабль разбился около острова Занта.

Островъ Зантъ находится въ пяти лье отъ морейскаго берега, напротивъ лепантскаго залива. Островъ былъ населенъ рыбаками и торговцами.

Несчастный Везаль, выброшенный на этотъ негостепріимный островъ, полумертвый отъ усталости и голода, на пустынномъ берегу, кое-какъ добрался до внутренности острова. Больной, ничего не имѣя, не получая никакой помощи, онъ погибъ. Одинъ изъ венецейцевъ, прибывшій по торговымъ дѣламъ на Зантъ, узналъ несчастнаго Везаля и похоронилъ его по обрядамъ католической церкви. На надгробномъ камнѣ вырѣзана слѣдующая надпись:

Tumulus Andrae Vesalii bruxellensis
qui obiit idibus octobris, anno MDLXIV,
aetatis vero suae quiquagesimo,
quum hierosolymis rediisset.

Вотъ списокъ сочиненій Везаля, съ обозначеніемъ года, когда напечатаны: *Paraphrasis in norma Razae* (1537); *Additamenta et correctiones in Guntheri institutionibus anatomicis* (1538); *Epistola de vena secanda in pleurisia* (1539); *Prima tabula anatomica, Venetiis* (1540); *De humani corporis fabrica*, Базель 1543

(Большая анатомія); Epitomê de fabrica humani corporis, Базель 1543 *(Краткое изложеніе большой анатоміи); Epistola ad Ioachimum Roelonts* etc, *rationem modumque propinandi radiciis chynae decocti* etc. (1546); *Anatomicarum Gabrielis Fallopii observationum examen*, и наконецъ *Chirurgia magna*, компиляція, изданная черезъ четыре года послѣ его смерти.

Бургрэвъ издалъ въ 1725, въ Лейденѣ, полное собраніе сочиненій Везаля на латинскомъ языкѣ. Изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ in-folio.

Если принять во вниманіе, что война, путешествія и его положеніе въ качествѣ врача при испанскомъ дворѣ, на что Везаль потерялъ много времени, то прочтя списокъ его сочиненій нельзя не согласиться, что онъ написалъ довольно много.

Везаля слѣдуетъ разсматривать преимущественно, какъ анатома. Въ этомъ отношеніи важнѣйшее его сочиненіе есть „*О строеніи человѣческаго тѣла*" *(De humani corporis fabrica)*, извѣстное больше подъ именемъ *Большой Анатоміи*. Мы на основаніи Кювье, Ад. Бурггрэва, Блэнвиля и самого Везаля, постараемся изложить содержаніе этого сочиненія.

Для написанія этого сочиненія, состоящаго изъ семи книгъ, Везаль пользовался тремя родами источниковъ, именно: древними и новѣйшими писателями и собственными наблюденіями. Онъ слѣдуетъ почти тому же плану, что и Галенъ.

Въ первой книгѣ онъ описываетъ кости, и рисунки, сопровождающіе это описаніе, удивительны. Онъ излагаетъ, на сколько это было возможно при состояніи наукъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, химическій составъ, назначеніе и различія въ величинѣ, формѣ, пропорціи и строеніи костей человѣческаго тѣла. Изучая человѣческій скелетъ, онъ не могъ не узнать, что Галенъ описывалъ не человѣческія кости. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, онъ опровергаетъ пергамскаго врача. Онъ показываетъ, напримѣръ, что Галенъ впалъ въ явныя ошибки относительно *крестца* (os sacrum, непарная кость, составляющая продолженіе хребетнаго столба и образующая заднюю часть таза) и *грудной кости (sternum*, плоская и длинная кость, находящаяся въ серединѣ передней части груднаго ящика) и т. д. Затѣмъ онъ говоро-

ритъ о хрящахъ. Онъ указываетъ ихъ положенiе, назначенiе и говоритъ, чѣмъ они сходны и чѣмъ различаются отъ костей.

Въ четвертой главѣ, онъ говоритъ о строенiи и соединенiи костей со хрящами. Начиная съ пятой и до тринадцатой, идетъ описанiе строенiя головы; она изображена, при помощи превосходныхъ рисунковъ, съ различныхъ точекъ зрѣнiя, какъ снаружи, такъ и снутри. Онъ опровергаетъ ошибочное мнѣнiе, что бѣлая и клейкая жидкость, мокроты идутъ изъ мозга въ носъ. Онъ показываетъ, что между внутренностiю носа и мозгомъ нѣтъ никакого сообщенiя. Изъ косточекъ внутренняго уха, онъ зналъ только *наковальню* и *молоточекъ*.

Главы, отъ четырнадцатой до девятнадцатой, посвящены описанiю хребетнаго столба въ цѣломъ и подробностямъ. Дойдя до *крестца* (sacrum) и *хвостоваго* позвонка (небольшая косточка, *coccyx*, лежащая на концѣ крестца и оканчивающая хребетъ), онъ представляетъ изображенiе крестца обезьяны и собаки, такъ какъ у Галена описаны вмѣсто человѣческихъ костей кости этихъ двухъ животныхъ.

Въ слѣдующихъ главахъ онъ описываетъ грудь, сочлененiе ребра съ его хрящевымъ прибавкомъ, затѣмъ переднiя конечности, начиная съ *лопатки* плеча и *ключицы* до суставовъ пальцевъ, хрящи бровей, носа, ушей, дыхательное горло, его вѣтви, гортань и т. д.

Разсмотрѣнiе костей приводитъ его къ связкамъ, ихъ соединяющимъ. Онъ первый говоритъ о связкахъ хребетнаго столба, то есть о межпозвоночныхъ хрящахъ.

Во второй книгѣ онъ описываетъ мускулы, служащiе для движенiя костей. Разсматривая ученiе, принятое поклонниками Галена, о строенiи и физiологической игрѣ мускуловъ, Везаль смѣло нападаетъ на него и опровергаетъ множествомъ ясныхъ и опредѣленныхъ фактовъ. Затѣмъ онъ излагаетъ свое собственное мнѣнiе, которое, съ точки зрѣнiя настоящей науки, не изъято отъ ошибокъ, но которое въ его время было шагомъ впередъ. Нельзя не сожалѣть, что нѣкоторые второстепенные факты онъ принужденъ былъ изучать не на человѣкѣ, а на животныхъ, вслѣдствiе чего описанiе нѣкоторыхъ частей неточно и заслуживаетъ того же

упрека, который онъ дѣлалъ Галену за то, что тотъ изучалъ по животнымъ анатомію человѣка. Ошибка особенно ясна въ описаніи *послѣда* (placenta, сосудистой и мышечной массы, составляющей часть оболочекъ зародыша), гдѣ онъ описываетъ собачій послѣдъ.

Третья книга посвящена венамъ и артеріямъ. Онъ излагаетъ совокупность и развѣтвленіе венной и артеріальной системъ. Это самая несовершенная часть его труда. Чтобы обработать ее достодолжнымъ образомъ, надо было прибѣгнуть къ инъекціи сосудовъ, но въ то время пріемъ этотъ былъ неизвѣстенъ. Тѣмъ не менѣе, описаніе Везаля венъ и артерій для своего времени было истиннымъ шагомъ впередъ.

Въ четвертой книгѣ онъ описываетъ происхожденіе нервовъ и ихъ распространеніе въ органахъ. Онъ говоритъ, что древніе смѣшивали, подъ именемъ *нервовъ*, связки, тяжы и собственно нервы и полагали, будто они происходятъ изъ сердца. Онъ прибавляетъ, что Герофилъ, Ипократъ, Ерасистратъ и Галенъ первые показали истинное происхожденіе главнѣйшихъ нервовъ. Онъ принимаетъ, что нервы происходятъ изъ головнаго и спиннаго мозга. Онъ считаетъ ихъ состоящими изъ трехъ частей: внутренней, одной природы съ мозговымъ веществомъ и происходящей изъ этого вещества, и двухъ оболочекъ, покрывающихъ эту внутреннюю часть, подобно тому какъ онѣ покрываютъ головной мозгъ. Онъ указываетъ на различіе въ плотности между нервами органовъ чувствъ и двигательными. Онъ отличаетъ спинной мозгъ отъ мозжечка и прослѣдилъ продолговатый мозжечекъ (medula oblongata) до того мѣста, какъ это дѣлаютъ и теперь. Онъ приложилъ два рисунка выхожденія нервовъ, выходящихъ изъ черепнаго мозга. На одномъ изображенъ мозгъ въ перевернутомъ положеніи и весьма ясно указано происхожденіе семи паръ нервовъ, какъ ихъ считали со временъ Галена. Онъ принимаетъ эти семь паръ, прибавляя, что, строго говоря, можно насчитать большее число. На второмъ рисункѣ мозгъ изображенъ въ нормальномъ положеніи, но въ профиль, и видно происхожденіе нервовъ. Онъ изучилъ семь паръ нервовъ, мѣсто ихъ выхода и ихъ развѣтвленія. Затѣмъ онъ переходитъ къ изученію спиннаго мозга и нервовъ, изъ него выходящихъ. Онъ насчитываетъ до тридцати

паръ нервовъ, выходящихъ изъ спиннаго мозга и medula oblongata.

Въ пятой и шестой книгахъ онъ описываетъ внутренности брюшной полости и даетъ ихъ изображеніе. Онъ лучше своихъ предшественниковъ объяснилъ отправленія селезенки.

Описаніе грудной полости и сердечныхъ заслонокъ, находящееся въ шестой книгѣ, должно бы привести его, говоритъ Кювье, къ открытію кровообращенія. Везаль указываетъ истинное положеніе сердца, которое лежитъ нѣсколько налѣво, а не въ серединѣ груди, какъ утверждали въ то время. Сердце, его желудочки, предсердія, заслонки, а также ихъ отправленіе и назначеніе, вполнѣ имъ изучены.

Въ седьмой книгѣ говорится о мозгѣ. Везаль сдѣлалъ огромный шагъ впередъ въ изученіи этого органа, который изображенъ и описанъ имъ со всѣхъ сторонъ. Онъ начинаетъ съ разсмотрѣнія общихъ его отправленій, и приводитъ по этому случаю мнѣніе св. Ѳомы, Альберта Великаго и Скота, полагавшихъ, что различныя способности разума и воли помѣщаются въ различныхъ мозговыхъ полостяхъ. Говоря объ извилинахъ головнаго мозга, онъ вспоминаетъ о древнихъ философахъ и врачахъ, которые, до Галена, считали ихъ мѣстопребываніемъ нашихъ способностей,—мнѣніе, опровергнутое Галеномъ. Онъ начинаетъ съ описанія мозговыхъ оболочекъ; затѣмъ онъ исчисляетъ части черепнаго мозга, указываетъ положеніе и форму извилинъ и отличаетъ вещество мозга отъ можечка.

Везаль во всей подробности описалъ мозговыя полости, которыя были извѣстны еще въ глубокой древности, но которыя со временъ Герофила указывались только общимъ образомъ. Онъ насчитываетъ четыре полости. „Онъ исправно описываетъ, говоритъ де-Бленвиль, всѣ другія части головнаго мозга, и если онъ не столь счастливъ при описаніи органовъ чувствъ, то потому что не зналъ физіологіи [1]).“

Въ той же книгѣ онъ говоритъ о мозговой железѣ *(glandula pinealis)*, находящейся въ серединѣ мозга и названной такъ потому, что находили, что она похожа на сосновую шишку. Из-

[1]) *Histoire des sciences de l'organisation*, t. II, p. 213.

вѣстно, что Декартъ, вѣкъ спустя, находилъ, что въ ней мѣстопребываніе души. Мозговая железа постоянно встрѣчается у человѣка и млекопитающихся; у другихъ млекопитающихся она обычно сильнѣе развита, чѣмъ у человѣка. Везаль наблюдалъ, что у ягненка она самая объемистая. По его мнѣнію, отправленіе этого органа заключается единственно въ томъ, что онъ поддерживаетъ сосуды при ихъ входѣ въ среднюю полость, чтобы они не загораживали отверстія. Еще до сихъ поръ не извѣстно, какую роль играетъ эта желѣза въ отправленіяхъ мозга, какъ не извѣстна съ точностію физіологическая роль другихъ анатомическихъ элементовъ мозга.

Везаль въ совершенствѣ понималъ распредѣленіе различныхъ частей головнаго мозга.

Въ послѣдней главѣ, *De vivorum sectione nonnula*, онъ представляетъ соображенія и рядъ опытовъ на счетъ отнятія нѣкоторыхъ частей тѣла отъ живыхъ животныхъ. Подобные же опыты дѣлалъ и Галенъ; но Везаль повелъ ихъ дальше и предуготовилъ пути для великато открытія, сдѣланнаго Гарвеемъ, относительно кровообращенія. Везаль прежде всего дѣлалъ опыты надъ костями и хрящами. Вынимая ту или другую часть скелета, онъ показываетъ, что кости и хрящи суть поддержка всего животнаго механизма, и что поперечныя или кольцеобразныя связки ограничиваютъ и направляютъ движеніе мускуловъ, и доказываетъ это на трупѣ. Онъ перерѣзываетъ связки посрединѣ пястья и показываетъ, что изъ этого происходитъ. Подобный же опытъ былъ сдѣланъ на живой собакѣ, и сухожилья сгибающихъ мускуловъ вышли изъ своего влагалища. Онъ показываетъ также, что если перевязать нервъ, развѣтвляющійся въ мускулахъ, сгибающихъ ладонь, то черезъ это парализуются движенія сгибанія руки, и что движеніе это возстановляется, какъ только перевязка нерва уничтожена. Онъ опытомъ показываетъ также, что продольный разрѣзъ мускула не измѣняетъ его движенія, но что движеніе измѣняется, если сдѣлать глубокій поперечный разрѣзъ, достигающій нервовъ. Онъ указываетъ, какъ можно увѣриться, что самое вещество нерва, а не его оболочки, передаетъ жизненную силу. Онъ показываетъ также, что поперечный разрѣзъ спин-

наго мозга мгновенно парализуетъ движеніе и чувствительность всѣхъ частей, лежащихъ ниже этого органа.

Онъ утверждалъ, что перевязка артеріи, внизу, останавливаетъ всякую пульсацію крови, что расширенія и сжиманія сердца совпадаютъ съ пульсаціями артерій; что легкія слѣдуютъ движеніямъ груди; что если вскрыть грудную плеву и прободать ее между двумя ребрами, то легкое тотчасъ же опадаетъ; и что животное умираетъ, какъ отъ удушенія, если ту же операцію сдѣлать съ обоихъ боковъ и т. д.

Все это прекрасные физіологическіе опыты.

Везаль почти ничего не узналъ изъ опытовъ надъ мозгомъ, и его изысканія надъ органами зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія были очень неполны. Преждевременная смерть не дала ему окончить всего. Онъ много работы оставилъ своимъ послѣдователямъ, и особенно Гарвею.

Большая анатомія Везаля, слѣдствіемъ которой было основаніе научной анатоміи, была дѣломъ двадцативосьми-лѣтняго человѣка. Везаль обязанъ успѣхомъ единственно своему методу, а потому скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Методъ, которому онъ слѣдовалъ, и который ясенъ во всемъ его сочиненіи, былъ слѣдующій. Прежде всего, онъ указываетъ, въ какомъ состояніи находится наука, какія работы исполнены его предшественниками. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе его собственныхъ наблюденій, которыя либо отвергаютъ ошибки, всѣми принятыя за факты, либо подтверждаютъ, расширяютъ и развиваютъ тѣ истины, которыя добыты до него. Этотъ методъ былъ наилучшій, потому что давалъ направленіе его собственнымъ работамъ, и въ тоже время указывалъ другимъ на важность его трудовъ и дѣлалъ очевиднымъ, какой шагъ впередъ сдѣланъ вслѣдствіе его изысканій. Но чтобы слѣдовать этому методу, надо было обладать прочной и глубокой эрудиціей. Его сильныя познанія въ литературѣ и философіи помогли Везалю овладѣть сразу наукою древнихъ; и этого не могъ бы сдѣлать никто другой, даже равный ему по таланту. Только благодаря классической эрудиціи, Везаль въ короткое время, такъ сказать, измѣнилъ лицо анатоміи.

НИКОЛАЙ КОПЕРНИКЪ.

I.

Николай Коперникъ родился въ Торуни (Торнѣ), небольшомъ городкѣ нынѣшней прусской Польши, 19 февраля 1473 года. „Лучъ свѣта, нынѣ освѣщающій вселенную,—сказалъ Вольтеръ,—исходитъ изъ городка Торна.“

Его дѣдъ жилъ въ Чехіи и былъ достаточный человѣкъ; соблазненный выгодами, которыя въ то время представляла жизнь въ польскихъ городахъ, онъ оставилъ родину и переселился въ Краковъ, гдѣ записался въ число горожанъ. Это было въ 1396 г., въ царствованіе Владислава. Онъ купилъ себѣ домъ въ Краковѣ и занялся торговлей. Его дѣти занимали въ Краковѣ почетныя должности, предоставлявшіяся только значительнымъ горожанамъ. Одинъ изъ нихъ, родившійся въ Польшѣ, велъ хлѣбную торговлю и былъ булочникомъ. Онъ поселился въ Торунѣ, весьма торговомъ небольшомъ городкѣ, лежащемъ на берегу Вислы. Онъ породнился съ древней польской фамиліей и женился на сестрѣ вармійскаго епископа, Варварѣ Вассельроде. Въ 1847 г. существовалъ, а можетъ быть существуетъ и теперь, въ Торунѣ, на улицѣ св. Анны, домъ, который отецъ Николая Коперника получилъ въ приданное за женою.

Черезъ годъ послѣ свадьбы, онъ былъ избранъ своими новыми согражданами въ члены муниципальнаго совѣта. 1 февраля 1473 года, жена его родила Николая Коперника.

Мальчика посылали въ школу св. Іоанна въ Торунѣ, гдѣ онъ обучился читать, писать и счету. Вечеромъ, приходя домой къ отцу, онъ занимался греческимъ и латинскимъ языкомъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ былъ прилеженъ и разсудителенъ.

Ему было всего десять лѣтъ, какъ умеръ его отецъ. Начиная съ этого времени, мальчика взялъ на воспитаніе дядя его, епископъ вармійскій, Лука Вассельроде.

Осьмнадцати лѣтъ онъ окончилъ первоначальное образованіе и былъ посланъ въ краковскій университетъ, гдѣ и записанъ въ число студентовъ, подъ именемъ *Nicolaus Nicolai de Thorunia*. Этотъ университетъ въ то время былъ въ большой славѣ; туда стекались студенты изъ Чехіи, Баваріи, Швеціи и Германіи. Коперникъ занимался философіей и медициной, и получилъ степень доктора. Такъ какъ съ юности онъ любилъ математическія науки, то не переставалъ заниматься ими и въ увиверситетѣ. Онъ слушалъ лекціи Альберта Брудзевскаго, преподававшаго математику съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Онъ не только слушалъ положенныя университетскія лекціи, но вмѣстѣ съ нѣсколькими другими студентами занимался съ профессоромъ у него на дому. Брудзевскому онъ обязанъ любовью къ астрономіи; отъ него узналъ онъ употребленіе астролябіи (прибора, служащаго къ измѣренію высотъ) и методъ, которому надо слѣдовать, чтобы успѣшно заниматься астрономіей.

Коперникъ имѣлъ намѣреніе сперва окончить курсъ наукъ въ Краковѣ, и затѣмъ отправиться въ Римъ и итальянскіе университеты. Италія въ то время по справедливости считалась одной изъ странъ, наиболѣе способныхъ развить вкусъ и пробудить воображеніе великолѣпіемъ и разнообразіемъ мѣстоположеній, красою своихъ небесъ, величіемъ историческихъ воспоминаній и развитіемъ искусствъ. Коперникъ полагалъ, что для того, чтобы понимать произведенія великихъ мастеровъ живописи, архитектуры и скульптуры, надо быть нѣсколько знакомымъ съ этими искусствами. Поэтому до отъѣзда въ Италію, онъ рѣшился заняться живописью. Занимаясь различными отраслями математики, онъ прилежно изучалъ перспективу и отсюда у него явилась мысль учиться рисовать и писать красками.

Вскорѣ, онъ могъ не только снимать пейзажы, но и рисовать очень схожіе портреты.

По окончаніи курса въ Краковѣ, онъ вернулся въ Торунь.

Тамъ онъ пробылъ нѣкоторое время съ матерью и дядей; затѣмъ поѣхалъ въ Италію. Ему было тогда двадцать три года.

Сперва онъ остановился въ Падуѣ. Тамъ онъ слушалъ лекціи философіи и медицины, и на третьемъ курсѣ былъ увѣнчанъ профессоромъ Николаемъ Театинусомъ. Янъ Чинскій, приводящій этотъ фактъ, прибавляетъ: „Въ архивахъ медицинскаго отдѣла падуанскаго университета, подъ 1499 годомъ, находимъ, что профессоръ Театинусъ увѣнчалъ молодаго поляка двумя лавровыми вѣнками: философіи и медицины [1].“

Въ то время въ Болоньи былъ профессоръ, съ большимъ успѣхомъ преподававшій астрономію. То былъ Доминикъ Маріа, изъ Феррары. Коперникъ, во время житья въ Падуѣ, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Болонью, чтобъ видѣть и слышать его. Одаренный рѣдкимъ умомъ и страстный приверженецъ истины, Коперникъ легко заслужилъ дружбу Маріа, который былъ въ восторгѣ отъ такого слушателя. Они вмѣстѣ наблюдали, въ 1496 году, скрываніе за луною звѣзды *Альдебарана* (въ созвѣздіи Тельца).

Одобренный Доминикомъ Маріа, Коперникъ счелъ себя достойнымъ занять каѳедру математики въ римскомъ университетѣ въ 1499 году, будучи двадцати семи лѣтъ отъ роду.

Молодой профессоръ обладалъ рѣдкимъ даромъ изложенія, и вокругъ его каѳедры собиралась многочисленная аудиторія. Онъ читалъ астрономію по *Альмагесту* Птоломея; онъ желалъ излагать основы, установленныя знаменитымъ александрійскимъ астрономомъ, какъ можно яснѣе и методичнѣе, а потому часто размышлялъ и разбиралъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ. Онъ вскорѣ нашелъ, что основы эти были слишкомъ сложны и слишкомъ далеки отъ обычной простоты, признанныхъ за вѣрные, законовъ природы.

Многіе до Коперника, напримѣръ Рожеръ Баконъ, не удовлетворялись астрономической системой Птоломея. Требовалось найти болѣе простую и истинную, а этого, со времени паденія пиѳагорейскихъ школъ, не смѣлъ предпринять ни одинъ астрономъ.

---

[1]) Kopernik et ses travaux, p. 31.

Трудные вопросы часто обезсиливаютъ посредственные умы; они же, напротивъ, возбуждаютъ дѣятельность геніевъ. Коперникъ рѣшился отыскать астрономическую систему, болѣе соотвѣтствующую природѣ, чѣмъ Птоломеева. Въ этомъ намѣреніи, по собственнымъ словамъ, „онъ рѣшился перечесть всѣ ученыя древнія сочиненія, какія только могъ достать, чтобы узнать, нѣтъ ли въ нихъ какого нибудь другаго мнѣнія, кромѣ общепринятаго въ школахъ, относительно движенія міровыхъ сферъ [1]).“

Во первыхъ, онъ нашелъ у Цицерона, что Ницетъ излагалъ мнѣніе, что земля движется. Онъ нашелъ у Плутарха, что и другіе были того же мнѣнія. Коперникъ буквально приводитъ слова Плутарха о системѣ Филолая, а именно: „что земля обращается вокругъ области огня (эфирной области), пробѣгая зодіакъ, какъ солнце и луна.“

Главнѣйшіе изъ пиѳагорейцевъ проповѣдовали то же ученіе. Земля, по ихъ мнѣнію, вовсе не стояла неподвижно въ центрѣ міра; она движется по кругу; она далеко не занимаетъ перваго мѣста между небесными тѣлами. Тимей Локрейскій называлъ извѣстныя тогда пять планетъ *органами времени*, по причинѣ ихъ обращенія, и прибавлялъ: „*Не слѣдуетъ думать, что земли стоитъ неподвижно на мѣстѣ; она, напротивъ, обращается вокругъ самое себя, перемѣняя мѣсто въ пространствѣ.*“

Архимедъ говоритъ, что Аристархъ Самосскій написалъ сочиненіе, имѣвшее цѣлью доказать, что *солнце неподвижно и что земля движется вокругъ него, описывая круглую кривую, центромъ которой служитъ солнце* [2]). Трудно найти свидѣтельство болѣе ясное и положительное. Аристархъ былъ обвиненъ въ невѣріи, въ томъ, что „потревожилъ покой Весты.“ Его книга потеряна; другими словами, поборники культа Весты уничтожили всѣ имѣвшіяся рукописи этой книги.

Несомнѣнно, что древніе, во времена предшествовавшія учрежденію александрійской школы, имѣли болѣе или менѣе полное по-

---

[1]) Предисловіе къ *Revolut. coelest.*

[2]) Архимедъ въ *Prammite.*

КОПЕРНИКЪ НАБЛЮДАЕТЪ ЛУННОЕ ЗАТМѢНІЕ ВЪ РИМѢ.

нятіе объ истинной системѣ міра, и что эта идея была выводомъ изъ размышленій и наблюденій. Какимъ образомъ Аристархъ Самосскій могъ написать цѣлую книгу, еслибъ въ пользу его системы міра не имѣлось ни одного доказательства? Эта система была, какъ мы уже говорили въ первомъ томѣ настоящаго сочиненія, несомнѣнно таже самая, которую принималъ Иппархъ, безъ сомнѣнія искуснѣйшій изъ всѣхъ греческихъ астрономовъ; и вѣроятно, по этой-то причинѣ его сочиненія не дошли до насъ. Птоломей долженъ былъ знать ихъ, такъ какъ онъ заимствовалъ массу результатовъ, полученныхъ при помощи наблюденія и вычисленія, результатовъ, которые онъ ввелъ въ свою систему. Только онъ отвергалъ въ нихъ все, что противорѣчило древнимъ религіознымъ догматамъ; твердо убѣжденный, что послѣдователи Аристарха Самосскаго и Иппарха—если они только существовали еще—не осмѣлятся ему противорѣчить, Птоломей въ своемъ *Альмагестѣ* опровергаетъ, и весьма неискусно порою, двойное движеніе земли.

Итакъ, Коперникъ нашелъ у древнихъ писателей не описаніе истинной системы міра, уже оставленной около шестнадцати вѣковъ, но общую мысль, служившую ей основаніемъ. Конечно, важно уже было знать, въ чемъ заключается это основаніе и имѣть увѣренность, что ученые философы и искуснѣйшіе математики древности раздѣляли эту мысль. Но недостаточно было знать основаніе системы,—слѣдовало создать самую систему. Въ этомъ отношеніи все сдѣлано самимъ Коперникомъ. Чтобъ только приступить къ этому огромному труду, требовалось сдѣлать новыя наблюденія, большія вычисленія, и кромѣ того — геній.

Мы оставили Коперника въ Римѣ профессоромъ математики. Въ 1500 году, онъ наблюдалъ въ Римѣ лунное затменіе.

На папскомъ престолѣ сидѣлъ тогда Александръ VI, который сжегъ Савонаролу, одного изъ предшественниковъ Лютера. Римъ страдалъ и отъ внутреннихъ неурядицъ и отъ внѣшнихъ войнъ; никто въ немъ не былъ въ безопасности, а особенно свободномыслящіе люди. Коперникъ разсудилъ, что онъ въ отечествѣ скорѣе найдетъ независимость и спокойствіе, необходимыя для научныхъ занятій. Поэтому въ 1502 году, онъ вернулся въ Варшаву.

Двѣ, равно почетныя, дороги открывались передъ нимъ въ Польшѣ. Онъ могъ заниматься медициной, которую изучалъ съ большимъ успѣхомъ, или же искать каѳедры своего бывшаго профессора Альберта Брудзевскаго; каѳедра была вакантна уже семь лѣтъ, со смерти Брудзевскаго. Въ Краковѣ его дружески встрѣтили бывшіе товарищи. Поддерживаемый ими и пользуясь общимъ уваженіемъ, онъ легко могъ получить каѳедру. Но онъ предпочиталъ всему спокойствіе и уединеніе; ему хотѣлось отказаться отъ свѣта и вступить въ духовное званіе.

Краковскій епископъ, Янъ Канарскій, и его викарій Якубъ Заремба посвятили его въ монашество. Сдѣлавшись священникомъ, онъ все свое время посвящалъ тремъ вещамъ: духовнымъ обязанностямъ, леченію бѣдныхъ больныхъ и изысканіямъ новой астрономической системы.

Такимъ образомъ проживалъ онъ въ Краковѣ, или Торуни, окруженный нѣсколькими старинными друзьями своего семейства, какъ въ 1510 году, по рекомендаціи своего дяди, онъ былъ назначенъ каноникомъ въ Фрауенбургъ, небольшой городокъ на Вислѣ, который съ 1454 года, въ силу Торунскаго договора, принадлежалъ Польшѣ.

Въ тѣ времена, мѣсто каноника было завѣтной мечтою всѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, ибо оно соединяло *otium cum dignitate*. Но по рѣдкому и несчастному исключенію, Коперникъ не нашелъ въ Фрауенбургѣ ни уединенія, ни свободы.

Въ Германіи существовалъ тогда полумонашескій, полувоенный орденъ, отличавшійся буйными нравами, весьма враждебный Польшѣ,—орденъ *тевтонскихъ* рыцарей. Рыцарей этихъ ненавидѣли во всѣхъ сосѣднихъ къ ихъ владѣніямъ городахъ за всякія насилія и безчинства. Они не оставили въ покоѣ и мѣстопребыванія нашего каноника–астронома. Всякій разъ, какъ Коперникъ жаловался на нихъ, они отвергали существованіе факта, или отвѣчали клеветами. Нарушивъ его права поссесіи, они его же обвинили передъ Познанскимъ сеймомъ, какъ зачинщика ссоры. Только покровительство епископа вармійскаго защитило Коперника.

Освобожденный на нѣкоторое время отъ притѣсненій буйныхъ сосѣдей, Коперникъ занялся учеными работами, не пренебрегая

впрочемъ своими духовными обязанностями. Своимъ характеромъ, достоинствами и талантами онъ заслужилъ уваженіе и довѣріе корпуса канониковъ. Во всѣхъ важныхъ вопросахъ обращались къ нему

Созывался грудзонскій сеймъ. Краковскій университетъ назначилъ его членомъ этого сейма и поручилъ ему представлять коллегію канониковъ. Въ тоже время, епископы поручили ему управленіе имѣніями ихъ епархій.

Коперникъ слишкомъ любилъ изученіе небесныхъ созвѣздій, чтобы съ любовью заниматься административными дѣлами. Но когда ему пришлось получить такого рода порученіе, онъ исполнялъ его такъ, чтобы оправдать довѣріе, ему оказанное. Въ 1513 году, по смерти епископа Фабіана, будучи назначенъ администраторомъ епархіи, онъ замѣтилъ, что церковными имѣніями неправильно завладѣлъ тевтонскій орденъ. Слѣдовало озаботиться возстановленіемъ нарушенныхъ правъ. Онъ зналъ уже по опыту, съ какого рода людьми ему придется имѣть дѣло. Но будучи человѣкомъ твердаго и рѣшительнаго характера, онъ не отказался отъ предстоящей борьбы. Онъ обратился къ королю Сигизмунду I. Онъ обратилъ его вниманіе на право владѣнія и получилъ позволеніе преслѣдовать судомъ тевтонскій орденъ.

Требовалось и время, и благоразуміе для веденія этого процесса. Наконецъ орденъ былъ принужденъ уступить. Тевтонскіе рыцари, раздраженные потерей этого процесса, грозили и проклинали Коперника; они распускали про него всякія сплетни.

На грудзонскомъ сеймѣ долженъ былъ разсматриваться очень важный вопросъ. Перемѣна монетъ, считавшаяся въ средніе вѣка и времена Возрожденія однимъ изъ лучшихъ финансовыхъ источниковъ государства, была доведена до крайности въ Польшѣ. Дѣло дошло до того, что иностранные купцы не мѣняли своихъ товаровъ ни на что, кромѣ слитковъ золота и серебра. Въ то время, многіе польскіе города имѣли привилегію чеканить монету, и слѣдствіемъ этого была полная монетная анархія, чѣмъ воспользовался тевтонскій орденъ и пустилъ въ обращеніе монету, въ которой мѣди было больше, чѣмъ серебра. Со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на затрудненія и злоупотребленія, происхо-

дящія отъ обращенія негодныхъ монетъ. Такое положеніе вещей стало невыносимо, и слѣдовало принять мѣры для устраненія злоупотребленій на будущее время.

Объ этомъ-то и пришлось Копернику говорить на сеймѣ. Онъ указалъ происхожденіе зла и показавъ, что опасность грозитъ всей Польшѣ, предложилъ, для возстановленія кредита и спасенія отъ неминуемаго разоренія торговли и національной промышленности, уничтожить привилегію, данную городамъ, чеканить монету и чтобы впредь монета чеканилась по одному образцу и подъ королевскимъ надзоромъ. Далѣе, чтобы старая монета была изъята изъ обращенія и замѣнена новой. Чтобы во всѣхъ земляхъ польской короны, при всяческихъ торговыхъ сдѣлкахъ, употреблялась только національная монета.

Реформа, предлагавшаяся Коперникомъ, была ясна, проста и, очевидно, полезна; приложенію ея могли помѣшать только тѣ, чьи привилегіи при этомъ нарушались. Они и помѣшали. Противъ Коперника возстали всѣ, кто спекулировалъ на испорченной монеты; съ другой стороны города, имѣвшіе право чеканки, стали защищать свои права. Проектъ остался въ архивахъ сейма. Лейбницъ напрасно розыскивалъ эту рукопись; въ 1801 году, прусскій король вытребовалъ ее и отдалъ на храненіе въ кенигсбергскій архивъ. Офиціальная копія съ этого документа хранится въ Варшавѣ.

Не смотря на разнообразные занятія и козни, которыя строили ему отъ времени до времени непримиримые враги его тевтонскіе рыцари, Коперникъ продолжалъ заниматься науками, и какъ только былъ свободенъ, отправлялся на башню, служившую ему обсерваторіей, и принимался за изысканія, необходимыя для основанія астрономической системы. Рукопись знаменитаго сочиненія, въ которомъ онъ изложилъ свою астрономическую систему, была окончена въ 1530 году, но онъ не отдавалъ ее въ печать. Если вѣрно, что еще въ то время, какъ преподавалъ математику въ Римѣ, онъ началъ считать Птоломееву систему несогласной съ истинными законами природы, и рѣшился заняться изысканіями, ради основанія новой системы, менѣе сложной и болѣе удовлетворительной, то на эту работу онъ употребилъ около тридцати лѣтъ.

Между тѣмъ, тевтонскіе рыцари все еще сильно враждовали противъ нашего каноника. Саверьенъ разсказываетъ, что они обвиняли его даже въ томъ, что онъ будто слишкомъ много занимается науками и не внимателенъ къ обязанностямъ священника [1]). Но такъ какъ онъ не печаталъ еще ни одного астрономическаго сочиненія, то они не могли сдѣлать противъ него ни одного прямаго обвиненія на счетъ мнѣній, которыя ему болѣе или менѣе въ темныхъ выраженіяхъ приписывали ученые, на счетъ движенія земли.

Чтобы поколебать уваженіе и почтеніе, которымъ онъ пользовался, они распространяли про него слухи, способные сдѣлать его въ глазахъ большинства смѣшнымъ. Рыцари нанимали бродячихъ комедіантовъ и скомороховъ, чтобы они, странствуя по городамъ, пародировали Коперника въ своихъ фарсахъ. Чѣмъ болѣе паясничалъ комедіантъ въ роли мечтателя-астронома, тѣмъ больше было смѣху и рукоплесканій въ толпѣ.

Комедіанты всюду имѣли огромный успѣхъ, даже въ сосѣдствѣ съ городомъ, гдѣ жилъ Коперникъ. Друзья, въ негодованіи, просили его принять мѣры противъ этихъ представленій. „Оставьте ихъ," отвѣчалъ онъ. „Я никогда не искалъ рукоплесканій толпы, я изучалъ то, что для нея никогда не будетъ предметомъ уваженія и одобренія, и никогда не занимался вещами, которыя она одобряетъ."

Онъ продолжалъ по прежнему лечить бѣдныхъ и самъ приготавливалъ для нихъ лекарства. Искусный врачъ, онъ лечилъ весьма удачно, и слава его распространялась далеко; къ нему являлись больные, отъ которыхъ отказывались другіе доктора. Если народъ не удивлялся ему какъ астроному, то онъ удивлялся его трогательной заботливости о бѣдныхъ, его трудамъ на общую пользу.

Городокъ Фрауенбургъ лежитъ на холмѣ, далеко отъ воды Жителямъ приходилось ходить за водою полверсты къ рѣчкѣ Бандѣ. Коперникъ построилъ снарядъ, которымъ вода изъ рѣки

---

[1]) *Histoire des Philosophes modernes*, t. V, p. 87.

подымалась въ городъ. Онъ сперва устроилъ шлюзу, при помощи которой рѣка стала омывать подошву холма. Тамъ онъ установилъ свой остроумный приборъ, приводимый въ движеніе, безъ сомнѣнія, силой теченія, и подымавшій воду на церковную колокольню. Мы не имѣемъ точнаго описанія этой машины; но достовѣрно извѣстно, что фрауенбургскимъ горожанамъ, во времена Коперника, не приходилось ходить на рѣку за водою. Въ благодарность, они близъ машины установили камень, на которомъ было высѣчено имя ихъ благодѣтеля.

Таланты, добродѣтели и христіанская любовь Коперника; его полное презрѣніе къ уличнымъ комедіантамъ, изображавшимъ его въ смѣшномъ и шутовскомъ видѣ,—произвели сильную реакцію въ его пользу. Всѣ честные люди возмутились противъ такихъ зрѣлищъ и вскорѣ освистанные и ошиканные комедіанты не смѣли даже слегка намекать на Коперника [1]).

На латранскомъ соборѣ, когда подняли вопросъ о календарной реформѣ, была назначена комиссія, подъ предсѣдательствомъ епископа Павла миддельбургскаго. Коперникъ въ это время еще ничего не печаталъ по астрономіи, но его обширныя свѣдѣнія были извѣстны всѣмъ. Павелъ миддельбургскій писалъ ему, приглашая сообщить комиссіи результаты его наблюденій и вычисленій, и помочь ей своими совѣтами [1]). Считая еще преждевременнымъ обнародованье своихъ вычисленій, онъ не могъ остаться безучастнымъ къ приглашенію, исходившему изъ Рима, и послалъ комиссіи копію съ своихъ рукописныхъ таблицъ.

Еще болѣе доказываетъ, какимъ высокимъ уваженіемъ пользовались работы Коперника, письмо, приводимое Гассенди, написанное Копернику кардиналомъ Капуи, Николаемъ Шомбергомъ, 1-го ноября 1536 года.

„Уже нѣсколько лѣтъ,—пишетъ кардиналъ Шомбергъ,—такъ много говорятъ о твоихъ достоинствахъ, что я самъ пожелалъ, по внимательномъ разсмотрѣніи твоихъ мыслей, находиться, въ нашей странѣ, въ числѣ лицъ, у которыхъ ты пользуешься такой извѣстностью. Я вижу, что ты не только съ рѣдкимъ искусствомъ изучилъ

---

[1]) Gassendus, *Copernici Vita*.

[2]) *Loco citato*.

труды и открытія древнихъ математиковъ, но что кромѣ того, ты изобрѣлъ новое толкованіе небесной механики. Ты научаешь насъ, что земля движется; что солнце неподвижно стоитъ въ центрѣ міра; что луна, находящаяся между Марсомъ и Венерой, совершаетъ, съ принадлежащими къ ея сферѣ элементами, годовое обращеніе вокругъ солнца. Я узналъ также, что ты выработалъ толкованія, имѣющія предметомъ объяснить истину новой астрономіи, и что ты составилъ таблицы, въ которыхъ съ точностію вычислены движенія звѣздъ, таблицы, возбудившія удивленіе всѣхъ, кто ихъ разсматривалъ. Вотъ почему, высокоученый мужъ, я тебя настоятельно прошу,—если могу просить объ этомъ, не будучи не скромнымъ,—сообщить мнѣ о твоихъ открытіяхъ и т. д. [1]).“

Однимъ изъ людей, наиболѣе способствовавшихъ распространенію чувства удивленія, столь живо выраженнаго въ прекрасномъ письмѣ кардинала Шомберга, часть котораго мы сейчасъ привели, былъ Георгъ Іоахимъ Ретикусъ, весьма замѣчательный молодой профессоръ, сдѣлавшійся любимымъ ученикомъ Коперника.

Ретикусъ преподавалъ математику въ Виттенбергѣ, когда онъ услышалъ о фрауенбургскомъ астрономѣ. Онъ былъ недоволенъ гипотезами, составляющими астрономическую систему Птоломея; система Коперника очаровала его своею простотою, и онъ не сомнѣвался, что она болѣе согласна съ законами природы. Онъ оставилъ каѳедру, вышелъ въ отставку и отправился въ Польшу, съ намѣреніемъ отыскать Коперника и сдѣлаться его ученикомъ и другомъ. Это было въ 1539 г.

Прежде чѣмъ отправиться въ Фрауенбургъ, Ретикусъ навѣстилъ въ Нюренбергѣ весьма имъ уважаемаго человѣка. То былъ Шонеръ, профессоръ математики. Онъ объявилъ ему о своемъ желаніи стать ученикомъ Коперника, чтобы имѣть возможность вполнѣ постигнуть его ученіе. Шонеръ одобрилъ это намѣреніе.

Ретикусъ отправился въ Фрауенбургъ. Онъ получилъ отъ Коперника дозволеніе остаться при немъ и участвовать въ его трудахъ.

Пробывъ около двухъ мѣсяцевъ съ Коперникомъ, Ретикусъ проникнулся величайшимъ къ нему удивленіемъ и написалъ къ Шонеру письмо, въ которомъ излагаетъ отчасти новую астроно-

---

[1]) Gassendus, *Copernici Vita*, p. 25.

мическую теорію. Это письмо, напечатанное подъ заглавіемъ *Narratio prima*, было присоединено въ видѣ приложенія къ сочиненію *de Revolutionibus*. Мы, слѣдуя Гассенди, приведемъ изъ него нѣсколько отрывковъ:

„Желаю я, высокоученый докторъ Шонеръ,—пишетъ Ретикусъ,—чтобъ во первыхъ ты принялъ, что замѣчательный человѣкъ, творенія котораго я теперь изучаю, не ниже Регіомонтануса своими знаніями и дарованіями, какъ въ астрономіи, такъ и въ другихъ родахъ знанія. Я охотно однако сравню его съ Птоломеемъ. Не потому, чтобы славный греческій астрономъ казался мнѣ выше Регіомонтануса, но покому, что у него то общее съ моимъ учителемъ, что онъ могъ при помощи Провидѣнія, окончить развитіе своей теоріи, между тѣмъ какъ по жестокому приговору судьбы, жизнь Регіомонтануса прекратилась раньше, чѣмъ онъ успѣлъ поставит столбы, на которыхъ хотѣлъ воздвигнуть зданіе.

„...Когда, высокоученый докторъ Шонеръ,—продолжаетъ Ретикусъ,—годъ назадъ, у тебя, я разсматривалъ труды по теоріи небесныхъ движеній, совершенные нашимъ Регіомонтанусомъ, Пурбахомъ, его учителемъ, и тобою, а также другими знаменитыми математиками, я началъ понимать, сколько должно быть совершено изысканій, изслѣдованій, необходимыхъ работъ для того, чтобы астрономія, эта царица млтематическихъ наукъ, заняла подобающее ей царственное мѣсто. Но Богу угодно было сдѣлать меня свидѣтелемъ исполненія этихъ громадныхъ работъ, высшихъ, чѣмъ я представлялъ себѣ работъ, тяжесть которыхъ поддерживаетъ мой учитель, радуясь—что превозмогъ представлявшіяся трудности. Сознаюсь, что даже въ мечтаніяхъ я не предчувствовалъ и тѣни этой грандіозной работы [1].“

Коперникъ съ великою скромностію отвѣчалъ на чувство удивленія, которое выражали къ нему. Не изъ умственнаго тщеславія, не изъ любви къ новостямъ, говоритъ онъ, дѣлалъ я изысканія, чтобы инымъ способомъ объяснить причину небесныхъ явленій. Подвигнутый самымъ ходомъ дѣла, то-есть развитіемъ человѣческихъ знаній, онъ былъ принужденъ избрать иную дорогу противъ той, которой преимущественно слѣдовали древніе, а именно Птоломей. Онъ проповѣдовалъ величайшее уваженіе къ древнимъ, и всегда съ чувствомъ удивленія говорилъ о Птоломеѣ, теорію котораго онъ вполнѣ отвергалъ. Онъ называлъ его *знаменитѣйшимъ изъ математиковъ*. Про Иппарха же говорилъ, что онъ *отличался удивительною мудростью*.

Ретикусъ послалъ 9-го октября 1539 г. математику Шонеру свою *Narratio prima*, содержащую краткое изложеніе третьей

---

[1] *Gassendi, Copernici Vita.*

книги сочиненія Коперника. Онъ послалъ по экземпляру этого посланія къ своему другу, математику Ахиллу Гассарусу, который обнародовалъ его въ 1541 году.

Никогда ученикъ не распространялъ съ такою ревностью славу своего учителя, какъ Ретикусъ славу Коперника. Онъ ставилъ фрауенбургскаго астронома выше всѣхъ современниковъ и, порою, говоря о немъ, повидимому не находилъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы выразить все свое удивленіе и почтеніе. Такъ, въ посланіи Гартману [1]), сказавъ, что Коперникъ по меньшей мѣрѣ равенъ по таланту всѣмъ великимъ мужамъ древности въ наукахъ и искусствахъ и особенно въ астрономіи, онъ прибавляетъ:

„Мы должны радоваться, что нашъ вѣкъ произвелъ столь рѣдкаго генія, который могущественно способствуетъ усиліямъ человѣческаго ума, проливая свѣтъ на необходимѣйшіе предметы изученія. Что до меня, то, думаю, для человѣчества не можетъ быть болѣе счастливаго обстоятельства, какъ быть въ короткихъ отношеніяхъ съ подобнымъ человѣкомъ. Если когда нибудь въ словесной республикѣ будетъ воздана хвала моимъ сочиненіямъ, то желаю, чтобы достоинства ихъ были приписаны моему учителю, и въ этомъ впредь будетъ состоять цѣль, для которой я занимаюсь науками. Такимъ образомъ, посылая тебѣ это сочиненіе, написанное, какъ я знаю, весьма хорошо,—я желаю только распространить славу знаменитаго человѣка, его написавшаго, я желалъ бы, чтобы ты былъ въ восхищеніи отъ такого подарка".

Ретикусъ уѣхалъ отъ своего учителя, изучивъ начала его астрономической системы, и освоившись, подъ его руководствомъ, съ наблюденіями звѣзднаго неба.

Коперникъ написалъ *Руководство къ прямолинейной и сферической тригонометріи.* Онъ, разставаясь съ ученикомъ своимъ, передалъ ему рукопись этого сочиненія. Ретикусъ, въ свою очередь, отдалъ ее одному изъ нюренбергскихъ профессоровъ, такъ какъ Георгъ Германъ, другъ отца Коперника, предлагалъ обнародовать ее.

Тригонометрія Коперника дѣйствительно была напечатана Георгомъ Германомъ въ Виттенбергѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *De lateribus et angulis triangulorum tum planorum rectilinearum, tum sphæricorum, libellus eruditissimus et utilissimus,*

[1]) Gassendus, *Copernici Vita*, p. 30.

cum ad plerasque Ptolomei demonstrationes intellegendus, tum vera ad alia multa, scriptus clarissimo et doctissimo viro D. Nicolas Copernico Toronensi. Во главѣ этого сочиненія находится посланіе къ Георгу Герману.

Гассенди приводитъ часть этого посланія, которое начинается такъ:

„Желающимъ объяснить Птолемея, приходится часто имѣть дѣло съ треугольниками, и я конечно желалъ бы, чтобы древнія сочиненія Менелая и Θеодора существовали въ наше время. Регіомонтанусъ написалъ подобное же сочиненіе. Но знаменитый Коперникъ, задолго до того времени, какъ могъ узнать о немъ, составилъ весьма ученое сочиненіе о треугольникахъ, въ то время, когда, перечитывая Птолемея, онъ работалъ надъ своей собственной теоріей небесныхъ движеній. Ты любилъ брата Коперника, котораго зналъ въ Римѣ. Я увѣренъ, что полюбишь и самого автора, этого геніальнаго человѣка, который во всѣхъ наукахъ и особенно въ астрономіи, равенъ славнѣйшимъ изъ ученыхъ".

Это небольшое сочиненіе Коперника способствовало развитію тригонометріи, ибо содержитъ въ себѣ рѣшеніе важной задачи, какъ *въ любомъ сферическомъ треугольникѣ, по тремъ даннымъ сторонамъ, опредѣлить углы,* и обратно, *какъ въ данныхъ треугольникахъ опредѣлить три стороны въ случаѣ, когда нѣтъ ни одного прямаго угла.*

Деламбръ слишкомъ строго судилъ объ этомъ сочиненіи, говоря, что

„Коперникъ доказалъ различныя теоремы Птолемея; но онъ беретъ половины хордъ, не называя ихъ впрочемъ *синусами*. Его таблицы вычислены только отъ 10' до 10'. Онъ не говоритъ о тангенсахъ. Въ его прямолинейной тригонометріи нѣтъ ничего новаго. Въ тригонометріи сферической, онъ доказываетъ теорему четырехъ синусовъ, онъ доказываетъ, при помощи дополнительныхъ треугольниковъ, четыре теоремы о прямоугольныхъ треугольникахъ... Мысль объ этихъ дополнительныхъ треугольникахъ взята изъ пятой книги Регіомонтануса".

Янъ Снядецкій доказалъ, что Деламбръ сдѣлалъ ошибку въ этой части исторіи математики [1]). Регіомонтанусъ дѣйствительно сдѣлалъ это открытіе, но по словамъ Гассенди оно долго было неизвѣстно, и Коперникъ не могъ знать о немъ въ то время, какъ писалъ свою тригонометрію. Регіомонтанусъ, уже славный

---

[1]) J. Sniadeski, *Discours sur Copernic*, p. 84.

въ Германіи въ 1573 г., въ годъ рожденія Коперника, былъ отозванъ въ Римъ ради работъ по исправленію календарей, и тамъ умеръ. Онъ сообщилъ Вальтерусу, своему другу и сотруднику, богатому нюренбергскому гражданину, свои открытія и рукописи. Нѣкоторыя изъ его рукописей были утрачены, другія были напечатаны долгое время спустя. Вальтерусъ умеръ, не обнародовавъ ввѣренныхъ ему рукописей; его наслѣдники не обращали вниманія на эту статью наслѣдства и растеряли большую часть ея; остальную, вѣроятно, постигла та же участь, еслибъ одинъ нюренбергскій судья не купилъ ихъ и не поручилъ ихъ обнародованія Шонерамъ, отцу и сыну. Въ этой уцѣлѣвшей части рукописей Регіомонтануса и находилось его сочиненіе о прямолинейной и сферической тригонометріи.

Къ замѣчанію Снядецкаго, надо прибавить результаты изысканій Яна Цынскаго, который собралъ огромное количество матеріаловъ относительно жизни и трудовъ Коперника.

„Въ этой тригонометріи, говоритъ онъ [1]), обнародованной Ретикусомъ, находятся первыя таблицы синусовъ, вычисленныя на каждую минуту, на радіусъ въ 10,000,000, между тѣмъ какъ таблицы Регіомонтануса были вычислены только для радіуса въ 60,000. Ретикусъ, поощренный своимъ учителемъ и слѣдуя его совѣтамъ, довелъ эти таблицы, вычисляя на каждыя десять секундъ, до радіуса 1,000,000,000,000,000. Если этотъ огромный трудъ, обнародованный Отто по смерти Ретикуса, подъ заглавіемъ *Palatinum de triangularis*, оказалъ огромную пользу математикамъ, то это слѣдуетъ приписать примѣру, поощренію и предварительнымъ работамъ Коперника“.

Теперь слѣдуетъ говорить о сочиненіи *de Revolutionibus orbium cœlestium* и его обнародованіи.

У Коперника было небольшое число близкихъ друзей, избранныхъ и ученыхъ людей. Онъ сообщалъ имъ свои взгляды, свои работы, и по ихъ совѣту прибавилъ къ нѣкоторымъ частямъ своего сочиненія необходимыя подробности. Епископъ кульмскій, Тидеманъ Гизіусъ, родомъ полякъ, болѣе другихъ способствовалъ развитію нѣкоторыхъ главъ своими правдивыми замѣчаніями, своими глубокими знаніями и тою ревностью, которую ему внушала

---

[1]) Jean Czynski, *Kopernik et ses travaux*, p. 65.

33*

истинная дружба. Онъ же болѣе другихъ настаивалъ на обнародованіи сочиненія.

„Почтенные люди и ученые математики, говоритъ Ретикусъ, должны, также какъ я, чувствовать великую благодарность епископу кульмскому за то, что онъ сдѣлалъ это сочиненіе достояніемъ литературной республики.“

Что касается до самого Коперника, то послушаемъ Гассенди.

„Коперникъ, говоритъ онъ, охотно соглашался обнародовать все то, что есть въ его книгѣ истинно полезнаго; но онъ не привыкъ имѣть о себѣ великое мнѣніе, и кромѣ того предвидѣлъ, что его мнѣнія, въ силу своей новости, могутъ быть непріятны для огромнаго числа лицъ. Поэтому онъ считалъ, что лучше никому не сообщать своихъ трудовъ, кромѣ друзей, кромѣ тѣхъ, кто любитъ истину и правду, какъ это предписывалось въ пиѳагорейскихъ школахъ, гдѣ передавали ученіе другъ другу, не подвергая себя нареканіямъ толпы [2].“

Въ своемъ посланіи папѣ Павлу III, служащемъ предисловіемъ къ сочиненію *о вращеніи небесныхъ тѣлъ*, Коперникъ говоритъ, что онъ долго колебался его обнародовать. Ему казалось, что лучше слѣдовать примѣру нѣкоторыхъ пиѳагорейцевъ, которые ничего не писали, а сообщали устно своимъ адептамъ тайны философіи. Вотъ слова знаменитаго астронома:

„Люди высокопоставленные, говоритъ онъ, и въ довольно большомъ числѣ, побуждали меня въ интересахъ математическихъ наукъ напечатать мое сочиненіе, и не медлить долѣе въ его напечатаніи, ради страха. Они полагали, что чѣмъ глупѣе покажется его ученіе большинству, по причинѣ движенія земли, тѣмъ съ большимъ удивленіемъ и уваженіемъ примутъ его сочиненіе, когда въ силу ясныхъ доказательствъ, самыя темныя мѣста станутъ понятны; и убѣжденный этими доводами, а равно нѣсколько соблазненный возможностью успѣха, онъ наконецъ дозволилъ друзьямъ приступить къ печатанію, о чемъ они такъ долго его уговаривали.“

Онъ наконецъ уступилъ настояніямъ друзей своихъ. Онъ отдалъ Гизіусу сочиненіе съ приложеніемъ посланія къ папѣ и далъ ему право распорядиться по усмотрѣнію. Гизіусъ встрѣчалъ Ретикуса въ Фрауенбургѣ, а потому зналъ его таланты и привязанность къ Копернику. Полагая, что лучшаго издателя нельзя найти, онъ передалъ ему рукопись.

Ретикусъ полагалъ, что нигдѣ нельзя тщательнѣе издать книги,

---

[2]) Gassendus, *Vita Copernici*, p. 31.

какъ въ Нюренбергѣ, ибо если самому и нельзя будетъ слѣдить за печатаніемъ, то въ этомъ городѣ у него много людей, замѣчательныхъ своими талантами, каковы Шонеръ, Озіандеръ и другіе, которые съ удовольствіемъ займутся этимъ [1]).

Озіандеръ принялъ къ сердцу это предпріятіе, и ему поручено было руководить имъ. Онъ не ограничился надзоромъ за печатаніемъ; онъ написалъ небольшое предисловіе, нѣчто въ родѣ предувѣдомленія къ читателю, которое помѣстилъ во главѣ книги, не называя себя по имени и безъ оговорки, что не авторъ написалъ предисловіе. Озіандеръ при этомъ обнаружилъ излишнюю ревность, ибо предувѣдомленіе это совершенно несогласно съ образомъ мыслей Коперника.

„Озіандеръ, говоритъ Гассенди, не ограничился надзоромъ за печатаніемъ; но онъ прибавилъ безъимянное небольшое предисловіе, обращенное къ читателю, относительно *гипотезъ*, *предложенныхъ въ сочиненіи*. При этомъ Озіандеръ имѣлъ намѣреніе (хотя Коперникъ положительно принималъ движеніе земли не какъ простую гипотезу, но какъ достовѣрную для его ума истину) успокоить тѣхъ, что будетъ скандализованъ этимъ мнѣніемъ, и извинить автора тѣмъ, что онъ движеніе земли принимаетъ не за *доказанное*, а какъ простую *гипотезу*".

Это предисловіе, полное неувѣренности и колебаній, было совершенно противоположно характеру Коперника и всѣмъ его поступкамъ. А поэтому, не здѣсь слѣдуетъ искать истинныхъ чувствъ автора, но въ его *Посланіи къ папѣ*, написанномъ съ убѣжденіемъ и достоинствомъ. Уваженіе и удивленіе, связанное съ его памятью, уменьшились бы вслѣдствіе этого предисловія, еслибы Гассенди въ ту эпоху, когда еще существовали бумаги и письма современниковъ Коперника, не потрудился возстановить истину и указать, что предисловіе принадлежитъ Озіандеру, а не Копернику.

Мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь предисловіе Озіандера, находящееся во главѣ сочиненія *de Revolutionibus*.

„Ученые будутъ изумлены новостью гипотезы, на которой основана эта книга, гдѣ предполагается, что земля движется вокругъ солнца, которое стоитъ неподвижно; но если потрудятся внимательнѣе разсмотрѣть ее, то увидятъ, что авторъ вовсе не

---

[1]) Gassendus, *Copernici Vita*, p. 36.

заслуживаетъ порицанія. Цѣль астронома наблюдать небесныя тѣла и открывать законы ихъ движеній, истинныя причины которыхъ невозможно указать; поэтому, позволительно произвольно придумать ихъ подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы они могли геометрически изобразить состояніе неба; и вовсе не требуется, чтобы эти гипотезы были вѣрны, или вѣроятны. Достаточно, если они приводятъ къ положеніямъ, согласнымъ съ наблюденіями. Если астрономъ принимаетъ извѣстные принципы, то не для того, чтобы утверждать истину, а только для того, чтобы дать основаніе своимъ вычисленіямъ [1])".

Г. Бертранъ находитъ, что эти слова Озіандера противны, какъ чувствамъ, такъ и мысли Коперника; и дѣйствительно, они въ совершенномъ противорѣчіи съ слѣдующей за ними твердой и точной рѣчью *Посланія къ папѣ Павлу III*.

„Я посвящаю мое сочиненіе твоему святѣйшеству, говоритъ Коперникъ, дабы всѣ, ученые и невѣжды, могли видѣть, что я не убѣгаю отъ суда и разсмотрѣнія. Твоя власть и твоя любовь къ наукамъ вообще, и къ математикѣ въ особенности, послужатъ мнѣ щитомъ противъ злыхъ и коварныхъ клеветниковъ, въ противность пословицѣ, утверждающей, что нѣтъ средства противъ укушенія клеветника".

Какъ только печатаніе было окончено и книга готова была къ выпуску, Ретикусъ поспѣшилъ послать экземпляръ автору. Но смерть уже приближалась къ нему. Коперникъ пользовался довольно крѣпкимъ здоровьемъ всю свою жизнь, когда у него сдѣлалось незначительное кровотеченіе. Затѣмъ внезапно послѣдовалъ апоплексическій ударъ, приведшій къ параличу правой стороны тѣла. Начиная съ этого времени, память его значительно стала ослабѣвать, и онъ сталъ заботиться только о будущей жизни.

За нѣсколько часовъ до смерти, прибылъ экземпляръ его книги, посланный Ретикусомъ. Ему показали; онъ могъ посмотрѣть на него, но мысли его были далеки отъ книги. Приготовленный, какъ слѣдуетъ, къ смерти, онъ отдалъ свою душу Богу 24 мая 1543 г.

Онъ былъ погребенъ въ одной изъ вармійскихъ церквей, которой былъ каноникомъ. На скромномъ камнѣ, покрывающемъ его могилу, вырѣзано слѣдующее (по-латыни): „Я не прошу милости, оказанной Павлу, ни данной Петру; я умоляю только о милости, оказанной Тобою разбойнику, распятому подлѣ Тебя."

---

[1]) Bertrand, *Les fondateurs de l'astronomie moderne*. In-8° Paris, 1865, p. 51.

Черезъ тридцать лѣтъ по смерти Коперника, Мартинъ Кромеръ, авторъ исторіи Польши, призванный въ епископы вармійскіе, не желалъ вступить въ обладаніе капитуломъ, не воздавъ торжественной почести знаменитому фрауенбургскому астроному. Онъ перемѣнилъ его надгробный камень на мраморный, на которомъ начертана слѣдующая надпись:

D. O. M.
R. D. Nicolao Copernico
Torunnensi, artium,
at medicinae
doctori,
canonico warmiensi
praestanti astrologo,
et ejus desciplinae
instauratori
Martinus Cromerus,
episcopus warmiensis,
honoris, et ad posteritatem
memoriæ causa posuit.
MDLXXXI.

Портретъ, приложенный къ нашей статьѣ, взятъ изъ сочиненія Гассенди, который заказалъ гравюру его съ оригинала, находящагося въ страсбургскомъ соборѣ [1]).

Коперникъ былъ высокаго роста. У него были румяныя щеки и прекрасные, живые глаза, въ которыхъ отражались всѣ впечатлѣнія его души. Его длинные волосы кудрями падали на плечи. На лицѣ его выражалась душевная нѣжность и доброта. Такимъ хотѣлъ нарисовать его Никодимъ Флишлинусъ въ латинскихъ стихахъ, приводимыхъ Гассенди:

„Quem cernis, vivo ritenet Copernicus ore,
Cui decemus eximium formae parfecit imago,

---

[1]) Ошибочно утверждаютъ, что знаменитые часы страсбургскаго собора были устроены Коперникомъ. Коперникъ никогда не былъ въ Страсбургѣ, и планетарій этой церкви былъ начатъ тридцать лѣтъ послѣ его смерти.

Os rubrum, pulchri oculi, pulchrique capilli,
Cultaque Appellaas imitantia membra figuras
Illum scrutanti similem и т. д.

Крѣпко сложенный, Коперникъ, безъ сомнѣнія, прожилъ бы дольше, еслибъ наблюдалъ за собою. Онъ весьма мало прилагалъ къ себѣ тѣ прекрасные совѣты, которые давалъ другимъ въ качествѣ врача. До самаго удара, сведшаго его въ могилу, онъ постоянно усиленно работалъ. Онъ работалъ и днемъ и просиживалъ большую часть ночи. Его другъ Гизіусъ, епископъ кульмскій, говоритъ, что ему не была чужда ни одна наука, и прибавляетъ, что въ искусствѣ лечить онъ прослылъ за новаго Эскулапа.

Коперникъ писалъ по-латыни, и его стиль, замѣчательный по точности и ясности, которыя дѣлаютъ его необычайно способнымъ къ выраженію математическихъ истинъ, — часто напоминаетъ древнихъ писателей, чтеніе коихъ вдохновляло его. Онъ не употребляетъ ни одной фразы лишней; у него нѣтъ пустаго краснобайства. Но когда, оставляя на мгновеніе длинныя вычисленія и геометрическія соображенія, онъ начинаетъ созерцать въ цѣломъ великолѣпное зрѣлище звѣзднаго неба, его мысль возвышается, онъ воодушевляется и слогъ его становится поэтическимъ. Онъ сравнивалъ вселенную съ громаднымъ храмомъ, центръ котораго занимаетъ солнце, освѣщающее куполъ.

„Кто могъ бы, говоритъ онъ, назначить лучшее мѣсто, съ котораго свѣтильникъ міра удобнѣе распредѣлялъ бы лучи свои въ огромномъ пространствѣ, имъ освѣщаемомъ? Не даромъ одни называютъ его свѣтомъ міра, другіе духомъ его, третьи верховнымъ правителемъ, Тримегистъ—видимымъ Богомъ, Софоклъ—силой, все оживляющей. И нѣтъ сомнѣнія, что солнце, находясь въ центрѣ нашей вселенной, управляетъ движущейся вокругъ него семьей звѣздъ.“

Мы считаемъ не лишнимъ привести любопытный разсказъ о поѣздкѣ, предпринятой Мартыномъ Мольскимъ и Ѳадеемъ Чацкимъ въ Фрауенбургъ, ради открытія послѣднихъ слѣдовъ мѣстопребыванія знаменитаго астронома.

„Коперникъ, разсказываетъ Мольскій, былъ одновременно канонникомъ въ Вармiи и администраторомъ имуществъ аллештейнскаго капитула. Онъ жилъ поочередно въ этихъ двухъ мѣстахъ, и въ каждомъ изъ нихъ у него было по обсерваторіи. Въ

домѣ, гдѣ онъ жилъ и который нынѣ (1802 г.) занимаетъ лютеранскій пасторъ, внизу камина были приклеены стихи, написанные имъ собственноручно.

„Всего пятнадцать лѣтъ, какъ другой остатокъ, свидѣтель его работъ, просуществовавъ два съ половиною столѣтія, исчезъ совершенно. То было овальное отверстіе, сдѣланное надъ дверьми, чтобы солнечные лучи падали въ опредѣленную точку въ другой комнатѣ. (То былъ астрономическій гномонъ, устроенный Коперникомъ для наблюденія полудня, меридіанной высоты солнца, солнцестояній, равноденствій и опредѣленія наклона эклиптики).

„Сосѣдняя башня, гдѣ Коперникъ проводилъ ночи, наблюдая небо, дурно содержится. Лязгъ цѣпей непріятно предувѣдомляетъ посѣтителя, что нижняя часть этой башни превращена въ тюрьму. Мы прибыли въ Фрауенбургъ. По дорогѣ въ церковь, гдѣ покоятся останки Коперника, имя его не сходило у насъ съ языка. Фрауенбургъ лежитъ на горѣ; въ немъ недоставало воды и во всей окрестности не было мельницы. Въ полуверстѣ отъ города течетъ рѣчка, называемая Бавда. Коперникъ поднялъ изъ нее воду, устроивъ шлюзу, имѣвшую пятнадцать съ половиною локтей склона; онъ провелъ воду къ подошвѣ горы, гдѣ построилъ мельницу, а подлѣ установилъ зубчатыя колеса, силою которыхъ вода подымалась на высоту церковной башни. Вода эта, проведенная трубами до вершины башни, удовлетворяла нуждамъ всѣхъ обитателей, а ко всѣмъ каноникамъ вода была проведена на домъ. На этомъ любопытномъ проводѣ сдѣлана слѣдующая надпись, ради увѣковѣченія благодѣянія Коперника:

Hic patiuntur aquæ, sursum properare coactae,
ne careat sitiens incola montis ope.
Quod natura negat, tribuit Kopernicus arte,
Unum, prae cunctis, fama loquatur opus.

„Машина нынѣ на половину разрушена. Есть преданіе, что при Лудовикѣ XIV требовали модель этой машины.

„Мы вошли въ церковь. Близъ алтаря, принадлежащаго каноникату Коперника, лежитъ надгробный камень, отчасти находящійся за мраморной балюстрадой, окружающей большой алтарь Вымывъ камень, можно различить буквы Nicol... Cop...us; и во второй строкѣ: Obiit AN. M...; остальныя буквы стерлись. Поднявъ камень, продѣлали отверстіе; ибо до восьмнадцатаго вѣка вармійскіе каноники не имѣли особыхъ могилъ. Мы присутствовали при этомъ... Нашли только нѣсколько полусгнившихъ костей. Капитулъ оставилъ себѣ шестую часть останковъ Коперника, а мы увезли остальную, съ форменнымъ свидѣтельствомъ, подписаннымъ первыми прелатами капитула; мы отослали треть этихъ драгоцѣнныхъ останковъ въ пулавскую церковь, а остальную въ наше общество.

„Мы не щадили ничего, чтобы открыть рукописи Коперника. . его подпись встрѣчается въ бумагахъ капитула. Мы увидѣли изъ нихъ, что капитулъ не жалѣлъ издержекъ на его путешествіе въ Римъ. Фрауенбургскіе жители увѣряли насъ, что долгое время сохранялись инструменты, собственноручно сдѣланные Коперникомъ. Извѣстно, что Тихо гордился, пріобрѣтя деревянныя параллактическія линейки, сдѣланныя этимъ, по его словамъ, несравненнымъ человѣкомъ. Всѣ эти вещи потеряны. Даже лица, говорившія намъ, что видѣли нѣкоторые изъ этихъ снарядовъ, не соглашались въ своихъ разсказахъ, ни даже въ числѣ и формѣ вещей. Рукописи Коперника, которыхъ мы тщетно искали, вѣроятно испытали ту же участь,

Одна изъ его рукописей о монетномъ дѣлѣ, о которомъ подобно Ньютону ему было поручено написать, должна храниться въ одномъ изъ городовъ прусской Польши. Мы нашли нѣсколько его писемъ.

„Мы посѣтили квартиру, которую онъ занималъ; она состоитъ изъ одной комнаты въ верхнемъ этажѣ; къ ней примыкала галлерея, ведшая на обсерваторію. Внизу еще видны остатки лѣстницы. Эта комната съ трехъ сторонъ выходила на морской рукавъ; четвертая сторона глядѣла на равнину—этотъ видъ застроенъ теперь башней [1]).

Въ полномъ собраніи сочиненій Франсуа Араго находимъ слѣдующій разсказъ.

Въ 1809 г., Наполеонъ, проходя черезъ Торунь, пожелалъ лично собрать все то, что преданіе сохранило отъ Коперника. Ему сказали, что въ домѣ знаменитаго астронома теперь живетъ ткачъ. Онъ отправился. Этотъ небольшой домикъ состоялъ изъ трехъ этажей. Все сохранялось въ немъ въ первоначальномъ видѣ. Портретъ великаго астронома висѣлъ надъ постелью, занавѣски которой, изъ сѣрой саржи, сохранились современъ Коперника. Вся его мебель: столъ, шкафъ, два кресла также сохранились [2]).

Императоръ спросилъ ткача, хочетъ ли онъ уступить ему портретъ великаго человѣка. Онъ хотѣлъ пріобрѣсти его для *Наполеоновскаго музея* въ Луврѣ. Но ремесленникъ считалъ этотъ портретъ за нѣчто святое, приносящее счастіе его семьѣ, и отказался продать. Императоръ не настаивалъ. Изъ дома Коперника, онъ отправился въ церковь св. Іоанна на могилу астронома. Увидѣвъ, что она испорчена временемъ, онъ приказалъ сдѣлать необходимыя поправки.

II.

Описавъ жизнь Коперника, его характеръ, привычки, его стремленіе къ изученію и созерцанію, наконецъ его второстепенные труды, намъ остается познакомиться съ главнымъ его сочиненіемъ „*О вращеніи небесныхъ тѣлъ*,“ которое измѣнило строй

---

[1]) J. Sniadeski, *Discours, etc.*

[2]) *Notices biographiques. Copernic.* Vol. 3 des *Oeuvres comp.*

астрономіи, и было великимъ шагомъ въ умственной жизни человѣчества.

Оно появилось въ первый разъ въ Нюренбергѣ, въ 1543 году, подъ заглавіемъ: *Nicolai Copernici Torinensis, de Revolutionibus orbium cœlestium, libri VI.*

На самой заглавной страницѣ, типографщикъ, или издатель помѣстили слѣдующее объявленіе:

„Ты найдешь въ этой книгѣ, просвѣщенный читатель, движенія звѣздъ, какъ неподвижныхъ, такъ и подвижныхъ, установленныя на основаніи, какъ древнихъ, такъ и недавнихъ наблюденій, и, кромѣ того, объясненныя при помощи новыхъ, весьма любопытныхъ гипотезъ. Ты, равнымъ образомъ, найдешь всѣ весьма удобныя таблицы, при помощи которыхъ ты весьма легко можешь вычислить, на какое тебѣ угодно время, эти самыя движенія. Итакъ, покупай, читай и пользуйся".

Книга открывается предисловіемъ Озіандера, за которымъ идетъ письмо Штромера, кардинала Капуи, и посланіе Коперника къ папѣ: *Ad sanctissimum Dominum Paulum III, pontificem maximum, Nicolai Copernici praefacio.* Мы говорили уже объ этихъ трехъ вещахъ.

Первыя положенія, встрѣчающіяся въ началѣ книги *de Revolutionibus*, суть слѣдующія:

„Земля—шаръ, потому что, какъ говорили древніе, шаръ изъ всѣхъ тѣлъ самое совершенное. Это, кромѣ того, тѣло, которое, при одинаковой протяжимости поверхности, описываетъ во всѣ стороны наибольшее пространство. Солнце и луна также шарообразны. Это—форма, которую естественно принимаютъ тѣла какъ то можно видѣть на капляхъ воды. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ небесныя тѣла имѣютъ шарообразную форму".

Коперникъ, для того чтобы доказать полную сферичность земли, основывается на доводахъ древнихъ; точныя наблюденія, много разъ повторенныя, какъ извѣстно, не подтверждаютъ этого. Мы знаемъ, что земля имѣетъ не совершенно шарообразную форму, и по аналогіи рѣшаемъ, что то же надо сказать о всѣхъ другихъ небесныхъ тѣлахъ, подвергающихся подобному же движенію, именно одному вокругъ оси, а другому поступательному въ пространствѣ. Но Коперникъ одинъ не могъ создать астрономію въ томъ видѣ, какой она стала послѣ трудовъ Кеплера, Галилея, Ньютона, Галлея, Лапласа и многихъ другихъ.

Доводы, которыми Коперникъ доказывалъ шарообразность земли, почти тѣ же, какіе представлялъ Птолемей. Видимый издали предметъ, установленный на вершинѣ корабельной мачты, если смотрѣть съ берега, кажется точно опускается, по мѣрѣ того какъ корабль удаляется; онъ исчезаетъ послѣднимъ изъ виду, послѣ всѣхъ другихъ частей корабля.—Воды стремятся течь въ болѣе низкія мѣста. Шарообразность луны доказывается еще луннымъ затмѣніемъ.

„Движеніе небесныхъ тѣлъ, говоритъ Коперникъ, однообразное, круговое, непрерывное, или состоитъ изъ круговыхъ движеній." И это мнѣніе древнихъ астрономовъ. Кеплеру оставалось еще открыть, что кривыя, описываемыя въ пространствѣ всѣми небесными тѣлами, суть *эллипсисы*, а не круги. Но, повторяемъ, Коперникъ не могъ всего открыть сразу. Его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ установилъ небесную механику на истинныхъ основаніяхъ.

„Наблюдаютъ, говоритъ онъ, различныя движенія, изъ которыхъ самое замѣчательное есть суточное движеніе. Оно служитъ мѣриломъ всѣхъ другихъ. При помощи его мы измѣряемъ время. Солнце, луна, планеты обладаютъ движеніями, которыя совершаются въ противоположномъ направленіи. При помощи солнца у насъ есть годы, и при помощи луны—мѣсяцы.

„Неравныя движенія подчинены извѣстнымъ періодамъ, что было бы невозможно, еслибъ они были некруговыя. Только по кругу можетъ вернуться то, что было уже. Небесное тѣло не сложно и не можетъ неравнымъ образомъ двигаться по кругу".

Странно, что Коперникъ, будучи ученымъ геометромъ, не сталъ разыскивать: не могутъ ли явленія, имъ объясняемыя при помощи круговыхъ орбитъ, быть объяснены, по крайней мѣрѣ на столько же удовлетворительно, при помощи эллиптическихъ орбитъ? Ему не приходило въ мысль, что мнѣніе древнихъ въ этомъ случаѣ можетъ быть ошибочно, и онъ принялъ его за вѣрное, не подвергая разбору. Деламбръ замѣчаетъ, что эллиптическое движеніе объяснить не труднѣе, чѣмъ круговое, и что *можно держать безконечность противъ одного, что всякое движеніе скорѣе эллиптическое, чѣмъ круговое.* Но выразился ли бы Деламбръ столь рѣзко, еслибы жилъ до Коперника?

Коперникъ, подобно Филолаю и Гераклиту понтійскому, принимаетъ, что земля въ двадцать четыре часа обращается съ запада на востокъ, и что, увлекаемые этимъ движеніемъ, котораго не сознаемъ, мы его приписываемъ звѣздамъ, которыя, повидимому, вращаются въ обратную сторону, то есть съ востока на западъ. Птолемей главнѣйшимъ образомъ потому затруднялся принять это движеніе, говоритъ Коперникъ, что, ему казалось, вращайся только земля вокругъ своей оси въ сутки, то всѣ точки ея поверхности двигались бы съ такой громадною скоростью, что сорвались бы съ мѣста всѣ самыя крѣпкія зданія, и обломки ихъ были бы брошены въ пространство.

„Эта центробѣжная сила, производимая коловращеніемъ земли, замѣчаетъ г. Бернаръ, не только не можетъ сорвать зданія съ оснований, но единственно уменьшаетъ вѣсъ тѣлъ, находящихся на экваторѣ, гдѣ она всего сильнѣе, — около трехъ граммовъ на каждый киллограммъ [1])“.

Но механическія знанія во времена Коперника, какъ и во времена Птолемея, были слишкомъ недостаточны для рѣшенія этого вопроса при помощи вычисленія. Коперникъ приводилъ иные доводы: „Движеніе земли, по его словамъ, есть движеніе *естественное;* дѣйствія его совершенно не таковы, какъ движенія *насильственнаго*, и землю, вращающуюся въ силу своей собственной природы, нельзя уподоблять колесу которое заставляютъ вертѣться.“ Это доказательство недовольно сильно, но, въ связи съ другими оно было достаточно, чтобы удержать Коперника на правильной дорогѣ. По другой гипотезѣ, то есть принимая неподвижность земли, нельзя было объяснить движенія звѣздъ. Какъ представить себѣ это безчисленное число солнцевъ, которыя всѣ вмѣстѣ, на неисчислимыхъ пространствахъ, совершаютъ вращеніе вокругъ насъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, не переставая, не смотря на чудовищную быстроту ихъ движенія, сохранять свои относительныя положенія и образовать тѣ же группы, совершенно какъ будто они были прикрѣплены къ одному и тому же твердому своду, который цѣликомъ вращается? Эта трудность совер-

---

[1]) *Les fondateurs de l'Astronomie moderne.*

шенно разрѣшается предположеніемъ о вращеніи земли, и это вращеніе безконечно легче представить себѣ, чѣмъ вращеніе цѣлаго неба. Когда ѣдешь въ каретѣ, которая движется быстро и съ однообразной скоростью, то, кажется, будто карета стоитъ, между тѣмъ какъ неподвижные предметы по дорогѣ, напримѣръ деревья, точно бѣгутъ въ направленіи противоположномъ движенію кареты.

Коперникъ, послѣ цѣлаго ряда разъясненій, приходитъ къ тому заключенію, что движеніе земли вѣроятнѣе ея неподвижности. Можно, говоритъ онъ, представить движеніе небесныхъ тѣлъ гомоцентрическими кругами, то есть имѣющими одинъ и тотъ же центръ. Или, если существуетъ нѣсколько центровъ, то можно сомнѣваться, чтобы центръ земли былъ центромъ вселенной. „Тяготѣніе есть только естественное стремленіе, данное Создателемъ всѣмъ частямъ, которое заставляетъ ихъ соединяться для образованія шаровъ.“ Вѣроятно, эта сила придала солнцу, планетамъ и лунѣ шарообразную форму, но она не мѣшаетъ имъ испытывать разнообразныя движенія. Итакъ, если земля вращается вокругъ солнца, то движеніе это будетъ подобно замѣчаемому нами въ другихъ тѣлахъ. Мы ежегодно, говоритъ Коперникъ, описываемъ кругъ въ пространствѣ съ нашей планетой. Движеніе, приписываемое солнцу, должно быть замѣнено земнымъ; если мы станемъ разсматривать солнце, какъ неподвижное, то все равно будутъ имѣть мѣсто и восходы, и закаты и всѣ другія обстоятельства; стоянія и запаздыванія зависятъ отъ движенія земли; солнце станетъ находиться въ центрѣ міра.

Деламбръ, не щедрый на похвалы, находитъ, что глава, гдѣ Коперникъ говоритъ о *различныхъ движеніяхъ земли*, превосходна.

„Древніе философы, полагавшіе солнце въ центрѣ вселенной, говоритъ Деламбръ, должны были, по крайней мѣрѣ отчасти, дѣлать тѣ же разсужденія, что и Коперникъ; но отъ нихъ ничего не дошло до насъ, можетъ быть они ничего не писали... Замѣчательно, что Птолемей, желая доказать неподвижность земли, ничего не говоритъ объ этомъ столь важномъ пунктѣ [1])“.

Итакъ, Коперникъ первый изложилъ истинную систему міра.

---

[1]) *Histoire de l'Astronomie moderne.* (Copernic).

Послѣдуемъ за Коперникомъ, когда, изложивъ начала движенія земли, онъ переходитъ къ движенію другихъ планетъ.

„Древніе философы распредѣляли планеты по продолжительности ихъ вращенія по той причинѣ, что *при одинаковомъ для всѣхъ движеніи*, болѣе удаленные предметы по видимому будутъ двигаться медленнѣе. Они полагали, что луна самая ближайшая изъ всѣхъ планетъ, потому что совершаетъ свое коловращеніе въ меньшее, чѣмъ другія, время; что Сатурнъ долженъ быть самой удаленной, потому что ему необходимо больше времени, чтобы пройти по длиннѣйшей орбитѣ. Они ставили внизу сперва Юпитера, потомъ Марса. Относительно Венеры и Меркурія мнѣнія были раздѣлены. Одни, какъ Платоновъ *Тимей*, считали, что они выше солнца; другіе, какъ Птолемей, полагали, что ниже, и т. п. Платоники полагали, что планеты, немного удаляющіяся отъ солнца, должны бы имѣть фазы, какъ луна, еслибъ онѣ были ниже солнца, и даже затмѣнія. Но этого никогда не наблюдали; слѣдовательно, заключали они, планеты эти выше солнца“.

Коперникъ разбираетъ эти мнѣнія, и самъ придерживается мнѣнія Марціана Капеллы и нѣкоторыхъ другихъ латынянъ, которые утверждали, что Венера и Меркурій движутся вокругъ солнца.

„Въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, уклоненія необходимо опредѣлятся радіусомъ ихъ орбиты. Если эти планеты не обращаются вокругъ земли, то орбита Меркурія будетъ заключаться въ орбитѣ Венеры; но кто мѣшаетъ намъ отнести къ тому же центру Сатурна, Юпитера и Марса? Намъ нужно будетъ принять радіусы, соотвѣтственные ихъ орбитамъ, которые вмѣщаютъ въ себѣ земную. Эти планеты, въ своихъ относительныхъ противустояніяхъ съ землею, очевидно, ближе къ ней находятся, чѣмъ во всякомъ другомъ положеніи и въ особенности во время конъюнкціи; что достаточно показываетъ, что солнце есть центръ ихъ поступательнаго движенія, какъ оно центръ подобныхъ движеній Меркурія и Венеры. Между этими планетами и Марсомъ, мы помѣстимъ орбиту земли, и вокругъ земли орбиту луны, которая нераздѣльна съ нею. *Мы не покраснѣемъ, объявивъ, что орбита луны и центръ земли обходятъ въ годъ вокругъ солнца, по этой великой земной орбитѣ, центръ которой есть солнце.* Солнце будетъ *неподвижно и всѣ видимыя явленія объяснятся движеніемъ земли.* Радіусъ этой орбиты, какъ ни былъ бы онъ великъ, все таки ничтоженъ съ радіусомъ неподвижныхъ звѣздъ; это тѣмъ легче принять, что этотъ промежутокъ раздѣленъ безчисленнымъ количествомъ отдѣльныхъ орбитъ тѣми, кто принимаетъ, что земля находится въ центрѣ. Въ природѣ нѣтъ ничего лишняго, безполезнаго, она умѣетъ отъ одной причины произвести множество явленій и т. д.

„Первая изъ всѣхъ сферъ, обнимающая всѣ другія, есть сфера неподвижныхъ звѣздъ. Она неподвижна и къ ней относятъ положенія всѣхъ звѣздъ и всѣ движенія. Хотя астрономы приписываютъ ей движеніе, но мы покажемъ, что движеніе принадлежитъ землѣ. Ниже находится сфера Сатурна, совершающая свое круговращеніе въ тридцать лѣтъ; затѣмъ Юпитера съ коловращеніемъ въ двѣнадцать лѣтъ, и послѣдовательно Марсъ, Земля, Венера, Меркурій, которые совершаютъ свои коловращенія: первый въ два года, вторая въ годъ, третья въ девять мѣсяцевъ и чет-

вертый въ восемьдесятъ восемь дней. Наконецъ, въ центрѣ находится солнце. Очевидно, что для того, чтобы оно могло все освѣщать, нельзя придумать болѣе удобнаго мѣста. Такой порядокъ предполагаетъ симетрію, соотношеніе движеній и по истинѣ удивительное величіе".

Коперникъ показываетъ, почему дуги запаздыванія у Юпитера и Сатурна больше и у Марса меньше; а также почему у Венеры онѣ больше, чѣмъ у Меркурія. Онъ объясняетъ близость планетъ при противустояніи и показываетъ, что всѣ эти явленія зависятъ отъ движенія земли. Ничего подобнаго не происходитъ съ неподвижными звѣздами, потому что ихъ разстояніе такъ велико, что орбита земли, или какой нибудь звѣзды, такъ сказать, едва замѣтная точка. Сверканіе звѣздъ указываетъ, что между ними и Сатурномъ находится большое пространство. Этимъ сверканіемъ звѣзды во-первыхъ отличаются отъ планетъ, „по причинѣ, говоритъ Коперникъ, значительной разницы, существующей между неподвижными и движущимися тѣлами".

Деламбръ находитъ, что за исключеніемъ послѣдней фразы, эта глава превосходитъ все дотолѣ *писанное о системѣ міра*, и говоритъ, что авторъ ея достоинъ безсмертной славы.

Чтобы составить свою систему, Копернику приходилось все создать. Поэтому неудивительно, что въ подробностяхъ онъ могъ впасть въ ошибки. Принимая для планетныхъ орбитъ круговую форму, вмѣсто принадлежащей имъ эллиптической, онъ во многихъ пунктахъ долженъ былъ противорѣчить результатамъ наблюденія. Чтобы избѣгнуть этихъ ошибочныхъ слѣдствій, онъ принужденъ былъ вернуться къ соображеніямъ Птолемея и принять эпициклы для нѣкоторыхъ планетъ. Онъ не могъ сразу все создать. Чтобъ построить свое новое зданіе, онъ принужденъ былъ взять часть матеріала изъ древнихъ памятниковъ. Поэтому мы не станемъ слѣдовать Копернику въ подробностяхъ его объясненій небесной механики, ради того, чтобы указать на его слабыя стороны. Мы не станемъ, подобно Деламбру, осуждать *третье движеніе*, которое онъ принужденъ былъ приписать землѣ, и его *эпицикловъ* — печальное возвращеніе къ Птолемеевымъ идеямъ. Мы выставили на видъ главнѣйшія основанія его методы, но мы ни слова не

скажемъ о второстепенныхъ вещахъ, которыя составляютъ пятно его величавой красоты.

Коперникъ полагалъ, что въ астрономіи слѣдуетъ начинать съ наблюденія звѣздъ, и что прежде начертанія теоріи какой либо планеты сперва надо составить каталогъ ея положеній. Онъ совѣтуетъ наблюдать высоту солнечнаго меридіана, сравнивать эту высоту съ земнымъ экваторомъ и т. д. Онъ составлялъ каталоги звѣздъ. Эти каталоги, по словамъ Деламбра, не заслужили большаго уваженія у астрономовъ. Но удивительно ли, что Коперникъ, которому приходилось дѣлать все заново, не все исполнилъ часто ошибался въ подробностяхъ? Деламбръ съ какой-то болѣзненной напряженностью открываетъ ошибки предшественниковъ своихъ въ астрономіи. Деламбръ былъ весьма ученый и искусный астрономъ; но въ его время методы вычисленія достигли совершенства и способы изслѣдованія умножились. Живи онъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, былъ ли бы онъ равенъ Копернику по геніальности? Въ этомъ позволено сомнѣваться.

Коперникъ, даже ошибаясь, предвидѣлъ многія новыя истины. У него, говоритъ Балльи, была способность сближенія, которая ведетъ къ изобрѣтеніямъ. Онъ видѣлъ, что прецессія равноденствій не равна; что наклоненіе эклиптики перемѣняемо, и что такъ какъ эклиптика неподвижна,—что доказывается постоянной широтой неподвижныхъ звѣздъ,—то измѣненія могутъ происходить только въ полюсахъ земли и вслѣдствіе движенія, свойственнаго земному экватору. Вотъ почему онъ желалъ, чтобы говорили: экваторъ наклоненъ къ эклиптикѣ, а не эклиптика наклонена къ экватору. Онъ изслѣдовалъ всѣ варьяціи наклоненія, эксцентричности и апогея солнца, прецессіи равноденствій и продолжительности года, и *приписывалъ всѣ эти явленія единой и общей причинѣ*. Но что ему мѣшало опредѣлить эту причину? Незнаніе факта, недостатокъ наблюденія, что солнце, подобно планетамъ, совершаетъ поступательное движеніе въ пространствѣ вокругъ нѣкотораго центра. Чтобы объяснить, относя ихъ къ землѣ, — такъ какъ солнце полагалось неподвижнымъ—варьяціи наклоненія, эксентриситетъ и апогея солнца, прецессіи равноденствій и продолжительности года, онъ приписалъ землѣ третье движеніе;

онъ предположилъ колебаніе полюсовъ, въ силу котораго каждый полюсъ поочередно, то подымается, то опускается. Онъ полагалъ, что всѣ планеты движутся по кругамъ, и такъ какъ онъ не могъ объяснить ихъ неравенствъ лучше, чѣмъ Птолемей, то за исходную точку взялъ тѣ же гипотезы.

Коперникъ говоритъ о движеніи пяти планетъ, Меркурія, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна, въ пятой книгѣ своего сочиненія *de Revolutionibus*. Но его объясненія, основанныя отчасти на сложныхъ эпициклахъ, эксцентреситетахъ, отъ которыхъ онъ не могъ сразу освободиться, необходимо страдаютъ отсутствіемъ точности и ясности. Онъ улучшилъ теорію луны; онъ указалъ болѣе простую и легкую комбинацію для вычисленія ея двойнаго неравенства; онъ сдѣлалъ важную поправку въ опредѣленіи разстояній, параллаксовъ и діаметровъ. Два неравенства, вообще замѣчаемыя въ планетахъ, по его мнѣнію, происходятъ: первое, отъ движенія земли, второе отъ собственнаго движенія каждой планеты и т. д. Упрекать Коперника, какъ то дѣлаетъ Деламбръ, за произвольныя предположенія и сложныя объясненія, къ которымъ онъ необходимо былъ приведенъ гипотезою о круговомъ движеніи—въ сущности значитъ упрекать его въ томъ, что онъ круговыхъ движеній не замѣнилъ эллиптическими и не предположилъ, что солнце находится въ фокусѣ, общемъ всѣмъ эллиптическимъ орбитамъ, описываемымъ планетами. Но очевидно, что человѣкъ не можетъ всего сдѣлать одинъ, и что Кеплеръ могъ явиться только послѣ Коперника.

Но надо смотрѣть съ точки зрѣнія общихъ идей, а не подробностей, чтобы правильно оцѣнить геній Коперника. Безъ него, Кеплеръ, Галлилей, Ньютонъ и нѣкоторые другіе изъ великихъ людей, не могли бы дойти до своихъ ученыхъ взглядовъ. Изъ его идей о *притяженіи* позже созрѣла въ головѣ Ньютона мысль о всеобщемъ тяготѣніи.

„Я полагаю, говоритъ онъ, что тяжесть есть стремленіе, данное Творцомъ природы всѣмъ частямъ матеріи, соединяться и совокупляться въ массы. Это свойство принадлежитъ не одной землѣ; оно достояніе солнца, луны и всѣхъ планетъ. Оно причиною, что частицы вещества, составляющаго эти тѣла, соединены и окружены въ шары и сохраняютъ свою шарообразную форму. Всѣ вещества, находящіяся на поверхности небесныхъ тѣлъ, равнымъ образомъ тяготѣютъ къ центру этихъ тѣлъ,

нисколько не препятствуя имъ вращаться по своимъ орбитамъ. Почему же это обстоятельство можетъ мѣшать движенію земли? Или, если предположимъ, что центръ тяжести необходимо долженъ быть центромъ всѣхъ движеній, то почему думать, что этотъ центръ на землѣ, между тѣмъ какъ солнце и всѣ планеты имѣютъ свои центры тяжести, и что солнце, въ силу своей безконечно болѣе вѣской массы болѣе заслуживаетъ такого предпочтенія? Такой выборъ тѣмъ разумнѣе, что изъ него просто и легко выводятся всѣ видимыя явленія въ движеніи звѣздъ и планетъ [1])".

Отсюда до всеобщаго тяготѣнія, какъ его понималъ Ньютонъ, всего шагъ.

Брадлей, можетъ быть, не открылъ бы коловращенія земной оси и аберраціи свѣта, еслибъ не вздумалъ повѣрить наблюденіями одного изъ мнѣній Коперника, а именно, что разстояніе земли отъ солнца незамѣтная точка въ сравненіи съ огромнымъ пространствомъ, отдѣляющимъ насъ отъ неподвижныхъ звѣздъ.

Такимъ образомъ, книга Коперника была въ наукѣ источникомъ новыхъ истинъ. Она предуготовила и сдѣлала возможными дальнѣйшіе успѣхи; благодаря ей Кеплеръ и Ньютонъ глубже проникли въ тайны верховнаго организатора міровъ.

Римскій инквизиціонный трибуналъ не ошибся въ значеніи, которое должна была пріобрѣсть книга фрауенбургскаго каноника. Онъ увидѣлъ въ ней новый свѣточъ, выдвигавшійся изъ мрака невѣжества, и, согласно своему призванію поспѣшилъ надѣть на этотъ свѣтъ гасильникъ. Конгрегація Индекса торжественно осудила книгу *de Revolutionibus orbium cœlestibus*, сожалѣя, что не можетъ преслѣдовать автора, котораго смерть спасла отъ его мщенія. Книга Коперника была запрещена „*donec corrigatur*“, какъ сказано въ приговорѣ, то есть „пока не будетъ исправлена“.

Страхъ возбудить противъ себя церковное преслѣдованіе заставилъ многихъ ученыхъ отвергнуть книгу Коперника, осужденную конгрегаціей Индекса. Первое изданіе было напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, и безъ сомнѣнія, много ихъ было истреблено послѣ приговора инквизиціи. Второе изданіе было сдѣлано въ Базелѣ въ 1556 году; третье въ Амстердамѣ въ 1617.

Система Коперника безпрепятственно распространялась въ

---

[1]) *De Revolutionibus*, lib. I, p. 9.

странахъ, признавшихъ реформу Лютера. Но не то было въ странахъ католическихъ. Въ концѣ семнадцатаго вѣка, во Франціи, Боссюэтъ, полагая, что Римъ въ состояніи былъ разрушить систему Коперника, не считалъ даже долгомъ упоминать о ней, восклицая:

„Нѣтъ столь сильнаго движенія, котораго не могло бы по произволу остановить небесное всемогущество. Взгляните на солнце, съ какою стремительностью пробѣгаетъ оно свой огромный путь, указанный ему Провидѣніемъ! Однако вы знаете, что нѣкогда Богъ остановилъ его среди неба единымъ словомъ человѣка."

Фенелонъ едва осмѣливался показывать, что онъ принимаетъ новую систему. Это доказывается слѣдующей фразой, приводимой г. Бернаромъ:

„Если это пламя (солнце) не движется, и если напротивъ мы движемся, то я спрашиваю, отчего оно такъ хорошо установлено въ центрѣ вселенной, чтобъ быть, такъ сказать, фокусомъ и сердцемъ всей природы?"

Въ 1746 г., Босковичъ, іезуитъ и ученый геометръ, писалъ: „Что касается до меня, то полный уваженія къ Святому Писанію и декретамъ святой инквизиціи, я полагаю, что земля неподвижна. Но все-таки, *ради простоты объясненій, я приму, будто она движется, ибо доказано, что при той и другой гипотезѣ, видимыя явленія тѣже* [1])".

5-го мая 1829, въ Варшавѣ, *Общество любителей наукъ* воздвигло знаменитому астроному статую, исполненную Торвальдсеномъ. То былъ народный праздникъ. Улицы, по которымъ проходило шествіе, направлявшееся въ ту часть города, гдѣ былъ воздвигнутъ монументъ, были наполнены народомъ. Всѣ окна были украшены гирляндами и цвѣтами. Кортежъ достигъ церкви, гдѣ пѣлась торжественная месса. Толпа наполнила церковь, но алтарь оставался пустымъ. Ждали долго; но часъ, назначенный для божественной службы, прошелъ, а ни одинъ патеръ не явился. Католическое варшавское духовенство считало, что не вправѣ почтить своимъ присутствіемъ въ церкви память фрауенбургскаго каноника, книга котораго за два вѣка раньше была осуждена римскимъ трибуналомъ.

---

[1]) *Les fondateurs de l'astronomie moderne*, p. 58—59.

ТИХО БРАГЕ.

Тихо Браге родился 13 декабря 1546, въ области Кнудсторпъ, въ Сканіи, провинціи тогда подвластной Даніи. Онъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ датскихъ фамилій. Его отецъ, Отто Браге, былъ великимъ судьею западной Сканіи. Онъ женился на Беатѣ Биллеа и имѣлъ отъ нея десять дѣтей: пять мальчиковъ и пять дѣвочекъ. Тихо былъ вторымъ. Братья Тихо пользовались большимъ значеніемъ въ своемъ отечествѣ; трое были сенаторами, четвертый сдѣлался областнымъ судьею. Родъ Браге прекратился въ Даніи, но одна вѣтвь его, говорятъ, существуетъ еще въ Швеціи.

Двое близкихъ родственниковъ Тихо, Георгъ, дядя по отцу, и Стено, дядя по матери, сильно любили его. У Георга Браге не было дѣтей, и онъ упросилъ брата отдать ему на воспитаніе Тихо. Отецъ согласился на это послѣ долгихъ настояній брата.

Георгъ Браге нанялъ для племянника лучшихъ учителей и съ семи лѣтъ засадилъ его за латынь.

Отецъ Тихо не вполнѣ былъ доволенъ этой системой воспитанія. Онъ полагалъ, что военная служба единственное достойное дворянина занятіе, и находилъ, что сынъ его унижаетъ свое сословіе, занимаясь литературой и правовѣдѣніемъ. Но дядя, изучившій наклонности юнаго Тихо, и замѣтившій въ немъ большую склонность къ наукамъ, соединенную съ прилежаніемъ, настоялъ на своемъ. Онъ предназначалъ его въ юристы, въ надеждѣ, что Тихо современемъ будетъ въ состояніи занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ. Въ Даніи дворяне достигали высшихъ

почестей не только блескомъ военныхъ подвиговъ, но и основательнымъ знаніемъ юриспруденціи.

Между тѣмъ, отецъ Тихо перемѣнилъ свой взглядъ относительно образованія. Онъ сталъ сторонникомъ того мнѣнія, которое вначалѣ отвергалъ, и заставилъ третьяго сына Стено заниматься науками, а младшая его дочь, Софія Браге, была извѣстная латинистка, сочинявшая съ великою легкостью прекрасные латинскіе стихи.

Тихо, въ продолженіе пяти лѣтъ, подъ руководствомъ спеціалистовъ, изучалъ латинскую словесность. Онъ получилъ такъ-называемое гуманное воспитаніе и особенно полюбилъ латинскую поэзію, которою постоянно прилежно занимался. Въ Копенгагенѣ, столицѣ Даніи, была знаменитая академія. Тихо поступилъ въ нее въ 1559 году, то есть двѣнадцати лѣтъ, и сталъ заниматься риторикой и философіей.

Въ слѣдующемъ году, 21 августа 1560, было солнечное затмѣніе, которое въ Даніи хотя и не было столь полное, какъ въ Португаліи, но все же было значительное, и возбудило въ высшей степени вниманіе копенгагенскихъ жителей.

Но изъ всѣхъ горожанъ, наблюдавшихъ фазы солнечнаго затмѣнія, ни на кого не произвело оно такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на юнаго академика. Точныя предсказанія, заключавшіяся въ простыхъ астрономическихъ календаряхъ, удивили его чрезвычайно. Напрасно хотѣлъ онъ объяснить самому себѣ, какимъ образомъ можно узнать впередъ, при помощи простаго наблюденія надъ звѣздами, измѣненія, которыя должны совершиться на небѣ, и предсказать задолго до ихъ появленія нѣкоторыя замѣчательныя явленія, какъ то конъюнкціи, противустоянія, затмѣнія. Онъ считалъ почти чѣмъ-то божественнымъ, что люди достигли о того, что могутъ съ такой точностью опредѣлять движенія небесныхъ тѣлъ, что могутъ въ далекомъ будущемъ назначать ихъ относительное положеніе и мѣсто каждаго изъ нихъ [1].

Тихо было всего тринадцать лѣтъ, и по Гассенди, древнѣйшему и полнѣйшему изъ его біографовъ, онъ былъ еще въ Ко-

[1]) Gassendus, *Tychonis Brahaei Vita*. In—4°. Parisiis, MDCLIV, lib. I, p. 5.

пенгагенѣ, какъ купилъ себѣ *эфемериды*, то есть таблицы, въ которыхъ обозначены изо дня въ день положеніе звѣздъ, ради отысканія возможно подробныхъ объясненій теоріи планетъ. Съ этого началъ онъ изученіе астрономіи.

Въ 1562 году онъ отправился съ своимъ воспитателемъ изъ Копенгагена въ Лейпцигъ. Согласно формально выраженному желанію дяди, Тихо долженъ былъ всецѣло посвятить себя изученію юриспруденціи, и единственно ради этого былъ онъ посланъ въ Лейпцигъ; тамошняя академія считалась одной изъ лучшихъ, относительно преподаванія юридическихъ наукъ. Его наставнику поручено было наблюдать за этимъ. Чтобы выполнить желаніе дяди, Тихо, во время пребыванія въ Лейпцигѣ, занимался правовѣдѣніемъ, но его часто отвлекало отъ этого изученіе звѣздъ. Онъ былъ весьма недоволенъ своимъ воспитателемъ, „котораго характеръ, конечно, образовался подъ вліяніемъ злобнаго созвѣздія,“ и который не дозволялъ ему оставлять занятіе юриспруденціей даже въ свободное время, которымъ онъ могъ распоряжаться по произволу.

Тихо большую часть денегъ, получаемыхъ изъ дому, употреблялъ на покупку астрономическихъ книгъ. Если онъ не всѣ ихъ употреблялъ на это, то единственно потому, что получалъ деньги черезъ воспитателя, которому обязанъ былъ отдавать подробный отчетъ въ расходѣ. Всякій разъ, какъ только воспитатель не наблюдалъ за нимъ, онъ принимался за астрономію. Онъ купилъ небесный глобусъ, величиною небольше кулака, и ночью, во время сна воспитателя, сравнивалъ группы, видимыхъ имъ на небѣ звѣздъ, съ созвѣздіями, обозначенными на глобусѣ. Черезъ мѣсяцъ онъ превосходно изучилъ всѣ видимыя на горизонтѣ созвѣздія. Затѣмъ, онъ принялся за изученіе планетъ [1]). Ему было тогда только шестнадцать лѣтъ.

Онъ желалъ изучить самыя основы астрономіи; узнавъ, что эфемериды выводятся изъ астрономическихъ таблицъ, онъ досталъ *таблицы Коперника* и *Альфонсовы таблицы;* послѣ долгихъ усилій, онъ наконецъ научился, какъ слѣдуетъ, пользоваться ими.

[1]) Gassendus, *Loco cit.* lib. 1.

Такимъ образомъ, онъ достигъ до того, что могъ опредѣлять положеніе планетъ относительно неподвижныхъ звѣздъ; соединять воображаемыми линіями различныя точки, такимъ образомъ опредѣленныя на небѣ, и сравнивать эти точки и эти линіи съ тѣми, которыя были обозначены въ соотвѣтствующей части его маленькаго глобуса.

Для наблюденія разстоянія звѣздъ, у него не было другаго снаряда, кромѣ простаго циркуля, двѣ вѣтви котораго онъ направлялъ къ двумъ звѣздамъ, а шарниръ держалъ около глаза. Такимъ образомъ, говоритъ Гассенди, онъ узналъ, что мѣста, вычисленныя въ таблицахъ, не соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя получаются при наблюденіи; что отъ этого часто происходятъ невыносимыя ошибки, и что вычисленія, сдѣланныя на основаніи таблицъ Коперника, меньше удаляются отъ истины, чѣмъ сдѣланныя при помощи Альфонсовыхъ таблицъ. Всѣ эти замѣчанія, говоритъ Гассенди, сдѣлалъ онъ самъ, безъ всякой помощи со стороны какого нибудь знающаго человѣка, не взирая на всѣ препятствія, которыя дѣлалъ ему воспитатель, лишая его необходимой свободы мысли. Онъ самоучкой выучилъ не только начальныя основанія астрономіи, но всѣ необходимыя части другихъ наукъ, какъ-то: геометрію, ариѳметику, оптику и т. д.

Эти небесныя наблюденія будущій астрономъ дѣлалъ во время сна своего воспитателя. Когда учитель засыпалъ, ученикъ вставалъ, открывалъ окно, приставлялъ циркуль къ глазу и въ ясныя ночи слѣдилъ за передвиженіями планетъ, или же учился распознавать мѣсто созвѣздій и звѣздъ, обозначенныхъ въ таблицахъ Коперника. Онъ занимался такимъ образомъ до зари, посматривая отъ времени до времени, не проснулся ли учитель.

Онъ пробылъ въ Лейпцигѣ около трехъ лѣтъ, какъ смерть его дяди Георга заставила его вернуться въ отечество. Онъ выѣхалъ изъ Лейпцига въ маѣ 1565 года.

Вернувшись въ Копенгагенъ, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Но его больше всего занимала мысль, какъ бы получить денегъ на путешествіе, которое онъ задумалъ сдѣлать. Въ ожиданіи этого, онъ продолжалъ свои ас-

трономическія наблюденія при помощи циркуля, единственнаго своего астрономическаго прибора.

Въ то время, науки и искусства не были въ большомъ почетѣ въ Даніи. Всѣ косо смотрѣли на то, что Тихо, членъ знатной фамиліи, занимается науками. Въ семьѣ по этому случаю происходили страшныя сцены. Его стыдили, что онъ унижаетъ свое сословіе. Только его дядя Стено поддерживалъ его противъ всѣхъ. Обиженный Тихо думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе уѣхать.

Въ апрѣлѣ 1566 г. онъ былъ уже въ Виттенбергѣ. Онъ хотѣлъ во всей подробности осмотрѣть этотъ городъ и остаться въ немъ до конца слѣдующей зимы. Но появилась какая-то эпидемическая болѣзнь, и Тихо принужденъ былъ переѣхать въ Ростокъ.

Занятія астрономіей не мѣшали ему посѣщать общество и предаваться развлеченіямъ и удовольствіямъ, приличнымъ его званію и состоянію. На одномъ изъ баловъ въ Ростокѣ случилось съ нимъ весьма непріятное происшествіе, слѣды котораго остались на всю жизнь. Онъ принужденъ былъ драться темной ночью на дуэли, и противникъ отрубилъ ему соблей носъ. Говорятъ, что они поссорились во время игры.

Это приключеніе было причиной того, что Тихо пересталъ посѣщать общество и окончательно рѣшился посвятить себя наукамъ.

Въ 1567 г., въ Ростокѣ, на берегу Балтійскаго моря, онъ наблюдалъ солнечное затмѣніе.

Тихо продолжалъ жить въ Ростокѣ, занимаясь астрономическими наблюденіями. Лѣтомъ онъ на время ѣздилъ въ Данію, но зимою возвращался въ Ростокъ. 14 января 1560 г., онъ написалъ слѣдующее письмо одному изъ своихъ копенгагенскихъ друзей:

„Сегодня я добылъ себѣ въ юридической коллегіи квартиру, удобную для астрономическихъ наблюденій; расположеніе ея мнѣ нравится и соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ. Тутъ, если Богу будетъ угодно, я проживу зиму; я такъ рѣшилъ. Что касается до того, что я стану дѣлать впослѣдствіи, то увидимъ еще. Господь одинъ можетъ предвидѣть, что должно случиться, а я слѣдую мудрому правилу, находящемуся въ этомъ старинномъ стихѣ: „Заботься о настоящемъ, предоставь Богу будущее“.

Въ томъ же письмѣ, Тихо даетъ понять, что его отъѣздъ изъ Копенгагена былъ обусловленъ причиной, тайну которой онъ повѣрилъ другу своему Альбургензену.

„Надѣюсь, говоритъ онъ ему, что ты вполнѣ сохранишь этотъ секретъ. Пусть никто не знаетъ и не подозрѣваетъ даже, отчего я страдаю; ни того, что случилось со мною въ отечествѣ и заставило меня уѣхать. Для меня очень важно, чтобы никто не зналъ, что я на что нибудь жалуюсь, и въ самомъ дѣлѣ мнѣ не на многихъ приходится жаловаться; ибо, въ отечествѣ, всѣ родственники и друзья оказали мнѣ пріемъ, далеко превосходящій мои достоинства, и которому одного только не доставало: небольшаго снисхожденія къ предмету моихъ занятій, которыми всѣ они остались недовольны".

Истинныя причины, заставившія Тихо разстаться съ семействомъ, причины, которыя онъ довѣрилъ своему другу съ просьбой хранить глубокое молчаніе, съ точностью не извѣстны. Изъ словъ Гассенди, можно только догадываться, что въ семействѣ ему пришлось перенести нѣсколько бурныхъ сценъ.

Въ 1569 г. онъ рѣшился сдѣлать путешествіе по Германіи. Мы не станемъ слѣдовать за нимъ въ разные города, которые онъ послѣдовательно посѣтилъ; не будемъ также подробно разсказывать о знакомствахъ, которыя онъ сдѣлалъ съ разными учеными астрономами, знаменитѣйшимъ изъ которыхъ былъ Вильгельмъ IV, ландграфъ гессенскій.

Аугсбургъ понравился ему больше другихъ городовъ, и онъ рѣшился пожить въ немъ нѣкоторое время. Онъ сблизился съ двумя братьями Гайнзеліосами, людьми почтенными, любителями астрономіи.

Давно уже ему хотѣлось построить снаряды, при помощи которыхъ можно бы лучше наблюдать небо, чѣмъ это дѣлали прежде. Найдя въ Аугсбургѣ ремесленниковъ, способныхъ съ строгой точностью исполнить, по даннымъ имъ рисункамъ, астрономическіе приборы, онъ озаботился этимъ. Замѣчательнѣе другихъ былъ небесный глобусъ, около шести футовъ въ діаметрѣ. Онъ стоилъ около тридцати тысячъ франковъ на нынѣшній счетъ.

Въ 1570 г., Петръ Рамусъ, знаменитый профессоръ, біографія котораго извѣстна уже читателю, посѣщая главнѣйшіе города Германіи, остановился въ Аугсбургѣ, и пожелалъ видѣть новые астрономическіе приборы, изобрѣтенные Тихо. Рамусъ съ восхи-

щеніемъ осматривалъ ихъ. Ему казалось почти невѣроятнымъ, что небесный глобусъ, несмотря на свою огромную величину, могъ быть построенъ такъ правильно, вѣрно и красиво. Онъ попросилъ Тихо дать ему описаніе устройства и употребленія его секстанта. „Но больше всего удивилъ его, говоритъ Гассенди, самъ Тихо, который былъ еще очень молодъ, а между тѣмъ показалъ такой большой талантъ“.

Уѣзжая въ 1570 г. изъ Аугсбурга, Тихо просилъ Павла Гайнзеліоса оставить у себя его квадрантъ и письмами сообщать ему о результатахъ наблюденій. Онъ подарилъ ему свой секстантъ и съ собою на дорогу взялъ только циркуль, который не трудно было перевозить. Онъ поручилъ ему на храненіе свой небесный глобусъ и отправился въ дорогу.

Посѣтивъ часть сѣверной Германіи, Тихо вернулся домой. Его семейство продолжало смотрѣть на его астрономическія занятія, какъ на преходящую фантазію. Дядя Стено опять заступался за него. Онъ чувствовалъ, что въ его племянникѣ есть нѣчто, предвѣщающее великую будущность, и формально объявилъ, что будетъ покровительствовать его трудамъ.

Домъ, въ которомъ жилъ тогда Стено, былъ прежде монастыремъ и лежалъ не далеко въ Кнудсторпа, полученнаго имъ отъ короны въ качествѣ фіефа. Онъ уступилъ Тихо всѣ комнаты, которыя показались ему удобнѣе для житья и занятій астрономіей.

Внѣ монастыря, и всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны, былъ небольшой домикъ, который превратили въ химическую лабораторію, ибо Тихо былъ страстный химикъ и нѣсколько алхимикъ, какъ всѣ въ его время. Тамъ были установлены химическіе печи и приборы. Добрый Стено объявилъ, что благодаря такому устройству, племянникъ его можетъ обнять въ своихъ занятіяхъ всю вселенную, наблюдая съ одной стороны всѣ небесныя тѣла, солнце, луну и проч., а съ другой изучая въ лабораторіи тѣла земныя, или такъ сказать *земныя звѣзды*, золото, серебро и другіе металы, которые тогда носили названіе *солнца*, *луны* и пр. Извѣстно, что на алхимическомъ языкѣ, металы называли солнцемъ, луною и пр., при чемъ согласовали значенія, приписываемыя металамъ, назы-

ваемымъ солнцемъ, луною и проч., съ значеніемъ, приписываемымъ планетамъ и другимъ звѣздамъ въ порядкѣ вселенной. Тогда думали, что между планетами и металами существуетъ близкое сродство. Отсюда считалось для астронома необходимымъ заниматься химическими работами, ради изученія природы и свойствъ металовъ.

11 ноября слѣдующаго года, Тихо, выйдя вечеромъ изъ лабораторіи и проходя ничтожное разстояніе до дома, гдѣ онъ обѣдалъ, взглянулъ на небо, и замѣтилъ въ созвѣздіи *Кассіопеи* — звѣзду, которую дотолѣ не видѣли. По своей величинѣ и блеску, звѣзда эта привлекла все его вниманіе. Такъ какъ онъ не видалъ подобной въ этомъ созвѣздіи, то, не смѣя повѣрить самому себѣ, онъ спрашивалъ слугъ и возчиковъ, которымъ часто приходилось ѣздить ночью, не замѣчали ли они прежде этой звѣзды. Всѣ объявили, что въ этой части неба, они не видали подобной. Тихо поспѣшилъ на свою обсерваторію, чтобы наблюдать вновьявившуюся звѣзду. Новая звѣзда 1572 года была наблюдаема всѣми европейскими астрономами.

Друзья Тихо просили его обнародовать ученую записку, составленную имъ о новой звѣздѣ. Онъ не соглашался, полагая, что званіе писателя будетъ компрометировать его достоинство, и что дворянину не идетъ заниматься подобными вещами, или публиковать ихъ. У Тихо всегда была эта необъяснимая гордость, заставлявшая его ставить происхожденіе выше умственныхъ работъ.

Между тѣмъ о новой звѣздѣ появились весьма неточныя и сбивчивыя замѣтки. Друзья Тихо стали сильнѣе настаивать, чтобы онъ напечаталъ свою. Его родственникъ Петръ Оксоніусъ, канцлеръ датской короны, первое лицо въ государствѣ, подалъ ему мысль напечатать книгу безъ имени. Тихо согласился на это и поручилъ своему другу Пратеусу напечатать сочиненіе.

Это сочиненіе доставило юному астроному весьма почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Г. Бернаръ [1]) говоритъ, что это

---

[1]) *Les fondateurs de l'astronomie moderne.*

сочиненіе есть смѣсь точныхъ наблюденій и ошибочныхъ мнѣній. Но это было первое сочиненіе Тихо Браге, и астрологическія мечтанія, портящія его сочиненія, были только отголоскомъ духа времени. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, астрономія и астрологія были тѣсно между собою связаны, а Тихо былъ болѣе другихъ способенъ увлекаться чудеснымъ.

8 декабря 1574, Тихо наблюдалъ въ Копенгагенѣ затмѣніе луны.

Его извѣстность, какъ астронома, росла по днямъ. Поэтому молодые придворные и воспитанники академіи обратились къ нему съ просьбою прочесть курсъ астрономіи. Онъ боялся уронить этимъ свое дворянское достоинство. Но самъ король выразилъ то же желаніе, и Тихо понялъ, что больше отказываться нельзя.

Онъ началъ читать лекціи зимою 1574 года. Стоитъ привести начало его вступительной рѣчи:

„Почтенные господа! и вы, юные студенты!—сказалъ Тихо Браге, всходя на каѳедру, меня просили не только нѣкоторые изъ васъ, но самъ нашъ свѣтлѣйшій король, изложить на публичныхъ собраніяхъ нѣкоторыя части математическихъ наукъ. Подобное дѣло мнѣ не за обычай, оно не соотвѣтствуетъ ни моему званію, ни моему рожденію, а зависитъ отъ слабости моей къ наукамъ. Но непозволительно противиться желанію, выраженному королевскимъ величествомъ, и я не хочу также отказывать въ исполненіи вами выраженнаго желанія. Съ юности, я почувствовалъ склонность и т. д.“

Въ этой рѣчи особенно совѣтуется изученіе математики, какъ основы всѣхъ другихъ наукъ. Тихо особенно рекомендуетъ тѣ части математики, которыя составляютъ какъ бы крылья астрономіи, а именно геометрію, ариѳметику, тригонометрію, а равно оптику, географію, механику и т. д.

Тихо Браге женился въ 1573 г. въ Копенгагенѣ. Онъ былъ женатъ на простой крестьянкѣ, по имени Христина. Въ семействѣ были очень недовольны этимъ, и не понимали, какъ это могло случиться. Но дѣло окажется не столь непонятнымъ, если предположить, что Христина была красавица, жила въ Кнудсторпѣ, и что сердце астронома-дворянина не было закрыто для любви. Притомъ Тихо Браге съ своимъ серебрянымъ носомъ врядъ ли могъ надѣяться на благосклонность придворныхъ дѣ-

вицъ. Какъ бы то ни было, Браге женился въ 1573 г., а въ 1574 у него родилась дочь Магдалина.

Въ 1575 г., окончивъ свои лекціи, онъ предпринялъ путешествіе по Германіи и Италіи. Но онъ не взялъ съ собою ни жены, ни дочери, потому что самъ не зналъ хорошенько, ни въ какія именно страны, ни по какой дорогѣ поѣдетъ онъ.

Онъ отправился въ Гессенъ, чтобъ посѣтить ландграфа Вильгельма. Этотъ государь чувствовалъ склонность къ астрономіи, и считался однимъ изъ искуснѣйшихъ наблюдателей звѣзднаго неба.

Тихо съ неподдѣльной радостью былъ принятъ въ Касселѣ. Вильгельмъ устроилъ обсерваторію на одной изъ башенъ. Они большую часть ночей проводили вмѣстѣ, занимаясь наблюденіями, а днемъ говорили о нихъ. Безъ сомнѣнія, у нихъ шла бесѣда о *новой звѣздѣ*, которую ландграфъ сталъ наблюдать 3-го декабря.

Тихо пробылъ у ландграфа около полуторы недѣли, живя съ нимъ на дружеской ногѣ, какъ у Вильгельма умерла дочь. Тихо, видя, что ландграфъ сильно груститъ, не считалъ удобнымъ оставаться дольше, чтобъ не стать помѣхой. Онъ уѣхалъ, не смѣя даже просить ландграфа о сообщеніи наблюденій надъ новою звѣздой.

Изъ Касселя онъ проѣхалъ во Франкфуртъ, гдѣ пробылъ нѣсколько времени. Затѣмъ онъ посѣтилъ главнѣйшіе города Швейцаріи, Франціи, Италіи и т. д. Мы не станемъ слѣдовать за нимъ въ этомъ долгомъ путешествіи. Желающіе могутъ прочесть это у Гассенди.

Тихо желалъ тайно вернуться въ отечество, дабы избѣжать посѣщеній знакомыхъ, которые помѣшали бы ему приняться за занятія. Онъ и не подозрѣвалъ сюрприза, который готовилъ ему король.

Ландграфъ гессенскій, принимая датскихъ пословъ, поручилъ имъ передать королю, что онъ обращаетъ его благосклонное вниманіе на человѣка, котораго геній способенъ возродить астрономію. Съ своей стороны, датскій король очень хорошо зналъ, какъ почитаются въ потомствѣ люди, занимающіеся наукой, и поступилъ согласно этому.

Тихо жилъ у себя въ Кнудсторпѣ, занимаясь своимъ дѣломъ, какъ однажды къ нему явились придворные и подали письмо короля. Король просилъ его явиться ко двору, какъ можно скорѣе.

Едва явился Тихо, какъ король обнялъ его и просилъ разсказать о всѣхъ своихъ работахъ. Онъ предложилъ ему въ полную собственность островъ Гуэно, лежащій въ Зундскомъ проливѣ, между Зеландіей и Сканіей. Король предложилъ Тихо этотъ островъ, какъ удобное для занятій астрономіей убѣжище, и взялъ на себя всѣ издержки по сооруженію зданія, постройкѣ машинъ и приборовъ, содержанію штата помощниковъ и чиновниковъ.

Островъ Гуэно имѣетъ двѣ мили въ окружности. Съ него во всѣ стороны открывается обширный видъ; на югъ его горизонтъ, кажется, сливается съ водами Балтики и долинами южной Сканіи. Внутри острова въ то время существовала небольшая деревенька съ сорока душами крестьянъ. На островѣ было много пастбищъ, рогатаго скота и водилось много дичи.

Замокъ, обсерваторія и различныя постройки, возведенныя на островѣ подъ руководствомъ Тихо, гармонировали съ щедростью, по истинѣ царской, Фридриха II,—щедростью, дотолѣ невиданной въ Европѣ.

Гассенди дѣлаетъ длинное описаніе астрономической обсерваторіи Тихо на островѣ Гуэно. Замокъ, обширный и высокій, былъ расположенъ въ четверти мили отъ моря. Въ немъ, кромѣ галлерей и обширныхъ аппартаментовъ, назначенныхъ для Тихо и его семейства, были обширныя помѣщенія для помощниковъ, служителей; кромѣ того, библіотека, типографія и химическая лабораторія. Кромѣ главной обсерваторіи, Тихо устроилъ въ саду, нѣсколько южнѣе, павильонъ, названный *Штернборгъ* (звѣздный замокъ) для дневныхъ наблюденій.

Тихо Браге истратилъ въУраніенборгѣ сто тысячъ экю своихъ собственныхъ денегъ, кромѣ суммы, пожертвованной королемъ. Ничто не было позабыто въ этомъ астрономическомъ дворцѣ, ни живописныя и скульптурныя украшенія, ни залы для пріема почетныхъ гостей, ни великолѣпные сады для прогулокъ. Это великолѣпное зданіе называлосьУраніенборгъ, или какъ называетъ его Гассенди, *Городъ Неба (Uranibürgum, hoc est coeli civitas)*.

Но датское названіе Ураніенборгъ вѣрнѣе перевести: *ЗамокъУраніи.*

Авторъ статьи *Браге*, въ *Biographie universelle* Мишо, говоритъ слѣдующее:

„Мы цѣлый годъ бродили по этой классической почвѣ мы разыскали бывшія стѣны Ураніенборга, которыя теперь обозначаются возвышеніями, образованными кирпичными обломками; стада пасутся теперь на этихъ останкахъ замка Ураніи. Немного дальше, на нивѣ, есть погребъ, который, говорятъ, принадлежитъ къ замку. Эти-то остатки послужили Пикару, посланному парижской академіей наукъ, для опредѣленія широты и долготы, подъ которыми лежалъ Ураніенборгъ. Садъ, принадлежащій къ фермѣ, построенной нѣсколько ниже мѣста, гдѣ находился замокъ, сохраняетъ еще слабые остатки своего былаго величія. Есть лугъ, который во времена Тихо былъ бассейномъ озера; видна небольшая бухточка, гдѣ стояли лодки для катанія. Это озеро наполнялось дождевой водою, которая собиралась въ десяти или двѣнадцати отдѣльныхъ резервуарахъ, въ разныхъ мѣстахъ острова; изъ озера вытекалъ ручей, силу теченія котораго Тихо, при помощи гидротехническихъ свѣдѣній, увеличилъ до того, что онъ приводилъ въ движеніе мельницу, которая, благодаря остроумнымъ приспособленіямъ, была мукомольной мельницей, бумажной фабрикой и кожевеннымъ заводомъ [1]).“

Ураніенборгъ, оконченный постройкою въ 1580 году, вскорѣ сталъ извѣстенъ во всей Европѣ. *Принцы и государи желали* видѣть его. Въ 1590 г., Яковъ VI, король шотландскій, провелъ въ немъ цѣлую недѣлю. Тихо сдѣлалъ лучшее изъ всѣхъ до того существовавшихъ собраній астрономическихъ инструментовъ, по большей части самимъ имъ изобрѣтенныхъ, или улучшенныхъ.

Въ этомъ безподобномъ замкѣ, Тихо Браге жилъ съ 1577 по 1597. Въ этотъ долгій періодъ, онъ не упустилъ ни одной ночи, удобной для наблюденій.

Датскій король Фридрихъ II умеръ въ 1588 г., и это было великимъ несчастіемъ для Тихо. Онъ боялся, и не безъ причины, что сынъ его и преемникъ Христіанъ IX не будетъ оказывать тоже покровительство наукамъ и то же благорасположеніе, какъ его благодѣтель Фридрихъ, въ продолженіе тринадцати лѣтъ. Но впрочемъ, онъ не могъ бояться со стороны юнаго монарха какихъ-либо немилостей, потому что Христіану IX было всего одиннадцать лѣтъ; онъ былъ еще несовершеннолѣтенъ, и управ-

---

[1]) *Biographie universelle*, MBN.

леніе государствомъ было поручено четыремъ старѣйшимъ членамъ государственнаго совѣта. Регенты, казалось, не хотѣли ничего измѣнять изъ учрежденій Фридриха II во время несовершеннолѣтія Христіана IX.

Итакъ, Тихо снова принялся за свои работы. Онъ написалъ сочиненіе о кометахъ, экземпляры котораго послалъ къ друзьямъ своимъ и извѣстнѣйшимъ математикамъ. Онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ ландграфомъ гессенскимъ и многими другими астрономами.

Четыре государственные совѣтника, въ числѣ которыхъ находился одинъ изъ лучшихъ друзей его, Николай Каасіусъ, канцлеръ королевства, подтвердили граматой съ королевскою печатью, полное и всецѣлое пользованіе привилегіями, полученными Тихо отъ Фридриха II. Ему, стало быть, по крайней мѣрѣ на время, нечего было бояться за свою обсерваторію, но опасность была впереди.

Въ 1591 г. Христіанъ былъ избранъ королемъ датскимъ. Онъ пожелалъ посѣтить островъ Гуэно, и отправился туда въ сопровожденіи трехъ регентовъ и свиты придворныхъ. Онъ весьма внимательно осмотрѣлъ замокъ, башни, галлереи, комнаты, а равно инструменты, и требовалъ безпрерывно отъ Тихо различныхъ объясненій.

Тихо, замѣтилъ, что королю больше всего нравится глобусъ изъ позолоченной мѣди, который, при помощи расположенныхъ внутри зубчатыхъ колесъ, изображалъ одновременныя движенія солнца и луны и т. п. Онъ поспѣшилъ поднести глобусъ королю съ просьбой, чтобы онъ былъ поставленъ въ его кабинетѣ. Король милостиво принялъ подарокъ и весьма берегъ его. Въ свою очередь, онъ подарилъ Тихо великолѣпную золотую цѣпь съ своимъ портретомъ.

Въ апрѣлѣ 1591 г. Тихо писалъ ландграфу гессенскому:

„Юный король нашъ внушаетъ мнѣ самыя лучшія надежды, какъ своей природной добротой, такъ и полученнымъ имъ воспитаніемъ. Все тихо при дворѣ, какъ и во времена регентства, потому что тѣже члены государственнаго совѣта, въ числѣ которыхъ и превосходный Каасіусъ, управляютъ королевствомъ. Если встрѣтится важное и трудное дѣло, выходящее изъ обиходнаго порядка, то его отсылаютъ на

разсмотрѣніе народнаго собранія, бывающаго ежегодно во время солнцестоянія. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока духъ короля не созрѣетъ съ годами".

Между тѣмъ, окружающіе юнаго короля придворные не переставали возбуждать его противъ нашего астронома. Исчисляли, умышленно преувеличивая, щедроты, которыми онъ былъ осыпанъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, и спрашивали, не безъ лукавства, точно ли услуги, имъ оказанныя, равны этимъ громаднымъ издержкамъ. Особенно напирали они на роскошь и высокомѣріе Тихо.

Многіе изъ придворныхъ не могли перенести мысли, что онъ столь долгое время пользуется громадными доходами и что его имя пронеслось по всей Европѣ, затмило славу другихъ. Литераторы, или претенденты на это званіе, негодовали, что всѣ пріѣзжающіе иностранцы за честь считаютъ увидѣть Тихо-Браге. Они, въ сравненіи съ знаменитымъ астрономомъ, казались ничтожествомъ. Даже врачи высказывали худо скрытую зависть, видя, что больные стекаются къ Тихо не только изъ различныхъ областей Даніи, но изъ другихъ странъ, и онъ лечитъ ихъ и даромъ раздаетъ лекарства.

Тихо былъ гордъ, какъ аристократъ, и его характеръ порою казался заносчивымъ. По рожденію и рангу онъ могъ обращаться съ важнѣйшими въ государствѣ лицами, какъ равный съ равными, и умѣлъ дать почувствовать, когда другіе забывали объ этомъ. Такимъ образомъ у него явились враги, которые изъ частныхъ случаевъ сдѣлали общее правило. Гассенди думаетъ, что Тихо порой былъ вспыльчивъ. Порою онъ говорилъ грубости и насмѣшки людямъ ниже его и не переносилъ ихъ отъ равныхъ себѣ. Нѣкоторые отрывки изъ его писемъ показываютъ, что онъ былъ слишкомъ привязанъ къ своимъ мнѣніямъ и не могъ терпѣливо выслушивать возраженія.

Особенно съ придворными обращался онъ небрежно и гордо. Напр., однажды брауншвейгскій герцогъ посѣтилъ его. Тихо великолѣпно принялъ его и устроилъ роскошный пиръ. Къ концу ужина, такъ какъ было уже поздно, герцогъ сказалъ, что хочетъ уѣхать. Тихо довольно неловко возразилъ противъ этого; герцогъ разгнѣвался, всталъ изъ-за стола и вышелъ, не простясь. Тихо

нѣкоторое время остался за столомъ, оскорбленный поступкомъ герцога. Впрочемъ, сожалѣя о случившемся, онъ побѣжалъ за гостемъ къ кораблю и, окликнувъ его, показалъ, въ знакъ примиренія, на кубокъ, который держалъ въ рукахъ. Герцогъ поглядѣлъ на него и продолжалъ идти; тогда Тихо повернулъ и пошелъ домой, не проводивъ его до корабля.

Такимъ-то образомъ нажилъ Тихо Браге враговъ между вельможами. Онъ навлекъ на себя гнѣвъ великаго дворецкаго Христіана IX, Валхандорпа, споромъ изъ-за пустой вещи. Разъ, великій дворецкій, будучи у него на островѣ, прибилъ одну изъ его охотничьихъ собакъ, которая укусила его. Тихо Браге и Валхандорпъ обмѣнялись по этому поводу оскорбительными словами и сильно поссорились.

Дѣйствительно, гордость Тихо порою выходила изъ предѣловъ, особенно относительно подчиненныхъ. Кеплеръ, призванный Тихо въ Прагу, въ качествѣ помощника астронома, едва пріѣхалъ туда, какъ написалъ своимъ друзьямъ:

„Тутъ все невѣрно; Тихо—человѣкъ, съ которымъ нельзя жить, не подвергаясь безпрерывно жестокимъ оскорбленіямъ. Жалованье прекрасное, но въ кассѣ пусто, и денегъ не платятъ. Г-жа Кеплеръ принуждена по флорину получать отъ Тихо“.

Кеплеръ слишкомъ чувствовалъ свои достоинства, чтобы спокойно выносить надменный тонъ, которымъ Тихо порою говорилъ съ подчиненными. Впрочемъ, Кеплеръ работалъ подъ его руководствомъ не въ Ураніенборгѣ, а въ Прагѣ, то-есть въ послѣдніе дни жизни Тихо Браге.

Тихо очень любилъ магію и кабалу; онъ пользовался ими, чтобы забавляться надъ жителями острова. У него было собраніе различныхъ автоматовъ, физическихъ и механическихъ приборовъ, которыми онъ пользовался, чтобы показывать магическія привидѣнія, которыя удивляютъ и порою даже пугаютъ невѣждъ. Ему ужасно нравилось смѣяться надъ суевѣріемъ крестьянъ, которые думали, что видѣли настоящихъ демоновъ. Его постоянное занятіе астрономіей доставило ему извѣстность предсказателя, и чтобы укрѣпить эту извѣстность, столь ему нравившуюся, онъ изумлялъ крестьянъ разными фантастическими фокусами. Подъ своей

спальной, въ комнатѣ, онъ расположилъ приборы, которые сообщались съ его комнатой, столовой, съ музеемъ обсерваторіи и производили дѣйствіе, подобное тому, какое показываютъ теперь, когда вызываютъ *духовъ*. Но надобно замѣтить, что хотя онъ и смѣялся надъ суевѣріемъ другихъ, онъ самъ былъ въ достаточной степени суевѣренъ и предразсудоченъ.

Копенгагенскіе придворные не замедлили воспользоваться всѣмъ этимъ противъ Тихо Браге. Королевскій канцлеръ и великій дворецкій, представляя королю объ истощеніи казны, выставляли на видъ, что необходимо уничтожить денежныя пособія, подъ разными предлогами, выдаваемыя современи Фридриха II, особенно на *пустяки (maxime vero in res nihili)*, какъ напримѣръ на астрономическій институтъ Тихо *(ut illum Tichonis)*. Тихо испытывалъ, особенно со стороны канцлера Христіана IX, непріятности, къ которымъ онъ былъ весьма чувствителенъ. Въ 1596 г., канцлеръ написалъ ему формально, что не можетъ просить у короля денегъ, необходимыхъ на содержаніе Ураніенборга. Что касается доходовъ, опредѣленныхъ на обсерваторіи, то король будетъ употреблять ихъ на собственныя надобности.

Тихо понялъ, что его скоро оставятъ на произволъ и что онъ лишится королевскаго покровительства, дозволявшаго ему въ продолженіе двадцати лѣтъ посвящать себя съ такой ревностью и честью астрономіи. Ради увеличенія важности и блеска ураніенборгскаго дворца, онъ истратилъ часть своего собственнаго состоянія; а остатками его онъ никакъ не могъ поддерживать обсерваторію. Мало заботясь о дѣлахъ своихъ, онъ не отдѣлялъ своихъ денегъ отъ получаемыхъ отъ короля, и мало-по-малу его состояніе перешло въ общее достояніе. Такимъ образомъ ему грозило полное разореніе.

Онъ рѣшился навсегда оставить Ураніенборгъ и островъ Гуэно, хотя онъ и былъ уступленъ покойнымъ королемъ пожизненно въ его собственность.

Онъ, впрочемъ рѣшилъ прожить въ немъ со всѣмъ семействомъ до конца слѣдующаго года. Въ ожиданіи, онъ купилъ въ Копенгагенѣ домъ, куда приказалъ перенести всѣ мелкіе и болѣе легкіе

инструменты, оставивъ только самые большіе и тяжелыя, стоявшіе въ павильонѣ Штернборгѣ. Онъ заперъ мебель въ своихъ комнатахъ до дальнѣйшаго распоряженія.

Увидѣвъ, что ему больше нельзя оставаться на островѣ Гуэно, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду и нанялъ корабль, который долженъ былъ отвезти къ болѣе гостепріимнымъ берегамъ всю ураніенборгскую колонію. Въ серединѣ лѣта 1597 года, онъ приказалъ нагрузить на корабль все, что только можно было сдвинуть съ мѣста; онъ взялъ съ собою не только жену, двухъ сыновей, четырехъ дочерей, женскую и мужскую прислугу, но большую часть учениковъ и служащихъ, которые желали слѣдовать за нимъ. Онъ увезъ съ собою то, что могло утѣшать его въ несчастіи, то есть всѣ инструменты и реестры наблюденій.

Они отправились въ Ростокъ, городъ, въ которомъ у Браге было много друзей еще со временъ его юности. Онъ поселился у правителя Голштиніи, герцога Ранцау, своего вѣрнаго и преданнаго друга, который предложилъ его колоніи самое великодушное гостепріимство. Тихо только на время поселился у герцога Ранцау.

Онъ, конечно, могъ бы найти убѣжище у царственнаго астронома ландграфа гессенъ-кассельскаго; но ландграфъ умеръ нѣсколько лѣтъ раньше, а сынъ его не питалъ никакого влеченія къ научнымъ занятіямъ.

Во главѣ германской имперіи стоялъ тогда истинный меценатъ науки: то былъ Рудольфъ II, который, въ продолженіе всего своего царствованія, не переставалъ отыскивать и ободрять людей, отличившихся въ наукахъ, и самъ съ честью занимался ими. По совѣту герцога Ранцау, и Тихо Браге написалъ императору. Онъ объяснилъ ему свое положеніе, и просилъ пристанища для себя и своей бродячей обсерваторіи. Къ своему письму онъ приложилъ рукописное сочиненіе *Объ орудіяхъ астрономическаго наблюденія*, которое посвятилъ ему, и каталогъ семисотъ звѣздъ.

Германскій императоръ съ радостью принялъ это письмо изгнаннаго астронома. Онъ поспѣшилъ ему отвѣтить, приглашая

немедленно пріѣхать къ себѣ. Тихо Браге прибылъ въ Прагу въ 1509 г.

Императоръ принялъ его не только, какъ прославившагося частнаго человѣка, но почти какъ государя, лишившагося своихъ владѣній. Онъ назначилъ ему значительное содержаніе и далъ на житье одинъ изъ трехъ замковъ по выбору самого Тихо, который взялъ замокъ Бонатенъ въ Чехіи.

Вскорѣ послѣ этого Браге просилъ у императора дозволенія переѣхать въ Прагу. Императоръ купилъ въ этомъ городѣ великолѣпный дворецъ, который былъ передѣланъ согласно желанію Тихо, и отданъ въ его распоряженіе.

Тихо Браге возстановилъ въ Прагѣ ураніенборгскую обсерваторію. Онъ размѣстилъ приборы и снаряды, и пригласилъ къ себѣ въ помощники извѣстнѣйшихъ астрономовъ: Мюллера, Фабриціуса, Кеплера. Этотъ послѣдній, преслѣдуемый штирійскими католиками, находился тогда въ самомъ затруднительномъ положеніи и былъ очень счастливъ, получивъ мѣсто въ пражской обсерваторіи.

Но этому новому учрежденію не суждено было прославиться. Новые помощники Тихо не отличались послушаніемъ, котораго онъ требовалъ отъ своихъ адъюнктовъ на островѣ Гуэно, и Кеплеръ былъ не такой человѣкъ, котораго можно бы сбить съ извѣстнаго пути посторонними внушеніями. Поэтому, въ пражской обсерваторіи не существовало такого порядка и дисциплины, какіе были въ ураніенборгской. Притомъ, Браге не могъ побороть чувства печали и огорченія, вслѣдствіе королевской немилости. Онъ не могъ привыкнуть къ изгнанію; усталый душевно, ослабѣвъ отъ всѣхъ несчастій, онъ не могъ уже работать по прежнему.

Случай, который прошелъ бы незамѣтно для другого, сдѣлался для него причиной болѣзни, быстро перешедшей въ смертельную. 13 октября 1601 г., обѣдая у одного изъ значительныхъ лицъ, онъ не осмѣлился встать изъ-за стола, хотя малая нужда сильно понуждала его къ этому. Придя домой, онъ почувствовалъ задержаніе мочи, а затѣмъ сдѣлалось воспаленіе мочеваго пузыря, сопровождаемое сильной лихорадкой.

Въ болѣзненномъ бреду, онъ безпрерывно повторялъ: *кажется, жизнь моя была не безполезна (Ne frustra vixisse videor).*

„Когда бредъ прошелъ, говоритъ Гассенди, къ нему возвратились всѣ умственныя способности; но четырехнедѣльная болѣзнь чрезмѣрно истощила его силы и ему, очевидно, оставалось жить только нѣсколько часовъ. Онъ самъ это чувствовалъ. Онъ говорилъ, что счастливъ, исполнивъ труды во славу Божію, и просилъ сыновей и зятя не растерять ни одного изъ нихъ и не сомнѣваться, что добрый императоръ возьметъ ихъ подъ свое покровительство. Онъ заклиналъ сыновей, зятя, учениковъ не прерывать ихъ трудовъ и занятій, а Кеплера—поспѣшить окончаніемъ таблицъ. Вспомнивъ, что Кеплеръ большой поклонникъ теоріи Коперника: „Такъ какъ мы приписываемъ, сказалъ онъ ему, ты—великое притяженіе солнцу, а я—самимъ планетамъ сильное стремленіе къ нему, прошу тебя, милый мой Іоаннъ, доказать по моей гипотезѣ всѣ вещи, которыя ты хочешь объяснить по гипотезѣ Коперника."

Тихо умеръ пятидесяти четырехъ лѣтъ, окруженный дѣтьми, учениками и друзьями. По Гассенди, одно время въ Даніи полагали, но совершенно ошибочно, что онъ былъ отравленъ врагами своими.

Императоръ германскій выразилъ глубокое сожалѣніе при *вѣсти* о смерти Тихо. Онъ приказалъ великолѣпно похоронить его въ Тыньскомъ соборѣ въ Прагѣ.

Тихо былъ средняго роста, скорѣе высокаго, чѣмъ низкаго. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ немного ожирѣлъ и располнѣлъ. Онъ былъ сильнаго тѣлосложенія, весьма дѣятеленъ, а потому мало подверженъ болѣзнямъ, и никогда не бывалъ сильно болѣнъ. Онъ никогда не страдалъ задержаніемъ мочи, кромѣ какъ передъ смертью. У него бывалъ только родъ мигрени, которая, по его словамъ, произошла отъ насморка, полученнаго во время наблюденій очень холодной ночью. Его щеки были яркаго краснаго цвѣта, волоса темножелтые съ легкою рыжеватостью.

Его портретъ былъ нѣсколько разъ обнародованъ. На портретѣ, приложенномъ къ Кеплеровымъ *Рудольфовымъ таблицамъ*, онъ изображенъ въ ночномъ платьѣ во время наблюденій. На головѣ у него что-то въ родѣ фригійскаго колпака, одѣтъ онъ въ греческій плащъ, или въ плащъ съ капюшономъ. Портретъ, прилагаемый при этой статьѣ,—снимокъ съ портрета, сдѣланнаго Гассенди для его латинской біографіи.

Что сталось съ Ураніенборгомъ по отъѣздѣ Тихо? Нѣкоторое время его посѣщали еще любопытные. Но вскорѣ на островѣ, служившемъ такимъ блестящимъ и роскошнымъ убѣжищемъ для наукъ, водворилась тишина и пустота. Островъ принялъ понемногу свой прежній видъ. Ураніенборгъ пришелъ въ запустѣніе, сталъ разваливаться; и рыбаки по частямъ растаскали матеріалы. Вѣкъ спустя, въ 1671 г., парижской академіи наукъ потребовалось узнать съ точностью, подъ какой широтой лежитъ Ураніенборгъ. Съ этой цѣлью Пикаръ былъ посланъ для опредѣленія, подобно тому какъ самъ Браге посылалъ геометровъ для точнаго опредѣленія положенія обсерваторіи Коперника въ Фрауенбургѣ. Но уже не существовало слѣдовъ замка Ураніи и пришлось дѣлать раскопки, чтобы отыскать фундаментъ.

II.

Мы дадимъ общій обзоръ астрономическихъ работъ Тихо Браге, а также покажемъ, какъ смотрѣли на нихъ *Гассенди, Бальи*, Монтукла, Деламбръ, Араго, Бертранъ и др. Мы остановимся только на главнѣйшихъ, оставя въ сторонѣ подробности, которыя, впрочемъ, составляютъ существенную часть работъ ураніенборгскаго астронома, потому что пришлось бы входить въ разсмотрѣніе вещей, слишкомъ спеціальныхъ для такого сочиненія, какъ настоящее.

Тихо весьма уважалъ Коперника. Это видно изъ его сочиненій и латинскихъ стиховъ, сочиненныхъ по случаю полученія деревянной линейки, грубо раздѣленной чернилами, которую Коперникъ употреблялъ при астрономическихъ наблюденіяхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не принялъ его системы. Какъ объяснить такое противорѣчіе? Тихо прекрасно видѣлъ, что распредѣленіе орбитъ небесныхъ тѣлъ, въ системѣ Птолемея, было ошибочно. Множество безполезно усложненныхъ орбитъ, огромное число орбитъ для объясненія запаздыванія планетъ и разницы ихъ аспектовъ относительно солнца, — все это казалось ему противнымъ, какъ началамъ математическимъ, такъ и законамъ природы. Но онъ не

былъ расположенъ также и въ пользу системы Коперника. Онъ боялся, говоритъ Гассенди, принять нелѣпость, предположивъ, что земля, эта тяжелая и инертная масса, столь неспособная къ движенію, тѣмъ не менѣе подвижна, одарена даже тройнымъ движеніемъ, и что она движется между другими планетами; „*все это,* говорилъ Тихо, *не только противно началамъ физики, но и началамъ богословія и священному писанію, ибо неподвижность земли нѣсколько разъ подтверждается священными текстами.*“

Гассенди прибавляетъ: „Тихо, разсмотрѣвъ все это и не будучи въ силахъ принять, сталъ создавать новую теорію, которая была бы изъята отъ всѣхъ этихъ несообразностей.“ Онъ обнародовалъ ее подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

„Новая гипотеза системы міра, недавно изобрѣтенная авторомъ, въ которой все въ совершенствѣ согласуется съ видимыми небесными явленіями, въ которой въ тоже время устранены и ошибочное расположеніе и чрезмѣрная сложность древней Птолемеевой системы, и физическая нелѣпость, проистекающая изъ движенія земли, въ недавней гипотезѣ Коперника.“

Гассенди приводитъ изображеніе системы, придуманной Тихо. Земля предполагается неподвижной въ центрѣ звѣздной сферы; луна и солнце движутся вокругъ нее; но планеты Меркурій, Венера, Марсъ и Сатурнъ обращаются вокругъ солнца, между тѣмъ, какъ эта звѣзда совершаетъ ежегодное вращеніе вокругъ солнца.

Современный Тихо астрономъ Урзусъ, авторъ одного, не лишеннаго достоинствъ, тригонометрическаго открытія, оспаривалъ у Тихо Браге честь изобрѣтенія этой системы [1]). Она, впрочемъ, далеко не удовлетворяетъ математически всѣмъ небеснымъ явленіямъ. Это просто остроумная фикція, нѣчто среднее между двумя противоположными системами Коперника и Птолемея. Это астрономическій эклектизмъ.

Тихо превосходно разработывалъ частности, но былъ лишенъ того систематическаго духа, безъ котораго значительное количество научнаго матеріала, трудолюбиво собраннаго при помощи опыта и наблюденія, оказывается безполезнымъ. Когда ему уда-

---

[1]) **Montucla,** ***Histoire des Mathématiques.***

валось получить точныя цифры, относительно правильнаго перемѣщенія небесныхъ тѣлъ, онъ больше ничего не желалъ. Тихо былъ весьма честный наблюдатель, но не имѣлъ правильнаго понятія о гармоническомъ соподчиненіи силъ природы.

Такъ Тихо не принималъ системы Коперника съ одной стороны потому, что „священныя книги подтверждаютъ неподвижность земли,“ а съ другой потому, что онъ боялся „предполагая, что нашъ шаръ, эта тяжелая, инертная масса, столь мало способная къ движенію, движется какъ другія планеты, — принять нелѣпыя по физикѣ предположенія“. Настоящая же причина, можетъ быть, заключалась вовсе не въ этомъ. Значительныя суммы, необходимыя для содержанія Ураніенборга, отпускались датскимъ правительствомъ. Могъ ли Тихо не компрометировать себя и въ тоже время правительство, ссорясь съ богословами и римскимъ дворомъ, когда и безъ того противъ него было вооружено датское дворянство? У него не было на это смѣлости. Притомъ, въ сущности, онъ не заботился о системѣ. Тщательно наблюдать, оставить своимъ преемникамъ превосходные каталоги звѣздъ— вотъ что было его дѣломъ, и въ этомъ у него нѣтъ *соперниковъ*.

Практическая астрономія многимъ обязана Тихо, и въ этомъ отношеніи особенно важно, что онъ, при помощи наблюденій, указалъ на явленія астрономическихъ рефракцій, и желалъ подчинить ихъ вычисленію. Онъ даже составилъ таблицы рефракцій.

Явленіе астрономическихъ рефракцій было давно извѣстно; о нихъ говорится въ сочиненіяхъ Птоломея, Альгазема, Рожера Бакона и др.; но дотолѣ не замѣчали ихъ необычайную важность относительно успѣховъ астрономіи. Тихо нашелъ, что горизонтальная рефракція равна отъ 30—40 минутъ, результатъ, на который надо смотрѣть намъ какъ на шагъ впередъ, если принять въ соображеніе время, когда онъ добытъ. Но датскій астрономъ ошибался въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, онъ предполагалъ, что солнечныя рефракціи больше, чѣмъ рефракціи неподвижныхъ звѣздъ; затѣмъ, принималъ, что первыя оканчиваются приблизительно при 45°, а вторыя при 20°. Оптическіе же законы научаютъ насъ, что рефракція должна простираться до зенита, и что математическія явленія тѣ же, происходитъ ли рефракція отъ

солнечнаго или звѣзднаго свѣта. Что касается до причины рефракціи, то онъ составилъ о ней сперва правильное понятіе и затѣмъ неправильно изложилъ ее въ своей *Astronomia Progymnasmata.*

При своихъ наблюденіяхъ, онъ принималъ въ разсчетъ рефракцію и солнечный параллаксъ.

Для наблюденій, которыя по числу и согласію между собою, выше всѣхъ сдѣланныхъ до него въ этомъ родѣ, онъ употреблялъ пять, или шесть различнаго рода приборовъ, тщательно сдѣланныхъ, которыхъ величиною, прочностью и точностью онъ хвалится. Такимъ образомъ, ему удалось вычислить истинную длину года въ 365 дней, 5 часовъ, 45 минутъ.

Тихо приписываетъ часть достоинства своихъ наблюденій превосходству своихъ приборовъ. Его преимущество состояло еще въ томъ, что онъ изобрѣталъ болѣе совершенные методы наблюденія, чѣмъ какіе были извѣстны его предшественникамъ. Совѣтъ ландграфа гессенскаго, у котораго были прекрасные для того времени инструменты, и у котораго кромѣ того было нѣсколько искусныхъ наблюдателей, были небезполезны для Тихо.

Знаменитая звѣзда, явившаяся въ созвѣздіи *Кассіопеи*, и которую съ великимъ тщаніемъ наблюдали всѣ тогдашніе астрономы, занимала всѣхъ европейскихъ ученыхъ. По этому случаю обратились къ трудамъ Иппарха, полагая, что во времена этого знаменитаго астронома также появилась новая звѣзда. Это внушило Тихо мысль обширнаго преобразованія астрономіи. По примѣру Иппарха, онъ желалъ составить новый каталогъ звѣздъ, и принялся за это дѣло тѣмъ съ бо́льшимъ жаромъ, что, обладая усовершенствованными методами и приборами, онъ имѣлъ надежду выполнить эту важную работу съ большей точностью, чѣмъ Иппархъ.

Послѣ наблюденій наклоненія эклиптики, онъ опредѣлилъ эксцентреситетъ солнца, дабы имѣть возможность въ каждую минуту вычислить положеніе этой звѣзды на небѣ. При помощи этого извѣстнаго мѣста и промежуточнаго наблюденія Венеры, онъ опредѣлилъ мѣсто нѣсколькихъ звѣздъ, положенія которыхъ помогли ему опредѣлить положеніе другихъ.

Такимъ образомъ, при помощи повторенныхъ наблюденій и огромной работы, онъ составилъ каталогъ семисотъ семидесяти семи звѣздъ. Ландграфъ предпринялъ ту же работу, но въ меньшемъ размѣрѣ и съ меньшей точностью. Въ его каталогѣ всего четыреста звѣздъ.

Тихо значительно улучшилъ теорію луны, которой сильно занимались еще древніе, особенно Иппархъ и Птолемей. Онъ сдѣлалъ три важныя открытія относительно движенія этого спутника.

Иппархъ и Птолемей замѣтили въ движеніяхъ луны два неравенства, одно изъ которыхъ равнялось 5° въ *сизигіяхъ* (такъ называютъ положеніе двухъ небесныхъ тѣлъ, когда они находятся на одной плоскости, проходящей черезъ центръ земли и перпендикулярно ея орбитѣ). Эти два небесныя тѣла могутъ тогда находиться въ *противостояніи* или въ *конъюнкціи*. Напримѣръ, если луна и земля въ этой плоскости, то онѣ въ *конъюнкціи*, смотря по тому находится ли земля между луною и солнцемъ, или луна между солнцемъ и землею. *Сидоническимъ* вращеніемъ называютъ продолжительность движенія луны относительно этихъ конъюнкцій съ солнцемъ. *Варъяція* есть увеличеніе, или уменьшеніе въ среднемъ движеніи луны относительно взаимныхъ положеній солнца, луны и земли. *Отклоненіе* (эвекція) есть измѣненіе, по которому кривая лунной орбиты приближается или удаляется отъ круга. *Квадратуры* суть аспекты 90°, подъ которыми намъ является луна, въ сизигіяхъ, относительно плоскости земной орбиты, перпендикулярной къ плоскости, въ которой находятся луна и земля.

Вторая неравномѣрность, замѣченная Иппархомъ и Птолемеемъ, присоединяется къ первой въ квадратурахъ и простирается до 7° 40′. Тихо открылъ третью, и самую большую, въ серединѣ промежутка, находящагося между новой или полной луной и квадратурой. Это новое открытіе, прибавленное къ извѣстному древнимъ.

Онъ сдѣлалъ еще открытіе. Двѣ точки пересѣченія лунной орбиты съ земною называются узлами. До Тихо было извѣстно движеніе узловъ, которое совершается по девятнадцать лѣтъ;

полагали, что оно равномѣрное и однообразное. Онъ замѣтилъ, что въ теченіе этого періодическаго вращенія, движеніе узловъ не всегда равномѣрно.

Полагали, что наклонъ лунной орбиты къ земной постоянно равенъ 5°. Онъ открылъ, что этотъ наклонъ перемѣняется; а именно нашелъ, что онъ равенъ 4° 58′ 30″ въ сизигіяхъ и 5° 17′ 30″ въ квадратурахъ, что даетъ среднее число въ 5° 8′. Онъ думалъ, что варіація узловъ и наклоненія, зависитъ единственно отъ движенія полюса лунной орбиты по небольшому кругу. „Но, говоритъ Бальи, какъ ни великъ Тихо, онъ яснѣе видѣлъ явленія, чѣмъ причины; онъ, кажется, вовсе не былъ одаренъ способностію обобщать идеи. Онъ принималъ разныя рефракціи для луны и солнца; равнымъ образомъ, *уравненіе времени* (неравенство дней) онъ принималъ за движенія солнца и луны“. Уравненіе времени происходитъ отъ неравномѣрности видимаго движенія солнца, отъ его косвеннаго, относительно экватора, хода, и почти всегда неровнаго по кругу, который управляетъ продолжительностью дней. Но ходъ солнца не измѣняется; движенія же луны то ускоряются, то запаздываютъ въ теченіе года. Но если Тихо порою ошибался на счетъ причинъ онъ удивительнымъ образомъ подмѣчалъ явленія. Въ своемъ большомъ сочиненіи *Astronomia Progymnasmata* онъ обнимаетъ почти всю астрономію.

Точностію, которую онъ ввелъ въ способъ наблюденія, и результатами своихъ наблюденій, Тихо Браге совершилъ настоящій переворотъ въ астрономіи.

Онъ весьма тщательно наблюдалъ одну комету; онъ долго слѣдилъ за ея ходомъ; онъ отыскивалъ, въ какой точкѣ и подъ какимъ угломъ путь, по которому она повидимому слѣдуетъ, пересѣчетъ земную орбиту [1]). Онъ взялъ ея параллаксъ и нашелъ, что онъ гораздо меньше луннаго. (*Параллаксомъ* называютъ уголъ, образуемый въ центрѣ звѣзды двумя линіями, проведенными: одна изъ центра земли, другая отъ какой нибудь точки ея поверхности). Наконецъ Тихо удалось доказать, въ против-

---

[1]) *Progymnasmata*, 2-я часть, стр. 14.

ность мнѣнію его современниковъ, что эта комета далеко не подлунная, а находилась въ гораздо высшей области.

Кеплеръ разсказываетъ, что Тихо, въ послѣдніе годы своей жизни, много занимался движеніемъ другихъ планетъ, но постоянно оставался недоволенъ этою частью своихъ работъ и не хотѣлъ ихъ обнародовать. Его гипотезы, относительно Марса, Юпитера и т. п., весьма напоминали придуманныя имъ для луны. Вокругъ солнца онъ предполагалъ эксцентрикъ, на окружное котораго вращался, по извѣстному закону, эпициклъ, по которому, въ свою очередь, вращался еще одинъ поменьше. И на этомъ-то послѣднемъ помѣщалась планета. Кеплеръ, формулируя свои три великіе астрономическіе закона, навсегда уничтожилъ эти сложные эпициклы и эксцентрики.

Но замѣчательнѣйшимъ памятникомъ работъ Тихо останется огромное число наблюденій, которыя онъ совершилъ въ продолженіе тридцати лѣтъ и которыя записаны въ его сочиненіяхъ.

„Каталогъ Тихо, говоритъ Араго, самая дѣйствительная заслуга на воспоминаніе ученыхъ всѣхъ временъ, содержитъ всего семьсотъ семьдесятъ семь звѣздъ; но семьсотъ семьдесятъ семь прямыхъ восхожденій и склоненій, находящихся въ немъ, были (несправедливо не замѣчать этого) результатомъ огромной работы исполненной въ продолженіе многихъ лѣтъ въ навсегда славной ураніенборской обсерваторіи [1]).

Вотъ, по Деламбру, списокъ напечатанныхъ сочиненій Тихо Браге:

De nova stella anni 1572. *De mundi ætherei recentioribus phenomena*, 1588. *Tychonis Brahæi apologia responsio ad cujusd.* etc. 1591. *Tichonis Brahæi, Dani, epistolæ astronomicae libri*, 1596. *Astronomiæ instrumenta mechanica*, 1570. *Astronomia Progymnasmata*, 1603. *Tichonis Brahaei, de discipulis mathematicis* etc., 1620. *Переводъ книги о кометахъ*, 1632.—*Tichonis Brahæi opera omnia*, 1648.—*Collectiones historiam cælestium*, 1657.—*Historiæ cælestiæ*, 1666.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

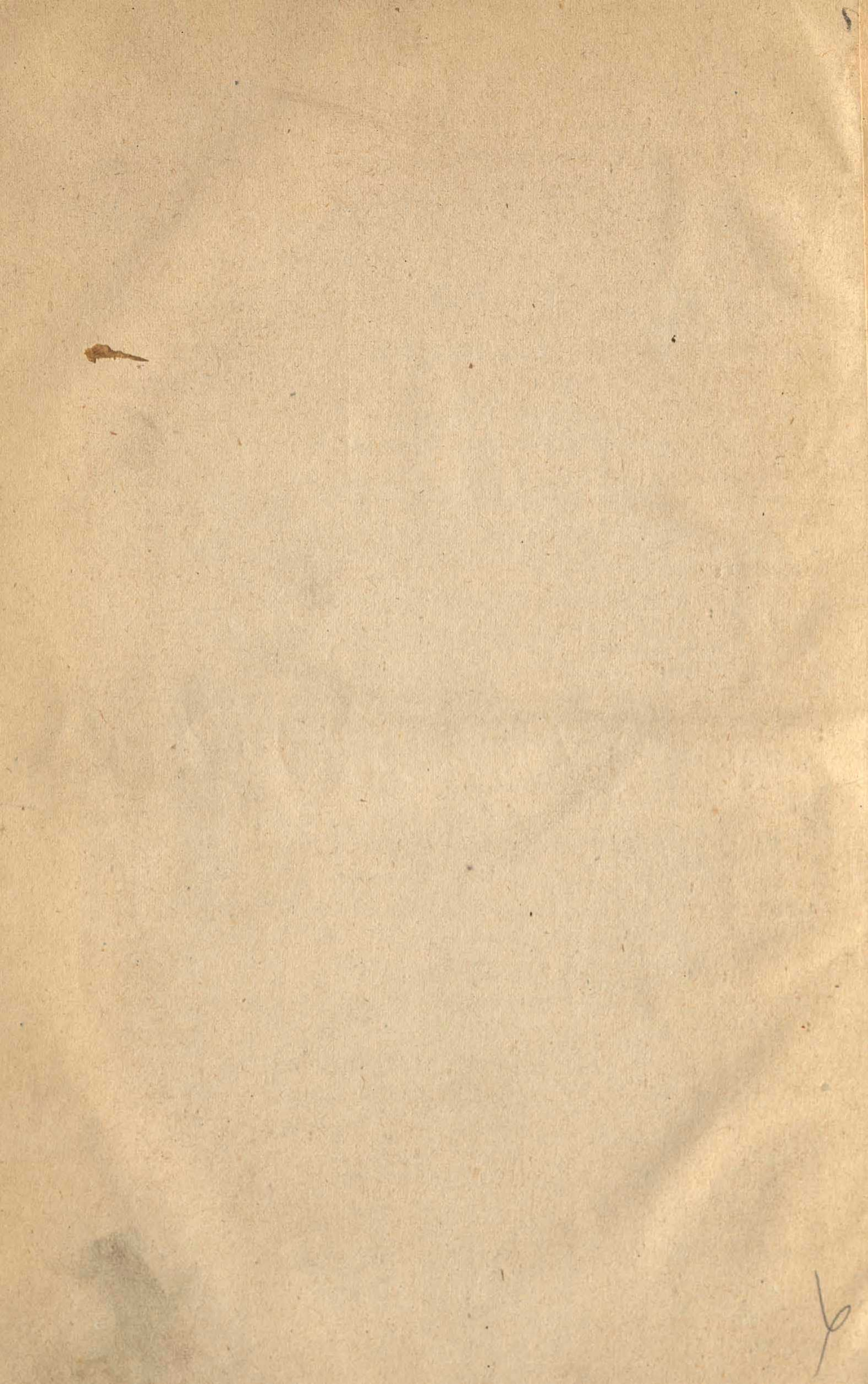
---

[1]) *Notices biographiques*, t. III.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Состояніе наукъ у арабовъ со взятія Александріи до XIII столѣтія	1
Геберъ	17
Авицена	22
Аверроесъ	29
Состояніе наукъ въ средневѣковой Европѣ	40
Альбертъ великій	70
Рожеръ Баконъ	90
Раймундъ Люллій	128
Іоганнъ Гутенбергъ, или изобрѣтеніе книгопечатанія	152
Фустъ и Шефферъ, или развитіе книгопечатанія	192
Христофоръ Колумбъ, или открытіе Америки	207
Америго Веспуцій	306
Состояніе наукъ въ Европѣ въ шестнадцатомъ столѣтіи	315
Парацельсъ	361
Рамусъ	399
Бернаръ Палисси	423
Іеронимъ Карданъ	461
Андрей Везаль	477
Николай Коперникъ	501
Тихо Браге	533

450 (Тихо Браге)

2007334432